

ПОЛНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЬЕТНАМА

НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ. ЧАСТЬ I
(1897 – 1975 ГГ.)

Том IV

Нет ничего дороже независимости и свободы!
Хо Ши Мин

ПОЛНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЬЕТНАМА

Том IV

Новейшее время. Часть I
(1897 – 1975 гг.)

Президиум
Российской Академии Наук
Москва, 2014

Редакторы тома

Docteur d'Etat es-Lettres et Sciences humaines Nguyễn Thế Anh.

Кандидат исторических наук О.В.НОВАКОВА

До распада СССР общепринятой датой отсчёта начала новейшего времени считался 1917 г., или год Великой Октябрьской Социалистической Революции. Однако после событий 1991 г. появилось множество иных точек зрения. Даже в советское время многие учёные понимали, что датировка начала новейшего времени 1917 г. достаточно условна и что оно должно датироваться периодом между последней третью XIX в. и первой третью XX в. Надо полагать, что для Вьетнама это дата окончательного оформления Индокитайского союза, или 1897 г., с которого и открывается «Том IV».

Завершается же этот том общепринятой датой конца первого периода новейшей истории Вьетнама, которой считается год объединения страны в результате победы над США. Однако эта датировка также достаточно спорна, так как эпоха войн завершается для Вьетнама лишь после освобождения Кампучии от полпотовского режима и победы во вьетнамо-китайской войне 1979 г.

УДК 93/94

ББК 63,3(3)

П 47

ISBN 978-5-4431-0052-4

© В.В.Познер, 2014

© П.В.Познер, 2014

ISBN 978-5-4431-0056-2

Авторы

Л.А.АНОСОВА: Часть III Глава 1, Глава 2.

С.А.БЛАГОВ: Часть II Глава 1; Часть IV Глава 3.

Г.М.ЛОКШИН: Часть II Глава 1, Глава 2.

Е.В.КОБЕЛЕВ: Часть I Глава 2.

Louis-Hénard Nicole: Часть IV Глава 1.

В.М.МАЗЫРИН: Часть III Глава 3.

Nguyễn Thế Anh: Часть IV Глава 1, Глава 3.

О.В.НОВАКОВА: Введение; Часть I Глава 1, Глава 2; Часть IV Глава 2; Заключение.

П.В.ПОЗНЕР: Введение; Заключение.

А.А.СОКОЛОВ: Часть IV, Глава 3.

М.А.СЮННЕРБЕРГ: Часть II Глава 1.

Т.Н.ФИЛИМОНОВА: Часть IV Глава 1.

П.Ю.ЦВЕТОВ: Часть I Глава 3.

Ступа заднего двора пагоды Небесной наставницы.
Хюе. 01.04.2011 г.

ВВЕДЕНИЕ

С исторической точки зрения 80 лет – это более чем короткий промежуток времени, но во вьетнамской истории 1897 – 1975 гг. занимают совершенно особое положение, которое стоит нескольких веков развития. При всей своей краткости они чётко делятся на три временных отрезка.

Во-первых, это период с 1893 по 1929 г., когда Вьетнам развивался в составе Индокитайского союза¹. То было время как попыток интеграции страны в зону влияния французской культуры и её социально-экономического развития по европейской модели, так и зарождения и постепенного расширения национально-освободительного движения.

Во-вторых, это 1930 – 1945 гг. Стержнем французской колониальной политики в тридцатые годы XX в. стала идея создания индокитайской федерации, в которой метрополия продолжала бы покровительствовать разноликим в культурном отношении народам Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. Несмотря на поддержку этой идеи со стороны части вьетнамской элиты, французские колониальные круги не сумели претворить ее в жизнь. Рост национально-освободительного движения, представители которого требовали полной независимости Вьетнама, Вторая мировая война и японская оккупация привели к краху колониального режима.

В этих условиях в годы войны во Вьетнаме на первый план вышло радикальное крыло освободительного движения, возглавленное коммунистами, сумевшими за этот период стать общепризнанными лидерами национально-освободительного движения во Вьетнаме, отодвинувшими на задний план и включившими в состав лиги Вьетминь практически все общественно-политические течения, существовавшие в стране в тот период. Этот успех вьетнамских коммунистов, привёл, как известно, к завоеванию независимости и провозглашению Демократической Республики Вьетнам¹.

¹ Далее – ДРВ.

В то же время колониальное присутствие Франции, несмотря на многие его негативные стороны и явления, способствовало сильным и разносторонним изменениям вьетнамского общества, его глубокой модернизации и в социальном плане в том числе. Сложились новые современные классы общества, в первую очередь европеизированная элита Вьетнама, хорошо осведомленная о путях и методах освободительной борьбы в странах Запада, о различных сторонах общественно-политической жизни этих стран. Будучи глубоко модернизированной, а главное – глубоко интегрированной в новые реалии колониальной системы, вьетнамская интеллектуальная элита не могла надеяться на реальную политическую власть. Нежелание колониальных властей назначать представителей элиты на какие-либо ответственные посты было очевидным. В результате такой политики Франции вьетнамская интеллектуальная элита не имела возможности сложиться как самостоятельная, обособленная от колониальной системы общность и выработать свою новую, отличную от традиционной систему ценностей, которая могла бы иметь широкое влияние. Поэтому она так и не смогла выступить в качестве самостоятельной общенациональной силы и консолидировать нацию, создав новую систему культурных и духовных ценностей взамен традиционных, дискредитировавших себя идеалов прошлого [517, с.272]. Однако это удалось тем представителям вьетнамской интеллигенции, которые были выходцами не из элитных, а массовых разночинных слоев, в первую очередь – Северного Вьетнама. Их лидером стал Нгуен Ай Куок¹. При этом, поскольку для большинства вьетнамской нации главная драма колониального завоевания состояла в утрате являвшейся наибольшей национальной ценностью независимости, он быстро приобрёл в глазах не только членов Коммунистической

¹ Нгуен Ай Куок: псевдоним Хо Ши Мина, который переводится как «Нгуен – Патриот».

партии Индокитай¹, но и широких народных масс харизму давно ожидаемого вождя.

Не будет преувеличением сказать, что весь колониальный период, особенно 1-ая половина XX в., был для всех вьетнамцев периодом поиска национальной идентичности, утраченной в результате колониального завоевания Францией, и, как следствие этого – крушением основных многовековых традиционных ценностей, связанных с монархией и её государственными и общественными институтами власти [519, с.230 – 258]. Опираясь на многовековую традицию массового коллективистского сознания и принципов уравнительного распределения, свойственные вьетнамской сельской общине (надо отметить, что этот социальный организм в наибольшей степени сохранился именно в Северном и Центральном Вьетнаме, где социальные дифференциации и противоречия общества были наименьшими), придав ей окраску марксистской идеологии, вьетнамские коммунисты возглавили в сороковых годах массовое антиколониальное движение, приведшее их к победе в условиях Второй мировой войны.

Что касается проблемы элит, то на примере Вьетнама можно проследить уникальную для восточного государства их смену, когда в колониальный период традиционная конфуцианская элита сменилась профранцузской, на смену которой пришла элита коммунистическая, зачастую игравшая в обществе в двадцатых – сороковых годах XX в. роль контрэлиты [517, с.272]. Необходимо также отметить, что в этой социально-идеологической трансформации вьетнамского общества практически отсутствовал религиозный элемент и религиозная мотивация.

Также необходимо отметить, что приблизительно с 1935 г. среди французских правящих кругов становится всё более популярной идея создания индокитайской федерации, в которой метрополия продолжала бы покровительствовать различным в культурном отношении народам Вьетнама,

¹ Далее – КПИК.

Камбоджи и Лаоса. Несмотря на поддержку этой идеи со стороны части вьетнамской элиты, французские колониальные круги не сумели претворить ее в жизнь. Рост национально-освободительного движения, представители которого требовали полной независимости Вьетнама, Вторая мировая война и японская оккупация привели к краху колониального режима Франции во Вьетнаме. Политическая инертность французских правящих кругов в сочетании с реакционностью «колонов» Кохинхины, которые не желали признавать изменения, произошедшие после войны в мире, обусловили упорную приверженность Франции к устаревшей к этому времени идее индокитайской федерации. В то же время все вьетнамские политические группы и партии полагали, что в конце войны правительство новой Франции наконец озвучит идеи политического переустройства Вьетнама.

Поэтому когда 3 июня 1944 г. Шарль де Голль в своём выступлении по «Радио Алжира», которое транслировалось через Калькутту на Вьетнам, огласил декларацию о создании временного правительства, которая принципиально ничего не меняла в колониальной политике Франции, она вызвала большое разочарование у всех участников вьетнамского национально-освободительного движения, особенно – его левого крыла. Напротив, созданная Хо Ши Мином в 1941 г. национальная лига Вьетминь, которая последовательно выдвигала лозунг независимости Вьетнама, находила полную поддержку среди широких народных масс, в том числе – интеллектуальной элиты Ханоя. Последствием непродуманной послевоенной политики Франции в отношении её бывших колоний стали осуждённые мировым сообществом и стоившие ей огромных потерь войны в Индокитае и Алжире.

На этом фоне небезынтересно сравнить послевоенную колониальную политику Англии в другой стране Индокитая – Бирме, вхождение которой в состав Британской Индии обусловило её причастность к серии прогрессивных реформ, проводившихся Англией в одном из «образцовых» британских колониальных владений. Эти реформы привели к высокой

степени институционализации и рационализации всех сфер жизни. Именно поэтому в целом более прогрессивная, чем предложенная Францией индокитайская федерация, идея Британского Содружества нашла живой отклик у целого ряда бирманских политических деятелей.

Таким образом, можно указать на то, что хотя Англия и была вынуждена предоставить Бирме независимость вне Британского Содружества, её политика не в пример французской была на завершающем этапе колониальной эпохи достаточно взвешенной и корректной, что позволило англичанам избежать колониальных войн и сохранить престиж в глазах своих бывших колоний².

Наконец, 1945 – 1975 гг. являются эпохой героической вооружённой борьбы вьетнамского народа за независимость. Войны с Францией и сменившими её Соединёнными Штатами Америки подробнейшим образом уже не раз анализировались и рассматривались политиками, общественными деятелями и учёными многих европейских и азиатских стран. Поэтому в данном «Введении» можно лишь указать на то, что первая привела к разделу Вьетнама на два государства по 17-ой параллели: ДРВ к северу от неё и Республику Вьетнам – к югу.

В связи со спецификой вьетнамской истории 1897 – 1945 гг. следует отметить, что именно она предопределила структуру настоящего тома, который, как и «Том I» «Полной академической истории Вьетнама», состоит из четырёх частей.

«Часть I» посвящена политической истории Демократической Республики Вьетнам, а временные границы трёх её глав совпадают с датами вышеприведённых периодов вьетнамской истории.

«Часть II» состоит из двух глав, в которых описываются события политической истории Республики Вьетнам, что на самом деле является первой попыткой дать им оценку в фундаментальном научном труде. Это оказалось возможным благодаря тому, что поскольку с момента окончания войны прошло уже достаточно много времени, доминировавший во вьетнамоведении эмоциональный подход к событиям 1956 –

1975 г. начал постепенно уступать место их рациональному научному анализу. При этом важно подчеркнуть, что эта тенденция прослеживается даже в исследованиях учёных Социалистической Республики Вьетнам¹, а не только в работах европейских и американских исследователей.

«Часть III» настоящего тома посвящена социально-экономической истории Вьетнама.

Наконец, в главах «Части IV» описывается культурное развитие Вьетнама с 1897 по 1975 г.

¹ Далее – СРВ.

ЧАСТЬ I

Вьетнам эпохи колониальной зависимости и Демократической Республики Вьетнам

Глава 1

Вьетнам в составе Индокитайского союза в 1893 – 1929 гг.

1. Вьетнам на рубеже веков (1893 – 1902 гг.)

К концу XIX в. раздел основных сфер влияния в Индокитае между европейскими державами завершился. В 1893 г. между Великобританией и Францией было достигнуто соглашение об образовании смешанной англо-французской комиссии, которая должна была установить границы между английской Бирмой и французским Лаосом. По соглашению 1896 г. Сиам был превращен в своего рода буферное государство между колониальными владениями Франции и Великобритании, а его северные и восточные районы по левому берегу Меконга, включая лаосские территории, вошли во французскую сферу влияния как демилитаризованная полоса, ширина которой составила восемьдесят километров [586, с.163]. Окончательное «умиротворение» Северного Вьетнама генерал-губернатором Жаном де Ланнесаном¹ и создание Индокитайского союза 17-го октября 1897 г. позволило колониальным кругам Франции приступить к проведению политики экономического «освоения» вновь завоёванных владений, которая воплотилась в реформах видного французского политического деятеля того времени генерал-губернатора Поля Думера¹. Сосредоточив всю полноту власти в своих руках, он осуществил на рубеже XIX и XX вв. целый ряд экономических, финансовых и административных реформ, в результате которых были созданы условия для привлечения частных французских инвестиций в различные отрасли колониальной экономики. Во многом П.Думер сумел добиться успеха благодаря

¹ О де Ланнесане и создании Индокитайского союза смотри «Параграф 2.5» и «Параграф 2.7» «Главы 4» «Части I» «Томы II».

крупному государственному займу¹ для создания шоссейных и железных дорог, портового и городского строительства, прежде всего – европейских кварталов с коммунальными службами в Ханое и Сайгоне, и другие элементы инфраструктуры. Общая сумма займов Франции Индокитаю к началу Первой мировой войны составила 514900000,00 золотых франков [1035, с.72].

Очевидно, что при таких вложениях метрополия стремилась максимально жёстко контролировать свою колонию. Поэтому деловые круги Парижа пытались урезать права администрации Индокитая на принятие ключевых решений, зарезервировав их за «центром», тогда как владевшая ситуацией на местах французская администрация в Тонкине, Аннаме и Кохинхине хотела добиться большей самостоятельности [1025, с.20]. Указанное противостояние Парижских властей и колониальной администрации во Вьетнаме стало неотъемлемой составной частью французской колониальной политики, что в значительной степени снижало её эффективность.

Вторым лицом после генерал-губернатора был генеральный секретарь Индокитайского союза, который возглавлял административный аппарат Союза и управлял его полицейскими органами [317, с.442, 443]. В результате реформ П.Думера, направленных на укрепление вертикали власти колониальной администрации, была создана система администрации французских резидентов в «странах» протектората – Аннаме и Тонкине, а в крупных городах – Сайгоне, Ханое и Хайфоне были созданы муниципальные советы. В 1897 г. в качестве совещательного органа при генерал-губернаторе был создан Высший совет Индокитая. В его состав входили французские верховные резиденты Аннама и Тонкина, губернатор Кохинхины, президент Колониального совета Кохинхины, главнокомандующие сухопутными и военно-морскими силами Индокитая, делегаты торговых и сельскохозяйственных палат Тонкина, Аннама, Кохинхины и

¹ П.Думер получил под обеспечение золотом двести миллионов франков.

Камбоджи, представители муниципалитетов Сайгона, Ханоя и Хайфона. Кроме того, при условии их лояльного отношения к колониальному режиму в него допускались два высших, назначаемых генерал-губернатором по представлению французской администрации вьетнамских чиновника [317, с.444, 445]. В результате этой реформы произошло отстранение местной вьетнамской элиты от власти и её переход в непосредственное подчинение французским властям. Декреты П.Думера от 1897 г. нанесли тяжёлый удар по престижу и самостоятельности вьетнамской монархии¹. Согласно их положениям, высшие исполнительные органы бывшей империи Дайнам – Тайный и Регентский советы – были объединены в Совет министров, который возглавлялся французским верховным резидентом Аннама [520, с.113; 1206, с.103]. В то же время Тонкин передавался под прямое управление французских колониальных властей, при этом должность вьетнамского «губернатора» была отменена, что являлось грубым нарушением основных пунктов договора о протекторате 1884 г. В 1898 и 1900 гг. в Тонкине и Аннаме были созданы для консультаций и предоставления подробной экономической информации центральным органам управления Советы протекторатов, состоявшие только из французов.

Этой реформой Поль Думер окончательно отстранил высшее вьетнамское чиновничество от управления страной, заменив предполагавшиеся договором 1884 г. о протекторате косвенное управление, прямым французским вмешательством во внутренние дела Вьетнама. Таким образом, исчезли последние даже формальные признаки протектората Тонкина. Безусловно, вьетнамский административный аппарат продолжал существовать на всех уровнях, особенно в уездах и волостях, однако число французских чиновников резко увеличилось и на местах, при этом они получили право распоряжаться финансами и взимать налоги. С конца XIX в. число французских чиновников неуклонно росло, а к 20-ым гг. XX в. в процентном отношении к численности вьетнамского

¹ Речь идет о декретах от 26-го июля и 27-го сентября 1897 г.

населения французский колониальный аппарат во много раз превосходил аналогичный английский в Индии¹. К таким последствиям привела политика «прямого управления» во французских колониях [520, с.114; 1206, с.103].

Поль Думер (22.03.1857 – 07.05.1932)

Не менее крупной административной реформой было объединение различных управлений и служб в Гражданские службы Индокитая [1213.1, с.103]. Отражавшие интересы крупной монополистической буржуазии, реформы П.Думера были направлены на то, чтобы перестроить систему управления Индокитайским союзом, превратив его администрацию в эффективный аппарат управления и

¹ Смотри «Параграф 2.7» «Главы 4» «Части I» «Томы III».

политического давления. Наибольшая роль среди Гражданских служб Индокитая отводилась созданному в 1898 г. Ведомству финансового контроля и налогов, которое в 1906 г. было преобразовано в Управление финансов. Также были созданы Управления таможен и общественных работ, почты и телеграфа, Географическая служба, а также Французская школа Дальнего Востока, сыгравшая огромную роль в изучении истории, культуры и лингвистики стран Индокитайского союза. Наконец, для экономического управления Тонкином, Аннамом и Камбоджей были учреждены смешанные торгово-сельскохозяйственные палаты. Комплектование французского колониального аппарата было поручено созданной в 1897 г. Службе по гражданским делам [520, с.114, 115; 758, с.35].

С генерал-губернаторством Поля Думера также связаны и важнейшие реформы в экономической сфере, например такие, как введение в 1897 г. монополии на алкоголь, опиум и соль, которые описываются в «Главе 1» «Части III» настоящего тома. В этой же главе речь идёт о возникновении различных отраслей промышленности, а также о структурных преобразованиях в сельском хозяйстве в результате инвестиций из метрополии, что привело к изменению социальной структуры общества.

2. Зарождение вьетнамского буржуазного национально-освободительного движения

На рубеже XIX и XX вв. в результате интенсивного влияния французской колониальной системы и серьёзных социально-экономических изменений во вьетнамском обществе начала активно развиваться новая буржуазно-националистическая идеология, отражавшая процесс пробуждения национального самосознания. Росту её влияния в среде патриотически настроенной вьетнамской интеллигенции и элиты способствовали многочисленные и значимые события, происходившие в мире. Распространение во Вьетнаме произведений китайских реформаторов Кан Ювэя и Лян Цичао, выступавших за модернизацию Китая

путем ряда реформ вплоть до установления в Китае нового государственного строя в виде конституционной монархии, модернизация Японии в результате реформ Мэйдзи и её победа над Россией в войне 1905 г., а также знакомство с трудами французских просветителей XVIII в. Дидро, Руссо и Монтескье¹ оказали решающее влияние на зарождение и распространение во Вьетнаме освободительного движения, носившего буржуазно-демократический характер.

2.1. Фан Бой Тяу и его роль в становлении буржуазного национально-освободительного движения

В начале XX века на политическую арену Вьетнама выходят носители новых идей. Будучи выходцами из слоёв традиционной конфуцианской элиты, они, тем не менее, прониклись идеями реформаторства и стремились изменить существовавшие во Вьетнаме основные социальные институты. На начальном этапе распространения идей реформаторства в среде вьетнамского образованного сословия произошло идейное размежевание. Так, в начале XX в. из конфуцианской элиты выделилась её обновлённая часть, которая действовала наряду с новой интеллигенцией, образовавшейся под влиянием модернизации и вестернизации вьетнамского общества периода классического колониализма². Необходимо отметить преемственность традиций этой частью элиты поведенческих моделей прошлого, где не было места идеям сотрудничества с завоевателем и использования преимуществ присутствия развитой западноевропейской державы.

Победа Японии над Россией в 1905 г. стала для всей Азии доказательством успехов модернизации страны после реформ эпохи Мейдзи. Престиж азиатского государства, одержавшего первую победу над европейцами силой оружия, был огромен. Путь социально-экономического развития

¹ Большая часть вьетнамской образованной элиты получила доступ к произведениям французских просветителей через переводы их произведений на иероглифику.

Японии привлекал внимание патриотов различных стран, в том числе и Вьетнама, где переходные группы вьетнамской элиты начала XX в. осознавали необходимость модернизации и активных действий для достижения независимости страны. В эпоху «пробуждения Азии» именно они возглавили новое по форме и содержанию национально-освободительное движение, которое опиралось на новый социальный слой вьетнамского общества, возникший в результате социально-экономических реформ Поля Думера, а именно – буржуазию, представленную в основном торговцами и мелкими предпринимателями. Большая часть этой элиты была представлена выходцами из семей конфуцианского образованного сословия, которое традиционно враждебно относилось к французской колониальной администрации и стремилось внести свой вклад в дело освобождения страны.

Идейным вдохновителем этой новой вьетнамской элиты стал Фан Бой Тяу¹. Он родился в семье учёных-конфуцианцев провинции Нгеан, где и стал первым лауреатом региональных конкурсных испытаний 1900 г. Его политические взгляды на рубеже XIX – XX вв. всё ещё отличались приверженностью идеалам монархии, что сближало его в тот период с деятелями движения конца XIX в. «Поддержим Короля». Фан Бой Тяу даже надеялся возродить это движение, чтобы прежними, традиционными методами борьбы добиться независимости Вьетнама [521, с.504, 505]. В 1902 – 1903 гг. Фан Бой Тяу совершил ряд поездок по стране, в ходе которых он установил связи с патриотически настроенными чиновниками и торговцами. Во время своей поездки на юг, Фан Бой Тяу также пытался установить контакты с духовными лидерами религиозных тайных сект и богатыми землевладельцами провинций Шадек и Кантхо. Иначе говоря, он занимался сплачиванием тех сил, которые находились в оппозиции французскому колониальному режиму, что даже с технической точки зрения было очень не простым делом в условиях полицейского надзора за всеми

¹ 1867 – 1940 гг.

перемещениями вьетнамцев, особенно – в случае их поездок из протектората в колонию. Один из ближайших соратников Фан Бой Тяу, бывший в своё время видным деятелем движения «Поддержим Короля», Нгуен Хам как-то в одной из бесед с ним сказал: «Нам нужны преданные люди, деньги и оружие. [Император, девиза правления] «Всеобщее соответствие»¹, сослан далеко за пределы страны, нынешний двор находится в руках французов. У нас есть только один представитель императорской семьи, который может возглавить борьбу – принц Кьонг Де. За таким человеком пойдёт весь народ, и тогда наше великое дело одержит победу» [1206, с.12, 13]. Фан Бой Тяу и сам был полностью согласен с этой оценкой.

Противопоставление прямого потомка первого императора династии Нгуен принца Кьонг Де императорам побочной ветви этой династии, посаженным на трон французскими властями, соответствовало традиционным представлениям вьетнамцев о легитимности верховной власти². Предполагалось, что принц Кьонг Де станет идеологическим лидером новой формы антиколониального движения, способным воодушевить народные массы. Поэтому уже в апреле 1904 г. он возглавил созданное по инициативе Фан Бой Тяу и его сторонников «Общество обновления Вьетнама»³, которое имело целью изгнание колонизаторов вооружённым путем и провозглашение конституционной монархии по японскому образцу [520, с.131]. Это была первая политическая организация Вьетнама, которая в идейном плане по-прежнему опиралась на монархическо-конфуцианские принципы, а её цели во многом совпадали с целями движения «Поддержим Короля». Однако после первой победы «азиатского оружия» в русско-японской войне 1905 г. вьетнамская патриотическая элита, в том числе Фан Бой Тяу, принц Кьонг Де и их сторонники,

¹ То есть Нгуен-фук Минь. Смотри «Главу 4» «Части I» «Тома III», а также «Таблицу №2» в «Томе VI».

² См. «Примечание 24» в «Комментарии» к «Главе 4» «Части I» «Тома III».

начала ориентироваться на Японию как на внешнюю силу, надеясь получить от нее политическую, финансовую и военную поддержку.

Фан Бой Тяу вместе с принцем Кьонг Де (справа). 1907 г.

Как известно, Фан Бой Тяу был автором множества литературно-публицистических произведений, сыгравших большую роль в процессе осмысления новой ситуации в стране многочисленными слоями мелкой буржуазии и интеллигенции Вьетнама. В частности, Фан Бой Тяу написал

«Советы молодым людям ехать учиться в Японию», после чего приступил к реализации своих «Советов». По его инициативе во Вьетнаме была создана сеть торговых обществ для финансирования учёбы вьетнамской молодёжи в Японии, известного под названием «Движение [на] Восток» [521, с. 508, 509; 1408, с.19]. Так в идейном арсенале Фан Бой Тяу наряду с традиционным тезисом «опоры на собственные силы» появился пункт о помощи извне от другой, более развитой в экономическом и военном отношении страны. По сути это была первая попытка как перенять успешный японский опыт всесторонней модернизации страны, так и расширения объёма получаемой извне информации, что в конечном счёте было связано с начавшимся процессом роста национального самосознания и идеологии национализма, протекавшим в начале XX в. во многих странах Востока⁴.

В феврале 1905 г. Фан Бой Тяу отправился в Японию. По пути он задержался в Гонконге, где, изучая британскую колониальную систему, сравнивал её с французской во Вьетнаме, заводил нужные знакомства и устанавливал связи с типографиями. В Японии Фан Бой Тяу познакомился в Йокогаме с главным редактором китайской газеты «Голос народа» Лян Цичао, настойчиво добивавшимся проведения реформ по модернизации Китая, а также с эмигрировавшим в Токио Кан Ювэем, который возглавлял там китайскую партию реформаторов [521, с.507, 508]. На Фан Бой Тяу произвели очень большое впечатление идеи Лян Цичао о том, что главным и первостепенным условием возрождения Вьетнама является подготовительная работа внутри его общества, которое путём социально-политических реформ и преобразований необходимо подготовить к модернизации страны и независимости. Лян Цичао также предупреждал своего вьетнамского собеседника также ряд соображений общеполитического плана, об опасности японского милитаризма и возможной войны между Германией и Францией в Европе, которая могло бы создать благоприятные условия для ликвидации колониального режима во Вьетнаме. При этом он советовал поддерживать

хорошие отношения с Японией, с тем чтобы, когда наступит момент, она стала одной из первых держав признавших независимое вьетнамское государство [314.1, с.54, 55]. Кроме того, Лян Цичао советовал сосредоточить усилия на том, чтобы, во-первых, постараться, выставив на всеобщее обозрение униженное положение Вьетнама, вызвать сочувствие и желание других стран оказать ему помощь, и, во-вторых, продолжить поощрение обучения вьетнамской молодежи за границей. Наконец, Лян Цичао обещал, что как только Китай немного окрепнет, он обязательно окажет Вьетнаму военную помощь.

Несмотря на то что Фан Бой Тяу традиционно полагал, что Вьетнам потерял независимость из-за политики «закрытых дверей», опоре исключительно на собственные силы, деятельности католических миссионеров и неспособности Срединного государства защитить своего, пусть и номинального, вассала, беседы с Лян Цичао расширили его политический горизонт знаниями о событиях, происходивших в мире. Однако несмотря на предупреждения Лян Цичао о необходимости осторожного отношения к японскому милитаризму, Фан Бой Тяу делал ставку именно на помощь Японии, так как выбора у него в то время не было, и, кроме того, сказались определённая наивность его политических взглядов в отношении «братьев по крови». Вопреки этой вполне объяснимой путанице взглядов Фан Бой Тяу, клеймя одном из своих программных произведений французскую колониальную политику с её налоговыми поборами и «выжиманием всех соков» из населения, приходит к выводу о том, что при должном усердии и самопожертвовании независимость вполне достижима [521, с.511].

Деятельность Фан Бой Тяу и «Общества обновления Вьетнама» по организации «Движения [на] Восток» была поддержана отдельными ведомствами вьетнамского императорского двора, некоторыми главами провинций и уездов, а также частью вьетнамских чиновников французской колониальной администрации и католическим

духовенством. С последними, которые не только поддержали движение, но и оказали ему материальную помощь, был тесно связан и принц Кыонг Де [521, с.510]. Большинство студентов, отправлявшихся на учебу в Японию, происходило из семей традиционной вьетнамской конфуцианской элиты, но среди них были и представители новых социальных слоёв общества, в числе которых можно назвать детей предпринимателей торговцев, интеллигенции и землевладельцев [520, с.131].

В 1906 г. принц Кыонг Де, к тому времени уже стоявший во главе «Общества обновления Вьетнама», был успешно переправлен в Японию. В Токио он встретился с несколькими японскими политическими деятелями. Они выразили готовность принять во внимание его просьбы, за исключением одной. Из-за того, что истощённая русско-японской войной Япония нуждалась в восстановлении сил и сохранении дружественных отношений с великими державами, японцы предложили Кыонг Де повременить с просьбой о военно-технической помощи, на которую принц так надеялся. Тогда в 1908 г. он посетил Сиам с целью создания там дополнительных очагов французского антиколониального движения. Однако вьетнамская диаспора в Сиаме была очень аморфной и, к тому же, в политическом и культурном плане она уже была оторвана от Вьетнама. Поэтому, разочаровавшись в возможности активной деятельности в Сиаме, принц вернулся в Японию.

В 1906 г. Японию нелегально посетил ещё один видный общественный деятель того времени Фан Тю Чинь¹, встретившийся там с Фан Бой Тяу. Под влиянием демократических, республиканских идей Фан Тю Чиня, считавшего главной задачей культурно-моральное обновление Вьетнама, Фан Бой Тяу резко изменил своё отношение к монархии. Он приходит к выводу о том, что причиной отсталости Вьетнама стала архаичность и консервативность структуры его монархии, которая не

¹ Подробно о Фан Тю Чине смотри ниже в следующем параграфе.

менялась на протяжении многих веков, пишет о необходимости народного просвещения и, в качестве примера, указывает на конституционный строй японской монархии [314.2, с.126 – 154; 1431, с.77].

Точно также претерпели изменение и взгляды Фан Бой Тяу на методы борьбы с колонизаторами. Так, наряду с призывом ехать учиться в Японию, он подчёркивает важность сопротивления налоговому гнѣту как наиболее эффективную тактику противостояния французским колонизаторам, для чего, с его точки зрения, необходимо народное единение. В 1907 г. в Гонконге Фан Бой Тяу написал эссе «Новый Вьетнам», которое по сути отражает восприятие им идей Фан Тю Чиня. В этом эссе рисуется идеалистическая картина будущего Вьетнама, в котором не будет колонизаторов и чиновников, грабящих народ, «дикие нравы и обычаи, варварские привычки и отсталые взгляды» уйдут в прошлое, будет существовать просвещение, созданное по японскому или европейскому образцам, никто не будет ущемлѣн в правах, а в стране будут действовать справедливые законы и налоги, поощряющие развитие предпринимательства и торговли.

По поводу государственного устройства взгляды Фан Бой Тяу изменились настолько, что он уже говорит о парламенте, ограничивающим власть императора и содействующим развитию гражданского общества [314.1, с.38 – 45].

3-го сентября 1907 г. под давлением французского генерал-губернатора от престола отрѣкся император Нгуен-фук Тиеу, а императором стал его пятый сын Нгуен-фук Хоанг, правивший под девизом «Сохранение обновления»¹. Этот малолетний император стал очередной марионеткой в руках французских колониальных властей, что было совершенно очевидно и вьетнамским патриотам.

¹ 1907 – 1915 гг. Смотри «Примечание 20» и «Примечание 3» в «Комментарии» к настоящей главе.

Император Свергнутый Нгуен-фук Хоанг.
Девиз правления «Сохранение обновления» (1907 – 1915 гг.)

В 1908 г. Фан Бой Тяу и принц Кыонг Де, стремясь к объединению всех народов Азии для борьбы против колонизаторов в странах Востока, создали в Токио совместно с китайскими, индийскими, корейскими и филиппинскими политическими эмигрантами-патриотами «Лигу Восточной Азии». Однако в том же году в ответ на просьбу Японии о финансовом займе для покрытия расходов, понесённых в русско-японской войне, французское правительство поставило условием его выдачи высылку всех вьетнамских учащихся⁵. Поэтому после подписания франко-японского соглашения 1908 г., по которому японская сторона обязалась уважать особые территориальные интересы Франции в Южном Китае и во Вьетнаме, Фан Бой Тяу вместе с принцем Кыонг Де был вынужден спешно покинуть Японию [520, с.132].

Период 1907 - 1909 гг. стал вторым переломным моментом в эволюции политических взглядов Фан Бой Тяу, который испытал глубокое разочарование в Японии. Перед ним встала проблема создания нового центра освободительного движения. Исходя из того что в Таиланде¹ был монархический строй и, следовательно, там должны быть сильны настроения в пользу восстановления независимой монархии во Вьетнаме, а также из того, что в нём проживала большая, прогрессивно настроенная пятнадцатитысячная колония вьетнамцев, он останавливает свой выбор на этой стране [314.2, с.117]. Поэтому, прибыв в Бангкок и получив аудиенцию у короля, Фан Бой Тяу обратился с просьбой о содействии в покупке оружия и доставке его во Вьетнам. Однако, опасаясь осложнений с Парижем, правительство Таиланда ему отказало [314.1, с.81]. Тем не менее Фан Бой Тяу был вынужден остаться в Таиланде и занялся литературной деятельностью. Так, он пишет произведение, посвященное легендарным сёстрам

¹ Таиланд, то есть Сиам, который с этого момента будет указываться в тексте под своим современным названием.

Чынг¹, в котором проводит параллель между историческим прошлым и настоящим Вьетнама, отмечая при этом роль женщин в борьбе против завоевателей [1102, с.152, 153]⁶. В этот период главный соратник Фан Бой Тяу принц Кыонг Де также посетил в поисках источников финансирования антифранцузской деятельности и нужных знакомств Таиланд, а затем и Гонконг. При этом он отметил, что хотя в целом положение несколько улучшилось по сравнению с тем, что он видел во время своего визита двухлетней давности, вьетнамская диаспора в Таиланде по-прежнему слабо организована [1205, с.47].

В 1911 г. произошло событие, всколыхнувшее весь азиатский мир: в Китае произошла Синхайская революция, в результате которой был свергнут последний император династии и провозглашена Китайская Республика. В декабре того же года Фан Бой Тяу, который восхищался успехами китайской революции и был уверен, что республиканское правительство Китая отныне не будет коррумпированным и в своём противодействии европейским державам возьмёт за образец Японию, приезжает в Гуандун.

С этого момента главным внешнеполитическим ориентиром Фан Бой Тяу становится Китай, а его монархические убеждения уступают место республиканским идеям Сунь Ятсена, со сторонниками которого у вьетнамских патриотов появилась давно ожидаемая возможность наладить тесные контакты. Вскоре в Гуанчжоу начали собираться активисты «Общества обновления Вьетнама», и в феврале 1912 г. там была проведена конференция, на которой приняли решение о его упразднении и о создании новой организации под названием «Общество возрождения Вьетнама». Её председателем и генеральным секретарем были избраны принц Кыонг Де и Фан Бой Тяу. Программными задачами «Общества» стали

¹ О сёстрах Чынг смотри «Главу 4» «Части I» «Тома I», а о литературном творчестве Фан Бой Тяу смотри посвящённый литературе раздел настоящего тома.

«...изгнание французских колонизаторов, восстановление независимости Вьетнама и установление демократической республики» [520, с.141]. Очевидно, что задача учреждения республики была сформулирована под влиянием идей Сунь Ятсена. Предполагалось, что её президентом будет избран принц Кыюнг Де, а вице-президентом с совмещением должности министра иностранных дел – Фан Бой Тяу [1484, с.133]. Был у «Общества возрождения Вьетнама» и свой флаг в виде полотнища жёлтого цвета с пятью красными звездами.

В 1912 г. Фан Бой Тяу отправился в Нанкин для встречи с Сунь Ятсеном, во время которой была достигнута договорённость о направлении вьетнамских студентов на учёбу в китайские военные академии. Их успешное обучение способствовало созданию первых вьетнамских отрядов планируемой Фан Бой Тяу «Армии Возрождения». В это время китайские власти оказывали «Обществу возрождения Вьетнама» значительную материальную поддержку, благодаря которой Фан Бой Тяу выпустил ряд прокламаций, клеймящих династию Нгуен и призывавших к революции и установлению демократической республики во Вьетнаме. Тогда же по инициативе Фан Бой Тяу в Гуандуне создали отдельную китайско-вьетнамскую революционную организацию, которая известна под названием «Обновление Китая – путь процветания Азии» [314, с.83]⁷.

Считая терроризм допустимым методом борьбы, члены «Общества возрождения Вьетнама» осуществили ряд террористических актов против французов. Так, в ноябре 1912 г. его боевая группа во главе с Нгуен Хай Тханом совершила неудачное покушение на генерал-губернатора Индокитая Альбера Сарро. В результате другого покушения убили начальника одного из уездов провинции Тхайбинь. Наконец, в апреле 1913 г. была брошена бомба в гостиницу «Ханой», в результате чего было убито и ранено несколько французских военнослужащих [521, с.553]. Ответом стали репрессии французских колониальных властей, повлекшие за собой арест многих членов «Общества».

Поражение Синьхайской революции в 1913 г. привело к крушению надежд Фан Бой Тяу на помощь Китая в антиколониальной борьбе против Франции. Более того, французские колониальные власти заключили договор с пришедшими к власти китайскими милитаристами о пресечении его деятельности, и в декабре 1913 г. Фан Бой Тяу был арестован в Кантоне. Находясь в заключении, Фан Бой Тяу продолжал вести переписку с оставшимися на свободе активистами «Общества», которые, советуя ему искать поддержку у Германии, подробно описывали её военные успехи на начальном этапе Первой мировой войны. Представители «Общества возрождения Вьетнама» даже вели переговоры с германским консулом в Бангкоке и в Шанхае с целью получения военной и финансовой помощи. Однако к моменту выхода Фан Бой Тяу на свободу в 1917 г. ситуация изменилась. Скорая победа стран Антанты была уже очевидна, а потому ориентация на Германию стала бессмысленной.

В условиях усиления позиций Франции как одной из стран-победительниц в Первой мировой войне во Вьетнаме стало распространяться реформаторское движение с целью установления франко-вьетнамского диалога, при этом Фан Бой Тяу попытался наладить отношения с французскими властями. Так, в 1918 г. он направил генерал-губернатору Индокитая письмо «О франко-вьетнамском согласии», подчеркивая, что оно нужно как французам, так и вьетнамцам. Фан Бой Тяу писал в этом письме о том, что перед лицом перманентно возраставшей угрозы со стороны японского милитаризма французы должны видеть во вьетнамцах не рабов, а союзников. Пытаясь принять франко-вьетнамское сотрудничество, он даже лично встретился с представителем генерал-губернатора Индокитайского союза. Однако никаких других шагов в этом направлении Фан Бой Тяу больше не делал и впоследствии даже старался не упоминать о своём порыве договориться по-хорошему с колонизаторами.

В 1920 г. после Октябрьской революции 1917 г. в

России, получившей огромный резонанс в Азии. Фан Бой Тяу знакомится в японских и китайских переводах с основными положениями коммунистического учения, а несколько позднее – с работами В.И.Ленина и Л.Д.Троцкого, что побудило его написать в 1924 г. эссе. Из этой работы, в которой формулируется идея вьетнамской социальной революции рабочих и крестьян под руководством представителей элиты, следует, что Фан Бой Тяу так и не смог до конца осознать суть Октябрьской революции.

Тем не менее в 1925 г. Фан Бой Тяу отправился в Кантон для встречи с Нгуен Ай Куоком,¹ с которым у него состоялось несколько бесед, но они ни к чему не привели. Вскоре Фан Бой Тяу был арестован французскими властями в Шанхае и переправлен в г.Хайфон, где в ноябре 1925 г. французский суд приговорил его к смертной казни. Однако благодаря амнистии, объявленной новым генерал-губернатором Индокитайского союза социалистом А.Варенном, смертный приговор был заменён пожизненным домашним арестом с предписанием проживать под полицейским надзором в Хюе.

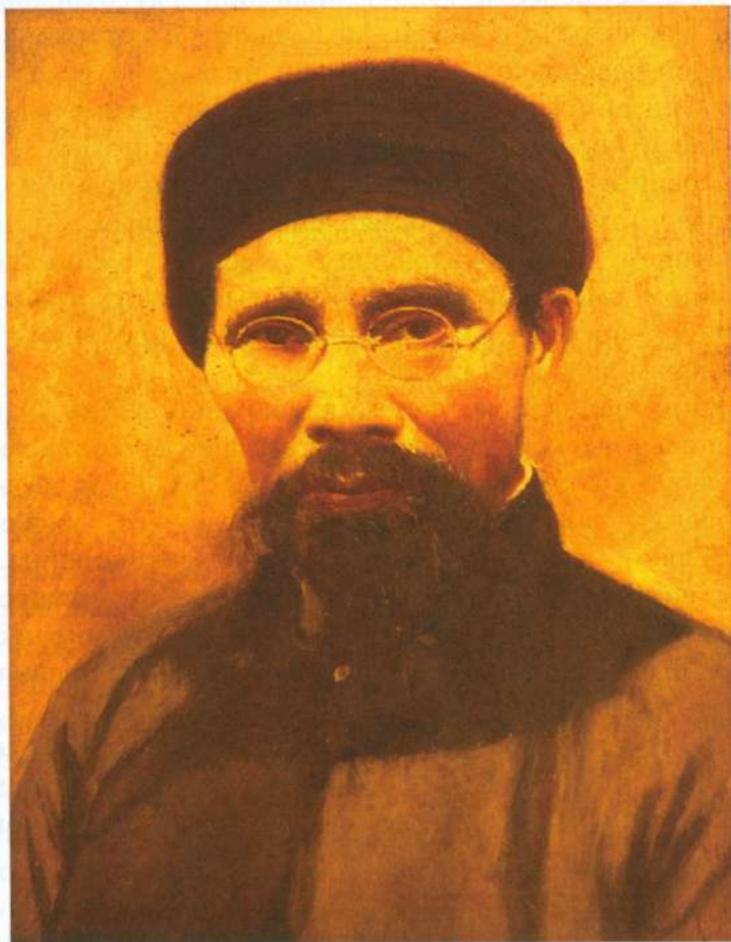
За пятнадцать лет своего пребывания в Хюе Фан Бой Тяу написал несколько работ биографического характера, описывающих события его жизни по 1925 г. Судя по всему, он полагал, что последующие годы его жизни не представляют интереса для истории антиколониальной борьбы во Вьетнаме. Многие из этих работ обращены к молодому поколению вьетнамцев, которому, по мнению Фан Бой Тяу, его личный опыт мог бы помочь найти правильный путь борьбы за свободу и независимость.

В то же время, отмечая патриотизм молодого поколения, Фан Бой Тяу удивлялся, что вьетнамская молодёжь XX в. мало ощущает связь с традициями прошлых

¹ Нгуен Ай Куок – это один из псевдонимов Хо Ши Мина, который может быть переведён на русский язык как «Нгуен – Патриот». Существует точка зрения, согласно которой Фан Бой Тяу должен был встретиться в Кантоне с советским советником Сунь Ятсена М.М.Бородиным.

поколений. Видимо, по этой причине он выступил 17-го марта 1926 г. перед преподавателями и учащимися государственного колледжа и императорской школы «Всеобщего торжества» с речью, проникнутой глубоким уважением к истории, культуре и народу Вьетнама⁸. Однако это уже была «просветительская» речь, не нёсшая слушателям ничего нового с идеологической точки зрения.

Последняя из известных на сегодняшний день «биографических» работ Фан Бой Тяу датируется 1937 г.

Фан Бой Тяу (26.12.1867 – 29.10.1940).
Музей Истории Вьетнама. Ханой. 18.04.2011 г.

Надо полагать, что физическое и моральное истощение, усугублённое арестом и смертным приговором, превратило активного борца за независимость в пассивного созерцателя бурных политических событий, которыми изобилдовал период вьетнамской истории вплоть до кончины Фан Бой Тяу в 1940 г.

2.2. Движение за социальные реформы в Тонкине и просветительская «Школа Восточной столицы»¹

Другим направлением национально-освободительной борьбы стало движение за республику и социальные реформы во Вьетнаме против монархии и её чиновничьего аппарата. Это было связано с тем, что в то время передовая вьетнамская образованная элита начала осознавать необходимость дополнения традиционного конфуцианского образования новыми современными прогрессивными знаниями как западных, так и восточных стран. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что в начале XX в. за модернизацию политической культуры выступали представители всё той же конфуцианской элиты Центрального Вьетнама, которые получили наряду с конфуцианским уже и европейское образование. Вероятно, это было связано с тем, что в Центральном Вьетнаме, в частности в его южной провинции Куангнам, издавна были развиты торговые отношения со странами Запада. Это был наиболее восприимчивый к современным идеям слой вьетнамской традиционной элиты, пытавшейся через модернизацию на основе национальной политической культуры найти новый путь политического развития Вьетнама [520, с.70]. Идейным вдохновителем этого движения, известного под названием «Обновление», стал выдающийся вьетнамский общественный деятель Фан Тю Чинь, а его ближайшими сподвижниками были Хюинь Тхук Кханг и Чан Кюи Кап⁹. О его сути уже достаточно много

¹ Восточная столица: одно из наименований Ханоя в конце правления династии Ле и в правление династии Нгуен. Смотри «Том III».

было сказано в предыдущем параграфе в связи с Фан Бой Тяу и «Обществом обновления Вьетнама».

Фан Тю Чинь и его сторонники начали свою деятельность с создания в различных уездах провинции Куангнам просветительских центров по распространению новых идей [1401, с.58]. Затем их деятельность из Центрального Вьетнама распространилась на Северный Вьетнам, а впоследствии движение «Обновления» охватило всю страну. В Сайгоне наиболее известным стало «Общество нового учения», а в Тонкине – просветительская «Школа Восточной столицы». Созданная под влиянием идей Фан Тю Чиня и его единомышленников Лыонг Ван Кана, Нгуен Кюена и Зыонг Ба Чака, она стала одним из важнейших просветительских центров Вьетнама, вокруг которого группировались сторонники идеи «Обновления». Официальное открытие «Школы» состоялось в 1907 г. в Ханое. В её программном документе, озаглавленном «Новое учение о цивилизации», указывались основные причины отсталости Вьетнама, которые, по мнению его авторов, заключались в многовековой приверженности устаревшим конфуцианским принципам государственного устройства и управления, традиционном преклонении перед властью и ориентации на прошлое. В нём также говорилось о необходимости обогащения новыми знаниями традиционной системы конфуцианского образования, о переходе с иероглифики на латиницу, пересмотре учебной литературы, составлении новых современных учебных программ и реформировании системы конкурсных экзаменов. Иными словами, в этом своеобразном манифесте речь шла как о дополнении традиционного конфуцианского образования западными знаниями, так и о том, чтобы позволить конкурсантам свободно обсуждать изучаемые ими предметы [614, с.127 – 129]. Однако при этом обучение учеников должно было осуществляться исключительно вьетнамскими учёными и преподавателями с использованием научных достижений Франции как передовой западноевропейской державы. В то же время, с точки зрения авторов этой

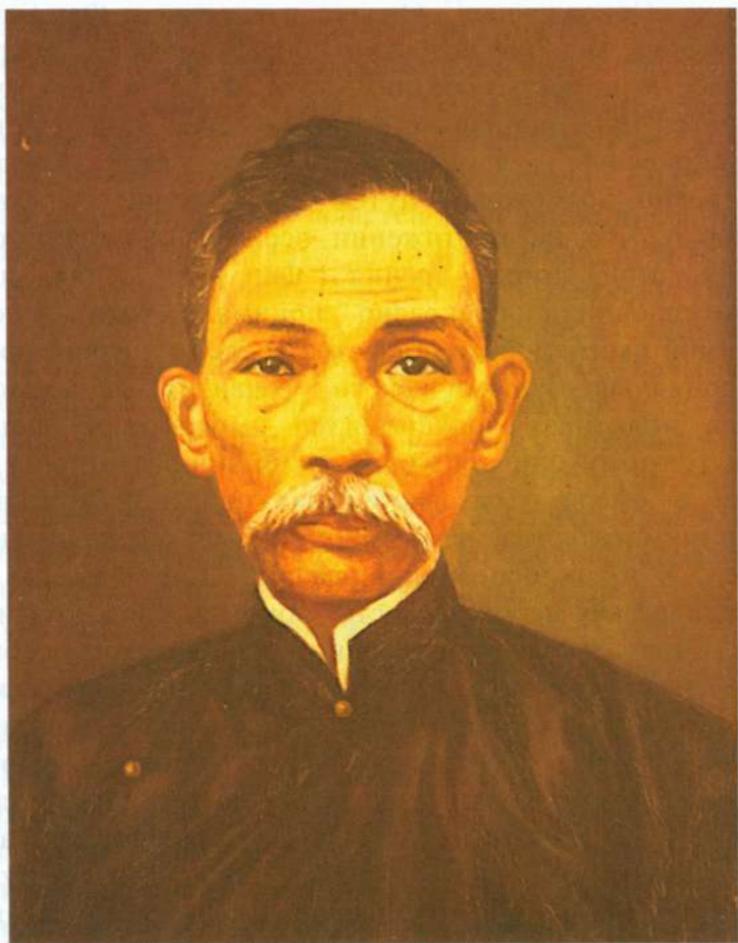
программы-манифеста, «новая цивилизация» будущего Вьетнама не предусматривала участия в её создании представителей Франции. Это было связано с тем, что для части вьетнамской элиты наиболее привлекательными в западной политической культуре были идеи равенства, справедливости и демократии при условии сохранения в обществе традиционной социальной иерархии. По сути, речь шла о включении заимствованных моделей, институтов и концепций в конфуцианскую структуру организации общества, наполнив его новым содержанием и объединив тем самым элементы западной и восточноазиатской цивилизаций. Таким образом, эта «новая цивилизация» на самом деле предполагала «конфуцианскую модернизацию», которая должна была составить антитезу «колониаторской модернизации», проводившейся французскими властями. [371, с.15, 16].

В «Школе Восточной столицы» училось пятьсот человек, как детей школьного возраста, так и взрослых. Обучение было бесплатным. В ней преподавали такие дисциплины, как вьетнамское письмо на латинице, естественные науки, правила гигиены, велась пропаганда отказа от устаревших обычаев, в частности от ношения традиционной одежды и шиньона. За то, что активисты движения «Обновления» иногда чуть ли не насильно остригали длинные шиньоны, которые носили представители традиционной элиты, его также называли «движением за короткие волосы». Сотрудниками школы были переведены на вьетнамский язык такие произведения французских просветителей XVIII в., как «Общественный договор» Руссо, работы Монтескье, а также английского ученого Спенсера. Её филиалы были открыты в Хадонге, Хайзыонге, Хынгиене, Бакнине, Тхайбине и других провинциальных центрах Тонкина [520, с.137, 525]. Помимо просветительских функций сотрудники школы нелегально вели антиколониальную пропаганду, распространяя листовки, призывы и стихи, призывая крестьян не платить налоги колониальным властям [320, с.528]. Всё это привело к тому, что уже в ноябре 1907 г.

колониальные власти закрыли этот центр сплачивания патриотических сил, не дав ему просуществовать и года. «Школа Восточной столицы» и «Общество обновления Вьетнама» были первыми политическими организациями зарождавшейся вьетнамской буржуазии, которые сыграли большую роль в пробуждении национального самосознания вьетнамского народа. Они оказали значительное влияние как на всё дальнейшее развитие национально-освободительного движения, так и на колониальную политику Франции во Вьетнаме.

В связи с этим интересно, что хотя большинство участников и руководителей движения «Обновления» происходили из провинции Куангнам и в силу своего возраста имели прямую идейную связь с предыдущим поколением конфуцианской элиты эпохи движения «Поддержим Короля», они всё же отказались от прежних методов борьбы с колонизаторами¹⁰. С их точки зрения, следовало обратить особое внимание на прессу как на эффективный инструмент просвещения широких народных масс. Помимо этого члены движения «Обновления» уделяли большое внимание созданию торгово-экономических обществ с целью финансирования просветительской деятельности движения и поддержки сформировавшейся национальной торговой буржуазии. При этом необходимо указать, что идеи Фан Тю Чиня и его соратников, несшие в себе большой заряд национализма, привели к отказу многих представителей традиционной конфуцианской элиты от пренебрежительного отношения к коммерческой деятельности. Так, в начале XX в. благодаря деятельности учёного-конфуцианца Нгуен Динь Тана на севере провинции Куангнам заметное развитие получило торговое предпринимательство¹¹. Также можно назвать таких сподвижников Фан Тю Чиня, как Нгуен Кюсна, Нго Дык Ке и Ле Ван Хуана. Первый, являясь инспектором учебных заведений в провинции Лангшон, основал в Ханое торговое общество «Возрождение Отчизны»¹² и ассоциацию содействия вьетнамской письменности на латинице. Второй, получивший на конкурсных испытаниях 1901 г. в столице высшую учёную

степень, основал в Нгеане просветительское «Общество света», которое выступало за модернизацию страны через новую европеизированную систему образования, повышение культурного уровня народа и развитие национальной экономики.

Фан Тю Чинь (1872 – 24.03.1926).
Музей Истории Вьетнама. Ханой. 1804.2011 г.

Такие легальные «общества света», существовали в рамках движения «Обновления» наряду с тайными или «обществами тени», где их участники обсуждали не только

проблемы повышения культурного уровня в стране, но и пути достижения независимости [1525, с.31]¹³.

Как уже отмечалось, главным идейным вдохновителем всех этих обществ и организаций был Фан Тю Чинь, взгляды которого наиболее полно и точно отражают содержание движения «Обновления»¹⁴. Однако, в отличие от Фан Бой Тяу, он отвергал как вооружённую борьбу, так и опору на техническую помощь соседних стран. Фан Тю Чинь считал, что постепенное социально-экономическое и политическое реформирование вьетнамского общества является единственно возможным путём его успешного развития. Интересно, что на протяжении всей своей жизни он не изменял этой точке зрения. Фан Тю Чинь и его единомышленники прекрасно понимали, что основной проблемой вьетнамского общества является низкий уровень его социально-экономического развития, к которому привела политика изоляционизма императоров династии Нгуен. Поэтому они попытались инициировать проведение реформ в сфере образования, национальной торговли и предпринимательства, на котором и было сосредоточено в начале XX в. их основное внимание. Так, Фан Тю Чинь подчёркивал как необходимость экономического развития в целом, так и восстановления конкурентоспособности национальной торговли. Он резко критиковал вьетнамских торговцев за то, что они «позволили» китайцам и индийцам монополизировать торговлю и ростовщичество, откуда вьетнамцы были почти полностью вытеснены. Большое значение в начальный период своей деятельности Фан Тю Чинь придавал и анализу налоговой политики французских властей в Индокитае, что нашло своё отражение в его «Открытом письме генерал-губернатору Индокитайского союза Полю Бо» от 15-го августа 1905 г. [1401, с.168]. В этом письме наряду с критикой существовавшего положения вещей он предлагал понизить непомерно высокие налоги, ограничить произвол вьетнамского коррумпированного чиновничества, реформировать архаичное вьетнамское законодательство, открывать современные школы и

типографии, а также торговлю и предпринимательство. Фан Тю Чинь даже предложил генерал-губернатору лично изложить ему свои предложения и объяснить свою точку зрения на ту роль, которую должна сыграть Франция в развитии вьетнамского общества [1401, с.170]. Однако Поль Бо, которого в первую очередь волновали интересы метрополии, а не реформы вьетнамского общества, не только не принял Фан Тю Чиня, но даже не ответил на его наивное письмо. Тем не менее продолженная Фан Тю Чинем и его сторонниками критика налоговой политики и произвола колониальных властей в сочетании с активной пропагандой прогрессивных идей нашла широкий отклик в среде сельского населения Центрального Вьетнама. Поэтому уже 1908 г., то есть менее чем через год после опубликования «Открытого письма» Фан Тю Чиня генерал-губернатору, в провинции Куангнам начались крестьянские волнения, которые были спровоцированы введёнными ещё на рубеже веков Полем Думером непривычными для вьетнамцев налогами. При этом анализ крестьянских требований и форм их борьбы даёт все основания полагать, что движение «Обновления» и указанные выступления были тесно связаны между собой [957, с.2 – 5].

Выше уже отмечалось, что в области просвещения Фан Тю Чинь вслед за такими вьетнамскими реформаторами середины XIX в., как Нгуен Чьонг То, Нгуен Ло Чать и Динь Ван Диен, предлагал модернизировать традиционную конфуцианскую систему образования, дополнив её новыми «европейскими» предметами и дисциплинами. В условиях колониальной зависимости он придавал особое значение формированию вьетнамского самосознания, патриотизму и поиску национальной идентичности. С целью продвижения этих идей Фан Тю Чинь написал «Песню пробуждения национальной души», в которой описывалась многовековая истории героической борьбы вьетнамского народа за независимость, а также говорилось о необходимости национальной консолидации и проведения реформ [1102.1, с.176, 177]. Фан Тю Чинь был уверен в возможности

прогрессивного развития Вьетнама и призывал к широким социальным реформам в рамках движения «Обновления». Он, в частности, ставил в пример деятельность Петра I в России, которая способствовала развитию коммерции и судостроения [314, с.176]. Однако при всей своей критике традиционного мировоззрения Фан Тю Чинь так и не смог полностью воспринять идеи европейских просветителей, о чём можно судить по следующему его высказыванию: «...следует разбить оковы абсолютизма, которые связывали нас тысячи лет, и воспринять либеральные идеи Европы. Именно демократия станет тем лекарством, которое излечит нас от яда монархии». При этом необходимо подчеркнуть, что для этого «излечения» вьетнамский идеолог предлагал «привнести подлинную европейскую цивилизацию, слив её с подлинным конфуцианством», то есть иными словами, «привнести в страну европейскую демократию» и тем самым «вернуть искажённое лжеконфуцианцами-консерваторами учение Конфуция и Мэн-цзы» [612, с.67 – 70]¹⁵.

Обеспокоенные размахом крестьянских выступлений колониальные власти вполне справедливо полагали, что они были во многом спровоцированы просветительской деятельностью активистов «Обновления» и «Движения [на] Восток». Поэтому в 1908 г. находившийся в то время в Ханое Фан Тю Чинь был арестован вместе со многими своими соратниками, которых во время антианалоговых выступлений тоже не было в Куангнаме [957, с.3]. Так же как и Фан Бой Тяу, суд вынес Фан Тю Чиню смертный приговор, который затем благодаря вмешательству верховного резидента Тонкина, был заменён на пожизненное заключение в тюрьме на острове Пулокондор, сильно повлиявшее на эволюцию политических взглядов Фан Тю Чиня. Былые надежды на помощь колониальных властей сменились горьким разочарованием и негодованием. Если в начале XX в. Фан Тю Чинь наивно относил пороки политики колониальных властей к непониманию ими положения дел во Вьетнаме, то после 1908 г. он связывает свои надежды с метрополией, которая, с его точки зрения, должна была

«вернуть справедливость», обуздав алчность французской администрации во Вьетнаме. Стремясь привлечь внимание французской и мировой общественности к жестокому подавлению реформаторского движения «Обновления», Фан Тю Чинь написал в 1911 г. статью, посвящённую анализу причин антианалоговых выступлений в Аннаме в 1908 г. Она была переведена с иероглифики на французский язык и опубликована в «Бюллетене» Лиги прав человека под названием «Выступления 1908 г. в Аннаме» [1102.2, с.244 – 248]. В том же году благодаря развёрнутой Лигой кампании, Фан Тю Чинь был освобождён из тюрьмы и выслан во Францию без права возвращения на родину [823, с.3]. В метрополии Фан Тю Чинь вместе с другими вьетнамскими патриотами нашёл благоприятную почву для своей политической деятельности, в то время как его соратники во Вьетнаме были обречены на бездействие. Благодаря ему во Франции ещё до начала Первой мировой войны появились первые связанные друг с другом взаимопомощью и поддержкой вьетнамские политические организации, которые поддерживали национальные чувства эмигрантов [823, с.5].

В Париже Фан Тю Чинь вошёл в состав нелегальной группы «Дружба соотечественников», основанной в 1912 г. Фан Ван Чьонгом¹, вместе с которым они основали в 1914 г. «Ассоциацию аннамитских патриотов» [823, с.5]. Однако в начале Первой мировой войны в 1914 г. он был арестован французской полицией, но уже в 1915 г. благодаря помощи лидера французской социалистической партии Мариуса Муте Фан Тю Чинь был освобождён из тюремного заключения. В 1919 г. вместе с Фам Ван Чьонгом он воссоздал довоенную «Ассоциацию аннамитских патриотов» под названием «Группа аннамитских патриотов». В 1921 – 1924 гг. в неё входило около дюжины молодых вьетнамских патриотов, включая Нгуен Ай Куока, Нгуен Ан Ниня и Нгуен Тхе Чуена, что свидетельствует о

¹ 1875 - 1933 гг.

сильном «полевении» участников «Группы», которые ранее придерживались различных, но при этом далёких от марксизма взглядов. «Группа аннамитских патриотов» стала главным очагом политического движения вьетнамских эмигрантов во Франции [823, с.6]. Именно её представители были авторами документа, известного под названием «Тетради пожеланий аннамитов», который распространялся среди французских социалистов и либералов, а также представителей колониальных кругов Парижа и различных членов делегаций, принимавших участие в международной Версальской конференции 1919 г., посвящённой итогам Первой мировой войны. Её окончание породило во Вьетнаме необоснованные надежды на ликвидацию французского протектората, что стало причиной известного выступления на конференции молодого Хо Ши Мина, потребовавшего предоставления независимости Вьетнаму. Тогда же упоминавшийся выше в связи с Фан Бой Тяу принц Кьонг Де прислал президенту Вильсону и Клемансо из Японии телеграммы с таким же требованием [823, с.4].

Пребывание во Франции позволило Фан Тю Чиню самому ощутить демократические, намного более либеральные, чем в колонии, законы метрополии, дававшие возможность активной политической деятельности. Поэтому, имея возможность своими глазами увидеть достижения республиканской формы правления, Фан Тю Чинь становится к началу двадцатых годов XX в. её убеждённым приверженцем. Так, в 1922 г. Фан Тю Чинь написал открытое письмо императору Вьетнама Нгуен-фук Туану¹⁶, приехавшему на международную колониальную выставку в Марселе, в котором подверг резкой критике как институт монархии во Вьетнаме, так и самого императора. В этом письме говорилось о том, что основанная на фаворитизме, неравенстве и несправедливости власть императора лишь усугубляет страдания народа, который в силу традиций продолжает унижаться перед деспотией. В качестве примера Фан Тю Чинь упомянул традицию земных поклонов, которая в начале XX в. всё ещё существовала при

императорском дворе и воспринималась европейцами как дикость и невежественность [867, с.393]. В одной из своих статей он также сформулировал мысль о том, что «старая мораль давно забыта [и] похожа на засохшее дерево, [а] новая мораль ещё не сформировалась» [612, с.55]. Эта критика резко отличала Фан Тю Чиня от других представителей традиционной вьетнамской элиты, для которых кроме монархического по-прежнему не существовало иного гармоничного государственного устройства¹⁷. Тем не менее он полагал, что основой вьетнамского общества может быть только конфуцианство, охватывающее все аспекты общественных отношений.

Судя по последним выступлениям Фан Тю Чиня¹⁸, его юношеская критика недостатков конфуцианской доктрины с возрастом уступила место осознанию незыблемости и необходимости основополагающих идей конфуцианства для формирования культурных ценностей вьетнамского народа. Он был уверен, что правильное сочетание идей таких западных философов, как Руссо, Монтескье, Паскаль и Вольтер, с учением Конфуция и Мэн-цзы поможет вьетнамцам обрести утраченный идейный стержень развития и идентичности нации [612, с.55]. Фан Тю Чинь полагал, что для этого необходимо «привнести подлинную европейскую цивилизацию и слить её с подлинным конфуцианством», чтобы «вернуть учение Конфуция и Мэн-цзы, которое было искажено лжеконфуцианцами-консерваторами» [612, с.55, 70]. Надо отметить, что подобная эволюция взглядов была характерна не только для Фан Тю Чиня. Так, один из его уже упоминавшихся соратников по движению «Обновления» Хюинь Тхук Кханг опубликовал в 1930 г. статью «О некоторых недостатках конфуцианства»¹, в которой он признаёт преимущество «идеологически раскрепощенной и независимой» западной философии перед восточной. Как и Фан Тю Чинь, он полагал, что «первоначальное содержание конфуцианского учения было искажено политизацией и

¹ Газета «Голос народа».

переработано поколениями конфуцианских мыслителей».

Распространяющий [влияние] рода император Богатый Нгуен -фук Туан.
Девиз правления «Начало определённости» (1916 – 1924 гг.)

При этом Хюинь Тхук Кханг писал, что поскольку «конфуцианская мораль обращена к незначительной части общества и игнорирует народные массы», она лишена творческого духа и имеет отвлечённый характер. Однако «заслуги конфуцианства велики, и не стоит немилосердно ругать его, уподобляясь людям, которые напились из источника и тут же забыли о нём» [620, с.122 – 124].

После смерти Фан Тю Чиня в 1926 г. Хюинь Тхук Кханг, который был сторонником легальной борьбы за независимость через парламент, печать и просвещение, возглавил вьетнамское реформаторское движение. Его взгляды того периода нашли отражение на страницах газеты «Голос народа». Он первым из вьетнамцев сформулировал идею о необходимости парламентской деятельности во Вьетнаме. Хюинь Тхук Кханг рассматривал парламентскую систему как механизм осуществления общественных преобразований в интересах народа [448, с.127].

Наконец, в заключение этой краткой характеристики вьетнамского буржуазного национально-освободительного движения хотелось бы отметить, что идея создания парламента во Вьетнаме была впервые высказана Хюинь Тхук Кхангом только в середине двадцатых годов XX в., то есть когда восприятие западноевропейских институтов власти вьетнамскими реформаторами уже претерпело значительную эволюцию.

2.3. Колониальная политика Франции и национально-освободительное движение в 1908 – 1911 гг.

После «жесткого» правления Поля Думера генерал-губернатором Индокитайского союза был назначен Поль Бо¹, лозунгом правления которого было «моральное завоевание сердец». Для начала он создал Генеральную дирекцию народного образования и Совет по усовершенствованию образования. В 1907 г. им был открыт университет в Ханое, правда, современники полагали, что у него недостаточно высокий уровень образования для такого названия. Скорее это было нечто вроде упрощённых курсов. Кроме того, для вьетнамцев были открыты низшие должности в колониальной администрации, которую следует рассматривать как попытку смягчить недовольство молодого поколения «франкофонных» вьетнамцев, лишённых возможности сделать хотя бы какую-нибудь карьеру. Поль

¹ 1902 – 1908 гг.

Бо также создал в Тонкине Туземную консультативную палату и провинциальные советы, члены которых избирались самими вьетнамцами. Разумеется, избирательное право ограничивалось многими цензами, а выборы были многоступенчатыми, по куриям, но это явилось первой попыткой с момента начала колонизации создания во Вьетнаме выборного представительного органа местного населения. Поль Бо также пытался организовать расширенную сеть медицинских пунктов обслуживания населения, в том числе в сельской местности, но эти попытки носили очень ограниченный характер. Наконец, при этом генерал-губернаторе были официально отменены пытки и упразднён ставивший в унижительное положение местное население режим «эндижената» в Кохинхине, который вплоть до конца французского колониального господства так и не был отменён ни в Тонкине, ни в Аннаме [868, с.402]. В принципе можно предположить, что либеральные реформы П.Бо в определённой мере отражали его реакцию на упоминавшееся «Открытое письмо» Фан Тю Чиня в его адрес. Однако неурожайные годы и рост налогов свели на нет результаты либеральной политики П.Бо, которая к тому же вызвала серьёзное недовольство местных колониальных кругов. В результате П.Бо был отозван до окончания своего срока правления, а на его место назначили сторонника «политики силы» Антони Клобуковски¹, который закрыл университет, сократил число вьетнамских служащих в колониальном аппарате и впервые за несколько лет попытался подавить крестьянское движение Де Тхама в Иентхе [868, с.402]¹¹.

Движение за социальные реформы начала XX в., о котором подробно говорилось в предыдущих двух параграфах, оказало значительное влияние на сельские общины. В результате начались массовые крестьянские выступления против налогов и трудовых повинностей,

¹ 1908 – 1911 гг.

¹¹ О Де Тхаме смотри «Параграф 2.5» «Главы 4» «Части I» «Тома III».

которые продолжались приблизительно с февраля по май месяц 1908 г. Эти выступления приобрели большой размах и охватили многие провинции Центрального Вьетнама, в первую очередь – родную провинцию Фан Тю Чиня Куангбинь. Они были хорошо организованы, чем отличались от обычных стихийных крестьянских волнений, и имели ярко выраженную антифранцузскую и антиколониальную направленность. Важно подчеркнуть, что большая часть этих выступлений носила мирный характер. Так, из безоружных крестьян различных деревень и общин формировались организованные колонны, которые двигались к городскому центру той или иной провинции. Дойдя до города, крестьяне рассаживались на его главной площади у дворца французского резидента провинции. Крестьяне мирно, в хорошо организованном порядке рассаживались вокруг резиденции, как бы блокируя ее. Это их «сидение» продолжалось по многу дней до тех пор, пока власти не разгоняли их силой [868, с.392]. Интересно отметить, что крестьяне были коротко острижены и одеты в короткие куртки, а это, как известно, являлось одной из форм протеста активистов движения «Обновления» против традиционной одежды и длинных шиньонов.

Наконец, необходимо указать, что крестьянское антиналоговое движение 1908 г. вызвало брожение в среде образованного сословия и студенческой молодежи Ханоя – участников «Движения [на] Восток», а также в среде офицеров вьетнамского состава ханойского гарнизона, разделявших взгляды Фан Бой Тяу. Эти офицеры планировали отравить французских военных, а затем вместе с повстанческими отрядами Де Тхама захватить Ханой. Но хотя двести человек французских военнослужащих и были отравлены во время большого приёма, захват Ханоя не удался из-за утечки информации [521, с.538, 539].

Для колониальных властей эти события стали полной неожиданностью. С их точки зрения, «умиротворение» Тонкина и реформы Поля Думера открыли путь для эффективного освоения частей или «стран» протектората.

Они полагали, что наконец-то в Тонкине и Аннаме наступил спокойный период экономической и политической стабильности, основанный на согласии определённой части вьетнамского чиновничества и образованного сословия на сотрудничество с ними. Однако массовые крестьянские выступления показали, что колониальный режим не был принят ни основной массой населения, ни его интеллектуальными лидерами. Это было своего рода катастрофой для стратегов колониальной политики по Индокитаю, которая вырабатывалась в Париже в атмосфере перманентных политических дискуссий и кризисов, связанных с чехардой французских правительств. Дебаты во французском парламенте на тему «Зачем мы завоевали Тонкин?» иногда достигали такой критической точки, что в его кулуарах родилась поговорка «Мы завоевали Тонкин не благодаря, а вопреки...».

Неудивительно, что в свете вышеописанных событий реакция колониальных властей на них оказалась крайне жёсткой. Крестьянские «колонны» были быстро разогнаны, сами крестьяне – возвращены в свои деревни, а против их вооружённых отрядов во главе с Де Тхамом, действовавших в течение одиннадцати лет в районе Иентхе на северо-западе в предгорных районах Тонкина, были направлены войска в количестве пятнадцати тысяч человек. В 1909 г. повстанцам был нанесён сильный удар, но окончательно сломить их сопротивление французы смогли лишь после предательского убийства Де Тхама в 1913 г. [521, с.540]¹. Не избежали репрессий и реформаторы из образованных слоёв вьетнамского общества. Так, движение «Обновления» подверглось гонениям, а его лидеры Фан Тю Чинь и Фан Бой Тяу вместе большинством их сторонников были арестованы в 1908 г. Как уже говорилось выше, примерно в это же время была закрыта и просветительская «Школа Восточной столицы», а также и университет, открытый генерал-губернатором Полем Бо. Французские власти не

¹ О Де Тхаме смотри «Параграф 2.5» «Главы 4» «Части I» «Тома III».

ошибались, вынося Фан Тю Чиню и Фан Бой Тяу смертный приговор, так как они вполне справедливо видели в них и в их соратниках хоть и скрытых, но настоящих организаторов антиналоговых выступлений 1908 г. Замена же смертных приговоров пожизненным заключением была связана не с гуманностью властей метрополии, а с опасением спровоцировать их казнь новые мощные протестные выступления. При этом интересно отметить, что колониальные власти сочли сторонника мирных действий Фан Тю Чиня более опасным противником, чем сторонника вооружённой борьбы Фан Бой Тяу. Об этом можно судить по тому, что первый был приговорён к пожизненному заключению на острове Пулокондор, а второй – к пожизненному домашнему аресту в Хюе.

После всех этих репрессий национально-освободительное движение 1908 – 1913 гг., в целом имевшее политический характер и ставившее своей целью завоевание национальной независимости Вьетнама, пошло на спад. Однако благодаря ему колониальные круги Франции осознали необходимость выработки чёткого и стабильного политического курса по отношению к Вьетнаму, который являлся ключевой страной Индокитайского союза. В то же время приближение «большой войны» всё сильнее ощущавшееся в Европе, вынудило французское правительство поторопиться с принятием соответствующих решений. Поэтому в 1911 г. в Париже были приняты четыре декрета о децентрализации высших эшелонов власти Индокитайского союза, которыми, во-первых, смягчался контроль министерства колоний над аппаратом генерал-губернатора и центральных служб Индокитайского союза, и, во-вторых, с целью сокращения бюрократических процедур и более результативной работы им предоставлялась большая самостоятельности в решении местных вопросов. В частности, отменялись обращения в различные министерства метрополии по второстепенным вопросам. Также был выработан новый либеральный политический курс по отношению к Вьетнаму, получивший название политики франко-вьетнамского

сотрудничества, связанный с тем, что в случае войны в Европе регулярные связи и контакты с Вьетнамом оказались бы прерванными. По этой причине французские власти выстроили свою новую колониальную политику таким образом, чтобы в любом случае Вьетнам остался в орбите французского влияния и во время войны. В 1911 г. для выполнения этой сложной задачи генерал-губернатором Индокитайского союза был назначен член радикально-либеральной партии французского парламента и умелый, известный своим красноречием политик Альбер Сарро.

«Политика ассоциации и лояльного выполнения принципов протектората» стала основой нового курса А.Сарро во Вьетнаме [520, с.145]. В системе высших центральных органов колониального аппарата им была проведена предусмотренная вторым декретом 1911 г. реорганизация созданного Полем Думером Высшего совета Индокитая в Правительственный совет Индокитая. Число представителей от местного населения в этом Совете было увеличено с двух до пяти человек – по одному от каждой «страны» Индокитайского союза. Двадцать три члена Совета были представлены высшими чиновниками французской колониальной администрации. Мнение Совета учитывалось генерал-губернатором Индокитая, в первую очередь – при обсуждении таких вопросов, как составление генерального бюджета Союза, займов и административного управления. В 1913 г. была возобновлена и поставлена на регулярную основу работа Туземной консультативной палаты с сохранением системы многоступенчатых выборов по принципу один депутат от сорока тысяч избирателей [520, с.146]. Однако главным было то, что А.Сарро сумел убедить местную элиту в намерении Франции предоставить более либеральный политический статус Вьетнаму после окончания войны, если, конечно, она разразится в Европе, но при условии солидарности вьетнамцев с Францией в этой войне. Политический курс А. Сарро получил название «политики обещаний» [517, с.265]. Ему поверили. Традиционная конфуцианская и новая европеизированная

элиты предприниматели и даже сторонники вооружённой борьбы увидели возможность хотя бы частичного выхода из того унижительного положения, в которое был поставлен Вьетнам после колониального завоевания. Однако полностью сопротивление французским властям не прекратилось, что было связано с историко-культурными различиями Северного, Центрального и Южного Вьетнама, усугублёнными колониальным господством. Как уже говорилось, в Аннаме и Тонкине основные протестные выступления были связаны с грубыми нарушениями договора о протекторате от 1884 г.¹⁹, тогда как в Кохинхине крупные землевладельцы выступали за предоставление Вьетнаму статуса доминиона.

В прямой оппозиции колониальным властям оставалось лишь радикальное крыло вьетнамского национально-освободительного движения предвоенных лет. Однако оно имело недостатки, которые были обусловлены слабостью и политической незрелостью его социальной базы. Представители этого движения предпочитали создавать многочисленные тайные общества «избранных», призванные бороться против колонизаторов за освобождение родины, в то время как миллионы «простых» вьетнамцев не должны были ничего знать об этой борьбе. Революция и долгожданное освобождение должны были быть преподнесены народу как драгоценный подарок «избранных», которые не исключали из своих методов борьбы и индивидуальный террор. Иногда национально-освободительная борьба принимала специфическую форму тайных религиозных обществ и сект, получивших распространение в Кохинхине, где их деятельность имела ярко выраженную политическую окраску. Наиболее известным из них было общество «Небо [и] Земля», действовавшее особенно активно с 1900 по 1911 гг. и имевшее связи с Фан Бой Тяу. В 1911 г. это общество возглавил крестьянин по имени Фан Фат Шань, более известный под именем Фан Сить Лаунг, который выдавал

себя за мятежного императора Нгуен-фук Миня¹. В 1913 г. одновременно с террористическими актами, совершёнными членами «Общества возрождения Вьетнама», члены общества «Небо [и] Земля» взорвали несколько бомб в Сайгоне. Наконец, кое-как вооружив часть крестьян в нескольких провинциях дельты Меконга, они попытались поднять восстание с целью свержения власти колонизаторов и объявления «законным» императором Фан Сить Лаунга. Однако эта авантюра в Кохинхине была быстро и жестоко подавлена, а сам Фан Сить Лаунг – арестован и приговорён к пожизненному тюремному заключению [521, с.579].

Таким образом, Альбер Сарро, прибегнув к политике «кнута и пряника», добился максимальной политической стабильности и спокойствия во Вьетнаме в условиях надвигавшейся войны в Европе. С одной стороны, ему для этого пришлось нейтрализовать активизировавшиеся с начала XX в. боевые революционные организации вьетнамских патриотов, возлагавшие надежды на помощь и солидарность других азиатских стран, прежде всего – на Японию и Китай, а с другой – договориться с умеренными борцами за независимость, обещая им изменение политического статуса Вьетнама после окончания Первой мировой войны¹¹.

3. *Французский Индокитай в годы Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.).*

В результате политики «обещаний» и либеральных реформ А.Сарро начался процесс некоторого расширения сотрудничества групп вьетнамского чиновничества, буржуазии и образованного сословия с колониальными властями. Так, увеличилась прослойка европейски образованных служащих на французских предприятиях и в

¹ См. «Параграф 2.5» «Главы 4» «Части I» «Тома II».

¹¹ О боевых революционных организациях вьетнамских патриотов, в первую очередь – об «Обществе возрождения Вьетнама» и терроре, смотри выше в «Параграфе 2.1» настоящей главы.

колониальном аппарате, а также возросло число вьетнамцев в ряде представительных учреждений Аннама и Тонкина. Поэтому, используя обстановку относительного спокойствия, французские власти смогли мобилизовать материальные и людские ресурсы своих колониальных владений в Восточной Азии для военных нужд метрополии. Из Вьетнама, Лаоса и Камбоджи было вывезено во Францию 500000 т риса и кукурузы, 1750 т каучука, 4300 м³ специальной древесины, большое количество цемента, цинка, олова, вольфрама и других товаров – всего на сумму около 11000000 золотых франков [521, с.561]. Кроме того, проводилась подписка на военные займы и размещение бондов национальной обороны на сумму в 200000000 франков [521, с.561]. За годы войны были мобилизованы и отправлены во Францию около 100000 вьетнамских солдат и рабочих, которые в основном использовались для замены мобилизованных на войну французских рабочих. Вьетнамские части мало использовались непосредственно на полях сражений Первой мировой войны. Но в целом трудно переоценить пребывание такого количества вьетнамцев во Франции для роста их национального самосознания и опыта антиколониальной и классовой борьбы. Многие из них впервые оказались на крупных современных промышленных предприятиях, где было сосредоточено большое количество рабочих, объединённых интересами классовой солидарности и профсоюзами. Вьетнамские рабочие очень быстро усваивали необходимый опыт. Когда они вернулись после окончания войны во Вьетнам, в основном – в Сайгон, французская полиция отметила их возросшую классовую солидарность и босвитость наряду с усилением антиколониальных настроений в их среде.

В результате относительной изоляции Вьетнама от Франции в военные годы произошло резкое сокращение притока французских товаров и капиталов, что благоприятно сказалось как на развитии национальной промышленности и торговли, так и на укреплении позиций вьетнамской буржуазии. Появились относительно крупные

вьетнамские предприниматели, которые проявляли наибольшую активность в строительстве, сельском хозяйстве и торговле. Значительно возросла доля национального капитала в текстильной промышленности и на транспорте. В целом в годы войны вьетнамская экономика вступила в стадию перехода к фабрично-заводскому производству. Соответственно шёл процесс численного роста как национальной буржуазии, в том числе и её высших групп, так и вьетнамского рабочего класса на промышленных предприятиях, что было принципиально новым явлением. К концу Первой мировой войны общая численность рабочего класса Вьетнама достигла ста тысяч человек [520, с.151]. Зарождение рабочего класса во Вьетнаме первого десятилетия XX в. сопровождалось забастовками и стачками на французских предприятиях страны, которые впервые были зафиксированы на национальных предприятиях в годы мировой войны. Они носили экономический характер и не были достаточно хорошо организованы. В тот период ведущую роль в рабочем движении играли фабрично-заводские рабочие, шахтёры и железнодорожные рабочие, занятые на предприятиях и транспорте Тонкина, бывшего наиболее развитым в промышленном отношении районом Вьетнама. Но в целом ни вьетнамский рабочий класс, ни вьетнамская буржуазия, развиваясь в условиях господства французского монополистического капитала и медленного разрушения прежних традиционных отношений, ещё окончательно не оформились как классы вьетнамского общества.

В годы Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. национально-освободительное движение было связано с оживлением деятельности «Общества возрождения Вьетнама», представители которого вступили в переговоры с германскими консулами в Бангкоке и в Шанхае с целью получения финансовой и военной помощи для активизации антифранцузской борьбы во Вьетнаме. Члены «Общества» готовили планы вооружённых выступлений, из которых были реализованы в январе 1915 г. нападение на штаб французского

гарнизона в провинции Футхо и в марте того же года на пост Талунг и ряд других пограничных с Китаем военных постов французских частей. Но эти выступления были плохо подготовлены и не имели успеха. Одновременно с этим в Кохинхине происходили выступления связанных с принцем Кыонг Де и Фан Бой Тяу членов тайных религиозных обществ, которые протестовали против вербовки колониальными властями вьетнамских солдат для их отправки во Францию. В результате развёрнутой ими агитации во многих провинциях Кохинхины начались крестьянские волнения. Также ими была предпринята попытка захватить центральную сайгонскую тюрьму и освободить Фан Сить Лаунга. Но и в Кохинхине восстание было подавлено, при этом многие его участники были казнены [520, с.142, 143]. К тому же времени относится последняя попытка вьетнамской монархии возглавить освободительное движение.

В мае 1916 г. руководители «Общества возрождения» подготовили ещё один план всеобщего восстания против колонизаторов, которое согласился возглавить недавно вззошедший на трон молодой император Нгуен-фук Хоанг²⁰. В определённом смысле, бежав из дворца в Хюе, он повторил путь мятежного императора Нгуен-фук Миня¹. Как и тогда, план восстания был раскрыт, его руководители – схвачены и казнены, а император Нгуен-фук Хоанг – сослан на остров Реюньон [520, с.151]. Однако наиболее крупным вооружённым выступлением военных лет стало восстание вьетнамских солдат из частей колониальной армии провинции Тхайнгуен в августе 1917 г. Это восстание знаменует собой начало новых форм борьбы, возникших во многом благодаря «Движению [на] Восток», участники которого прошли военную подготовку в школах Японии. В свете этого интересно отметить, что одним из лидеров этого восстания был отбывавший тюремное заключение в Тхайнгуене Льюнг Нгаук Кюен, который прошёл военную подготовку в школах Японии и Китая. Он также входил в состав руководства «Общества возрождения

¹ Смотри «Параграф 2.5» «Главы 4» «Части I» «Томы III».

Вьетнама». Лыонг Нгаук Кюену удалось договориться с сержантом тюремной охраны Чинь Ван Каном, в результате чего перешедшие на его сторону вьетнамские солдаты штурмом захватили тюрьму и освободили заключённых. После этого они овладели и провинциальным центром Тхайнгуена. Французам пришлось приложить много усилий для подавления этого восстания. Колониальные власти отмечали, что «мятеж в Тхайнгуене исключительно серьёзный, поскольку он порождён соглашением между полицейскими силами и известными революционерами». При этом они вполне справедливо полагали, что все вышеупомянутые организаторы выступлений, мятежей и восстаний тем или иным образом связаны с широкой антифранцузской организацией, именуемой «Общество возрождения Вьетнама», возглавляемой принцем Кыонг Де и Фан Бой Тяу [521, с.582, 584].

В целом, давая оценку развитию Вьетнама в 1900 – 1918 гг., следует отметить, что это был переходный период, связанный с перманентным ростом проникновения колониализма в самые разные сферы жизни вьетнамского общества в то время, когда основные особенности его модернизации только начинали складываться. Наиболее же значимыми изменениями той эпохи были изменения в социальной сфере, связанные с появлением во вьетнамском обществе современных классов, которые, несмотря на всю специфику восточноазиатского региона, представляли собой буржуазию и рабочий класс. Формирование этих классов вызвало к жизни новые идеи и формы национально-освободительной борьбы, а также способствовало выработке новых форм сотрудничества с колониальными властями. В то же время деятельность таких организаций, как «Общество обновления Вьетнама», «Движение [на] Восток» и «Общество возрождения Вьетнама» вместе с антианалоговыми выступлениями 1908 г. показали, что, несмотря на заключённые договоры о протекторате, колониальный режим не был принят нацией в целом.

Другим важным итогом этого периода стало

начавшееся экономическое освоение стран Индокитайского союза, которое было замедлено, но не остановлено войной 1914 – 1918 гг., при этом многие лишь наметившиеся в начале XX в. тенденции развития вьетнамского общества были реализованы в последующие десятилетия¹.

4. Вьетнам в 1918 – 1929 гг.

4.1. Колониальная политика в 1920 – 1924 гг.

После окончания Первой мировой войны Альбер Сарро, вернувшийся во Вьетнам на второй срок, предпринял ряд мер по реализации своей давней политики франко-вьетнамского сотрудничества¹¹. В этой связи стоит особо отметить, что французская колониальная политика оказывала большое влияние на эволюцию политических взглядов представителей вьетнамской элиты, которые чутко реагировали на малейшие изменения направления её вектора. Представители её наиболее образованной части с воодушевлением приняли идеи франко-вьетнамского сотрудничества, открывавшего, по их мнению, новые горизонты и возможности развития вьетнамского общества. При этом придворные круги также возлагали большие надежды на Францию как на страну-метрополию, которая поможет вьетнамскому народу.

В 1922 г. Фам Кюинь²¹, один из их ярчайших представителей вьетнамской элиты, написал, что «С 1912 г. французскими властями проводится разумная и дальновидная политика, направленная на сотрудничество колониального правительства и аннамитской элиты. Основоположник этого нового курса политики, генерал-губернатор Индокитая А.Сарро, прекрасно понимает чаяния аннамитской элиты, ... из всех наций в мире французская нация является примером великого эмоционального воображения, щедрости и созидательности».

¹ О тенденциях социально-экономического развития Вьетнама в указанный период смотри «Часть II» настоящего тома.

¹¹ А.Сарро вторично занимал пост генерал-губернатора Индокитайского союза с 1918 по 1919 гг.

Губернатор провинции. Тонкин, Хадонг, 1914 – 1915 гг.
Musée Albert Kahn, №A005174

Большой заслугой Альбера Сарро Фам Кюинь считал поддержку развития прессы на французском и вьетнамском

языках, что, по его мнению, способствовало расширению возможностей выражения общественного мнения аннамитов, а также его вклад в «учреждение ряда обществ, нацеленных на сближение французской и аннамитской элиты» [955, с.35, 39].

Поэтому неудивительно, что Альбер Сарро назначил Фам Кюиня главным редактором журнала «Южный ветер» [1727], который начал издаваться в рамках политики франко-вьетнамского сотрудничества с 1917 г. и стал значимым событием политической и культурной жизни Вьетнама. Подчеркивая цивилизаторскую миссию Франции, Фам Кюинь исходил из того, что первичной является цель повышения культурного уровня народа и лишь затем – достижение независимости. Однако за его реверансами в адрес «цивилизованной» Франции со всей очевидностью проступали вполне националистические взгляды относительно будущего политического устройства Вьетнама, связанного, по его мнению, с сохранением институтов императорской власти, несколько модернизированной экзаменационно-конкурсной системы набора чиновников, традиционных верований и культа Предков.

В 1919 г. в рамках политики франко-вьетнамского сотрудничества французскими властями была создана «Ассоциация интеллектуального и морального воспитания аннамитов», которая ставила своей целью содействовать сближению восточноазиатской и западной культур, привлекая на сторону колониальных властей представителей вьетнамской элиты. Главой «Ассоциации» стал тот же Фам Кюинь, а её вице-президентом и главой Литературного комитета – виднейший историк колониального периода Чап Чаунг Ким²², который в марте 1945 г. был назначен японскими оккупационными властями Индокитая премьер-министром «независимого» правительства Вьетнама¹. По мнению членов «Ассоциации», её целью было способствовать «рождению

¹ Французские власти не включили этого выдающегося представителя вьетнамской элиты в изданную в Ханое в 1943 г. престижную публикацию «Правители и знать Индокитая» из-за его прояпонских симпатий.

симпатии и дружбы между лучшими представителями двух народов: французского и вьетнамского» [955, с.36]. Члены Ассоциации занимались распространением вьетнамской письменности на латинице, которая представлялась как важное национальное изобретение, являющееся настоящим ключом, открывающим доступ к современным знаниям, благодаря чему «получившие цивилизованные аннамиты» наконец смогут стать «цивилизованными». Известно, что указанный «языковой национализм» всячески поощрялся колониальными властями [1101, с.53]. В 1922 г. Фам Кюинь писал: «Мы хотим остаться сами собой, сохранить нашу национальную личность, нашу историческую индивидуальность. Но мы также дорожим накоплением капитала в области научного знания и современных цивилизаций, для того чтобы передать эти богатства нашим потомкам. Мы хотим жить полной жизнью в многообразии народов современного мира. Мы просим Францию нам помочь. В обмен на это мы отдаём нашу политическую независимость, природные богатства и рабочую силу народа» [955, с.38]. В свою очередь Чан Чаунг Ким полагал, что необходимо стимулировать развитие вьетнамского общества на основе гармоничного сочетания традиционного и прогрессивного. По его мнению, заимствование западного опыта на основе традиционных ценностей должно было стать ключом к усилению Вьетнама. «Необходимо поддерживать желание Запада взять на себя лидерство в сфере экономического развития», – писал Чан Чаунг Ким в своём труде «Конфуцианство» [621; 1512].

Таким образом, в течение двадцатых годов XX в. многие представители вьетнамской традиционной элиты и высших придворных кругов избрали путь сотрудничества с Францией. Они внедряли в общественное сознание идею франко-вьетнамского сотрудничества, которое, по их мнению, должно было сыграть роль «цивилизаторского» фактора в развитии вьетнамского общества, но при обязательном условии сохранения самобытности и своеобразия традиционной национальной культуры.

4.1.1. *Колониальный административный аппарат. Политика реформ*

Вернувшийся после окончания мировой войны в Индокитай Альбер Сарро сосредоточил свои усилия на создании новой системы франко-вьетнамского образования, которая действовала вплоть до Августовской революции 1945 г. Кроме того, он привёл в относительное соответствие с европейскими юридическими нормами «Кодекс “Возвышенного [и] прекрасного”» 1812 г., который не был отменён и продолжал действовать на протяжении всех предыдущих лет. Подготовленное им законодательство вступило в силу на территории Токина 1-го января 1918 г. Оно не касалось Аннама, тогда как Кохинхина, имевшая статус колонии или «заморской территории Франции», уже давно жила по нормам законодательства, специально созданного для французских владений с подобным статусом. Конечно, этому законодательству было ещё далеко до действовавшего в самой Франции «Кодекса Наполеона», но оно было значительно ближе к европейским юридическим нормам по сравнению с тем, которое действовало до него²³. С законодательством А.Сарро теснейшим образом была связана и введённая им новая франко-вьетнамская система образования. С этого времени французский язык изучался во вьетнамских школах со второго класса, при этом само школьное образование, являясь основным каналом влияния на молодое поколение вьетнамцев, было нацелено на формирование профранцузски ориентированной прослойки вьетнамской интеллигенции.

В 1920 г. генерал-губернатором Индокитайского союза был назначен продолживший политику Альбера Сарро Морис Лонг, действия которого были поддержаны и правительством Франции. В 1920 г. оно провело второй этап децентрализации высших звеньев власти Индокитайского союза. Принятые в ноябре этого года два декрета сводили к минимуму контроль со стороны метрополии над действиями генерал-губернатора [110, с.300]. Наиболее же значительной реформой М.Лонга было создание им в 1920 г. Туземной

консультативной палаты Аннама [110, с.185]. По сравнению с аналогичной палатой Тонкина её права были ещё больше ограничены. Так, императорский Тайный совет в Хюе определял состав избирателей общинной выборной коллегии из расчёта один делегат на пятьдесят «записных» или полноправных общинника и два делегата на деревню, в которой было больше пятидесяти «записных» общинников, при этом все они должны были являться представителями деревенской верхушки. Список избирателей от вьетнамской торговой буржуазии составлялся из расчёта один делегат от пятидесяти торговцев, вместо одного от пятисот, предусмотренных для палаты Тонкина. Работа аннамской консультативной палаты была также регламентирована, как и тонкинской, но срок её ежегодной сессии был значительно меньше – всего шесть дней. Обсуждение всех политических вопросов было запрещено в обеих палатах [110, с.186].

Морис Лонг реорганизовал самый «старый» из созданных французами во Вьетнаме выборных органов – Колониальный совет Кохинхины. Созданный в 1880 г. он превратился к этому времени в оплот наиболее влиятельных в экономическом отношении и в то же время реакционных сил – французских колонов, ощущавших себя истинными хозяевами колонии. Однако, поскольку Париж настаивал на продолжении курса либеральных реформ 1911 г., число вьетнамских выборщиков было увеличено, а число вьетнамских представителей в Совете возросло с шести человек до десяти при одновременном увеличении числа французов – членов Совета с двенадцати до четырнадцати человек [868, с.403]. Разумеется, в Колониальном совете по-прежнему всем заправляли французские колонны, тем более что входившие в его состав вьетнамцы были лояльны по отношению к власти. Со временем этот Совет приобрёл такой большой вес в системе управления Индокитайским союзом, что с его мнением приходилось считаться даже генерал-губернатору. Вообще, внутри самих французских управленческих структур Индокитая складывалась довольно сложная и противоречивая ситуация. Свяzano это было с

тем, что в бюджете Индокитайского союза наибольшей была доля Кохинхины, а, как известно, южане далеко не всегда поддерживали политику метрополии. Однако в Париже не разделяли особого мнения колоннов по многим вопросам колониальной политики во Вьетнаме и не были склонны идти у них на поводу. Понятно, что для элиты и образованного сословия вьетнамского общества эти противоречия во французской колониальной политике не являлись секретом.

По мере утверждения колониального режима в Северном Вьетнаме служба в колониальной администрации становилась наиболее престижной и хорошо оплачиваемой. Кроме того, представители формировавшейся новой элиты рассматривали не допущение их к чиновничьей службе в этой администрации как расовую дискриминацию. Поэтому, поскольку к двадцатым годам недовольство профранцузски настроенных вьетнамцев стало более чем очевидным, Морис Лонг, несмотря на то что изначально присутствие вьетнамских служащих в колониальной администрации не предусматривалось, попытался решить и эту давно назревшую проблему. В результате постановлением от 20.06.1921 г. были созданы так называемые «местные индокитайские кадры» и впервые в официальном порядке были установлены правила набора вьетнамских служащих во французскую колониальную администрацию [1082, с.95]. Однако количество вьетнамских служащих было невелико, а назначались они на второстепенные должности, о чём можно судить по нижеследующим данным.

Вьетнамские служащие французских административных служб по состоянию на 1931 г. [1082, с. 96].

Генерал-губернаторство

Служащие.....25 человек.

Кохинхина

Администраторы малых провинций.....93 человека;

Начальники уездов.....61 человек;

Прочие.....3 человека.

Тонкин

Служащие резиденций.....48 человек;

Секретари судов.....20 человек;

Аннам

Служащие резиденций.....36 человек.

Итого.....286 человек.

Интересно отметить, что в 1922 г. число французских служащих в этих службах составляло четыреста человек, тогда как через десять лет после принятия указанного постановления число вьетнамских не превышало трёхсот, и это при том, что общее число французских чиновников к тому времени достигло четырёх тысяч четырёхсот человек [1082, с.94; 758, с.42]. Этого было явно недостаточно, так как после окончания Первой мировой войны произошла интенсификация эксплуатации Вьетнама, повлекшая за собой резкое увеличение числа частных, в том числе и вьетнамских, компаний и усложнение деятельности французских административных служб, которое в свою очередь вызывало потребность в увеличении количества вьетнамских служащих. Однако эту проблему можно было решить только при условии создания новой всеобъемлющей системы образования во Вьетнаме вплоть до учреждения высшей школы. Против этого выступали французские колонны, которые опасались, что выдвижение вьетнамцев на высшие должности может создать угрозу их господству [969, с.93]. Вследствие этого реформы Мориса Лонга начали «пробуксовывать» и на том этапе практически не получили развития, к тому же М.Лонг вскоре вернулся во Францию.

Причина этого, глевшего практически на протяжении всей эпохи французского колониального господства во Вьетнаме конфликта между «большой» политикой метрополии и «индокитайскими французами», объясняется достаточно просто. На самом деле очевидно, что «конфликт между республиканскими идеалами, провозглашёнными Францией и коалицией частных интересов, от которых эти идеалы требовали больших жертв, был неизбежен» [1082, с.112].

Наряду с политикой Альбера Сарро – Мориса Лонга по модернизации вьетнамского образования существовала и иная политика, проводившаяся священниками Иностранных миссий Парижа. Как известно, христианство получило наибольшее распространение в наиболее бедных сельскохозяйственных районах Вьетнама, например в провинции Нгеан, а также среди средних и бедных городских слоев, поскольку они, будучи бесправными в традиционном конфуцианском обществе страны, оказались полностью исключёнными из её социальной жизни как на государственном, так и на общинном уровне. Для этих обездоленных слоёв вьетнамского общества христианство являлось альтернативой, так как миссионеры, взяв за основу социально-экономическую организацию традиционной общины, создали «параллельную» ей христианскую общину, которая строилась на принципах справедливости, равенства и соблюдения новых понятных всем нравственно-этических правил и норм поведения. Кроме того, благодаря тому что миссионеры обучали их вьетнамской письменности на латинице, члены этих общин получили через родной язык доступ к европейским знаниям. Последнее было особенно важно в свете того, что французские священники снабжали свои общины различными европейскими техническими новинками, которые помогали крестьянам выживать в наиболее бедных провинциях страны. Интересно, что со временем миссионеры стали зачастую брать на себя и задачи экономического управления христианскими общинами. Они приобретали земли, участвовали в распределении имущества и давали в долг деньги [792, с.216, 217]. В результате материальный уровень жизни жителей христианских общин был выше уровня жизни других вьетнамцев, за что «крестьяне-католики платили своим трудом. В сущности, переход [вьетнамских] крестьян в христианство в годы колониального господства Франции представлял собой форму феодальной коммандации, а зависимость крестьян-католиков от церкви носила все черты крепостной зависимости» [279, с.259].

После колониального завоевания Вьетнама перед католическими миссионерами, пережившими полтора века гонений и преследований в этой стране¹, встала сложная дилемма. Они должны были либо избрать путь активной трансформации вьетнамского общества через его «европеизацию», либо попытаться выработать у вьетнамцев манеру христианского поведения, которое было бы «традиционным» по отношению к западной модернизации, но при этом было бы в значительной степени «отстранённым» от традиций собственного общества.

Второй путь был значительно сложнее, но, как известно, католические миссионеры не искали лёгких путей. Поэтому они попытались создать во Вьетнаме новую, одновременно и христианскую, и традиционную элиту, с тем чтобы в будущем её представители могли занять высшие и средние эшелоны государственной власти. С этой целью ими была выработана программа как религиозного, так и светского образования с преподаванием на латинице, иероглифике и латыни традиционными для Вьетнама методами, включая даже экзаменационные конкурсные испытания. Правда, наградой за победу на этих традиционных по форме, но не по содержанию испытаниях служила не чиновничья должность, а сан священника. Интересно отметить и то, что французский язык считался второстепенным предметом и поэтому преподавался в незначительном объёме, о чём впоследствии чиновники колониальной администрации напоминали миссионерам при каждом удобном случае [665, с.7, 8].

Сторонником такого подхода к образованию во Вьетнаме и был назначенный в конце 1923 г. генерал-губернатором Индокитая Мартьял Анри Мерлен, правление которого началось с покушения, организованного против него одним из членов подпольной революционной организации «Общество единомышленников» во время

¹ О гонениях на католических миссионеров во Вьетнаме до французского колониального завоевания смотри соответствующие разделы «Томы III».

поездки губернатора в Южный Китай в 1924 г. [387, с.10; 227, с.99]¹. Покушение, которое планировалось совершить во время одного из приёмов, не удалось, Мерлен не пострадал, а главный исполнитель, пытаясь спастись бегством, бросился в реку, но не смог справиться с течением и утонул. Впоследствии на берегу этой реки ему был поставлен памятник как герою, пожертвовавшему жизнью в борьбе за независимость родины, который в настоящее время стал местом культового поклонения посещающих эти места вьетнамцев. Придя к власти, М.Мерлен принял программу «горизонтального образования», предусматривавшую лишь развитие первой ступени начальной традиционной школы, или вьетнамского народного образования [520, с.160]. Тем самым генерал-губернатор взял под своё покровительство начальные школы католических миссий христианских общин. В результате традиционные начальные школы в общинах нередко были вынуждены закрываться из-за того, что проверяющие инспекции проверяли их особенно придирчиво, обвиняя эти школы в несоблюдении гигиены, стандартов преподавания и многих других грехах [908, с.44].

М.Мерлен также реформировал одно из наиболее крупных и ранних по времени учебных заведений колониального Вьетнама – Школу права и администрации. Согласно первоначальному плану эта школа должна была перейти к полному курсу обучения, которое было бы соотносимо с программами высших учебных заведений метрополии, а её диплом предполагалось приравнять к дипломам, полученным во Франции. Однако М.Мерлен отказался от этого плана. В 1924 г. он, изменив название школы на Высшая школа Индокитая, преобразовал её в один из факультетов Ханойского университета [110, с.757, 758]. При этом её диплом не был приравнен к дипломам высших

¹ Как и многие другие вьетнамские революционные организации и группы левого толка, это «Общество» обосновалось в Южном Китае.

учебных заведений метрополии, а набор и соответственно выпуск её студентов был существенно сокращён. Так, если до реформы 1924 г. в Школе права и администрации училось по сто студентов на каждом курсе, то в 1930 г. на каждом курсе Высшей школы Индокитая их оставалось лишь по двадцать четыре [1082, с.109].

Политика нового генерал-губернатора по поддержке церковных школ и отстранению вьетнамцев от высшего образования получила одобрение со стороны епископа Робера, который был главой католической миссии и главным редактором клерикальной газеты «Будущее Тонкина», бывшей одной из самых распространённых и влиятельных газет того времени. Следует отметить, что эта позиция М.Мерлена была далеко не типичной, так как по большей части генерал-губернаторы Индокитайского союза относились к религии достаточно равнодушно. Правда и они были вынуждены считаться с мнением священников Иностранных миссий Парижа.

Однако в то время возобладала другая поощряемая метрополией тенденция. Так, в 1905 г. парламент Франции принял закон об отделении церкви от государства, а большинство генерал-губернаторов Индокитайского союза стало назначаться министерством колоний из числа известных членов масонских лож. Как уже отмечалось, в 1915 г. Альбер Сарро отменил традиционные конкурсные экзамены на должность чиновника, а в 1918 г. официально ввёл во Вьетнаме европеизированную систему франко-вьетнамского образования. Поэтому основная масса вьетнамского чиновничества была представлена молодыми людьми, которых нельзя отнести ни к традиционно-образованной элите, ни к католическому сообществу, при этом их основной религией были синкретичные многовековые верования в сочетании с культом предков, или так называемый «народный даосизм» [520, с.47 – 150, 160 – 167]. Поэтому нет ничего удивительного, что вьетнамское общество, особенно его левое крыло, крайне

отрицательно отнеслось к тому, что высшее должностное лицо Индокитайского союза столь явно покровительствует католической миссии. Так, одна из левых политических партий двадцатых годов «Независимый Вьетнам» выступила с резкой критикой политики Мерлена, включив её даже в свой программный документ – «Меморандум». В нём подчеркивалось, что ещё при Аннамской империи широко распространённое во всём Вьетнаме народное образование было бесплатным и отделено от церкви [1501.1, с.62]. Поэтому в результате политического давления вьетнамской элиты колониальные власти крайне осторожно приоткрыли двери во французское общество немногочисленным её представителям, при этом главным критерием «допуска» была абсолютная лояльность Франции, а высшей «наградой» за неё – французское гражданство, или натурализация [520, с.162 – 174]. Иначе говоря, французские власти стали проводить в жизнь политику «ассимиляции», связанную с «французиванием» вьетнамской элиты.

Таким образом, если по замыслу миссионеров жизнь христианских общин во Вьетнаме, существовавшая параллельно традиционному укладу, должна была сформировать новое общество, которое было бы не урезанной копией французского, не поставщиком будущих чиновников для колониальной администрации и тем более не довеском французской нации, а полноценным вьетнамским христианским обществом, то на самом деле всё вышло наоборот. Но если в Северном Вьетнаме планам миссионеров так и не суждено было сбыться, то тридцать лет спустя они были реализованы в Южном Вьетнаме, где в пятидесятых годах XX в. была провозглашена Республика Вьетнам, в которой все высшие должности государственного аппарата занимали вьетнамские католики во главе с президентом-католиком¹.

К середине двадцатых годов стало ясно, что

¹ О Республике Вьетнам смотри главы «Части II» настоящего тома.

формировавшаяся элита новой формации, о которой можно было уже говорить как о состоявшемся явлении, не оправдала возлагавшихся на неё надежд и была далеко не столь лояльна, как того хотелось бы французам. Её представители не забыли о предвоенных «обещаниях» Альбера Сарро, вместо которых они получили реформы Мерлена. Опасность такого положения понимали и сами французы.

С особенно с резкой критикой выступали лица либеральных профессий, долго проживавшие в Сайгоне и имевшие тесные связи с вьетнамскими группами самого левого толка вплоть до коммунистических. «Факультеты университета предназначены для выпуска младших служащих администрации, которые всю жизнь будут в тени выполнять работу, утверждающую в их стране присутствие французских чиновников, охраняющих свою власть, чины и жалованье», – писал в те годы сайгонский журналист Поль Моне [908, с.83, 84].

В свою очередь известный французский историк Филипп Девийе, книга которого «История Вьетнама с 1940 по 1952 г.» стала классикой при его жизни, полагал, что «узел вопроса заключался в структуре европейского колониального общества, в организации власти во Вьетнаме. Десять – одиннадцать тысяч европейцев занимают верхушку пирамиды власти во Вьетнаме. Они “макушки” двадцати двух миллионов жителей этой страны. Чиновники держат в своих руках все административные и технические командные посты, несколько сот колонов занимают все жизненно важные позиции в экономике, торговле, сельском хозяйстве, промышленности и банковском деле. И они также доминируют в области политической, так как имеют право участвовать в выборах» [758, с.41, 42].

Таким образом, в начале послевоенного периода вновь обострились многие нерешённые проблемы начала века, повлекшие за собой рост оппозиционных настроений во вьетнамском обществе, особенно среди его образованной

части. Одновременно с этим французская колониальная политика в Индокитае подвергалась в Париже критике как со стороны правых, так и со стороны левых сил. Всё это являлось доказательством того, что дальнейшее затягивание осуществления обещанных реформ может быть опасным для будущего Франции во Вьетнаме.

4.1.2. *Вторая половина двадцатых годов XX в. Продолжение политики реформ*

В 1924 г. на парламентских выборах во Франции победил левый блок либералов, радикалов и социалистов. Благодаря этому в июле 1925 г. генерал-губернатором Индокитая был назначен член социалистической партии Франции, депутат французского парламента Александр Варенн, разделявший взгляды той части французских буржуазных кругов, которые понимали, что «...только методами насилия и противостояния со всеми классами Индокитая ничего не добьёшься и что [для этого] необходимы какие-то уступки и реформы...» [335, с.90]. Это назначение было воспринято во Вьетнаме как доказательство наступления эпохи реформ. То был период, когда вьетнамская буржуазия ещё питала надежду на получение требуемых реформ из рук колониальных властей.

По приезде во Вьетнам новый генерал-губернатор получил петицию, подписанную шестьюстами членами специальной делегации богатых землевладельцев, членов Торговой и Сельскохозяйственной палат Кохинхины и муниципальных советников Сайгона – Тёлона. Главными в этой петиции были требования: 1. О введении программы широкого начального обучения; 2. О сокращении срока военной службы вьетнамцев с трёх до двух лет; 3. О свободе вьетнамской прессы, свободе ассоциаций, союзов и собраний для вьетнамцев; 4. Об ускорении темпов «натурализации» жителей Кохинхины, лишь трёмстам из которых было предоставлено французское гражданство со времени получения ею статуса колонии; 5. Об отмене

арестов вьетнамцев за долги, допусе в суды вьетнамских адвокатов и создании представительных учреждений для вьетнамцев; 6. О полной реорганизации Колониального и провинциальных советов; 7. Об урегулировании вопроса о концессиях и создании трудовых условий, гарантирующих права вьетнамцев от произвола плантаторов [335, с.96]. Обращает на себя внимание не только большая политическая зрелость и продуманность выдвинутых требований, но и высокая степень знания их авторами западноевропейских реалий и норм жизни. Безусловно, в первую очередь это относится к образованной части новой элиты вьетнамского общества Кохинхины, но и элита Тонкина, несмотря на её большую традиционность, также была прекрасно образована, говорила по-французски и была осведомлена о проблемах политической и культурной жизни Франции середины двадцатых годов XX в. Иначе говоря, процесс модернизации общественного сознания и старых норм жизни, который был неизбежным следствием присутствия Франции во Вьетнаме, охватил все слои образованного вьетнамского общества. Как показало время, в регионе Восточной и Юго-Восточной Азии наибольшей экстравертностью, или открытостью к восприятию новых тенденций, обладают именно вьетнамцы, что, вероятно, связано с тем, что на протяжении тысячелетий этот народ находился в зоне полного взаимоналожения конфуцианского и индуистско-буддийского культурных ареалов.

Как уже отмечалось, назначение Александра Варенна вызвало энтузиазм всего вьетнамского общества. Так, при посещении им Хайфона учащиеся вышли на демонстрацию, неся лозунги: «Да здравствует социалист Варенн, да здравствует освободитель Фан Бой Тяу!» [1645.1]. При этом известный представитель северовьетнамской буржуазии Бать Тхай Бьой поместил в своей газете «Индустриальные ведомости» статью с критикой колониальных властей, препятствующих развитию предпринимательства в стране. В ней также подчёркивалось, что «сотрудничество с такими

представителями Франции, как Варен, против шайки колонизаторов будет плодотворным» [1645.1].

Со своей стороны восемьдесят представителей католического центра Фантхьет также подали А.Варенну петицию, в которой выражалось сожаление по поводу того, что Аннам не занимает соответствующего достойного положения, и выражалась надежда, что с прибытием А.Варенна «Аннам станет центром новой цивилизации всего Французского Индокитая» [1645.2].

Наконец, ранее уже упоминавшийся идеолог и лидер монархического чиновничества Фам Кюинь писал: «Именно для того чтобы создать более благоприятные условия для франко-вьетнамского сотрудничества, правительство Республики прислало сюда политического деятеля, который не отступит перед какой-либо реформой. Мы поняли всё значение этого жеста так же, как и Ваш либерализм. Мы готовы оказать Вам самую большую помощь в осуществлении политики больших реформ» [1727, с.40]. Надежда Фам Кюиня на нового «социалистического» генерал-губернатора была столь велика, что он даже выступил с предложением создать в «странах протектората» легальную политическую оппозиционную партию, аналогичную партии конституционалистов на юге. Она должна была называться «Прогрессивная партия аннамитского народа» и способствовать успешному развитию и процветанию страны при плодотворном сотрудничестве с колониальным правительством. Эта идея была широко поддержана как образованной элитой, так и мелкой буржуазией Аннама и Тонкина. Даже такой известный революционный деятель, как Фан Бой Тяу, поддержал предложение Фам Кюиня. Однако именно это всеобщее желание объединения всех патриотических сил путём создания, пусть легальной и умеренной, но оппозиционной партии напугало французские колониальные власти. Поэтому социалист А.Варенн не дал согласия на создание легальной оппозиции, мотивируя тем, что в её состав хотела войти нелегальная «Революционная

партия нового Вьетнама» лево-националистического толка [1154, с.17]. Впоследствии этот «либеральный» генерал-губернатора говорил, что единственным вариантом, на который можно было бы пойти в то время, было «создание настоящей политической партии под нашим контролем» [98.1, с.176]. Решительный отказ колониальных властей развеял у многих националистических групп последние иллюзии о возможности легального сотрудничества с Францией, что в последующие годы подвигло значительные патриотические силы избрать путь нелегальной, подпольной борьбы [520, с.174].

Тем не менее, несмотря на его отказ в создании легальной оппозиционной партии в протекторате, А.Варенн быстро понял всю опасность создавшегося положения. Поэтому он пошёл дальше по пути, проложенному в предыдущие годы Альбером Сарро и Морисом Лонгом. В опубликованном им решении от 27.02.1926 г. говорилось, что с этого времени все должности во французской администрации, кроме некоторых высших постов, будут при равных званиях одинаково доступны как французам, так и вьетнамцам [98.1, с.174]. Однако, уравнивая в должностях вьетнамских и французских чиновников, правда, в основном на бумаге, А.Варенн оставил между ними существенную разницу в оплате. Более того, им была учреждена так называемая колониальная надбавка для французских чиновников в размере семидесяти процентов их ежемесячного жалованья. Представители же вьетнамской элиты увидели в этом проявление расовой дискриминации, «...имеющей целью унижить азиатскую расу. Истоки этой политики были заложены ещё декретами от 11.9.1920 г., принятыми при министре колоний А.Сарро», – подчёркивали они несколько позже в знаменитом документе «Тетрадь пожеланий аннамитов» [861, с.8, 9].

Наибольшие результаты реформа 1926 г. имела в Кохинхине. «Вот одна из проблем, важность которой не совсем понимают во Франции, но которая в Индокитае

имеет первостепенное значение. Я увидел, что вопрос натурализации туземцев стал, по крайней мере для части населения, весьма острым вопросом, так как, не будучи натурализованными, большое число аннамитов, даже получивших образование во Франции, не могут получить работу по специальности в трёх аннамитских странах. Я навёл в этом вопросе порядок. Это принципиальная реформа, которой я хотел подчеркнуть, что аннамиты имеют право участвовать в управлении общественной жизнью своей страны» [1727, с.44]. Однако именно этого и не хотели допустить многие французские чиновники колониальной администрации. В обоснование своих возражений они, естественно, выдвигали политические причины, но на самом деле они опасались за свою зарплату, которая, особенно после учреждения колониальной надбавки, стала для них хорошей возможностью улучшить своё материальное положение. Именно поэтому министру колоний и депутату Кохинхины во французском парламенте были отправлены телеграммы с протестами против весьма умеренной реформы А.Варенна [98.1, с.174].

Параллельно с новым административным аппаратом при императорском дворе существовал и прежний аппарат управления с конкурсными испытаниями и табелью о рангах. Однако колониальные власти были заинтересованы в лояльном отношении монархического чиновничества как в своей социальной опоре среди традиционных социальных сил Вьетнама, а потому они не вступали с ними в конфликт. Их политика в отношении традиционного чиновничества в Аннаме и Тонкине лучше всего характеризуется следующими словами одного из представителей колониальных властей: «Мы поддерживаем старый правительственный организм, но при этом пытаемся реформировать его институты и нравы. Однако наши реформы с трудом приспособляются к вьетнамским традициям» [947, с.17]. Известно, что имперский аппарат управления сохранялся колониальным режимом вплоть до

Августовской революции 1945 г. Конечно, и он изменялся, однако его реформирование началось лишь после декретов 1911 г., определивших политический курс Франции в Индокитайском союзе, а проводилось оно постепенно и крайне осторожно. Так, в 1912 г. возраст приёма старых чиновников на службу был ограничен до сорока лет, а также были пересмотрены размеры их жалованья и условия продвижения по службе [1082, с.101]. С 1922 г. в Аннаме и с 1923 г. в Тонкине степени и звания старой таблицы о рангах стали присваиваться для повышения их престижа и вьетнамским служащим французской администрации. Указанные реформы не распространялись на Кохинхину, которая как «заморская территория Франции» не подлежала юрисдикции императора Аннама.

Различные, закреплённые официальными договорами времён колониального завоевания юридические статусы Тонкина, Аннама и Кохинхины, стали основной причиной их искусственного разграничения, что, как известно, было в полной мере использовано Францией во время первой вьетнамской Войны сопротивления¹ с целью увековечивания деления страны на две части.

А.Варенн осуществил значительные изменения и в административном аппарате вьетнамских провинций, где до середины двадцатых годов чиновники назначались на ту или иную должность в строгом соответствии со своим классом и рангом, от которых зависел размер жалованья. В результате реформы 1926 г. вьетнамские чиновники, получившие среднее и высшее образование во франко-вьетнамской образовательной системе, но не имевшие при этом никаких традиционных учёных степеней и званий, впервые получили возможность получать должности в административном аппарате провинций. Таким образом, если традиционные трёхгодичные конкурсные испытания были официально отменены в 1915 г. в Тонкине и в 1918 г. в Аннаме, то

¹ 1946 - 1954 гг.

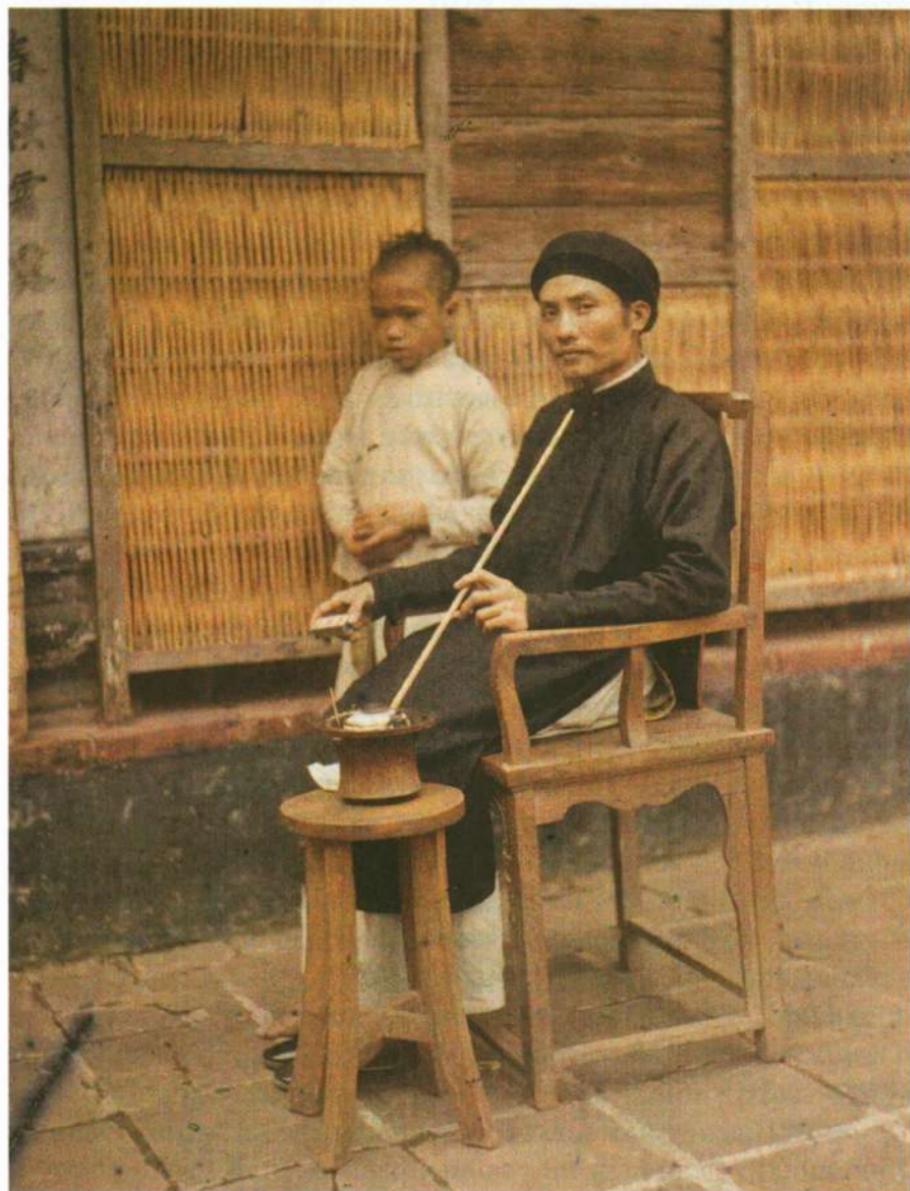
основной удар по ним был нанесён реформой 1926 г., хотя известно, что ещё в 1930 г. многие чиновники назначались в провинциальную администрацию по результатам этих испытаний [868, с.403; 995].

Кроме того, в рамках политики «ассоциации в странах протектората» А.Варенн, желая демагогически подчеркнуть «самостоятельность» этих «стран», переименовал Туземные консультативные палаты Аннама и Тонкина в Палаты народных представителей. Это переименование должно было служить доказательством того, что в «странах протектората» созданы современные представительные выборные органы. Однако, несмотря на перемену названия, палаты, не имея никакой политической самостоятельности, так и остались совещательными органами [1648.1].

Наконец, в двадцатые годы XX в. колониальные власти предприняли решительные меры для подчинения своему влиянию относительно независимой вьетнамской общины. Ещё в 1921 г. при Морисе Лонге было принято решение о реорганизации традиционного Совета старейшин общины в Тонкине в Общинный административный совет, в котором могло быть от четырёх до двадцати человек, называвшихся народными представителями. Затем в 1927 г. было принято решение о создании на уровне провинциальных центров общинных бюджетов, которые контролировались французскими резидентами [110, с.252]. Это имело далеко идущие последствия, так как если раньше французская колониальная администрация не имела возможности непосредственно влиять на жизнь вьетнамской общины, у бамбуковой изгороди которой символически останавливалась, как гласит популярная вьетнамская поговорка, даже власть императора, то теперь она получила возможность прямого политического и экономического контроля над общиной.

Согласно многовековой традиции все жители общины, общинники, делились на полноправных, или «записных» и «не записных» или неполноправных. Список первых,

подлежавших налогообложению общинников, старейшины предъявляли государственным властям. При этом составлялся и второй список, включавший как полноправных, так и не плативших налоги неполноправных жителей общины.

Староста общины, курящий трубку с водяным фильтром во дворе дома.

В количественном отношении разница между этими списками могла доходить до пятидесяти процентов. Нет никакого сомнения в том, что в каждом отдельном случае власти корректировали эти списки, но при этом они мирились с таким способом «сокращения» общей суммы налога, взимаемого с той или иной общины. Связано же это было главным образом с попыткой не нарушить давнюю традицию автономии и самостоятельности общинного мира, который являлся гарантией стабильности и спокойствия в стране.

После реформы 1927 г. все эти прежние традиционные обычаи и порядки были нарушены. Однако французские власти предпочли не вдаваться во все тонкости общинного менталитета. Поэтому в результате реформы 1927 г. список подлежащих налогообложению, но пользовавшихся за это большими привилегиями полноправных общинников был заменён общим списком всех жителей общины, который ежегодно уточнялся с целью приведения его в соответствие с действительностью [914, с.107, 108]. Интересную оценку этой реформе дал известный общественный деятель и журналист Нгуен Ван Винь на страницах издававшегося им в Ханое журнала «Новый Аннам». В частности, он писал: «Общинная реформа, от которой ожидали блестящих результатов, не принесла до сих пор ничего, кроме разочарования. Она усложнила общинную организацию. Вместо того чтобы её упростить, она добавила [в неё] новые недостатки, увеличив число тех, кто эксплуатирует деревню». В своей статье Нгуен Ван Винь подчёркивал, что традиционное деление крестьян в общине на «записных» и «не записных» позволяло последним, которые, как правило, были бедняками, платить лишь полпиастра в качестве налога. А так как община контролировала уровень жизни каждого из своих членов, то коллективная ответственность общинников за уплату налогов имела определённый смысл [929.1, с.4].

В результате детального анализа ситуации на селе Нгуен Ван Винь пришёл к выводу, что все реформы колониальной администрации, пытавшейся насадить

«сверху» свои законы, не смогли изменить положения во вьетнамской общине, в которой, как и раньше, обычай зачастую оставался значительно сильнее закона. В качестве подтверждения этого вывода Нгуен Ван Винь приводит следующий пример: «Вьетнамский военнослужащий французской армии, имевший офицерское звание, что было редкостью, в своей деревне был никто, если он не имел соответствующей степени в аннамитском военном мандаринате». Если принять во внимание, что при колониальном режиме игравшая ещё меньшую роль, чем гражданская, старая система военной чиновной иерархии была практически сведена на нет, то сохранение такого отношения к имперскому военному чину в общине было весьма показательным. Нгуен Ван Винь ссылаясь и на собственный опыт.

После реформы 1921 г. он был назначен «сверху» председателем общинного совета своей родной деревни. Однако крестьяне отказывались признавать распоряжения давно ушедшего из деревни и говорившего на чужом языке односельчанина до тех пор, пока его не признали наиболее влиятельные и богатые люди общины [929.2].

Таким образом, если, с одной стороны, реформа привела к увеличению налогооблагаемой базы общины, к превращению её старейшин из выборных третейских судей и посредников в общении с государственными властями в простых чиновников-исполнителей и в значительной степени разрушила систему общинной коллективной ответственности, то с другой, судя по умозаключениям Нгуен Ван Виня, эта реформа так и не смогла подорвать традиционные внутриобщинные связи и взаимоотношения. Наконец, следует подчеркнуть, что реформа общины 1927 г. касалась только Тонкина и не имела отношения к Аннам. Что же до Кохинхины, то там уже давно Общинные советы старейшин, по существу, превратились в созданные колониальными властями административные советы, а старейшины – в нотаблей со своими чётко ограниченными

функциями и обязанностями.

В деревнях велись записи актов гражданского состояния, существовала сельская полиция и действовала система общинных бюджетов – все это были новые, привнесённые извне черты, не типичные для старой вьетнамской деревни. В конечном счёте всё это сильно изменило жизнь крестьян южновьетнамских деревень, приблизив её к европейским нормам. Надо полагать, что одним из основных факторов успеха реформы южновьетнамской общины стала поздняя, начавшаяся лишь в XVI в. «колонизация» Кохинхины вьетнамцами, а потому классическая организация общины в этом регионе Вьетнама не имела столь глубоких корней и традиций, как в деревнях дельты Красной реки в Тонкине.

После того как в метрополии получили скандальную огласку условия жизни кули на каучуковых плантациях Кохинхины, А.Варенн принял ряд мер для изменения ситуации и в этой области. Его постановлением от 25.10.1927 г. регламентировался набор рабочей силы в Тонкине и северных провинциях Аннама¹. Было установлено, что контракт с кули может заключаться максимум на три года, продолжительность его рабочего дня не может превышать десяти часов, а также определялись пищевые нормы и санитарные стандарты его содержания. Кроме того, был создан денежный фонд, создававшийся из расчёта пяти процентов отчислений заработной платы кули, что, учитывая его мизерную заработную плату, было пустой формальностью, к которым плюсовалась более существенная сумма пятипроцентных взносов плантатора. Действия этого постановления распространялось лишь на плантации европейцев, тогда как трудовые отношения между кули и плантаторами-вьетнамцами по-прежнему ничем не регламентировались. В

¹ Из этих наиболее плотно заселённых и перенаселённых областей Вьетнама обычно производился набор избыточной рабочей силы для южных провинций страны.

том же 1927 г. для контроля за выполнением этого постановления была создана Инспекция труда и специальный корпус инспекторов, куда входили также и вьетнамцы. Однако на практике всё вышло иначе. Денежные фонды стали выплачиваться кули не с 01.01.1928 г., а с 1931 г. К тому же колонны обвинили А.Варенна в том, что «он одним росчерком пера подарил кули тридцать пять миллионов пиастров в год, взятых из кассы предпринимателя». Предусмотренное лечение кули за счёт предпринимателя не проводилось. При этом из докладов Инспекции труда известно, что на плантациях общества «Каучук А.Л.» в провинции Биенхоа за десять месяцев 1927 г. из 174 человек погибли 36 наёмных рабочих, что составляет чуть более 20% от всех работавших там кули [98.5, с.336, 337].

А.Варенн также продолжил совершенствовать начатую ещё в правление Альбер Сарро в 1918 г. «Регламентацию сельскохозяйственной рабочей силы вьетнамцев и организацию Инспекции труда» [1652, с.526]. Так, в 1927 г. этот генерал-губернатор издал постановление, в котором предусматривалось «покровительство вьетнамской и иностранной азиатской рабочей силы, работающей по контракту в области сельского хозяйства, промышленности и шахт Индокитая» [110, с.875]. Наконец, в 1928 г. был издан циркуляр, касавшийся профилактических медицинских мер для вьетнамцев, привлекавшихся Службой общественных работ к строительству различных объектов без заключения контракта [1625, с.2631]. Однако в то время всё ещё не было пособий по безработице и по потере трудоспособности на производстве, отсутствовало пенсионное обеспечение и многое другое [999, с.1 – 9]. Лишь с приходом во Францию к власти правительства Народного фронта в середине тридцатых годов во Вьетнаме впервые за весь колониальный период были введены некоторые элементы французского трудового законодательства. Правда, существовало одно исключение для вьетнамских чиновников, служивших во французской администрации, для которых ещё в 1913 г.

была учреждена «Гражданская пенсионная касса» [110, с.795, 796]. В 1929 г. социалист А.Варенн продвинулся на этом пути чуть дальше, создав «Службу социального обеспечения», деятельность которой ограничивалась помощью старикам и сиротам, а также «...ведением активной пропаганды по борьбе с социальными пороками» [1648.2, с.331; 110, с.702]. Кроме того, его постановлением от 18.9.1929 г. во всех трёх частях Вьетнама были созданы «Колониальные комитеты бывших участников войны» с целью оказания помощи вышедшим в отставку вьетнамским солдатам и низшим офицерским чинам в получении кредитов и сельскохозяйственных концессий, а также в случае возникновения иных нужд [110, с.797]. Наконец, А.Варенн предпринял также некоторые другие шаги, направленные на разрядку напряжённости во вьетнамском обществе того времени. Так он объявил амнистию всем политическим заключенным, кроме коммунистов, и, как уже неоднократно говорилось, под давлением требований всех слоёв населения помиловал Фан Бой Тяу [1501, с.13].

Таким образом, во второй половине двадцатых годов колониальными властями был проведён ряд реформ, под давлением возраставшего всеобщего недовольства французские колониальные власти были вынуждены выполнить свои обещания, сделанные накануне Первой мировой войны. Реформы того времени были проведены в интересах вьетнамской элиты и частично европейски образованных слоёв населения Вьетнама, при этом серьёзных изменений в социальной области не последовало. Сам А.Варенн признавал, что эти реформы имели целью «изоляция непримиримых, с которыми невозможно никакое соглашение, и уступки другим» [98.2, с.178]. Но даже такие давно назревшие незначительные преобразования, как уже отмечалось, наталкивались на резкое и упорное сопротивление колонов или «индокитайских французов», большая часть которых была представлена уроженцами южных сельских департаментов Франции, в основном –

лавочниками и мелкими служащими, то есть типичными мелкими французскими буржуа. Приехав во Вьетнам, они быстро обогатились за счёт местного населения, а потому не желали уменьшать социальную базу своего дохода. Поэтому нет ничего удивительного в том, что колонны не только возражали против каких бы то ни было либеральных или демократических преобразований, но и высказывали откровенно расистские взгляды [1154, с.412, 413]. Не случайно А.Варенн говорил о том, что «Надо посылать во Вьетнам только самых лучших французов, элиту, так как колонны, живущие там, – расисты». Надо признать, французские либералы по достоинству оценили деятельность этого генерал-губернатора, отмечая, что «Политика, которую он проводил..., показалась опасно революционной, в то время, как она была только мудрой и осторожной, что доказали последующие события». Правда, произошло это уже после Второй мировой войны [98.3, с.181; 843, с.35]. Однако вышеупомянутые обвинения А.Варенна в «революционности» были, мягко говоря, большим преувеличением. Будучи хорошо осведомлённым о возраставшем стремлении к независимости во вьетнамском обществе и о радикализации многочисленных политических кружков и групп вьетнамской молодёжи, особенно - её французской диаспоры, А.Варенн тем не менее подчёркивал, что даже в далёком будущем Вьетнам будет не в состоянии обойтись без сотрудничества с Францией. Поэтому в дальнейшем французская опека должна создать в Индокитае не независимое государство, а доминион. В свете этого мнения интересен и тот факт, что при А.Варенне в 1927 г. французский состав частей колониальной армии в Индокитае был увеличен в два раза [98.1, с.42 – 45].

Жалобы колоннов Кохинхины на генерал-губернатора А.Варенна не остались без внимания, и в 1928 г. он был отозван ещё до окончания срока своего правления. Это единственный такой случай за всю историю колониального периода. Его сменил профессиональный колониальный чиновник Пьер Паскье, занимавший до этого должность

верховного резидента Тонкина. Но и П.Паскье, хотя его назначение и было с восторгом воспринято противниками А.Варенна, был вынужден считаться с требованиями верхушки вьетнамского общества. Наиболее значительной реформой, осуществлённой во время его генерал-губернаторства, было образование в 1928 г. Большого совета экономических и финансовых интересов Индокитая. Этой реформе придавалось большое значение, так как Большой совет, с одной стороны, рассматривался как своего рода независимый от колониальной администрации предпарламент стран Индокитая, а с другой – как важная веха в политике «франко-вьетнамского сотрудничества» [110, с.121, 122].

<i>Состав Большого совета Индокитайского союза</i>		
<i>Страны</i>	<i>Французы</i>	<i>Жители Индокитая</i>
Кохинхина	7	5
Тонкин	6	5
Аннам	4	3
Камбоджа	4	3
Лаос	2	2
Назначаемые генерал-губернатором лица не из числа чиновников администрации	6	5
Итого	28	23

Выборы в Совет проводились на основе высокого имущественного ценза различными «представительными» органами, а также Торговыми и Сельскохозяйственными палатами Тонкина и Аннама. Главным вопросом его повестки дня было обсуждение ежегодного бюджета, затем обсуждались налоги и планы крупных общественных работ. Решения Совета в обязательном порядке утверждались генерал-губернатором. Таким образом, ни о какой независимости от колониальной администрации не могло быть и речи, хотя в целом создание Большого совета Индокитайского союза, восемьдесят процентов которого

избиралось и который почти наполовину состоял из представителей местного населения, было существенной уступкой со стороны колониальных властей. С его созданием вьетнамские предприниматели, торговцы и сельская буржуазия получили возможность, пусть во многом и ограниченную, участия в экономической жизни страны на уровне высших управленческих структур. Однако при этом многочисленные ограничения по цензу осёдлости, по возрасту, по имущественному положению и по другим параметрам привели к тому, что неимущие и в определённой степени средние слои вьетнамского общества не были допущены не только к выборам Большого совета, но и к значительно менее значимым выборам. Так, в Южном Вьетнаме 10 тысяч французов имели в Колониальном совете Кохинхины 14 представителей, а 10 миллионов вьетнамцев – всего лишь 12 [98.4, с.94].

С Пьером Паскье также связан ряд реформ в Тонкине и Аннаме, направленных на «возвращение» к выполнению договора о протекторате 1884 г., который, в частности, заявил: «Я должен уважать договоры Франции,... Необходимо неукоснительное применение режима протектората» [947, с.17, 18]. Однако ни сам П.Паскье, ни его преемники так и не «исправили» основное нарушение этого договора, связанное с наличием аппарата французских резидентов на уровне провинций, что воспринималось вьетнамцами как прямое вмешательство во внутреннее управление страной и лишение монархии права на принятие самостоятельных решений в управлении страной.

Наконец, необходимо отметить, что, несмотря на множество французских реформ двадцатых годов XX в. в Индокитае, все они были излишне осторожными, и, главное, их проведение значительно отставало от роста национального самосознания вьетнамского общества, в первую очередь – его образованной части.

Глава 2

Вьетнам до начала Второй мировой войны. Выдвижение коммунистов на передний план национально-освободительного движения в конце двадцатых – начале тридцатых годов XX в. Вторая мировая война и Августовская революция 1945 г.

В предыдущей главе уже достаточно много говорилось о национально-освободительном движении во Вьетнаме до начала тридцатых годов XX в. Поэтому в «Параграфе I» данной главы оно затрагивается постольку, поскольку это необходимо для общего понимания происходивших во вьетнамском обществе того времени процессов.

1. Либерально-реформаторское течение в первой половине двадцатых годов

Наиболее состоятельная группа вьетнамской буржуазии начала XX в. была представлена крупными землевладельцами Кохинхины. Не имея возможности выражать свои политические взгляды в различных представительных органах, созданных французской администрацией, прежде всего – во французском парламенте, представители этой вьетнамской элиты нашли для себя трибуну в виде прессы. Так, в 1919 г. сразу после окончания Первой мировой войны представители наиболее влиятельных кругов сайгонской буржуазии, крупных землевладельцев и плантаторов объединились вокруг газеты «Эхо Аннама», на страницах которой они публиковали статьи в поддержку так называемой политики «патриотического меркантилизма». Поскольку проведение обещанных А.Сарро реформ затягивалось, они создали в 1923 г. Конституционную партию, лидером которой стал известный представитель южновьетнамской элиты Буй Куанг Тиеу (1873 – 1945 гг.). Он учился в Париже, стал членом франкмасонской ложи и был первым вьетнамцем, получившим учёную степень инженера-агронома. Вернувшись на родину, в 1897 г. Буй Куанг Тиеу служил чиновником во французском колониальном аппарате, преподавал в ряде училищ Митхо и Зядини. Как натурализованный гражданин Франции Буй Куанг Тиеу имел

право на создание политической партии, рупором которой и стала сайгонская газета «Индокитайская трибуна».

Буй Куанг Тиеу с детьми (Мадлен, Генриетта, Луи, Камилла и Элен).
Фунюан, 1921 г.

В июне 1925 г. Буй Куанг Тиеу поехал в Париж, чтобы представить правительству Франции программный документ своей партии с требованием реформ и преобразований,

известный под названием «Дезидерата» [795, с.179]. В связи с этим следует подчеркнуть, что, борясь за свои классовые интересы, буржуазия Кохинхины в то же время выдвинула и такие требования общедемократического характера, как отмена непопулярных монополий на опиум, соль и алкоголь, отмена системы «эндижената» в Аннаме и Тонкине и применение во всех частях Вьетнама основных положений трудового законодательства. Наиболее острым с политической точки зрения являлся первый пункт «Дезидераты» о предоставлении Индокитаю политического статуса, соответствующего уровню его современного развития.

В подготовке «Дезидераты» приняли участие такие общественные деятели Вьетнама XX в., как Фан Тю Чинь, проживавший в те годы под надзором полиции в Париже, и Нгуен Ан Нинь, известный своими левыми радикальными взглядами. Всего же под «Дезидератой» поставили свои подписи восемьсот прогрессивных представителей французской и вьетнамской общественности [520, с.172]. В полном объёме программа Конституционной партии была напечатана за подписью Буй Куанг Тиеу и его ближайшего соратника Зьонг Ван Зяо, возглавлявшего Парижский комитет партии, в бельгийском журнале под названием «Надежды Аннама». В частности, Буй Куанг Тиеу писал в этой статье: «Нам удалось представить общественному мнению метрополии пожелания наших соотечественников. Сейчас как никогда глубоко наше убеждение в том, что более образованный французский народ окажет нам свою поддержку, чтобы искоренить несправедливость, существующую по отношению к аннамитскому народу, который столько раз проявлял свою преданность Франции во время великой войны» [795, с.184, 185].

В 1925 – 1926 гг. конституционалисты развернули политическую кампанию в метрополии, для того чтобы французское правительство приняло программу реформ во Вьетнаме в рамках политики франко-вьетнамского сотрудничества. Для этого ими была создана Конституционная ассоциация, которая организовала серию конференций в

Париже и в провинциях Франции. Их результатом стало создание 20-го октября 1926 г. Конституционной партии в метрополии, при этом прежняя партия в Кохинхине получила статус её Индокитайской секции [823, с.8].

Наиболее полно политическая позиция Буй Куанг Тиеу была изложена в его обширном докладе «Азиатская Франция. Современный Индокитай. Быть или не быть. К доминиону» [795.1]. Он открывался разделом «Коренные реформы», в котором содержались требования свободы слова, союзов и собраний, ослабления цензуры вьетнамоязычной прессы, а также передвижения внутри и за пределами страны, прежде всего – в метрополии. Буй Куанг Тиеу подчёркивал, что, несмотря на опубликование в Индокитае закона о свободе печати, вьетнамоязычная пресса по-прежнему подвергается обязательной двойной цензуре как со стороны местной администрации, так и со стороны службы безопасности. Он также отмечал, что «в течение некоторого времени местная власть систематически отвечает абсолютным молчанием на любую просьбу о создании новых вьетнамских организаций». После этого Буй Куанг Тиеу в разделе о реформах «административного порядка» говорит о том, что «При национальной монархии образование было полностью свободным и бесплатным на всех ступенях, не было ни одной общины без нескольких школ. Настоящий режим, установленный французской колониальной администрацией, наносит удар по одной из наиболее уважаемых традиций опекаемого народа и сильно препятствует его законному желанию учиться. Моральный ущерб подобной системы среди местного населения не поддается учёту». Наконец, в разделе «Администрация» Буй Куанг Тиеу затронул одну из наиболее острых проблем о вьетнамских кадрах в колониальной администрации, в которой, как это было показано ранее, французские чиновники занимали большинство мест, оставляя вьетнамцам плохо оплачиваемые незначительные должности. Выступая за расширение предоставления французского гражданства вьетнамской элите, Буй Куанг Тиеу писал: «Мы требуем, чтобы аннамиты, получившие образование и диплом

в университетах метрополии или Ханоя, члены Почётного легиона, служащие колониальной администрации, военные и моряки в отставке, землевладельцы, коммерсанты и промышленники пользовались правами французских граждан с разрешения председателя суда по месту их жительства». По его мнению, именно новая вьетнамская элита, обладающая финансовыми средствами и свободно владеющая французским языком, должна была составить привилегированный слой вьетнамцев, получивших от колониальных властей преимущества и властные полномочия. «Речь идет не о массовой натурализации, а о либеральном, более широком признании французскими гражданами ограниченного числа аннамитов, заслуживших это своим уровнем западной культуры, своим служением делу Франции. Что касается основной массы аннамитского народа, то необходимо предоставить ему определенный индокитайский статус, обеспечивающий минимум политических и гражданских прав».

В своём докладе Буй Куанг Тиеу также коснулся вопроса участия элиты Вьетнама в политических делах страны. Он критиковал как созданную французскими властями в различных выборных органах Кохинхины так называемую систему «туземного представительства», так и существование вьетнамских представителей при правительстве метрополии. Кроме того, он выдвинул требование о создании сильной вьетнамской армии и отмене ряда монополий, которые были абсолютно нереальны, так как Франция ни в коем случае не решилась бы на шаги, которые могли бы подрвать её военное и экономическое господство в Индокитае.

В заключение Буй Куанг Тиеу предложил создать комиссию по реформам в Индокитае, которая работала бы в Париже «вне неблагоприятной атмосферы Ханоя или Сайгона». При этом весь текст доклада был пронизан мыслью о том, что Франции пора выполнить данные ею накануне Первой мировой войны обещания, тем более что они тормозятся колониальной администрацией, критика которой не подразумевает критики самой Франции. «Мы заявляем во

всеуслышание» – писал Буй Куанг Тиеу, – «что признаём благодарения олеки Франции, укрепления и продолжения которой горячо желают аннамиты» [795.1, с.167].

Буй Куанг Тиеу и его сподвижник Нгуен Фан Лаунг были одними из авторов охарактеризованной выше, поданной новому генерал-губернатору – Александру Варену в 1925 г. петиции, с политическим курсом которого они связывали свою судьбу.

Торопя социалиста А.Варенна с проведением реформ, они критиковали в своей партийной газете «Индокитайская трибуна» как отдельных представителей колониальной администрации, так и различные аспекты самого колониального режима. Так, Буй Куанг Тиеу и Нгуен Фан Лаунг выступали против губернатора Кохинхины М.Коньяка, критиковали представителя Кохинхины в Национальном собрании Франции Эрнеста Утрея, а также редактора газеты «Беспристрастный» М.Шавиньи [1101, с.268].

Представители вьетнамской буржуазии высказывали также недовольство портовой монополией французских компаний в Сайгоне, стремлением французов овладеть рынком популярного вьетнамского соуса «ныок мам» и спекуляцией землями в недавно освоенных районах дельты Меконга, при этом французские колонны обвинялись в манипуляциях со статьями закона с целью получения дополнительных преимуществ. Все это были вопросы, волновавшие вьетнамских предпринимателей, торговцев и широкие слои населения Кохинхины в целом.

Как было сказано, А.Варенн решил часть этих проблем, чем смягчил недовольство элиты Кохинхины, но при этом даже не было речи о том, чтобы хоть как-то затронуть экономические интересы французских экспортных компаний. Французские власти пошли лишь на частичное удовлетворение требований конституционалистов, общедемократические требования которых были просто проигнорированы. Поэтому, понимая, что больших уступок от Франции не добиться, Буй Куанг Тиеу вместе с кохинхинской буржуазией постепенно «отошёл» от национально-освободительного движения, что

вызвало разочарование вьетнамской общественности. Таким образом, возможности успешного диалога с колониальными властями были исчерпаны, а имевшая наиболее сильные экономические позиции кохинхинская буржуазия в силу своих соглашательских и умеренных националистических позиций не смогла возглавить национально-освободительное движение после Первой мировой войны. Это во многом объясняет успех левых сил в антиколониальном движении в дальнйший период развития истории Вьетнама. Сам же Буй Куанг Тиеу, будучи уже очень пожилым человеком, был расстрелян бойцами Вьетминя за сотрудничество с французскими колониальными властями в 1945 г.

Интересно отметить, что вьетнамская буржуазия Кохинхины, в целом не принимая взглядов традиционной элиты Тонкина и Аннама¹, соглашались с ней в главном вопросе о присутствии «цивилизованной» Франции во Вьетнаме [955, с.400]. При этом если Буй Куанг Тиеу и его единомышленники делали ставку на демократические преобразования, то в традиционной элите единодушия не было. Так, упоминавшийся выше Нгуен Ван Винь полагал, что община как базовая и наиболее древняя ячейка вьетнамского общества представляет собой готовый идеальный вариант модели всего общественного и административного устройства Вьетнама. В будущем же он предлагал установить в «странах» протектората республиканский общественный строй по западному образцу, а в ожидании этого – «прямое» управление, похожее на ту систему, которая была создана французскими властями в Кохинхине [1186, с.76]. Другой, также неоднократно упоминавшийся выше представитель этой элиты Фам Кюинь считал, что «политика ассимиляции и методы прямого управления, которые являются её прямым следствием, обречены на неудачу,... В Аннаме – Тонкине применение такого режима практически невозможно» [955, с.392]. По его мнению, добиться развития национального

¹ О взглядах традиционной вьетнамской элиты и об их лидере Фам Кюине смотри в «Параграфе 4.1» предыдущей главы.

самосознания можно было только через утверждение национальной культуры и традиций. В тридцатые годы XX в. эти взгляды Фам Кюиня получили дальнейшее развитие.

1.1. Левое крыло национально-освободительного движения в первой половине двадцатых годов

К двадцатым годам XX в. относится появление молодого поколения, которое благодаря своему имущественному положению имело возможность получить среднее и высшее образование как в Ханое, так и в учебных заведениях метрополии. Эта оторванная от традиционной культуры молодёжь находилась под сильным влиянием левых кругов Франции, что привело к постепенной радикализации её взглядов. Этому же способствовали достаточно умеренные требования на переговорах в Париже, в которых отсутствовало принципиальное требование – о предоставлении Вьетнаму независимости. Маятник общественного мнения качнулся влево от поддержки Буй Куанг Тиеу к резкой критике его действий. Вследствие этого в Париже начала формироваться националистическая троцкистская партия левого толка, ставшая известной впоследствии под названием «Независимый Вьетнам». Основателем и идейным вдохновителем этой партии считается Нгуен Тхе Чуен [868, с.9].

Созданию «Независимого Вьетнама» предшествовало объединение межколониальной группы активистов вокруг газеты «Душа Вьетнама», которая финансировалась Ассоциацией рабочих ручного труда и выходила на французском, вьетнамском и китайском языках. Номера газеты распространялись в казармах индокитайских стрелков и в учебных заведениях метрополии, где учились молодые вьетнамцы. Активисты «Души Вьетнама» представляли свой союз как действующее во Франции отделение вьетнамских тайных революционно-националистических объединений – организации «Возрождение Вьета» на севере и группы «Молодой Аннам» на юге. От имени первой они даже распространили во Франции призыв к Лиге наций от 25-го июля 1926 г., в котором содержались откровенно утопические

и в какой-то степени провокационные требования об урегулировании военной задолженности Франции перед Вьетнамом и о заключении между метрополией и её заморской территорией союзнического договора. Являвшиеся сторонниками республиканских идей Фан Бой Тяу, члены будущей партии «Независимый Вьетнам» поддерживали отношения с французским отделением китайского Гоминьдана¹, подчёркивая тем самым связь вьетнамского национально-освободительного движения с китайской революцией 1926 – 1927 гг. Они также говорили о неизбежности войны в Индокитае. Так 20-го мая 1926 г. газета «Душа Вьетнама» организовала в Париже митинг, на котором распространялись листовки под заголовком «Увидим ли мы войну в Индокитае?».

Следует отметить, что активисты «Души Вьетнама» не принимали действий конституционалистов, отношения с которыми постоянно ухудшались. В связи с этим можно отметить, что на конгрессе Антиимпериалистической лиги в Брюсселе в 1926 г. националистически настроенные видные деятели левого направления – президент Ассоциации взаимопомощи аннамитов в Париже Чан Ван Ти, делегат от партии «Независимый Вьетнам» Хоанг Куанг Зиу и делегат от группы «Молодой Аннам» Буй Конг Чынг – выступили против представительства делегатов Конституционной партии на конгрессе. Они заявили, что «Аннамитский народ больше не верит в “свободное сотрудничество” [с Францией], о котором ему говорят более семидесяти лет, и что он ждёт предоставления полной независимости Вьетнаму. Для этого аннамиты стремятся к тесному единению рабочих, крестьян и интеллигенции. Как наши китайские братья» – заявили они, – «мы обращаем взор на храбрый пролетариат мира» [868, с.10].

Следует подчеркнуть, что тезисы о союзе рабочих и крестьян и о мировом пролетариате и никогда прежде не использовались лидерами вьетнамского национально-освободительного движения. Очевидно, что эта новая

¹ То есть «Национальная партия» Китая.

риторика вместе с открытым выступлением против признанного и авторитетного политического лидера вьетнамского национально-освободительного движения того времени – партии конституционалистов свидетельствует об уже значительном влиянии Французской коммунистической партии, а через неё и Коммунистического Интернационала¹ на вьетнамские националистические организации левого толка во Франции.

Не менее показательны действия руководителей ещё не оформившейся до конца партии «Независимый Вьетнам» в связи с дебатами во французском парламенте по Индокитаю. 26-го марта 1927 г. они направили правительству Франции «Меморандум», в котором предлагалось создать комиссию по немедленной эвакуации Франции из Индокитаю. Это предложение обнажило принципиальную разницу между позицией вьетнамских левых революционеров и взглядами конституционалистов, которые предложили создать комиссию по проведению опроса среди населения для выяснения ситуации в Индокитае.

Наконец, официальное объявление 13-го июня 1927 г. о создании партии «Независимый Вьетнам» знаменовало собой окончательное оформление разрыва левых с Конституционной партией [520, с.176].

На данном этапе члены новой партии стремились как можно шире распространить текст вышеупомянутого «Меморандума» и предпринимали меры по разоблачению лозунга «франко-вьетнамского сотрудничества» и по срыву политики реформ А.Варенна. В 1926 г. они организовали ряд митингов в Париже, Гавре, Марселе, Монпелье, Тулузе и Бордо, где находилась большая часть вьетнамских докеров и рабочих. Повсеместно распространялась и известная брошюра Нгуен Ай Куока «Французский колониализм перед судом общественности» [868, с.12].

Официальные круги Франции обошли молчанием «Меморандум», а сама партия «Независимый Вьетнам»

¹ То есть «III Интернационал», далее – «Коминтерн».

раскололась в 1928 г. на левое и умеренное крылья из-за идейных разногласий [520, с.177].

1.2. *Национально-революционные партии Вьетнама во второй половине двадцатых годов*

В национально-освободительном движении Вьетнама двадцатых годов четко прослеживаются два направления. Одно – революционное, ставившее своей целью изгнание французских колонизаторов из страны и завоевание независимости, второе – либерально-реформаторское, желавшее получить реформы из рук колониальных властей. Эти два направления «могут быть прослежены в дальнейшем своём развитии как основные тенденции в национально-освободительном движении Вьетнама. Можно обнаружить воплощение этих тенденций, с одной стороны, в таких мелкобуржуазных революционных партиях, как “Вьетнам куок зан данг”¹, с другой – в Конституционной партии, отражавшей интересы крупной буржуазии и помещиков, связанных с французскими монополиями» [333, с.10, 11]. Середина двадцатых годов XX в. стала переломным моментом в национально-освободительной борьбе вьетнамского народа, так как именно в это время многие националистически настроенные кружки и группы осознали невозможность дальнейших легальных действий. В результате чего они перешли к нелегальным методам вооружённой борьбы за национальную независимость¹¹. Несмотря на относительную многочисленность упомянутых национально-революционных кружков и групп, состоявших главным образом из мелкобуржуазных слоев общества, учащейся молодежи, мелких служащих и преподавателей, они не были достаточно организованы и не имели сформулированной политической программы. Приводя в качестве типичного примера слабой организованности указанных кружков «Партию Молодёжи»,

¹ «Национальная партия Вьетнама».

¹¹ О причинах таких изменений в национально-освободительном движении смотри предыдущие два параграфа настоящей главы.

Чан Хюи Лиен впоследствии писал: «В действительности в то время мы не знали, как нужно организовать партию, как принимать в неё новых членов». Соответственно этот кружок, возникший в 1926 г., просуществовал недолго. Его члены выступали против лозунга «За франко-вьетнамское сотрудничество!», участвовали в сайгонских демонстрациях против ареста известного патриота Нгуен Ан Ниня и организовали похороны Фан Тю Чиня, вылившиеся в мощные антифранцузские демонстрации. Затем этот кружок распался. Многие его члены вошли в состав других, более крупных политических партий Вьетнама конца двадцатых годов, при этом наиболее решительные из них примкнули к коммунистическому движению [1501, с.23, 53]. Тогда же в Сайгоне пользовался большой популярностью кружок Нгуен Ан Ниня, радикальные взгляды которого привлекали к нему революционно настроенную молодежь. Он издавал газету «Треснувший колокол» и сумел опубликовать в Париже свою брошюру «Франция в Индокитае». Нгуен Ан Нинь жёстко критиковал как индокитайскую политику Франции, так и многих высших чиновников колониальной администрации, указывая, что «их европейский престиж базируется не на моральном или интеллектуальном превосходстве над азиатами. Он базируется на цвете кожи и на “престиже победителя”. Этот престиж культивируется колониальным правительством, так как это единственная моральная сила, которая его поддерживает» [908.1, с.230]. В 1926 г. Нгуен Ан Нинь был арестован. С его арестом распался и кружок группировавшейся вокруг него сайгонской революционной мелкобуржуазной интеллигенции.

В 1925 г. в южнокитайском городе Гуанчжоу по инициативе Хо Ши Мина была создана первая вьетнамская марксистская организация «Товарищество вьетнамской революционной молодёжи», внутри которой действовала коммунистическая группа, ставшая впоследствии его руководящей силой. Создание этой марксистской организации знаменовало собой переход вьетнамского национально-освободительного движения в принципиально иную, новую

фазу развития.

В то же время рост национально-освободительного движения во Вьетнаме привёл к созданию более крупных национально-революционных партий. Как и политические кружки и группы первой половины двадцатых годов, они ставили своей целью завоевание независимости Вьетнама и изгнание колонизаторов вооружённым путем. Однако эти партии не смогли преодолеть до конца черты кружковщины, к тому же им были в определённой присущи такие черты тайных вьетнамских обществ конца XIX – начала XX в., как скреплённая кровью клятва верности, казнь предателей и другие. Одной из первых партий этого типа была основанная на базе слияния двух кружков 14-го июля 1925 г. партия «Возрождение Вьета». Почти сразу же её руководители попытались установить контакты с «Товариществом», направив для этого своего представителя в Гуанчжоу. В июле 1927 г. после долгих и сложных переговоров обе партии согласились на формальное объединение под названием «Революционное товарищество Вьетнама» с радикальной программой партии «Товарищества», в которой ставилась цель свершения революции во Вьетнаме и построения там коммунистического общества. Однако это не устраивало правое крыло руководства партии «Возрождения Вьета». Поэтому уже 14-го июля 1927 г. на партийном съезде этой партии в Хюе была принята её новая программа, а чтобы окончательно отмежеваться от «Товарищества» было изменено и само название партии, которая с этого времени стала именоваться «Революционной партией нового Вьетнама» [217.1, с.10, 13, 15, 23].

Тем не менее контакты с «Товариществом» сказались на новой программе «Революционной партии», в результате чего она явно эволюционировала влево, при этом структура её партийной организации стала более централизованной. Однако деятельность «Революционной партии нового Вьетнама» по-прежнему ограничивалась в основном рамками Центрального Вьетнама, а переход её членов в ряды «Товарищества» стал обычным явлением. Так например, в докладе секретаря ЦК

«Революционной партии» Фан Кiem Хюи на её очередном съезде в феврале 1928 г. отмечалось, что к этому времени в партии насчитывалось около двухсот партийцев, объединённых в ячейки от трёх до пяти человек. Основная часть этих ячеек находилась в Центральном Вьетнаме, в Южном Вьетнаме их было только семь, а в Северном Вьетнаме – пять, при этом из шестидесяти принятых в партию человек сорок пять перешли в «Товарищество». В докладе также отмечалось, что партия не имела влияния и авторитета среди широких народных масс, особенно – среди рабочего класса [97, с.34]. Всё это привело к тому, что с конца 1928 г. «Революционная партия нового Вьетнама» переживала острый идеологический кризис, связанный с разногласиями в руководстве, отсутствием единой тактики, локальностью, недостаточной степенью организованности и неумелой конспирацией, в результате чего многие из её членов были арестованы французской полицией. В 1929 г. отделение партии в Южном Вьетнаме было полностью дезорганизовано, а сама она утратила половину своего состава. Наконец, с июля 1929 г. левое крыло «революционной партии» предприняло попытку координировать свои действия с созданной 17-го июня 1928 г. в Северном Вьетнаме «Коммунистической партией Индокитая», а в конце 1929 г. в Центральном Вьетнаме был создан «Союз коммунистов Индокитая», или «Индокитайский коммунистический союз» [607, с.25]. Помимо членов левого крыла «Революционной партии нового Вьетнама» в него вошли профсоюзы, крестьянские и женские союзы, ассоциации учащихся, в результате чего «“Индокитайский коммунистический союз” стал “широкой и представительной организацией коммунистического направления”» [488, с.44]. В то же время умеренно настроенная «Революционная партия» эволюционировала вправо, встав на путь непримиримой борьбы с марксистской идеологией. Таким образом, в силу классовой неустойчивости, идеологии национализма и мелкобуржуазных взглядов членов «Революционной партии нового Вьетнама» ей были присущи все связанные с этим недостатки. Однако сам факт

возникновения такой партии во Вьетнаме и её подпольная деятельность, направленная против французских колонизаторов, имели большое значение для освободительной борьбы вьетнамского народа за свою независимость [1521, с.484].

К концу двадцатых годов против французского колониального режима во Вьетнаме также выступила средняя и мелкая буржуазия Северного Вьетнама. В 1927 г. под влиянием идей Сунь Ятсена она создала одноимённую с китайской «Национальную партию Вьетнама»¹, три главных принципа которой – «национализм», «народовластие» и «народное благосостояние» легли в основу принятой вьетнамцами в 1928 г. программы действий. В ней говорилось, что целью партии «является сплочение всех сил народа для изгнания французских колонизаторов из Вьетнама, свершение национальной революции и создание государства с республиканским строем». С этой целью предусматривалась широкая революционная пропаганда среди так называемых «тонкинских стрелков», индивидуальный террор, а также организация отдельных вооружённых выступлений в качестве прелюдии к всеобщему вооружённому восстанию [1501, с.32, 33, 91, 93]. Первичной организацией «Национальной партии Вьетнама», которая строилась на принципах демократического централизма, была ячейка. В партии имелись и женские группы, организация которых была аналогична всей организации партии в целом. В детально разработанных уставе и программе «Национальной партии Вьетнама» ясно формулировались обязанности членов партии и ставилась задача организации умелой конспирации. Последнее, учитывая частое проникновение провокаторов в партийную среду, являлось немаловажным фактором успешной борьбы. Наконец, в программе этой партии говорилось о будущем Вьетнама после изгнания колонизаторов, что в принципе отсутствовало в программах более ранних партий либерального толка. Основной силой «Национальной партии

¹ Смотри «Примечание 1» в «Комментарии» к следующей главе.

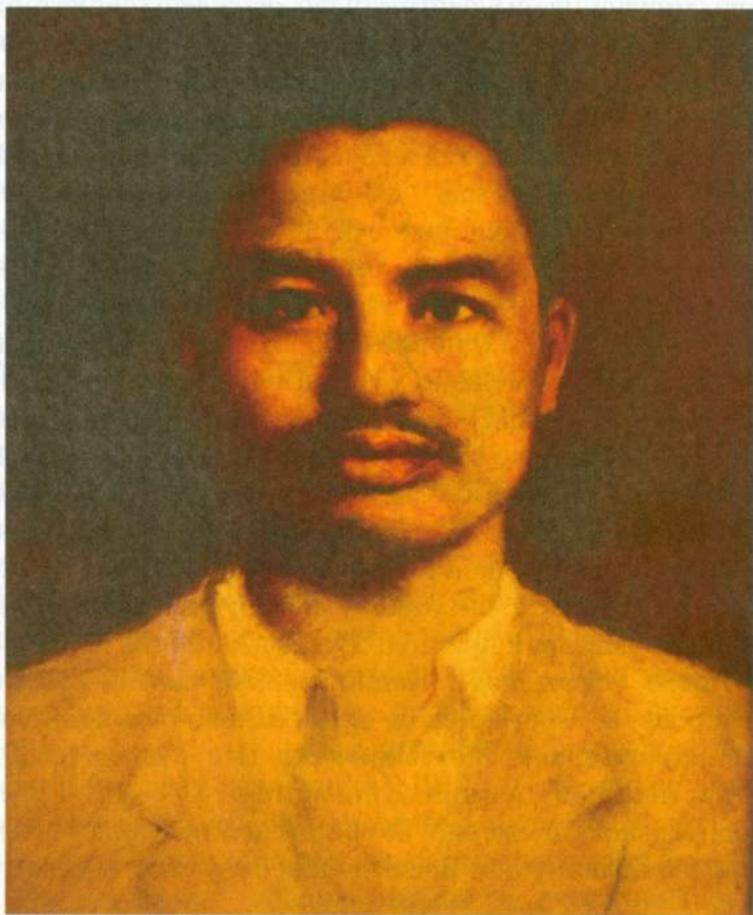
Вьетнама» были солдаты и крестьяне, руководимые городской средней и мелкой буржуазией. Она быстро получила широкую поддержку патриотически настроенной части интеллигенции, служащих и студенчества Северного Вьетнама, тогда как в Южном эта партия имела лишь незначительное влияние, а в Центральном – почти не создала своих организаций. Возглавили партию молодой педагог Нгуен Тхай Хок и его ближайший соратник Нгуен Кхак Нью, заявившие в конце двадцатых годов: «“Национальная партия Вьетнама” является авангардом национальной революции» [1501, с.38, 39, 52, 90].

**Социальная принадлежность и численность
«Национальной партии» [97, с.11, 12].**

Секретари французской администрации	36
Служащие вьетнамской администрации	3
Учителя	36
Учителя частных школ	4
Учителя, обучавшие китайскому письму	2
Студенты	6
Журналисты	4
Служащие в системе торговли и промышленности	10
Торговцы и ремесленники	39
Помещики, плантаторы	37
Военные	40

9-го февраля 1929 г. террористами «Национальной партии Вьетнама» было совершено убийство крупного чиновника французской колониальной администрации Эрве Базена, для расследования обстоятельств которого генерал-губернатор Индокитая Пьер Паскье создал особую комиссию. В результате, служба безопасности захватила много партийных документов. Также французские власти арестовали большое количество членов «Национальной партии Вьетнама», однако сама она так и не была уничтожена. Усилив конспирацию и уйдя в глубокое подполье, партия сумела мобилизовать свои силы, а потому число её членов опять стало увеличиваться. К концу 1929 г. она уже насчитывала 120 ячеек, в которых числилось 1500 человек [758, с.56].

В том же году партия приняла новые устав и программу, отражавшие изменение обстановки и содержавшие положения о всеобщем восстании, которое первоначально было назначено на 9-ое февраля 1930 г., но в последний момент было перенесено на 15-ое февраля.

Нгуен Тхай Хок (1904 – 1930 гг.).
Музей Истории Вьетнама. Ханой. 18.04.2011 г.

Из-за плохой подготовки и несогласованности действий это известие так и не было получено. Поэтому 9-го февраля 1930 г. Нгуен Тхай Хок поднял вооружённое восстание во французской военной крепости Иенбай в северо-западном

Вьетнаме, которое согласно первоначальной договорённости должно было послужить сигналом для всеобщего восстания в Тонкине. Не получившее поддержки восстание было жестоко подавлено применившими авиацию французскими войсками. Начались репрессии. Девять руководителей партии были казнены, многие члены партии были осуждены на каторжные работы и только немногие из них сумели бежать в Южный Китай [217.1, с.65, 66, 113 – 126]. Это было окончательным поражением «Национальной партии Вьетнама». Основной причиной её поражения, так же как и «Революционной партии нового Вьетнама», была их идеологическая установка, согласно которой революция считалась «делом избранных», что привело к определённому сектантству и изолированности партии и в конечном счете – к узости её социальной базы.

Таким образом, поражение Иенбайского восстания лишило среднюю и мелкую буржуазию Северного Вьетнама политического лидера в лице «Национальной партии Вьетнама». Связано же это было с тем, что претендовавшая в конце двадцатых годов XX в. на роль лидера национально-освободительной борьбы «Национальная партия Вьетнама» так и не смогла преодолеть рамок регионализма. Отсюда – ошибка в оценке ситуации и ничем неоправданная поспешность действий при подготовке восстания.

После поражения «Национальной партии Вьетнама» главная роль во вьетнамском национально-освободительном движении перешла к созданной Хо Ши Мином в 1930 г. Коммунистической партии Индокитая. С этого времени освободительное движение во Вьетнаме вступило в новую, качественно отличную от предыдущих фазу своего развития.

2. Вьетнам в годы мирового экономического кризиса 1929 – 1933 гг.

2.1. Зарождение коммунистического движения во Вьетнаме. Роль Коминтерна

Распространение марксизма во Вьетнаме и зарождение коммунистического движения связано, в первую очередь, с именем Хо Ши Мина. Его пребывание во Франции, тесное

общение с видными политическими деятелями левых кругов и вступление во Французскую коммунистическую партию¹ на её учредительном съезде в Туре в 1920 г., а также его активная антиколониальная деятельность в Париже, наконец, знакомство с произведениями В.И.Ленина способствовали формированию марксистско-ленинского мировоззрения Хо Ши Мина.

Также следует отметить и заслугу французской компартии по распространению идей марксизма в среде колониальных диаспор во Франции, в результате которого революционно настроенные вьетнамцы, алжирцы, тунисцы, марокканцы и малагасийцы в 1922 г. создали в Париже «Союз народов французских колоний». Его печатным органом стала издававшаяся Хо Ши Мином в Марселе газета «Пария». Особое значение для формирования политических взглядов Хо Ши Мина имела его учёба в Москве и работа в руководящих органах Коминтерна. Уже первые статьи свидетельствуют о восприятии им основных положений марксизма-ленинизма как руководства к действию в условиях колониального Вьетнама. Так, в уже упоминавшейся работе «Французский колониализм перед судом общественности», вышедшей в Париже в 1925 г., Хо Ши Мин впервые ставит вопрос о необходимости создания во Вьетнаме партии коммунистов [520, с.181].

В начале двадцатых годов активизация деятельности вьетнамских революционеров способствовала и обстановка в Китае, где в 1919 г. под влиянием Великой октябрьской социалистической революции 1917 г. возникло широкое антиимпериалистическое «Движение 4-го мая», а в 1921 г. была создана Коммунистическая партия Китая (далее – КПК).

В результате Южный Китай в очередной раз стал центром пребывания вьетнамских революционеров, где они укрывались от преследований и проводили различные организационные мероприятия. Так, например, в 1924 г. на базе созданного ещё Фан Бой Тяу «Общества возрождения

¹ Далее – ФКП.

Вьетнама» в Кантоне¹ было сформировано новое «Общество единомышленников» [387, с.49]¹¹. Затем, в июне 1925 г., вскоре после прибытия в Южный Китай официальной советской миссии, возглавлявшейся Бородиным, куда входил в качестве секретаря-переводчика Хо Ши Мин, им и его ближайшими соратниками было создано упоминавшееся «Товарищество вьетнамской революционной молодежи», в которое вошли и многие члены «Группы единомышленников». При этом в его подпольном журнале «Молодёжь» наряду с публикациями националистического характера печатались статьи, в которых в популярной форме излагались основные положения марксистско-ленинской теории. Всего вышло шестьдесят номеров этого журнала, который нелегально переправлялся во Вьетнам [758, с.58]. «Товарищество» воспитало целую плеяду вьетнамских революционеров. В его рядах пропели школу революционной борьбы такие будущие руководители ДРВ – СРВ, как Чыонг Тинь, Фам Ван Донг, Тон Дык Тханг и Ле Зуан, погибшие в борьбе за независимость видные деятели компартии Индокитая Ле Хонг Фонг, Хо Тунг Моу и Ле Хонг Шон и многие другие. Хотя официально «Товарищество» и не входило в состав Коминтерна, оно руководствовалось в своей практической деятельности его решениями и поддерживало с ним тесную связь. Это объясняется тем, что в те годы его руководитель Хо Ши Мин был представителем Коминтерна в Южном Китае, а многие вьетнамские революционеры направлялись на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока (далее – КУТВ) в Москву. Благодаря тезисам VI Конгресса Коминтерна о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах члены «Товарищества» во многом осознали необходимость создания вьетнамской компартии. В 1928 г. началась подготовка к её созданию. К этому времени «Товарищество» объединяло

¹ Гуанчжоу.

¹¹ Некоторые члены «Общества», такие как, например, один из лидеров антиколониальной борьбы в Сайгоне Ле Хонг Фаунг, впоследствии стали видными деятелями КПИК.

тысячу человек, его ячейки существовали на таких крупных промышленных предприятиях Вьетнама, как цементный завод в Хайфоне и завод «Авиа» в Ханое. Они также действовали и на плантациях Кохинхины, хотя наибольшее число этих ячеек находилось в Тонкине и Аннаме [520, с.182].

В мае 1929 г. представитель Тонкинского отделения «Товарищества» предложил на его первом съезде в Гонконге¹ создать коммунистическую партию Вьетнама. Он обосновывал своё предложение экономическим кризисом, ухудшением положения крестьян и рабочих, участвовавшими забастовками и стачками, а также общей ситуацией в стране. Однако умеренное крыло «Товарищества» выступило против этого предложения. Тогда Тонкинская организация покинула съезд. 17-го июня того же года в Ханое состоялась конференция коммунистов Тонкина, на которой официально было объявлено о создании Индокитайской коммунистической партии. В октябре руководство отделения «Товарищества» в Кохинхине приняло решение о создании Аннамской коммунистической партии. Наконец, в январе 1930 г. в Аннаме было принято решение об учреждении Индокитайского коммунистического союза, в который вошли члены левого крыла упоминавшейся выше «Революционной партии нового Вьетнама»². Таким образом, к началу 1930 г. во Вьетнаме появилось три соперничавших друг с другом коммунистических организации, которые обменивались взаимными обвинениями в оппортунизме. Следствием такого положения вещей стало местничество, фракционность и сектантство. В этой обстановке Восточное бюро Коминтерна, проводившего линию на создание в Индокитае единой коммунистической партии, направило 27-го октября 1929 г. коммунистическим организациям Вьетнама письмо, в котором рекомендовало объединить эти три организации и создать одну единую партию. В результате 3-го февраля 1930 г. в Гонконге под руководством Хо Ши Мина открылась объединительная

¹ Сянган.

² Далее – ИККП, АКП и ИККС.

конференция вьетнамских коммунистов, которая приняла резолюцию об образовании единой коммунистической партии Вьетнама и избрала её генеральным секретарём Чан Фу, закончившего к тому времени учёбу в КУТВе. Хо Ши Мин участвовал в этой конференции как представитель Коминтерна [520, с.184]. Пребывание ЦК партии было решено перенести из Китая во вьетнамский город Хайфон. Основой партийной программы стали «Политические тезисы» Чан Фу, которые были утверждены на Первом пленуме ЦК в октябре 1930 г. в Сайгоне. Тогда же компартия Вьетнама была переименована в «Коммунистическую партию Индокитая», а в 1931 г. она была принята в Коминтерн. Следует отметить, что в соответствии со сталинскими установками того времени по вопросу о земле, который являлся основным вопросом для таких аграрных стран Востока, как Вьетнам, в программе КПИК было записано, что после завоевания независимости вся земля подлежит обобществлению. В этой связи, забегая несколько вперед по времени изложения материала, нельзя не сказать об отвечающей надеждам и чаяниям как «интеллектуалов», так и широких народных масс программе лиги Вьетминь, которая была написана Хо Ши Мином в 1941 г. Учтя непопулярность лозунга обобществления земли, руководство КПИК включило в программу лиги положение о частном землевладении и передаче земли крестьянам, чем обеспечило себе поддержку многомиллионных масс сельского населения Вьетнама [758, с.100]. На протяжении всех четырёх лет подпольной борьбы за независимость руководство лиги Вьетминь ни при каких обстоятельствах не отступало от исполнения этой программы.

2.2. Революционное движение 1930 – 1931 гг.

В условиях мирового экономического кризиса 1930 г. стал временем наивысшего подъёма освободительной борьбы во Вьетнаме, когда лозунги и пропаганда КПИК как никогда прежде были поддержаны трудящимися массами страны, прежде всего – обнищавших провинций Северного Вьетнама, где разразился массовый голод. В результате начались мирные «крестьянские марши», которые постепенно переросли в

политическое противостояние с местными властями в провинциях Нгеан, Хатинь и Куангнгай, где они длились с мая 1930 по сентябрь 1931 гг. 12-го сентября 1930 г. состоялся самый крупный «крестьянский марш», во время которого шесть тысяч крестьян дошли до провинциального центра города Винь.

Пресса: события в Нге-Тине 1930 – 1931 гг.

Тогда же впервые во вьетнамской истории возглавляемые КПИК крестьяне взяли власть в свои руки, изгнали местных чиновников и создали Советы крестьянских депутатов в ста шестнадцати сёлах провинций Нгеан и Хатинь

с населением в 20 тысяч человек. Эти советы, получившие известность под названием «Советы Нге-Тиня», осуществили раздел помещичьей земли, отменили подушный и рыночный налоги и создали народный суд [520, с.184, 185].

Примерно через пять месяцев Советы Нге-Тиня были жестоко подавлены. Как и при подавлении восстания в Иенбае в феврале 1930 г. колониальная администрация применила войска и авиацию, а восставшие общины были подвергнуты массовым репрессиям. Суды и вынесение приговоров заняли три долгих года [758, с.61]. Была создана специальная «комиссия по расследованию преступлений». Был арестован практически весь руководивший советами состав партийного комитета КПИК провинций Нгеан и Хатинь, а также почти все члены ЦК КПИК, в том числе и её генеральный секретарь Чан Фу, умерший вскоре после ареста в тюрьме. Подпольная структура партийной организации, в первую очередь её регионального комитета в Тонкине, члены которого были арестованы в Хайфоне в апреле 1931 г., была полностью разрушена., а 6-го июня 1931 г. британская полиция арестовала в Гонконге и самого Хо Ши Мина [758, с.61].

Значение событий, связанных с Советами Нге-Тиня, трудно переоценить. Они показали, что впервые в истории колониального режима была создана и заявила о себе партия, сумевшая мобилизовать на политическое противостояние властям крестьянские массы, которые прежде относились равнодушно к любой политической деятельности. Советы Нге-тинь также явились свидетельством того, что всего за несколько лет традиционный национализм, обманутые надежды униженной элиты и социальные чаяния пролетариата привели к объединению различных слоёв вьетнамского общества в антиколониальной борьбе.

События 1930 г. во Вьетнаме стали серьёзным предупреждением и для французского правительства. Чтобы убедиться в этом достаточно прочитать выступления в парламенте Франции таких известных связанных с Вьетнамом политических деятелей того времени, как Э.Даладьё, А.Варенн и М.Муте. Из них явствует, что лидеры Радикальной и

Социалистической партий предупреждали французские власти о политической напряжённости во вьетнамском обществе, ставившей под угрозу будущее Франции во Вьетнаме. Они, образно говоря, считали, что температура вьетнамского «котла» достигла опасно высокого уровня [167].

2.3. Спад революционного движения и рост реформизма

Как уже отмечалось, в результате массовых репрессий КПИК понесла большие потери как на местах, так и в центре. Были репрессированы наиболее опытные прошедшие обучение в высших партийных школах Советского Союза партийные работники. В 1932 г. общая численность политических заключенных во Вьетнаме составила десять тысяч человек [520, с.185]. В этих условиях уцелевшие от разгрома коммунисты были вынуждены уйти в глубокое подполье или скрываться за границей. Одновременно с этим колониальные власти ликвидировали и те немногие демократические завоевания, которых вьетнамцам удалось добиться в эпоху «политики реформ» двадцатых годов. Так, например, была упразднена созданная Александром Варенном Генеральная инспекция труда и были запрещены профсоюзы.

Такая политика колониальных властей привела к протестам прогрессивно настроенных кругов французской общественности против применения авиации при захвате деревень, смертных приговоров и массовых репрессий во Вьетнаме. Вскоре появились ставшие широко известными обличающие репортажи таких журналистов, как А.Вьоллис [1018]. При посещении Вьетнама она была потрясена нищетой и бесправным положением его населения. Тогда же другой прогрессивный журналист Рубо также выпустил ряд репортажей, в которых показал бесправие арестованных вьетнамских политзаключённых – членов «Национальной партии Вьетнама», которым во время допросов зачастую не предоставляли переводчика, а затем выносили тяжёлые приговоры в нарушение элементарных судебных процедур и норм законности. Наконец, в 1933 г. благодаря помощи Международного Общества Красного Креста Хо Ши Мин был

освобождён из тюрьмы и уехал в Советский Союз [1018, с.45].

В этих условиях французские правящие круги предприняли новый политический маневр с целью расширения своей социальной базы во Вьетнаме. На фоне улучшения экономического положения, связанного с выходом из мирового экономического кризиса, они попытались заимствовать методы и образцы английской и нидерландской колониальной политики. По данным французской статистики, убытки от кризиса в финансовом выражении составили 1235000,00 франков по курсу довоенного времени [758, с.73]. Однако, несмотря на это, стабилизация колониальной экономики происходила довольно быстрыми темпами. Поэтому в новую французскую посткризисную программу «широких реформ» начала тридцатых годов вошли различные экономические проекты по модернизации страны¹. Также с целью расширения круга профранцузски ориентированной интеллигенции были продолжены начатые в двадцатые годы реформы в такой важной области, как образование. В 1930 г. на сессии Высшего совета общественного просвещения в Париже вьетнамцам, имевшим диплом «среднего местного образования», было официально предоставлено право поступать в высшие учебные заведения метрополии. Декрет от 12-го октября 1930 г. приравнивал всё классическое франко-вьетнамское образование с его дипломом бакалавра к среднему образованию и диплому бакалавра метрополии. Кроме того, был расширен список должностей, на которые могли назначаться вьетнамцы, имевшие подобный диплом [1154, с.296].

В условиях спада революционной борьбы в политической жизни Вьетнама первой половины тридцатых годов наиболее заметным течением становится национал-реформизм, который сознательно поощрялся колониальной администрацией, стремившейся его прогнать быстро

¹ Об экономических реформах во Вьетнаме и его социально-экономическом развитии после завершения мирового кризиса смотри «Главу I» «Части III» настоящего тома.

распространявшейся по всему Вьетнаме коммунистической идеологии. Франция также попыталась по примеру других европейских колониальных держав модернизировать традиционный институт вьетнамской монархии, для чего в том числе предполагалось введение конституции в странах протектората – Аннаме и Тонкине. Осуществление этих реформ было связано с восшествием на престол нового императора Нгуен Винь Тхюи, возвратившегося в 1932 г. после завершения учёбы из Франции¹. Первый тур реформ, или так называемый «первый баодасвский эксперимент», был проведен в мае 1933 г. по совету генерал-губернатора Пьера Паскье. Но монархия не только не приобрела каких-либо элементов самостоятельности, а, напротив, была поставлена под ещё больший контроль французских колониальных властей. Все члены императорского кабинета теперь имели своего дублёра в лице французского советника. Во время этой реформы колониальная администрация и молодой император впервые попытались привлечь к активному политическому сотрудничеству будущего президента Республики Вьетнам Нго Динь Зьема, предложив ему на выбор пост министра внутренних дел, пост министра информации и пост секретаря Комиссии реформ¹. Несмотря на уговоры самого императора, он отказался от этого предложения, продолжая действовать в рамках «Группы '84», завоевав себе прочную репутацию националиста правого толка, не желавшего сотрудничать с Францией [520, с.189]. Следует отметить противоречивость политики французских правящих кругов по отношению к вьетнамской монархии [561, с.230 – 258]. Так, надеясь вернуть умонастроения вьетнамской элиты в лоно традиционных конфуцианских ценностей и мироустройства, они пытались восстановить престиж монархии, при этом они своими же руками окончательно его подорвали, подписав 6-го ноября 1925 г. конвенцию между протекторатом и Регентским советом, которая стала логическим завершением длительного процесса политического и административного разрушения

¹ О Нго Динь Зьеме смотри «Главу I» «Части II» настоящего тома.

основ империи Дайнам².

Император Нгуен Винь Тхюи.

Девиз правления «Охранение великого» (1925 – 1945 гг.)

«Де-факто» эта конвенция, лишавшая вьетнамского императора ещё остававшихся у него властных прерогатив, поставила крест на объявленных реформах. Более того, отец взошедшего на престол молодого императора Нгуен-фук Туан¹, который не имел свободного доступа к могилам предков династии Нгуен на юге Вьетнама, был вынужден передать

¹ Смотри «Примечание 15» в «Комментарии» к настоящей главе.

заботу о них французским властям¹. В результате произошла своего рода десакрализация фигуры императора. Поэтому если прежде основой вьетнамского национализма была идея о необходимости восстановления монархии, то с двадцатых годов она сменяется идеей разрыва с прошлым и отказа от преданности императору, утратившему свою легитимность или «Мандат Неба» [519, с.274, 279]. С этого времени на передний план выходит задача создания новой политической системы в рамках модели «нация – государство», основанной на европейской идеологии либерализма, республиканизма и демократии, а основополагающей становится идея построения современного национального государства [561, с.255]. Таким образом, если официальной датой конца вьетнамской монархии является 25-ое августа 1945 г., или дата отречения от престола последнего вьетнамского императора Нгуен Винь Тхюи, то на самом деле она гораздо раньше перестала играть какую-либо существенную роль в жизни страны.

В начале тридцатых годов основной идеей национал-реформистской идеологии формировавшейся вьетнамской буржуазии Кохинхины, которая стремилась к расширению своего представительства в выборных органах, по-прежнему оставалось франко-вьетнамское сотрудничество. Так, её представители вручили министру колоний Франции Полю Рейно, посетившему Вьетнам в октябре – ноябре 1931 г., упоминающуюся выше «Тетрадь пожеланий аннамитов», в которой излагались их требования [861, с.8, 9; 387, с.103]¹¹. Националистическая идеология находила своё выражение и в таких специфических организациях Кохинхины, как Као Дай и Хоа-хао, которые возникли ещё в двадцатые годы. Помещики и чиновники Кохинхины, возглавлявшие эти состоявшие в своей массе из крестьян секты, придали им антиколониальную и националистическую окраску. С середины тридцатых годов они стали ориентироваться в своей деятельности на Японию, а

¹ Как известно, забота о могилах предков всегда являлась одной из главных сакральных функций императора.

¹¹ Смотри выше «Параграф 4.1.2».

в годы японской оккупации – открыто сотрудничали с японскими спецслужбами. Довольно скоро секта Као Дай стала достаточно влиятельной политической и военной силой в ряде провинций Кохинхины. В целом же указанные секты представляли собой наиболее отсталую из всех форм социальной организации антиколониального движения во Вьетнаме того времени¹.

2.4. Положение КПИК в начале тридцатых годов

В течение первой половины тридцатых годов КПИК восстанавливала свои силы, работая в глубоком подполье, чему в большой мере способствовало возвращение на рубеже 1932 – 1933 гг. из Москвы группы вьетнамских коммунистов, завершивших свою учебу в КУТВе. Тогда же в начале 1933 г. в Сайгон вернулся Чан Ван Зяу, который после учёбы в Москве провёл некоторое время в Париже. Он возглавил работу по реорганизации партии на юге Вьетнама, завершившуюся созданием Окружного партийного комитета Кохинхины, секретарём которого он и был избран. В начале 1934 г. в Макао был создан заграничный комитет КПИК во главе с Ле Хонг Фаунгом, а к концу того же года были восстановлены руководящие партийные органы во всех частях Вьетнама. В Сайгоне вновь стали публиковаться нелегальные партийные газеты и журналы. Наконец, в марте 1935 г. в Макао состоялся Первый съезд КПИК, на котором присутствовали десять представителей от партийных организаций КПИК Тонкина, Аннама, Кохинхины, Лаоса, Кампучии, Сиам и Китая. На съезде был избран новый Центральный комитет в составе Ле Хонг Фаунга, Ха Хюи Тапа, Фунг Ти Киена и других, при этом первый был заочно избран генеральным секретарём. Также были приняты решения о том, что ЦК КПИК будет находиться в Сайгоне, о создании единого антиимпериалистического фронта и о поддержке Советского Союза [387, с.93, 102, 108]. Кроме того, исходя из того что в условиях подполья,

¹ О структуре и учениях сект Као Дай и Хоа-хао смотри «Параграф 1.3.2» и «Параграф 1.3.3» «Главы 2» «Части IV» настоящего тома.

конспирации и угрозы репрессий только совместные действия могут дать какие-либо результаты, коммунисты Кохинхины решили объединиться с троцкистами Южного Вьетнама с целью использования легальных форм борьбы и выступлений в легальной печати. Главной силой этого временного союза стала компартия [520, с.191].

Первая группа вьетнамских троцкистов была создана во Франции на рубеже двадцатых – тридцатых годов, а в Кохинхине они заявили о себе в 1931 г. Её лидером был вернувшийся из Парижа Та Тху Тхоу. 24-го апреля 1933 г. вышел первый номер легальной троцкистской газеты «Борьба», по имени которой стала называться и вся группа. В создании этой газеты с её ярко выраженной антиколониальной направленностью активное участие принимал известный своими левыми взглядами Нгуен Ан Нинь. Издание газеты «Борьба», вокруг которой объединились левые силы Кохинхины, включая и коммунистов, отражало тенденцию «полевения» прессы и радикализации молодой вьетнамской интеллигенции, в первую очередь тех её представителей, которые вернулись из Франции. Её своеобразным аналогом стала газета «Нейтралитет», издававшаяся на вьетнамской латинице. Она должна была оказывать информационную поддержку объединившейся вокруг газеты «Борьба» для участия в выборах Муниципального совета Сайгона 1933 г. одноимённой группе.

С небольшим перерывом троцкистская газета «Борьба» просуществовала до 1939 г. Её тираж постепенно увеличился с тысячи экземпляров в 1934 г. до трёх тысяч к лету 1937 г., и вскоре она стала главной франкоязычной еженедельной газетой юга. В редакторский состав «Борьбы» входили такие известные общественные деятели Вьетнама того времени, как коммунисты Нгуен Ван Тао, Зыонг Бать Май, Нгуен Ван Нгуен и Нгуен-тхи Лыу, троцкисты Та Тху Тхоу, Фан Ван Хум и Хо Хыу Тьонг, левые радикалы Нгуен Ан Нинь, Ле Ван Тхы, Чан Ван Тхат, Чинь Хыу Нгау и другие [1101, с.46]. В основном это были получившие образование во Франции дети богатых родителей, которые при желании могли бы занять

высокое положение в системе французской колониальной администрации. Объединение коммунистов, троцкистов и левых националистов стало возможным ещё и потому, что большинство вошедших в этот блок людей состояли в дружеских отношениях как минимум около десяти лет: с середины двадцатых по середину тридцатых годов. В целом же союз коммунистов и троцкистов не был серьёзным политическим образованием и рассматривался коммунистами как временный блок перед муниципальными выборами в Сайгоне в 1933 г.

В апреле 1933 г. состоялись выборы в Муниципальный совет Сайгона, на которых максимальное число голосов набрали конституционалист Нгуен Минь Тиеу¹, коммунист Нгуен Ван Тао, вошедший в Комиссию по наблюдению за центральной тюрьмой Сайгона, и троцкист Чан Ван Тхат, назначенный на должность заместителя руководителя административного совета региона. Такой успех левых сил стал полной неожиданностью для колониальной администрации Кохинхины, которая 12-го августа 1933 г. аннулировала положение об избрании депутатов от так называемого «рабочего списка».

После выборов сотрудничество коммунистов и троцкистов не прекратилось. Так, они совместно участвовали в сборе документации для специальной комиссии Комитета по амнистии в Индокитае, делегация которой приехала во Вьетнам для расследования положения дел в колонии, а в середине 1934 г. в Сайгоне был вновь создан блок коммунистов и троцкистов для участия в выборах Колониального и Муниципального советов Кохинхины весной 1935 г. В результате этого в мае 1935 г. в советы избрали троцкистов Чан Ван Тхатя и Та Тху Тхоу, коммунистов Нгуен Ван Тао и Зыонг Бать Мая, а также двух членов Конституционной партии.

Как известно, в 1935 г. состоялся VII конгресс Коминтерна 1935 г., делегатом которого от КПИК был Ле

¹ 633 голоса.

Хонг Фаунг, ознакомивший ЦК о его решениях. Как и другие компартии, КПИК, руководствуясь решениями VII Конгресса Коминтерна, пришла к выводу о необходимости создания в Индокитае широкого народного фронта для борьбы против фашизма и военной угрозы, в первую очередь – против возраставшей угрозы японского милитаризма на Дальнем Востоке.

3. *Вьетнам перед Второй мировой войной*

3.1. *Приход к власти во Франции правительства Народного фронта и либерализация общественной жизни во Вьетнаме*

В апреле – мае 1936 г. в результате парламентских выборов во Франции было создано правительство Народного фронта во главе с членом Социалистической партии Франции Леоном Блюмом. Это событие не замедлило сказаться на французской колониальной политике в Индокитае, генерал-губернатором которого был назначен социалист Жюль Бревье. Одним из первых его действий стало проведение политической амнистии, под которую попали и коммунисты. Из тюрем вышли несколько тысяч политзаключенных, в том числе такие видные арестованные во время репрессий начала тридцатых годов деятели КПИК, как Фам Ван Донг, Хоанг Куок Вьет, Чьонг Тинь и другие. Новый генерал-губернатор также начал осуществление либеральных реформы, которых вьетнамцы так и не дождались во время правления социалиста А.Варенна и провозглашенной им политики франко-вьетнамского сотрудничества. Так, 30-го декабря 1936 г. был издан декрет о труде, согласно которому до конца 1937 г. устанавливался девятичасовой рабочий день и пятидневный оплачиваемый отпуск, а с 1-го января 1938 г. – восьмичасовой рабочий день и десятидневный оплачиваемый отпуск. Также этим декретом повышалась заработная плата служащим, запрещались штрафы, наём на работу детей, не достигших десятилетнего возраста, и лавки подрядчиков с торговлей в кредит. Счета лавок были отделены от зарплаты, а система подрядчиков упразднялась [758, с.70]. Таким образом, впервые

в Индокитае были введены существенные элементы французского трудового законодательства.

Одновременно с этим произошла и заметная политическая либерализация режима. С 1936 г. были разрешены забастовки, в Палаты народных представителей Аннама и Тонкина, а также в муниципалитеты Ханоя и Хайфона вошли сторонники коммунистов [758, с.70]. К середине 1937 г. волна забастовок охватила всю страну, особенно в Кохинхине, где продолжалось сотрудничество троцкистов и коммунистов – в основном в связи с очередными выборами в Муниципальный совет Сайгона. Набиравшее силу радикальное национально-освободительное движение теснило прежнего бесспорного лидера Конституционную партию.

Наконец, в связи с ослаблением цензуры в Ханое и Сайгоне стали выходить многочисленные и разнообразные издания на вьетнамском языке. Так, ханойские издания «Сегодня» и «Нравы [и] обычай» стали новыми вехами на пути становления национальной культуры. В них сотрудничали такие крупные журналисты и деятели культуры, как Нят Линь и Хоанг Дао, вокруг которых группировалась молодая интеллектуальная элита Тонкина. Аналогичные процессы шли и в прессе Кохинхины, где наряду с уже упоминавшимися сайгонскими изданиями¹ стали печататься новые газеты и журналы. Наибольшей известностью на юге пользовался проводивший в Париже пятнадцать лет и вернувшийся в 1924 г. во Вьетнам сайгонский журналист и публицист Фан Ван Чыонг [927, с.160, 171]. В сайгонской прессе также публиковали свои статьи будущий генеральный секретарь ЦК КПИК Ха Хюи Тап, ставший впоследствии известным писателем активный деятель коммунистического революционного движения Вьетнама Нгуен Кхань Тоан и многие другие.

В Сайгоне существовали и франкоязычные газеты, которыми руководили «вьетнамские» французы. В качестве примера можно назвать газету «Индокитай», издававшуюся

¹ Смотри выше «Параграф 2.4».

Андре Мальро, Полем Моне и Дежаном де ла Бати, которые критиковали на её страницах нелегальную торговлю, присвоение земель, стремление колониальной администрации и местной буржуазии обогатиться любыми способами и многое другое. Эта газета постоянно подвергалась нападкам колонов, а её наиболее ярким противником был де Лашевротьер, главный редактор уже упоминавшегося ранее колониального официоза – газеты «Беспристрастный».

Новое поколение журналистов критиковали принцип сыновней почтительности, подчинённое положения женщины, традиционную одежду и причёску, суеверия, общинный образ жизни и особенно традиционную семью как основной элемент социальной структуры общества. В противовес этим старым ценностям они выдвигали на первый план проблему отдельно взятой личности, обсуждение которой стало центральной темой многих дискуссий и публикаций. В основном эти журналисты занимались пропагандой культурной и материальной модернизации Вьетнама. Например, в 1936 г. в журнале «Сегодня» была опубликована статья «Десять пожеланий молодежи», в которой подчёркивалось, что для того чтобы порвать с прошлым, тормозящим модернизацию и прогресс, необходимы как интеллектуальная, так и социальная революция [1424, с.101, 103]¹. В еженедельной газете «Новая женщина», издававшейся под руководством мадам Тхюи Ан в 1934 – 1936 гг. в Сайгоне тиражом до двух тысяч экземпляров, поднимался «женский вопрос» [1424, с.99].

Тот же вопрос обсуждался и на страницах сайгонского журнала «Женские новости» с тиражом в восемь с половиной тысяч экземпляров и объёмом номеров в тридцать четыре страницы. Сначала его главным редактором в 1929 г. стала мадам Нгуен Дык Ньюан, которая слыла образцом современной женщины и опиралась в своей деятельности на финансовую поддержку от мужа, подписавшего контракты с вьетнамским банком и такими крупными и известными фирмами, как

¹ Фам Ван Чыонг перевёл «Манифест коммунистической партии» К.Маркса на вьетнамский язык и в 1925 г. опубликовал его в газете «Аннам».

«Ситроен» и «Нестле». В журнале «Женские новости» помимо «женских» сюжетов печатались отрывки из популярных в то время романов и стихи, а также статьи, затрагивавшие проблемы экономики, политики, образования и искусства.

В 1933 г. главным редактором «Женских новостей» стала поэтесса Нгуен-тхи Кием, более известная под псевдонимом Мань Мань, после чего журнал принял более радикальный характер. В результате, опасаясь возможных репрессий со стороны колониальной администрации, многие из известных членов его прежней редколлегии ушли из издательства [1101, с.220].

В 1929 – 1936 гг. во Вьетнаме существовало ещё множество изданий на вьетнамской латинице, публиковавших статьи, в которых затрагивались вопросы по самой широкой проблематике – от безобидных проблем литературного анализа до острейших политико-экономических конфликтов в колониальном обществе.

Многие из этих изданий, в том числе – газета «Индокитай» и журнал «Женские новости», были закрыты в 1933 – 1934 гг. Однако либерализация режима прессы летом 1938 г. позволила революционерам Кохинхины наладить выпуск многих легальных печатных изданий на вьетнамском языке, которые издавались тиражами до десяти тысяч экземпляров [1101, с.46, 47].

В тридцатые годы ряд газет, контролировавшихся в том числе и коммунистами, стали использовать новую тактику. Так, руководство КПИК наряду с сохранением нелегальной прессы начало печатать на страницах «своих» легальных изданий прямые призывы к антиколониальной борьбе. Безусловно, коммунисты отдавали себе отчёт в том, что эти издания могут быть закрыты в любой момент. Однако они стремились использовать пусть и кратковременный, но благоприятный период их существования для популяризации своих идей. Этими методами широко пользовались не только коммунисты. Они были в ходу у социалистов, троцкистов и даже анархистов [1458, с.10].

Таким образом, выйдя из подполья благодаря победе

Народного фронта во Франции, вьетнамские коммунисты стали группироваться вокруг легальных изданий, создавая при них легальные организации КПИК, что стало впервые возможным в условиях колониального Вьетнама¹.

3.2. Политика КПИК в новых условиях. Борьба за создание Демократического фронта

В новых, значительно более либеральных условиях вьетнамские коммунисты, выполняя решения VII конгресса Коминтерна и Июльского пленума ЦК КПИК 1936 г., продолжили интенсивную работу с целью создания единого антиимпериалистического демократического фронта, который объединил бы все классы, партии, политические группировки, религиозные организации и народы Индокитая для совместной борьбы против колонизаторов [520, с.192]. Демократические преобразования, осуществляемые Народным фронтом, позволили КПИК не бороться за выход из французской колониальной империи, а сосредоточить свои усилия на развитии этих преобразований в её рамках. Поэтому, когда классовая борьба отошла на второй план, перед руководством КПИК со всей остротой встал вопрос о союзниках. В результате под влиянием успехов антиколониального движения в Индии, проходившего в условиях парламентской борьбы, КПИК выступила за созыв Индокитайского конгресса. Этот призыв нашел широкий отклик и поддержку практически у всех социальных классов и групп Вьетнама, за исключением колониальной администрации и старой чиновничьей вьетнамской бюрократии.

Особенно широкую поддержку оно получило в Кохинхине, 29-го июля 1936 г. газета «Борьба» опубликовала статью «Вперёд к Индокитайскому конгрессу!». В той же газете 5-го августа Нгуен Ан Нинь опубликовал новую статью об Индокитайском конгрессе.

Партия Конституционалистов и созданная в 1937 г.

¹ Подробнее о содержании вьетнамской прессы этого периода смотри в соответствующих разделах «Части IV» настоящего тома.

учившимся во Франции и имевшим французское гражданство врачом Нгуен Тхинем Демократическая партия также выступили с поддержкой идеи созыва и создания Индокитайского Конгресса по индийскому образцу. В крупных городах и типографиях, на железных дорогах и в трамвайных компаниях, а также на бензиновых заводах Нябе Кохинхины было создано около шестисот комитетов содействия и составлялись «тетради пожеланий» от всех групп населения. Одновременно с этим по югу прокатилась волна стачек, в результате которой были улучшены условия труда и несколько увеличены зарплаты. В этой кампании решающую роль играл коммунист Чан Ван Зяу [758, с.68].

Стремясь максимально использовать открывшиеся возможности легальной борьбы и создать максимально широкую базу поддержки движения за Индокитайский конгресс, КПИК обращается к таким представителям буржуазных умеренно-реформаторских партий, как лидеры Конституционной партии Нгуен Фан Лаунг и Буй Куанг Тиеу. В этих условиях ещё в марте – апреле 1936 г. на страницах газеты «Борьба» разразилась полемика между Та Тху Тхоу и Нгуен Ан Нинем о политике в отношении правительства Народного фронта, которая подвергалась троцкистами резкой критике. Кроме того, для них были неприемлемы новая тактика и методы КПИК, направленные на максимальное привлечение союзников и возможное сотрудничество с буржуазией и «империалистами» по каким-то вопросам. Окончательный разрыв между коммунистами и троцкистами произошёл в июне 1937 г., когда газета «Борьба» полностью перешла в руки сторонников IV Интернационала. Благодаря энергии, яростной оппозиции колониальным властям и престижу лидера вьетнамских троцкистов Та Тху Тхоу его идеи получили значительное распространение в народных массах Кохинхины. Последнее подтверждается результатами выборов в апреле 1939 г. в Колониальный совет Кохинхины, в который были избраны троцкисты Та Тху Тхоу, Чан Ван Тхат и Фан Ван Хум, набравшие во втором туре 80% голосов и победившие трёх кандидатов от Конституционной партии,

двух «сталинистов» от КПИК и многих других независимых кандидатов [758, с.69]. Однако КПИК, судя по всему, уже не нуждалась в союзе с троцкистами, благодаря помощи которых ей удалось восстановить свою подпольную сеть. Кроме того, совместная работа с троцкистами группы «Борьба» позволила КПИК приобрести ценный опыт ведения легальных и полуполигальных, в том числе – выборов, компаний, в результате которых коммунисты стали избираться в различные представительные органы Кохинхины, а в их рядах появились кадры хороших полемистов, издателей и редакторов [1101, с.389].

Идея созыва Индокитайского конгресса была столь популярна, что по всей стране прошли многочисленные митинги, а «тетради пожеланий» от населения всех трёх частей Вьетнама поступили в «комиссию прошений». Когда же в конце 1936 г. правительство Народного фронта направило во Вьетнам контрольную комиссию во главе с Жюстеном Годаром, то ему были вручены тысячи петиций по всему пути его следования от Сайгона до Ханоя [520, с.193]. К 1937 г. борьба за демократические права и свободы приобрела осязаемый размах и масштабы, особенно – в Кохинхине. Это произошло благодаря росту национального самосознания и современных форм национализма различных направлений, который стал основным фактором развития вьетнамского общества того времени. Его лидеры, представлявшие буржуазию и интеллигенцию Вьетнама, получили образование во Франции, были хорошо знакомы с современными формами общественно-политической жизни и борьбы в западных странах и были готовы применить их у себя на родине. Следует отметить, что именно в Кохинхине нашли широкую поддержку общественности идеи о мирном переходе к автономии, а затем и к независимости путём создания представительного выборного органа по примеру такой авторитетной в азиатском мире страны как, Индия. Однако в конечном счёте Индокитайский конгресс так и не был созван. Отчасти этого не произошло из-за традиционного сопротивления «колонов», отчасти – из-за информации о том,

что движение контролируется КПИК, что было неприемлемо ни для Конституционной, ни для Демократической партии¹.

В Тонкине и в Аннаме КПИК действовала другими методами. Последующие два года борьба велась за создание Демократического фронта Индокитая вокруг уже имевшихся представительных органов, при этом конкретные решения по вопросу о его создании были приняты руководством КПИК в марте 1937 г. [520, с.193]. В движение за создание Демократического фронта включились многие прогрессивные организации мелкой городской буржуазии Тонкина и Аннама, представители творческой интеллигенции. Все они, в отличие от периода начала тридцатых годов, теперь искали контакта с коммунистическими организациями, которые, как и в Кохинхине, в свою очередь стремились установить контакты с представителями самых различных политических течений, включая правых националистов из «Группы '84». Интересно отметить, что ни в Тонкине, ни в Аннаме троцкистских групп не было. Использование новых легальных форм борьбы и создание широкого по социальному составу Демократического фронта способствовало укреплению авторитета КПИК в различных кругах вьетнамского общества, в том числе и в среде патриотически настроенной части его образованной элиты. Результатами подобной тактики стал крупный успех КПИК на выборах по всей стране. Два её кандидата были избраны в Колониальный совет Кохинхины, а кандидаты от Демократического фронта стали депутатами Палаты народных представителей Тонкина и Аннама и муниципалитетов Ханоя и Хюе [5, с.193]. Именно в эти годы заявляют о себе во весь голос два новых лидера КПИК. Первый из них Фам Ван Донг начинал свою политическую карьеру в Ханое в 1936 г. в качестве сотрудника газеты «Волеизъявление Индокитая», который в возрасте тридцати трёх лет уже фигурировал в числе первых лиц среди вьетнамских коммунистов. Он

¹ Под давлением колонов губернатор Кохинхины Пьер Паже издал указ, запрещающий с 15-го сентября 1936 г. демонстрации и собрания, а после 25-го сентября – любую агитацию в пользу созыва Конгресса.

родился в 1906 г. в Куангнгае в семье придворных чиновников, а его отец был главой кабинета министров императора Нгуен-фук Хоанга. Фам Ван Донг получил образование в Ханое и в Хюе и рано начал интересоваться политическими вопросами. Скрываясь от надзора французских спецслужб, он уехал в Кантон, где встретился с Хо Ши Мином, благодаря чему стал членом «Товарищества» и поступил в военно-политическую школу Вампу. В 1926 г. двадцатилетний Фам Ван Донг был в числе тех, кого Нгуен Ай Куок послал во Вьетнам с целью создания там первых коммунистических ячеек. Вскоре он был арестован и приговорён к шести годам каторжных работ на острове Пулокондор. В 1933 – 1936 гг. его след теряется, однако полиция предполагала, что Фам Ван Донг был послан на учёбу в СССР [758, с.70]. Второй лидер, Во Нгуен Зяп, был ещё моложе. Он родился в крестьянской семье одного из самых бедных районов Вьетнама в 1912 г. Уже в школьные годы он отличался энергией и любознательностью. В 1926 г. в возрасте четырнадцати лет он примкнул к партии «Новый Вьетнам» и своей активной деятельностью привлек внимание полиции. Во время массовых репрессий начала тридцатых годов Во Нгуен Зяп был арестован и заключён в тюрьму в Хюе. Выйдя из тюрьмы, он вступил в КПИК и вновь включился в активную политическую деятельность. Деньги на жизнь он зарабатывал уроками в частной школе «Тхаунглаунг», директором которой был упоминавшийся выше известный националистический лидер начала века Хюинь Тхук Кханг. В этой школе Во Нгуен Зяп подружился с ещё одним молодым преподавателем Хоанг Минь Зямом, который впоследствии занимал в ДРВ пост министра культуры. Одновременно Во Нгуен Зяп учился в Ханойском университете. В 1937 г. он получил сразу два диплома: лицензиата права и доктора политической экономики [758, с.70, 71]¹.

¹ Согласно другим сведениям, Во Нгуен Зяп был сыном учёного-конфуцианца. Биографические справки Во Нгуен Зяпа и Фам Ван Донга смотри в «Примечании 4» и «Примечании 8» «Комментария» к следующей главе.

В 1937 – 1938 гг. движение за демократические права и преобразования во Вьетнаме приобрело необыкновенный масштаб и размах, благодаря чему КПИК удалось воссоздать нелегальные, так называемые «красные профсоюзы», которые вынуждали хозяев предприятий удовлетворять основные требования рабочих, в первую очередь – о повышении заработной платы [520, с.193]. Размах демократического движения и существенные уступки проводивших основные демократические преобразования французских колониальных властей в социальной сфере воспринимались проникнутым идеологией национализма вьетнамским обществом как первое проявление слабости метрополии. По мнению некоторых французских исследователей, именно в эти годы во вьетнамском обществе сформировались идеи, приведшие к Августовской революции 1945 г. Аналогичного мнения придерживаются и историки СРВ, считающие, что движение за создание Демократического фронта во Вьетнаме было генеральной репетицией Августовской революции. Наконец, наиболее чётко эта точка зрения была сформулирована занимавшим много лет пост генерального секретаря КПВ Чыонг Тинем, который спустя годы после указанных событий подчеркнул, что «движение Демократического фронта практически подготовило идеологические и организационные предпосылки к патриотическому движению Вьетминя в будущем» [520, с.193, 194]. Правда, «репетиция» оказалась не слишком успешной, так как в 1938 г. во Франции к власти пришло правительство Даладье, отменившее многие решения правительства Народного фронта и декретом от 26-го сентября 1939 г. объявившее ФКП вне закона. Соответственно почти все демократические завоевания 1936 – 1938 гг. во Вьетнаме были ликвидированы, а КПИК была запрещена, вследствие чего ей вновь пришлось перейти на нелегальное положение, к чему она была недостаточно подготовлена. Поэтому когда в октябре 1939 – январе 1940 г. по всему Вьетнаму прокатилась волна репрессий, полиции удалось арестовать около двух тысяч членов партии, в том числе и ряд её руководителей. Но ещё до этого французские спецслужбы арестовали в июне 1939 г.

«правую руку» Хо Ши Мина на юге – Ле Хонг Фаунга, который два года скрывался от них в Кохинхине, проживая там по китайскому паспорту [758, с.72]¹. В Кохинхине также были ликвидированы все легальные коммунистические и троцкистские организации. Были арестованы Та Тху Тхоу, Зьонг Бать Май и Чан Ван Зяу. С того времени троцкистская партия, так и не сумевшая оправиться от этого удара, практически прекратила своё существование во Вьетнаме. Однако КПИК удалось сохранить основной руководящий состав партии, которая перешла к подпольной борьбе, особенно обострившейся с началом Второй мировой войны в сентябре 1939 г.

В ноябре 1939 г. в Сайгоне состоялся VI пленум КПИК, на котором был дан анализ новой политической ситуации. В результате пленум принял решение, направленное на выполнение задач национально-освободительной революции и достижение полной независимости стран Французского Индокитая в рамках единого антиимпериалистического фронта [387, с.183, 184]. В соответствии с этим в аграрную часть программы КПИК 1930 г. для привлечения крестьянства и мелкой сельской буржуазии на свою сторону были внесены коррективы. Так, в ней был сохранён пункт о конфискации земель помещиков-предателей, но при этом отменён пункт об обобществлении земель сельскохозяйственного назначения. Пленум также указал на нарастающую угрозу со стороны японского милитаризма и, для того чтобы избежать ареста партийного руководства, принял решение о переводе политбюро партии в Гуанси на территорию Южного Китая. Среди тех, кто в конце 1939 г. оказался в Гуанси, были Фам Ван Донг, Во Нгунг Зяп и Чьонг Тинь, живший под своим настоящим именем Данг Суан Кху [758, с.72; 607, с.75]¹¹.

¹ Ле Хонг Фаунг был казнён в тюрьме в конце 1940 г.

¹¹ Оставшаяся в г.Винь жена Во Нгуен Зяпа была арестована спецслужбами в мае 1941 г., приговорена к пятнадцати годам каторжных работ судом военного трибунала г.Ханоя, где и умерла в центральной тюрьме в 1943 г. Примерно в эти же годы в Сайгоне была казнена её невестка. Обе они были членами КПИК.

4. *Вьетнам во время Второй мировой войны*

4.1. *Японская оккупация Индокитая*

Милитаристская Япония уже достаточно давно вынашивала агрессивные планы территориальных захватов под лозунгом паназиатских идей «Великой Восточной Азии» под эгидой Японии. Поэтому, после заключения в 1936 г. «антикоминтерновского пакта» с фашистской Германией она без объявления войны напала на Китай в июле 1937 г. и к октябрю 1938 г. захватила все его основные центры. В то же время Франция, чья политика определялась реакционным правительством Даладье и «Мюнхенским сговором» 1938 г., вступила во Вторую мировую войну 1-го сентября 1939 г. С началом войны во всех колониальных странах закончился период «классического» колониализма. Она бесповоротно изменила ситуацию в Юго-Восточной Азии, которая после капитуляции Франции в июне 1940 г. и прихода к власти профашистского правительства Петэна, приобрела особую специфику в странах Французского Индокитая.

В том же 1940 г. вместо генерала Катру генерал-губернатором Индокитайского союза был назначен ставленник Петэна адмирал Деку. Таким образом, в противоположность другим странам Юго-Восточной Азии, где японская оккупация сопровождалась крахом западных колониальных режимов, в Индокитае она проходила в специфических условиях готовности французской вишистской колониальной администрации к сотрудничеству с японскими оккупантами.

Со своей стороны Япония также была заинтересована в сотрудничестве с французской администрацией, поскольку её ликвидация могла парализовать индокитайскую экономику, что привело бы к серьёзным проблемам в снабжении японских войск в Юго-Восточной Азии. Последнего Япония не могла допустить, так как для неё Индокитай был прежде всего важнейшей опорной базой, которая позволяла японской армии нанести прямой удар по контролировавшимся британской короной Сиаму, Бирме и Малайзии.

Уничтожение японцами Тихоокеанского флота США 07.12.1945 г.

Пирл-Харбор до и после удара японской авиации и флота

Стремясь ослабить позиции Франции, Япония, создав напряженность на юго-западных границах Французского Индокитая, спровоцировала конфликт между ней и

Таиландом. Благодаря «посредничеству» Японии он завершился подписанием соглашения о капитуляции французских войск 9-го мая 1941 г., в результате чего порядка 70000 км² территории Лаоса и Камбоджи с населением около 1000000 человек перешли под контроль Таиланда [520, с.198, 199]. Вынудив французские колониальные власти подписать 20-го июля 1941 г. «Соглашения Дарлан – Като», или так называемое «соглашение о совместной обороне», Япония завершила первый этап «мирной» оккупации Индокитая. В итоге она получила право размещать свои войска в Южном Индокитае и использовать морские базы Сайгон и Камрань, являвшиеся ключевыми позициями для удара по Сингапуру и другим англо-американским базам в этом регионе [758, с.81, 82]¹. Всё это оказалось возможным вследствие нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, окончательно развязавшего руки японским милитаристам.

Второй этап так называемой «мирной» японской оккупации был связан с соглашением 1941 г., по которому Япония получила возможность использовать аэродромы Южного Вьетнама и ввести в Кохинхину свои войска в количестве 35000 человек. Оно опиралось на соглашения, открывавшие японцам доступ к природным ресурсам Индокитая, особенно к углю и цветным металлам, в которых так нуждалась японская военная промышленность [758, с.81]¹¹. Однако ориентация на экспорт и на снабжение оккупационных войск в 1939 – 1945 гг. дезорганизовали экономику Вьетнама. Принудительная закупка, а с 1943 г. – конфискация риса, транспортный кризис, парализовавший его ввоз из Кохинхины в Тонкин и Аннам, прекращение импорта из метрополии, наконец, стихийные бедствия и неурожай 1944 – 1945 гг.

¹ Как известно, первый такой удар японцы нанесли 7-го декабря 1941 г. по главной базе Тихоокеанского флота США в Пирл-Харборе на Гавайях.

¹¹ 1.Соглашение от 05.10.1940 г., вводившее в Индокитае таможенную автономию, которое тем самым давало японским монополиям возможность свободного проникновения на рынки стран Французского Индокитая; 2.Соглашение от 06.05.1941г., которое гарантировало Японии режим наибольшего благоприятствования в Индокитае.

привели к тому, что весной 1945 г. в Тонкине начался голод, унёсший около двух миллионов жизней [520, с.204].

Всё это происходило на фоне широко развёрнутой французской колониальной администрацией Индокитая пропаганды величия «освободителей азиатских народов», хотя на самом деле его территория была превращена в стратегическую базу милитаристской Японии в Юго-Восточной Азии.

4.2. Политика администрации Деку в годы японской оккупации

Генерал-губернатор Индокитая Жан Деку (в центре) и представители японского командования. Сайгон, 1940 г.

В отличие от предыдущего времени, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти режим Деку был откровенно авторитарным. Так, декретом от 8-го ноября 1940 г. он ликвидировал все существовавшие в Индокитае выборные органы. Затем, 27-го июня 1941 г., вместо Большого совета

экономических и финансовых интересов Индокитая¹ был создан Федеральный совет Индокитая из 25 представителей местной элиты, которые назначались генерал-губернатором, отменившим принцип выборности как «демагогический». Однако в совете не было французов, поэтому Деку под давлением французских колонов был вынужден декретом от 31-го мая 1943 г. реорганизовать совет. В результате он стал называться Большим федеральным советом и превратился в смешанный франко-индокитайский консультативный орган из 23 французов, 24 вьетнамцев, 4 камбоджийцев и 2 лаосцев, назначавшихся непосредственно самим генерал-губернатором. При Деку вишистские настроения в Индокитае достигли такого масштаба, что даже подозревавшиеся в скрытых симпатиях к голлистам французы были изгнаны из колониального административного аппарата [758, с.86, 87]¹¹.

Фактически главной опорой режима этого генерал-губернатора стала секретная служба общей безопасности. Эта репрессивная профашистская политика Деку, которая, в глазах вьетнамской интеллигенции, выглядела, как презрение к традициям и республиканским принципам Франции, по её мнению, было лучшим, что Франция принесла во Вьетнам. Следует отметить, что, сотрудничая с японскими оккупантами и преследуя прогрессивные силы, этот генерал-губернатор в то же время проводил политику максимально возможного сохранения индокитайских колониальных владений для послевоенной Франции. Для этого колониальным властям было предписано привлекать на свою сторону вьетнамскую элиту, предлагая ей идею федерации солидарных и автономных государств Индокитая, в которой Франции отводилась бы роль друга, помощника, защитника и опекуна. По замыслу Деку, идея федерации должна была стать антитезой японскому лозунгу о единой и процветающей «Великой Восточной Азии» [520, с.200].

¹ Смотри выше «Параграф 4.1.2».

¹¹ 8-го декабря 1941 г. возглавляемый Шарлем де Голлем комитет «Свободная Франция» в Лондоне объявил войну Японии.

Маневры Деку произвели впечатление на некоторые круги вьетнамской элиты, так как впервые за всё время французского колониального господства во Вьетнаме выдвигались конкретные предложения о предоставлении более самостоятельного политического статуса Индокитаю. Федерация и автономия – это были новые понятия, до сих пор отсутствовавшие в лексиконе французской администрации в Индокитае [217.2, с.82]. Кроме того, колониальные власти настойчиво рекомендовали всем французам, проживавшим во Вьетнаме, увеличить как служебные, так и личные контакты с вьетнамской элитой, особенно с теми её группами и отдельными представителями, которые имели влияние на общественное мнение. Французам было предписано придерживаться «политики уважения» по отношению к вьетнамцам, к которым, например, обращаться на «ты» было официально запрещено³.

Деку также попытался повысить престиж как самой вьетнамской монархии, так и службы в колониальной администрации. Поэтому пресса получила указание широко освещать церемонии двора, был реставрирован императорский дворец в Хюэ и несколько увеличено жалование вьетнамским придворным чиновникам. Затем, в 1942 – 1943 гг., было отменено деление кадров колониальной администрации на «европейские», «индокитайские» и «местные», при этом зарплата вьетнамских служащих была уравнена с жалованием французских служащих колониального аппарата. В сочетании с прекращением притока новых кадров из метрополии это привело к тому, что за период с 1940 по 1944 г. число вьетнамских служащих на средних и высших должностях управленческого аппарата удвоилось [1054.1, с.81; 520, с. 200].

Наконец, Деку предпринял ряд мер, которые должны были, по его мнению, побудить вьетнамскую интеллигенцию и элиту сохранять лояльность по отношению к Франции. Прислушавшись к её давним требованиям, Деку внёс некоторые изменения в вызывавшую наибольшие нарекания систему образования. За период с 1939 по 1944 г. было создано 4800 новых сельских школ начального цикла, а число

учащихся возросло с 450 тысяч до 700 тысяч человек¹. Поощряя национальные чувства местной интеллигенции и элиты, явление невиданное до того при колониальном режиме, Дску разрешил преподавание вьетнамского языка в большем объёме уже на начальном цикле обучения, где он вскоре стал преобладающим. Также было разрешено преподавание истории Вьетнама, что сразу же вызвало отрицательную реакцию «колониального сообщества» [758, с.84, 85]. Не меньшую поддержку этот генерал-губернатор оказал и Ханойскому университету, профессура которого имела существенное влияние на общественное мнение не только в Ханое, но и во всём Северном Вьетнаме.

Наконец, в 1941 г. был создан особый Комиссариат спорта и молодёжи, имевший целью развитие спортивной подготовки молодых людей и создания в их среде военизированных организаций фашистского толка [520, с.201].

4.3. *Тактика Японии. Вьетнамские прояпонские националистические организации. Японский военно-политический переворот весны – лета 1945 г.*

После оккупации Французского Индокитая японские информационные спецслужбы с 1942 г. развернули пропаганду паназиатских идей среди местного населения, при этом особое внимание обращалось на антифранцузски настроенные националистические группы и организации, которым оказывалась прямая финансовая поддержка. Однако, стремясь избежать прямого конфликта с французской администрацией, японские спецслужбы действовали крайне осторожно на первом этапе войны. Они широко использовали такие лозунги, как «Азия для азиатов!» и «Долой белых варваров!», а также подчёркивали религиозную, культурную и расовую близость японцев с вьетнамцами и другими азиатскими народами данного региона. С 1942 г. японцы начали издавать во

¹ Этого было явно недостаточно, так как в то время во Вьетнаме было 5 миллионов детей школьного возраста, из которых 80% – 90% оставалось неграмотными [757, с.85].

Вьетнаме журнал «Новая Азия», в котором на вьетнамском языке пропагандировались всё те же паназиатские идеи. Одновременно с этим японская миссия открыла школы для вьетнамцев и организовала фотовыставки с рекламой и информацией о военных победах Японии в Пирл-Харборе, Гонконге, Маниле и Сингапуре. Кроме того, печатались и распространялись соответствующие афиши и плакаты, показывались фильмы и велись передачи по радио. К концу 1942 г. японская пропаганда приобрела откровенно антибелую расистскую направленность. Надо сказать, что поддавшись этой массивной пропаганде, часть вьетнамских националистов начала ориентироваться на Японию, рассчитывая с её помощью добиться успехов в антиколониальной борьбе за независимость Вьетнама. В основном они были представлены буржуазно-помещичьими и мелкобуржуазными слоями вьетнамского общества. При прямой поддержке японских спецслужб были созданы «Национал-социалистическая партия Великого Вьета», «Партия народного правления Великого Вьета» и другие прояпонские организации, но все они так и остались немногочисленными и узкорегionalными группировками [520, с.202]. Гораздо большим влиянием пользовались религиозные секты Као Дай и Хоа-хао, в которых националистические настроения были особенно сильными¹. Глава секты Као Дай – Папа Фам Конг Так – сумел превратить её в настоящую политическую силу, имевшую большое влияние в Кохинхине. Эта секта, насчитывавшая в 1938 г. 300000 адептов, стала своего рода государством в государстве. Поэтому японские власти приложили максимум усилий для привлечения руководителей этих сект на свою сторону. Известно, что с их ведома и разрешения с японцами в Камбодже контактировал каодаист Чан Куанг Винь. В 1942 – 1943 гг. секты Као Дай и Хоа-хао при прямой и активной

¹ О структуре и учениях сект Као Дай и Хоа-хао смотри «Параграф 1.3.2» и «Параграф 1.3.3» «Главы 2» «Части IV» настоящего тома.

поддержке японских спецслужб активизировали свою антифранцузскую деятельность в Кохинхине. Особо следует выделить японский аналог фашистского *гестапо* японскую тайную политическую полицию *кемпейтай*, которая выдавала своим вьетнамским агентам японские удостоверения личности, делавшие их недосыгаемыми для французской тайной службы безопасности. С начала 1942 г. между этими двумя тайными службами Франции и Японии во Вьетнаме развернулась упорная и жестокая борьба. Так, например, французские власти, обеспокоенные агрессивными антифранцузскими публичными выступлениями лидера секты Хоа-хао Хюинь Фу Шо, решили сослать его в Лаос. Но, несмотря на протесты французских властей Индокитая, японские спецслужбы оставили Хюинь Фу Шо под своим надзором в Сайгоне. Действия японских спецслужб в Тонкине и Аннаме мало чем отличались от их мероприятий в Кохинхине. Поэтому, несмотря на протесты администрации Деку, в Тонкине действовали такие прояпонские партии и группировки как «Революционная партия Великого Вьета», «Национальная партия Великого Вьета», «Партия патриотической молодёжи» и другие политические организации. Многие члены этих партий побывали в эти годы в Токио.

После разгрома фашистских войск на Курской дуге и перелома в ходе Второй мировой войны Япония начала готовить почву среди политических групп прояпонской ориентации Индокитая для возможного политического переворота. В мае 1943 г. в Сайгоне планировалось провести объединительный съезд всех прояпонских сил под названием «Возрождение государства Вьетнам», на котором должно было быть образовано временное правительство во главе с давним сторонником Японии принцем Кыонг Де. А учитывая, что принц был прямым потомком основателя династии Нгуен, о его возможном возвращении во Вьетнам заговорили и в каодаистских кругах Кохинхины. В то же время японские спецслужбы, рассматривавшие Нго Динь Зьема в Аннаме и

Чан Чаунг Кима в Тонкине¹ как потенциальных политических лидеров страны, которым они могли бы передать власть после государственного переворота, установили контакты и с этими известными националистически настроенными деятелями антиколониального движения во Вьетнаме. Наконец, важно подчеркнуть, что, делая ставку на Японию, указанные представители вьетнамской интеллигенции и буржуазии отстаивали, по их мнению, национальные интересы, заключавшиеся в освобождении Вьетнама от французского колониального господства [758, с.69, 93, 95].

Положение японцев во Вьетнаме осложнилось ещё и тем, что начиная с лета 1943 г. правительство «Свободной Франции» Шарля де Голля в Алжире начало подготовку к освобождению Индокитая. В результате в октябре 1944 г. в Кохинхину, на юг Аннама, в горные пограничные с Китаем районы Тонкина и в Лаос были десантированы части деголлевской армии с оружием и боеприпасами. Возглавлявший французское антифашистское сопротивление генерал Мордан составил план военных действий, который состоял в том, что если Япония первой начнёт военные действия, то французские части должны были оставить все основные важные стратегические пункты Вьетнама и, отступив в горные пограничные с Китаем районы Тонкина и Лаоса, вести партизанскую войну по всей стране. В январе 1945 г. этот план, оставлявший японцам всю страну ещё до начала боевых действий, был утверждён Парижем [758, с.121]. В то время во Вьетнаме также циркулировали слухи о возможной высадке американских войск во Вьетнаме. Поскольку конспирация почти не соблюдалась, японское командование было прекрасно осведомлено о всех действиях и планах французских антифашистских сил во Вьетнаме. Кроме того, оно располагало достоверными сведениями об успехах

¹ О принце Кыонг Де смотри выше «Параграф 2.1» предыдущей главы; о Нго Динь Зьеме смотри «Главу 1» «Части II» настоящего тома; о Чан Чаунг Киме смотри ниже, а также «Параграф 4.1» предыдущей главы и «Примечание 21» в «Комментарии» к этой главе.

Японцы на улицах Сайгона. Март 1945 г.

К концу 1944 г. уже достаточно очевидное поражение гитлеровской Германии, высадка американских войск на Филиппинах и падение правительства Виши во Франции окончательно убедили японские власти в том, что только политический антифранцузский переворот поможет им удержать свои позиции в Индокитае. Такой переворот вполне согласовывался с японскими замыслами подрыва национально-освободительного движения в Индокитае путём

¹ О Лиге Вьетминь смотри следующий параграф.

создания «независимых» марионеточных государств под японским контролем. При этом японские оккупанты располагали достаточными силами для реализации планов, так как к январю 1945 г. численность японских войск во Вьетнаме составила 60000 человек [520, с.209].

9-го марта 1945 г. в 20.00 адмиралу Деку был вручен в сайгонском дворце ультиматум с требованием немедленной передачи под японский контроль всех вооружённых сил Франции в Индокитае. Той же ночью японская армия нанесла внезапный удар по всему Индокитаю. На юге, где никто этого не ожидал, сработал фактор внезапности, что позволило японцам в течение нескольких часов взять ситуацию под свой контроль. Лишь предупреждённые о готовящемся нападении японцев французские гарнизоны в Хюе и Ханое оказали им упорное сопротивление, которое всё же было сломлено превосходящими силами противника, а в Лангшоне победа досталась японцам такой тяжёлой ценой, что они отомстили за неё массовыми убийствами оставшихся в живых французов.

Таким образом, менее чем за 24 часа большая часть французских войск Индокитае была разоружена и выведена из игры. Даже командовавшие ими генералы Мордан и Эйме были взяты в плен. Только около 5000 солдат и офицеров группировки французской армии в Шотэе сумели с большими потерями пробиться к горным районам Северного Вьетнама и уйти в Китай [758, с.123].

После военного переворота японцы объявили о создании формально «независимой» Империи Вьетнам, которая просуществовала с 10 марта по 30 августа 1945 г., при этом оккупанты полностью овладели бывшим Французским Индокитаем, включив его в так называемую «великую восточноазиатскую сферу процветания». Однако они оставили под своим прямым контролем Южный Вьетнам, о чём прямо заявил 30-го марта назначенный его губернатором представитель Японии Ф.Минода. В то же время, намереваясь использовать французский колониальный хозяйственный и административный аппарат с его техническим персоналом, японские власти не спешили с дальнейшими действиями, хотя

и были вынуждены прибегнуть к определённым политическим манёврам, для того чтобы выполнить данные прояпонским националистическим группировкам стран Индокитая обещание о предоставлении «независимости». В результате, профранцузский императорский кабинет во главе с премьер-министром Фам Кюинем 19-го марта 1945 г. подал в отставку.

Тем не менее из-за возникших трудностей новое правительство «независимого» Вьетнама в количестве десяти министров под председательством Чан Чаунг Кима было сформировано только 17-го апреля [758, с.122 – 131]⁴. Оно состояло в основном из представителей нового поколения вьетнамской элиты – юристов, врачей и учёных, воспитанных на французской культуре, которые, не будучи откровенно враждебными к Франции, хотели в условиях отсутствия колониального контроля оформить независимость Вьетнама к моменту грядущего поражения Японии [520, с.209]. Поэтому новое правительство занялось подготовкой первой в истории Вьетнама конституции, в которой предусматривалось провозглашение демократических свобод, в том числе – свободы вероисповедания и профсоюзной деятельности. 23-го мая была провозглашена либеральная налоговая реформа, в государственной администрации вьетнамские чиновники сменили французских, а в системе образования было официально введено преподавание вьетнамской письменности на латинице как первого языка. Кроме того, была объявлена амнистия заключённым и разрешены политические партии, за исключением коммунистической [758, с.127, 128]. Однако всем было ясно, что власть правительства Чан Чаунг Кима гарантируется лишь японским присутствием во Вьетнаме.

Следует отметить, что и после переворота японские милитаристы продолжили безудержное разграбление и эксплуатацию стран Индокитая, что привело к окончательной разрухе, невиданной инфляции и росту цен, особенно – в Северном Вьетнаме. С осени 1944 г. к этому добавились бомбардировки американской авиацией побережья Центрального Вьетнама, в результате которых была блокирована доставка риса из Кохинхины в Тонкин. Всё это,

как уже отмечалось, привело к голоду в Северном Вьетнаме, унёсшему около одного миллиона жизней [520, с.210].

В результате японский военно-политический переворот, как и остальные замыслы японских милитаристов во Вьетнаме, закончился крахом. Причиной этого стало не только поражение Японии во Второй мировой войне, но и умелые действия вьетнамских патриотов под руководством КПИК и лиги Вьетминь, о которых речь идёт в следующем параграфе.

4.4. Политика КПИК в годы Второй мировой войны. Образование Лиги независимости Вьетнама (лиги Вьетминь), создание освобождённых районов и Августовская революция

К началу мировой войны условия во Вьетнаме сложились таким образом, что Кохинхина находилась вне зоны военных действий и туда ещё не были введены японские войска, которые уже оккупировали Тонкин. Кроме того, как уже отмечалось выше, дислоцированные в Кохинхине французские части были переведены к месту боевых действий на тайландско-камбоджийской границе. Поэтому, учитывая благоприятный момент, руководство южного отделения КПИК приняло решение о начале вооружённого восстания в Кохинхине в ноябре 1940 г.

После принятия этого решения партийные ячейки и комитеты Кохинхины на местах начали активную подготовку к восстанию. Был создан его высшее военное командование и основная ударная сила в виде многочисленных отрядов самообороны. В городах и деревнях велась активная агитация вьетнамских солдат колониальной армии в пользу восстания, тогда как партийные комитеты готовили всеобщую забастовку и демонстрации, которые должны были перерасти в «вооруженное восстание и захват власти» с целью создания «Народного правительства Индокитайской Демократической Республики» [758, с.79, 80]. Однако состоявшийся в октябре 1940 г. в Тонкине VII Пленум ЦК не утвердил это решение как несвоевременное и не соответствующее общей обстановке в стране [387, с.185].

Тем не менее принятое руководством КПИК решение, как это уже случалось во вьетнамской истории, не дошло до партийного комитета Кохинхины, в результате чего запланированное им восстание началось в ночь на 23 ноября 1940 г.¹ Оно началось в Сайгоне, затем охватило провинции Ядинь, Биенхоа, Митхо и Кантхо, после чего быстро распространилось и на окраинные западные провинции Кохинхины Ратьзя и Баклиеу [1468, с.43]. Во многих охваченных восстанием местах революционные власти раздавали безземельным и малоземельным крестьянам конфискованные земли и рис. Но, несмотря на то, что основной контингент колониальных войск действительно был выведен из Кохинхины, они сумели продержаться всего лишь около двух недель.

К тому времени, администрация Деку уже сумела справиться с кризисной ситуацией, вызванной японской вооружённой провокацией в Лангшоне, и смогла перебросить достаточное количество войск из Тонкина на юг. Вместе с полицией они окружили болотистый район к северо-западу от Сайгона, известный под названием «Равнина джонок», который являлся центром восстания. Как и в 1930 г. к его подавлению была привлечена военная авиация, бомбившая посёлки и деревни. Всего в различных столкновениях погибло около 100 восставших, тогда как полиция потеряла лишь 33 человека убитыми. После подавления восстания начались жестокие репрессии, в ходе которых было арестовано 6000 человек. Многие из них были приговорены к каторжным работам на острове Пулокондор или сосланы в «специальные лагеря». Кроме того, были вынесены смертные приговоры содержащимся до восстания в сайгонской тюрьме видным деятелям КПИК. Ещё раньше казнили Нгуен-тхи Минь Кхай,

¹ В условиях строгого полицейского контроля за передвижениями из одной части Вьетнама в другую, который, как известно, вытянут в меридиональном направлении, связь между партийными организациями Тонкина и Кохинхины была крайне затруднена. См. «Параграф 1.2» настоящей главы.

Нгуен Ван Кы, Ха Хюи Тапа и Фан Данг Лыу [758, с.80; 1468, с.65 – 68].

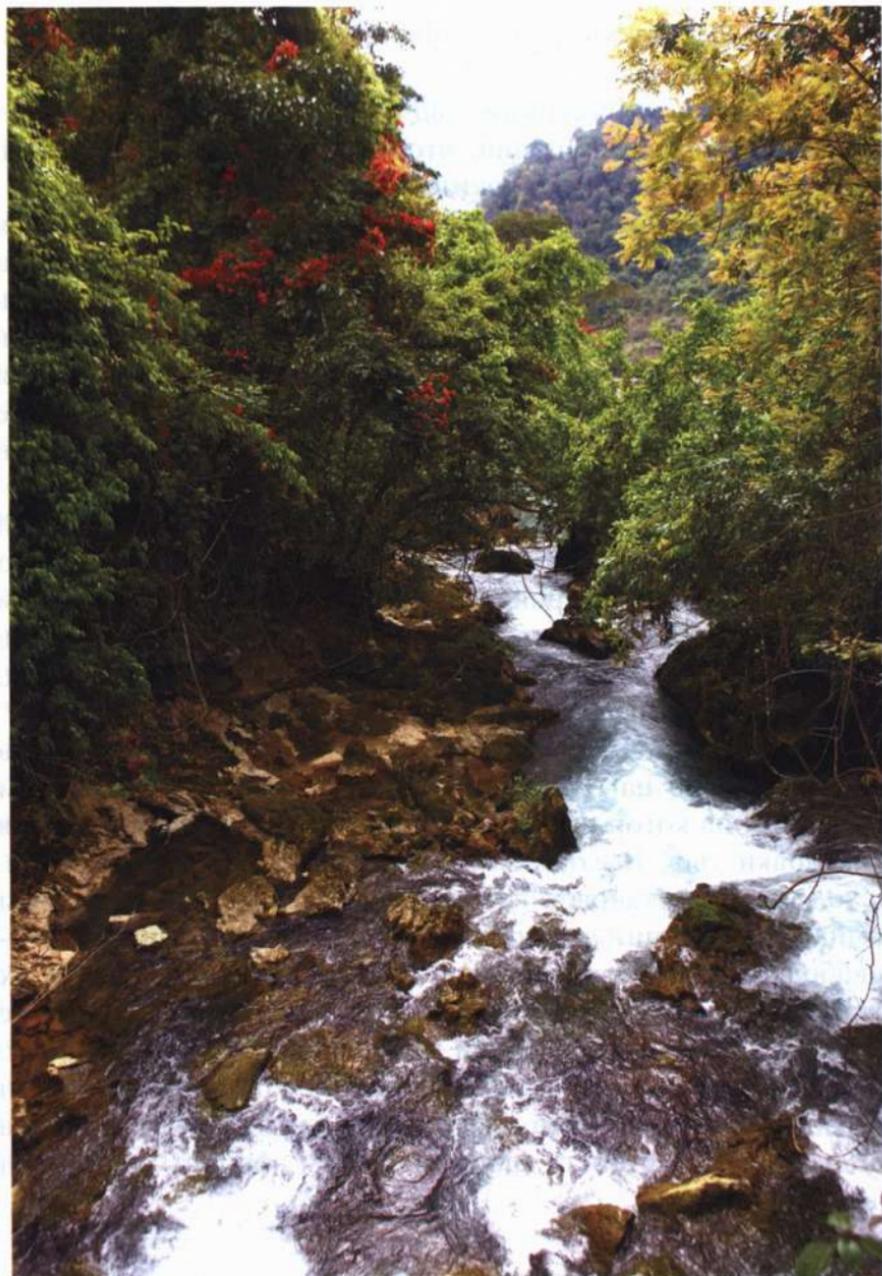
Этими репрессиями адмирал Деку явно хотел продемонстрировать Японии, что Франция крепко держит в руках руль управления Индокитаем.

В результате самая сильная коммунистическая организация Вьетнама была почти полностью разгромлена, а коммунистическое движение в Кохинхине оказалось парализованным на несколько лет, что и обусловило слабость левого направления национально-освободительного движения на юге Вьетнама в 1941 – 1945 гг. [54, с.186]. Поэтому после 1940 г. центр коммунистического движения переместился в Северный Вьетнам.

В январе 1941 г. на заседании ЦК КПИК с большой критической речью выступил Хо Ши Мин, детально проанализировавший причины поражения восстания. На этом заседании была дана суровая оценка событиям ноября 1940 г. в Кохинхине, а над виновниками провала состоялся суд, который вынес главным из них смертные приговоры.

В мае 1941 г. под руководством Хо Ши Мина¹ в местечке Пакбо на границе с Китаем состоялся VIII пленум ЦК КПИК, на котором был дан глубокий анализ сложившейся обстановки во Вьетнаме и международного положения. Исходя из установок Коминтерна, согласно которым компартии колоний должны были возглавить национально-освободительные движения в «своих» странах, сплотив их население в борьбе против «фашистского империализма» с максимальным привлечением общественных организаций, пленум принял официальное решение о создании Лиги независимости Вьетнама, которая в дальнейшем получила всемирную известность под названием фронта, или лиги Вьетминь.

¹ К тому времени после многих лет эмиграции Хо Ши Мин вернулся во Вьетнам. Как уже говорилось, в те годы он был известен в революционных кругах Вьетнама и политических кругах Франции под именем Нгуен Ай Куок, что означает «Нгуен – Патриот».

Горный район на границе с Китаем близь деревни Пакбо общины Чыонгха уезда Хакуанг, где состоялся VIII пленум ЦК КПИК.
Провинция Каобанг, 28.03.2011 г.

Основу Вьетминя составили общества «спасения родины», в которых к тому времени насчитывалось около 2000 человек. На пленуме также была принята программа лиги, которая сильно отличалась от программы КПИК 1930 г. Объёмом всего лишь в 15 страниц она отвечала как интересам самых широких слоёв вьетнамского общества, так и основным требованиям общедемократического характера.

Поэтому значение этого программно-документального документа, учитывавшего как исторические традиции, так и существовавшие реалии Вьетнама, трудно переоценить.

Главными задачами лиги Вьетминь провозглашались изгнание японских и французских империалистов, достижение полной независимости Вьетнама и создание «революционного правительства Демократической Республики Вьетнам». Также предполагалось введение всеобщего равного избирательного права для всех «индокитайцев», в том числе и представителей национальных меньшинств, достигших восемнадцати лет и провозглашение демократических свобод – свободы прессы, собраний, передвижений по стране и т.д.

В программе говорилось и об учреждении «народных комитетов» с целью привлечения к управлению страной широких народных масс, децентрализации государственной власти и ликвидации прежней чиновничьей администрации.

По крайне сложному и деликатному аграрному вопросу программа, провозглашая принцип частной собственности на землю, ограничивалась лишь требованием конфискации земель французских колонизаторов и вьетнамских помещиков-предателей.

В производстве рассматривавшаяся в качестве союзника национальная буржуазия должна была получить свободу предпринимательской деятельности, планировалось введение восьмичасового рабочего дня, ликвидация безработицы, увеличение зарплаты и создание системы социального обеспечения.

В области образования предполагалось создать систему обязательного и бесплатного обучения, в области культуры – построение новой национальной культуры. В целом же

программа лиги Вьетминь выгодно отличалась от всех программ национально-революционных партий Вьетнама двадцатых – тридцатых годов, которые ограничивались требованием завоевания независимости, оставляя без внимания проблему дальнейшего политического и государственного устройства независимого Вьетнама. Выработанная при непосредственном участии Хо Ши Мина, программа лиги Вьетминь стала основным документом, на который опиралось в своей деятельности руководство КПИК вплоть до Августовской революции 1945 г.

Принятие новой программы и условия подпольной борьбы обусловили утверждение VIII Пленумом ЦК КПИК предложенную Хо Ши Мином существенную реорганизацию партии. Следует отметить, что дальнейшие успехи лиги Вьетминь в значительной степени были связаны с гибким и быстрым реагированием её руководства на сложные и зачастую непредсказуемо изменявшиеся условия. Основной, базовой организацией лиги Вьетминь стала малочисленная, изолированная и глубоко законспирированная ячейка. Вся вертикальная организация Лиги также строилась по этому принципу. Во Вьетминь входили объединённые в комитеты организации молодёжи, женщин, рабочих и солдат, которые существовали в каждой территориальной единице страны вплоть до региональных комитетов Тонкина, Аннама и Кохинхины. Однако из-за проблем коммуникации, о которых уже достаточно много говорилось, эти региональные комитеты обладали довольно большой свободой действий. Центральный комитет Лиги избирался делегатами вертикальных организаций, территориальных комитетов и партизанских соединений Вьетминя. В свою очередь ЦК избирал политбюро, а его генеральным секретарём с мая 1941 г. по август 1945 г. единогласно избирался Хо Ши Мин [520, с.207; 758, с.96, 98 – 102].

Первой базой лиги Вьетминь стала труднодоступная пограничная с Китаем провинция Каобанг, откуда легко можно было поддерживать связь как с дельтой Красной реки, так и с Южным Китаем. Население Каобанга традиционно

было настроено антифранцузски. С конца 1941 г. в этой провинции начали создаваться отряды самообороны. Большая заслуга в их создании принадлежит Во Нгуен Зяпу, который к тому времени стал видным членом руководства лиги Вьетминь и ближайшим соратником Хо Ши Мина. Тем самым было положено начало созданию баз открытого сопротивления французским властям и японским оккупантам.

Лига Вьетминь широко развернула кампанию по разоблачению пропаганды колониальных властей и японских оккупантов. Одновременно с этим распространялась информация о победе Красной армии под Москвой. Кроме того, органы пропаганды КПИК распространяли среди населения страны такие брошюры, как «Международный демократический фронт против фашистских агрессоров» и «Война на Тихом океане и вьетнамская революция», а также другие материалы [520, с.207]. В результате происходило постепенное усиление позиций лиги Вьетминь в Северном Вьетнаме. В конце 1942 г. состоялась межпровинциальная конференция организаций лиги Вьетминь, по решению которой был создан Освобожденный район Као-Бак-Ланг. Тогда же был образован Временный комитет лиги Вьетминь провинций Каобанг, Баккан и Лангшон, ставший прообразом новой революционной власти в этом районе. Особое значение для развития национально-освободительного движения во Вьетнаме имел состоявшийся 25-го февраля 1943 г. в провинции Бакнинь пленум Постоянного бюро ЦК КПИК, на котором обсуждался вопрос о дальнейшем расширении и укреплении лиги Вьетминь как формы единого национального фронта [387, с.189, 191]. В документах пленума указывалось на необходимость преодоления узкоклассовых рамок, в которых в 1941 – 1942 гг., главным образом в крестьянской среде и в горных районах, развивалось движение лиги Вьетминь. Также была отмечена важность вовлечения в движение городской мелкой буржуазии, предпринимателей и патриотически настроенных помещиков [227, с.388, 389].

В 1943 г. КПИК выступила с важным программным документом «Тезисы о культуре», в которых выдвигалась

задача борьбы за национальную по форме и демократическую по содержанию культуру. Тем самым была проделана огромная работа по привлечению на сторону лиги Вьетминь различных слоев вьетнамской интеллигенции. Этот документ, определивший перспективы развития национальной культуры и главные черты, которые должны быть ей присущи в процессе дальнейшего коренного преобразования общества, стал основой дальнейшей разработки культурной политики партии после Августовской революции 1945 г. [227, с.412 – 417; 637, с.305]. В 1944 г. «Тезисы» сыграли большую роль для объединения прогрессивно настроенной интеллигенции, лиц свободной профессии, учащихся и ханойской элиты в лице университетской профессуры, с мнением которой считались в Северном Вьетнаме, в «Общество деятелей культуры за спасение Родины». В это поддерживавшее лигу Вьетминь «Общество» вошли такие видные писатели того времени, как Нгуен Динь Тхи, Нам Као, Нгуен Хонг и То Хоай [520, с.208]. В 1944 г. представители интеллигенции Северного Вьетнама также создали Демократическую партию, которая вошла в состав лиги. Поддержка лиги Вьетминь ханойской элитой, которая традиционно пользовалась большим авторитетом в обществе, способствовала укреплению и расширению её социальной базы.

Таким образом, движение лиги Вьетминь постепенно приобретало общенациональный характер. К концу 1943 г. Вьетминь контролировал уже значительную часть территории северных провинций Лангшон, Каобанг, Баккан, Тхайнгуен, Туенкуанг, Бакзянг, Виньен¹ [520, с.208]. Это означало, что к тому времени территории двух опорных баз лиги Вьетминь во Вьетбаке сомкнулись, а она контролировала почти всю по французской терминологии Вторую военную территорию на вьетнамо-китайской границе. Реально ощущавшаяся к концу 1944 г. угроза голода в некоторых провинциях Северного Вьетнама привела к тому, что крестьяне и отдельные помещики начали присоединяться к лиге Вьетминь.

¹ Названия провинций колониального периода в сороковые годы XX в.

Одновременно с этим шло усиление военно-политической подготовки её бойцов. Наконец, 4-го июня 1945 г. был образован единый освобождённый район из указанных выше северных провинций с населением около одного миллиона человек [387, с.203].

С момента создания лиги Вьетминь её руководство проводило политику чёткого разграничения между французами – фашистами, господствовавшими в Индокитае, и французами – антифашистами, или «голлистами». Поэтому когда 8-го декабря 1943 г. генерал Шарль де Голль сделал в Алжире заявление, в котором он впервые озвучил намерение Франции вернуть свои прежние колонии, в том числе и Индокитай, это вызвало крайне негативную реакцию во Вьетнаме. 4-го июня 1944 г. ЦК КПИК опубликовал своего рода манифест с резким протестом против возврата Франции к прежней колониальной политике.

В другом документе от 6-го августа 1944 г. с детальным анализом всей международной обстановки, констатировалось, что во Вьетнаме впервые в его колониальной истории складывается уникально благоприятная ситуация, дающая реальный шанс для завоевания независимости, который ни в коем случае нельзя упустить. Наконец, 7-го мая 1944 г. Генеральный комитет лиги Вьетминь издал «Директивы по подготовке восстания», а с конца 1944 г. ЦК КПИК в соответствии с предложением Хо Ши Мина с начал работу по созданию регулярных вооружённых сил на базе уже действовавших партизанских отрядов. В результате уже 22-го декабря 1944 г. был создан первый агитационный отряд Освободительной армии Вьетнама под командованием Во Нгуен Зяпа [520, с.208; 758, с.110, 111].

К началу августа 1945 г. во Вьетнаме окончательно сложилась революционная ситуация. Политический кризис, связанный с японским военно-политическим переворотом 9-го марта 1945 г., привёл к вакууму власти, что позволило лиге Вьетминь практически беспрепятственно действовать в дельте Красной реки. Поэтому многие нейтральные прежде районы страны перешли на сторону Вьетминя.

Разгром советскими войсками Квантунской армии в Маньчжурии и атомные бомбардировки ВВС США Хиросимы и Нагасаки вынудили правительство Микадо признать 10-го августа решения Потсдамской конференции по Японии, а уже 15-го августа подписать акт о безоговорочной капитуляции. В тот же день состоялся пленум ЦК КПИК, на котором был принят курс на всеобщее вооружённое восстание и взятие власти. На следующий день 16-го августа 1945 г. в штаб-квартире освобождённого района в местечке Танчао собрался Конгресс народных представителей лиги Вьетминь, на котором присутствовали 60 делегатов, которые приняли решение о завоевании власти и создании независимой Демократической Республики Вьетнам [520, с.211; 387, с.209]. На конгрессе был образован Национальный комитет освобождения¹ Вьетнама – прообраз временного правительства ДРВ. Председателем комитета был избран Хо Ши Мин, его заместителем – Чан Хюи Лиену. Кроме того, в комитет было избрано ещё 11 человек, в том числе – Во Нгуен Зяп, Фам Ван Донг, Тю Ван Тан и Нгуен Лыонг Банг [1499, с.157].

17-го августа по всему Ханюю начались массовые демонстрации под лозунгами лиги Вьетминь. Около 20 тысяч человек собрались на митинг на площади Большого театра Ханоя, с балкона которого руководители лиги Вьетминь впервые открыто выступили перед народными массами. Вместо императорского флага над театром был водружён красный флаг с золотой звездой. Демонстрации продолжались 18-го и 19-го августа. 20-го августа уже все важнейшие стратегические пункты Ханоя были в руках восставших. 21-го августа революция достигла пика. По всей стране создавались новые органы власти в виде народных комитетов, которые сменяли столь ненавистную чиновничью администрацию [758, с.136, 137].

В Хюе и прилегающих к нему провинциях позиции освободительных сил также были прочны. 23-го августа в городе состоялась массовая демонстрация под красными

¹ НКО.

флагами лиги Вьетминь, а 25-го августа император Нгуен Винь Тхюи без возражения подписал в присутствии Чан Хюи Лиэу и Ку Хюи Кана «Акт об отречении». Империя Дайнам прекратила своё существование, а на дворцовой мачте был поднят красный флаг. Бывший император также передал представителям лиги Вьетминь символы власти – меч и императорские печати. Надо полагать, что эти ритуальные действия в столице Дайнама воспринимались населением Вьетнама однозначно, так как в соответствии с традициями Вьетминь, представителям которого император добровольно передал символы власти, стал его легитимным преемником, получившим «Мандат Неба» на управление страной. Поэтому не исключено, что именно такой интерпретацией происходивших событий и объясняется та лёгкость и быстрота, с которой произошла смена режима [520, с.211; 758, с.139, 140].

Несколько иначе развивались революционные события в Южном Вьетнаме, где позиции лиги Вьетминь были слабее, чем в Северном и Центральном Вьетнаме. 25-го августа в Сайгоне состоялась большая демонстрация её сторонников, повсюду были вывешены красные флаги и был создан Народно-революционный комитет Южного Вьетнама под председательством давнего соратника Хо Ши Мина Чан Ван Зяу. Из 9 членов комитета 7 были представителями лиги Вьетминь, а 2 представляли ряд правых националистических партий [758, с.142].

Наконец, 28-го августа 1945 г. в Ханое было сформировано Временное революционное правительство Вьетнама. Его председателем и министром иностранных дел стал Хо Ши Мин, министром внутренних дел стал Во Нгуен Зяп, министром информации и пропаганды – Чан Хюи Лиэу, министром обороны – Тю Ван Тан, министром финансов – Фам Ван Донг, министром труда – Ле Ван Хиен, министром образования – член Демократической партии Ву Динь Хюэ и министром по делам молодежи – Зыонг Дык Хиен. Кроме того министерские портфели и посты министров без портфелей получили ещё 2 представителя Демократической партии

Вьетнама, 1 член Национальной партии Вьетнама, 1 католик и 2 беспартийных⁵. Всего в правительстве было 11 человек. Несколько позже бывший император Нгуен Винь Тхюи получил должность «Высшего правительственного советника» [758, с.142, 143]. 2-го сентября 1945 г. на грандиозном митинге, который состоялся на площади Бадинь в Ханое, Временное правительство предстало как официальный представитель многомиллионных масс Вьетнама, одержавших победу над силами фашизма и милитаризма. председатель ВРП Хо Ши Мин от имени вьетнамской нации огласил историческую «Декларацию независимости» Вьетнама и объявил о создании Демократической Республики Вьетнам как свободного и независимого государства Юго-Восточной Азии.

Таким образом, всего лишь две недели спустя после безоговорочной капитуляции милитаристской Японии начатая Вьетминем Августовская революция привела к полному восстановлению государственной независимости Вьетнама в полном соответствии с волей миллионов его граждан. При этом важно подчеркнуть, что эпоха колониального господства Франции в Индокитае закончилась достаточно безболезненно и, главное – бескровно, после чего Вьетнам вступил в новую эпоху независимого развития.

1. ДРВ до начала Войны сопротивления против Франции

1.1. Начальный этап: от Временного революционного правительства к первой Конституции ДРВ

В конце предыдущей главы уже отмечалось, что французы априори отказались признавать независимость Вьетнама в послевоенном мире, тогда как генерал Шарль де Голль в своей декларации 24-го марта 1945 г. прямо заявил, что «вместе с заморскими территориями, которые она открыла для цивилизации, Франция – великая держава. Без этих территорий существует опасность перестать быть таковой», а многие рядовые французы совершенно искренне полагали, что «индокитайцы» готовы их встретить «с распростёртыми объятиями» [793.1, с.240].

Не следует забывать и о позиции американцев, которые в 1942 г. создали в Индокитае разведывательную сеть в рамках учреждённого в том же году Управления стратегических служб¹. Во Вьетнаме УСС с 1944 г. напрямую контактировало с Во Нгуен Зяпом и Хо Ши Мином, снабжая Вьетминь стрелковым оружием и медикаментами. По словам майора А.Патти (одного из руководителей УСС в Индокитае), Хо Ши Мину пришлось проделать «серьёзные психологические упражнения, чтобы совместить свои философские воззрения и практические нужды», пойдя на сотрудничество с США во имя достижения независимости Вьетнама [1116, с.52]².

В конце Второй мировой войны президент Ф.Рузвельт, который был известен своими антиколониальными взглядами и считал европейский колониализм одной из основных причин мировой войны, выступал с идеей создания международной опеки над Французским Индокитаем после его освобождения от японских оккупантов [571, с.8; 1116, с.17 – 22]. Однако идеи Ф.Рузвельта о «деколонизации» Индокитая не были, да и не могли быть оформлены в действенную официальную

¹ Далее – УСС.

программу, так как они противоречили стратегическим интересам союзников США по коалиции Великобритании и Франции. После же смерти Ф.Рузвельта в начале 1945 г. в США больше не вспоминали о международной опеке над Индокитаем. В октябре 1945 г. по указу нового президента Гарри Трумэна УСС, имевшее тесные контакты с Вьетминем, было распущено. В результате Хо Ши Мину так и не удалось добиться официального признания ДРВ Вашингтоном.

Более того, по инициативе президента США Г.Трумэна на Потсдамской конференции по итогам Второй мировой войны 24-го июля 1945 г. было принято решение, согласно которому территория Вьетнама делилась на две части. После капитуляции Японии первую, к северу от 16-й параллели, должны были занять для разоружения японской армии китайские войска, вторую, к югу от 16-й параллели, с той же целью – британские войска. Уже в конце августа в Северный Вьетнам вошли гоминдановские части под командованием генерала Лю Хана¹ численностью около 200 тысяч человек. Затем, 6-го – 12-го сентября в Южном Вьетнаме высадилась британская 20-ая индийская дивизия под командованием генерала Д.Грэйси², которая насчитывала порядка 20 тысяч человек и была укомплектована в основном непальцами. Очевидно, что такое деление Вьетнама не обошлось без участия Франции, эксперты которой прекрасно разбирались в отличиях между северной и южной частями страны³ [758, с.191 – 204; 979].

«Де-факто» ввод китайских и британских войск являлся первым шагом к возрождению колониального режима, чего не могло не понимать правительство провозглашённой 2-го сентября 1945 г. Демократической Республики Вьетнам³. Кроме того, ему пришлось столкнуться с многочисленными трудностями и препятствиями. Ещё не был полностью ликвидирован спровоцированный японцами ужасный голод, государственные продовольственные склады были пусты, а во

¹ 1895 – 1974 гг.

² 1894 – 1964 гг.

³ Далее – ДРВ.

всех отраслях производства царил застой.

Выступление Хо Ши Мина на митинге.
Ханой, 17.08.1945 г.

В этих тяжелейших условиях лишь коммунисты взяли на себя ответственность за будущее страны, что в целом предопределило дальнейшее развитие Вьетнама. Опиравшиеся на решения VIII Пленума ЦК КПИК 1940 г. и победившие под лозунгом национального освобождения, они стремились главным образом решить задачи национально-освободительной революции, перед которыми вопросы

социального освобождения отступали на второй план. Отсюда и стремление руководства КПИК пойти на сотрудничество с США и добиться разумного компромисса с французами во имя независимого, суверенного развития вьетнамской нации.

Хотя этот националистический настрой поддерживался большей частью вьетнамского народа, он имел и негативные проявления. Как и во время других аналогичных катаклизмов, таких как мятежи, смена режимов, революции и перевороты, особую активность проявили всяческие маргиналы, которые совершали погромы, акты насилия и захват чужой, в данном случае – французской, собственности. Антифранцузские настроения, связанные с долгим и тяжёлым колониальным игом, подчас перерастали в жестокие ксенофобские действия. Французское население Индокитая, насчитывавшее в 1945 г. 30 – 40 тысяч человек и жившее главным образом в городах, после Августовской революции не желало сотрудничать с правительством Хо Ши Мина и всячески препятствовало выходу Вьетнама из колониальной империи Франции.

Несмотря на то что в «Декларации независимости» содержался призыв к союзным государствам, признать, руководствуясь решениями конференций в Тегеране и Сан-Франциско, независимость ДРВ, несмотря на письма Хо Ши Мина Сталину и Трумэну, в которых также выражалась надежда на официальное признание нового суверенного государства, независимость ДРВ не была сразу признана мировым сообществом. 30-го сентября 1945 г. появилось обращение народа Вьетнама к русскому, американскому, китайскому, британскому и французскому народам с просьбой поддержать его борьбу за освобождение, но лидеры антифашистской коалиции проигнорировали тогда обращение правительства Хо Ши Мина. Этого нельзя объяснить отсутствием информации о новой власти во Вьетнаме, так как в то время там находились представители Великобритании, Китая, и люди из миссии генерала Филиппа И.Галахера из американской спецслужбы УСС, а с 1946 г. – советские офицеры, занимавшиеся вопросами перемещённых лиц.

Наконец, не следует забывать и о позиции самой

Франции. Ведь ещё 24-го августа 1945 г., отвечая на вопрос о будущей судьбе Индокитая на пресс-конференции в Вашингтоне, генерал Шарль де Голль заявил, что Франция принимает идею создания нового режима в этой части света «под полным французским суверенитетом» [310, с.260]. По сути, это означало, что французы были готовы признать политические перемены в Индокитае лишь в рамках своей колониальной империи. Надо отметить, что Государственный департамент США также поддержал позицию Франции. Об этом было официально заявлено в августе 1945 г. во время упомянутого визита Шарля де Голля в США. Правда, сотрудники УСС и представители деловых кругов США всё в течение года поддерживали контакты с правительством Хо Ши Мина. Интересно и то, что Советское правительство, получив информацию о происходящих на Индокитайском полуострове событиях, в том числе ознакомившись с посланиями Хо Ши Мина на имя И.В.Сталина от 22-го сентября 1945 г. и 21-го октября 1945 г., оставило их без ответа [589, с.9]. Вероятно, для Кремля в то время было важнее сохранить хорошие отношения с союзниками по антифашистской коалиции.

Правительству Хо Ши Мина пришлось столкнуться не только с враждебным отношением французов к новой власти. Как говорилось ранее, по решению Потсдамской конференции разоружение порядка 100 тысяч солдат японской армии в Индокитае должны были провести Великобритания и Китай. Под этим предлогом гоминдановские войска общей численностью в 200 тысяч человек пересекли 28-го августа 1945 г. вьетнамо-китайскую границу и двинулись к Ханюю, куда они вошли 9-го сентября. Хотя чанкайшисты и не имели права вмешиваться во внутренние дела Вьетнама, они, не стесняясь, пытались содействовать приходу к власти в центре и на местах своих ставленников из националистических партий Вьетнама, члены которых до Августовской революции проживали в эмиграции в Китае⁴. Чанкайшисты стояли за спиной лидеров этих партий, которые требовали роспуска правительства Хо Ши Мина как коммунистического и создания правительства национального единства из

представителей всех партий, принимавших участие в антифранцузской борьбе. При этом гоминдановцы не останавливались перед разгоном народных советов, созданных Вьетмином, и разоружением отрядов самообороны. Тем временем 6-го сентября в Сайгоне высадилась первая группа английских военнослужащих, задачей которых также было разоружение японцев.

Прибыв на юг Вьетнама, представители британского командования заявили, что не признают правительство Хо Ши Мина и местные органы власти и потребовали разоружения отрядов самообороны Вьетминя¹. Более того, на британских кораблях и самолётах в Южный Вьетнам были переброшены части французского экспедиционного корпуса. Англичане также сохранили за японцами функции полицейского надзора в Кохинхине. К концу сентября 1945 г. революционной власти в Сайгоне противостояло свыше 10 тысяч британских, французских и японских военнослужащих [1288, с.21].

В конце августа 1945 г. президент Франции Шарль де Голль произвел ряд назначений на ключевые посты в Индокитае. Командующим экспедиционным корпусом был назначен знаменитый генерал Жак-Филипп Леклерк^{II}, герой Второй мировой войны, под чьим руководством велось освобождение Страсбурга и Парижа от немецких оккупантов в 1944 г., а верховным комиссаром Индокитая^{III} – адмирал Тьерри д'Аржанль^{IV}, прославившийся ещё во время Первой мировой войны. Назначая на ключевые посты в Индокитае своих соратников, Шарль де Голль тем самым подчёркивал значение этого региона для Парижа.

В ночь с 22-го на 23-го сентября 1945 г. французские колонизаторы с помощью британского командования, выпустившего из тюрем всех французских военнослужащих, свергли власть Вьетминя в Сайгоне и объявили о восстановлении французской администрации в Кохинхине. В

¹ Смотри «Параграф 4.4» предыдущей главы.

^{II} 1902 – 1947 гг.

^{III} С 1945 г. так стала называться должность генерал-губернатор Индокитая.

^{IV} 1889 – 1964 гг.

то время французы опирались в Сайгоне на 1300 солдат и офицеров под командованием Ж.Седиля, исполнявшего обязанности верховного комиссара до прибытия д'Аржанлье [1116, с.315 – 318]. Вскоре они развернули наступление на другие районы Намбо и южной части Чунгбо. По сути дела, французские власти начали кампанию по восстановлению прежнего режима управления во Вьетнаме. В тот же день 23-го сентября 1945 г. Комитет сопротивления Намбо призвал соотечественников к сопротивлению и саботажу всех действий французских колонизаторов. В своём обращении к населению председатель комитета Чан Ван Зяу заявил: «Сайгон, оккупированный французами, должен превратиться в город без электричества, без воды, без рынков, без магазинов,... С этого момента наша первоочередная задача уничтожать французов и их приспешников» [1288, с.26]. С начала октября 1945 г. в Кохинхину из северных провинций стали направляться отряды революционной молодежи для вооружённой борьбы с французами. В это движение, а ему присвоили историческое название «Марш на юг», были вовлечены сотни тысяч жителей Северного Вьетнама. Только из одного Ханоя на юг отправились 10 тысяч человек [1288, с.45]. Именно 23-е сентября 1945 г. большая часть современных вьетнамских историков считает датой начала войны Сопротивления французским колонизаторам.

Опиравшиеся на незначительные вооружённые силы, французы были вынуждены начать переговоры с Чан Ван Зяу. Однако, поскольку они требовали возмещения убытков от антифранцузских погромов, а Вьетминь в лице Чан Ван Зяу – предоставления независимости и невмешательства Франции в дела Вьетнама, переговоры зашли в тупик.

26-го сентября во время очередных вооружённых столкновений бойцов Вьетминя с англо-французскими силами в Сайгоне был убит представитель УСС А.П.Дьюи, что крайне негативно сказалось на взаимоотношениях между УСС и Ханоем. В самих США подсчёт убитых во вьетнамской войне ведётся именно с этой даты.

После высадки в Сайгоне 3-го и 5-го октября основных

сил генерала Ж.Леклерка участь переговоров как и власти коммунистов на юге, была предreshена [578, с.155 – 159], тем более что лига Вьетминь к концу 1945 г. потеряла своих союзников в Южном Вьетнаме. Дело в том, что на юге страны, где позиции компартии были наиболее слабыми, коммунистам пришлось пойти на альянс с другими силами, главными из которых в военном отношении были религиозные секты Као Дай и Хоа-хао, а также криминальная группировка Бинь-сюен¹. Однако достигнутый в августе компромисс между Вьетмином и политико-религиозными сектами оказался хрупким и кратковременным, прежде всего из-за просчёта руководителя южного отделения компартии и председателя Народно-революционного комитета Южного Вьетнама Чан Ван Зяу. Не желая допустить ни малейшей самостоятельности вооружённых отрядов сект, он попросту стремился включить их в состав сил лиги Вьетминь⁵.

Немаловажную роль сыграло и нескрываемое презрение коммунистов как к адептам новых религиозных учений Као Дай и Хоа-хао, так и к бандитам из Бинь-сюена. Окончательный разрыв произошёл в результате ареста одного из командиров Као Дая Чан Куанг Виня, разгона демонстрации адептов секты Хоа-хао 8-го сентября 1945 г.⁶ и гибели при невыясненных обстоятельствах её основателя Хюинь Фу Шо в апреле 1947 г. Умело воспользовавшись этой ситуацией, французы сумели привлечь на свою сторону секты, которым отводилась ключевая роль в их концепции контроля над Южным Вьетнамом в намечавшейся войне с ДРВ.

9-го октября 1945 г. в Лондоне было подписано соглашение, по которому правительство Великобритании признавало французскую гражданскую администрацию единственной властью в Индокитае к югу от 16-й параллели. 30-го октября 1945 г. в Сайгон прибыл верховный комиссар Тьерри д'Аржанлье. 28-го января 1946 г. генерал Д.Грэйси передал свои полномочия французскому командованию и

¹ О структуре и учениях сект Као Дай и Хоа-хао смотри «Параграф 1.3.1», «Параграф 1.3.2» и «Параграф 1.3.3» «Главы 2» «Части IV» настоящего тома

покинул Сайгон, а 5-го марта британцы полностью ушли из Вьетнама. Как полагал Ф.Девийе «помощь англичан была просто неоценима», так как у французов «отныне осталась лишь одна проблема – вьетнамская» [578, с.169]. К началу февраля 1946 г. почти вся Кохинхина была в руках французов, которые за 4 месяца потеряли всего 620 человек убитыми и около 1600 ранеными [979, с.244]. Силы Вьетминя были сломлены. Так, только в январе 1946 г. около 10 тысяч его бойцов сдались в плен. Народно-революционный комитет Южного Вьетнама был вынужден эвакуироваться в сельские районы. Таким образом, за осень 1945 г. Франция сумела практически полностью восстановить свои позиции на юге страны. Тем не менее французской администрации пришлось там столкнуться с рядом проблем, главными из которых были продолжавшиеся, несмотря на заметное ослабление Вьетминя, нападения и диверсии его бойцов.

Следует отметить, что чем хуже шли дела у Вьетминя на юге страны, тем большей поддержкой он и Временное революционное правительство пользовались на севере. Так, 23-го сентября, узнав о французском перевороте в Сайгоне, католики Ханоя провели массовые акции в поддержку борьбы за независимость. Имея такую поддержку, Вьетминь отверг предложения о союзе со стороны националистических партий, предпочитая иметь дело напрямую с их гоминдановскими покровителями. На тот момент популярность Вьетминя была столь высока, что говоря об объединившихся вокруг него слоях населения Северного Вьетнама, французские историки Ф.Франчини и Ф.Девийе даже использовали такой термин, как «священный союз» [578, с.171].

Такая популярность Вьетминя объясняется тем, что защищая провозглашённую независимость, вьетнамские коммунисты не забывали и о неотложной необходимости решать созидательные задачи. Уже на следующий день после провозглашения ДРВ Хо Ши Мин на первом заседании правительства 3-го сентября 1945 г. выдвинул от имени ЦК КПИК шесть насущных задач: преодоление голода, ликвидация неграмотности, проведение всеобщих выборов,

воспитание новой морали, отмена ряда наиболее тяжёлых поборов и обеспечение свободы вероисповедания.

Сформированное 28-го августа 1945 г. Временное революционное правительство уже 30-го августа отдало распоряжение о ликвидации аппарата французского генерал-губернатора и приступило к созданию новой системы органов власти¹. 5-го сентября правительство приняло решение об упразднении по всей стране советов нотаблей и замене их выборными народными комитетами. За год правительство ДРВ провело большую работу по социально-экономическому переустройству страны. Были отменены подушный налог и налог на соль, а малоземельные крестьяне освобождены от уплаты поземельного налога. Помещиков обязали снизить на 25% арендную плату за землю. На предприятиях вводился восьмичасовой рабочий день. Правительство также приняло решение о восстановлении заброшенных французских предприятий. В соответствии с его постановлениями от 30-го октября 1945 г. и 30-го мая 1946 г. была упразднена монополия на добычу полезных ископаемых во Вьетнаме. Тем не менее в первый год после провозглашения независимости ситуация в экономике, особенно в области финансов, оставалась тяжёлой. 23-го октября 1945 г. Индокитайский банк прекратил авансирование казначейства министерства финансов ДРВ необходимыми для его деятельности суммами, начав одновременно с этим проводить широкую эмиссию пиастров. Вдобавок чанкайшисты наводнили страну своими деньгами. В то же время поступления в казну ДРВ резко уменьшились из-за того, что были отменены многие налоги, которые собирались ранее. Народная власть пыталась решать финансовые проблемы особыми мерами. Так, граждан призывали вносить деньги и драгоценности в созданные правительством патриотические фонды. За год удалось собрать в этих фондах 120 миллионов пиастров и 270 кг золота [387, с.224]. Наконец, 23-го ноября сессия Национального собрания ДРВ приняла постановление о выпуске в обращение

¹ Смотри «Параграф 4.4» предыдущей главы.

донгов в качестве денежных знаков ДРВ. Однако в связи с началом Войны сопротивления их выпуск на всей территории Вьетнама произошёл лишь в мае 1947 г.

Мероприятия на селе позволили уменьшить угрозу массового голода, хотя, по свидетельству очевидцев, урожай риса в 1946 г. был меньше обычного [758, с.188].

Принесла свои плоды и кампания по ликвидации неграмотности. При этом следует отметить, что новая власть сделала вьетнамскую письменность на латинице официальным государственным письменным языком. В результате концу 1946 г. более 12 миллионов человек научились грамоте.

Менялась и административная система. Согласно декретам от 22-го ноября и 21-го декабря 1945 г., были созданы новые органы власти на местах – народные советы и исполнительные комитеты, а 6-го января 1946 г. на основе всеобщего избирательного права состоялись выборы в Национальное собрание ДРВ. Они прошли в обстановке, когда на юге Вьетнама уже четвертый месяц осуществлялась вооружённая агрессия Франции, а на севере чанкайшисты пытались свергнуть народную власть. Так, в декабре 1945 г. командующий китайскими войсками во Вьетнаме генерал Лу Хань послал правительству Хо Ши Мина ультиматум, в котором потребовал включения в правительство и парламент представителей прокитайских партий. Поэтому, для того чтобы обеспечить нормальное проведение выборов, ВРП ДРВ заключило с этими партиями соглашение, обязывавшее их не препятствовать выборам. В обмен националистам было обещано 70 депутатских мест в будущем высшем органе государственной власти без их участия в выборах. В январе 1946 г. под нажимом чанкайшистов Хо Ши Мин согласился с тем, что вице-президентом станет Нгуен Хай Тхан¹, а пост министра иностранных дел займёт Нгуен Тьонг Там¹¹. На участки для голосования пришло свыше 90% избирателей. За кандидатов Вьетминя проголосовало более 95% принявших

¹ Председатель Революционного народного союза Вьетнама.

¹¹ Лидер Национальной партии Вьетнама.

участие в выборах. Сам Хо Ши Мин получил в своём избирательном округе более 98% голосов. Бывший император, ставший после отречения гражданином Нгуен Винь Тхюи, также был избран депутатом Национального собрания. 2-го марта 1946 г. в Большом театре Ханоя на I сессию первого в истории Вьетнама всенародно избранного высшего органа государственной власти собрались его депутаты. По партийной принадлежности состав первого вьетнамского парламента выглядел следующим образом: КПИК – 115 депутатов, из которых 105 зарегистрировались как «независимые», а 10 – как члены Группы по изучению марксизма, Демократическая партия – 45, Социалистическая партия – 27, Национальная партия Вьетнама – 26 и Революционный народный союз Вьетнама – 22 депутата. На сессии Хо Ши Мин был избран президентом ДРВ и назначен премьер-министром её правительства. Вице-президентом стал Нгуен Хай Тхан, министром иностранных дел – Нгуен Тьонг Там, министром внутренних дел – старейший деятель национально-освободительного движения во Вьетнаме Хюинь Тхук Кханг. Была сформирована и Палата советников, ставшая совещательным органом по подготовке конституции при президенте ДРВ, которую возглавил бывший император Нгуен Винь Тхюи.

8-го ноября 1946 г. Национальное собрание на своей второй сессии приняло первую в истории Вьетнама Конституцию, которая в очередной раз зафиксировала независимость и суверенитет вьетнамского народа¹. В её преамбуле говорилось: «Задачей нашего народа в настоящий период является сохранение целостности нашей территории, достижение полной независимости и осуществление государственного переустройства на демократических началах» [26, с.17]. Основным закон провозгласил равноправие всех граждан независимо от национальности и пола, свободу вероисповедания, свободу слова, печати, организаций и собраний, избрания места жительства, передвижения по стране

¹ 242 голоса «за» и 240 – «против».

и выезда за границу. Конституция закрепила ранее введённое народной властью обязательное и бесплатное начальное обучение. В ней также признавалась неприкосновенность частной собственности. Высшим органом государственной власти, согласно конституции, становилось Национальное собрание, которое избиралось всеобщим народным голосованием. Национальное собрание избирало президента ДРВ, утверждало кандидатуру премьер-министра и состав правительства.

В сложной обстановке первого года независимости компартия Индокитая проявляла исключительную гибкость. Так, для того, чтобы защитить партию от расквартированных в Ханое чанкайшистов и их пособников, КПИК выступила 11-го ноября 1945 г. с заявлением о самороспуске. В её официальном сообщении говорилось, что решение о самороспуске КПИК принимает, исходя из желания «подтвердить тот факт, что коммунисты, будучи передовым боевым отрядом нации, всегда готовы пойти на самые большие жертвы во имя национального освобождения, поставить интересы Родины выше классовых, пожертвовать интересами партии во имя национальных, ...чтобы избежать непонимания внутри и вне страны, которое может воспрепятствовать освобождению страны» [758, с.195, 196]. По сути дела, это был тактический уход партии в подполье, одновременно с которым была создана группа по изучению марксизма во главе с Чыонг Тинем, представлявшая интересы коммунистов на политической арене. Тем не менее компартия стремилась не снижать свою руководящую роль в решении задач строительства независимого государства. Поэтому 25-го ноября 1945 г. на заседании ЦК КПИК была принята резолюция «Война сопротивления и строительство Родины», в которой говорилось, что её главной задачей является «укреплять власть, бороться против агрессии французских колонизаторов, ликвидировать внутреннюю реакцию, улучшать жизнь населения» [37, с.43].

Первое правительство Хо Ши Мина, несмотря на его коммунистическое ядро, активно стремилось проводить линию

на укрепление национального единства. Было провозглашено и конституционно закреплено равенство всех народов, проживающих на территории Вьетнама. Для представителей национальных меньшинств закон резервировал места в парламенте. Сделаны были шаги навстречу католической общине, составлявшей 10% населения Вьетнама. Так, указом президента ДРВ первое воскресенье сентября было объявлено «Днём вьетнамских великомучеников». Наконец, в мае 1946 г. был создан новый единый фронт под названием Национальная лига Вьетнама¹, объединивший в своих рядах ставший его ядром Вьетминь с теми организациями и слоями населения, которые его считали слишком левой организацией, но при этом выступали в защиту национальной независимости.

Между тем Франция продолжала вести дело к полному восстановлению своих позиций во Вьетнаме. Так, Парижу удалось договориться с гоминьдановцами, которые под давлением американцев согласились на замену своих войск в Северном Вьетнаме французскими. В обмен на это Китай получил обратно входившую во Французский Индокитай территорию Гуанчжоувань и некоторые привилегии для ведения бизнеса в Северном Вьетнаме, например в Хайфоне, где для китайских предпринимателей была выделена особая «свободная зона». Соответствующий документ был подписан французами с Чан Кайши 28-го февраля 1946 г. в г.Чунцине. Британцы, опасаясь, что их солдаты, в основном выходцы из Индостана, «заразятся» от вьетнамцев духом национально-освободительной борьбы, ещё в январе 1946 г. официально передали французам всю полноту власти в Южном Вьетнаме.

Кроме того, восстановив к началу 1946 г. с помощью вооружённой силы свою власть над большей частью Южного Вьетнама, французы начали лихорадочно формировать там новые административные органы гражданского управления, якобы учитывавшие послевоенные настроения в Индокитае. Так, в феврале того года ими был создан Консультативный

¹ Далее – «Лиенвьет». Его также называют «Национальный союз Вьетнама».

совет Кохинхины из 4 французов и 8 вьетнамцев. Планировалось, что с ними будет советоваться верховный комиссар Франции в Индокитае.

В то же время, понимая, что без захвата севера их позиции на юге будут достаточно шаткими, французские власти готовились к продолжению агрессии.

1.2. Попытка мирного решения вопроса о признании ДРВ. Переговоры в Париже 1946 г.

Несмотря на то что война уже началась, правительство ДРВ всё ещё пыталось путём переговоров достичь реального компромисса с французскими властями, чтобы сохранить независимость страны. Вьетнамские коммунисты шли на переговоры с Парижем, исходя из постановления Постоянного бюро ЦК КПИК от 3-го марта 1946 г., в котором говорилось: «Если французы признают самоопределение народов Индокитая, то с ними можно заключить перемирие с целью разгромить происки банды гоминдановцев, вьетнамских реакционеров и оставшихся французских фашистов». 6-го марта 1946 г. в Ханое в присутствии американских, британских и китайских наблюдателей между ДРВ в лице Хо Ши Мина и особого делегата Совета министров ДРВ Ву Хонг Кханя, который был известен своей жёсткой антифранцузской позицией, и Францией в лице представителя верховного комиссара Франции в Индокитае Жана Сантини была подписана «Прелиминарная конвенция»¹. В «Статье 1» этой конвенции говорилось, что «Французское правительство признает Республику Вьетнам как свободное входящее в Индокитайскую федерацию и Французский союз государство, имеющее своё правительство, свой парламент, свою армию и свои финансы» [578, с.225, 226]. Вопрос о судьбе частично оккупированного Францией Южного Вьетнама подлежал решению путём народного референдума, итоги которого Франция обязывалась признавать. В дополнительном

¹ Любопытно, что Ж.Сантини был зятем бывшего генерал-губернатором Индокитая в 1912 – 1919 гг. – «либерала» Альбера Сарро.

соглашении к конвенции ДРВ соглашалась «дружелюбно» принять французские войска» в количестве 15 тысяч человек под предлогом разоружения японцев и поддержания порядка и безопасности на территории Вьетнама с последующим постепенным выводом в течение пяти лет [26, с.57 – 59]. Таким образом, правительство Хо Ши Мина, хоть и согласилось в качестве временной меры на присутствие незначительного контингента французских войск вместо китайского экспедиционного корпуса, добилось главного, а именно – признания Францией независимости Вьетнама. Соглашение вступило в силу немедленно, и уже 7-го марта 1946 г. в Хайфоне началась высадка французского десанта, а китайские войска отправились восвояси¹.

Соглашения 6-го марта так и не решили ни основного вопроса об окончательном статусе Вьетнама, ни вопроса о его целостности. Они также увеличили опасность войны между Францией и ДРВ. Но на тот момент, способствуя уменьшению напряжённости в Северном Вьетнаме, эти соглашения были объективно выгодны обеим сторонам. По сути, 6-го марта им в последний раз удалось прийти к компромиссу, приведшему к конкретному результату. Все дальнейшие попытки подобного рода успехом не увенчались. Как отмечает Ф.Девийе, после подписания «Прелиминарной конвенции» 6-го марта 1946 г. «узел франко-вьетнамских проблем находился не в Ханое и даже не в Париже, где эти соглашения были восприняты с заметным облегчением, а в Сайгоне» [578, с.241].

Однако французские колонны, выразителем интересов которых выступил верховный комиссар Тьерри д'Аржанлье, назвавший подписанные генералом Леклерком соглашения «Мюнхеном Индокитая», встретили их в штыки. Поэтому вскоре французские власти во Вьетнаме стали нарушать положения конвенции. Они открыто поощряли сепаратистские настроения на юге, ведя дело к отрыву Кохинхины от остального Вьетнама, в результате чего 24-го марта 1946 г.

¹ Вместе с чанкайшистами в Китай вскоре вернулись и руководители вьетнамских прокитайских националистических партий.

французы создали Временное правительство Автономной Республики Кохинхины во главе с Нгуен Ван Тхином⁷. Кроме того, введя войска на плато Тэйнгуен, французы создали там «Автономное государство *moi*», а на северо-западе страны они начали формировать «Автономное государство *tau*» при опоре на родоплеменную верхушку горных народов. В принципе ничего странного в этом не было, так как и французы, и правительство ДРВ рассматривали «Прелиминарную конвенцию» лишь как временное соглашение. И те и другие хотели добиться большего на переговорах, продолжение которых должно было состояться в Фонтенбло под Парижем.

Сторонником жёсткой колониальной политики выступал адмирал Тьерри д'Аржанлье, тогда как Хо Ши Мин и его соратники считали главной своей задачей добиться французского признания государственной независимости и территориальной целостности Вьетнама в составе его трёх «территориальных автономий»⁸. Относительная хаотичность событий того времени объясняется тем, что с января 1946 г. по январь 1947 г. во Франции сменилось четыре кабинета министров. Правда, справедливости ради следует отметить, что все входившие в правительство политические партии считали необходимым присутствие Франции в Индокитае. К этому их настрою надо добавить и постоянное давление на Париж проживавших в Кохинхине французских колоннов, которые не желали её объединения с Северным Вьетнамом под властью правительства коммуниста Хо Ши Мина.

Переговорам во Франции предшествовала подготовка на предварительных встречах в Далате с 19-го апреля по 11-ое мая 1946 г.. Делегацию ДРВ возглавлял министр иностранных дел Нгуен Тьонг Там, заместителем главы делегации был Во Нгуен Зяп⁹, французскую – советник правительства Макс Андре и генерал Рауль Салан¹. В основном делегации состояли из экспертов по военным, культурным, экономическим и финансовым вопросам, так как предполагалось, что на

¹ Командующий французскими войсками в Северном Вьетнаме.

переговорах состоится предметное обсуждение будущих отношений Франции и Вьетнама по всем вопросам государственной деятельности. При этом, понимая, что в «Прелиминарной конвенции» термин «свободное государство» не полностью отражает содержание понятия «независимость», вьетнамская делегация пыталась добиться большего.

*A Monsieur le Général Salan
Meilleures amitiés*

7.11.1966
Господину генералу Салану.
С наилучшими пожеланиями
Хо Ши Мин

Так, предварительно соглашаясь с идеей формирования Индокитайской федерации и Французского союза, Ханой полагал, что все его государства будут равны в правах и

обязанностях, а присланный из Парижа во Вьетнам верховный комиссар будет играть роль посла в суверенном государстве. Французы же считали, что верховный комиссар должен управлять Индокитайской федерацией в политическом, дипломатическом, экономическом, финансовом и военном планах. Однако самым серьёзным камнем преткновения стал вопрос статуса Кохинхины. Французская делегация в Далате попыталась добиться от представителей ДРВ признания «автономии Кохинхины», что было неприемлемым для правительства Хо Ши Мина. Безрезультативность всей этой подготовительной конференции в Далате обусловила и результаты основных переговоров, проходивших с 6-го июля по 14-ое сентября 1946 г. в замке в Фонтенбло под Парижем. Делегация ДРВ во главе с заместителем председателя Постоянного комитета Национального собрания Фам Ван Донгом прибыла во Францию в конце апреля 1946 г., а 12-го июня в Париж в качестве гостя французского правительства прибыл и сам Хо Ши Мин. Президент и парламентарии ДРВ использовали первые дни визита во Францию для встреч с политическими и общественными деятелями и журналистами бывшей метрополии для освещения ситуации во Вьетнаме и разъяснения принципиальной позиции нового вьетнамского правительства.

Несмотря на официально гостеприимную обстановку приёма президента Хо Ши Мина французскими властями, переговоры в Фонтенбло шли медленно и неоднократно прерывались. Французская делегация фактически требовала от правительства ДРВ согласия на признание автономного статуса Кохинхины, а также отказа от самостоятельности в финансовых, военных и международных делах. Со своей стороны делегация ДРВ добивалась на переговорах признания Францией территориальной целостности и суверенитета Вьетнама во внутренней и внешней политике. В обмен на это вьетнамцы соглашались остаться во Французском союзе и Индокитайской федерации, которым отводилась роль координирующего органа на просторах бывшей французской колониальной империи.

В результате перед лицом усиливающихся с августа 1946 г. попыток Франции оккупировать Северный Вьетнам делегация ДРВ предложила заключить временное соглашение, устраивавшее на тот момент обе стороны. Фактически это произошло уже после отъезда делегации ДРВ во главе с Фам Ван Донгом из Франции. Не желая возвращаться домой с пустыми руками, Хо Ши Мин в полночь 14-го сентября сам пришел в дом министра по делам заморских территорий Франции Мариуса Мутэ, где и состоялось подписание нового франко-вьетнамского временного соглашения, или «Модуса вивенди». Согласно этому документу, оба правительства обязались положить конец военным действиям в Кохинхине и южном Аннаме, освободить военнопленных и политических заключённых, при этом также устанавливалось, что до возобновления намеченных на январь 1947 г. переговоров в отношениях между сторонами должен был сохраняться статус-кво. Французы получали определённые преимущества перед другими иностранцами в сфере гуманитарного сотрудничества с Вьетнамом. Также предполагалось, что Вьетнам вместе с другими странами Индокитайской федерации образует единый таможенный союз. Стороны брали на себя обязательства «совместно изыскивать средства для заключения частных соглашений по всем вопросам, которые могут возникнуть, в целях укрепления дружественных отношений и подготовки заключения окончательного общего договора» [26, с.64]. Для французов было важно, что это соглашение содержало обязательство вьетнамского правительства охранять имущественные права французских граждан во Вьетнаме. В целом с подписанием «Модуса вивенди» правительство ДРВ могло рассчитывать на продление мирной передышки. Французские власти также обязались прекратить террор в Кохинхине и южном Аннаме.

Соглашение должно было вступить в силу 30-го октября 1946 г. Однако этого не случилось из-за того, что французские колонизаторы стремились решить вьетнамскую проблему силовым путём. Поэтому 30-го октября 1946 г. французское командование приказало «нейтрализовать»

вьетнамские войска, а 20-го ноября того же года были обстреляны города Хайфон и Лангшон. При этом в одном только Хайфоне погибло 20 тысяч гражданских лиц. В ответ 30-го ноября 1946 г. Постоянный комитет Национального собрания ДРВ обратился с призывом к парламенту Франции помочь решению конфликта мирными средствами и прислать во Вьетнам комиссию по расследованию, но французы лишь продолжили эскалацию агрессии. 5-го декабря они высадили в Дананге батальон экспедиционного корпуса численностью в 700 человек и заняли местный аэродром. 6-го декабря Хо Ши Мин по радио обратился к французскому парламенту и вновь подтвердил «искреннее желание правительства ДРВ братски сотрудничать с французским народом» [387, с.235]. Аналогичное послание было направлено и новому премьер-министру Франции Жоржу Бидо.

Французское командование отказалось от переговоров, а 18-го декабря 1946 г. оно предъявило жёсткий ультиматум с требованием в двухдневный срок разобрать все уличные заграждения и разоружить отряды самообороны в столице.

В этой ситуации на проходившем 18-го – 19-го декабря 1946 г. под председательством Хо Ши Мина расширенном заседании Постоянного бюро ЦК КПИК было принято решение начать войну сопротивления французским колонизаторам. В 20 часов 19-го декабря 1946 г. по приказу министра обороны ДРВ Во Нгуен Зяпа по всему Ханюю было отключено электричество и подразделения Вьетнамской народной армии начали боевые действия. На следующий день президент Хо Ши Мин обратился к народу с призывом подняться на защиту независимости страны, а 22-го декабря ЦК КПИК выпустил директиву под названием «Призыв к всеобщей Войне сопротивления», в которой указывалось, что основной целью этой войны является достижение независимости и объединение Родины [176, т.4, с.480]¹⁰.

2. *Первая Война сопротивления (декабрь 1946 – июль 1954 г.)*

2.1. *Первый этап (декабрь 1946 – 1947 г.)*

Вопреки ожиданиям наступление французских войск не

оказалось «лёгкой прогулкой». При попытке захвата городов французы столкнулись с ожесточённым сопротивлением неопытных бойцов вьетнамской армии и отрядов народного ополчения. До 12-го марта 1946 г. они не могли овладеть Намдином. Не менее стойко держались защитники Хайзыонга, Бакниня, Дананга и других городов, при этом гарнизон Хюе продержался до конца февраля 1947 г.

Особо следует сказать о героической обороне Ханоя, которой командовал прославившийся в ходе Войны сопротивления против Франции генерал Во Нгуен Зяп.

Во Нгуен Зяп (25.08.1911 г. – н/в)

Наносившие основной удар по Ханюю прошедшие

школу Второй мировой войны отборные части французской армии долго не могли преодолеть вьетнамскую оборону. Так, оборонявший столицу полк в составе 2,5 тысячи бойцов под командованием одного из лучших военачальников ДРВ Вьонг Тхыа Ву до 2-го марта 1947 г. противостоял группировке из 6,5 тысяч солдат и офицеров противника. Весь Ханой был заранее превращён в единый укрепленный район с траншеями и проходами, проходившими под улицами и домами. Повсюду были устроены снайперские посты и оборонительные точки с амбразурами. В обороне города активное участие принимали и его жители, составлявшие 70% от общей численности отрядов народного ополчения [1382, с.17, 39, 40].

В то же время, понимая, что город удержать не удастся, вьетнамское командование отдало приказ о переброске в джунгли продовольствия, машин, инструментов и сырья. Именно тогда впервые появились знаменитые вьетнамские отряды носильщиков, бойцы которых переносили на своих плечах тысячи тонн различных грузов. Кроме того, вьетнамцы прибегли к тактике «выжженной земли», разрушая при этом дома, взрывая мосты и разбирая железнодорожное полотно. Так, в городе Тэйнгусен были уничтожены все здания, и полностью выведена из строя стратегическая железная дорога «Север – Юг».

В конце февраля 1947 г. французское командование начало наступление по всему фронту, в результате которого под контролем захватчиков на севере оказались районы вдоль вьетнамо-китайской границы, Тэйбак, Ханой – Хайфон и остальные районы вплоть до Намдиня, а в центре они овладели прибрежными низменными районами от рски Киензянг до Дананга. Однако, несмотря на эти успехи, французские войска понесли потери в результате нескольких молниеносных ударов народно-освободительных сил ДРВ и, столкнувшись с тактикой «выжженной земли», были вынуждены оставить города Футхо, Вьетчи и Хоабинь.

Как отмечалось, руководство ДРВ понимало, что во всяком случае поначалу воевать придётся с противником, который контролирует основные города и низменности

страны. Поэтому уже на начальном этапе страна была разделена на 14 военных зон по их оперативно-тактическим характеристикам, каждая из которых включала по несколько провинций. Каждой такой зоной руководили обладавшие широкими полномочиями политические и военные органы. Бывшие прежде административными органами на местах исполнительные комитеты были объединены с комитетами сопротивления в единые военно-исполнительные комитеты¹. Главной ячейкой борьбы стали возникавшие повсеместно в труднодоступных местах так называемые «деревни сопротивления». В тылу французов, в предгорных и горных районах восстанавливалась и адаптировалась к условиям военного времени система народной власти. Центральные органы власти были эвакуированы в глубь страны и рассредоточены на расстоянии 20 – 50 км друг от друга. На самых ответственных участках находились члены КПИК, численность которой возросла с 20 тысяч человек в 1946 г. до 50 тысяч в 1947 г.

Миллионы вьетнамцев по-прежнему продолжали поддерживать лиги Вьетминь и Лиенвьет и в условиях войны. Важность этой всенародной поддержки всегда подчёркивалась Хо Ши Мином, указывавшим на необходимость обеспечения единства партии, армии и всего народа в войне с французскими империалистами. Этой же задаче, а также анализу допущенных ошибок было посвящено совещание руководящих работников военных зон, которое состоялось 25-го и 26-го марта 1947 г.

Исходя из положений доклада Во Нгуен Зяпа, совещание разработало тактику и стратегию ведения мобильной партизанской войны. Было принято решение о создании вооружённых сил, которые состояли из регулярной армии, или «Армии защиты Родины»¹¹, вспомогательных частей, или партизанских отрядов в провинциях, и местных сил самообороны, члены которых одновременно занимались

¹ Далее – ВИК.

¹¹ Далее – АЗР.

производством.

В результате уже в 1947 г. численность армии ДРВ достигла 106 тысяч солдат и офицеров, а вспомогательных частей и сил самообороны – нескольких сот тысяч бойцов [1382, с.41].

Одновременно с наращиванием военного контингента правительство Франции, стремясь минимизировать людские и материальные потери, решило затеять с Хо Ши Мином, который неоднократно заявлял о миролюбии вьетнамского народа и его «дружеских чувствах к французскому народу», дипломатическую игру [74, с.221]. Поэтому, согласовав свою поездку в парламенте, министр по делам заморских территорий Франции Мариус Мутэ прибыл во Вьетнам в декабре 1946 г. с «миссией мира». Но он провёл переговоры лишь с премьером Кохинхины Ле Ван Хоатем, отказавшись от встречи с представителями ДРВ. Более того, 23-го декабря 1946 г. в Северном и Центральном Вьетнаме было введено военное положение со всеми вытекающими последствиями, а послание правительства ДРВ от 7-го января 1947 г. с предложением вернуться к отношениям, существовавшим между сторонами до 17-го декабря 1946 г., осталось без ответа [758, с.358, 360 – 371; 74, с.226, 227].

Тем временем во Франции депутаты-коммунисты проголосовали в парламенте против ассигнований на «грязную войну» в Индокитае. Следует отметить, что уже в то время в поддержку вьетнамского народа начали выступать социалистические и другие страны, а также многие прогрессивные международные организации. Однако это не помешало премьер-министру Франции Рамадье выделить необходимые для войны средства. Тогда же вместо Тьерри д'Аржанлье командующим французским экспедиционным корпусом, численность которого достигла 115 тысяч человек, был назначен радикал-социалист Эмиль Боллаэр. Но хотя этих сил было явно недостаточно для победы¹¹, французские власти продолжали игнорировать мирные предложения правительства ДРВ вплоть до состоявшейся в мае 1947 г. Международной конференции стран Азии, на которой была принята резолюция

о поддержке Вьетнама [74, с.247; 1198, т.I, с.191, 200, 201; 1647.1]. С этого момента Франция начала «двойную игру».

Возвращение легионеров в лагерь после очередной операции в предгорьях Северного Вьетнама. Апрель 1947 г.

В ответ на послание министра иностранных дел ДРВ¹ от 26-го апреля 1947 г. с предложением о прекращении военных действий и начале мирных переговоров в освобождённые районы был направлен представитель Эмиля Боллаэра Поль Мю, который 12-го мая встретился с Хо Ши Мином. Переговоров не получилось, так как Поль Мю фактически предъявил президенту ДРВ ультиматум о капитуляции. Это было прямым следствием объявленной ещё 12-го марта 1947 г. «доктрины Трумэна» и исключения министров-коммунистов из правительства Франции 5 мая того же года. В итоге, 15-го мая 1947 г. Эмиль Боллаэр, заявив о «сохранении французского присутствия в Индокитае», призвал к консолидации все профранцузские силы Вьетнама¹² [758,

¹ 18 марта 1947 г. вместо Хо Ши Мина, который до этого занимал посты президента, премьер-министра и министра иностранных дел, главой МИД ДРВ был назначен член Социалистической партии Хоанг Минь Зям.

с.388]. Эту дату можно считать точкой отсчёта начала преобразования Южного Вьетнама в самостоятельное государство.

В сентябре 1947 г. была предпринята попытка объединить все антикоммунистические группировки Вьетнама на Конгрессе национальных сил в Гонконге. За месяц до этого американский посол по особым поручениям Уильям Буллит встретился с бывшим вьетнамским императором Нгуен Винь Тхюи¹, которого он попытался убедить в полной поддержке США, если тот выступит против ДРВ. В ответ Нгуен Винь Тхюи потребовал заключения предварительного соглашения с Францией, в котором, хотя бы в словесной форме, признавалась «независимость» Вьетнама. Но опасавшиеся, что это соглашение откроет дверь американскому проникновению во Вьетнам, французские власти не только не стали его подписывать, но и дали зелёный свет военной операции по захвату освобождённых районов Северного Вьетнама.

Основной удар планировалось нанести по Вьетбаку, где были сосредоточены главные силы вьетнамской армии и находилось правительство ДРВ. Следует подчеркнуть, что в то время вьетнамские коммунисты продолжали выступать в союзе с патриотически настроенными представителями всех классов и слоёв вьетнамского общества. Так, в числе 27 членов правительства было 15 беспартийных, в том числе 3 католика, 1 буддист, 2 националиста и 2 бывших императорских чиновника [185, с.56, 57].

7-го октября 1947 г. в район боевых действий было сброшено три авиадесанта, а всего в операции участвовали 12000 солдат и офицеров французского экспедиционного корпуса, перед которыми была поставлена задача овладеть Вьетбаком в течение двух месяцев.

Первоначально французское наступление успешно развивалось, затем оно было остановлено контрударями освободительной армии, а в конце 1947 г. терпевшие одно

¹ Этому императора обычно именуют «Бао Дай», что на самом деле является названием его девиза правления «Охранение великого» (1925 – 1945 гг.). См. «Таблицу №2» в «Томе VI».

поражение за другим остатки французских войск отступили в Каобанг, Лангшон, Лаокай и другие города-крепости на вьетнамо-китайской границе.

2.2. Второй этап (1948 – 1950 гг.)

2.2.1. Укрепление организационной народной власти

Согласно принятой ЦК КПИК и руководством лиги Вьетминь в начале 1948 г. программе, второй этап Войны сопротивления характеризовался как этап равновесия сил. В 1948 г. продолжился рост влияния коммунистической партии, численность которой достигла 168 тысяч человек. При этом, поскольку в соответствии с принятой доктриной партия не выступала самостоятельно, она действовала через лиги Вьетминь и Лиенвьет, которые, как и прежде, были основными проводниками её политики. К тому времени насчитывавшая 128 тысяч бойцов армия не только была способна защитить освобождённые районы и наносить противнику точечные удары, но уже была готова к переходу на тактику маневренной войны. Однако для проведения серьёзных операций против французского экспедиционного корпуса требовалось дальнейшее укрепление и строительство армии, что привело к введению всеобщей воинской повинности. Так, согласно декрету от 4-го ноября 1949 г., все мужчины с 18 лет должны были призываться на службу в армии, основным ударным соединением которой стала дивизия. К концу 1949 г. до 35% личного состава регулярных частей ВНА¹ состояло из рабочих [1601.1; 1633.1, с.9].

В 1948 г. по призыву Хо Ши Мина возникла новая форма патриотического соревнования в организации и ведении сопротивления врагу между деревнями, уездами, провинциями и зонами ДРВ в оккупированных районах и в труде в освобождённых районах [74, с.291, 292].

На втором этапе Войны сопротивления КПИК стала уделять особое внимание повышению политического и

¹ В 1948 г. Армия защиты Родины была переименована во Вьетнамскую народную армию (ВНА).

культурного уровня широких народных масс. Основные задачи этой работы были поставлены в программном докладе генерального секретаря КПИК Чьонг Тиня на созванном в 1948 г. Национальном конгрессе работников культуры, после завершения которого часть его участников послали в войска, центральные и местные органы управления и организации, а ещё часть работников культуры командировали для работы с национальными меньшинствами.

19-го ноября 1948 г. вышел декрет о реорганизации местной власти. В свободных от врага деревнях и провинциях были созданы народные советы и военно-исполнительные комитеты, а в уездах, посёлках, городах и военных зонах – только военно-исполнительные комитеты, которые являлись как органами государственной власти подчинённой им территории, так и исполнительной по отношению к вышестоящим государственным органам.

14-го – 18-го января 1949 г. состоялись пленум ЦК КПИК и VI всевьетнамское совещание кадровых работников, на которых были сформулированы текущие и стратегические задачи укрепления армии, государственного строительства и перехода к контрнаступлению.

7-го ноября 1949 г. Постоянный комитет лиги Вьетминь провозгласил лозунг укрепления Вьетминя и Лиенвьета с целью подготовки слияния обеих лиг в единое целое. В январе 1950 г. также состоялся I съезд Вьетнамской конфедерации трудящихся¹, принявший важные организационные решения и устав этой организации.

Тогда же провели съезды конференции Крестьянский союз Вьетнама, Федерация вьетнамской молодёжи, Союз женщин Вьетнама, Социалистическая и Демократическая партии.

Итоги этой важнейшей политической компании ДРВ были подведены на III всевьетнамской конференции КПИК, состоявшейся 21-го января – 3-го февраля 1950 г., которая сформулировала десять основных задач дальнейшего развития

¹ Далее – ВКТ.

страны [1198, т. II с. 370, 371].

Все эти мероприятия способствовали значительному укреплению и росту авторитета руководства КПИК и особенно Хо Ши Мина в самых широких слоях патриотически настроенного населения Вьетнама. Одновременно с этим происходило и усиление позиций ДРВ на международной арене, установившей в январе 1950 г. дипломатические отношения с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Расширение международной поддержки ДРВ также было связано и с дипломатической политикой её руководства, которое всячески подчеркивало своё стремление урегулировать все проблемы с Францией мирным путём¹.

2.2.2. Создание профранцузского правительства на юге Вьетнама в 1948 – 1949 гг. и провал осенне-зимнего наступления интервентов

Пытаясь создать себе опору в среде национальных меньшинств, французские власти создали в марте 1948 г. государство тай, а в мае того же года – государство цунг. Кроме того, им удалось привлечь на свою сторону и часть католического населения Северного Вьетнама. Но несмотря на то, что французам удалось создать на севере ряд очагов сопротивления народной власти, их основной опорой оставался юг. Поэтому в мае 1948 г. в Сайгоне было создано временное центральное правительство генерала Нгуен Ван Суана. Одновременно продолжалась «игра» американских и французских спецслужб вокруг последнего вьетнамского императора. В сентябре 1948 г. Нгуен Винь Тхюи опять встретился с Уильямом Буллитом, на этот раз в Швейцарии, и вновь получил заверения в поддержке американцами его требований на переговорах с французами. В итоге последние вынуждены были пойти на признание независимости Вьетнама в рамках Французского союза. Но это «признание» было чисто формальным, так как временное правительство не имело права

¹ К середине 1949 г. уже насчитывалось 18 обращений правительство ДРВ к Франции с мирными инициативами [487, с. 67].

иметь свою финансовую систему и проводить внешнюю политику, а его полицейские силы контролировались французами [440, с.69].

8-го марта 1949 г. Нгуен Винь Тхюи и президент Франции В.Ориоль подписали соглашение о независимости Вьетнама как члена Французского союза, по которому вьетнамскому государству разрешалось иметь под французским контролем свою армию, финансы и заграничные представительства. Вопрос же о единстве всей страны предстояло решить на референдуме после окончания войны.

В апреле того же года Нгуен Винь Тхюи прибыл в Сайгон в качестве президента Государства Вьетнам. Вице-президентом и министром армии стал опытный военачальник полковник Нгуен Ван Суан¹³. После этого в подконтрольных французским властям районах страны стали формировать советы старейшин, а также назначать руководителей деревень, общин, уездов и провинций. К концу 1949 г. Национальная армия Нгуен Винь Тхюи, которой командовали французские офицеры, уже насчитывала 25 тысяч солдат. В феврале 1950 г. США и Великобритания объявили о дипломатическом признании Государства Вьетнам. В том же месяце в Бангкоке состоялось совещание аккредитованных в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии дипломатов и членов военных миссий США, на котором была принята объявленная в мае 1950 г. программа экономической помощи Вьетнаму, Лаосу и Камбодже. Интересно, что эта помощь оказывалась не в рамках выделенных Францией по «плану Маршалла» кредитов, а напрямую, для чего в Сайгоне была создана специальная миссия США. Наконец, 31-го декабря 1950 г. между США, Францией, Государством Вьетнам, Лаосом и Камбоджей было заключено многостороннее соглашение о взаимной помощи.

Такая активность США объясняется тем, что после победы народной революции в Китае и образования КНР Индокитай занял особое место в американской стратегии «отбрасывания коммунизма». Тем более что французское осенне-весеннее наступление 1948 – 1949 гг. показало, что Франция была не в состоянии одержать решающую победу в

войне с ДРВ. Задачей этого наступления было овладение стратегическим треугольником территорий по линии Ханой – Шонтэй – Хоабинь с дальнейшим наступлением в северо-западном и северо-восточном направлениях. Но командование ВНА в союзе с местными вооружёнными силами и отрядами самообороны сорвало эти планы, нанеся встречные удары по укрепленным пунктам противника в окрестностях Ханоя, в Тхайнгуене, Намдине и других районах Северного Вьетнама.

В мае 1949 г. прибывший во Вьетнам начальник генерального штаба французской армии генерал Жорж Ревер, который пришёл к выводу о том, что удержаться в Северном Вьетнаме можно будет лишь при увеличении численности армии и её переоснащении новейшим американским оружием. Поэтому в качестве превентивной меры он предложил срочно перебросить часть экспедиционного корпуса из Южного Вьетнама. Тем самым французский военачальник хотел расширить операции на северовьетнамской низменности, чтобы обеспечить безопасность находившихся на ней городов и стратегических объектов. Кроме того, понимая, что горные районы всё равно удержать не удастся, генерал Жорж Ревер предложил с этой же целью оттянуть часть войск из Каобанга, Баккана и ряда других опорных пунктов.

Таким образом, в 1948 – 1950 гг. произошёл переход оперативно-тактической инициативы к силам сопротивления. К тому времени ДРВ окончательно превратилась в лидера национально-освободительного движения в Индокитае. При этом всё большее количество вьетнамских добровольцев не только вливалось в отряды Патет Лао и кхмерских патриотов, но и проводило собственные военные операции в Лаосе и Камбодже. Именно в те годы по территории этих государств стала прокладываться сыгравшая столь важную роль во второй Войне сопротивления знаменитая «Тропа Хо Ши Мина».

2.3. Третий этап (1950 – 1954 гг.)

2.3.1. Перелом 1950 – 1952 гг.

Как отмечалось, несмотря на относительное равенство сил, в 1950 г. стратегическая инициатива уже принадлежала

ВНА. Наиболее же значимым военным событием того года стала неудача задуманной французским командованием в районе вьетнамо-китайской границы операции. Согласно плану французские войска должны были захватить долину реки Красной, после чего, соединившись с прикрывавшими вьетнамо-китайскую границу частями, одновременно нанести удар с севера и с юга по главным силам народной армии. Получив сведения о готовящейся операции, вьетнамское командование отдало приказ о нанесении упреждающего удара по месту сосредоточения противника в Донгкхе, который был взят 18-го сентября 1950 г. Не давая французам опомниться, части ВНА продолжили наступление. К концу октября они овладели многими городами, в том числе – Каобангом, Лангшоном, Тхайнгуеном, Хоабином и Лаокаем, бывшим ключевой опорной базой интервентов в северо-западном Вьетнаме. Под контроль ДРВ перешли все населённые пункты на примыкающей к вьетнамо-китайской границе территории страны. В руках французов остался лишь порт Монгкай. В результате, 760 км границы оказались открытыми для прямых связей ДРВ с КНР, а через неё со всеми государствами социалистического лагеря.

Пытаясь спасти положение, правительство Франции приняло решение об укреплении своей вьетнамской группировки. В 1950 г. её командующим был назначен один из ближайших соратников Шарля де Голля во Второй мировой войне – де Латтр де Тассиньи. Во Вьетнам перебрасывались воинские подразделения из других районов Индокитая, из Северной Африки и даже из метрополии, в том числе и находившийся до этого в Марокко авиационный полк «Нормандия-Неман». Этот созданный в СССР и сражавшийся в 1943 – 1945 гг. в составе Красной армии элитный полк базировался в 1950 – 1954 гг. в Сайгоне. Все подразделения французского экспедиционного корпуса имели на вооружении новейшие американские танки-амфибии, речные канонерские лодки, бронемашины и другую технику, а ВВС получили напалмовые и термитные бомбы. С 6-го октября во Вьетнаме была открыта постоянная военная миссия США, а в военных

операциях начала принимать участие американская авиация, включая стратегические бомбардировщики В-45, а затем и новейшие В-47. Помощь США на войну в Индокитае достигла в 1950 – 1951 гг. почти 177 миллионов долларов [1661.1].

Де Латтр де Тассиньи сумел нанести вьетнамцам ряд поражений и восстановить баланс сил, но с его кончиной 11-го января 1952 г. французы окончательно утратили инициативу.

Генерал де Латтр де Тассиньи во Вьетнаме. 1951 г.

В феврале 1951 г. в уезде Тиемхоа провинции Туенкуанг Вьетбака состоялся II съезд КПИК, в работе которого участвовали 158 делегатов с решающим голосом и 53 делегата с совещательным голосом, представлявшие свыше 760000 членов партийных организаций Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. На съезде присутствовали зарубежные делегации от Компартии Китая и от Компартии Таиланда. 11-го февраля съезд принял решение о переходе партии на легальное положение и переименовании её в Партию трудящихся Вьетнама¹⁴; в Лаосе и Камбодже также предполагалось создать самостоятельные коммунистические организации. Хо Ши

Мина избрали председателем ЦК партии, а Чыонг Тиня – её генеральным секретарём. В документах съезда заявлялось, что формой государственного устройства страны является народно-демократическая республика, а её содержанием – демократическая диктатура народа. Съезд сформулировал и первоочередные задачи вьетнамской революции, а именно – борьбу против французских империалистов, достижение национальной независимости, установление строя народной демократии и переход к строительству социализма, минуя стадию капиталистического развития. После съезда были приняты необходимые меры по дальнейшему сплочению всех антиимпериалистических сил [26, с.36, 37].

Французский радист с носильщиком. Вьетнам, 1951 г.

В марте 1951 г. был созван Всевьетнамский конгресс народных представителей. Все 350 делегатов конгресса единогласно приняли решение о слиянии лиг Вьетминь и Лиенвьет в единый национальный фронт под общим названием Лиенвьет, объединивший 10 миллионов человек.

Конгресс принял решения, аналогичные решениям II Съезда КПИК. Он также избрал Национальный комитет из 54 видных общественных деятелей ДРВ. Председателем Лиенвьета стал Тон Дык Тханг, а Хо Ши Мин – его почётным председателем.

Наконец, в том же марте 1951 г. прошла конференция национальных фронтов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, на которой был создан Объединённый фронт народов Индокитая и избран его руководящий комитет. В результате франко-американскому военному альянсу был противопоставлен единый фронт освободительных сил.

Как показало произошедшее в декабре 1951 г. – марте 1952 г. сражение за Хоабинь, реализация всех этих решений привела к дальнейшему укреплению ДРВ и её вооружённых сил. Победа в этой масштабной битве стала свидетельством того, что к тому времени ВНА уже превратилась в опытную и закалённую в боях армию.

2.3.2. Заключительный этап Войны сопротивления и сражение при Дьенбьенфу (1953 – 1954 гг.)

В мае 1953 г. командование французскими войсками во Вьетнаме возглавил Анри Наварр, который до этого был начальником штаба наземных войск НАТО в Центральной Европе. Если принять во внимание, что в 1952 г. Соединённые Штаты выделили на войну в Индокитае 300 миллионов долларов, а в 1953 г. – 532 миллиона, то поездка французского генерала в США для согласования с Пентагоном планов «мобильной войны» покажется более чем логичной [1661.1].

Тем не менее упоминавшиеся ранее противоречия между Францией и США по поводу Индокитая продолжали обостряться, главным из которых был вопрос о так называемой Национальной армии Вьетнама. Дело в том, что американские генералы уже тогда планировали реализованную ими в полном масштабе в семидесятые годы стратегию «вьетнамизации» войны. Поэтому они стремились превратить армию марионеточного режима в реальную силу, что противоречило интересам французских властей, для которых правительство Нгуен Винь Тхюю являлось лишь «декорацией», скрывавшей

от мировой общественности происходившее во Вьетнаме. Однако поражения французского экспедиционного корпуса в сочетании с обещанием США выделить дополнительные кредиты в сумме 385 миллионов долларов вынудили Францию пойти на уступки в этом вопросе. В результате, Вашингтон получил возможность обучать и вооружать армию вьетнамских националистов.

В 1953 г. после окончания войны в Корее Пентагон использовал «освободившееся» оружие для оснащения Национальной армии Вьетнама и увеличил количество обучавших её инструкторов. Одновременно с этим был расширен состав американских миссий в Сайгоне. Опираясь на прямую поддержку США, Нгуен Винь Тхюи собрал 17-го октября 1953 г. Национальный конгресс, потребовавший в ультимативной форме от Франции предоставления большей самостоятельности Государству Вьетнам. Очевидно, что это не смягчало указанные франко-американские противоречия.

К началу осенне-зимней кампании 1953 – 1954 гг. армия французских колонизаторов во Вьетнаме состояла из четырёх корпусов. Наиболее мощный и многочисленный из них был дислоцирован в треугольнике территорий по линии Ханой – Монгкай – устье реки Красной. Второй удерживал район Лайтяу в северо-западном Вьетнаме. Третий занимал позиции на узкой прибрежной низменности Центрального Вьетнама. Наконец, четвёртый базировался в Южном Вьетнаме, главным образом – в районе Сайгона.

15-го октября 1953 г. началась реализация первой части «Плана Наварра» под кодовым названием «Чайка», согласно которому должно было произойти объединение французских войск первого, второго и третьего корпусов в единую группировку, контролирующую всю территорию Северного и Центрального Вьетнама. Однако военное командование ДРВ сумело заранее подготовиться к наступлению противника, сдержав которое Вьетнамская народная армия сама перешла к активным действиям, нанося одно поражение за другим группировке интервентов в Лайтяу. 20-го ноября ей на помощь был сброшен авиадесант в составе 4 батальонов. Но они так не

смогли пробиться через заслоны ВНА и были блокированы в долине Дьенбьенфу. 11-го декабря части ВНА взяли Лайтяу. К тому времени количество французских войск в Дьенбьенфу, которым постоянно доставлялись самолётами подкрепления, снаряжение и продовольствие, достигло 11 батальонов.

Судя по всему, в конце 1953 г. части ВНА уже были готовы к ликвидации французской группировки в Дьенбьенфу. В то же время стремившееся избежать лишнего кровопролития правительство ДРВ продолжало искать пути мирного решения вопроса, о чём в разгар сражения за Лайтяу заявил в интервью шведскому корреспонденту президент Хо Ши Мин. Это проявление доброй воли было поддержано прогрессивными силами всего мира. В результате под давлением левых сил и развёрнутой фракцией ФКП в Национальном собрании кампании против «грязной войны» правительство Лангьеля было вынуждено в принятую парламентом Франции 28-го октября 1953 г. резолюцию внести обещание о переговорах с ДРВ. Однако это обещание содержало ряд оговорок, учитывавших позицию США. Затем, по предложению СССР на Берлинском совещании министров иностранных дел¹, было принято решение о созыве 26-го апреля 1954 г. в Женеве совещания министров иностранных дел Великобритании, СССР, США, Франции и ряда других государств, на котором наряду с вопросом о мирном урегулировании в Корее должна была обсуждаться проблема прекращения войны в Индокитае.

Однако США, требуя от Франции следования «Плану Наварра» и сохранения её позиций в северо-западном районе Вьетнама на «стыке» его территорий с Китаем и Лаосом, делали всё, чтобы сорвать мирные переговоры. К тому времени силы французского экспедиционного корпуса достигли 220 тысяч человек. Не следует забывать и об армии марионеточного южновьетнамского режима в составе 200 тысяч солдат и офицеров. Таким образом, ДРВ противостояла почти полумиллионная армия, получившая от США новейшее американское оружие и снаряжение [1700.1, с.513].

¹ 25 января – 18 февраля 1954 г.

13-го марта 1954 г. началось сражение при Дьенбьенфу, который был превращён в неприступную крепость. Гарнизон состоял из 17 батальонов пехоты, 3 артиллерийских соединений, а также танковых, авиационных и сапёрных частей французской армии, которые занимали позиции в 49 опорных пунктах, объединённых в секторы обороны «Север», «Центр» и «Юг». Французы даже не могли предположить, что вьетнамцы смогут перенести по узким горным тропам к Дьенбьенфу тяжёлое вооружение. Тем не менее на окружавших долину горах оказались батареи тяжёлых орудий и артиллерия ПВО, которая практически прервала снабжение окружённых французских войск по «воздушному мосту». В результате оказалось, что весь этот укрепрайон был полностью окружён и отрезан от внешнего мира силами ВНА.

Согласно плану руководившего операцией генерала Во Нгуен Зяпа, первая фаза сражения началась с выдвижения вьетнамских частей по системе заранее подготовленных траншей, в какой-то мере спасавшего их от ураганного огня французской артиллерии и напалма, которым вражеская авиация заливала склоны окружавших долину Дьенбьенфу гор. В ходе этой фазы наступления вьетнамцы овладели двумя мощными центрами французской обороны. В ходе второй фазы наступления, продвигавшиеся по «осевой траншее» и её ответвлениям вьетнамцы сумели отрезать сектора «Центр» и «Юг» друг от друга, в ходе ожесточённых боёв взяли восточные холмы вместе с целым рядом ключевых укреплений и в итоге овладели главным аэродромом противника, который был блокирован на территории размером в 1,5 X 2 км.

7-го мая 1954 г. начался решающий штурм центральной крепости, или третья фаза вьетнамского наступления. В тот же день был захвачен штаб французского главнокомандующего генерала де Кастри, а к ночи пало и последнее укрепление сектора «Юг».

В результате победы при Дьенбьенфу в плен попало 16200 солдат и офицеров французского экспедиционного корпуса, при этом правительство ДРВ взяло под контроль всю территорию северо-западного Вьетнама. На этом первая Война

сопротивления французским колонизаторам была фактически завершена, поскольку Франция по многочисленным причинам как материального, так и в первую очередь морального характера оказалась не в состоянии её продолжать.

2.4. Женевские соглашения 1954 г. по Индокитаю

В крайне сложных и напряжённых условиях с 26 апреля по 21 июня 1954 г. в Женевском Дворце наций прошла многосторонняя международная конференция по Корее и Индокитаю. Проведение конференции осложнялось тем, что во время её работы шло сражение при Дьенбьенфу, при этом американцы сделали всё для срыва и саботажа конференции, чем лично занимался директор ЦРУ Аллен Уэлш Даллес.

Фам Ван Донг (01.03.1906 – 29.04.2000 гг.)

Французскую делегацию на Женевской конференции

возглавлял опытный политик и министр иностранных дел Жорж-Огюстен Бидо, а делегацию ДРВ – имевший большой международный авторитет, ближайший соратник Хо Ши Мина и заместитель премьер-министра ДРВ Фам Ван Донг¹⁵.

Поражение французских войск при Дьенбьенфу вынудило США пойти на прямое вмешательство в войну, для ведения которой они предусмотрели бюджетные ассигнования в размере 1,5 миллиарда долларов. По приказу Пентагона для использования во Вьетнаме было выделено 150 военных судов и 500 самолётов и вертолётов. При этом 7-ой флот США выдвинулся к вьетнамским берегам, а американские лётчики стали принимать прямое участие в боевых операциях. В Пентагоне даже поднимался вопрос о применения ядерного оружия, но Франция и Англия категорически отказались от этой крайне рискованной идеи. Тогда в Вашингтоне был разработан план по срыву мирных переговоров на Женевской конференции под предлогом «непримиримой позиции ДРВ». Согласно этому плану, уже через 15 дней после начала конференции следовало приступить к обсуждению вопросов о совместном вводе войск в Индокитай странами «свободного мира» и создании военного блока в Юго-Восточной Азии.

Вашингтонская дипломатия не учитывала изменения баланса сил в мировом сообществе. В поддержку Вьетнама выступали страны социалистического лагеря, многие появившиеся в результате народно-освободительной борьбы молодые государства, наконец, прогрессивные силы основных капиталистических государств. Так, занятая спасением остатков своих колониальных владений Великобритания не могла себе позволить пойти на срыв Женевской конференции. Даже в самой Франции против войны во Вьетнаме помимо депутатов-коммунистов выступили ещё более 150 депутатов из других фракций Национального собрания.

Правда, поражение при Дьенбьенфу вынудило правительство Франции пойти на переговоры об эвакуации раненых с командованием ВНА, для чего в местечке Чунгзя были созданы военные комиссии обеих воюющих сторон. Однако Франция и поддерживавшие её Соединённые Штаты

категорически отказывались от включения в международную комиссию по наблюдению и контролю за перемирием представителей социалистического лагеря. Точно так же они отвергли все мирные предложения, прозвучавшие 10-го мая 1954 г. в докладе главы делегации ДРВ на Женевской конференции Фам Ван Донга. Такую же непримиримую позицию занимал и глава французской делегации Жорж Бидо.

В результате 9-го июня 1954 г. Национальное собрание Франции вынесло вотум недоверия правительству Жозефа Ланьеля, а избранный новым премьер-министром Мендес Франс обещал подписать мирное соглашение с ДРВ в течение месяца. Встреча поспешно прилетевшего в Париж Алена Даллеса с английским премьером Энтони Иденом и Пьером Мендес-Франсом уже ни на что не могла повлиять.

21-го июля 1954 г. были подписаны «Соглашение о прекращении военных действий во Вьетнаме», «Соглашение о прекращении военных действий в Лаосе», «Соглашение о прекращении военных действий в Камбодже» и принята «Заключительная декларация» Женевской конференции. В соответствии с ними во Вьетнаме была установлена демаркационная линия, по мере возможности пролежавшая через географический центр страны от побережья Южно-Китайского моря до границы с Лаосом по реке Бенхай¹.

С каждой стороны этой линии были созданы демилитаризованные зоны, ширина которых достигала 5 км. После вступления в силу «Соглашения о прекращении военных действий во Вьетнаме» вооружённые силы Франции должны были быть выведены из Ханойской зоны в течение 80 дней, из Хайзыонга – в течение 100 дней и из северных районов Центрального Вьетнама – в течение 300 дней. В свою очередь вьетнамское командование должно было вывести части ВНА из Южного Вьетнама в течение 200 дней, а из южных районов Центрального Вьетнама – в течение 300 дней. Решениями Женевской конференции также урегулировались вопросы о порядке обмена военнопленными.

¹ Эта демаркационная линия проходила чуть южнее 17-ой параллели.

Река Бенхай. 31.03.2011 г.

1. За мостом – подконтрольная французам территория, на которой впоследствии американцами была создана Республика Вьетнам;
2. ДРВ: дом, в котором были подписаны документы о заключении мира

Согласно «Статье 7» «Заключительной декларации», с 20-го июля 1955 г. представители властей обеих зон должны

были начать консультации по объединению страны, которые предполагалось завершить через год всеобщими выборами в течение июля 1956 г.

Ответственность за выполнение решений Женевской конференции возлагалась на правительства Франции и ДРВ. Также была создана международная комиссия по наблюдению и контролю за выполнением указанных соглашений. В неё вошли от развивающихся стран Индия, от капиталистического блока Канада и от социалистического содружества Польша Народная Республика.

Значение принятых на Женевской конференции решений трудно переоценить по целому ряду причин. Так, во-первых, они свидетельствовали о международном признании национально-освободительной борьбы и героизма народов Индокитая. Во-вторых, они стали серьёзным ударом по агрессивным планам реакционных кругов США. Наконец, в-третьих, Женевские соглашения создали «благоприятные условия для урегулирования других нерешённых важных международных вопросов, касающихся не только Азии, но и Европы, и прежде всего таких вопросов, как прекращение гонки вооружений и запрещение атомного оружия, обеспечение коллективной безопасности в Европе и урегулирование германской проблемы на мирной, демократической основе» [1612.1].

К сожалению, из-за параноического страха властей США перед «коммунистической угрозой» и стратегического просчёта руководства СССР и КПСС, видевшего в любых проявлениях несогласия «происки империализма», большая часть этих «благоприятных условий» так до сих пор и не была реализована¹⁶.

3. *Преобразование КПИК в Партию трудящихся Вьетнама¹. ДРВ в условиях мира после Женевских соглашений*

В январе 1953 г. IV Пленум ЦК партии вынес решение провести аграрную реформу под лозунгом «Землю тем, кто её

¹ Далее – ПТВ.

обрабатывает», после чего Национальное собрание ДРВ на своей III сессии приняло закон об аграрной реформе. Его основная цель состояла в том, чтобы ликвидировать право колонизаторов на земельную собственность, уничтожить феодально-помещичье землевладение и заменить его крестьянским путём конфискации земель и имущества у помещиков-предателей, реакционеров и колонизаторов, а также путём принудительного выкупа земли, рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря у участвовавших в Войне сопротивления помещиков-патриотов.

К началу лета 1954 г. реформой были охвачены районы с населением более 120 тысяч человек. Аграрная политика партии явилась важным фактором, обеспечившим военные победы патриотов в зимне-весенней кампании 1953—1954 гг., а также обеспечила успех битвы под Дьенбьенфу.

После заключения Женевских соглашений линия на мирное объединение страны для правительства ДРВ оставалась его главной задачей вплоть до 1959 г. Национальная конференция вьетнамских коммунистов, прошедшая 20-го – 25-го июля 1954 г., призвала граждан ДРВ неукоснительно выполнять условия Женевских соглашений. Тогда же были поставлены задачи укрепления вооружённых сил страны, проведения аграрной реформы. Конференция подтвердила необходимость крепить узы дружбы с народами Советского Союза и КНР, Лаоса и Камбоджи, с народом Франции и с миролюбивыми силами в Юго-Восточной Азии. 23-го июля 1954 г. главнокомандующий ВНА генерал Во Нгуен Зяп отдал приказ всем частям регулярной и местной армии, ополчению и партизанам о прекращении огня по всей стране. В мае 1955 г. была завершена перегруппировка вооружённых сил ДРВ к северу от 17-й параллели. Представители ДРВ также оттранпортовали о завершении вывода своих войск из Камбоджи к 18-му октября 1954 г., а из Лаоса к 16-му ноября 1954 г. Вернувшееся в Ханой 10-го октября 1954 г., правительство ДРВ было радостно встречено жителями города. В феврале 1955 г. французы покинули Хайфон, и там была восстановлена юрисдикция ДРВ, тогда же

был завершён обмен пленными между ДРВ и Францией. В феврале 1955 г. правительство ДРВ опубликовало декларацию, в которой выражалась готовность всемерно поощрять все благоприятствующие восстановлению нормальной жизни народа обмены между двумя зонами. Готовность к проведению консультаций с южновьетнамскими властями также подтверждалась письмом президента и премьер-министра ДРВ от 19-го июля 1955 г. и нотой премьер-министра ДРВ от 18-го июля 1957 г. Но все эти проявления доброй воли сайгонский режим оставил без ответа.

После окончания Войны сопротивления против Франции перед руководством ПТВ встал вопрос о судьбе освободительного движения на юге. Необходимо было принять принципиальное решение, которое предопределяло будущее страны на долгие годы: избрать политику мирной борьбы за выполнение Женевских соглашений, сосредоточив усилия на подъёме экономики Северного Вьетнама, или же пойти по пути восстановления целостности страны с помощью оружия. В партийном руководстве, в котором долго не было единства по этому ключевому вопросу, шла довольно острая дискуссия. В то время президент Хо Ши Мин утверждал: «Мы будем иметь прочную базу, обеспечивающую успешную борьбу за объединение страны только в том случае, если север будет укреплен и пойдет по пути к социализму» [1300, с.206].

Необходимо указать на то, что тогдашний уровень вооружения и подготовки офицерских кадров ВНА, сумевшей победить французов, в новых условиях были ещё явно недостаточны для войны с другим, значительно более грозным противником – американцами. Требовалось срочно заняться перевооружением армии и повышением квалификации офицерского состава. В Ханое открылись пехотное, артиллерийское и штабное училища, в которых преподавателями стали китайские военные специалисты. Значительная часть молодых офицеров была направлена на учёбу в СССР. На вооружение ВНА поступала различная советская техника, для освоения которой тоже требовалось время. Поэтому без серьёзного подготовительного периода

северяне просто не имели возможности приступить к созданию и налаживанию необходимой системы снабжения для поддержания крупномасштабной партизанской войны.

До начала такой партизанской войны ещё предстояло провести огромную работу по восстановлению экономики и социально-экономическим преобразованиям, медлить с которыми было смерти подобно. Так, во вновь освобождённых районах 1,2 миллиона человек жили на грани голода, при этом большая часть промышленных предприятий не работала. В 1954 г. доля современной промышленности в валовой продукции Северного Вьетнама составляла лишь 1,5%. Ситуация осложнялась ещё и тем, что в нарушение Женевских соглашений французы, уходя из Северного Вьетнама, разобрали, увезли или уничтожили тысячи тонн оборудования и другого общественного имущества. Кроме того, почти миллион живших на севере католиков, поддавшись мощной пропагандистской кампании устрашения, развязанной французами и американцами, обратились в бегство, направившись в Южный Вьетнам. Для ПТВ это стало неожиданным и неприятным сюрпризом, который, как оказалось, давно готовился спецслужбами США и Франции. Так что обстановка, возникшая на севере после Женевской конференции, была достаточно сложной и мало подходящей для каких либо активных действий на юге.

Задачи восстановления экономики на севере были решены в течение 1955 – 1957 гг.¹. К концу этого периода валовая продукция промышленности и сельского хозяйства почти достигла довоенного уровня². В эти же годы получила дальнейшее развитие аграрная реформа, начатая в 1953 г. С декабря 1955 г. она вступила в завершающий этап. Поэтому партия и правительство выдвинули следующий лозунг аграрной реформы:

«Безраздельно опираясь на бедняков и батраков, в тесном сплочении с середняком и в союзе с зажиточным

¹ Смотри «Примечание 1» в «Комментарии» к «Главе 2» «Части III» настоящего тома.

² До 1939 г.

крестьянином¹, постепенно и дифференцированно упразднить феодальную собственность на землю».

Аграрная реформа прошла через несколько этапов, которые включали в себя направление многотысячного отряда кадровых работников в деревню для выяснения положения на местах, определение классовой принадлежности сельских жителей, выявление «помещиков-деспотов» и открытые суды над ними, изъятие их собственности и распределение её среди крестьян. Завершалась же реформа массовым митингом и перевыборами местных партийных и административных органов. К концу 1956 г. на всей территории Северного Вьетнама, за исключением горных районов, заселённых национальными меньшинствами, аграрная реформа в основном была завершена. Она охватила территорию в 1,6 миллиона га с населением 10,7 миллиона человек. В ходе реформы у помещиков и других эксплуататоров было отобрано 800 тысяч га земли, бесплатно переданных затем в пользование 2,1 миллиона семей трудового крестьянства. Класс помещиков в основном был ликвидирован, и миллионы крестьян стали хозяевами земли. Таким образом был осуществлен лозунг «Земля тем, кто её обрабатывает».

Однако в период проведения реформы были допущены серьезные ошибки. В ряде мест неправильно определялась классовая принадлежность, чрезмерно переоценивалась имеющаяся у крестьян земля и получаемый с неё урожай, богатые и зажиточные крестьяне нередко квалифицировались как помещики, а при подавлении элементов, противившихся аграрной реформе, пострадали и невинные. Во многом эти перегибы были связаны с копированием опыта аграрных преобразований, проводимых компартией Китая, чьи советники помогали вьетнамским коммунистам в её проведении. Так как из Ханоя спускались разнарядки на количество разоблачённых «феодалных элементов», то перегибы на местах были неминуемы. В результате были

¹* У автора сказано «кулаки». См. «Примечание 7» в «Комментарии» к «Главе I» «Части III» настоящего тома.

репрессированы тысячи признанных помещиками зажиточных крестьян и бывших чиновников колониальной администрации, а десятки тысяч человек, включая многих бывших членов ПТВ, стали жертвами грандиозной «чистки» и были отправлены в тюрьмы и исправительные лагеря [1089, с.225].

На состоявшемся в сентябре 1956 г. X расширенном пленуме ЦК ПТВ были подведены итоги преобразований в деревне. Пленум подтвердил победу аграрной реформы, что означало решение антифеодальных задач вьетнамской революции. Вместе с тем он уделил большое внимание допущенным ошибкам, квалифицировав их как «левый уклон». Была намечена программа исправления этих перегибов. Несколько высокопоставленных отвечавших за проведение реформы партийных деятелей были отстранены от занимаемых должностей. Своего поста лишился даже генеральный секретарь ЦК ПТВ Чыонг Тинь. Также была прекращена деятельность специальных трибуналов, созданных в деревне в связи с проведением аграрной реформы. Хо Ши Мин публично признал ошибки партийного руководства и попросил прощения у народа.

До 2-ой половины 1958 г. исправление ошибок на местах шло крайне медленно, что не оправдывало ожиданий народных масс. В результате в ноябре 1956 г. в провинции Нгеан вспыхнуло восстание недовольных реформой крестьян, которые направили письмо-жалобу канадскому делегату в Международной контрольной комиссии по наблюдению за выполнением Женевских соглашений. Тем не менее на подавление беспорядков были направлены регулярные воинские части, которые быстро справились с недовольными [758, с.226]. Однако, несмотря на все свои недостатки, аграрная реформа в целом положительно сказалась на развитии сельского хозяйства Северного Вьетнама. За годы её осуществления обрабатываемая площадь расширилась на 24%, урожайность на 36%, производство продовольствия на душу населения на 43%. В результате составлявшие около 70% всех крестьян середняки превратились в наиболее многочисленную прослойку сельского населения.

1956 г. был связан не только со сложностями в аграрных отношениях. В том году заметными стали и конфликты в идеологической сфере. Причиной некоторых из них стали такие важные события за рубежом, как антисоциалистические выступления в Польше и Венгрии, движение «Пусть расцветают сто цветов» в Китае и XX съезд КПСС. Решения съезда советских коммунистов, на котором был официально разоблачён культ личности Сталина, активно обсуждались внутри ПТВ. Как сообщал в Москву посол СССР в Ханое М.В.Зимянин, «руководящее ядро ПТВ рассматривало постановление съезда о культе личности Сталина “как справедливое и хорошее решение”» [589, с.51]. Материалам XX съезда был посвящен целый номер партийного журнала «Учёба» [1722]. Пример советских коммунистов заставил ПТВ по-новому взглянуть на многие вопросы партийной жизни. Как писала в октябре 1956 г. газета «Народ», под влиянием принятых на XX съезда КПСС решений «многие братские партии пересмотрели свою политику и работу, выработали мероприятия для исправления допущенных ошибок и развития достигнутых успехов в целях дальнейшего продвижения вперёд революционного дела» [1732.5]. В то же время следует отметить, что, в целом солидаризируясь с решениями XX съезда КПСС, вьетнамские коммунисты никогда не опускались до грубого шельмования Сталина и его личного оскорбления. Сталинские работы в переводе на вьетнамский язык продолжали издаваться во Вьетнаме.

В том же 1956 г. под влиянием развернувшегося в КНР движения «Пусть расцветают сто цветов, пусть соревнуются сто школ», группа вьетнамских интеллигентов, объединившихся вокруг газеты «Гумманист» и журнала «Освобождение» открыто выступила с критикой однопартийной системы и требованиями допущения оппозиции в Национальное собрание, а также предоставления национальной буржуазии большей свободы в торговле и лёгкой промышленности [1733; 1719]. Деятельность этой группы сторонников буржуазного либерализма довольно быстро была пресечена, а на II Съезде писателей ДРВ в

феврале 1957 г. она была публично осуждена [559, с.22,26].

Глубокие преобразования происходили и в области национальных отношений. 7-го мая 1955 г. на съезде 25 малых народов северо-западного Вьетнама был создан 1-ый автономный район Тхай-Мео, который затем переименовали в Тэйбак. На его площади в 500 тысяч км² в то время проживало 3,5 миллиона человек. 19-го августа 1956 г. на северо-востоке Вьетнама был образован 2-ой автономный район Вьетбак в составе 6 провинций с населением в 800 тысяч человек из 19 этнических групп, наиболее многочисленными из которых были *таи* и *нунг*. В этих автономных районах на руководящие посты были выдвинуты местные национальные кадры. Они имели свой собственный бюджет и народнохозяйственный план. Большое внимание в эти годы ПТВ уделяла созданию письменности для малых народов¹.

Успешное выполнение задач восстановительного периода 1955 – 1957 гг. обусловило важные изменения в жизни северовьетнамского общества. Однако экономика ДРВ по-прежнему оставалась многоукладной, а её большая часть была представлена личными крестьянскими хозяйствами, ремесленниками и мелкими торговцами и предпринимателями. В этих условиях ПТВ поставила задачу осуществления полномасштабных социалистических преобразований в Северном Вьетнаме. Хотя еще в начале 1956 г. в одном из документов Политбюро ЦК ПТВ говорилось, что «с тех пор как мир был восстановлен, север Вьетнама приступил к этапу социалистической революции», официально курс на социалистические преобразования был принят лишь в ноябре 1958 г. XIV пленумом ЦК ПТВ и нашёл своё отражение в «Трёхлетнем плане развития и преобразования экономики и развития культуры 1958 – 1960 гг.» [566, с.139]. Затем, в апреле 1959 г., на XVI пленуме ЦК ПТВ было принято два крайне важных для продвижения по социалистическому пути решения: во-первых, о кооперировании сельского хозяйства и,

¹ О национальных меньшинствах смотри статью «Краткий очерк географии и этнографии Вьетнама» в «Томе I».

во-вторых, о реформах в частнокапиталистической торговле и промышленности.

Кооперирование сельского хозяйства стало главным событием трёхлетки 1957 – 1960 гг. В основу кооперативного движения были положены три главных принципа: добровольность, постепенность и взаимовыгода. Кооперативы формировались в три этапа, и соответственно они делились на три основных типа: 1. Группы взаимопомощи. 2. Кооперативы полусоциалистического типа, в которых земля оставалась индивидуальной собственностью и часть доходов распределялась между собственниками в зависимости от размера земельного пая. 3. Кооперативы высшего, или социалистического, типа. Принципиально важным во вьетнамском опыте было то, что кооперация проводилась до создания машинной базы сельского хозяйства. К концу 1960 г. в деревнях Северного Вьетнама преобразования сельского хозяйства, проведённые в форме создания кооперативов низшей степени, в основном завершились. Более 85% крестьянских хозяйств, занимавших 68,06% общей земельной площади, были объединены в кооперативы. Из этого числа в кооперативы высшей степени вступили 11,81% крестьянских семей.

Не менее значимым в социально-экономическом плане также стало реформирование промышленности и торговли, осуществлённое ПТВ в конце пятидесятых годов. Подавляющее большинство французских собственников покинули Северный Вьетнам, а их оставшиеся предприятия были переданы правительству ДРВ за определённую компенсацию. В первые годы после окончания Войны сопротивления национальная буржуазия в связи с отсутствием конкуренции со стороны французов расширила свою деятельность. В 1955 г. на долю частнокапиталистического сектора приходилось 71,9% оптового товарооборота, 79,7% розничного оборота и 16,8% стоимости всей валовой продукции промышленности. В 1956 – 1958 гг. в торговле и промышленности ДРВ получили довольно широкое развитие низшие формы госкапитализма. Через частные предприятия

государство осуществляло торговлю на комиссионных началах, а также проводило закупки по твёрдым ценам сырья, продукции сельского хозяйства, лесного и морского промыслов. В промышленности это выражалось в том, что государство частично или полностью закупало продукцию частнокапиталистических предприятий, а также предоставляло им заказы с поставкой или без поставки сырья.

В трёхлетку же 1958 – 1960 гг. преобразование частнокапиталистической промышленности и торговли развернулось на основе высших форм госкапитализма. Государство, по сути, становилось полным собственником предприятия, оно вкладывало в него дополнительные денежные и материальные фонды. Нередко на таких предприятиях использовался большой технический опыт их прежних владельцев, которые привлекались к руководству. К концу 1960 г. в городах были обобществлены 783 предприятия промышленной буржуазии (100%) и 826 частных торговых предприятий (97,1%). Кроме того, более 260000 ремесленников (87%) и 105000 мелких торговцев (45,1%) были объединены в различные кооперативы [566, с.147].

В результате выполнения трёхлетнего плана 1958 – 1960 гг. экономическое положение ДРВ несколько укрепилось. Вступили в строй сотни предприятий и начали создаваться совершенно новые для Вьетнама отрасли промышленности, в том числе – металлургия, машиностроение и другие. Валовая продукция промышленности и кустарного производства возросла по сравнению с 1957 г. на 76%. К концу 1960 г. в ДРВ уже было более тысячи промышленных предприятий, хотя в целом она оставалась отсталой аграрной страной, в которой доля современной промышленности не превышала 17%.

Широкий размах после восстановления мира приняла в Северном Вьетнаме революция в области культуры и идеологии. Очевидными были успехи в сфере образования. К 1961 г. неграмотность среди большинства населения была ликвидирована. По сравнению с колониальным периодом число учащихся общеобразовательной школы возросло более чем в четыре раза. В декабре 1958 г. было принято решение о

создании Государственного комитета по науке.

Братскую помощь в восстановлении экономики и строительстве нового общества ДРВ получала от СССР и других социалистических стран. Летом 1955 г. партийно-правительственная делегация ДРВ во главе с Хо Ши Мином посетила Советский Союз, Китай и Монголию. Во время визита Советское правительство приняло решение выделить 400 миллионов рублей в качестве помощи для восстановления экономики Вьетнама. 18-го июля 1955 г. было подписано первое торговое соглашение между СССР и ДРВ. Всего за период с 1955 по 1959 г. при содействии СССР в ДРВ было построено и введено в эксплуатацию 45 промышленных предприятий и объектов, в том числе первенец вьетнамского машиностроения – механический завод в Ханое. Крупную помощь Вьетнаму предоставила и КНР. Также большое значение для ДРВ имело содействие социалистических стран в подготовке национальных специалистов.

Изменения, произошедшие в ДРВ в послевоенный период, были закреплены в новой конституции, которую почти три года¹ готовила под председательством Хо Ши Мина специальная комиссия. «Конституцию» утвердили 31-го декабря 1959 г. на 11-й сессии Национального собрания. В новом Основном законе говорилось, что ДРВ – это народно-демократическое государство, основанное на союзе рабочих и крестьян и возглавляемое рабочим классом. В «Статье 9» было записано, что «Демократическая Республика Вьетнам постепенно идёт от строя народной демократии к социализму путём развития и преобразования народного хозяйства, преобразуя отсталую экономику в социалистическую экономику с современной промышленностью, сельским хозяйством, передовой наукой и техникой» [35.1, с.19]. Конституция ДРВ признавала 4 следующие формы собственности на средства производства: 1. Государственную; 2. Кооперативную; 3. Единоличную; 4. Национальной буржуазии [35.1, с.19, 20]. Конституция также провозглашала

¹ С января 1957 г.

свободу слова, печати, собраний, объединений и демонстраций, свободу вероисповедания и равенство всех граждан ДРВ перед законом [35.1, с.25, 26].

Высшим органом государственной власти объявлялось Национальное собрание, депутаты которого избирались каждые четыре года [35.1, с.33]. Что касается президента страны, который избирался Национальным собранием, то, как гласила «Статья 61», он «представляет Демократическую Республику Вьетнам в области внутренних и внешних отношений», при этом в его функции входило назначение премьер-министра и других членов правительства, издание указов о помиловании, введении военного положения, всеобщей мобилизации и объявление войны [35.1, с.43, 44].

В мае 1960 г. в соответствии с новой «Конституцией» и новым избирательным законом состоялись выборы в Национальное собрание нового созыва. На состоявшейся в июле 1960 г. сессии Национального собрания президентом ДРВ вновь был избран Хо Ши Мин. Особенностью нового парламента ДРВ явилось то, что в условиях незаконного раскола страны в нём без выборов сохранили 91 место за южновьетнамскими депутатами, избранными ещё в 1946 г. в Национальное собрание I созыва.

Итоги политического и социально-экономического развития страны, задачи вьетнамской революции на предстоящий период были рассмотрены III съездом ПТВ, собравшимся в Ханое 5 – 10 сентября 1960 г. 525 делегатов съезда, представлявшие свыше 500 тысяч членов партии, заслушали политический доклад ЦК ПТВ, приняли директивы по первому пятилетнему плану развития народного хозяйства ДРВ на 1961 – 1965 гг., новый устав партии и избрали новые руководящие органы партии. Председателем ЦК ПТВ был избран Хо Ши Мин, а первым секретарём ЦК – Ле Зуан. В политическом докладе ЦК ПТВ подчёркивалось, что после восстановления мира в 1954 г. вьетнамская революция вступила в новый этап – на севере начался переходный период к социализму, тогда как на юге продолжалась «национальная народно-демократическая революция». Поэтому в резолюции

съезда чётко формулировались две главные стратегические задачи страны – социалистическое преобразование Северного Вьетнама и освобождение Южного Вьетнама от господства американских империалистов и объединение страны. Съезд ПТВ также подтвердил решения X сентябрьского 1956 г. расширенного пленума ЦК, осуждавшие ошибки и «левацкие перегибы», которые были допущены при проведении аграрной реформы в 1955 – 1956 гг. [66, с. 21 – 23].

Как известно, избранный первым секретарём ЦК ПТВ Ле Зуан ещё в 1955 г. написал «Тезисы о революции в Южном Вьетнаме», в которых он предлагал сделать упор на гибком сочетании двух форм борьбы: политической и вооружённой, взвешенно их «дозируя» при любом изменении обстановки. При этом он предлагал, наращивая силы для вооружённой борьбы, начать сопротивление с активизации политической деятельности. Два года тезисы Ле Зуана обсуждались в партийных ячейках юга, которые, не дожидаясь решений ЦК ПТВ, уже стали их применять на практике [1288, с.32]. В середине 1957 г. Ле Зуан вернулся в Ханой, где по его инициативе политбюро приняло решение о поддержке настоятельных призывов южан о помощи. Таким образом, партия взяла под контроль и начала координацию стихийно возникавших восстаний на юге с целью их превращения в полномасштабную партизанскую войну для свержения Сайгонского режима.

14-го – 16-го января 1959 г. под председательством Хо Ши Мина и при участии представителей всех партийных организаций Южного и Центрального Вьетнама в Ханое прошёл XV пленум ЦК ПТВ. Пленум пришел к выводу об иллюзорности надежд на изменение политики режима Нго Динь Зьема мирным путём, а также о том, что единственным оставшимся средством добиться воссоединения страны является «революционное насилие» [1150, с.442]. В резолюции XV пленума ЦК ПТВ указывалось, что первоочередными задачами южновьетнамской революции являются свержение диктатуры Нго Динь Зьема, восстановление национальной независимости, формирование коалиционного народно-

демократического правительства, предоставление населению демократических свобод, улучшение жизни народа, сохранение мира и объединение родины. «Для достижения этих целей, – говорилось в решениях пленума, – главный путь развития революции в Южном Вьетнаме – это восстание с целью передачи власти в руки народа» [526, с.117]. Поэтому неудивительно, что III съезд ПТВ закрепил в своих решениях этот курс нового первого секретаря ЦК.

Развитию установок съезда были посвящены все последовавшие за ним пленумы ЦК ПТВ. В апреле 1961 г. на IV пленуме ЦК рассматривались вопросы совершенствования партийного руководства и роли местных партийных организаций в проведении курса партии. Для конкретизации экономической стратегии партии состоялись пленумы ЦК ПТВ в июле 1961 г. по вопросам развития сельского хозяйства, в июне 1962 г. – по вопросам промышленности, наконец в декабре 1964 г. – по проблемам товарного обращения, распределения и цен.

Поскольку экономическая политика партии была направлена на создание материально-технической базы социализма, то и преимущественное внимание уделялось тяжёлой промышленности. Мобилизуя трудящихся Северного Вьетнама на претворение в жизнь решений III Съезда, ПТВ развернула с начала шестидесятых годов массовые движения в форме производственных соревнований между различными категориями трудящихся, благодаря чему в годы первой пятилетки ДРВ добилась серьёзных успехов¹⁷. Так, например, среднегодовой темп роста валовой продукции составил более 13%, сельского хозяйства около 5%, а доля промышленности в народном хозяйстве превысила 50%. К концу пятилетки 80% сельскохозяйственных кооперативов стали кооперативами высшего типа, и к тому времени Северный Вьетнам уже обеспечивал себя основными продуктами питания и на 90% удовлетворял свои нужды в товарах широкого потребления. Благодаря этому оказалось возможным приступить к созданию внутренних источников накопления [566, с.172]. По мнению некоторых вьетнамских авторов, Северный Вьетнам к 1965 г.

располагал «основами для быстрого роста», который не произошёл лишь из-за агрессии США [498.2, с.376].

В эти же годы определилась линия ПТВ в мировом коммунистическом движении, её отношение к возникшим в нём разногласиям и спорам руководителей КПСС и КПК. Советско-китайское противостояние не могло не сказаться на Вьетнаме хотя бы потому, что как Москва, так и Пекин стремились побудить вьетнамских коммунистов поддержать свою позицию. По этому поводу у Хо Ши Мина была своя личная точка зрения, которую он сформулировал в беседе с одним из высокопоставленных советских дипломатов ещё в июне 1960 г.: «Я считаю, что в наших общих интересах необходимо предотвратить открытую дуэль, которая кроме вреда ничего не принесет... ЦК КПСС и ЦК КПК должны обсудить существующие спорные вопросы в ходе совместной встречи и придти к общему согласию» [589, с.52]. Состоявшийся в декабре 1963 г. IX пленум ЦК ПТВ был посвящён выработке собственной линии в мировом коммунистическом движении. Документы пленума свидетельствуют о том, что лидеры ПТВ были готовы и в дальнейшем придерживаться маоистской концепции пролетарской революции применительно к отсталым колониальным и полуколониальным странам. В то же время, несмотря на давление со стороны китайцев, в документах пленума не содержалось прямой критики деятельности тогдашнего руководства КПСС, хотя термин «современный ревизионизм» в его материалах присутствовал [559, с.74, 75]. В решении пленума указывалось, что ПТВ должна внести свой вклад в дело укрепления солидарности между всеми странами социалистического содружества и развития международного коммунистического движения на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Было обращено внимание партийных кадров на то, что необходимо творчески применять марксизм-ленинизм и опыт братских партий в конкретных условиях Вьетнама.

26-го апреля 1964 г. были проведены выборы в Национальное собрание Вьетнама III созыва. На 366 мест в

парламенте претендовало 448 кандидатов. Так как за Южным Вьетнамом было сохранено 89 мест, то общее число депутатов Национального собрания после выборов составило 455 человек [1570.1, с.235, 236]. На первой сессии Национального собрания III созыва, которая прошла с 27-го июня по 3-е июля 1964 г., были подтверждены полномочия Хо Ши Мина как президента ДРВ, Тон Дык Тханга – как вице-президента, Чыонг Тиня – как председателя Постоянного комитета Национального собрания и Фам Ван Донга – как премьер-министра.

После первых же агрессивных действий США против Северного Вьетнама ЦК ПТВ и правительство ДРВ начали большую политическую и организаторскую деятельность по мобилизации всех слоёв населения страны на отпор врагу¹⁸. Лозунгом второй Войны сопротивления против агрессии американского империализма стали слова из обращения Хо Ши Мина к соотечественникам и бойцам всей страны от 17-го июля 1966 г.: «Война может длиться пять, десять, двадцать лет и даже больше. Ханой, Хайфон и другие города, предприятия могут быть разрушены, но народ Вьетнама этим не запугать! Нет ничего дороже свободы и независимости!» [82, с.324]. Все органы государственной власти стали работать в особом режиме. В апреле 1965 г. Постоянный комитет Национального собрания, который был наделён особыми полномочиями, получил право принимать важные решения без созыва сессий Национального собрания, хотя его сессии всё же удавалось проводить не реже одного раза в год. На состоявшихся в марте и декабре 1965 г. XI и XII пленумах ЦК ПТВ были приняты решения о мобилизации всех сил и ресурсов Северного Вьетнама, чтобы направить их в русло борьбы за срыв агрессивных замыслов Вашингтона. Одновременно ставилась задача введения новых методов управления народным хозяйством в условиях военного времени. В целях сохранения экономического потенциала страны проводилась кампания по эвакуации из городов и рассредоточению в сельских районах, в горах и джунглях промышленных объектов и государственных учреждений. Был взят курс на

превращение каждой северовьетнамской провинции в самообеспечивающуюся единицу. Среди молодёжи было развернуто движение «три готовности», среди женщин – «три обязанности», среди преподавателей и учащихся – «два хорошо», сыгравшие большую роль в мобилизации населения Северного Вьетнама для решения задач военного времени¹⁹.

Большая нагрузка легла на сельскохозяйственные районы Северного Вьетнама. В условиях постоянного оттока трудоспособной молодёжи на фронт (в 1965 – 1968 гг. на юг было направлено более трёхсот тысяч северян), упор стал делаться на повышение эффективности сельского хозяйства путём строительства ирригационных сооружений и внедрения новых скороспелых и высокопродуктивных сортов риса, а также широкого применения малой механизации.

Однако самой важной задачей было увеличить и укрепить оборонную мощь ДРВ. Благодаря помощи СССР, КНР и других стран социализма Вьетнамская народная армия была в кратчайшие сроки оснащена необходимыми видами оружия и боевой техники. Уже к середине 1965 г. были созданы такие новые для Вьетнама рода войск, как воздушные и ракетные силы ПВО. С самого начала американской агрессии Советский Союз заявил, что он «не может оставаться безучастным к судьбам братской социалистической страны и готов оказать ей необходимую помощь». Кроме военной Советский Союз продолжал оказывать ДРВ большую безвозмездную экономическую помощь, в том числе – продовольственную. Более того, 6-го июля 1966 г. страны – участники Варшавского договора выступили с заявлением, в котором, осудив агрессию США во Вьетнаме, выразили готовность в случае соответствующей просьбы правительства ДРВ предоставить возможность своим добровольцам направиться во Вьетнам, чтобы помочь ему в борьбе против американских агрессоров. Правда, в течение всей войны необходимость в этой акции не возникла, так как личный состав ВНА успешно справлялся с возложенными на него обязанностями. Во многих странах организовывались кампании по сбору средств в фонд Вьетнама. В самих США

возникли десятки организаций, выступавших с требованием прекращения американской агрессии во Вьетнаме. В мире сложился фронт солидарности с вьетнамским народом, включавший страны социализма, мировое коммунистическое движение, большинство развивающихся стран. Наиболее массовым и влиятельным движением в поддержку Вьетнама стало Стокгольмское движение. Его первая всемирная конференция, в которой участвовали посланцы двадцати двух международных и шестидесяти национальных организаций, в том числе – делегации ДРВ и НФОЮВ, состоялась в июле 1967 г. Она единодушно осудила агрессию США во Вьетнаме и потребовала её немедленного прекращения. В результате под давлением внутренних и внешних обстоятельств Белый дом был вынужден в 1968 г. прекратить на время бомбардировки территории ДРВ.

С того момента народнохозяйственная жизнь Северного Вьетнама определялась задачами восстановления экономики. Были приняты меры по повышению роли государства в осуществлении единого руководства народным хозяйством на плановой основе, восстанавливался отраслевой принцип управления. Таким образом, совершался постепенный отход от вынужденной в силу военных обстоятельств децентрализации хозяйственной жизни. В течение трёх лет¹ большая часть разрушенных войной промышленных предприятий была восстановлена, и началось возвращение из эвакуации ряда предприятий и учреждений.

Быстрыми темпами также росло производство угля, электроэнергии, строительных материалов и продукции машиностроения. В сельском хозяйстве продолжалась борьба за достижение поставленных партией задач: производить 5 т риса с 1 га за два урожая, а также добиваться того, чтобы 1 человек обрабатывал 1 га пашни. В результате в 1971 г. собрали 5 миллионов тонн риса, что превысило среднегодовой уровень предыдущих лет [382, с.228].

Утром 2-го сентября 1969 г. умер председатель ЦК

¹ 1969 – 1971 гг.

ПТВ, президент ДРВ Хо Ши Мин. С 4-го по 10-ое сентября по всей стране прошли небывалые по масштабу и торжественности траурные мероприятия. В адрес ЦК ПТВ и правительства ДРВ поступило более 22 тысяч телеграмм и писем соболезнования из 121 страны. На траурную церемонию в Ханой прибыли 40 иностранных делегаций. Близкая кончина Хо Ши Мина не была неожиданностью ни для него самого, ни для его соратников. Поэтому за несколько месяцев до ухода из жизни Хо Ши Мин написал «Завещание», которое было обнародовано сразу после его смерти. Это был своего рода политический наказ соратникам по коммунистическому движению и соотечественникам. Партии он наказывал служить народу, хранить единство и беречь чистоту партийных рядов. В своём «Завещании» Хо Ши Мин выразил надежду, что ПТВ сделает всё, от неё зависящее, для восстановления сплочённости братских партий на основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Он прямо заявил: «Я твёрдо верю, что братские партии и братские страны непременно сплотятся вновь» [82, с.381]. «Завещание» свидетельствует о непоколебимой уверенности его автора в победе над американскими агрессорами и их приспешниками и последующем объединении Вьетнама. «Каковы бы ни были трудности и лишения, наш народ непременно одержит полную победу. Американским империалистам придётся убраться из нашей страны. Родина наша будет воссоединена», – писал Хо Ши Мин [82, с.380].

Текст завещания стал на долгие годы главным документом работы пропагандистов ПТВ по мобилизации коммунистов и рядовых граждан Вьетнама. В конце сентября 1969 г. Политбюро ЦК ПТВ приняло постановление о развёртывании политической компании под лозунгом «Изучать “Завещание” Хо Ши Мина и следовать его наказам». Но, как выяснилось в начале девяностых годов, было ещё несколько пунктов «Завещания» Хо Ши Мина, которые не были исполнены и даже не были преданы гласности. Первый президент Вьетнама настаивал на том, чтобы после его смерти не устраивали пышных похорон и не ставили ему памятники, а

прах его, поместив три урны, захоронили соответственно в Северном, Центральном и Южном Вьетнаме. Кроме того, учитывая те тяжести и лишения, которые крестьяне перенесли в годы войны, Хо Ши Мин предлагал освободить их на несколько лет от налогов после её окончания.

Хо Ши Мин (19.05.1890 – 02.09.1969 гг.)

23-го сентября 1969 г. на сессии Национального собрания ДРВ президентом ДРВ был избран Тон Дык Тханг, а вице-президентом – Нгуен Лыонг Банг. 29-го ноября 1969 г. Политбюро ЦК ПТВ приняло решение о сохранении тела Хо

Ши Мина и строительстве мавзолея на площади Бадинь в Ханое, которое было завершено в 1975 г. Уверенное в скорой победе руководство партии и страны выдвигало новые созидательные задачи. Так, состоявшийся в январе 1971 г. XIX пленум ЦК ПТВ определил в качестве основной задачи на предстоящий период постепенный перевод аграрного сектора на рельсы крупного социалистического производства. Затем, 11-го апреля 1971 г., прошли выборы в Национальное собрание ДРВ IV созыва, в которых приняло участие более 98% избирателей. Они состоялись через семь лет после предыдущих выборов в Национальное собрание III созыва, что объясняется особыми условиями, диктовавшимися военной обстановкой. Тогда же прошли выборы и в народные советы автономных районов Вьетбак и Тэйбак, а две недели спустя – в народные советы провинций и городов центрального подчинения. Когда же после подписания Парижского соглашения в Северном Вьетнаме был окончательно восстановлен мир, ПТВ взяла курс на быстрое залечивание ран войны, ускорение социалистического строительства и оказание помощи южновьетнамским патриотам. Американская агрессия оставила тяжёлые раны на вьетнамской земле. В годы войны налётам американской авиации подверглись практически все города и городские посёлки Северного Вьетнама, были разрушены или серьёзно повреждены все более или менее крупные промышленные предприятия, электростанции, железнодорожные и автодорожные мосты.

Основные направления восстановления и развития народного хозяйства ДРВ в послевоенный период были определены в конце 1973 г. на XXII пленуме ЦК ПТВ, в документах которого говорилось о необходимости всемерно осуществлять социалистическую индустриализацию, «строить север и вести его быстро и уверенно по пути к социализму» [566, с.243].

Конкретные же задачи по восстановлению народного хозяйства были определены в утверждённом в феврале 1974 г. на IV сессии Национального собрания IV созыва «Государственном плане восстановления и развития народного

хозяйства на 1974 – 1975 гг.», в котором предусматривалась мобилизация всех трудовых ресурсов и потенциальных возможностей экономики с целью достижения или даже превышения каждой отраслью и каждым отдельным предприятием уровня довоенного производства. Там же ставились задачи по дальнейшему укреплению и развитию социалистических производственных отношений.

Условия мирного времени позволили партии обратить больше внимания и на внутрипартийные дела. Так, в феврале 1973 г. Политбюро ЦК ПТВ приняло резолюцию по работе с кадрами на новом этапе, на XXII пленуме было отмечено, что вся работа с партийными кадрами должна быть направлена на повышение их революционной морали и работоспособности. Также были сформулированы и пять критериев их оценки: преданность Родине и революции, следование политическому курсу партии, способность к успешному выполнению порученных партией заданий, уважение права масс быть коллективным хозяином, высокая организованность и дисциплина [566, с.251, 252]. Наконец, в конце 1974 г. состоялся XXIII пленум ЦК ПТВ, на котором был рассмотрен вопрос об усилении руководящей роли партии.

По основным показателям план 1974 г. был выполнен. Как заявил, выступая на сессии Национального собрания в декабре 1974 г., член Политбюро ЦК ПТВ Ле Тхань Нги, «во многих отраслях была создана хорошая основа для дальнейшего осуществления задач по восстановлению и развитию экономики в 1975 г., для активной подготовки к расширенному подъёму народного хозяйства в последующие годы» [523, с.42]. Однако настоящий подъём вьетнамской экономики начался лишь через десять с лишним лет. Эта «задержка» объясняется проблемами, которые возникли в связи с победой в войне против американских агрессоров, объединением севера и юга страны в Социалистическую Республику Вьетнам¹.

¹ Смотри «Главу 2» «Части II» настоящего тома и «Том V», посвящённый вьетнамской истории после 1975 г.

ЧАСТЬ II

Республика Вьетнам 1954 – 1975 гг.¹

Глава I

Срыв Женевских соглашений 1954 г. Первый президент Республики Вьетнам Нго Динь Зьем (1955 – 1964 гг.)

1. Южный Вьетнам до начала активной фазы борьбы с американской агрессией

1.1. Немного теории национально-освободительной борьбы на примере Вьетнама

Все факты и документы свидетельствуют о том, что если считать с момента окончания Второй мировой войны, то национально-освободительное движение в Южном Вьетнаме 1955 – 1975 гг. является лишь последним, третьим этапом многолетней борьбы вьетнамского народа за национальную независимость. Её первый этап связан с созданием лиги Вьетминь, победой над японскими оккупантами и провозглашением Демократической Республики Вьетнам в результате Августовской революции 1945 г. Последовавшие же за ними восьмилетняя Война сопротивления против французского колониализма и заключение Женевских соглашений 1954 г. в результате победы в этой войне образуют второй этап указанной борьбы. Настоящий третий этап отличается от двух предыдущих лишь новой стратегической задачей, суть которой состояла в том, чтобы добиться действительной реализации Женевских соглашений и воссоединения страны, временно разделённой не государственной границей, а военной демаркационной линией, проведённой с целью передислокации войск обеих сторон. Поэтому широко распространившееся, особенно в американской литературе, деление общенационального процесса в исторически едином Вьетнаме на вроде бы не связанные друг с другом освободительную и одновременно гражданскую войну на юге страны и строительство социалистического государства на севере представляется исходно неверным, поскольку оно влечёт за собой ошибочные представления о некой агрессии одной части страны против

другой её же неотъемлемой части. Иными словами, речь идёт о едином процессе национально-освободительной борьбы 1945 – 1975 гг, в ходе которого руководство ДРВ и большая часть вьетнамского народа жертвовали всем, следуя известной установке президента Хо Ши Мина: «Нет ничего дороже независимости и свободы!».

Война во Вьетнаме не была чисто региональным явлением. Вмешательство США вывело проблему Вьетнама национально-освободительного движения в этой стране далеко за рамки внутреннего конфликта и превратило её в одну из сложнейших международных проблем шестидесятых – семидесятых годов прошлого века. Она вошла в историю как один из крупнейших военных конфликтов второй половины XX в. Согласно упорно навязываемому официальному мифу, США вступили в эту войну, движимые исключительно желанием защитить Южный Вьетнам от агрессии с севера. Возможно, это был слишком легкомысленный шаг, но он был продиктован добрыми намерениями. Правда, эти «добрые намерения» проложили путь плохой политике, построенной на разного рода заблуждениях, недоразумениях и невежестве, что в конечном итоге привело к дорогостоящей попытке защитить страну, которая не желала сама себя защищать. Короче, по известному выражению: «хотели как лучше...». Конечно, во всех этих сожалениях о заблуждениях и ошибках есть немалая доля правды.

Вопреки мнению многочисленных авторов мемуаров и научных исследований, указанные «заблуждения и ошибки» вряд ли могли бы быть замечены и исправлены ещё на ранних стадиях конфликта. Вьетнамская война вовсе не была случайной ошибкой. Она стала следствием фундаментальной стратегии, принятой США после Второй мировой войны, и в действительности является частью долгосрочной стратегии холодной войны, имевшей целью противодействие «экспансии коммунизма». Поэтому в ней прослеживается определённая логика, в соответствии с которой США неотвратимо и всё глубже втягивались в эту первую в их двухсотлетней истории проигранную войну. Этому во многом способствовали и искажённые мессианские представления американского

руководства о роли США в мире. Кроме того, Вьетнам для американцев был важен не столько сам по себе, сколько как испытательный полигон надёжности гарантий безопасности, даваемых американцами другим гораздо более важным союзникам не только в Азии, но и в Европе. Многие из них не одобряли эту интервенцию США, но парадокс был в том, что если бы американцы сказали, что Вьетнам не стоит таких усилий с их стороны, то каждый из них мог бы спросить: «А я стою?». *Поэтому если Вьетнам и был ошибкой, то ошибочной была и вся стратегия США того времени, что до сих пор крайне неохотно признаётся на Западе.*

Победа коммунистов в Китае подкрепила убежденность творцов американской политики в том, что дальнейшее распространение коммунизма терпеть больше нельзя, при этом сменявшие друг друга администрации США рассматривали события во Вьетнаме как часть коммунистической экспансии в регионе. Поэтому США стали оказывать военную помощь Франции в продолжавшейся войне, а после её поражения и заключения Женевских соглашений 1954 г. взяли курс на замену Франции в качестве противовеса коммунистическим силам во Вьетнаме. После завершения войны в Корее Индокитай выдвинулся на одно из первых мест в стратегических планах США. «Интересы Соединенных Штатов в этом районе», – заявлял в январе 1954 г. Аллен У. Даллес, – «с точки зрения стратегии весьма тесно связаны с так называемой прибрежной цепью островов. Эта прибрежная цепь островов имеет две материковые базы. На севере – континентальная Корея, на юге, как мы надеемся, – Индокитай» [29, с.34]. Ещё в феврале 1950 г., за четыре месяца до начала корейского конфликта, в меморандуме Совета национальной безопасности США был сделан вывод, что Индокитай является «ключевым районом Юго-Восточной Азии и находится под непосредственной угрозой». Этот меморандум заложил основу так называемой «Теории домино», гласившей применительно к данному случаю, что если падёт Индокитай, за ним вскоре последуют Бирма и Таиланд, и тогда «равновесие сил в Юго-Восточной Азии подвергнется серьезнейшей опасности». Документы по

вопросам внешней политики и официальные заявления того периода, как писал позднее Г.Киссинджер, показывают, что такого рода постулат воспринимался американским истеблишментом в основном без возражений на протяжении более двух десятилетий. «Теория домино», по его словам, стала расхожей истиной и редко ставилась под сомнение [401, с.563]. Согласно американскому анализу тех лет, глобальному равновесию сил двух лагерей угрожал Северный Вьетнам, предположительно контролируемый Пекином, а тот в свою очередь, как им представлялось, контролировался Москвой. Но за пространными геополитическими рассуждениями американских политиков легко просматривались и серьезные экономические интересы. Ведь мимо берегов Южного Вьетнама по акватории Южно-Китайского моря пролегают важнейшие морские коммуникации, по которым в США из стран Ближнего Востока и сегодня доставляется больше половины всей импортируемой ими нефти.

В результате это привело к тому, что национально-освободительная борьба вьетнамского народа стала восприниматься одними как противостояние коммунизма со свободным миром, а другими – как составная часть мировой классовой борьбы. Иными словами, она превратилась в символ противостояния «свободного» Запада и «коммунистического» Востока, тогда как мотивация самих вьетнамцев определялась в основном связанными с крушением колониальной системы общими проблемами «Третьего мира». Таким образом, для вьетнамских руководителей решение национально-освободительных задач было важнее решения социальных.

Наконец, следует указать на то, что Северный Вьетнам, преследуя свои фундаментальные геополитические интересы, имевшие для него жизненное значение, вступил в тотальную войну, материально поддерживаемый Советским Союзом и Китаем, которые оба видели в этом возможность если не подорвать, то хотя бы значительно ослабить давление США на других направлениях. С одной стороны, война велась за воссоединение двух частей Вьетнама и создание единого государства под руководством коммунистической партии, именовавшейся тогда «Партия трудящихся Вьетнама», а с

другой – за сохранение раскола страны и превращение Южного Вьетнама в форпост на пути коммунистической экспансии в Юго-Восточной Азии. При этом с момента поражения Франции и подписания Женевских соглашений национально-освободительное движение в Южном Вьетнаме делится на пять чётко прослеживаемых этапов:

- ❖ Политическая борьба за выполнение Женевских соглашений (1955 – 1957 гг.).
- ❖ Начало партизанской войны в Южном Вьетнаме (1957 - 1960 гг.).
- ❖ Образование Национального Фронта освобождения Южного Вьетнама и переход к полномасштабной партизанской войне (1960 – 1964 гг.).
- ❖ Военная интервенция США и бомбардировки Северного Вьетнама (1965 – 1973 гг.).
- ❖ Парижские соглашения 1973 г. и завершающий этап войны (1973 – 1975 гг.).

1.2. Срыв Женевских соглашений и создание Республики Вьетнам

1.2.1. Женевские соглашения в свете международной обстановки второй половины пятидесятых годов XX в.

После Женевской конференции возникла пауза, которую ни одна из сторон была не в состоянии прервать. Достигнутое во многом усилиями СССР, КНР и ДРВ соглашение, положившее конец колониальной войне Франции, не изменило основополагающие взгляды её участников. Так, США не отказались как от убеждения, будто Индокитай является ключом к азиатскому, а возможно, и глобальному, равновесию сил, так и от самой идеи интервенции, от которой в 1954 г. их удерживала лишь кошмарная перспектива новой сухопутной войны на азиатском континенте всего через год после перемирия в Корее. Кроме того, в то время у политиков США не было ни чёткого плана действий в Индокитае, ни разработанной стратегии его реализации. Самым же главным было то, что республиканцы победили на выборах 1952 г. во многом благодаря обещаниям положить конец войне в Корее,

поэтому только что избранный президент США Дуайт Эйзенхауэр не мог рассчитывать на поддержку общественным мнением такой интервенции. Не удалось американцам убедить и своих главных союзников в Европе в необходимости объединения усилий для противостояния коммунистической угрозе в Индокитае.

Генерал Дуайт Эйзенхауэр.

34-ый президент США (20.01.1953 – 20.01.1961)

Бывший тогда премьер-министром Уинстон Черчилль видел главную угрозу английским интересам не в Южном Вьетнаме, а на границах Малайзии, где китайские повстанцы неуклонно наращивали активность. Тем не менее Аллену Даллесу всё же удалось добиться подписания 8-го сентября в

Маниле пакта о создании СЕАТО, куда вошли Пакистан, Филиппины, Таиланд, Австралия, Новая Зеландия, Англия и Франция, который виделся из Вашингтона как средство противостояния китайскому вмешательству во внутренние процессы в малых и средних странах региона. В отличие от НАТО формальные обязательства членов СЕАТО носили довольно туманный характер, но отдельным протоколом угрозы Лаосу, Камбодже и Южному Вьетнаму определялись как угрожающие миру и безопасности всех договаривающихся сторон. Это было далеко от пресловутой «Статьи 6» Североатлантического договора, однако для политики США важно было, что партнёры по блоку авансировали своё согласие признавать в будущем право США по своему усмотрению вмешиваться в региональную политику¹. Однако большинство стран региона остались вне этого блока. Так, Индия, Индонезия, Малайзия и Бирма предпочли обрести безопасность посредством провозглашения нейтрализма, а страны Индокитая не могли стать членами блока по условиям Женевских соглашений. Что же касается европейских союзников США, Великобритании и Франции, то они явно не стремились рисковать и, вероятно, как считает Г.Киссинджер, Франция и в меньшей степени – Англия вступили в СЕАТО, чтобы приобрести право вето на случай, как они полагали, потенциально опрометчивых действий США. Несмотря на все свои слабости, этот блок отвечал главной цели его создателя, поскольку юридически обеспечивал защиту Индокитая от предполагаемой коммунистической агрессии [38, с.573]. При этом американские стратеги игнорировали тот факт, что помимо идей афро-азиатской солидарности и неприсоединения коммунистические идеи также стали довольно популярны в Азии после Второй мировой войны. В громко декларируемой революционной внешней политике КПК многие политические деятели стран Азии видели торжество идеи освобождения от иностранного господства и возвеличивание азиатского государства, недавно униженного всевластием западных держав. В Азии никто не воспринимал Китай и как марионетку

¹ Смотри подробнее: Богатуров А.Д. [282].

Москвы, что вскоре подтвердил триумф китайской дипломатии на Бандунгской конференции 1956 г., куда СССР, несмотря на все усилия советской дипломатии, так и не был приглашён.

С подписанием Женевских соглашений национально-освободительное движение во Вьетнаме вступило в новый этап. Руководители ДРВ тоже не отказались от ранее поставленной перед собой цели освободиться от колониального господства и объединить весь Индокитай под властью коммунистов, ради которой они сражались полтора десятилетия. Но важно было то, что войну удалось прекратить и перевести конфликт в политическое русло. После Женевской конференции президент Хо Ши Мин в своём обращении к народу подчёркивал: «Борьба за укрепление мира, осуществление единства, достижение независимости и демократии также будет длительной и трудной [74, с.491]. С первых же дней после Женевской конференции руководство ДРВ взяло курс на выполнение взятых на себя обязательств. Процесс разъединения вооружённых сил был крайне сложным, так как войска сторон располагались вперемежку и часто в тылу друг у друга. В марте 1955 г. на советском корабле «Ставрополь» последняя группа бойцов и кадровых работников ПТВ покинула Южный Вьетнам. На его борту был и будущий руководитель ПТВ Ле Зуан, который затем скрытно отплыл на спущенной лодке, чтобы остаться на юге. В намеченные 300 дней 120 тысяч бойцов ВНА и кадровых работников ПТВ были выведены на север [1300, с.171]. Вместе с тем руководители ДРВ оставили на юге сеть более или менее законспирированных организаций ПТВ, которым поручалось развернуть политическую кампанию за выполнение Женевских соглашений и проведение всеобщих свободных выборов в назначенный срок. Им же было приказано надёжно припрятать имевшееся оружие, ибо возвращения к вооружённой борьбе никто не исключал. Части бойцов и партработников было поручено влиться в создававшуюся армию сайгонских властей [1150, с.414]. Тысячам людей пришлось надолго оставить родные места и свои семьи. В середине октября 1954 г. состоялась

конференция, избравшая партийный комитет Намбо. Его возглавил в этот исключительно сложный период тогда член Политбюро и секретарь ЦК ПТВ с 1951 г. Ле Зуан.

Однако сложившаяся на севере после Женевской конференции обстановка, была достаточно сложной и мало подходящей для каких либо активных действий на юге. Советский Союз в эти годы тоже не был готов к конфронтации с Западом. После смерти И.В.Сталина новому руководству страны пришлось решать острейшие внутренние проблемы, для чего требовалась передышка и поиск взаимопонимания с США и НАТО. При этом новое советское руководство продолжало приносить клятвы верности делу классовой борьбы в международном масштабе, а Женевские соглашения были оценены им как победа сил мира и «международное признание национально-освободительной борьбы и великого героизма народов Индокитая, проявленного в этой борьбе». Советское правительство особо подчеркивало, что эти соглашения «внесли важный вклад в ослабление международной напряженности, создали реальные условия для решения других важных международных вопросов не только в Азии, но и в Европе» [1612.1].

Возникшие через несколько лет острые разногласия между КПСС и КПК по поводу решений XX съезда КПСС до конца пятидесятых годов не оказывали прямого воздействия на советско-вьетнамские отношения и не влияли на масштабы экономической, научно-технической и военной помощи СССР Северному Вьетнаму. Но позднее, в условиях глубокого раскола международного коммунистического движения, всё во многом стало восприниматься сквозь призму permanently ухудшавшихся отношений между КПСС и КПК. В результате между СССР и ДРВ возникло недопонимание, определённая настороженность, а временами и прямое недоверие. По многим причинам руководству ПТВ была ближе теоретическая и политическая платформа, которую выдвигали Мао Цзэдун и его окружение. Это была воинственно сталинистская платформа, восхвалявшая и изображавшая исторической закономерностью фетишизацию насилия в революции, оголтелое сектантство и догматизм в теории, а главное –

категорическое отрицание мирного сосуществования двух систем и упорная защита тезиса о неизбежности войны. В этой обстановке принятое в 1959 г. решение вьетнамского руководства активизировать усилия по воссоединению страны с акцентом на вооружённую борьбу было принято в Москве весьма сдержанно [524, с.139].

Однако ни Советский Союз, ни Китай не были готовы до бесконечности субсидировать ДРВ, которая изначально добивалась не только ухода Франции из Вьетнама, но и создания Индокитайской федерации в составе самого Вьетнама, а также Лаоса и Камбоджи. По разным причинам и Москва, и Пекин вместе оказывали сдерживающее влияние на Ханой, побуждая его к реализму и умеренности требований [282, с.207]. Позднее, будучи инициатором и сопредседателем Женевской конференции 1954 г. по Индокитаю, Советский Союз безукоризненно исполнял свои функции, поддерживая позицию ДРВ и выступая с собственными инициативами в поисках политического решения проблемы, считая этот путь явно более предпочтительным. В ноябре 1957 г. СССР с согласия Англии, Франции и Китая внёс даже предложение об одновременном приёме двух вьетнамских государств в ООН, но США отказались признавать коммунистический режим на севере, тем самым отвергнув всякое сотрудничество в деле стабилизации обстановки и значительно осложнив положение в Индокитае в целом. Со своей стороны Китай опасался новой войны с Америкой менее чем через год после окончания корейского конфликта.

Одновременно с этим, будучи самой радикальной в идеологическом плане из коммунистических партий мира, КПК на самом деле рассматривала все проблемы через призму собственных национальных интересов. Так, поскольку в случае с Вьетнамом речь шла о возникновении на южной границе Китая довольно крупной единой державы, пусть и под коммунистическим руководством, но с тяжёлым историческим грузом отношений с Китаем, это не сильно привлекало правивших тогда страной маоистов. Поэтому китайское руководство выдвинуло идею о том, что вооружённая борьба на юге должна «вестись из засады» с помощью мелких

партизанских групп и продолжаться бесконечно долго. Мао Цзедун как-то прямо заявил вьетнамскому руководству, что для объединения страны потребуются десятилетия, а может быть, и сто лет, так что надо подождать! Но вьетнамцы ждать не могли, да и не хотели [282, с.207]. Тем не менее Китай, как и Советский Союз, оказывал ДРВ в эти годы значительную экономическую и военную помощь.

Освободительное движение во Вьетнаме сильно влияло на приграничные с ним страны – Лаос и Камбоджу. Национализм и национальное движение в этих странах были представлены в основном деятелями традиционной камбоджийской и лаосской элит, тяготевших к умеренности, которые настороженно относились и к Вьетнаму, но не столько из-за предубеждений против коммунизма, сколько в силу традиционной боязни попыток Вьетнама подчинить слабые Лаос и Камбоджу. Обе страны склонялись к нейтрализму и равноудалённости как от западных стран, так и от коммунистических.

Таким образом, установившийся после прекращения огня мир во Вьетнаме был чрезвычайно хрупким. Однако в целом международная обстановка складывалась относительно благоприятной для ДРВ, чьи силы к концу войны тоже были на исходе. В преддверии новой войны Вьетнаму требовалась передышка, тем более что ему предстояло иметь дело с гораздо более серьёзным противником. Ведь, как известно, в то время на смену Франции в Южный Вьетнам приходили США со всей их экономической и военной мощью.

1.2.2. *Срыв выполнения Женевских соглашений*

3-го августа 1954 г., всего через две недели после завершения Женевской конференции, Национальный совет безопасности при администрации президента США Дуайта Эйзенхауэра квалифицировал достигнутые там соглашения как «катастрофу» и одобрил целую программу действий «по предотвращению коммунистической экспансии во Вьетнаме». Главным было не допустить всеобщих свободных выборов с целью объединения страны, которые по Женевским соглашениям предстояло провести не позднее июля 1956 г.,

так как не было никакого сомнения в том, что победу на этих выборах одержит лига Вьетминь во главе с уже ставшим легендарным «дядюшкой Хо», как в народе прозвали Хо Ши Мина. Одновременно ставилась задача ликвидировать остатки французского влияния, по крайней мере в политической и военной областях, и создать относительно жизнеспособный режим, который был бы способен сохранить «дружественный некоммунистический Южный Вьетнам» [148, с.1].

Этот документ является прямым доказательством сознательного искажения реалий всеми сменявшими друг друга администрациями США от Дуайта Эйзенхауэра до Ричарда Никсона, которые утверждали, что в срыве Женевских соглашений надо винить лишь Северный Вьетнам.

В «Синей книге» Государственного департамента США, опубликованной в декабре 1961 г. под названием «Угроза миру – попытки Северного Вьетнама завоевать Южный Вьетнам» утверждалось: «Коммунисты рассчитывали, что намеченные Женевскими соглашениями на 1956 г. всеобщие выборы приведут к тому, что весь Вьетнам перейдёт в их руки... Власти Южного Вьетнама не пожелали попасться в эту хитроумную ловушку» [17, с.7]. Государственный департамент лишь «забыл» сказать, что эта «хитроумная ловушка» была заготовлена не Ханоем, а 14 государствами, участвовавшими в Женевской конференции 1954 г., в виде авторитетного международного соглашения, которое США хотя и не подписали, но обязались уважать и соблюдать.

Ещё в период Женевской конференции США позаботились о том, чтобы поставить у власти в Сайгоне нужных людей. Теоретически главой государства в это время оставался посаженный на этот пост французами последний император Нгуен Винь Тхюи, проводивший почти всё время на собственной вилле в Каннах. Под сильным давлением Вашингтона правительство Франции в июне 1954 г. было вынуждено согласиться на то, чтобы премьер-министром правительства императорского двора был назначен доставленный из США Нго Динь Зьем, которого посчитали наиболее надежным проводником американской политики.

Дуайт Эйзенхауэр, Аллен Уэлш Даллес и Нго Динь Зьем. 08.05.1957 г.

Вполне возможно, что император сам решил призвать Зьема, полагая, что в безвыходной для Государства Вьетнам ситуации из него может получиться «козёл отпущения». Если это так, Нгуен Винь Тхюи сильно ошибся. Во всяком случае, известно, что 16-го июня 1954 г. император предложил своему бывшему министру сформировать новое правительство¹.

Однако сделавший выводы из всех своих предыдущих назначений и обладавший поддержкой США и Ватикана Зьем потребовал от императора предоставления ему всей полноты гражданских и военных полномочий. Вероятно, тот не ожидал таких требований, так как взял три дня на размышление, но в итоге был вынужден согласиться. В результате получивший «абсолютную диктаторскую власть» Нго Динь Зьем вернулся 26-го июня во Вьетнам, а его официальное вступление в должность премьер-министра Государства Вьетнам состоялось 7-го июля 1954 г. [1059, с.244].

¹ Смотри следующий параграф.

Приход к власти Нго Динь Зьема не был связан ни с одним массовым движением, и он не был лидером ни одной из существовавших на юге партий, поэтому его назначение было встречено весьма холодно в кругах традиционной элиты. Единственно, на кого он полагался, были беженцы-католики с севера. Мало кому известный на юге Нго Динь Зьем явно не был лучшим выбором для буддистской страны. Однако Аллен У. Даллес настоял на его безоговорочной поддержке, аргументируя это тем, что Зьем – это «единственная годная лошадка» [401, с.39]. При этом у него оказалась ничем не подпорченная репутация националиста. К сожалению, как писал много позднее Г.Киссинджер, «склонность к демократии никак не относилась к его достоинствам» [401, с.573].

Новый глава правительства сформировал свою команду из таких же северян-католиков, как и он сам. Важную роль среди них играли многочисленные члены его собственной и весьма многочисленной родни, особенно младший брат Нго Динь Ню, возглавивший ключевое тогда министерство внутренних дел, и его необыкновенно активная супруга Чан Ле Суан, вскоре ставшая одной из самых одиозных фигур режима¹. Нго Динь Ню возглавил наскоро созданную им же так называемую «персоналистскую партию», членами которой должны были быть все чиновники государственного аппарата. Социальную опору новому режиму составила значительная часть крупных землевладельцев и компрадорской буржуазии, разочарованных в «силе» прежних французских властей и связывавших отныне все надежды с американцами, а этого более сильного и надежного хозяина представлял Нго Динь Зьем и его клан. Ему удалось также завоевать на время поддержку и более широких «средних слоев», соблазненных благоприятной экономической конъюнктурой, созданной притоком американской помощи и расширением внутреннего рынка, к тому же изрядно напуганных начавшимися преобразованиями на севере. И всё-таки в лагере Нго Динь Зьема сразу же возник множественный социальный конфликт

¹ Чан Ле Суан больше известна под именем «Мадам Ню» – производным от имени её мужа.

между чиновниками новой администрации и традиционной политической элитой, обслуживавшей колониальный режим, между католиками-северянами, захватившими ключевые посты в правительстве и администрации городов, и буддистским населением сельских районов в основном аграрной страны, а также с оставленными для политической работы на юге коммунистами и патриотическими силами, близкими к ним.

1.2.3. *Нго Динь Зьем: краткая биография, личность и мировоззрение*²

В американско-европейской литературе Нго Динь Зьема нередко называют Нго Динь Дьемом, что связано с неверной транскрипцией буквы «D» в имени Ngô Đình Diệm, которая по-вьетнамски читается как «З», тогда как «Д» читается буква «Ф». При этом хоть с именем Зьема и связаны как репрессии, так и немало чёрных страниц первой трети американской агрессии во Вьетнаме, фигура он далеко не однозначная и во многом трагичная.

В то же время понять причину эволюции Нго Динь Зьема от националиста, борющегося за независимость своей страны, до, хоть и прикрывающегося высокими словами, но всё же карателя, можно, лишь проследив не только его жизненный путь, но и уделив внимание семейным традициям, в которых во многом формировалось мировоззрение первого президента Республики Вьетнам. Представляется, что именно в сочетании национальных конфуцианских ценностей, европейского католицизма и американского протестантского практицизма следует искать ответ на поставленный вопрос.

Прежде всего следует отметить, что члены этого рода приняли католицизм ещё в XVII в. В то же время, отец будущего президента Нго Динь Кха¹ был высокопоставленным чиновником императорского двора в годы правления под девизом «Завршение гармонии»¹¹, а его семья обладала одной из богатейших во Вьетнаме коллекцией конфуцианских книг.

¹ 1850 – 1925 гг.

¹¹ 1889 – 1907 гг. Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI».

Иными словами, род Нго Динь разделял одновременно как христианские, так и конфуцианские культурные ценности. Поэтому логично, что по повелению императора Нго Динь Кха создал в 1896 г. государственную школу в Хюе³, ставшую первым вьетнамским учебным заведением, в котором образование строилось на «сочетании западной и восточной культур» [1100.1, с.43]. Будучи первым директором этой школы, он подчёркивал, что преподавание европейской культуры в его учебном заведении свободно от «чрезмерного французского влияния», которое превалировало в других школах, основанных французскими колонизаторами.

Судя по всему, Нго Динь Кха был человеком большого мужества. Так, он отказался подписать вместе с другими сановниками прошение об отставке императора. Когда же императора всё же принудительно переселили в удалённый городок Сен Жак¹ на юге Вьетнама и власть «перешла» к его малолетнему сыну^{II}, Нго Динь Кха подал в отставку, покинул центральную часть города и поселился в прилегающем к Хюе католическом приходе Фукам. С этого времени Нго Динь Кха стал поддерживать реформаторские идеи Фан Бой Тяу, а обретение Вьетнамом политической автономии стало единственной целью его жизни, которая, как он считал, должна была быть унаследована его детьми [1112, с.21, 22; 1410, с.14]. Всего у Нго Динь Кха было шесть сыновей – Нго Динь Кхой, Нго Динь Тхук, Нго Динь Зьем, Нго Динь Ню, Нго Динь Кан и Нго Динь Люен и три дочери – Нго Динь-тхи Зяо, Нго Динь-тхи Хьеп (мать вьетнамского кардинала Нгуен Ван Тхуана), Нго Динь-тхи Хоанг.

В 1925 г. Нго Динь Кха тяжело заболел и, чувствуя приближающуюся кончину, созвал всех своих детей. Обернувшись к 24-летнему Зьему, он произнёс: «Сын, у тебя есть все необходимые моральные качества, чтобы стать руководителем, ты должен им быть». После чего он обратился

¹ Теперь это Вунгтау.

^{II} В 1916 г. этот император был сослан вместе со своим отцом на остров Реюньон в Индийском океане. Смотри «Параграф 2» «Главы I» «Части I» настоящего тома.

к остальным: «Вы все должны вместе с ним бороться за подлинную независимость нашей страны и завершение социальных преобразований в нашем обществе» [1410, с.25].

Судя по всему, убеждения отца во многом повлияли на Нго Динь Зьема. Видимо, от него он унаследовал идею сильной, неограниченной власти и приоритета национальной независимости. При этом Нго Динь Кха особо подчёркивал, что она должна реализовываться политическими, а не вооружёнными методами. Следует отметить, что и Зьем предпочитал решать, по крайней мере в 1-ой половине XX в., проблему большей самостоятельности и модернизации вьетнамского государства не при помощи массовых кровопролитных восстаний, а посредством реформ. Кроме того, к переданному Нго Динь Кха детям традиционному патриотизму добавлялась и другая составляющая, которой априори не могло быть у большинства вьетнамских патриотов. Будучи католиком, Зьем верил в то, что борьба за освобождение Родины не только отвечает желаниям его отца, но и является проявлением воли Господа [1112, с.34]. Надо полагать, что именно сочетание всех этих факторов и привело Зьема к невиданной до того среди вьетнамских политических лидеров уверенности в своей миссии.

Согласно официальным источникам, Зьем родился в Хюэ 3-го января 1901 г. В соответствии с другой и более правдоподобной версией местом рождения Нго Динь Зьема является деревня Фьюккуа на территории католического прихода Фукам в пригороде столицы. Он был крещён в Хюэ, получив имя Жан-Батист. Там же Зьем провёл детство, нередко общаясь с наследником престола.

В Хюэ Нго Динь Зьем начал учиться в частной католической школе имени Пелерена, а в 1913 г. продолжил учёбу в основанной его отцом государственной школе. Юный Зьем вставал в 5 утра, молился, после чего приступал к занятиям. Поэтому он зарекомендовал себя блестящим, дисциплинированным и необычайно работоспособным учеником. Получив диплом об окончании высшего начального образования в 15-летнем возрасте, Нго Динь Зьем провёл под влиянием своего старшего брата Нго Динь Тхука несколько

месяцев в монастыре, где готовился к посвящению в сан. Однако затем он передумал, объяснив это тем, что в монастыре «была слишком строгая дисциплина» [1089, с.215; 1100.1, с.43].

Отказавшись от монашеской жизни, Нго Динь Зьем выбрал для себя политическое поприще, с которого не свернул до конца жизни. На этот раз он отчасти следовал примеру ещё одного своего старшего брата Нго Динь Кхоя, уже несколько лет занимавшего чиновничий пост в военном министерстве. Однако это решение, надо полагать, он принял по настоянию отца, который был потрясён произошедшей именно тогда, в 1916 г., ссылкой двух изложенных императоров на остров Реюньон [1112, с.29].

В 1917 г. молодой Зьем поступил в Школу управления в Хюе, которая в том же году была слита с другой французской школой и преобразована в Школу права и администрации. Поэтому Зьему пришлось изменить свой возраст, чтобы его допустили к выпускным экзаменам в средней школе, диплом об окончании которой требовался для поступления в высшее учебное заведение [1024, т.2, с.1254].

Зьем так блестяще сдал экзамены, что французы предложили ему стипендию и бесплатное обучение в Париже, однако он ничего не хотел принимать от колонизаторов, а потому отказался от их лестного предложения, сославшись на болезнь отца.

После этого Нго Динь Зьем недолгое время проработал в Императорской библиотеке Хюе, а затем поступил в Школу права и управления в Ханое, которую окончил в 1921 г., получив девятый чиновничий ранг.

По возвращении в столицу Зьему снова предложили службу в Императорской библиотеке Хюе, но он отказался, предпочтя работу начальником уезда или административным инспектором по управлению 70 деревнями уезда Хьонгча, находившегося в пригороде столицы.

Эта должность стала первой важной вехой в избранной Зьемом политической карьере.

В 1923 г. Нго Динь Зьем становится начальником уезда Куангдиен провинции Тхыатхиен, затем начальником более

крупного уезда Хайланг провинции Куангчи, в 1926 г. – начальником военного округа Ниньтхуан. В 29 лет он уже занимал важный пост военного наместника южной провинции Биньтхуан¹.

В двадцатые годы XX в., когда шло дальнейшее формирование политических взглядов Нго Динь Зьема, весьма отчётливо проступает его крайне настороженное отношение к позиции созданного в 1925 г. Хо Ши Мином в Гуанчжоу «Товарищества революционной молодёжи Вьетнама». Дело в том, что в те годы, несмотря на унаследованную от отца нелюбовь к французскому господству в Индокитае, Нго Динь Зьем был против такой революции, которая не только сметёт французский колониализм, но и уничтожит традиционные ценности вьетнамской монархии. Будучи наместником, он впервые столкнулся с пропагандой коммунистических идей в провинции, которой, как и отец десятилетиями ранее, он противопоставил собственные воззвания, обращённые к местному населению. При этом он реально пытался улучшить материальное положение крестьян. Антикоммунистическая агитация Зьема была настолько успешной, что коммунисты якобы наняли убийцу, чтобы устранить неудобного наместника [1198, с.15]¹¹.

В 1933 г., по рекомендации ушедшего на покой крупного придворного сановника и ближайшего друга его отца 70-летнего Нгуен Хьу Бая, император Нгуен Винь Тхюи назначил Зьема вместо него министром внутренних дел. Помимо поста министра Нго Динь Зьем был также назначен на должность секретаря комиссии реформ. Стремясь помочь молодому императору осуществить задуманные реформы, Нго Динь Зьем попытался на новом посту претворить в жизнь многие из своих взглядов на государственное устройство Вьетнама. С его точки зрения, в первую очередь следовало восстановить престиж монархии, для чего было необходимо

¹ Должность младшего ранга второго класса. Провинция Биньтхуан .. в настоящее время популярный курортный город Фантхьет.

¹¹ Нельзя исключать того, что это единичное сообщение просто является одним из элементов антикоммунистической пропаганды.

обеспечить её самостоятельность в решении государственных дел. Поэтому Нго Динь Зьем обратился к французской администрации с требованием о предоставлении реальных законодательных прав Палате представителей Аннама. Однако колониальные власти не желали ослаблять свой контроль над внутренними делами Аннама и Тонкина, а император даже не пытался требовать от французов каких-либо серьёзных уступок. В результате Нго Динь Зьем понял, что его мечта о сильной императорской власти в колониальных условиях неосуществима. Поэтому, пробыв на своём высоком посту всего семьдесят дней¹, он публично заявил, что не может действовать вопреки интересам своей страны, подал в отставку и, подобно своему отцу, ушёл со службы. При этом Зьем позволил себе дерзость сказать, что император «не более чем простая марионетка в руках французской колониальной администрации». Эта добровольная отставка привела к такому скандалу, что Нго Динь Зьему ещё долго не могли простить столь дерзкого поступка, не говоря уже о том, что его лишили всех постов и званий. Справедливости ради следует отметить, что император сказал ему на прощание: «Однажды Вы мне понадобится вновь и я Вас призову» [653, с.61].

О деятельности Нго Динь Зьема в 1933 – 1945 гг. известно лишь, что он создал в Центральном Вьетнаме сеть агентов для сбора информации и установления контактов с другими националистами, в чём ему помогал вернувшийся в 1938 г. из Франции младший брат Нго Динь Нью. В то время Зьем также изучал опыт националистических движений в Азии. При этом разочарование молодого националиста в правящем императоре не привело его к отказу от самого института монархии, хотя при этом, видимо, он уже не исключал и других путей развития страны. Об этом свидетельствует хотя бы то, что Зьем активно переписывался как с жившим в изгнании принцем Кыонг Де, так и с находившимся с 1925 г. до конца своей жизни под домашним арестом в Хюе Фан Бой Тяу¹¹. В 1943 г. Нго Динь Зьем даже

¹ С мая по июль 1933 г.

¹¹ См. «Параграф 2» «Главы 1» «Части I» настоящего тома.

посылал в Японию к Кьонг Де своего представителя Фам Тхук Нго [1132.1, с.117]. Он также переписывался и с рассчитывавшими на помощь Японии националистами из других стран, в частности – с Сукарно. Благодаря переписке со столь известными деятелями национально-освободительных движений Нго Динь Зьем значительно расширил свой общетеоретический кругозор, но при этом он не имел дел с японцами и не дал повода воспринимать себя как политика, заклеянного сотрудничеством с Японией во время Второй мировой войны. Зьему даже удалось, не соглашаясь на сотрудничество с японскими властями во Вьетнаме, избежать конфликта с ними и, более того, иногда пользоваться их поддержкой. Так, в 1944 г. японцы помогли Нго Динь Зьему избежать ареста, укрыв его в Сайгоне¹ от французов. Затем японцы обеспечили ему защиту накануне своего военно-политического переворота 9-го марта 1945 г.

Несмотря на столь доброжелательное отношение, Зьем отказался занять один из министерских постов в прояпонском правительстве Чан Чаунг Кима. Возможно, он предвидел незавидную судьбу этого кабинета и поэтому не хотел связать с ним свою судьбу, хотя Нгуен Винь Тхюи и предложил японцам кандидатуру Нго Динь Зьема на пост премьера. Таким образом, император, как и обещал в 1933 г., вновь призвал его к себе на службу. Возможно, на это решение повлияли и массовые демонстрации в поддержку Зьема в Хюе, но японские власти предпочли назначить премьером своего прямого сторонника [653, с.107; 1071.1, с.47, 48]¹¹.

Репрессии, обрушившиеся после победы Августовской революции 1945 г. на «пособников японских оккупантов», коснулись и всего рода Нго Динь. Сначала революционно настроенные патриоты сожгли его библиотеку в Хюе. Как отмечалось ранее, она была одним из самых больших частных собраний конфуцианских трудов во Вьетнаме, насчитывавшим свыше 10 тысяч книг, многие из которых являлись

¹ Интересно, что это было первое посещение 43-летним Нго Динь Зьемом Сайгона.

¹¹ Смотри «Параграф 4.3» «Главы 2» «Части 1» настоящего тома.

раритетными [1118.1, с.5]. 31-го августа, на следующий день после отречения Нгуен Винь Тхюи от престола, старший брат Зьема, Нго Динь Кхой, был арестован вместе со своим старшим сыном Нгуен Динь Хуаном представителями лиги Вьетминь. Имеются данные о том, что его арестовали за посредничество между императором и японцами, требовавшими от императора разрешения на уничтожение всех схваченных ими к тому моменту коммунистов. Вместе с братом и племянником Зьема находился в заточении и Фам Кюинь. До сих пор доподлинно неизвестно, был ли дан приказ из Ханоя на физическое устранение этих людей, либо то была частная инициатива исполнителей, но всех троих убили спустя несколько дней [1071.2, с.8, 9; 1112, с.84 – 86; 1164, с.85]⁴.

Не зная ещё о судьбе своих родственников, Нго Динь Зьем отправился в конце августа в Хюе, чтобы предостеречь императора от сотрудничества с коммунистами. В связи с этим можно отметить мужество Зьема, отправившегося в город, который с минуты на минуту мог оказаться в руках его политических противников, а также его готовность поступиться личной неприязнью к императору во имя, как он полагал, благой цели недопущения коммунистов к власти.

По дороге в столицу Нго Динь Зьема опознали и задержали в небольшом рыбацком порту Туихоа бойцы Вьетминя, которые получили приказ о его поимке. Через весь Вьетнам Зьема доставили на главную базу Вьетминя в провинции Туенкуанг. Там его поместили в горной деревне племени *тхо* недалеко от границы с Китаем, где он заболел малярией. Своим спасением он обязан горцам, которые ухаживали за ним и в итоге вылечили. Именно там Нго Динь Зьем узнал об убийстве брата и племянника. Через 6 месяцев, в феврале 1946 г., Нго Динь Зьема доставили в Ханой для встречи с Хо Ши Мином, который, надо полагать, оценил как неординарные способности бывшего министра, так и его национализм, проявившийся в отказе сотрудничать с французскими и с японскими властями. Видимо, поскольку руководители только что созданной ДРВ были весьма неопытны, Хо Ши Мин надеялся приобрести в лице Нго Динь Зьема человека, разбирающегося во всех хитросплетениях

административной политики. В то же время, привлечение на свою сторону столь авторитетного деятеля национально-освободительного движения придало бы лиге Вьетминь ещё большую популярность и легитимность. Учитывая, что в конце 1945 – начале 1946 г. лидерство Вьетминя в Северном Вьетнаме оспаривали другие политические силы, в частности Национальная партия Вьетнама, последнее являлось немаловажным фактором для президента ДРВ, который искал по всей стране достойных союзников, в том числе и среди тех, кто относился без особой симпатии к его взглядам.

Хо Ши Мин предложил Нго Динь Зьему пост министра внутренних дел. Трудно сказать, что больше повлияло на Зьема – неприятие политики Вьетминя или же эмоциональное возмущение убийством его родственников, но, назвав в ходе разговора президента ДРВ «преступником, разрушившим страну», он отказался от этого предложения. Следует отдать должное Хо Ши Мину, который позволил своему врагу беспрепятственно уйти. Позднее многие руководители ДРВ, в частности – начальник Отдела пропаганды партии Хоанг Тунг, говорили, что, «учитывая последующие события, Зьема нельзя было отпускать, это было огромной ошибкой Хо Ши Мина». Следует отметить, что в разговоре с Хо Ши Мином проявились два главных качества Зьема, часто отмечаемые впоследствии: неустрашимость и преданность своей семье [1089, с.216, 217; 1118.1, с.6].

Нго Динь Зьем всё же был помещён под стражу, однако вскоре ему удалось бежать к канадским монахам, у которых он скрывался до подписания мартовских соглашений 1946 г., предусматривавших среди прочего и освобождение пленных уровня Зьема. Приехав после освобождения в Хюэ, Зьем принял активное участие в затянувшихся франко-вьетнамских переговорах по созданию нового правительства, а вслед за этим и вьетнамского государства во главе с бывшим императором. 22-го декабря 1947 г. Нгуен Винь Тхюи вызвал Зьема вместе с несколькими другими видными политическими деятелями Вьетнама в свою резиденцию в Гонконге и предложил им министерские портфели. Однако Нго Динь Зьем согласился войти в состав правительства лишь в том случае,

если Франция начнёт всерьёз вести переговоры о предоставлении Вьетнаму большей самостоятельности. Видимо, Нго Динь Зьем в последний раз решил пойти на сотрудничество с Нгуен Винь Тхюи, так как всё ещё надеялся, что тот всё же сможет добиться реальной независимости для своей страны. Поскольку этого не произошло, Зьем окончательно отказался от поддержки бывшего императора и решил прямо выступить против французского колониального господства во Вьетнаме¹.

Исчерпав внутренние ресурсы для политической борьбы за освобождение Вьетнама, Нго Динь Зьем был вынужден искать сторонников за рубежом. В итоге он пришёл к выводу о том, что ему необходимо заручиться поддержкой в лице такой мощной мировой державы, как США.

В августе 1950 г. Нго Динь Зьем отправился в своё первое путешествие за пределы Вьетнама⁵. Вместе со старшим братом Нго Динь Тхуком⁶ он отплыл на корабле «Марсельеза» в Японию под предлогом встречи с принцем Кьонг Де, который на самом деле не представлял для Зьема никакого интереса. С одной стороны, принц был скомпрометирован японским покровительством в годы войны, а с другой – в силу возраста, Кьонг Де уже было 68 лет, принц был не способен на активную деятельность. Скорее всего, Зьем пошёл на контакт с наследным принцем дома Нгуенов лишь для того, чтобы облегчить себе въезд в Японию, а также потому что тот обладал достаточными связями для организации встреч с находившимися в этой стране американскими политическими и военными деятелями. Нго Динь Зьем стал первым крупным вьетнамским политиком, который, стремясь освободить Вьетнам от французского господства, сделал ставку на США. В связи с этим следует указать на то, что если до окончания Второй мировой войны Зьем видел будущее своей страны в возрождении монархии, то после 1945 г. им овладевает идея сильной исполнительной власти, но не монархической, а республиканской во главе с президентом. Нго Динь Зьем прекрасно понимал, что республиканские идеи встретят

¹ Смотри «Параграф 2.2.2» «Главы 3» «Части I» настоящего тома.

значительно большее по сравнению с монархическими понимание в американском политическом истеблишменте.

Первый президент Республики Вьетнам Нго Динь Зьем
(03.01.1901 – 02.11.1963 гг.)

Соответственно это позволило ему по иному оценивать и свои собственные перспективы, так как если в первом случае речь могла идти исключительно об императоре династии Нгуен, то во втором – он сам мог претендовать на вакантный пост президента страны!

В Японии Нго Динь Зьем сначала встретился с генералом Д.Макартуром и У.Фишелом, которые прохладно отреагировали на его националистические заявления, но всё же обещали помочь в организации поездки в США. Следует

также учитывать, что в 1950 г., если не считать Франции, Нго Динь Зьем был ещё малоизвестен за пределами Вьетнама. Поэтому перед Зьемом стояла непростая задача заставить ничего не знающие о его предыдущей жизни политические круги Вашингтона считаться с ним, как с достойным представителем вьетнамского национализма.

В достижении поставленной цели Зьему впервые реально помогли члены его семьи, что впоследствии станет нормой в политической жизни президента Республики Вьетнам. Его старший брат, архиепископ Нго Динь Тхук, сумел организовать Зьему поездку в Рим, где тот, по некоторым данным, получил аудиенцию у Римского Папы, что значительно подняло авторитет Зьема в среде духовенства и политических кругов США. Как известно, Папа Пий XII был активным сторонником политики распространения влияния католической церкви и потому был заинтересован в общении с азиатскими христианами. Детали этой встречи неизвестны, но можно предположить, что вьетнамский националист пытался заручиться поддержкой папы в организации встреч с политическими деятелями из числа католиков и с церковными иерархами. Так, была достигнута договорённость о встрече Зьема с кардиналом францисканского ордена в США Ф.Спеллманом – личным другом Пия XII, разделявшим его антикоммунистические взгляды.

После встречи с Римским Папой поездка в США стала для Зьема более «предметной». Надежды, которые братья возлагали на кардинала, оказались не напрасными, поскольку он стал первым союзником Зьема в этой стране. Кардинал всерьёз заинтересовался положением дел в далёком азиатском государстве со столь сильными позициями католицизма. Следует отметить, что в течение последующих лет Ф.Спеллман по-прежнему оставался самым активным сторонником Нго Динь Зьема. Но эта встреча с кардиналом оказалась единственным успехом Зьема во время его первой поездки в США, куда он прибыл, что весьма символично, в день пятилетия провозглашения ДРВ – 2-го сентября 1950 г.

Поняв, что в ту поездку достичь большего в США и Канаде он не сможет, Нго Динь Зьем решил отправиться в

Европу, чтобы встретиться с эмигрировавшими вьетнамскими политиками, которые в основной массе были католиками [1071, с.45 – 54; 1080, с.15 – 35]. Видимо, именно тогда у него возникла известная идея создания вьетнамского государства, правительство которого состояло бы главным образом из католиков. Иными словами, это была бы власть меньшинства, поскольку в XX в. католики составляли около 10% населения страны. Однако в абсолютных цифрах они являлись серьёзной силой. Католиков было около 2 миллионов человек, при этом преследования XVIII – XIX вв. привели к их сплочённости на религиозной основе. Не исключено, что именно эту идею, не исключено – уже готовый план, рассчитанный на отдалённую перспективу, и обсуждал Нго Динь Зьем с Пием XII во время своего возвращения в Рим⁷.

В 1951 г. Нго Динь Зьем снова приехал в США, где он провёл 2 года. На этот раз благодаря рекомендациям кардинала Ф.Спеллмана его часто приглашали выступать в университетах США. Вкратце смысл всех выступлений Зьема сводился к мысли о том, что для победы над Хо Ши Мином одного антикоммунизма явно недостаточно, и именно поэтому Франция не имела шансов на победу. Победить же коммунистов мог только вьетнамский национализм, но лишь при условии независимости от Франции. Иными словами, Нго Динь Зьем прозрачно намекал США, что им следует в своих интересах перестать поддерживать Францию в Индокитае и сделать ставку на националистические силы Вьетнама. В результате в США возникло мощное лобби, выступающее в поддержку Зьема. В 1953 г. Нго Динь Зьем переехал из США в Бельгию, где в одном из монастырей он устроил свою штаб-квартиру. Следует отметить, что поражение французской армии при Дьенбьенфу в 1954 г. оказалось выгодно Нго Динь Зьему, поскольку оно окончательно убедило США и Ватикан, чьи антикоммунистические взгляды во многом сближали эти два государства, что поддерживать Францию бесполезно.

За 4 года путешествий по США и Европе Нго Динь Зьему удалось главное из того, к чему он стремился. О нём узнали и в Ватикане, и в США. Ватикан полностью встал на его сторону, а для большинства политиков США, которые

пересмотрели своё отношение к Франции ещё до её поражения в войне, Зьем стал главным претендентом на роль нового националистического лидера, способного воспрепятствовать наступлению коммунизма и укрепить позиции католицизма в Индокитае. Возможно, именно под влиянием выступлений Зьема в США и Ватикане у папы Пия XII созрела идея о «католическом государстве» в Азии, а США окончательно приняли решение о создании проамериканского правительства Государства Вьетнам.

В итоге у Нго Динь Зьема появился шанс не просто возглавить созданное им самим правительство, но при помощи Ватикана и США обеспечить себе поддержку в высших военных и политических кругах Вьетнама. В таком правительстве он мог бы больше не бояться идеологической изоляции, так как все его министры и работники аппарата должны были быть католиками и разделять его взгляды.

Таким образом, к середине 1954 г. общий план США, Ватикана и Нго Динь Зьема в целом был готов. Оставалось претворить его в жизнь.

1.2.4. Сайгонский кризис января – мая 1955 г. и его последствия

Нго Динь Зьему досталась в наследство от французов запутанная мешанина из конфликтующих между собой политических клик и религиозных фракций, неэффективные и почти не существующие органы государственной власти, полиция и армия. Администрация представляла собой сложную комбинацию из чиновников, прошедших обучение во Франции, и членов различных религиозных сект, которые все без исключения в основном занимались выбиванием средств из населения¹. Наиболее влиятельные секты Као Дай и Хоа-хао имели свои вооружённые силы в несколько десятков тысяч бойцов. Сайгонская секта Бинь-сюен, насчитывавшая более 3000 человек, состояла из деклассированных элементов и уголовников Сайгона – Тёлона. Французские власти снабжали

¹ Об идеологии и структурной организации сект смотри в посвящённой религиям главе «Части IV» настоящего тома.

её деньгами и оружием, надеясь при случае использовать для подавления всяких волнений в городе. Она не только контролировала все притоны и игорные дома, но и непосредственно держала в руках полицейский аппарат, официально возглавляемый одним из её главарей.

С начала 1955 г. американская финансовая помощь стала поступать непосредственно правительству Нго Динь Зьема, минуя французские власти. В январе французы прекратили выплаты своим местным вспомогательным частям, включая формирования каодаистов, сторонников буддизма Хоа-хао, а также секты Бинь-сюен, общая численность которых превышала 40 тысяч человек. В начале года до половины этих формирований находились «в процессе» интеграции в единую армию Южного Вьетнама [1096, с.181, 251]. Самое активное участие в этом процессе принимал глава американской военной миссии в Сайгоне Эдвард Лансдэйл⁸. Формально занимая пост военно-воздушного атташе, Лансдэйл фактически возглавлял миссию американских разведслужб, призванную способствовать формированию жизнеспособной антикоммунистической власти на юге. Его заместителем был Люсьен Конейн.

Для поощрения интеграции формирований каодаистов и сторонников Хоа-хао миссия Э.Лансдэйла использовала денежные выплаты командирам этих отрядов, включая лидера каодаистских отрядов Лиенминь генерала Чинь Минь Тхе [148.1, с.20]. Существует мнение, согласно которому общая сумма этих выплат превысила 12 миллионов долларов, а сам Чинь Минь Тхе получил до 2 миллионов долларов [1079, с.344; 1060, с.145].

Специальный представитель президента Дуайта Эйзенхауэра во Вьетнаме генерал Джозеф Коллинз считал эти выплаты чрезмерными [131.10]. Впоследствии Э.Лансдэйл, считавшийся прототипом Пайла из романа Грэма Грина «Тихий американец», неизменно отрицал денежные выплаты командирам отрядов религиозных движений, ссылаясь на забывчивость, которой он, как известно, никогда не страдал [1044.1, с.173, 380].

Генерал Чинь Минь Тхе. Конец 1954 или начало 1955 г.

Не все сторонники Чинь Минь Тхе поддерживали союз со Нго Динь Зьемом, но, надо полагать, под воздействием упомянутых выплат соглашение между командованием сект и руководством страны было подписано 30-го января 1955 г., а 13-го февраля в Сайгоне состоялись парад войск Лиенминь и торжественный церемония приёма примерно двух с половиной тысяч бойцов в состав национальной армии, на которой Чинь Минь Тхе уже официально получил от Зьема генеральские погоны. В конце февраля на сторону Зьема перешли ещё примерно 10000 бойцов каодаистских формирований во главе

с Нгуен Тхань Фьонгом, а также части Хоа-хао во главе с Нгуен Зяк Нго и некоторые другие отряды Хоа-хао.

Однако не всё было так гладко. 15-го февраля Зьем приказал закрыть казино «Гран Монд», что привело к резкому ухудшению отношений между правительством Республики Вьетнам и контролировавшим игорный бизнес лидером секты Бинь-сюен Бай Виеном [131.2]. Кроме того, 3-го марта лидеры каодаистов, буддизма Хоа-хао и Бинь-сюен в ответ на политику «интеграции» объявили о формировании «Единого фронта национальных сил» во главе с лидером тэиньских каодаистов Фам Конг Таком [1656.1]. Существует мнение, что антизьемовский фронт был создан при молчаливом согласии императора Нгуен Винь Тхюи, которому президент Д.Эйзенхауэр направил 9-го марта послание с подтверждением американской поддержки кабинета Зьема [1704.1]. Интересно, что первоначально к фронту присоединились Чинь Минь Тхе и Нгуен Тхань Фьонг, однако после многочасовых переговоров с Лансдэйлом они заявили 7-го марта о поддержке Зьема [1044, с.174]. После этого 12-го марта в дельте Меконга начались столкновения между частями национальной армии и отрядами Хоа-хао во главе с Ба Кутом. 21-го марта фронт предъявил Зьему ультимативные требования о смене политического курса и состава правительства, которые вновь поддержали Чинь Минь Тхе и Нгуен Тхань Фьонг. Однако уже 22-го марта после уговоров Э.Лансдэйла они снова покинули Фронт [1096, с.246, 247]. В этот же день они встретились с Дж.Коллинзом, предупредившим их, что свержение Нго Динь Зьема станет концом американской помощи [1066, с.143]. При этом сам Дж.Коллинз пришёл к выводу о неспособности Зьема сформировать жизнеспособный политический режим. Он также утверждал, что попытки подавить силой политико-религиозные движения приведут к нестабильности на юге [131.1].

На встрече с Э.Лансдэйлом 26-го марта Зьем заявил об укреплении своих позиций, так как срок ультиматума фронта прошёл без последствий [131.3]. Но 28-го марта в Сайгоне начались вооружённые столкновения, судя по всему, начатые верными Зьему частями [1126, с.21]. Бои продолжились и на

следующий день, а 30-го марта части секты Бинь-сюен атаковали штаб национальной армии и обстреляли резиденцию Нго Динь Зьема из миномётов. В этот день под давлением Дж.Коллинза командующий французской армией генерал Поль Эли вывел на улицы танки и принудил конфликтующие стороны к перемирию [115]. 2-го апреля отряды Хоа-хао блокировали дороги к дельте Меконга, что в течение недели привело к двукратному удорожанию продуктов в Сайгоне [146]. При этом 10-го апреля Дж.Коллинз и Поль Эли пришли к согласию, что Зьем оказался в изоляции и его поддержка должна быть прекращена [131.9]. 12-го апреля срок перемирия истёк, а так как премьер отказался от его продления, то на следующий день фронт обвинил Зьема в провоцировании конфликта. Надо полагать, что во 2-ой половине апреля Чинь Минь Тхе готовился сменить Нго Динь Зьема и сформировать правительство из числа каодаистов, сторонников буддизма Хоа-хао и секты Бинь-сюен [1027, с.188, 189]. В это же время Дж.Коллинз отправился в Вашингтон, при этом Нго Динь Зьем знал, что генерал будет лоббировать его отстранение от власти [1044, с.175].

Генерал Дж.Коллинз, возглавлявший Объединенный комитет начальников штабов в период Корейской войны, пользовался существенным влиянием в Вашингтоне, а потому шансы Зьема сохранить поддержку США становились всё более призрачными. 21-го апреля, имевший хорошие личные отношения с президентом Дуайтом Эйзенхауэром генерал Дж.Коллинз сумел убедить администрацию отказаться от поддержки Зьема. В результате 25-го и 27-го апреля в миссии США в Сайгоне и Париже были направлены телеграммы, предписывавшие отстранение Нго Динь Зьема от власти. Однако события в Сайгоне пошли по другому сценарию, где премьер перешёл к активным действиям [131.4]. 26-го апреля Нго Динь Зьем приказал сместить главу сайгонской полиции, ставленника секты Бинь-сюен Лай Ван Шанга, и назначил вместо него полковника Нгуен Нгаук Ле, а на следующий день приказал вывести части секты из города [1095, с.387; 1096, с.280]. 28-го апреля в Сайгоне возобновились вооружённые столкновения между верными Зьему воинскими частями под

командованием подполковника Зьонг Ван Миня и отрядами Биньсюен. В тот же день Э.Ландэйл сумел убедить как американских представителей в Сайгоне, так и своё руководство в Вашингтоне в том, что Зьему удалось быстро взять под контроль ситуацию [1044, с.176, 381; 131.5]. В результате решение об отстранении Зьема было отменено [131.7]. При этом вопрос о том, кто спровоцировал апрельские бои в Сайгоне, остался открытым. Французский генерал Поль Эли утверждал, что первыми огонь открыли зьемовские войска [131.6]. Когда 29-го апреля бои в Сайгоне начинали стихать, их возобновление провоцировали выстрелы неизвестных снайперов, или «третьей силы», как называли их французы [859, с.22, 23].

Вооружённые отряды секты Бинь-сюен не оказали правительственным войскам серьёзного сопротивления, а Бай Виен по неустановленным до сих пор причинам так и не ввёл в бой свой четырёхтысячный резерв [1095, с.389]. Однако нельзя исключать и того, что Бай Виен и Чинь Минь Тхе инсценировали «победу» над отрядами Бинь-сюен с целью придать последнему политический вес и облегчить приход к власти на смену Нго Динь Зьему [1413, с.335, 351]. Так, 29-го апреля Чинь Минь Тхе и его сторонники выступили с заявлением, осуждавшим насилие в Сайгоне. Затем 30-го апреля они создали революционный комитет, который объявил о низложении императора Нгуен Винь Тхюи и роспуске правительства Зьема [1096, с.193; 1413, с.309]. Наконец, 1-го мая особый комитет во главе с Чинь Минь Тхе обнародовал планы созыва 5-го мая собрания делегатов южных и центральных провинций, которые должны были приступить к формированию новой власти [1027, с.229]. Но этим планам не суждено было осуществиться, так как 3-го мая 1955 г. генерал Чинь Минь Тхе погиб при до сих пор несвязанных обстоятельствах. По официальной версии, он был убит одним выстрелом снайпера во время объезда в открытом автомобиле позиций своих войск, при этом снайпер якобы находился на возвышении и попал своей жертве в затылок [1096, с.309]. Однако родственники и некоторые сторонники Чинь Минь Тхе утверждали, что его гибель стала результатом зьемовского

заговора. Они считают, что генерал был убит двумя выстрелами с близкого расстояния, вероятно, в подвале резиденции премьера⁹. Как бы то ни было, убийство Чинь Минь Тхе осталось нераскрытым, а Нго Динь Зьем весьма своевременно лишился опасного конкурента. Плодами «победы» над сектой Бинь-сюен в полной мере воспользовался Э.Лансдэйл, который вопреки прямому приказу генерала Дж.Коллинза продолжал поддерживать Зьема. Он сумел убедить Вашингтон в жизнеспособности зьемовского режима и добиться сохранения режима личной власти Нго Динь Зьема. Позднее Дж.Коллинз прямо назвал самостоятельные действия Э.Лансдэйла в 1955 г. «мятежом» [1044, с.177]. По сути, это означало отказ от выполнения Женевских соглашений и создание условий для начала второй Индокитайской войны.

1.2.5. Репрессии Сайгонского режима второй половины пятидесятых годов XX в.

С помощью правительства Нго Динь Зьема США приступили к полной ликвидации ещё достаточно прочных политических позиций Франции в Южном Вьетнаме. двухсоттысячный экспедиционный корпус которой контролировал значительную часть страны. Женевские соглашения налагали на Францию определённые обязанности по их реализации. Но правительство Пьера Мендес Франса не было способно на проведение такой политики. Поэтому правящие круги Франции пошли навстречу пожеланиям Вашингтона, охотно переложив на США «ответственность за сохранение Вьетнама в сфере западного влияния» [786, с.558]. В 1954 – 1955 гг. они достигли соглашения, а точнее – сговорились относительно общих целей политики в Южном Вьетнаме. И хотя внешне их сговор имел вынужденный для Франции характер, это не снимает с неё ответственности за последовавший срыв выполнения Женевских соглашений. Взамен французы выторговали у США сохранение своей собственности и экономических интересов. В мае 1955 г. в Париже прошло совещание министров иностранных дел США, Англии и Франции, где обсуждалось положение в Индокитае. Приближался срок начала консультаций с правительством

ДРВ относительно подготовки всеобщих выборов. По Женевским соглашениям они должны были начаться в июле. Но на этом совещании было принято решение никаких консультаций, а следовательно, и самих выборов не проводить. Тогда же Франция окончательно отказалась от поддержки императора Нгуен Винь Тхюи и обязалась поддерживать Нго Динь Зьема. Это лишило всякой надежды сохранявшиеся на юге страны профранцузские политические группировки. Закрепление Зьема у власти стало результатом фактической капитуляции французского правительства перед Вашингтоном во имя сохранения своих экономических интересов в Южном Вьетнаме. «Если Зьем способен создать прочное правительство», – писал с большой долей цинизма известный обозреватель «Фигаро» Раймонд Арон, – «то можете мне повторять сколько угодно, что он франкофоб, он всё-таки будет лучшим выбором, если исходить из непосредственных интересов Франции» [648, с.293].

19-го октября 1955 г. вьетнамский император издал во Франции указ об отстранении Нго Динь Зьема от власти. Но это лишь ускорило события. Так, уже 23-го октября с благословения американцев Зьем, дав всего четыре дня на его подготовку, объявил о проведении референдума по двум вопросам одновременно:

1. Каким должно быть государство – республикой или монархией?
2. Кому быть его главой – ему или императору?

Несмотря на фактическое отсутствие на «референдуме» большей части избирателей, не успевших даже узнать о его проведении, искомый результат был достигнут. За республику и, следовательно, за самого Нго Динь Зьема было «подано» большинство голосов. Поэтому он вскоре объявил о создании государства Республика Вьетнам и назначил проведение выборов в Национальное собрание Южного Вьетнама.

Таким образом, при очевидном поощрении США правительство Нго Динь Зьема отказалось от соблюдения Женевских соглашений и сорвало подготовку и проведение общевьетнамских выборов в 1956 г. Оно отклонило все предложения правительства ДРВ по этому вопросу, заявляя,

что не подписывало Женевских соглашений и не считает себя ими связанным. И это при том, что само существование и функционирование режима, установленного на юге, оказалось возможным только благодаря этим соглашениям. В дальнейшем Нго Динь Зьем многократно заявлял о том, что свободные выборы не могут быть проведены, так как в Северном Вьетнаме они не будут свободными. Таким образом, выборы оказались сорваны, а перспектива воссоединения Вьетнама отодвинута на неопределенный срок. При этом власти Южного Вьетнама использовали в своих интересах те постановления соглашений, которые им были выгодны, как, например, перегруппировка войск, и цинично отбросили всё то, что для них было опасно и нежелательно, прежде всего – всеобщие свободные выборы.

В первые годы своего правления Нго Динь Зьем показал себя, что называется, «эффективным менеджером», во многом оправдав доверие своих покровителей. Ему удалось внести элемент политической стабильности в ситуацию, в которой, казалось бы, она была совершенно невозможна. Во время официального визита в Вашингтон в мае 1957 г., где ему устроили пышную встречу, Зьем заявил на выступлении в Конгрессе о том, что отныне «граница США простирается до 17-й параллели». Это заявление вызвало бурные аплодисменты конгрессменов [1460, с.432].

С 1957 г. начинается следующий этап американской экспансии в Южном Вьетнаме, в течение которого были предприняты все меры для укрепления режима Нго Динь Зьема, начинается активная милитаризация страны и превращение её в военно-стратегический плацдарм в ЮВА. С этой целью был создан мощный военно-полицейский аппарат, введена всеобщая воинская повинность, сформированы многочисленные вооружённые силы, включавшие 100 тысяч солдат регулярной армии, столько же в так называемом «корпусе безопасности», ещё 60 тысяч гражданской гвардии и сорок пять тысяч в полиции и спецназе. Таким образом, в случае необходимости Зьем мог поставить под ружьё полумиллионную армию, что в два раза превышало численность французского экспедиционного корпуса,

действовавшего во Вьетнаме на протяжении всей войны 1946 – 1954 гг. [440, с.95]. Одновременно с этим непрерывно росла и численность американских военных советников в Южном Вьетнаме. К 1957 г. там находился американский военный персонал в количестве 1,5 тысяч человек, а посольство Соединенных Штатов в Сайгоне стало одной из крупнейших дипломатических миссий мира. Американская военно-консультативная группа, состоявшая из шестисот девяноста двух человек, превзошла все лимиты, установленные Женевскими соглашениями для иностранного военного персонала [370, с.267]. Также росли и военные поставки из США. В 1955 – 1961 гг. они составили 571,3 миллиона долларов в ценах того времени. По этому показателю Южный Вьетнам занял третье место, уступая только Южной Корее и Тайваню [133, с.14866]. В то же время он занял одно из первых мест среди получателей американской экономической помощи. США действительно предпринимали немалые усилия для того, чтобы превратить Южный Вьетнам в «витрину свободного мира» в ЮВА. Они неоднократно оказывали сильный нажим на Зьема с целью «оздоровить» режим.

Прошло несколько лет, и эта «витрина» оказалась в крайне неприглядном виде. По мере того, как вся власть концентрировалась в руках Нго Динь Зьема и его прямых ставленников, внутренние противоречия режима обострялись, а его социальная база всё более сокращалась. Проведённая им аграрная реформа вместо того, чтобы наделить крестьян землёй, завершилась тем, что у них были отобраны в пользу прежних землевладельцев и те наделы, которые они получили в освобожденных районах от Вьетминя. Одной из самых серьёзных ошибок режима была отмена многовекового традиционного деревенского самоуправления, которое даже в настоящее время рассматривается как нечто само собой разумеющееся¹⁰.

Более того, в интересах безопасности по его приказу осуществлялось насильственное переселение жителей многих, в первую очередь – горных, населённых национальными меньшинствами районов в так называемые «стратегические деревни», которое крайне болезненно воспринималось

крестьянской массой¹¹. Поэтому крестьяне вскоре и стали главной движущей силой национально-освободительного движения, явившись неисчерпаемым источником пополнения вооружённых сил «вьетконга»¹².

Наконец, под предлогом борьбы с коммунистической угрозой и в явное нарушение Женевских соглашений режим Зьема почти сразу начал репрессии против бывших участников сопротивления и членов разных общественных организаций. Особенно массовыми они были в передававшихся под контроль Франции по Женевским соглашениям ранее освобождённых районах. По данным «Белой книги» МИД ДРВ, только с момента прекращения огня и до ноября 1957 г. в Южном Вьетнаме было произведено более 6 тысяч арестов, убито более 2 тысяч человек, более 10 тысяч семей отправлено в специальные лагеря и около тысячи человек пропали без вести [18, с.10]. Эти данные во многом подтверждают и «Документы Пентагона», в которых сообщается, что с лета 1955 г. от 50 до 100 тысяч человек были заключены в концлагеря, при этом в своём подавляющем большинстве они не были коммунистами.

Американская разведка в эти годы констатировала, что различные программы Нго Динь Зьема, призванные укрепить безопасность сельских районов страны, осуществлялись так жестоко, что они «создали пропасть не между крестьянами и повстанцами, а между крестьянами и правительством» [148, с.71]. С июня 1955 г. репрессиям был придан планомерный характер в виде развёрнутой по всей стране «кампании по выявлению коммунистов». Это была крупнейшая военно-полицейская операция с участием частей сайгонской армии, растянувшаяся на несколько лет. Её лично возглавил Нго Динь Зьем. На местах были созданы «комитеты по разоблачению коммунистов», куда жители были обязаны доносить на всех, кто принимал участие в сопротивлении, при этом всё население страны было разделено на три категории:

❖ «Незаконные граждане», то есть те, кто принимал активное участие в Войне сопротивления, а впоследствии агитировал за всеобщие выборы.

- ❖ «Полузаконные граждане», то есть родственники и друзья «незаконных», а также родственники и друзья бойцов и командиров ВНА, ушедших на север.
- ❖ «Полноправные граждане», не попавшие в первые две категории.

Бывшим участникам сопротивления запрещалось покидать свои общины. Они не имели права искать работу и должны были регулярно отмечаться у местных властей. В городах и селах, в армии и полиции, во всех учреждениях проводились кампании по «обличению коммунистов»¹. Не прошедшие проверку получали клеймо «прокоммунистов»¹¹. В бывших освобожденных районах были запрещены все действовавшие до этого массовые организации и введены чрезвычайные законы военного времени, а с сентября 1959 г. там были созданы военно-полевые суды. Раскрытые при проверках участники сопротивления тут же арестовывались и подвергались допросам с применением пыток. Выживших направляли в концлагеря. В результате тюрьмы оказались переполнены заключёнными [1300, с.203].

2. *Первый этап национально-освободительной борьбы 1957 – 1964 гг.*

2.1. *Партизанская война в 1957 – 1960 гг.*

Репрессии сайгонских властей были достаточно эффективными. Местные ячейки ПТВ и созданные ими патриотические организации, столкнувшись с реальной угрозой полного физического уничтожения своих кадров, были вынуждены уходить в глубокое подполье. Все созданные ранее патриотические организации переносили свою деятельность в сельские районы, где местная «зьемовская» администрация была ещё слаба. Нередко, в нарушение прямых указаний вышестоящих партийных органов с севера, требовавших выдержки и продолжения борьбы политическими средствами, в целом ряде местностей началось вооружённое сопротивление. Однако вопреки постепенно усиливавшемуся

¹ То конг, Tô công.

¹¹ Тхан конг, Thân công.

ропоту «южан», политика «мирных политических действий» продержалась до середины 1957 г., с осени которого началась пока ещё мало интенсивная, но настоящая партизанская война.

После ухода вооружённых сил в ДРВ и последовавших за этим репрессий сайгонских властей боеспособность оставшихся на юге коммунистов была резко ослаблена. В новых условиях в 1954 – 1956 гг. с севера шли указания товарищам на юге сосредоточиться на политической работе, разворачивая агитацию за демократические права и свободы и требуя организации всеобщих выборов во исполнение условий Женевских соглашений. С этой целью во многих местах, прежде всего – в Сайгоне, стали создаваться комитеты защиты мира, привлекавшие местную интеллигенцию и немало буддистских иерархов. В 1955 г. многие активисты движения за мир были арестованы и без суда высланы в отдалённые районы страны. Повстанческое движение на юге, как свидетельствуют «Документы Пентагона», начиналось не по приказу из Ханоя, а «как восстание против всё более репрессивного и коррумпированного режима Нго Динь Зьема». Большинство из тех, кто взялся за оружие, по словам аналитиков из ЦРУ и Пентагона, были южанами, и причиной, которая подняла их на борьбу, никак не могла быть придумана на севере [148, с.67]. В конце 1956 г. партийный комитет Намбо провёл пленум в Пномпене под председательством Ле Зуана. На пленуме было решено начать организацию отрядов самообороны и проводить известную по войне с французами тактику «вооружённой пропаганды», которая должна была подкреплять политическую борьбу в городах. В этих же решениях указывалось на необходимость готовиться к восстанию и захвату власти. С 1957 г. среди оставшихся на эге бойцов и партийных работников уже отмечается явное стремление вновь взяться за оружие [1150, с.431].

Ещё в 1955 г. Ле Зуан написал «Тезисы о революции в Южном Вьетнаме», в которых он предлагал сделать упор на гибком сочетании двух форм борьбы: политической и вооружённой, взвешенно их «дозируя» при любом изменении обстановки. При этом, наращивая силы для вооружённой борьбы, сопротивление планировалось начать с активизации

политической деятельности. Тезисы Ле Зуана в течение двух лет обсуждались в партийных ячейках юга, которые, не дожидаясь решений ЦК ПТВ, уже стали их применять на практике [53, с.32].

Хо Ши Мин и Ле Зуан. 1960 г.

В середине 1957 г. Ле Зуан вернулся в Ханой, где по его инициативе политбюро приняло решение о поддержке настоятельных призывов южан о помощи. Таким образом, партия взяла под контроль и начала координацию стихийно возникавших восстаний на юге с целью их превращения в полномасштабную партизанскую войну для свержения сайгонского режима. После соответствующих постановлений январского XV пленума ЦК 1959 г. и сентябрьского III съезда ПТВ 1960 г. это решение превратилось в непреложную директиву, выполнение которой было возложено на избранного первым секретарём ЦК Ле Зуана. Хо Ши Мин оставался председателем ЦК ПТВ и президентом ДРВ, но практические рычаги управления страной перешли к новому поколению руководителей. Всё это знаменовало собой переход

от этапа накопления сил к активным наступательным действиям [1150, с.442; 526, с.117].

На юг, часто в прежние места проживания, стали возвращаться прошедшие переподготовку кадровые работники ПТВ и «военные советники». Именно им предстояло создавать костяк будущих вооружённых сил освобождения Южного Вьетнама. Были организованы и поставки оружия поначалу через демилитаризованную зону¹, а после достигнутых не без помощи ВНА военных успехов Национального движения Лаоса^{II} и через лаосскую территорию. Так возникла шедшая на юг в обход ДМЗ через территории Лаоса и местами – Камбоджи «тропа Хо Ши Мина».

Уже в начале 1959 г. сайгонские войска, проводившие карательные операции в ходе кампании «по разоблачению коммунистов», стали встречать не только толпы перепуганных и растерянных крестьян, но и ответный ружейный, а то и пулеметный огонь с заранее подготовленных позиций.

Тогда же в ряде провинций на основе существовавших ещё в годы первой Войны сопротивления боевых единиц начали возрождаться отряды самообороны. Многочисленные сообщения в западной печати говорили о том, что эти отряды, имевшие поначалу самое примитивное оружие, постепенно стали обзаводиться автоматами ПППЦ, минами и гранатами как советского, так и китайского производства, а также американским оружием, отбитым у сайгонских войск во время налётов [717, с.181].

2.2. Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама и партизанская война 1960 -- 1964 гг.

С принятием в 1959 г. решения ЦК ПТВ о переходе к «вооружённому восстанию» и о поддержке «южновьетнамских товарищей» партизанская война пошла, что называется, всерьез. В 1960 г., по словам бывшего начальника военной разведки США в Южном Вьетнаме генерала Ф.Дэвидсона,

^I Далее – ДМЗ.

^{II} Далее – Патет Лао.

верх в ней явно одерживали коммунисты, которые эффективно контролировали дельту Меконга, Центральное плоскогорье и прибрежные равнины. Вьетконговцы, как казалось генералу, начали нападать целыми батальонами и даже полками на форпосты армии Республики Вьетнам. В результате успешных действий вооружённых отрядов самообороны возникли первые обширные и густонаселённые районы, в которых действия Сайгонской администрации были практически парализованы, а воинские части удерживали лишь отдельные укрепленные пункты. Интересно, что главным местом действия первых партизанских отрядов стали не прилегающие к ДМЗ или пограничные с Лаосом провинции, а полуостров Камау на крайнем юге страны. В августе 1960 г. Агентство Франс Пресс передавало, что из семидесяти уездов полуострова шестьдесят полностью контролируются партизанами. Вследствие этих событий Нго Динь Зьем оказался в сложном положении, ставшим к 1961 г. почти критическим [163б.1; 370, с.411].

Наращение партизанского движения в ряде провинций подогревало противоречия в правящих кругах Республики Вьетнам. В ноябре 1960 г. Сайгон был фактически в течение двух дней занят взбунтовавшимися десантниками. С большим трудом Зьему на этот раз удалось сорвать попытку государственного переворота. Но она показала готовность различных слоёв общества поддержать любые выступления против диктатуры Зьема. Так, в разгар мятежа более 5000 рабочих предприятий города вышли на улицы города, требуя свержения режима. Однако лидеры бунтовщиков сами больше всего опасались подобных выступлений, и по их приказу демонстрация была расстреляна [717, с.181].

К 1960 г. в городах наметился явный перелом в общественном мнении, заметно усилилось недовольство режимом и возникли новые, более разнообразные формы политической борьбы. Обстановка требовала выдвижения действенной программы национально-освободительного движения на новом этапе, которая отвечала бы требованиям и настроениям как можно более широких слоёв общества. Поэтому Политбюро ЦК ПТВ приняло решение о создании объединенного фронта всех патриотических организаций,

боровшихся против режима Нго Динь Дьема. 20-го декабря 1960 г. в одной из деревень провинции Тэйнинь, в сорока километрах от Сайгона, состоялся конгресс представителей различных патриотических организаций страны, который провозгласил создание Национального фронта освобождения Южного Вьетнама¹. Программа самого фронта не выходила за пределы общенациональных и общедемократических задач. Она не предопределяла ни характер политического строя, ни формы будущего государства. В ней шла речь только о свержении правящего режима и создании коалиционного демократического правительства, которое будет проводить политику мира и нейтралитета, восстановит нормальные отношения с севером и предпримет шаги к мирному воссоединению страны [160, с.20, 21]. С появлением НФОЮВ на юге сформировался руководящий центр национально-освободительного движения с многочисленными местными отделениями во многих провинциях. 15-го февраля 1961 г. все отряды самообороны были объединены под единым командованием в составе армии, названной Народные вооружённые силы освобождения Южного Вьетнама². По замыслу его создателей избранный на 1 съезде фронта 16-го февраля 1962 г. Центральный комитет НФОЮВ должен был стать практическим прототипом будущего коалиционного национально-демократического правительства юга. В числе пятидесяти его членов были представители разных партий, буддисты, католики и даже члены секты Као Дай [1010, с.66]. Он руководил не только вооружённой и политической борьбой, но и всей хозяйственной и культурной жизнью в освобожденных районах, выполняя функции местной власти. Председателем НФОЮВ был избран известный в Сайгоне общественный деятель адвокат Нгуен Хыу Тхо, посаженный в тюрьму за активную деятельность в Сайгонском комитете защиты мира. После двух неудачных попыток в начале мая 1961 г. он был освобождён из тюрьмы специальным отрядом НВСО [1150, с.474]. Генеральным секретарём стал профессор

¹ Далее – НФОЮВ.

² Далее – НВСО.

Нгуен Ван Хиеу, в годы Войны сопротивления руководивший пропагандистской работой в Сайгоне. Он же возглавил информационное агентство «Освобождение» и радиостанцию «Голос Освобождения». I Съезд Фронта подтвердил политику мира и нейтралитета, а также готовность вместе с Лаосом и Камбоджей создать нейтральную зону при сохранении полного суверенитета всех трёх государств. Немного позднее ЦК НФОЮВ поддержал предложение главы Камбоджи принца Нородома Сианука о созыве международного совещания для решения проблем Южного Вьетнама на этой основе [12, с.50, 51]. Было ясно, что провозглашённая политика нейтралитета откладывала на неопределенный срок воссоединение страны. Но другого выхода из создавшегося тупика на юге не просматривалось. 23-го января 1961 г. ЦК ПТВ решил образовать Центральное Бюро для Южного Вьетнама, которое должно было непосредственно руководить действиями партии южнее 17-ой параллели, прежде всего – в Намбо. Провинции Куангчи и Тхыатхиен в 5-ой зоне вблизи ДМЗ остались под непосредственным руководством ЦК ПТВ. Секретарём Центрального Бюро был назначен Нгуен Ван Линь¹, в его состав входили избранный в ЦК НФОЮВ Во Ти Конг, Во Ван Кьет^{II} и другие. В конце декабря 1962 г. на Конференции подпольных организаций ПТВ в Южном Вьетнаме было решено создать Народно-революционную партию Южного Вьетнама^{III}, которая провозгласила себя «партией рабочего класса и трудящихся и одновременно партией всех патриотов Вьетнама» [1732.4]. В её заявлении отмечалось, что она будет следовать историческим курсом своих предшественников – Коммунистической партии Индокитая и Партии трудящихся Вьетнама. Возглавил НРП ЮВ Во Ти Конг, который при этом остался членом Центрального Бюро ПТВ для Южного Вьетнама. Тогда же Политбюро ЦК ПТВ приняло 2-ой пятилетний план военных действий на 1961 – 1965 гг. Он намечал создание в Южном Вьетнаме достаточно мощных,

^I Впоследствии первый секретарь ЦК ПТВ.

^{II} Будущий премьер-министр СРВ.

^{III} Далее – НРП ЮВ.

концентрированных вооружённых сил, обеспеченных необходимой техникой, материальным снабжением и квалифицированным руководством. Местные вооружённые отряды превращались во взводы, роты и батальоны. Намечалось образовать 10 – 15 полков и ряд смешанных артиллерийских частей. Наряду с наращиванием вооружённых сил на месте этим планом предусматривалось направление на юг 30 – 40 тысяч прошедших переподготовку на севере солдат и офицеров. План предусматривал также «оказание помощи лаосским революционным силам специалистами для подготовки кадров, создания освобожденных районов и укрепления вооружённых сил». Предполагалось также «при обращении лаосских товарищей направить туда добровольческие силы для координации действий с ними» [1150, с.477 – 479].

Во исполнение этого плана в 1961 – 1963 гг. более 40 тысяч бойцов и технического персонала ВНА было переброшено на юг. Почти все её передислоцированные раньше на север части вернулись на свои прежние места. За этот период на юг было переправлено 165 тысяч единиц различного оружия. К середине 1961 г. общая численность НВСО, включая кадровые войска и местные силы, составляла 25 тысяч человек, что в два раза превышало их численность в предыдущем году, а уже осенью 1962 г. она достигла 150 тысяч человек. К тому времени кадровые части НВСО уже насчитывали 80 тысяч человек [1150, с.509]. По словам генерала Ф.Дэвидсона, всё лето 1961 г. бойцы вьетконга «продолжали фактическое завоевание Южного Вьетнама». Войска Зьема почти совсем ушли из сельских районов, а правительственные органы не имели там никакой власти [370, с.465]. По мере развёртывания партизанской войны и укрепления НФОЮВ положение сайгонского режима становилось катастрофическим. В конце 1963 г., по данным агентства «Освобождение»¹³ под контролем фронта было уже почти две трети территории Южного Вьетнама, на которой проживало около половины населения страны [1632.1, с.16]. Явная неспособность противостоять натиску коммунистов обострила все внутренние противоречия правящего режима и

усилила его непопулярность среди самых широких слоёв общества. 27-го февраля 1962 г. два пилота ВВС Южного Вьетнама на своих самолётах даже нанесли авиаудар по президентскому дворцу в Сайгоне, в результате которого по чистой случайности никто не пострадал.

2.3. Конец Нго Динь Зьема и политический кризис Сайгонского режима 1963 – 1965 гг.

К началу 1963 г. численность южновьетнамской армии превысила 800 тысяч человек, однако её боеспособность была крайне низкой¹⁴. Следует отметить, что личный состав армии Республики Вьетнам, в том числе и её офицеры, не горели желанием сражаться, что неудивительно [1132, с.201 – 266]. Так, например, командующий 4-ым армейским корпусом Хюинь Ван Као сделал карьеру только лишь благодаря своему католическому вероисповеданию и личной преданности Нго Динь Зьему. Его главной задачей, как и других приближённых к Зьему генералов, было подавление попыток переворота, а не боевые действия против вооружённых сил НВСО. Поэтому офицеры южновьетнамской армии нередко проводили «боевые» операции лишь на бумаге [1156, с.48]. В результате к 1963 г. в Вашингтоне сложилось мнение о том, что Зьем не способен привести южновьетнамский режим к военной победе. К тому же его поведение стало вызывать раздражение, так как, по словам Роберта Кеннеди, Зьем не соглашался даже на малейшие уступки, и с ним стало трудно вести дело [142].

7-го мая 1963 г. власти Хюэ запретили вывешивать буддийские флаги по случаю дня рождения Будды, тогда как за неделю до этого в городе вывешивались флаги Ватикана по случаю двадцатипятилетия архиепископского служения Нго Динь Тхука. Поэтому лидер буддистов Тхить Чи Куанг призвал своих единоверцев к борьбе против дискриминации, и 8-го мая буддисты Хюэ вышли на мирную демонстрацию, при разгоне которой в давке погибло девять человек [1080, с.142, 143]. Однако власти заявили, что инцидент был спровоцирован коммунистами, подорвавшими взрывное устройство. Правда, в 1970 г. сайгонские католики выдвинули версию, согласно которой взрывное устройство было заложено агентами ЦРУ,

для того чтобы спровоцировать антизьемовские беспорядки [1071, с.114-116].

Самосожжение Тхить Куанг Дыка

9-го мая Тхить Чи Куанг выступил с призывом продолжить протесты. На следующий день он обнародовал требования из пяти пунктов, включавшие право вывешивать буддийские флаги, равноправие буддистов и католиков, компенсации семьям погибших, прекращение арестов и наказание виновных в жертвах чиновников [1080, с.143]. 15-го мая эти требования были вручены Нго Динь Зьему, который заявил об отсутствии дискриминации буддистов и назвал своих собеседников «дураками», требующими то, что у них уже есть [1081, с.252, 253]. Тем не менее 18-го мая под давлением посла США Фредерика Нолтинга Зьем согласился выплатить компенсации семьям погибших. Однако акции протеста буддистов против дискриминации продолжались. В знак протеста против преследования буддистов монах Тхить Куанг Дык¹⁵ совершил в Сайгоне 11-го июня 1963 г. акт самосожжения. Сделанные корреспондентом Ассошиэйтед Пресс Малькольмом Брауном снимки, произвели огромное впечатление на западную общественность. По словам

президента США Дж.Ф.Кеннеди, ни одна фотография ещё не вызвала таких эмоций во всём мире [1080, с.149].

Машина, на которой Тхить Куанг Дык прибыл в Сайгон.
Пагода Небесной Наставницы. Хюе, 01.04.2011 г.

Первоначальная реакция клана Зьема на самосожжение Тхить Куанг Дыка была неадекватной. «Мадам Нью» заявила, что будет аплодировать следующему монашескому «барбекю-шоу» [1094, с.216]. Однако уже 16-го июня под давлением США Зьем подписал совместное коммюнике, в котором пошёл на уступки буддистам [1071, с.149]. Правда, одновременно власти распускали слухи о том, что Малькольм Браун, желая прославиться своими снимками, подкупом склонил Тхить Куанг Дыка к самосожжению [1119, с.309].

Тем не менее это коммюнике не привело к завершению конфликта, и буддисты продолжали обвинять режим Зьема в нарушении принятых обязательств. После Тхить Куанг Дыка ещё пять южновьетнамских монахов совершили самосожжение в знак протеста против преследования буддистов. В июле и августе в Сайгоне продолжались

демонстрации, которые координировались из пагоды Са-лой. 18-го августа на демонстрацию у пагоды Са-лой собралось свыше 15 тысяч человек.

Мадам Нью. Сайгон, 1963 г.

В ответ на действия буддистов Нго Динь Нью ввёл в Сайгон четыре батальона армейского спецназа под командованием полковника Ле Куанг Тунга, а 21-го августа Зьем объявил военное положение. После этого спецназ взял штурмом пагоды Са-лой и Ан-куанг в Сайгоне, Ты-дам в Хюе и другие центры буддийской оппозиции. В ходе жёстких силовых акций погибли десятки монахов и мирян, сотни были

ранены, тысячи – арестованы.

Во время штурма пагоды Са-лой двое монахов сумели забрать прах Тхить Куанг Дыка и скрыться в соседнем здании Агентства США по международному развитию. Попытки зьемовской полиции добиться их выдачи не возымели успеха, а само это здание, в котором впоследствии укрывались и другие монахи, было прозвано «Буддийский “Хилтон”» [1071, с.168]. После рейдов 21-го августа власти заявили, что в пагодах были обнаружены оружие, взрывчатка и вьетконговские документы. Как выяснилось впоследствии, эти предметы были подброшены агентами Нго Динь Нью [1081, с.298, 299]. Однако протесты населения, включая студентов и учащихся, продолжились, на что власти ответили арестами. В знак протеста против этих репрессий в отставку подали посол в США и отец «Мадам Нью» Чан Ван Тьыонг и глава внешнеполитического ведомства Ву Ван Моу, который за это подвергся аресту. Следствием событий 21-го августа стал пересмотр американской политики, в результате чего посол США в Сайгоне К.Лодж получил 24-го августа из Вашингтона телеграмму №243, которой ему рекомендовалось добиваться отстранения Нго Динь Зьема от власти.

В конце сентября 1963 г. Южный Вьетнам посетила высокопоставленная американская делегация во главе с министром обороны Робертом Макнамарой и председателем Объединенного комитета начальников штабов генералом М.Тэйлором. Их, начавшаяся 23-го сентября десятидневная поездка была призвана дать оценку влияния политического кризиса на военную ситуацию в Южном Вьетнаме. 29-го сентября делегация встретилась с Нго Динь Зьемом, который явно не осознавал всю серьёзность ситуации и отверг американские призывы к переменам, сославшись на успешные для него парламентские выборы 27-го сентября. В ответ на это посол К.Лодж недипломатично заметил, что успех на выборах был достигнут с помощью автобусов с военными, которые многократно голосовали на различных избирательных участках [1081, с.371] подобно тому, как это было на референдуме 1955 г., когда Зьем только в Сайгоне получил 133% голосов! Затем в неофициальной обстановке на

теннисных кортах сайгонского офицерского клуба Макнамара и Тэйлор встретились с антизьемовски настроенным генералом Зьонг Ван Минем. Из дипломатических источников им также стало известно, что Нго Динь Зьем и Нго Динь Нью склонялись к мирному соглашению с Ханоем, которое могло быть заключено в течение трёх – четырёх месяцев [1081, с.374]. Поэтому, исходя из рекомендаций миссии Макнамара – Тэйлора, Вашингтон объявил 2-го октября о планах вывода тысячи военных советников из Южного Вьетнама до конца 1963 г. и большей части американского персонала до конца 1965 г. [1081, с.378,379].

Роберт Макнамара и генерал Зьонг Ван Минь

В сентябре братья Нго получили информацию о планируемой группой генералов новой попытке переворота. По версии противников режима, его брат Нго Динь Нью пытался сыграть на опережение, приказав Ле Куанг Тунгу и командующему 3-м армейским корпусом генералу Тон Тхат Диню инсценировать переворот. По якобы имевшему место плану Нго Динь Нью переодетые спецназовцы Ле Куанг Тунга должны были имитировать мятеж заговорщиков и создание «революционного правительства», спровоцировав тем самым противников режима на выступление. Правдоподобие этой провокации, именовавшейся «Операция Браво», должны были

придать «бегство» Нго Динь Зьема и Нго Динь Нью. По одной из имеющихся версий, в создавшемся хаосе переодетые спецназовцы планировали убить генералов Зьонг Ван Миня, Чан Ван Дона и вице-президента Нгуен Нгаук Тхо, а также посла США К.Лоджа и сотрудника ЦРУ Люсьена Конейна, в чём якобы предполагалось обвинить прокоммунистические элементы. Планировалось, что на втором этапе операции лояльные Зьему войска восстановят порядок, подтвердив тем самым силу режима [1081, с.398, 399; 1159, с.319].

Вопрос действительно ли Зьем и его брат задумали эту опасную провокацию, остаётся открытым¹⁶, но при этом не вызывает сомнения тот факт, что Нго Динь Зьем допустил фатальную ошибку, поручив генералу Тон Тхат Диню командование базировавшимся под Сайгоном 3-м армейским корпусом. Известно, что он был крайне неуравновешенным человеком, из карьерных соображений обратившимся из буддизма в католицизм, о котором даже знакомые говорили: «опасный тип с оружием» [1028, с.56]. Заговорщикам удалось переманить генерала Тон Тхат Диня на свою сторону, что и предопределило судьбу клана Нго Динь. 1-го ноября 1963 г. на авиабазе Таншонниг начальник генштаба генерал Чан Ван Дон объявил о перевороте. Его поддержали все собравшиеся генералы кроме Ле Куанг Тунга, который в тот же день был расстрелян телохранителем Зьонг Ван Миня капитаном Нгуен Ван Нюнгом. Однако Зьем отказался подчиниться путчистам и уйти в отставку. Поэтому к концу дня к президентскому дворцу были направлены части 7-й дивизии под командованием полковника Нгуен Ван Тхиеу. Правда, к этому времени братьев Нго Динь там уже не было. По одной из версий они бежали через подземный ход и нашли убежище в Тёлоне у китайского коммерсанта Ма Туена, считавшегося контактом Нго Динь Нью в среде наркоторговцев. В его дом была проведена прямая телефонная линия, которая позволила Зьему создать впечатление у путчистов, что он всё ещё находится во дворце. Судя по словам осуществлявшего координацию между ЦРУ и мятежниками Люсьена Конейна¹⁷, большая часть генералитета выступала за «достойную отставку» президента с его последующим выездом за рубеж

[1071, с.297]. Они даже запросили у США через Люсьена Конейна самолёт, для того чтобы Зьем смог покинуть страну [1119, с.326]. За казнь братьев выступал лишь генерал Нгуен Нгаук Ле, которого, как ставленника секты Бинь-сюен, Зьем назначил главой сайгонской полиции в 1955 г. Последний пришёл в ярость, когда узнал о том, что генерал Зыонг Ван Минь, прибывший к президентскому дворцу для принятия капитуляции от братьев Нго Динь, которые согласились сдать в ночь с 1-го на 2-ое ноября, их там не обнаружил. Однако ранним утром того же дня Нго Динь Зьем позвонил К.Лоджу, пытаясь договориться об убежище. Вероятно, этот звонок позволил установить его местонахождение, о котором Л.Конейн предположительно сообщил путчистам [1169, с.104]¹. Узнав о приближении военных, Зьем и Нью скрылись в соборе Святого Франциска, где и были арестованы.

В сопровождении капитана Нгуен Ван Нюнга и майора Зыонг Хиеу Нгиа братьев посадили в бронетранспортёр для доставки в штаб мятежников. Как показало разбирательство, они были расстреляны, а Нгуен Ван Нюнг для верности добил их ножом [1159, с.326]. Первоначально организаторы переворота попытались заявить о самоубийстве Нго Динь Зьема и его брата, но эта версия была опровергнута публикацией в прессе снимков тел погибших со связанными руками и следами насильственной смерти. Участники и очевидцы событий утверждали, что приказ о расстреле братьев Нго Динь отдал возглавлявший переворот генерал Зыонг Ван Минь, который опасался их возможного возвращения к власти. Сам генерал, занимавший при Зьеме символический пост советника по военным вопросам, в частном порядке признавал, что этому убийству «не было альтернативы» [1081, с.435, 436].

Официальное расследование обстоятельств гибели Нго Динь Зьема и Нго Динь Нью не проводилось, а место их захоронения осталось в тайне. Президент Дж.Ф.Кеннеди¹¹, как

¹ Впоследствии Люсьен Конейн отрицал свою причастность к передаче информации путчистам.

¹¹ О деятельности администрации президента Дж.Ф.Кеннеди во Вьетнаме смотри «Параграф 1» следующей главы.

бы предчувствуя собственную скорую гибель, назвал убийство братьев ужасным и выражал сожаление, что утвердил телеграмму №243, открывшую путь к кровавому перевороту [1081, с.425].

35-ый президент США Джон Фицджеральд Кеннеди
(20.01 1961 – 22.11.1963 гг.)

Как известно, за убийством президента Дж. Ф.Кеннеди 22-го ноября 1963 г. на Дили Плаза в Далласе, официальная версия которого имеет много общего с версией Э.Лансдэйла о совершенном за восемь лет до того убийстве Чинь Минь Тхе, последовал поворот в политике США во Вьетнаме. Так, уже 24-го ноября вступивший в должность президент Линдон Б.Джонсон заявил о решимости добиться победы над коммунизмом во Вьетнаме [1160, с.339]. Слова нового

президента США не разошлись с делами, и 26-го ноября подписанный в предыдущем месяце Джоном Фицджеральдом Кеннеди «Меморандум №263» о выводе 1000 американских военнослужащих из Южного Вьетнама до конца 1963 г., был отменён [145.1]. Вместо него Линдон Б.Джонсон подписал «Меморандум №273», в котором предусматривалось расширение военного вмешательства США во Вьетнаме [145.2]. Интересно, что в то время американские военные всё ещё оптимистично оценивали ситуацию. Так, например, глава американских военных советников генерал Пол Харкинс предсказывал полную победу над силами Вьетконга к Рождеству 1963 г. [1075, с.103].

После переворота был создан Военно-революционный совет в составе 12 генералов, который назначил правительство во главе с бывшим вице-президентом Нгуен Нгаук Тхо. Военно-революционный совет также отменил зымовскую «Конституцию» 1956 г. и, возражая против политики эскалации войны, заявил о своём намерении добиться урегулирования на юге Вьетнама политическими методами. Он также отклонил предложение американцев начать бомбардировки ДРВ [1129, с.236, 237]. Этот совет, члены которого имели право вето, оказался почти недееспособным, а возглавлявший его генерал Зыонг Ван Минь – пассивным лидером, не имевшим ни способностей, ни мотивации для руководства правительством. Сам Зыонг Ван Минь якобы выражал недовольство тем, что исполнение обязанностей главы Военно-революционного совета не оставляли ему времени для игры в теннис и выращивания орхидей, которые были его любимым занятием. В то же время его заместитель во главе совета и министр безопасности генерал Тон Тхат Динь отмечал своё возвышение шумными застольями с сайгонских ночных клубах, где он заказывал шампанское всем присутствовавшим. Тон Тхат Динь также известен тем, что его обвиняли в проведении арестов под надуманными предлогами с целью вымогательства взяток за освобождение [1129, с.221]. Всё это происходило на фоне атмосферы хаоса на местах, который был вызван увольнением многих назначенных Зьемом чиновников. Поэтому нет ничего удивительного в том,

что уже 30-го января 1964 г. Военно-революционный совет во главе с Зыонг Ван Минем был свергнут в результате нового военного переворота, подготовка к которому велась с ведома посла США К.Лоджа и генерала Пола Харкинса, не одобрявшего свержения Нго Динь Зьема [1107, с.108 – 111, 316]. Руководил переворотом генерал Нгуен Кхань, который не пользовался доверием многих коллег, но при этом опирался на поддержку Пола Харкинса. В нём также участвовали генералы До Моу, Чан Тхиен Кхием, и Нгуен Тянь Тхи. Военно-революционный совет во главе с Зыонг Ван Минем был застигнут врасплох, и его сторонники не оказали сопротивления путчистам, которые задействовали около 3000 военнослужащих. Руководители переворота обвинили Зыонг Ван Миня в склонности к нейтрализму и в планировании мирных переговоров с Ханоем. При этом он не был арестован, а лишь выслан в Дананг [1107, с.310,311]. Нгуен Кхань возглавил как реорганизованный Военно-революционный совет, так и Сайгонское правительство.

Новые власти сразу же приняли жёсткие меры для наведения порядка. Для начала они решили покончить со сторонниками режима Зьема, в результате чего в мае 1964 г. был приговорен к смертной казни и расстрелян его младший брат Нго Динь Кан. Затем, в июле Нгуен Кхань выступил с призывом перенести военные действия на север Вьетнама, а в августе он поддержал последовавшие за Тонкинским инцидентом авиаудары по городам СРВ. 7-го августа в Республике Вьетнам было объявлено чрезвычайное положение и в том же месяце обнародован проект новой конституции, известной как «Хартия Вунгтау», которая должна была узаконить режим личной власти Нгуен Кханя. Однако эти шаги вызвали протесты населения, в первую очередь буддистов. Но когда Нгуен Кхань пошёл на компромисс с буддистами, пообещав созыв Национального собрания в течение года, это вызвало недовольство генералов-католиков Чан Тхиен Кхиема и Нгуен Ван Тхиеу [1107, с.762]. Эти разногласия проявились 26-го – 27-го августа на заседании Военно-революционного совета, где Чан Тхиен Кхием назвал Нгуен Кханя «марионеткой» американского правительства, а

другой генерал-католик Нгуен Хыу Ко призвал вернуть Зыонг Ван Миня на пост главы совета [1107, с.327]. Было решено, что до формирования гражданского правительства советом будет руководить «тройка» в составе Нгуен Кханя, Зыонг Ван Миня и Чан Тхием Кхиема, однако все рычаги власти так и остались в руках Нгуен Кханя. Поэтому 13-го сентября генералы-католики, уволенный с поста главы МВД Лам Ван Фат и Зыонг Ван Дык, предприняли попытку очередного переворота. Им удалось взять под контроль Сайгон и объявить по радио о свержении бежавшего в Далат Нгуен Кханя. Однако посольство США выступило в его поддержку, что вынудило путчистов капитулировать. Благодаря этому Нгуен Кхань вернулся в Сайгон при поддержке маршала авиации Нгуен Као Ки. Однако уже 18-го – 19-го сентября 1964 г. он столкнулся с выступлениями в провинции Даклак служивших в армии представителей местных национальных меньшинств, в результате которых порядка семидесяти военнослужащих-вьетнамцев были убиты. В Буонметхуот был направлен для переговоров опальный генерал Тон Тхат Динь, но они не увенчались успехом, а выступления были подавлены силой [1077, с.154 – 160]. Вслед за этим Нгуен Кхань сформировал Высший национальный совет, который назначил Фан Кхак Шыу главой государства и Чан Ван Хыонга премьером. При этом под благовидными предложениями Нгуен Кхань избавился от Зыонг Ван Миня, отправленного за границу с миссией «доброй воли», и назначенного послом в Вашингтон Чан Тхиен Кхиема. Однако ситуация не только не улучшалась, но и усугублялась из-за того, что сопротивление населения и действия вооружённых сил НФОЮВ сорвали программу создания «стратегических деревень», часть которых превратилась в опорные пункты партизанской борьбы.

В декабре 1964 г. НВСО провели серию успешных боевых операций в районе Биньзя примерно в семидесяти километрах северо-восточнее Сайгона¹⁸. Эти бои стали свидетельством того, что сайгонская армия всё в меньшей степени была способна противостоять растущей мощи НФОЮВ, а развернувшаяся в районе Сайгона – Тёлона партизанская война, вынудила власти держать в этом районе

до половины регулярных войск [1133, с.204, 205].

В декабре 1964 г. Нгуен Кхань распустил Высший национальный совет и выслал вернувшегося из-за рубежа Зыонг Ван Миня в Плейку. Кроме того, 27-го января 1965 г. он отстранил от должности Чан Ван Хьонга, правительство которого объявило в январе 1965 г. о расширении масштабов призыва в армию, что спровоцировало массовые акции протеста студентов и буддистов. Последние обвинили премьера в использовании зьемовских методов руководства. Судьбу же Нгуен Кханя решил начавшийся в декабре 1964 г. конфликт с бывшим председателем Объединенного комитета начальников штабов послом США М.Тэйлором, в ходе которого он даже попытался объявить посла «персоной нон грата». Всё кончилось тем, что в начале февраля 1965 г. М.Тэйлор дал понять маршалу авиации Нгуен Као Ки, что Нгуен Кхань больше не пользуется поддержкой США, после чего тот немедленно выступил против правительственных сил [1085, с.298].

Тем не менее 19-го февраля сторонники Нгуен Кханя полковник Фам Нгаук Тхао и генерал Лам Ван Фат, пытаясь сохранить ситуацию под его контролем, захватили при поддержке порядка 50 танков центр Сайгона [1107, с.363]. Однако они так и не сумели овладеть авиабазой в Биенхоа, откуда Нгуен Као Ки угрожал путчистам бомбардировкой, который при поддержке США уже на другой день подавил путч и отстранил Нгуен Кханя от власти. [1129, с.310 – 312].

Уроженец севера генерал Нгуен Као Ки отличался экстравагантными манерами и был известен пристрастием к азартным играм и пурпурным шарфам, которые он носил вместе с чёрными летными костюмами. Американцы называли его «неуправляемой ракетой», а оппоненты «хулиганом» [1098, с.646]. Несмотря на это, 19-го июня 1965 г. Нгуен Као Ки стал премьером, а генерал Нгуен Ван Тхиеу занял номинальный в то время пост президента. Их приход к власти положил конец веренице военных переворотов на юге Вьетнама. Нгуен Као Ки и Нгуен Ван Тхиеу ввели цензуру, закрыли негодные им газеты и стали проводить схожую с «зьемовской» репрессивную политику в отношении

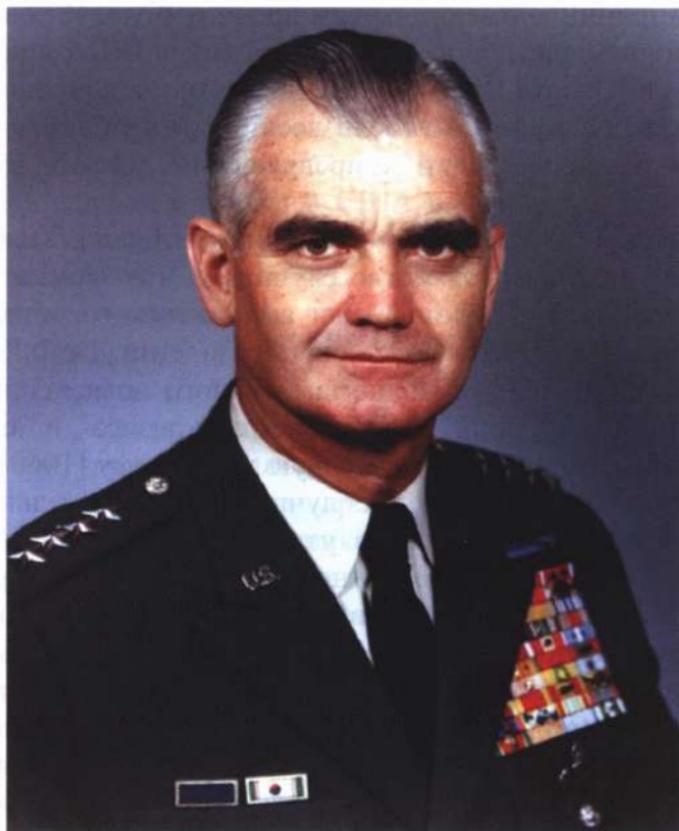
оппозиции. Поэтому во 2-ой половине 1965 г. буддийский монах Тхить Чи Куанг выступил с призывом отставки Нгуен Ван Тхиеу как «фашиствующего» бывшего члена зьемовской Персоналистской партии [1107, с.781, 782].

Нгуен Као Ки. 1965 г.

К 1964 г. военный персонал США в Южном Вьетнаме уже превысил 20 тысяч человек. Однако, когда после нападения 2-го марта 1965 г. частей НВСО на базу морских пехотинцев США в Плейку авиация США возобновила бомбардировки городов ДРВ, 8-го марта в районе Дананга

высадились первые 3500 американских морских пехотинцев, а к декабрю число американских солдат во Вьетнаме достигло 200 тысяч человек [1100, с.349 – 351].

Генерал Уильям Ч.Вестморленд, командующий войсками США во Вьетнаме с 06.1964 г. по 06.1968 г.

В 1965 г. в посольство США в Сайгоне был возвращён ушедший в отставку 1-го ноября 1963 г. Э.Лансдэйл, который к тому времени уже не занимал никаких официальных постов. Однако и его новая трёхлетняя миссия тоже не привела к существенному укреплению сайгонского режима. Следует отметить, что ни численный рост армии США, ни связанная с ним эскалация военных действий не сломили бойцов НФОЮВ. Так, например, 9-го – 13-го июня 1965 г. в ходе боёв в районе Донгсоай провинции Фьюклаунг части южновьетнамской

армии понесли такие тяжёлые потери, что для их спасения генерал Уильям Ч.Вестморлэнд был вынужден задействовать американские воздушно-десантные части.

В принципе именно с этим временем следует связывать начало полномасштабного вовлечения войск США в наземные операции в Южном Вьетнаме. Как известно, в конечном итоге это привело не только к гибели десятков тысяч американских солдат и офицеров, но и к превращению многих из них в жестоких карателей.

В 1973 г. журналист и публицист Дэвид Халберстам попытался показать, как могло случиться, что «самые лучшие и блистательные» представители американского общества, а именно из них состояла «команда» президента Дж.Ф.Кеннеди, оказались виновниками полномасштабного вовлечения США во вьетнамскую войну, Кубинского кризиса и едва не спровоцировали всемирную ядерную катастрофу [1069].

Очевидно, что «самые лучшие и блистательные» не могли не понимать того, что утверждение «Мы здесь для того, чтобы обеспечить вьетнамцам свободу выбора того правительства, которое они хотят», так же голословно, каким было бы заявление “Белл Телефон” о вере в право каждого свободно выбирать свою телефонную компанию». Понимали они и то, что «во всех рассуждениях “о спасении Вьетнама от коммунистов” один факт постоянно сознательно замалчивался, а именно тот, что во Вьетнаме уже было коммунистическое правительство. Более того, народ избрал его в ходе первых разрешённых вьетнамцам выборов 6-го января 1946 г. Сам этот факт уже опровергает выдвигаемый Америкой предлог пребывания во Вьетнаме, так как Америка вряд ли может претендовать на то, что помогает вьетнамцам избрать правительство, которое они хотят, так как они уже сделали свой выбор задолго до этого» [1068]¹.

¹ Последняя страница суперобложки.

Глава 2

Прямое участие США в наземных военных операциях на территории Республики Вьетнам в 1965 – 1972 гг. при президенте Нгуен Ван Тхиеу. Парижские соглашения 1973 г. и падение сайгонского режима в 1975 г.

1. От «Игры с ограниченным риском» до «Специальной войны» США, «Тонкинский инцидент»

Пришедшая к власти в США в 1961 г. администрация президента Дж.Ф.Кеннеди ещё надеялась, что увеличением экономической и финансовой помощи вместе с усилиями американских военных советников по подготовке вооружённых сил удастся помочь сайгонским властям одержать верх в борьбе с повстанцами. Поэтому США продолжили курс президента Дуайта Эйзенхауэра, получивший позднее название «Игры с ограниченным риском»¹. Вьетнам в это время ещё не был в числе приоритетных проблем американской политики. Президент Дж.Ф.Кеннеди начал обращать серьёзное внимание на Вьетнам только после поражения американского десанта в Заливе Свиней на Кубе в апреле 1961 г. И тем не менее именно в последние годы его президентства были приняты решения, значительно изменившие политику США в ЮВА. По словам генерала Ф.Дэвидсона, Дж.Ф.Кеннеди, «был полон решимости отразить коммунистическую агрессию в Юго-Восточной Азии и продемонстрировать советскому лидеру Н.Хрущёву готовность США поддерживать своих союзников перед лицом национально-освободительных движений» [370, с.487]. Поэтому, когда в начале мая 1961 г. Нго Динь Зьем обратился к посетившему Южный Вьетнам и передавшего ему послание президента США вице-президенту Линдону Б.Джонсону с просьбой помочь в увеличении армии ещё на 100 тысяч солдат, то эта помощь была ему оказана. Правда, он получил согласие на увеличение не на 100, а на 30 тысяч, в результате чего её численность достигла 200 тысяч человек [148, с.80]. Тогда же во Вьетнам в дополнение к очередной сотне военных советников, готовивших так называемых «коммандос» для сайгонской армии, были направлены четыреста офицеров

спецназа («зелёных беретов»). Кроме того, Дж.Ф.Кеннеди приказал начать подготовку секретных операций против НФОЮВ и засылку диверсионных групп на север, а в октябре того же года группа американских инструкторов начала подготовку к операции на границе с Лаосом.

Высадка американцев во Вьетнаме. Куангнгай, 1963 г.
Фото Ф.Дж.Гриффитса [1068]

В декабре в Южный Вьетнам были переброшены первые регулярные подразделения ВС США – две вертолётные роты. К концу президентства Дж.Ф.Кеннеди там было уже более 16 тысяч американских военных советников, хотя по Женевским соглашениям их могло быть не более 685. Летая на вертолётах, они участвовали в боевых действиях и несли потери. Так в 1963 г. они потеряли убитыми и ранеными около 500 человек [148, с.110]. В то же время участились жалобы правительства ДРВ в Международную комиссию по контролю за выполнением Женевских соглашений на систематические нарушения её воздушного пространства американскими самолётами² и вторжения частей сайгонских войск в районе ДМЗ. Таким образом, вьетнамский конфликт постепенно становился одним из «горячих» очагов «холодной войны», а «Игра с ограниченным риском» при Дж.Ф.Кеннеди быстро

превращалась в так называемое «Широкое обязательство» по защите Южного Вьетнама. Но поскольку развязывание военного конфликта в Южном Вьетнаме по типу Корейской войны в это время не входило в планы администрации Кеннеди, в Вашингтоне избрали вариант «Специальной войны», известный также как «план Тэйлора – Стэйли»³. По этому плану боевые части американских войск не должны были участвовать в военных действиях. Это было задачей армии Нго Динь Зьема. При этом сами США брали на себя снабжение, обучение и финансирование южновьетнамской армии, а её подразделения вплоть до уровня батальона контролировались американскими генералами и офицерами. Вдоль границ с Лаосом и Камбоджи решили создать «мёртвые пояса» шириной до 500 м, в пределах которых предполагалось уничтожить при помощи особого химического оружия¹ всю растительность, чтобы она не мешала просматривать с воздуха дороги и лесные тропы. Одновременно началось вооружение и обучение ряда горных племён, которых предполагали использовать для нападений на колонны машин с оружием, направлявшиеся на юг. Продолжалось и переселение крестьян в «стратегические деревни», на основе которых намечалось выстроить всю систему обороны [1059, с.338]. С тем чтобы поделиться десятилетним успешным опытом такого переселения в Малайе, в Южный Вьетнам зачастили английские эксперты.

Начиная с 1955 г. Армия Нго Динь Зьема создавалась и американскими инструкторами, по их опыту и разумению, как армия вторжения. Она готовилась и оснащалась для будущего «похода на север». Упор делался на численное превосходство, повышение огневой мощи, механизацию и транспортировку живой силы. В Пентагоне на основании изучения опыта национально-освободительных войн в различных районах мира пришли к выводу, что «при всех прочих условиях рассчитывать на победу “сил порядка” можно только в том случае, если они достигнут численного превосходства над противником в соотношении 10 : 1» [787, с.331]. Всё это, как

¹ Так называемый «оранжевый элемент», содержащий диоксин.

позднее признали американские же аналитики, не отвечало требованиям войны в условиях Южного Вьетнама, которая велась в отсутствие чётких линий фронта, а противник, снабжаемый с севера, ничего не защищал и нападал по собственному усмотрению. Он был одновременно везде и нигде. Обученная американцами южновьетнамская армия вскоре оказалась в той же ловушке, в которой десятилетием ранее очутились французские экспедиционные силы. «Позабыв тяжёлые уроки Индокитайской войны, – писал один из самых известных в то время знатоков этого региона Бернард Фолл, – новая южновьетнамская армия была обучена и подготовлена к ведению войны против своего северного противника в условиях обычных боевых действий». Но ей противостояли крестьяне, которые отказывались платить налоги, игнорировали назначенных властями нотаблей, прятали неуловимых партизан, рыли ямы с острыми кольями на дорогах, похищали или убивали полицейских и наиболее усердных чиновников правительственной администрации. Тяжёлая артиллерия и реактивные бомбардировщики тут были просто бесполезны. Этой армии требовалось другое, более подходящее вооружение и другие инструкторы [1058, с.334].

США продолжали утверждать, что американские вооружённые силы никак не участвуют в боевых действиях, а военные специалисты находятся там только для того, чтобы «советовать, наблюдать, поддерживать и помогать». Но факты свидетельствовали об обратном. В прессу просочились данные, что американская авиация только в 1962 г. совершила свыше 5 тысяч боевых вылетов для непосредственной поддержки операций правительственных войск⁴.

В феврале 1962 г. было создано американское военное командование в Южном Вьетнаме во главе с заместителем командующего сухопутными силами США на Тихом океане генералом Полем Харкинсом. Ему подчинялись все многочисленные военные миссии США в Сайгоне. В штабе Харкинса было 14 генералов, которые фактически руководили всеми действиями южновьетнамской армии. По мнению Б.Фолла, это означало «открытое вступление Америки в новую Индокитайскую войну» [1058, с.337]. Однако добиться

перелома в войне Дж.Ф.Кеннеди не удалось, а потому его преемник Линдон Б.Джонсон был вынужден решать крайне сложную задачу.

36-ый президент США Линдон Б.Джонсон
(22.11.1963 – 20.01.1969 гг.)

Придя в Белый дом Л.Джонсон уже через четыре дня утвердил программный меморандум о необходимых действиях по укреплению национальной безопасности, определявшем основные задачи американской политики в Южном Вьетнаме как «помощь народу и правительству этой страны для победы в противостоянии направляемому и поддерживаемому извне коммунистическому заговору» [148, с.233].

В декабре 1963 г. в администрации Линдона Б.Джонсона пришли к выводу, что и новое южновьетнамское

правительство не в состоянии контролировать ситуацию. Попытка военных примирить буддистов с католиками имела ограниченный успех, а ослабление репрессий способствовало появлению новых, ещё больше дестабилизировавших режим политических течений. В январе 1964 г. произошел ещё один переворот, напор оппозиции не ослабевал и правительство Республики Вьетнам контролировало лишь небольшую часть сельских районов. Появились даже основания ожидать победы сторонников нейтрализации Южного Вьетнама, что, по мнению США, неизбежно должно было повлечь за собой утверждение власти коммунистов. Поэтому окружение Линдона Б.Джонсона всё больше склонялось к необходимости нанесения удара по ДРВ и к полномасштабной военной интервенции.

Со своей стороны руководство ДРВ, укрепив экономическое и политическое положение в стране, тоже получило возможность увеличить помощь НФОЮВ оружием и подготовленными кадрами, в том числе бойцами и политработниками теперь уже и из северян. НВСО были реорганизованы в более крупные тактические части и соединения. Так, в 1964 г. была создана дислоцированная к западу от Сайгона в провинции Тэйнинь прославившаяся позднее своими боевыми успехами 9-ая дивизия.

Всё разномастное вооружение бойцов НВСО было обновлено и стандартизировано. Они стали пользоваться главным образом советскими автоматами АК-47 и пулемётами единого калибра¹, противотанковыми гранатомётами РПГ-2, а также 57-мм и 75-мм безоткатными орудиями. О результатах этой работы можно судить по отчету посла США в Южном Вьетнаме М.Тейлора, сообщившего в Вашингтон 10-го августа 1964 г., что «В том, что касается оснащения и обучения, солдаты Вьетконга теперь вооружены и подготовлены лучше, чем когда-либо ранее» [148, с.291].

В то же время Ханой находился в достаточно сложном положении, поскольку руководство ПТВ было вынуждено выстраивать свою политику в условиях острой конфронтации

¹ В основном это были автоматы и пулемёты китайского производства.

между КПСС и КПК. Эта ситуация была тем более опасна, что без помощи СССР и КНР не только воссоединение страны, но и само существование ДРВ было бы поставлено под сомнение¹.

Интересно, о чём думает этот солдат, который знает о гибели при взрыве подземного тоннеля прятавшихся в нём мужа этой женщины и других мужчин деревни, которая будет стёрта огнём тяжёлой артиллерии с лица земли вместе с женщинами и детьми после ухода американцев?

Куангнгай, 1963 г. Фото Ф.Дж.Гриффитса [1068]

Тем временем становилось всё более очевидно, что и «Специальная война» США в Южном Вьетнаме ожидаемых результатов не даёт. В декабре 1963 г. министр обороны Р.Макнамара совершил длительную инспекционную поездку в Южный Вьетнам и вернулся с крайне пессимистическим докладом президенту, где, в частности, писал: «Успехи вьетконга после переворота столь значительны, что положение в стране резко ухудшилось, в немалой степени, как я думаю, в результате нашей полной зависимости от недостоверной информации вьетнамцев. Вьетконг сейчас контролирует значительную долю населения в целом ряде ключевых провинций, особенно южнее и западнее Сайгона. Успех

¹ О взаимоотношениях ПТВ с КПСС и КПК смотри в «Главе 3» «Части I» настоящего тома.

программы строительства “стратегических деревень” в них сильно преувеличен. Вьетконгу удалось многие из них просто ликвидировать, тогда как остальные были или покинуты жителями, или же расхищены и разрушены самими правительственными войсками. В этих ключевых провинциях вьетконг контролирует почти все главные дороги и даже собирает налоги по собственному усмотрению» [148, с.272]. И действительно, подразделения сил освобождения уже угрожали не только частям сайгонской армии, но и американским советникам. Так, например, в период с 3-го по 6-ое февраля 1964 г. они развернули широкомасштабное наступление в провинции Тэйнинь и в дельте Меконга.

3-го февраля атаке вьетконга подверглась резиденция американских советников в Контуме, а 7-го февраля был устроен взрыв в сайгонском театре «Киньдо»¹, когда там находились лишь американцы, при этом трое погибли и пятеро получили ранения. В этой связи Объединённый комитет начальников штабов ВС США 18-го февраля вновь выступил с предложением принять серьёзные, вплоть до бомбовых ударов меры против Северного Вьетнама [370, с.483]. Однако администрация Л.Джонсона ещё некоторое время не решалась принимать решение о вступлении американских войск в войну. В ближнем окружении президента сохранялись опасения потенциальной угрозы интервенции Китая и понимание необходимости определённой сдержанности, чтобы не спровоцировать ни КНР, ни СССР на военное вмешательство. Но там, несомненно, учитывали как углубление советско-китайских противоречий, так и охлаждение советско-вьетнамских отношений при Н.С.Хрущёве.

Пока шли поиски и споры, администрация Л.Джонсона усиливала давление на ДРВ как на дипломатическом, так и на военном фронте. В дипломатическом плане с лета 1964 г. начались секретные контакты с руководством ДРВ через посредничество посла Канады в Международной контрольной комиссии по наблюдению за выполнением Женевских соглашений⁵. Он передал премьер-министру ДРВ Фам Ван

¹ «Столица».

Донгу требование прекратить всякую помощь НФОЮВ взамен на обещание экономической помощи ДРВ. Он также информировал премьера ДРВ, что в Конгресс США уже в мае 1964 г. был внесён проект резолюции, который давал разрешение президенту на расширение военных действий в Индокитае. Фактически это был ультиматум, ответ на который последовал тоже категорически отрицательный. Вьетнамская сторона потребовала от США вывести своих советников из Южного Вьетнама и согласиться на участие представителей НФОЮВ в правительстве будущего нейтрального Южного Вьетнама [1300, с.217]. 4-го августа 1964 г. два американских эсминца вошли далеко в территориальные воды ДРВ и якобы были атакованы пограничными катерами. Всё происходило в весьма тревожной обстановке сразу после ряда тайных операций и обстрелов с американских военных кораблей нескольких вьетнамских островов в заливе [148, с.253 – 268]. Была ли на самом деле эта весьма сомнительная атака пары катеров против эсминцев или нет, но так эта их ночная встреча у берегов ДРВ была подана миру американской печатью. Якобы в ответ со «случайно оказавшегося в кустах» авианосца немедленно были подняты бомбардировщики для нанесения удара по базам вьетнамских катеров в Хонгае. Секретные документы Пентагона, переданные в 1971 г. в печать одним из ведущих аналитиков Пентагона Даниэлем Элсбергом, свидетельствуют, что в действительности никакого нападения не было, а была заранее хорошо подготовленная провокация, положившая начало восьмилетней жесточайшей воздушной войне США против ДРВ. К такому выводу пришла много позднее и Комиссия по иностранным делам Конгресса США, расследовавшая этот инцидент. Но уже 7-го августа 1964 г. обе палаты Конгресса почти единогласно одобрили заготовленную задолго до этого пресловутую «Тонкинскую резолюцию», в которой говорилось, что Конгресс «одобряет и поддерживает необходимые меры для отражения нападения на вооружённые силы США и предупреждения дальнейшей агрессии». По сути, это означало объявление войны с предоставлением всех полномочий президенту [148, с.219].

Получив карт-бланш от Конгресса, Л.Джонсон не спешил с началом активных действий на севере. На предстоявших президентских выборах он выступал как «кандидат мира и благоразумия» против соперника-республиканца известного «ястреба» Барри Голдуотера. Без видимых последствий он оставил без внимания даже одну из самых успешных операций НВСО, атаковавших 1-го ноября 1964 г. базу ВВС в Биенхоа в 7 км от Сайгона, в ходе которой было уничтожено более десятка самолетов и убито около сотни сайгонских курсантов и их американских инструкторов. Тщательно готовившиеся массированные бомбардировки Северного Вьетнама были отложены до завершения президентской «гонки». К тому времени резко ухудшилась для США обстановка в Лаосе, через который по «тропе Хо Ши Мина» в Южный Вьетнам доставлялась помощь из ДРВ. Поэтому эскадрильи винтовых Т-28 с лаосскими опознавательными знаками под прикрытием некоей подконтрольной ЦРУ частной фирмы совершали регулярные полеты в Лаос, охотясь за вьетнамскими грузовиками, обстреливая отряды Патет Лао и сбрасывая оружие мятежным племенам, подкупленные вожди которых согласились совершать налёты на вьетнамские колонны грузовиков. Одновременно с этим американские корабли усилили патрулирование берегов ДРВ.

7-го и 8-го февраля 1965 г. в момент пребывания в Ханое советской правительственной делегации во главе с председателем Совета министров СССР А.Н.Косыгиным пятьдесят американских бомбардировщиков нанесли мощный удар по г.Донгхой и ряду других населенных пунктов ДРВ вблизи 17-й параллели. Выбор момента для удара, скорее всего, не был случайным совпадением. Его целью было запугать не только руководство ДРВ, но заодно и Советского Союза. 13-го февраля 1965 г. Л.Джонсон приказал начать систематические бомбардировки Северного Вьетнама под кодовым названием операция «Раскаты грома», а 8-го марта того же года два батальона морских пехотинцев США высадились в Дананге якобы для охраны американской базы ВВС. Так началась восьмилетняя «Ограниченная война» США

в Индокитае. Вместе с тем это стало поворотным пунктом и во второй Войне сопротивления, которая охватила отныне весь Вьетнам, где юг был фронтом, а север – его тылом⁶.

2. Эскалация войны в Южном Вьетнаме и бомбардировки американской авиацией городов ДРВ

Расчёт администрации президента Л.Джонсона на то, что поглощённые своими противоречиями Советский Союз и Китай не смогут эффективно помочь ДРВ в отражении воздушных атак американской авиации в целом не оправдался. Новое руководство КПСС придерживалось уже другой политики в отношении Вьетнама. Так, во время своего визита в Ханой в начале 1965 г. А.Н Косыгин сообщил о том, что Советская сторона приняла решение о максимальном удовлетворении всех просьб вьетнамского руководства [313, с.31]. Особое внимание было уделено срочной поставке в ДРВ современных средств ПВО, в том числе боевых самолётов, зенитных ракет, танков, артиллерии и боеприпасов. Также продолжались и увеличивались поставки комплектующего оборудования, транспортных средств, нефтепродуктов, чёрных и цветных металлов, медикаментов и продовольствия. Немалая часть этих поставок переправлялась по «тропе Хо Ши Мина» и морем на юг. Опираясь на всестороннюю помощь Советского Союза и ряда других социалистических стран, вьетнамское руководство сумело постепенно превратить ВНА в одну из наиболее боеспособных армий мира и создать на севере одну из самых мощных систем ПВО, когда-либо создававшихся в истории войн. Уже 24-го июля 1965 г. в бой с американскими истребителями-бомбардировщиками вступили советские ЗРК «Двина» и первые три самолёта были сбиты советскими расчётами, прибывшими во Вьетнам для обучения вьетнамских стажёров. За первый год воздушной войны в небе ДРВ было сбито 800 американских самолётов, а за время с 7-го февраля 1965 г. по 1-ое ноября 1968 г., после чего США взяли паузу в бомбардировках, по официальным данным ДРВ, вероятно, несколько преувеличенным, было сбито более 3000 американских самолетов [1300, с.223]. Данные ЦРУ США показывают потери 171 самолёта в 1965 г. и уже 318 в 1966 г.,

что тоже было высокой ценой, которую пришлось заплатить за «Раскаты грома» [148, с.523]. К тому же быстро стало расти и число взятых в плен американских пилотов.

МИГ 17 и F-4C Phantom в небе Вьетнама. 1965 г.

По данным Генерального штаба ВС СССР за период с июля 1965 г. по 31-ое декабря 1974 г., через войну во Вьетнаме прошли 6359 советских офицеров и генералов и более 4500 сержантов и солдат [313, с.35]. Такой радикальный поворот в политике СССР по отношению к Вьетнаму не в последнюю очередь был связан с надеждой наладить сотрудничество с КНР в ходе совместного оказания помощи ДРВ, что позволило бы оставить в прошлом идеологические разногласия двух партий. Ещё по пути в Ханой и при возвращении А.Н.Косыгин дважды встречался с лидерами КНР, безуспешно пытаясь договориться о совместных действиях и координации помощи Вьетнаму. Советское правительство позднее вновь просило принять меры по обеспечению доставки советского вооружения в ДРВ, но также получило отказ Пекина. Единственное, на что всё-таки пошли китайские руководители

по просьбе ДРВ, было согласие на бесплатную перевозку через свою территорию во Вьетнам оружия и боеприпасов. Но уже в 1966 г. в ходе «культурной революции» в КНР транспортные коммуникации оказались во власти хунвэйбинов, которые чинили всевозможные препятствия советским военным поставкам во Вьетнам под предлогом «борьбы с советским ревизионизмом». Но они не могли позволить себе перекрыть их полностью из-за риска «потерять лицо» в международном коммунистическом движении. Со своей стороны Китай также продолжал оказывать помощь ДРВ оружием, промтоварами и продовольствием. С согласия правительства ДРВ он ввёл в пограничные с КНР провинции ДРВ части своих сил со средствами ПВО.

Бомбардировки американской авиации велись большими силами и с нарастающей интенсивностью. Так, количество боевых вылетов выросло с 3600 в апреле 1965 г. до 4000 в мае того же года. Бомбили с баз в Таиланде и с авианосцев в Тонкинском заливе. Удары наносились как по дорогам, ведущим на юг, так и по путям, связывавшим страну с Китаем. Разрушались мосты и паромные переправы. Бомбили радарные установки, казармы и склады. Затем начали бомбить нефтебазы и склады ГСМ. Практически бомбили всё подряд, не щадя никаких гражданских объектов, причём с применением напалма, шариковых и кассетных бомб, предназначенных для массового поражения живой силы. По американским данным, общий тоннаж сброшенных в 1965 г. бомб составил 33 тысячи т, а в 1966 г. он достиг 128 тысяч т. Бомбардировки нанесли огромный ущерб стране, оставив в руинах множество городов и крупных населенных пунктов. Жертвы среди мирного населения вскоре достигли ужасающих масштабов. В конце 1966 г. ЦРУ подвело некоторые итоги воздушной войны. По его данным (в ДРВ эти цифры не публиковались), количество убитых среди гражданского населения доходило до 30 тысяч человек в год. Американские стратеги не скупилась на всё более устрашающие заявления, грозя «вбомбить Северный Вьетнам в каменный век». Они надеялись, что столь безжалостное разрушение с трудом восстановленной экономики и всех только что построенных

предприятий в сочетании с голодом и лишениями заставит руководство ДРВ понять, что в его собственных интересах прекратить то, что США называли «агрессией против юга», и запросить пощады. Поэтому интенсивные воздушные налёты сменялись краткими паузами, которые использовались для пробных контактов через послов в Москве и Варшаве [148, с.515, 523, 330]. Всё это в американской литературе получило название «Ограниченной войны», которая пришла на смену «Специальной войне» администрации Дж.Ф.Кеннеди. В окружении президента Л.Джонсона считали, что войну можно вести «ограниченными средствами», добиваясь при этом «ограниченных целей». В то же время, вторжение на север сухопутных войск США и их союзников, как это было в Корее, полностью исключалось, что не давало ни СССР, ни Китаю повода для вступления в войну. Исключалось и применение ядерного оружия, что не было бы принято ни американским, ни мировым общественным мнением. Да и целей для него во Вьетнаме не было. Ограниченность целей состояла в том, чтобы «искусным образом применять силы по всему спектру..., заставляя противника договариваться через посредство градуированных военных ответов...» [370, с.516]. Все эти хитроумные расчёты оказались ошибочными, так как в них изначально была заложена недооценка многовековой традиции борьбы вьетнамского народа против иностранных оккупантов. Кроме того, оказалось, что вопреки всем расчётам стратегов Пентагона, ДРВ в этой тяжелейшей ситуации не осталась без помощи друзей, прежде всего Советского Союза. «Сигналы», которые американцы, наращивая эскалацию «Ограниченной войны», посылали руководству ДРВ, как правило, им не воспринимались или приводили к реакции, диаметрально противоположной ожидаемой.

В конце 1964 г. руководство ДРВ приняло решение о направлении частей главных сил ВНА в Южный Вьетнам. Нго Динь Зьема, ещё хоть как-то контролировавшего положение, уже не было, а его преемники, захватывавшие власть в результате военных переворотов, оказались никудышными руководителями. Военная ситуация складывалась далеко не в их пользу, и казалось, одного хорошего толчка будет

достаточно, чтобы свалить не имевшее опоры в народе правительство.

Горный перевал на дороге из Хюе в Дананг.
Центральный Вьетнам. 03.04.2011 г.

В июне 1967 г. начальник Генерального штаба ВНА генерал Ван Тиен Зунг написал об этом времени в газете

«Народная Армия» следующее: «В середине 1964 г. южновьетнамская революция смело шагала вперёд, а марионеточная администрация и вооружённые силы фактически разваливались на глазах» [1739.1]. По мнению Политбюро ЦК ПТВ, части главных сил армии севера, включившись во «всенародное восстание», как раз вернее всего и могли «подтолкнуть» судорожно балансирующее на краю пропасти «марионеточное» правительство юга. Руководство ПТВ отдавало себе отчёт в том, что разгромить американские войска в Южном Вьетнаме имеющимися силами невозможно. Оно делало ставку на затягивание войны и накопление сил, ибо время работало против американцев. Много лет спустя Г.Киссинджер сформулировал афоризм, точно передающий главную закономерность такой войны: «Когда правительственные войска не побеждают, они проигрывают войну, и, наоборот, партизаны, когда их не побеждают, войну выигрывают» [1090, с.466].

Эта война была не похожа на обычную войну, которая ведётся традиционными средствами. Не была она и только повстанческой или партизанской. Она также не была войной террористов с государством, хотя НВСО в этом отношении не были «белыми и пушистыми», политические убийства, похищения и прочие акции устрашения из их арсенала никогда не исключались. Поэтому можно сказать, что на начальном этапе эта война являлась прежде всего политической борьбой за полный контроль над государством. Кроме того, она была затяжной и тотальной, требовавшей мобилизации всех сил и средств нации, чего удалось достичь руководству ПТВ на севере, при этом фактор времени работал на силы освобождения. Наконец, на новой фазе этой войны произошёл переход от политической борьбы и партизанских действий к накоплению военной силы и её всё более решительному применению. Стратегическая концепция «народной войны», которую взяло на вооружение руководство ПТВ, по словам одного из главных её разработчиков Во Нгуен Зяпа, всегда состояла в сочетании и комбинировании военной, политической и дипломатической борьбы, партизанской и обычной войны, а также в сочетании мелких, средних и

полномасштабных операций [1148, с.269]. Её цели были сформулированы в программе урегулирования, которую правительство ДРВ выдвинуло ещё в апреле 1965 г.:

- ❖ Вывод войск и вооружений США из Южного Вьетнама и прекращение посягательств на территориальную целостность и суверенитет ДРВ.
- ❖ До мирного воссоединения Вьетнама, в соответствии с Женевскими соглашениями 1954 г., ни одна и из его частей не должна входить ни в какие военные союзы и иметь иностранные военные базы и войска других стран на своей территории.
- ❖ Проблемы Южного Вьетнама должны решаться без иностранного вмешательства на основе программы НФОЮВ.
- ❖ Мирное воссоединение страны должно осуществляться вьетнамским народом без всякого вмешательства извне.

Ещё в 1966 г. ЦРУ, проанализировав результаты первого года бомбардировок севера и убедившись в их малой эффективности, предупреждало, что «коммунисты будут держаться ещё долго», что Северный Вьетнам располагает ресурсами для ведения продолжительной и расширяющейся войны и что бомбардировки «не уменьшили способность севера поддерживать вьетконг» [148, с.466]. Однако в то время большая часть администрации Л.Джонсона не желала слушать пессимистические прогнозы собственной разведки.

Единственный, кто начал задумываться над печальным исходом всей операции, был сам её главный стратег и «архитектор» войны – министр обороны Роберт Макнамара. Вместо не дающих искомого результата и дорогостоящих бомбардировок по его приказу американские учёные разработали проект создания электронного барьера вдоль всей ДМЗ, начиненного приборами ночного видения, системами обнаружения и предупреждения, техникой для распыления дефолиантов и другими новейшими средствами.

Однако осуществить этот фантастический проект министру обороны США не удалось. Вскоре он окончательно разуверился в возможности одержать победу в этой войне и в 1967 г. ушел в отставку.

3. Республика Вьетнам и президент Нгуен Ван Тхиеу в 1965 – 1975 гг.

3.1. Новая фаза национально-освободительной войны в Южном Вьетнаме (1965 – 1968 гг.)

В результате целой серии военных переворотов в Сайгоне к власти пришел в 1965 г. сорокалетний генерал-католик Нгуен Ван Тхиеу¹. В глазах американцев главными достоинствами Тхиеу был фанатичный антикоммунизм и что он доверял им вести войну по собственному усмотрению⁷. Поэтому командование США позволяло Нгуен Ван Тхиеу укреплять собственную власть, назначая «своих» армейских друзей на все ключевые посты в правительстве независимо от их компетентности. Естественно, положение режима от этого не становилось прочнее, при этом один политический кризис сменялся другим.

Американские наблюдатели на местах сообщали, что «Положение в целом плохое и продолжает ухудшаться. Вьетконг удерживает инициативу. Пораженческие настроения, господствующие в сельских районах, всё более проникают в города и захватывают даже солдат правительственных войск, особенно имеющих родственников в деревне. Программы властей в примыкающих к Сайгону провинциях мало эффективны. Положение в дельте Меконга остаётся плохим. Контроль правительства неуклонно сокращается и сводится к нескольким анклавам, некоторые из которых переполнены беженцами...» [148, с.432].

С середины 1965 и по конец 1967 г. одновременно с бомбардировками севера происходила эскалация боевых действий и в Южном Вьетнаме. Вооружённые силы США проводили крупномасштабные наступательные операции, известные как тактика «Найти и уничтожить», которая была разработана главнокомандующим американскими силами генералом Уильямом Ч.Уэстморлендом. Уже к концу 1965 г. численность американских войск достигла почти 200 тысяч

¹ Смотри «Параграф 2.3» предыдущей главы.

человек, но генерал Уэстморленд продолжал добиваться их увеличения.

Нгуен Ван Тхиеу на переговорах в Париже. 1969 г.

К декабрю 1965 г. он запрашивал 542 тысячи солдат и офицеров. Началась переброска военнослужащих из частей, находившихся на базах США в ФРГ, Южной Корее и других странах. Однако доступные людские резервы вскоре были исчерпаны, поэтому без всеобщей мобилизации удовлетворить просьбы командования в Южном Вьетнаме оказалось

невозможным, что также было невозможно в обстановке нарастающего антивоенного движения. Л.Джонсон просто не мог обратиться в Конгресс с просьбой о призыве резервистов [148, с.385, 459]. Также, наряду с увеличением численности сайгонской армии, шло наращивание группировок целого ряда союзников США в Южном Вьетнаме⁸.

Американские солдаты «Отряда «Зиппо»»¹ за «работой».
Провинция Тэйнинь, 1967 г. Музей Войны. Хошимин, 13.04.2011 г.

В октябре 1966 г. Линдон Б.Джонсон существенно изменил американскую стратегию во Вьетнаме, поскольку с того момента операции по так называемому «умиротворению» сельских районов стали возлагаться на сайгонскую армию, а против регулярных частей НВСО – на американцев. Быстро наращивая численность своих войск, американское военное командование полагало, что соотношение сил радикально изменится в их пользу и само появление американских солдат в боях поднимет катастрофически падавший боевой дух

¹ «Отряд «Зиппо»» – так назывались специальные отряды, пользовавшиеся знаменитой зажигалкой «Зиппо» для поджигания домов в эвакуируемых вьетнамских деревнях.

сайгонской армии. Но всё оказалось не совсем так, как ожидалось.

Тэйнинь, 1967 г. Фото Ф.Дж.Гриффитса [1068]

Первое крупное сражение с участием наземных сил США произошло в августе 1965 г. в северной части страны. Ещё несколько операций были осуществлены осенью, наиболее значительными из них стали бои в долине Ядранг на Центральном плато вблизи от границы с Камбоджей, в которых с обеих сторон участвовали силы, эквивалентные дивизии [370, с.563]. При этом части НВСО продолжали

активно действовать по всей территории страны, что было особенно важно с психологической точки зрения. Они показали, что бойцы регулярных частей и партизаны не боятся вступать в бой с американцами и делают это достаточно успешно, что позволяло им удерживать в своих руках стратегическую инициативу [1300, с.221].

Пытаясь играть с вьетнамцами «по правилам», американцы смогли противопоставить им только невнятную стратегию «Ограниченной войны», при этом они всё чаще срывались в бессмысленные зверства вроде варварской резни в деревне Шонми, которая потрясла весь мир⁹. Однако два сухих сезона 1966 – 1967 гг., когда военные действия шли особенно интенсивно, успеха американским войскам не принесли. Этим была создана новая стратегическая обстановка и более благоприятные условия для достижения трёх главных целей НФОЮВ: уничтожение живой силы противника, завоевание народной поддержки и удержание контролируемой территории на каждый следующий год. В результате к концу 1967 г. ситуация в Южном Вьетнаме окончательно зашла в тупик. Американцы так и не смогли предотвратить, как они говорили, «инфильтрацию» новых подразделений противника ни через ДМЗ, ни с «тропы Хо Ши Мина», а оказавшиеся недостаточно эффективными операции армии США против баз НФОЮВ не изменили сложившегося в стране баланса сил.

В этот момент XIV пленум ЦК ПТВ 3-го созыва принял решение о подготовке широкого контрнаступления с целью переломить ход войны, которое началось 20-го января 1968 г. с удара по американской базе в Кхесани в западной части провинции Куангчи. Но это был лишь отвлекающий маневр с целью создать впечатление, что именно здесь будет нанесен главный удар.

В ночь с 30-го на 31-ое января 1968 г. в главный вьетнамский праздник «Тэт»¹ силы освобождения нанесли одновременно удары в самых разных местах по всей территории Южного Вьетнама, из которых самые мощные – по Сайгону и Хюе. Нападению подверглись многочисленные

¹ Новый год по лунному календарю.

базы, склады, аэродромы и командные пункты. В Сайгоне были обстреляны посольство США, Генштаб сайгонской армии, аэропорт Тансоньет и многие другие объекты. Столица Центрального Вьетнама г.Хюе вообще на несколько недель была захвачена силами НВСО.

Удар по городам. Как в «вестерне», но только не в кино.

Хюе. Январь 1968 г. Монтаж из фотографий Ф.Дж.Гриффитса [1068]

После первоначальной паники американцам всё же удалось организовать контрнаступление, и главные силы НВСО были вынуждены отступить, понеся значительные потери. Завершившаяся 25-го февраля 1968 г. операция НВСО нанесла американцам мощный и неожиданный удар, который сильно подорвал боевой дух американских войск и обозначил важный поворот в ходе войны. Считается, что сильнейшее впечатление, произведённое в год очередных президентских выборов кадрами обстрела посольства США в Сайгоне на американское общественное мнение, привело к отказу Л.Джонсона баллотироваться на второй срок. С этим же

следует связывать очередную паузу в бомбардировках ДРВ¹ и предложение начать переговоры, прозвучавшее в выступлении Л.Джонсона 31-го марта 1968 г.

3.2. Война во Вьетнаме и мировое общественное мнение

Начавшаяся в мире информационная революция, прежде всего – телевидение, принесла прямо в квартиры миллионов людей на всех континентах «живое» изображение дыма и крови сражений в небольшой и недавно ещё колониальной стране, расположенной за тысячи миль от США и Европы. Несмотря на все усилия далеко не слабых и беспомощных информационных служб администрации США направить гнев общественного мнения на осуждение «агрессии» Северного Вьетнама, увиденный собственными глазами ужас войны оказался действеннее всех речей и призывов для пробуждения человеческой совести. Поначалу инициаторами массового протеста против вьетнамской войны действительно выступали так называемые «международные демократические организации», в которых участвовали многие видные деятели науки и культуры, женщины, молодёжь и религиозные деятели Советского Союза и социалистических стран вместе с представителями коммунистических и левых партий других государств. В первую очередь речь идёт о таких организациях, как Всемирный совет мира, Международная демократическая федерация женщин, Всемирная федерация демократической молодежи и другие. В Советском Союзе это движение, организаторами которого выступили Советский комитет защиты мира, Советский фонд мира и Общество советско-вьетнамской дружбы, быстро превратилось в самое массовое и самое искреннее общественное движение того времени, ставшее важным фактором внутривнутриполитической жизни страны. Как для координации всей этой работы, так и с целью развития международного движения солидарности с вьетнамским народом в августе 1965 г. был образован Советский комитет поддержки Вьетнама, в составе которого

¹ Продолжались лишь бомбардировки самой южной части ДРВ вблизи демаркационной линии.

вели большую работу многие выдающиеся деятели науки и культуры того времени. Поэтому вскоре вьетнамская проблема оказалась в центре внимания большинства международных общественных организаций самой разной политической ориентации.

Вместе с тем очевидно, что это движение не получило бы такого размаха без всемерной поддержки со стороны мощного пропагандистского аппарата, который был приведён в действие в СССР. Перед советскими общественными организациями встала задача как найти общий язык со всеми антивоенными силами, так и наладить сотрудничество и совместные действия с ними. Эта задача была выполнена довольно успешно, что помогло этим организациям самим выйти из создавшейся с началом холодной войны изоляции.

Главной особенностью антивоенных выступлений того времени стала необычайная широта и разнообразие спектра общественных и политических сил, принимавших в них участие в самых разных странах. С началом войны на глазах преображались бесчисленные пацифистские организации на Западе. От их созерцательного и бездеятельного пацифизма тридцатых годов не осталось и следа. Лидеры и активисты этих организаций шли во главе массовых демонстраций, страстно выступали на митингах протеста, осаждали посольства США в различных странах пикетами и петициями с требованием немедленно прекратить бомбардировки ДРВ и вывести войска из Южного Вьетнама. Невиданные до этого многотысячные демонстрации протеста против «вьетнамской войны» волнами прокатывались по различным столицам Европы, США, Японии и Австралии. К лету 1967 г. сложились все условия для проведения большой и открытой для всех желающих международной встречи организаций и движений, выступавших за прекращение американской агрессии во Вьетнаме. Эта встреча, состоявшаяся 6-го – 9-го июля 1967 г. и известная под названием «Стокгольмская конференция по Вьетнаму», стала беспрецедентным и переломным событием [449]. Главное было то, что организаторам конференции впервые за годы холодной войны удалось объединить усилия английских лордов, видных деятелей Социалистического

интернационала, известных пасторов протестантской и священников католической церкви, учёных с мировыми именами, представителей общественных организаций СССР и социалистических стран, а также многих общественных деятелей стран Азии, Африки и Латинской Америки. Так началось практическое сотрудничество организаций и движений, находившихся до этого по разные стороны баррикад холодной войны. Стокгольмские конференции стали ежегодными и продолжались до 1975 г. Среди множества родившихся в Стокгольме инициатив особого внимания заслуживает опыт работы созданной там Международной комиссии по расследованию военных преступлений США во Вьетнаме, когда ещё и в помине не было Международного трибунала ООН в Гааге.

На сегодняшний день всем известно, что американцы применяли отравляющие вещества, от которых спустя годы после войны продолжали умирать люди во многих районах Южного Вьетнама, что на севере широко практиковались «ковровые бомбардировки» городов и крупных населённых пунктов, а против мирного населения использовался напалм, шариковые и кассетные бомбы. Следствием этого стало массовое разрушение больниц, детских учреждений, церквей и храмов. Одно время даже проводились целенаправленные бомбардировки дамб и других гидротехнических сооружений, что в условиях Вьетнама грозило затоплением огромных территорий. Но в то время об этом мало кто знал.

Все указанные факты было необходимо документально зафиксировать, сделать их достоянием общественности, дать им правовую оценку и хотя бы разоблачить их виновников, которых привлечь к ответственности не было никакой возможности. Этим занималась компетентная Международная комиссия по расследованию военных преступлений США в Индокитае, не имевшая таких полномочий, как современный Международный трибунал в Гааге. Правда и Сосединённые Штаты – не Югославия.

Наконец, первостепенное значение имел и рост антивоенных настроений в Америке. Как только вследствие роста человеческих потерь, экономических трудностей и

упадка моральных ценностей война в Индокитае затронула интересы каждого отдельного американца, в США разразился глубокий политический кризис, упало доверие к правительству и начались массовые антивоенные выступления. Это была практически общенациональная кампания, охватившая все Соединённые Штаты. Она прошла несколько этапов и усиливалась по мере того, как росло число убитых и искалеченных американцев, а сама интервенция становилась всё более безнадёжной. Позднее, в 1983 г. была даже выведена формула антивоенных движений: «Уровень поддержки войны населением обратно пропорционален количеству погибших в ней людей» [370, с.789].

Транспортный самолёт С-123 распыляет дефолиант «Оранжевый элемент» над джунглями в Южном Вьетнаме. Музей Войны. Хошимин, 13.04.2011 г.

То что всё больше американцев стало возвращаться домой в гробах, более чем что-либо другое способствовало изменению взглядов их сограждан на вьетнамскую войну. Главной движущей силой движения протеста стали массовые выступления молодёжи, особенно студенческой, которых нередко поддерживали и преподаватели. Против войны также активно выступал лидер мощного движения против расовой дискриминации в США пастор Мартин Лютер Кинг.

Пок

Нередко происходили и ожесточённые стычки с полицией. Так, в августе 1966 г. в кампусе г.Кент полиция впервые расстреляла демонстрацию молодёжи, убив и ранив при этом десятки студентов. Впервые Америка стреляла в своих детей! Это событие потрясло страну. Дело дошло до того, что в октябре 1965 г. в знак протеста против войны произошли акты самосожжения молодых людей у зданий Пентагона в Вашингтоне и ООН в Нью-Йорке. Против неё начали выступать и деловые круги США, которые пришли к выводу, что война начинает стоить слишком дорого. Выяснилось, что даже США не в состоянии обеспечивать одновременно «и пушки, и масло». Всё более серьёзными становились и противоречия между США и их главными союзниками, недовольными тем, как глубоко и безнадежно увяз лидер «свободного мира» в трясине вьетнамской войны.

Мартин Лютер Кинг на митинге против войны во Вьетнаме.
Филадельфия, 1967 г.

Все вышеперечисленные антивоенные движения в сочетании с систематической работой по формированию мирового общественного мнения, которой вьетнамское руководство придавало первостепенное значение на всех этапах борьбы за независимость и воссоединение страны,

привели к тому, что международная кампания протеста против войны США во Вьетнаме превратилась к началу семидесятых годов прошлого века в один из решающих морально-политических факторов победы патриотических сил в Южном Вьетнаме. В результате правящие круги США и их союзников были вынуждены считаться с общественным мнением как с реальной политической силой в международных отношениях.

3.3. Деэскалация войны и переговоры в Париже

Борьба за освобождение Южного Вьетнама и воссоединение всей страны велась одновременно на трёх фронтах – военном, политическом и дипломатическом. Наконец, 3-го апреля 1968 г. правительство ДРВ заявило о принятии предложения президента США Л.Джонсона и выразило готовность назначить своего представителя для обсуждения вопроса о прекращении бомбардировок и других актов агрессии против ДРВ, что позволило начать предварительные переговоры. Делегацию ДРВ возглавил бывший министр иностранных дел Суан Тхюи, оппонентом которого был известный американский дипломат, заместитель госсекретаря США Аверелл У.Гарриман. Предварительная стадия затянулась на месяцы. Сначала стороны с трудом договорились о месте переговоров и в конце концов остановились на Париже. 13-го мая 1968 г. там встретились сначала только две делегации США и ДРВ. В делегацию ДРВ был включён в качестве советника главы делегации член Политбюро ЦК ПТВ Ле Дык Тхо.

Первым успехом вьетнамской стороны на этих переговорах стало соглашение о прекращении без всяких условий бомбардировок ДРВ с 1-го ноября 1968 г. Оно было достигнуто в обмен на то, что ДРВ дала согласие на участие в переговорах как представителей сайгонских властей, так и НФОЮВ. Несколько месяцев стороны не могли договориться по вопросу о форме стола, за которым будут происходить переговоры. Этот, казалось бы, второстепенный вопрос приобрёл большое значение в свете борьбы делегации ДРВ за признание НФОЮВ равноправным участником переговоров. После длительных и ожесточённых споров представители

НФОЮВ и правительства Республики Вьетнам, но без официального признания со стороны США и ДРВ своих оппонентов, получили право полноправного участия в этих переговорах за круглым столом.

Ле Дык Тхо (10.10.1911 – 13.10.1990 гг.)

В январе 1969 г. в Париже начались переговоры четырёх сторон, две из которых не признавали две других. Обсуждались два противоположных плана решения проблемы. Согласно предложенной НФОЮВ программе из десяти пунктов, правительство Нгуен Ван Тхиеу ликвидировалось, а войска ДРВ оставались в Южном Вьетнаме. И наоборот в соответствии с планом Ричарда Никсона из пяти пунктов, США настаивали на одновременном выводе из Южного Вьетнама американских и северовьетнамских войск при сохранении у власти сайгонского режима.

По этим главным пунктам дискуссия затянулась на целых четыре года. Поначалу она сводилась к чисто пропагандистским заявлениям с взаимными обвинениями, тогда как реальные переговоры на самом деле велись строго конфиденциально на закрытых встречах помощника нового президента США по международной безопасности Генри Киссинджера с Суан Тхюи, а по самым главным вопросам – и с Ле Дык Тхо. Г.Киссинджер ещё до прихода в администрацию Р.Никсона зондировал в Москве возможность получить поддержку в попытке закончить войну по-хорошему для США, что означало бы прекращение огня, восстановление мира и уход американских войск. За это Ханой должен был взять обязательство действовать в Южном Вьетнаме только политическими методами, постепенно и, по крайней мере, в ближайшие пару лет не трогать сайгонский режим. Что произойдёт потом, США не интересовало [275, с.200]. Спустя пять лет ими были подписаны Парижские соглашения 1973 г. на весьма сходных условиях.

6-го – 9-го июня 1969 г. в одном из освобождённых районов Южного Вьетнама прошёл Национальный конгресс с участием представителей НФОЮВ и целого ряда других общественных организаций, в том числе и представителей духовенства. На нём было создано Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам¹, возглавленное архитектором Хюинь Тан Фатом, а при правительстве – Консультативный совет во главе с президентом НФОЮВ Нгуен Хыу Тхо. Вскоре контролировавшее 34 из 44 провинций Республики Вьетнам ВРП РЮВ стало участником парижских переговоров, а его министр иностранных дел госпожа Нгуентхи Бинь завоевала широкое международное признание и высокий авторитет в мировом сообществе.

Республиканец Р.Никсон, победивший с небольшим перевесом на выборах 1968 г., в ходе предвыборной кампании обещал как можно скорее прекратить войну во Вьетнаме на приемлемых для США условиях.

¹ Далее – ВРП РЮВ.

37-ой президент США Ричард Никсон
(20.01.1969 – 09.08.1974 гг.)

К этому времени Р.Никсон и Г.Киссинджер уже отдавали себе отчёт в том, что проблема Южного Вьетнама не имеет военного решения. Важно было уйти, «сохранив лицо». С этой целью администрация Р.Никсона пересмотрела свою стратегию войны, сделав ставку на её «вьетнамизацию», связанную с реорганизацией и перевооружением армии Республики Вьетнам, а также повышением её боеспособности настолько, чтобы она была в состоянии нести на себе основное бремя военных действий. Численность всех родов вооружённых сил сайгонского режима вскоре превысила один миллион человек [1025]. Им было передано значительное количество вооружений, транспорта и средств связи, включая боевые самолёты и военные корабли. Всё это должно было

сократить военные потери США, которые вызывали столь негативную реакцию в стране. Помимо этого Нгуен Ван Тхиеу объявил о принятии программы реформ, которые так и не были реализованы, а потому не принесли искомого результата.

Частично прекратив бомбардировки ДРВ, американское командование усилило давление на Лаос и Камбоджу, пытаясь перекрыть проходившие там пути снабжения из Северного Вьетнама. В 1965 г. одновременно с вводом войск США в Южный Вьетнам в соседнем Лаосе тоже было свергнуто нейтральное правительство Сувана Фумы. В январе 1971 г. сайгонские войска и проамериканские группировки в Лаосе при поддержке американской авиации начали наступление в районе стратегической дороги №9 в Долине кувшинов в Южном Лаосе, но в итоге им так и не удалось добиться успеха. В Камбодже положение американцев было не лучше. Её лидер Нородом Сианук одним из первых признал ВРП РЮВ и практически закрывал глаза на проходившие через его страну поставки вооружений силам освобождения. Поэтому с 1969 г. начались тайные бомбардировки вьетнамских опорных баз в Камбодже, а в марте 1970 г. в отсутствие принца Нородома Сианука в Пномпене был совершён военный переворот, и во главе страны оказался ставленник США Лон Нол. Затем сайгонские войска начали наступление на приграничные районы Камбоджи, где находились перевалочные склады и базы северян, но после нескольких месяцев упорных боёв они были отброшены обратно в Южный Вьетнам. Тогда же в Камбодже при негласном содействии Китая возникла оппозиционная группировка так называемых «красных кхмеров» Пол Пота – Иснг Сари, которой с помощью вьетнамцев удалось свергнуть Лон Нола и установить свой режим, вскоре ставший чудовищным примером геноцида против собственного народа. Поддерживая внешне нормальные отношения с ДРВ, Пол Пот уже тогда всячески препятствовал действиям НВСО в приграничных районах. «Красные кхмеры» нападали на их склады и вели враждебную пропаганду среди местного населения. Затем начались массовые репрессии против постоянно проживавших в Камбодже вьетнамцев. Все эти поддерживаемые маоистами

действия полпотовцев наносили большой ущерб ДРВ [1300, с.263]. Как и во время Войны сопротивления против французов, указанные события снова превратили весь Индокитай в театр военных действий.

Война в Южном Вьетнаме шла с переменным успехом и вовсе не была триумфальным шествием патриотических сил от победы к победе. Успешное наступление праздника «Тэт» 1968 г. привело к большим потерям, при этом ставка на восстание в городах не оправдалась, а контрнаступление противника заставило НВСО отступить и оставить многие освобождённые районы. Это позволило американцам уже в июле 1969 г. начать постепенный вывод войск из Южного Вьетнама. К середине 1971 г. они в одностороннем порядке вывели 390 тысяч солдат, а к маю 1972 г. их оставалось всего 65 тысяч человек [1300, с.283].

Осуществив очередную перегруппировку сил, Политбюро ЦК ПТВ взяло курс на победное завершение войны. 30-го марта 1972 г. в канун католической пасхи НВСО перешли в наступление и вскоре полностью освободили провинцию Куангчи и значительную часть территории на плато Тэингуен. И хотя американцам удалось вскоре вернуть провинцию Куангчи под свой контроль, военные действия 1972 г. показали, что новый политический курс США на «вьетнамизацию» войны успеха не приносит. Поэтому после так называемого «Пасхального наступления» НВСО в марте 1972 г. США прервали переговоры в Париже и начали поспешно возвращать часть своих войск в Южный Вьетнам. Кроме того, они возобновили в апреле 1972 г. бомбардировки ДРВ, которые достигли пика в декабре того же года.

На этот раз они велись с массированным применением новейших тяжёлых стратегических бомбардировщиков В-52 (Б-52), получивших прозвище «летающая крепость». После долгого перерыва непрерывным устрашающим «ковровым бомбардировкам» подверглись целые кварталы Ханоя и Хайфона. Так, только 19-го декабря 1972 г. было совершено 87 вылетов В-52.

В результате продолжавшихся 20 дней бомбардировок были полностью разрушены многие крупные населенные

пункты от Лангшона на севере до порта Хайфон, подступы к которому с моря были заминированы. Но и цену за это пришлось заплатить немалую.

К 28-му декабря ракетами советских зенитно-ракетных комплексов¹ был сбит уже 31 бомбардировщик В-52 из 200, участвовавших в этой операции. Столь высокие потери так потрясли привыкших к безнаказанности американских пилотов, что, узнавая о «прикрытии» той или иной цели советскими ЗРК, они даже иногда самовольно отказывались от выполнения боевых полётов.

Конечно, вьетнамских ракетчиков готовили советские инструкторы, которые в особо трудные моменты брали на себя управление зенитными комплексами, прежде всего – в Ханое и Хайфоне. Однако подавляющее большинство налётов ВВС США на территорию ДРВ было отражено вьетнамскими зенитчиками. Впоследствии генерал Во Нгуен Зяп отметил, что результат успешных действия вьетнамских ПВО при отражении налётов В-52 вполне можно назвать «Дьенбьенфу в воздухе» [1148, с.7 – 16].

Возобновление бомбардировок ДРВ, приведшее к новым тяжёлым потерям в небе Вьетнама, вызвало бурю возмущения как во всём мире, так и в самих США. В результате только что с трудом переизбравшийся на 2-ой срок республиканец Ричард Никсон столкнулся с сильнейшей оппозицией в Конгрессе, где имевшие большинство демократы не имели никакого желания поддерживать «чужого» президента.

К тому времени в Китае завершилась «культурная революция» и разгорелась борьба за власть между разными кланами, а переросший в прямое военное столкновение из-за острова Даманский на Амуре советско-китайский конфликт достиг наивысшего накала. Соответственно бурное развитие в 1971 г. контактов между Соединёнными Штатами и Китайской Народной Республикой в какой-то степени компенсировало неудачи и поражения американцев во Вьетнаме, что не могло не сказаться на общей ситуации.

¹ Далее – «ЗРК».

1. В-52 над Северным Вьетнамом.

2. ЗРК С-75, защищавшие стратегические объекты ДРВ от налётов

В то время также получил развитие известный процесс так называемой «пинг-понговой дипломатии»¹⁰, в результате которого в феврале 1972 г. в КНР с визитом прибыл и сам президент Ричард Никсон. Этот визит, положивший начало разыгрыванию «китайской карты» во внешней политике США, изменил общий баланс сил и создал новый мировой порядок.

Вылет и посадка, между ними кассетные бомбы и напалм. Остальная жизнь на авианосце или в барах и ресторанах Сайгона. Главное – вернуться!

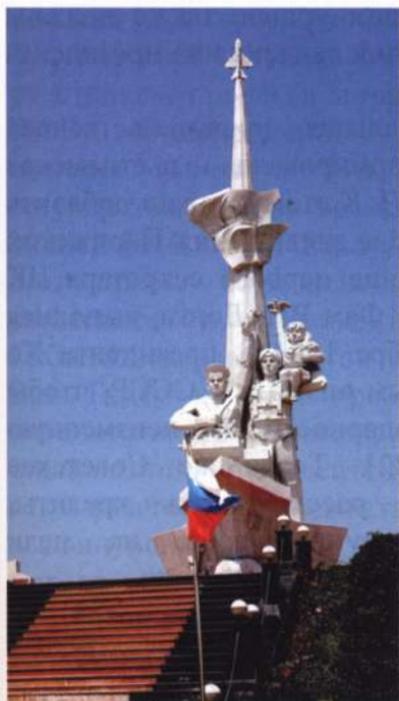
Авианосец «Энтерпрайз», 1972 г. Фото Ф.Дж.Гриффитса [1068]

Г.Киссинджер вспоминает, что Мао Цзэдун с первой минуты встречи с Р.Никсоном снял все опасения американцев, заявив, что ни Тайвань, ни Индокитай «не могут встать на пути китайско-американского сближения». При этом он твёрдо заверил, что «китайские войска не пересекут границы своей страны», что сняло, по словам Г.Киссинджера, «американские

кошмары, связанные с возможным повторением корейской войны и боязнью китайской интервенции во Вьетнаме, которые в течение десятилетия сдерживали все администрации США от ведения войны в Индокитае» [1090, с.417]. В этих условиях пресловутая «Теория домино», на которой строилась вся политика США в ЮВА, утратила смысл. Поэтому, хотя в принятом по итогам этого визита шанхайском коммюнике и говорилось о поддержке Китаем предложений ВРП РЮВ, для самих американцев гораздо важнее были конфиденциальные договорённости Г.Киссинджера с китайским премьером Чжоу Эньлаем. Именно они позволили США возобновить вышеупомянутые беспрецедентные по своим масштабам и ожесточённости бомбардировки ДРВ. Они также ставили под сомнение все громкие заявления Пекина о поддержке борьбы вьетнамского народа и вызывали обоснованные опасения, что лидеры КНР превращают Вьетнам в разменную монету в торге с США. Как сказано в изданной МИД СРВ в 1979 г. «Белой книге», «политика Пекина в то время была направлена на то, чтобы побудить Вьетнам принять предложения США на переговорах в Париже, или, иными словами, на то, чтобы сохранить раскол Вьетнама и сайгонскую администрацию» [560, с.61].

Война во Вьетнаме нелёгким бременем ложилась и на Советский Союз. Но Советское правительство неизменно наращивало масштабы предоставляемой помощи ДРВ. Значительно улучшились и межпартийные отношения КПСС и ПТВ, в которых вновь появилась доверительность и взаимопонимание. Систематический характер приняло тесное сотрудничество дипломатических и других служб при активной роли посольства СССР в США. И хотя позиция вьетнамской стороны на переговорах с США иногда казалась советским руководителям слишком неуступчивой и бескомпромиссной, они неизменно воздерживались от какого либо давления на вьетнамских партнеров, продолжая активную и всестороннюю поддержку ДРВ. Отвлекаясь от пропагандистских стереотипов того времени, следует признать, что Советский Союз был заинтересован в успешном противостоянии ДРВ американской агрессии, так как оно

ослабляло позиции его главного противника на мировой арене, прежде всего – в Европе, где готовилась Хельсинская конференция. Более того, в условиях растущей конфронтации с КНР возрастало и стратегическое значение единого и прочно стоящего на ногах дружественного Вьетнама, который, перефразируя известное выражение У.Черчилля, мог стать «мягким подбрюшьем» Китая.

**ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ
ПОГИБШИМ И УМЕРШИМ
ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНОГО ДОЛГА
ВО ИМЯ МИРА И СТАБИЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ**

1. Подполковник	АЛЕКСАНДРОВ С.Н.	18.01.1973 г.
2. Капитан	ДЕМЕДОВ В.А.	18.01.1979 г.
3. Капитан	ЗИМЕДКО В.П.	15.04.1979 г.
4. Майор милиционной службы	КОМАРОВ Ю.И.	15.03.1979 г.
5. Генерал-майор авиации	МАЛЫХ Е.П.	15.03.1979 г.
6. Капитан	ПАСТУХОВ А.И.	15.03.1979 г.
7. Майор	ЦМУДИН Г.А.	15.01.1979 г.
8. Проводник	ЩИРШОВ Н.Х.	21.01.1979 г.
9. Капитан	АЛЕКСАНКОВ И.В.	21.01.1979 г.
10. Младший лейтенант	БАКАЛОВ М.И.	28.01.1980 г.
11. Подполковник	МИРОМЦЕВ А.А.	05.10.1982 г.
12. Подполковник	СТАВНИКОВ В.А.	10.12.1983 г.
13. Капитан	ЛОСОВ А.М.	15.12.1982 г.
14. Капитан милиционной службы	ПАТЕНКО В.Н.	16.01.1983 г.
15. Лейтенант	ДУМИЛОВ В.Е.	10.01.1983 г.
16. Майор	КОЛЕСИЦА	10.01.1983 г.
17. Генерал-майор авиации	КЕРСЕН Ж.	02.05.1987 г.
18. Подполковник	МОНАШКОВ А.М.	25.04.1984 г.
19. Старший лейтенант	КРИВЕНКО С.П.	12.02.1985 г.
20. Есаул авиации	КОМАРОВ В.В.	11.01.1985 г.

Памятник советским воинам-интернационалистам. Нячанг, 08.04.2011 г.

В свете указанных проблем весной 1972 г. Советское руководство должно было принять нелёгкое решение о планировавшемся визите президента США Р.Никсона в Москву. Естественно, что в условиях усиления американских бомбардировок ДРВ по поводу уместности такой встречи имелись серьёзные возражения. С другой стороны, к ней готовились важнейшие договорённости по стратегическим вооружениям, и кроме того, Рейхстаг ФРГ должен был ратифицировать важнейший договор с СССР, в котором признавалась незыблемость послевоенных границ.

Советское руководство, конечно, понимало, что западногерманские парламентарии не пойдут на ратификацию в условиях роста советско-американской конфронтации, который в случае отмены визита американского президента был бы неизбежен. Поэтому вопрос о приезде Р.Никсона был даже вынесен на закрытый пленум ЦК КПСС, который утвердил решение о его приёме в Москве. Однако советско-американские переговоры на высшем уровне также должны были быть использованы для оказания давления на президента США по вьетнамскому вопросу.

После переговоров специальная правительственная делегация подробно проинформировала вьетнамское руководство об их итогах [313, с.47]. К этому можно добавить и тот факт, что в июле 1973 г. после заключения Парижских соглашений руководство ДРВ в лице первого секретаря ЦК ПТВ Ле Зуана и премьер-министра Фам Ван Донга, выполняя завещание скончавшегося в сентябре 1969 г. президента Хо Ши Мина, прибыло с официальным визитом в СССР, чтобы выразить самую горячую благодарность за неизменную помощь и поддержку [59, с.322]. Тогда же Советское правительство приняло решение рассматривать кредиты, предоставленные ДРВ в предыдущие годы на цели экономического развития, как безвозмездную помощь.

Наконец, важно подчеркнуть, что, несмотря на значительную помощь Советского Союза, руководство ПТВ в течение всех лет войны за освобождение Южного Вьетнама постоянно проводило свою самостоятельную и полностью независимую внешнюю политику.

4. Парижские соглашения и завершающий этап войны с США (1973 – 1975 гг.)

4.1. Парижские соглашения по Вьетнаму 1973 г.

4.1.1. Политическая и дипломатическая победа Вьетнама

Переговоры в Париже не продвинулись ни на шаг до тех пор, пока представители ДРВ не дали понять американцам, что есть возможность договориться о прекращении огня на юге без ликвидации правительства Нгуен Ван Тхиеу. 12-го

декабря 1972 г. Ле Дык Тхо конфиденциально передал Г.Киссинджеру предложения из девяти пунктов, во многом учитывавшие желание американцев уйти, «не теряя лица». Они чётко отделяли военные вопросы от политических и предусматривали прекращение всех боевых действий, вывод войск США и их союзников из страны, обмен военнопленными в течение шестидеяти дней и создание условий для того, чтобы вьетнамцы могли сами выбрать будущее своей страны. Сайгонское правительство оставалось участником процесса мирного урегулирования вместе с ВРП РЮВ. Одновременно подтверждалась принципиальная позиция Ханоя в том, что Вьетнам является единым государством, лишь временно разделенным демаркационной линией [214, с.8]. Г.Киссинджер и Ле Дык Тхо парафировали этот проект соглашения. Через несколько дней с ним согласился и президент Р.Никсон, который направил Г.Киссинджера в Сайгон с целью получить согласие Нгуен Ван Тхиеу на этот проект, а затем и в Ханой для его окончательного согласования. Но тут камнем преткновения стала позиция президента Республики Вьетнам, категорически отказавшегося подписывать соглашение вместе с ВРП РЮВ и выдвинувшего явно неприемлемые требования полного вывода войск ДРВ и превращения демаркационной линии в официальную границу между двумя государствами. Приезд Г.Киссинджера в Ханой был отменён, и в Париже должен был пройти ещё один раунд переговоров. На саботаж сайгонских властей представители ДРВ ответили ударом по самому больному для США вопросу об освобождении пленных лётчиков, связав его с требованием одновременного освобождения тысяч политических заключённых сайгонского режима, что сначала предполагалось обсудить после перемирия между ВРП РЮВ и Сайгонским правительством. В результате переговоры вновь были прерваны, а 14-го декабря 1972 г. президент Р.Никсон предъявил правительству ДРВ ультимативное требование в течение семидесяти двух часов подписать соглашение на условиях американо-сайгонской стороны, угрожая возобновить бомбардировки ДРВ. Правительство ДРВ отвергло ультиматум Р.Никсона, и после

начавшихся бомбардировок делегации ДРВ и ВРП РЮВ в знак протеста тоже отказались от продолжения переговоров. После прекращения бомбардировок США, которые не принесли ожидаемых уступок правительства ДРВ, но породили мощную волну протестов в США и во многих других странах, переговоры в Париже возобновились. Стороны вернулись к ранее предложенному проекту Ле Дык Тхо. На этот раз Нгуен Ван Тхиеу был вынужден отступить, так как США угрожали подписать соглашение в одностороннем порядке.

27-го января 1973 г. соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме и четыре протокола к нему были подписаны министрами иностранных дел всех четырёх сторон. В нём устанавливались сроки прекращения военных действий, возвращения пленных американцев и вывода войск США и их союзников из Южного Вьетнама; обязательство США не вмешиваться во внутренние дела Южного Вьетнама и проведение в будущем свободных, демократических выборов. Также планировалось создание национального совета согласия и примирения на основе признания существования двух зон, двух правительств и трёх политических сил¹¹. Воссоединение страны должно было осуществляться постепенно и мирными средствами на основе взаимной договоренности.

Для контроля и наблюдения за выполнением соглашения была создана Международная комиссия из представителей Венгрии, Индонезии, Канады и Польши [214, с.14 – 31]. Наконец 2-го марта 1973 г. на созванной в Париже международной конференции министры иностранных дел двенадцати государств подписали акт, в котором выразили одобрение и поддержку соглашения и всех протоколов к нему, а уже 29-го марта последний американский солдат покинул Южный Вьетнам.

Генеральный секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан в обращении к партийным организациям Южного Вьетнама в начале 1974 г. писал: «Для нас самым важным в Парижском соглашении является... то, что американские войска должны в короткие сроки уйти, в то время как наша армия остаётся, юг и север по-прежнему неразрывны, тыл и фронт тесно связаны между

собой в единую систему, наш фронт по-прежнему занимает прочные позиции» [39, с.206].

Ле Зуан (07.04.1907 – 10.07.1986 гг.)

4.1.2. *Ситуация в Южном Вьетнаме после Парижских соглашений*

После подписания Парижских соглашений, как и ожидалось, США сделали всё, чтобы продолжить войну силами опекаемого ими режима Нгуен Ван Тхиеу в Южном Вьетнаме, а ДРВ и ВРП РЮВ ни на йоту не отступили от стремления к воссоединению страны и свержению этого режима. Правительство Нгуен Ван Тхиеу также не собиралось сдаваться на милость победителей и вовсе не горело желанием вступать в какое-либо соглашение с кем-либо из своих противников, будь то коммунисты или нет. Поэтому

соглашение о прекращении огня не выполнялось, НВСО и правительственные войска по-прежнему сражались за делёж подконтрольных территорий, а Ханой продолжал направлять подкрепления своим войскам по «тропе Хо Ши Мина».

Единственной причиной, которая, по мнению многих экспертов, изменила весь ход дальнейших событий, был Уотергейтский скандал, который парализовал способность Вашингтона к новому прямому вмешательству. Другое, более взвешенное объяснение состоит в том, что главное, чего хотели США, это было освобождение своих военнопленных, чтобы убраться поскорее из Вьетнама, который больше не представлял для них стратегического интереса и вызывал раскол в США и серьёзные нарекания ближайших союзников по НАТО. Поэтому Вашингтон не собирался мешать Ханюю, естественно, после более или менее приличного интервала во времени завладеть югом [1025]. Однако, учитывая силу антивоенного движения того времени как в США, так и во всём мире, следует сказать, что возобновление интервенции и бомбардировок было мало вероятным и без Уотергейтского скандала. В этой связи Г.Киссинджер позднее отмечал: «Мы надеялись, и, как оказалось, весьма наивно, что Парижские соглашения объединят американский народ, потому что движение за мир сможет удовлетвориться окончанием военных действий, а сторонники “мира с честью” смогут утешиться тем, что вытаскили США из всей этой истории, не разрушив судьбу наших союзников» [1090, с.466]. Но этого не произошло. Вьетнамцы дали американцам относительно спокойно уйти, но дальше уже никто не мог их остановить, хотя Ричард Никсон и обещал Нгуен Ван Тхиеу всестороннюю поддержку.

В первые месяцы после подписания Парижских соглашений руководство ДРВ делало всё возможное для выполнения взятых на себя обязательств. Точно в назначенные шестьдесят дней были возвращены на родину все пленные американские лётчики и другие военнослужащие, общим числом в 588 человек [312, с.34]. Американцы же выполнили те положения соглашений, которые были для них важны, и всячески затягивали выполнение других. Так,

например, они до последнего дня продолжали признавать правительство Нгуен Ван Тхиеу единственным законным правительством Южного Вьетнама. Правда, уже к концу президентства Никсона от полумиллионного экспедиционного корпуса США в Южном Вьетнаме почти никого не осталось, за исключением довольно многочисленной охраны посольства и полувоенных и гражданских советников в службах сайгонского режима. Однако американцы сохраняли своё военное присутствие в прилегающих к Вьетнаму странах, главным образом – в Таиланде и на Филиппинах, на случай возможного возвращения, а 7-ой флот США оставался в Южно-Китайском море у вьетнамских берегов. Также продолжались экономическая помощь вместе с поставками оружия и военной техники сайгонскому режиму, хотя Конгресс США постоянно урезал ассигнования на эти цели. Так, учитывая настроения в стране, Конгресс принял 30-го июня 1973 г. резолюцию, которая запрещала использование американских вооружённых сил «в Индокитае или по поводу Индокитая». Кроме того, на следующий 1974 финансовый год помощь Южному Вьетнаму была сокращена с 2,1 миллиардов 100 миллионов до 1 миллиарда, а на 1975 г. – до 700 миллионов долларов, что поставило Сайгон в трудное положение [1090, с.471].

Импичмент и отставка Р.Никсона 9-го августа 1974 г. ещё более осложнили положение правительства Нгуен Ван Тхиеу, поскольку при новом президенте Джеральде Р.Форде экономическая помощь Республике Вьетнам сократилась до 250 миллионов долларов [1090, с.472]¹².

В то же время сайгонские власти игнорировали все свои обязательства, всячески затягивая освобождение из тюрем и концлагерей кадровых работников ВРП РЮВ и бойцов НВСО, а военные действия не прекращались до декабря 1973 г. Все созданные с участием представителей ВРП РЮВ консультативные органы так и не начали работать. При этом продолжавшимся операциям по «умиротворению» был придан ещё больший размах. Уже к лету 1973 г. Парижские соглашения оказались под угрозой. В июле Ле Дык Тхо вернулся в Париж, где вновь встретился с Г.Киссинджером и

предупредил его, что ДРВ намерена принять серьезные ответные меры. «Умышленно и беззастенчиво срывая выполнение соглашения, – заявил Ле Дык Тхо, – крайне неразумно требовать, чтобы другая сторона строго его соблюдала и выполняла. Мы не будем сидеть сложа руки и смотреть, как вы нарушаете соглашение, не позволим делать всё, что вам захочется. Мы никогда не согласимся оставаться в пассивной обороне. Перед лицом нарушений Соединёнными Штатами достигнутых договорённостей мы оставляем за собой право на свободу действий» [299, с.80].

38-ой президент США Джеральд Р.Форд младший
(09.08.1974 – 20.01.1977 гг.)

Г.Киссинджер метался между Парижем, Вашингтоном и Сайгоном, пытаясь спасти ситуацию, но Нгуен Ван Тхиеу упорно стоял на своём, не желая идти ни на какие уступки. В этих условиях ВРП РЮВ, оставаясь по приказу из центра на выжидательных позициях, теряло много подконтрольных ему регионов, при этом в стычках с правительственными войсками

погибало немало бойцов и кадровых работников. Тем не менее, поначалу оно строго воздерживалось от ответных ударов, чтобы только не сорвать вывод американских войск. В это же время шло интенсивное накопление сил. Только 15-го октября 1973 г. Верховное командование НВСО отдало приказ противодействовать всеми силами и средствами атакам сайгонских войск, срывая их «кампании по умиротворению».

После ухода американцев у правительства Южного Вьетнама осталась четвёртая в мире по численности армия в составе 1 миллиона человек, в которой регулярные войска насчитывали 600 тысяч солдат. Кроме этого у него были такие же по численности силы так называемой «гражданской обороны» и 140 тысяч человек в полиции. В его распоряжении также было около 2000 самолетов, 1500 орудий, 2000 танков и 1600 различных военных судов. В то же время все вооружённые силы Северного Вьетнама, дислоцированные на территории Южного, насчитывали в конце 1973 г. 310 тысяч солдат в 10 полностью укомплектованных дивизиях. В местных вооружённых силах насчитывалось ещё около 70 тысяч человек и примерно 120 тысяч партизан в деревнях [214, с.34, 35]. Но от преимущества сайгонского правительства в численности и военной мощи не было толку, так как его генералы и офицеры часто оказывались некомпетентными и коррумпированными, а солдаты просто отказывались воевать, при этом дезертирство достигло значительных масштабов [1025].

Позднее, как бы снимая с США ответственность за поражение сайгонского режима, Генри Киссинджер писал: «Шумные студенты в кампусах американских вузов не могут отвечать за то, что 96 тысяч южновьетнамских солдат дезертировали из своих частей в последнее время» [1090, с.476]. Лишившись привычного огневого прикрытия американской авиации и артиллерии, части сайгонских войск несли большие потери и потому нередко уклонялись от боевых столкновений с частями ВНА, продолжавшими прибывать в Южный Вьетнам во всё большем количестве. Продолжавшиеся военные поставки из США мало что меняли,

тем более что значительная часть американской военной техники стала попадать в руки бойцов ВНА.

4.2. Генеральное наступление 1975 г.

Исходя из складывавшейся обстановки на юге, руководство ПТВ приняло решение ускорить освобождение Южного Вьетнама. В июне 1973 г. состоялся XXI пленум ЦК ПТВ 3-го созыва, который «утвердил путь развития революции в Южном Вьетнаме на новой стадии войны», заявив, что Вьетнам ни при каких обстоятельствах «не должен стать ни второй Кореей, ни ГДР» [1300, с.328]. После этого начальнику Генерального штаба ВНА Ван Тиен Зунгу¹³ была поручена разработка плана полномасштабного наступления в Южном Вьетнаме. На закрытом совещании с Генштабом и военной комиссией ЦК ПТВ, где обсуждалось это поручение, первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан особо подчеркнул, что в атмосфере всеобщего осуждения войны при создавшихся как в Южном Вьетнаме, так и в США условиях, американские войска не смогут вернуться в Южный Вьетнам. Но даже если столь безрассудное решение будет принято, оно уже не сможет изменить ход событий [1148, с.81].

Первоначально в Генштабе ДРВ разрабатывался план военных действий на три года, а позднее сроки сократили до двух лет. Основная задача состояла в том, чтобы, используя фактор внезапности, начать в 1975 г. мощные и повсеместные боевые действия на юге, создав условия для генерального наступления и всеобщего восстания с целью полного освобождения Южного Вьетнама в 1976 г. При этом не исключалось, что при благоприятных условиях появится возможность завершить всю операцию даже в начале или в конце 1975 г., то есть до начала сезона дождей в мае или после него в октябре. Всё зависело от ответной реакции США на эти действия.

Политбюро ЦК ПТВ приняло резолюцию, одобряющую план стратегического наступления на 1975 – 1976 гг. В ней прямо говорилось: «Перед нами открылась главная стратегическая возможность. Никогда ранее у нас не было столь выгодных условий одновременно в политической и

военной областях, как сейчас, для того чтобы завершить национально-демократическую, народную революцию в Южном Вьетнаме и продвинуться к мирному воссоединению страны» [1148, с.123].

В конце декабря 1974 г. из Москвы, где было принято решение о поддержке планов ДРВ, в Ханой впервые после Парижских соглашений была направлена высокопоставленная военная делегация во главе с начальником Генерального штаба ВС СССР маршалом В.Г.Куликовым, который даже принял участие в заседании Политбюро ЦК ПТВ, где обсуждались стратегические вопросы предстоявшего наступления. Пока не раскрыты военные архивы, невозможно узнать, что именно там обсуждалось. Однако из данных американской разведки известно, что вскоре после этого визита многие ранее существовавшие ограничения на поставки военной техники Вьетнаму, включая переносные системы «Град», были сняты, а снабжение военными материалами по морю увеличилось в четыре раза [1090, с.481].

К этому времени из СССР вернулась большая группа высших вьетнамских командиров, прошедших специальную подготовку в академии Генерального штаба и других военных академиях СССР. Они были поставлены во главе трёх корпусов, наносивших главные удары. Успех всей этой грандиозной по замыслу и исполнению весенней кампании 1975 г. был обеспечен огромной, самоотверженной и умело маскировавшейся подготовительной работой, проводившейся на протяжении полутора лет. В 1973 – 1974 гг. невероятными усилиями военных строителей из так называемой «Команды 559»¹⁴ была перестроена и расширена пролегавшая через Лаос и Камбоджу «тропа Хо Ши Мина», которая представляла собой сеть разветвлённых дорог, приспособленных для движения грузового автотранспорта. По разным данным, незаметно для противника было проложено ещё от 10 до 20 тысяч км дорог местного значения от «тропы Хо Ши Мина» к районам предстоявших боевых действий. Также для того чтобы избежать потерь от ударов охотившейся за колоннами бензовозов авиации, в короткий срок была проложена тщательно замаскированная система бензопроводов. Она

протянулась более чем на пять тысяч километров с севера на юг через плато Тэйнгусен и восточное Намбо вплоть до прилегающих к Сайгону районов. За сухой сезон по ней перекачивалось до 350 тысяч галлонов бензина ежедневно [1150, с.611]. Кроме того, горючее перевозилось на специальных бамбуковых «лодках-бочках» по рекам, протекавшим вблизи от «тропы Хо Ши Мина», на которых для прохода этих импровизированных танкеров иногда приходилось взрывать пороги и ликвидировать водопады. В ряде случаев бойцы «Команды 559» были вынуждены перевозить бензин на велосипедах, а то и с риском для жизни тащить его на собственных спинах в нейлоновых мешках. На юг вскоре пошли бронетранспортёры, танки, дальнобойная артиллерия, ЗРК и даже переносные установки «Град», разумеется, не вьетнамского производства. В общей сложности только с января по сентябрь 1973 г. в Южный Вьетнам было перебронировано 140 тысяч т различных грузов, в том числе 80 тысяч т военных материалов, 6 тысяч т бензина и 40 тысяч т риса. Ещё 10 тысяч т военных материалов было сосредоточено на промежуточных базах [214, с.36]. В общей сложности за полтора года командование ВНА сосредоточило на юге 139 тысяч солдат с танками и тяжёлой артиллерией. Это уже были не силы, предназначенные для партизанских атак, а сведённые в корпуса дивизии регулярной армии, полностью подготовленные к ширококомасштабным боевым действиям. Приводя все эти данные, Г.Киссинджер в своих мемуарах возмущается тем, что это было сделано в нарушение Парижских соглашений, в то время как США «застыли в ожидании, парализованные своим внутренним расколом» [1090, с.472]. При этом бывший госсекретарь США «забывает» о том, что сайгонское правительство само явно не собиралось выполнять эти соглашения.

13-го декабря 1974 г. в восточном Намбо началась первая крупная наступательная операция стратегического значения в провинции Фьюклаунг¹⁵, которая должна была обеспечить контроль над прилегающими к открывающей путь на Сайгон дороге №14 районами, создав тем самым условия для будущего наступления на столицу Южного Вьетнама. В

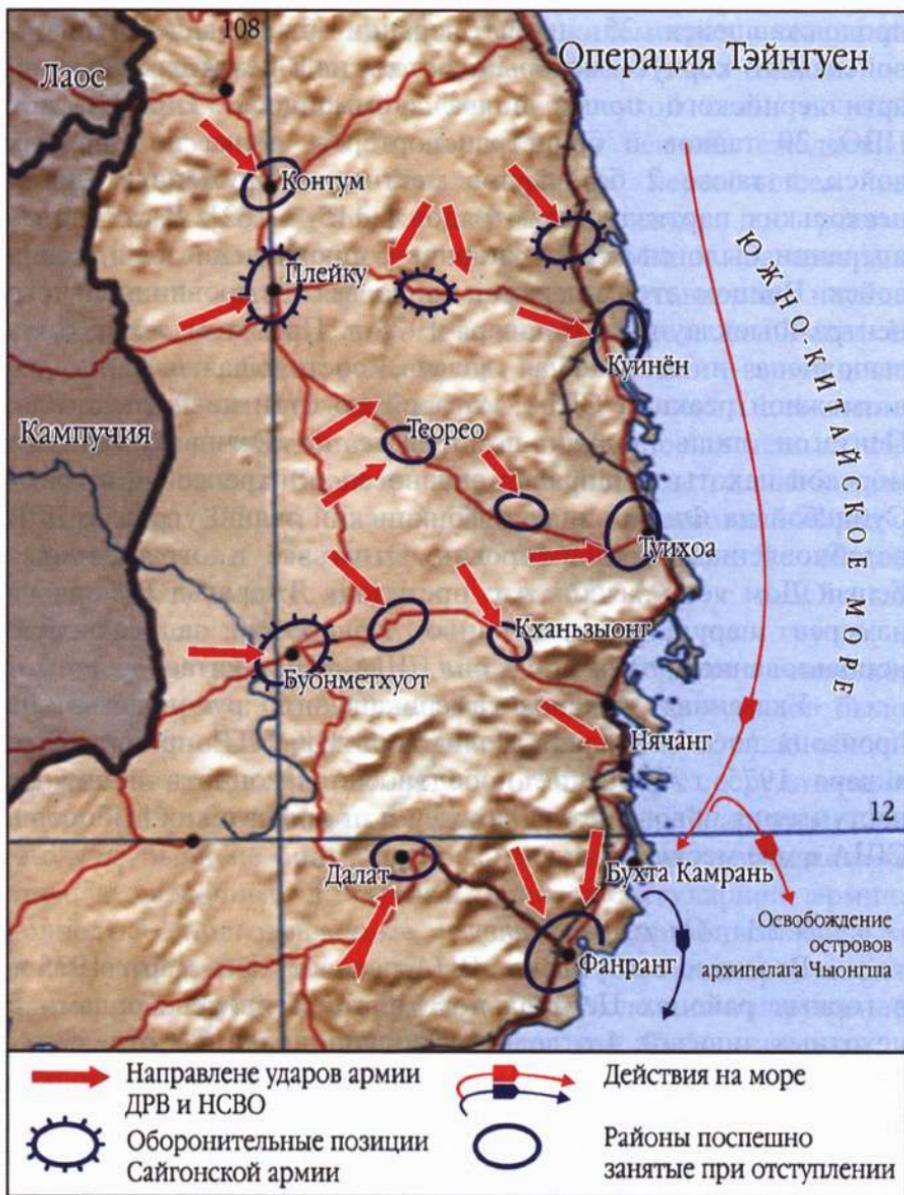
продолжавшейся 25 дней операции были задействованы войска 4-го корпуса, который состоял из 2 пехотных дивизий, артиллерийского полка, полка «коммандос», 3 батальонов ПВО, 20 танков и бронетранспортёров, полка инженерных войск, а также 2 батальонов местных вооружённых сил и нескольких партизанских отрядов [1115, с.162]. В ходе этой операции было сломлено упорное сопротивление сайгонских войск. Венцом этой операции стало взятие провинциального центра Фьюклаунг 6-го января 1975 г. При этом также была выполнена и её главная задача, состоявшая в проверке возможной реакции США, которой по сути не последовало. Пентагон лишь поднял по тревоге на Окинаве дивизию морской пехоты и направил авианосец «Энтерпрайз» из базы Субикбэй на Филиппинах в Тонкинский залив, угрожая ДРВ возобновлением бомбардировок. Этим всё и ограничилось. Белый Дом ясно заявил, что президент Джеральд Р.Форд не намерен нарушать резолюцию Конгресса, запрещающую использование вооружённых сил США в Индокитае.

Указанная реакция американского руководства на произошедшее позволила Политбюро ЦК ПТВ принять 8-го января 1975 г. решение победоносно закончить войну до наступления нового сезона дождей и президентских выборов в США в мае месяце.

4.2.1. *Операция Тэйнгуен*

Весеннее наступление ВНА началось 1-го марта 1975 г. в горных районах Центрального плато Тэйнгуена силами 5 пехотных дивизий, 4 отдельных полков, полка и 2 отдельных батальонов «коммандос», 2 артиллерийских полков, 3 полков ПВО, полка бронетанковых войск, 2 сапёрных полков и целого ряда других вспомогательных частей, а также подразделения местных вооружённых сил и партизан [1115, с.168].

Наступающим частям ВНА противостояли войска 2-го корпуса южновьетнамской армии, занимавшие прекрасно укреплённые позиции в Тэйнгуене, который в своё время был превращён американцами в важнейший стратегический укреплённый район, имевший задачу полностью перекрыть снабжение НВСО.

Согласно плану, главный удар наносился в направлении провинциального центра Буонметхуот, за которым должен был последовать разгром южновьетнамской армии в районе Плейку и Контума с последующим выходом на побережье Южно-Китайского моря. Таким образом, весь 1-ый корпус правительственной армии, оборонявший дельту Меконга и

район Сайгон – Зядинь, отрезался от остальной части страны, что значительно облегчало его разгром и дальнейшее наступление на Сайгон.

Наступлением, которое получило кодовое название «Операция 275», командовал генерал Ван Тиен Зунг. Когда же 2-го марта Буонметхуот был взят, стало очевидно, что США, несмотря на отчаянные просьбы президента Нгуен Ван Тхиеу, не намерены вмешиваться в события.

Сознавая, что удержать этот район уже невозможно, Нгуен Ван Тхиеу распорядился отвести войска из Плейку и Контума на побережье. Отход был плохо организован и затруднён бесконечными колоннами беженцев, которые блокировали практически все дороги.

Бросив большое количество техники и понеся тяжёлые потери в живой силе, в том числе и из-за массового дезертирства, остатки южновьетнамской армии с большим трудом сумели достичь побережья. К концу марта вся территория 2-го корпуса сайгонской армии, за исключением нескольких прибрежных районов, контролировалась ВНА. В результате Южный Вьетнам был практически разрезан надвое, при этом его северные провинции, оборонявшиеся 1-ым корпусом, оказались изолированными от остальной части страны. Таким образом, наступление на юге развивалось значительно быстрее, чем это предполагалось, а положение сайгонского правительства приобретало характер военной катастрофы.

4.2.2. *Операция Дананг*

После успешного завершения боёв за Буонметхуот на Центральном плато Центральный военный комитет ПТВ и командование ВНА приняли решение об освобождении столицы Центрального Вьетнама г.Хюе и окружении войск противника в Дананге.

К 25-му марту Хюе был взят, и Политбюро ЦК ПТВ, утвердив в тот же день предложенный Генштабом план взятия Дананга, поручило командованию ВНА немедленно начать подготовку к освобождению Сайгона до наступления сезона дождей.

Тогда же был создан Совет помощи Южному Вьетнаму. Руководили советом премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг и его заместитель Ле Тхань Нги, которым также была поручена организация управления освобождёнными районами.

Укрепления на подступах к Данангу:

1. Общая схема и французский форт. 2. Американский ДОТ.
Перевал Облаков, 03.04.2011 г.

Отступившие в Дананг полностью дезорганизованные части сайгонской армии уже не могли оказать серьезного сопротивления частям ВНА, но город обороняли две отборные

дивизии сайгонской армии, состоявшие в основном из перебравшихся в 1954 г. на юг северян-католиков. Это была почти стотысячная группировка самых боеспособных из ещё оставшихся соединений сайгонской армии. Против них были впервые в массовом порядке применены советские ракетные установки «Град». После мощного артиллерийского обстрела аэродрома и морского порта в городе возникла паника. К середине дня 29-го марта 1975 г. Дананг, второй по величине город Южного Вьетнама с крупнейшей военно-морской и военно-воздушной базами, полностью перешёл под контроль ВНА. Наконец, 4-го апреля силы ВНА взяли базу ВМС в Камрани, а спустя ещё несколько дней уничтожили последние очаги сопротивления, остававшиеся в прибрежных районах.

В начале апреля моряки ВМС ДРВ освободили от противника часть островов архипелага Спратли в Южно-Китайском море и разместили на них свои укрепленные посты. Ещё до этого, в 1974 г., занимавшие с 1954 г. другую часть Парасельских островов войска КНР ликвидировали небольшой гарнизон сайгонских войск на их третьей части и установили над ними свой суверенитет. В итоге из строя было выведено 120 тысяч солдат и офицеров армии Нгуен Ван Тхиеу, из которых более 50 тысяч было взято в плен¹⁶.

Также было захвачено большое количество военной техники, включая артиллерийские орудия, танки, бронемашины и самолёты [1115, с.184]. Успех операции в Хюе и Дананге коренным образом изменил стратегическую ситуацию и создал благоприятные условия для решающего штурма столицы Южного Вьетнама. Под контролем правительства Нгуен Ван Тхиеу всё ещё оставался весь юг страны, где находились 3-ий и 4-ый корпуса сайгонской армии, однако было очевидно, что основное сражение развернётся за Сайгон.

4.2.3. *Операция Хо Ши Мин*

Политбюро ЦК ПТВ возложило общее руководство последней стратегической операцией по освобождению юга на ближайшего соратника и доверенного лица генерального секретаря ЦК ПТВ Ле Зуана члена политбюро и секретаря ЦК

ПТВ Ле Дык Тхо, главнокомандующим был назначен член Политбюро ЦК ПТВ генерал армии Ван Тиен Зунг, его заместителями – генералы Чан Ван Ча и Ле Дык Ань, командовавшие южной и северной группировками ВНА. Наконец, политкомиссаром стал тоже член Политбюро ЦК ПТВ Фам Хунг, уже несколько лет возглавлявший Бюро ЦК ПТВ в Южном Вьетнаме. То есть, во главе всей операции были поставлены три члена Политбюро ЦК ПТВ.

14-го апреля 1975 г. Ле Зуан утвердил предложение командующих войсками назвать операцию по взятию Сайгона «Операция Хо Ши Мин».

Подготовка к управлению таким крупным городским конгломератом, как Сайгон – Зядинь, была сложной задачей, требовавшей большого количества опытных работников. Для руководства этой работой южновьетнамское бюро партии назначило прекрасно знавшего город секретаря городской партийной организации Во Ван Киета¹, помогать которому в этом должны были направленные на юг секретарь ЦК ПТВ Нгуен Ван Чан и большая группа специалистов из ряда министерств и ведомств. В то же время эта задача, как вспоминает Ван Тиен Зунг, по своему характеру не была чисто административной или технической. Она была тесно связана с военными аспектами, политикой, дипломатией, экономикой, культурой и общественной жизнью рядовых жителей, предпринимателей, иностранных граждан, военнослужащих и чиновников сайгонского режима, исповедовавших к тому же различные религии [299, с.145].

Для взятия Сайгона было сосредоточено 4 армейских корпуса, включавших в общей сложности 15 дивизий, отдельную бригаду и 4 отдельных полка пехоты. Их поддерживали 20 артиллерийских бригад и 8 артиллерийских батальонов, 3 танковые бригады, 6 мотомеханизированных и танковых батальонов, полк ракет «Град», 2 транспортных дивизиона, 8 бригад и 2 батальона «коммандос», а также несколько кораблей и военных самолётов с экипажами из

¹ Во Ван Киет в девяностые годы стал одним из самых популярных премьер-министров СРВ. См. «Том V».

лётчиков сайгонской армии, перелетевших на сторону ВНА [1115, с.190]. Им противостояли по-прежнему достаточно многочисленные вооружённые силы Нгуен Ван Тхиеу.

Победители: командовавший разгромом французов при Дьенбьенфу Во Нгуен Зяп и возглавлявший «Операцию Хо Ши Мин» Ван Тиен Зунг.
Сайгон, апрель 1975 г.

Однако боеспособность сайгонской армии вызывала большие сомнения, так как между её отдельными частями не было связи, практически отсутствовало взаимодействие между родами войск, а моральное состояние военнослужащих было крайне низким. Тем не менее в Сайгон был направлен начальник штаба армии США генерал Фред Вэйанд, чтобы помочь правительству Нгуен Ван Тхиеу в этой безнадёжной ситуации, если и не защитить Сайгон, то хотя бы задержать наступление ВНА до сезона дождей, а там уже разными политическими и дипломатическими маневрами попытаться сохранить у власти сайгонское правительство.

 Направлене ударов армии ДРВ и НСВО

 Действия на море

 Оборонительные позиции Сайгонской армии

 Районы поспешно занятые при отступлении

Сайгон уже тогда занимал площадь в 120 тысяч км² и был мегаполисом с более чем трёхмиллионным населением. Кроме того, как известно, город окружён труднопроходимыми рисовыми полями, малыми речками и каналами. Поэтому, чтобы избежать разрушения города и больших потерь в ходе затяжных уличных боёв, как это произошло во время наступления праздника «Тэт» 1968 г., «Операция Хо Ши Мин» началась с мощного удара по правительственным войскам на

дальних подступах к Сайгону. Особенно тяжёлые бои развернулись 10-го – 21-го апреля при взятии опорных пунктов в провинции Суанлок в 80 км к востоку от Сайгона. Штурм же самого города начался 26-го апреля 1975 г. атакой против внешней линии обороны. Наступление велось одновременно с четырёх сторон. Через два дня боев Сайгон был практически окружён, а ожесточённо защищавшие его войска, которые постепенно охватила паника, начали разбегаться. 27-го апреля был взят город Биенхоа, где находился крупнейший оборонительный комплекс, прикрывавший Сайгон с востока. Тогда же взяли и порт Вунгтау, 28-го апреля части ВНА вышли к окраинам Сайгона. Вечером того же дня начался ракетный обстрел и бомбардировка с воздуха крупнейшего аэродрома Таншоннят под Сайгоном. Там были сосредоточены большие силы и оставалось ещё множество американских самолётов. Но оборонявшие аэродром части не знали, что незадолго до этого перешедшая на сторону ВНА группа южновьетнамских пилотов обучила управлению своими машинами несколько экипажей северовьетнамских лётчиков, которые атаковали их позиции на американских самолётах. Посчитав, что на них напали американцы, защитники Таншоннята сложили оружие.

На следующий день США в обстановке страшной спешки и нервозности начали эвакуацию из Южного Вьетнама американского военного и гражданского персонала и тесно связанных с ними вьетнамских генералов и чиновников, которых доставляли вертолётами на корабли 7-го флота США и в Таиланд. Вертолёты беспорядочно кружили в небе Сайгона, опускаясь на крыши других зданий, чтобы принять на борт толпившихся в ожидании посадки людей.

Весь мир облетели телевизионные кадры, на которых посол США эвакуировался с крыши посольства США в Сайгоне. Боевых действий в самом Сайгоне почти не было. Наступавшие части ВНА заранее наметили главные для себя объекты, в том числе – резиденцию президента, генеральный штаб сайгонской армии, министерство обороны, управление полицией и жандармерией и центральный банк.

1. Дворец Независимости – резиденция президентов Республики Вьетнам.
 2. Танк Т54 №843 на стоянке в дворцовом парке.
- Хошимин, 13.04.2011 г.

30-го апреля 1975 г. в 10.30 утра танковая рота под командованием Буй Куанг Тана прорвалась в самый центр города. Танк Т-54 с бортовым номером 843 протаранил ворота столичной резиденции президентов Республики Вьетнам – Дворца Независимости и встал перед ним на лужайке¹⁷. Час спустя над дворцом взвился флаг Национального фронта освобождения Южного Вьетнама как символ безоговорочной победы вьетнамского народа. На этом была завершена длившаяся с 1946 по 1975 г. «тридцатилетняя» война за освобождение и объединение страны.

К этому времени Нгуен Ван Тхьеу, который ещё 24-го апреля ушёл в отставку с поста президента, вместе с семьёй улетел на Тайвань. Ставший президентом вице-президент Чан Ван Хыу пригласил на пост премьера популярного в армии генерала Зыонг Ван Миня, или, как его ещё называли, «Большого Миня». Он считался нейтралистом и приемлемым для коммунистов лидером возможной будущей коалиции. Но из этого ничего не вышло. «Большой Минь» успел побыть в роли лидера ровно три дня. Вьетнамские коммунисты воевали тридцать лет не для того, чтобы посадить в Сайгоне ещё какое-то переходное правительство, пусть даже, как предлагал Минь, под формальным руководством их товарищей из ВРП РЮВ. Также были отвергнуты и все инициативы французов и канадцев, предлагавших свои услуги для срочной организации «равноправных переговоров» в Ханое или в других местах. Оставшаяся часть сайгонской администрации была арестована, а генерал Зыонг Ван Минь был вынужден, обратившись к оставшимся войскам с призывом сложить оружие, объявить по радио о безоговорочной капитуляции. Но сделал он это не как глава правительства, а как гражданин, «перешедший на сторону народа» [214, с.139]. В тот же день во Дворце Независимости прошла церемония подписания капитуляции правительства Южного Вьетнама.

Одновременно с крахом правительства Республики Вьетнам в Таиланд хлынул поток беженцев, который известен под названием «люди в лодках». Многие отправились морем на лодках и катерах.

«Люди в лодках». Сайгон, апрель 1975 г.
Фото из архива профессора П.-Б.Лафона

Тем, кому посчастливилось доплыть, а их было меньшинство, нашли убежище в разных странах Юго-Восточной Азии, в Новой Зеландии, Австралии и Японии. Часть беженцев устроилась в Европе, главным образом во Франции, где уже существовала большая вьетнамская община. Многих приняли Канада и, конечно, США, которые не могли не приютить своих союзников в борьбе с коммунизмом, или, как позднее выразился Рональд Рейган, с «мировым злом»¹⁸.

Этой блестящей победой завершились «Операция Тэйнгвен», «Операция Дананг» и «Операции Хо Ши Мин». Главными особенностями этой единой военной компании весны 1975 г. были внезапность, быстрота и непрерывность действий с целью вывода из строя максимального количества живой силы противника. Согласно официальным вьетнамским данным, всё весеннее наступление заняло 55 дней. В то же время данные о потерях обеих сторон в ходе боевых действий пока держатся в секрете

Маленький вьетнамец в «обработанных» дефолиантами мангровых зарослях мыса Камау. Фото Горо Накамура 06.05.1976 г.
Музей Войны. Хошимин, 14.04.2011 г.

Арлингтонское кладбище под Вашингтоном.
Неужели история никого и ничему не учит?
Музей Войны. Хошимин, 14.04.2011 г.

По подсчётам генерала Ван Тиен Зунга, Соединённые Штаты использовали на пике своей агрессии во Вьетнаме 60% пехоты, 58% сил морской пехоты, 32% тактической и 50% стратегической авиации, 15 из 18 авианосцев, 800 тысяч военнослужащих, включая войска, размещённые в странах-сателлитах, принимавших участие во вьетнамской войне, а также более миллиона солдат сайгонской армии. За годы войны в армию было призвано 6 миллионов американцев. На Вьетнам было сброшено свыше 10 миллионов тонн бомб, что в несколько раз превысило количество взрывчатых веществ, использованных США в годы Второй мировой войны на всех театрах военных действий. США дорого заплатили за эту войну, в которой из 2,6 миллионов прошедших через неё американцев погибли 58189 и были ранены 304 тысячи солдат и офицеров [147]. Только в 1965 – 1974 гг. американские налогоплательщики заплатили «на войну», по одним данным, 141,3, а по другим – 171,6 миллиарда долларов. Известно, что война в Корее обошлась США в 164 миллиарда, а за всю Вторую мировую войну они потратили 664 миллиарда долларов [1300, с.353]. Тем не менее, несмотря на эти колоссальные усилия и потери всё закончилось тем, что, как уже говорилось, американскому послу пришлось спастись на вертолёте с крыши посольства в Сайгоне [299, с.67].

В то же время война 1954 – 1975 гг. нанесла Вьетнаму огромный и невосполнимый ущерб. По официальным данным правительства СРВ, обнародованным в 1995 г., всего в ходе войны погибли 1,1 миллиона солдат ВНА, бойцов НВСО и партизан Южного Вьетнама, а также 2 миллиона мирных жителей в обеих частях страны. По другим, людские потери в обеих частях Вьетнама только среди мирного населения составили порядка 7 миллионов человек. Бомбардировками были разрушены почти все крупные города Северного Вьетнама, железные дороги, автомагистрали, морские порты и множество промышленных предприятий. Около 40% посевных площадей на юге и 44% лесных площадей пострадали от распыления американцами так называемого «оранжевого элемента», вызывающего рак и генетические мутации у людей,

животных и растений, последствия которых прослеживаются во Вьетнаме вплоть до настоящего времени [313].

5. *Международное значение и уроки войны во Вьетнаме*

14-го декабря 1976 г. с трибуны IV съезда ПТВ Ле Зуан с присущими моменту эмоциями торжественно заявил: «Пройдут годы, но победа нашего народа в Войне сопротивления против США навсегда войдёт в историю своими самыми славными страницами, как яркий символ непобедимости революционного героизма и человеческого разума. Она войдет в историю человечества как величайший подвиг народа в XX веке, как событие огромного мирового значения для современности» [186]. Война во Вьетнаме, действительно, ушла в историю, но боль и смятение в умах американцев от этой до конца так и непонятой войны остаются до сего дня. Одни считают, что Вьетнам был глубочайшим заблуждением национальной политики, стоившей жизни 58 тысячам американцам и миллиарды долларов налогоплательщикам. Другие считают эту войну делом чести, сопоставимым с предшествовавшими ей усилиями ООН по сохранению свободы Южной Кореи. В современной историографии поднимается и классический вопрос «Кто виноват?», на ком лежит историческая ответственность за случившуюся трагедию. Большинство исследователей этого периода при объективном подходе к историческим фактам однозначно возлагают ответственность за неё на военно-политическое вмешательство США в национально-освободительный процесс во Вьетнаме. Но есть и те, особенно во вьетнамской диаспоре, кто до сих пор не перестают обвинять во всём вьетнамских коммунистов, которые с начала Второй мировой войны и до полного освобождения страны стояли во главе национально-освободительной борьбы своего народа. Но так сложилась история Вьетнама, что в нём не нашлось никакой другой политической силы, способной возглавить дело национального освобождения. Из всех стран Восточной и Юго-Восточной Азии только в Китае и Вьетнаме национализм и коммунизм соединились воедино, образовав мощнейшую силу.

Американская техника.
Музей Войны. Хошимин, 13.04.2011 г.

Нельзя не замечать и неразрывной связи войн 1946 – 1954 гг. и 1964 – 1975 гг., которые со всей очевидностью вытекают одна из другой. Поэтому если сегодня кто-то обвиняет КПВ в тех жертвах, которые пришлось принести на алтарь победы, то сначала следует спросить с тех, кто в 1946 г. решил отнять у вьетнамцев завоёванную ими независимость, кто развязал ту войну и, проиграв её, не согласился с этим поражением, сорвал выполнение достигнутых в Женеве

договорённостей, после чего начал репрессии против участников сопротивления, а затем и полномасштабную гражданскую войну против собственного народа при массовой и всеобъемлющей поддержке США.

Конечно, с позиции сегодняшнего дня можно увидеть, что и в действиях тогдашнего руководства вьетнамских коммунистов не всё было идеально правильно и справедливо, что, вне всякого сомнения, было связано с заблуждениями и примитивными представлениями, унаследованными от долгого периода засилья догматизма и сектанства в политическом мышлении лидеров партии, воспитанных в духе установок Коминтерна и сталинизма тридцатых годов. Но ведь и все другие главные участники этой большой политической драмы, прежде всего – руководство США, СССР и Китая, находились тогда на уровне политического мышления, определявшимся историческим контекстом «холодной войны». Отсюда и их тогдашнее понимание происходивших в мире событий, равно как и их готовность считаться с существовавшими реалиями жизни. Именно этот «временной» фактор не принимается в расчёт теми, кто продолжает искать ответ на вопрос о том, как могло случиться, что самое могущественное в мире государство потерпело поражение в войне с Вьетнамом, не проиграв при этом ни одного сражения!

Ответ на этот вопрос следует искать в исторически укоренившемся в сознании вьетнамцев понимании сути «народной войны». На протяжении многих веков оно оставалось неизменным, формируя менталитет как вьетнамских властителей, так и простых крестьян сначала в ходе бесконечных войн с общекитайскими империями и южнокитайскими царствами, а затем в ходе борьбы против французского колониального завоевания, которое завершилось победой в первой Войне сопротивления. Самым простым было бы согласиться с американским генералом Ф.Дэвидсоном, который справедливо замечает, что США проиграли войну так, как и проигрываются все войны, «поскольку противник умело использовал превосходящую стратегию, нанося нам удары в уязвимые места на политическом и психологическом фронте и не позволяя применить к нему максимально нашу

военную мощь. Мы же не смогли воспользоваться слабостями врага, поэтому на протяжении войны его сила росла, мы же становились слабее. Мы проиграли потому, что правительство США не сумело осознать и оценить стратегию революционно-освободительной войны, а следовательно, не нашло средства, способного разрушить эту стратегию. Даже если бы американское руководство понимало сущность революционно-освободительной войны, то всё равно по политическим, психологическим, институциональным и организационным причинам оно не смогло бы эффективно использовать свои преимущества» [370, с.502].

Однако гораздо более верным, представляется запоздалый вывод главного «архитектора» вьетнамской войны Роберта Макнамары: «Мы недооценили мотивирующую силу национализма для людей готовых воевать и умирать за свои убеждения и ценности» [1099, с.270]. Иными словами, национализм оказался сильнее антикоммунизма, а на основе коммунизма он вообще стал непреодолимой силой для военной интервенции, главной причиной которой стала антикоммунистическая паранойя с её «Теорией домино».

Важнейшим фактором, обеспечившим победу ДРВ, стала помощь Советского Союза¹⁹ и других социалистических стран. Нельзя не отдать должного и КНР, которая при всей двойственности политики маоистского руководства оказала, особенно на первых этапах американской агрессии, большую материально-техническую и военную помощь ДРВ.

Наконец, вьетнамское руководство на практике доказало, что во 2-ой половине XX в. общественное мнение стало весьма эффективным оружием. По словам Ф.Дэвидсона, именно оно перенесло войну с рисовых полей Вьетнама на улицы американских городов [370, с.502].

Руководству США пришлось выбирать меньшее из двух зол, так как, ужесточая военные действия, они теряли поддержку народа, а сворачивая активность боевых действий, они лишались шанса победить на поле боя. «Ограниченная война» США во Вьетнаме показала, что в современном мире война перестала быть «продолжением внешней политики иными средствами».

1. Одна из многих братских могил на пути от 17-ой параллели до Сайгона. Куангнгай, 08.04.2911 г.
2. Роберт Макнамара и Во Нгуен Зяп. Ханой, 24.06.1997 г.

Казалось бы, вывод напрашивается сам собой: *«Больше никаких Вьетнамов!»*, как назвал свои мемуары 37-ой президент США Ричард Никсон, который писал: *«Ни одно событие в американской истории не понимается настолько*

неверно, как война во Вьетнаме. О нём лгали тогда и извращают в воспоминаниях сегодня. Редко так много людей заблуждаются в столь многих вещах. Никогда ещё последствия их заблуждений не были столь трагическими» [1114].

К сожалению, как Афганская война Советского Союза 1979 – 1989 гг. и вторжение Соединённых Штатов в Ирак в 2003 г., так и события 2010 – 2013 гг., в первую очередь – действия НАТО в Ливии и поддержка Западом мятежников в Сирии, свидетельствуют о том, что должных выводов так и не было сделано до сих пор.

ЧАСТЬ III

Экономическое развитие Вьетнама в 1893 – 1975 гг.

Глава 1

Социально-экономическое развитие Вьетнама в составе Индокитайского союза (1893 – 1945 гг.) и в эпоху первой Войны сопротивления до заключения Женевских соглашений (1946 – 1954 гг.)¹

1. Социально-экономическое развитие Вьетнама в составе Французского Индокитая до начала Первой мировой войны

1.1. Первые шаги французского капитала во Вьетнаме

Со 2-ой половины XIX в. захватившие Кохинхину французы «открыли» её для международной торговли. Только в 1860 г. в Сайгоне побывало 111 европейских и 140 китайских кораблей, которые ввезли страну товаров на 1,5 миллиона франков (из них $\frac{1}{3}$ - опиум) и вывезли 53,9 тысячи т риса-падди¹ на сумму 5,2 миллиона франков. Если в 1865 г. из Кохинхины уже было вывезено товаров на общую сумму 400 тысяч пиастров, то в 1883 г. – уже на 33,8 миллиона пиастров [685, с.147; 1372, с.98].

В период с 1862 по 1874 г. для французских торговых судов были открыты порты Дананг, Далат, Куангиен и Тхинай. Кроме того, они получили право свободного прохода по реке Красной вплоть до границы с Китаем. Речные перевозки обеспечивала созданная уже в 1862 г. специальная компания^{II}, а в 1882 г. была учреждена другая компания для организации морских перевозок между Сайгоном и портами Центрального и Северного Вьетнама^{III}. Интересно, что если до семидесятых годов XIX в. в сайгонском порту французские суда составляли 20% – 30%, а в Хайфонском – около 5% от общего числа заходивших в них европейских кораблей, то в 1883 г. их количество в последнем достигло 30%. Только в Тхинае и Дананге французские торговцы продали в 1881 г.

¹ Неочищенный рис.

^{II} Messagerie fluvial

^{III} Messagerie maritime.

хлопчатобумажных тканей на сумму 1,2 миллиона франков. В 1886 г. в Кохинхину было ввезено товаров на 13 миллионов пиастров, из них французами – на 6,8 миллиона. В целом же рост ввоза в Индокитай товаров из Франции и её колоний неуклонно возрастал. В 1879 – 1883 гг. он составил 16% от общего количества импорта, в 1884 – 1888 гг. – 30% и в 1889 – 1893 гг. – 27% [661, с.99; 687, с.429; 856, 413 – 448].

Следует отметить, что в начале последней четверти XIX в. французские торговцы ещё не могли конкурировать в Северном Вьетнаме с торговцами из стран Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии, где стоимость перевозок и рабочая сила были значительно ниже французских. Особенно сильны на севере были позиции китайцев, которые поставляли в Тонкин около $\frac{2}{3}$ всех товаров. Однако в 1887 г. французские суда стали обладываться таможенной пошлиной в 2,5% от стоимости товара, а другие иностранные корабли – в 5%. Наконец, в 1892 г. французские товары вообще были освобождены от таможенной пошлины, тогда как пошлины на товары других государств были подняты до 25%.

В 1887 – 1900 гг. во Вьетнаме появились французские экспортно-импортные компании. Самой известной из них была «Пуансарэ Вейре»¹ в Хайфоне, ввозившая металлические изделия, алкоголь и многие другие товары². К концу XIX в. опиравшиеся на Индокитайский банк³ французские компании уже полностью контролировали вьетнамский рынок, что привело к упадку местных ремесленных производств. Так, из-за ввоза лиможской и севрской посуды пришло в упадок знаменитое вьетнамское гончарное производство.

До создания Индокитайского союза французы опасались вкладывать серьёзные капиталы в новую колонию. Строившиеся сначала на юге, а затем в центре и на севере страны сахарные, лесопильные, спичечные, текстильные, кожевенные, мыловаренные, маслособойные и винодельческие предприятия были небольшими. При этом из-за отсутствия квалифицированной рабочей силы и прочной сырьевой базы,

¹ Société Poincaré Veyret.

они работали нерегулярно и обслуживали главным образом армию и администрацию.

Здание и операционный зал Индокитайского банка

В то же время, колонизаторы вели активный захват пахотных земель. К 1900 г. французы владели более чем 301 тысячей га полей, а к 1913 они контролировали уже свыше 470 тысяч га [690, с.196 – 202; 824, с.223]. К концу XIX – началу XX в. французские власти окончательно выработали ту экономическую линию, которой затем они следовали в Индокитае на всём протяжении колониального господства. Она сводилась к тому, что, с одной стороны, «колонии должны играть особую роль для французского рынка». С другой – считалось, что «хорошей» колонией является та, которая ограничивает производство лишь удовлетворением потребностей метрополии в сырье или товарах. При этом «если продукция колонии выходит за эти рамки, то такая колония становится для метрополии опасным конкурентом» [1372, с.150; 1661.1]. 23-го марта 1897 г. генерал-губернатор Индокитая Поль Думер сформулировал официальную точку зрения правительства Франции по этому вопросу: «Поощрять развитие промышленности в колонии надо лишь в определённых рамках, дабы не нанести ущерб промышленности метрополии» [1722.1, с.37, 38]¹. Иными словами, экономическая политика колонизаторов во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже сводилась к их превращению в сырьевой придаток метрополии.

1.2. Французский капитал во Вьетнаме в 1888 – 1918 гг.

Для надёжного контроля за своими новыми владениями французам требовалась современная система коммуникаций, которой во Вьетнаме в то время вообще не существовало. Поэтому на её создание направили огромные средства.

В 1881 – 1885 гг. построили первую железную дорогу Сайгон – Митхо протяжённостью 70 км. В 1889 – 1894 гг. железнодорожные пути соединили Фулангтхыонг и Лангшон, в 1899 – 1905 гг. проложили 312 км дороги от Ханоя до Виня, в 1906 г. – от Хюе до Дананга. В 1910 г. построили 384 км железной дороги, которая соединила Ханой, Хайфон и Лаокай,

¹ О П.Думере смотри «Параграф 1» «Главы 1» «Части I» настоящего тома.

открыв тем самым прямой путь в Южный Китай. Всего же было построено 2600 км железных дорог. Одновременно с этим строились вагоноремонтные мастерские, депо, вокзалы и привокзальные склады в Ханое, Вине и Сайгоне. На всех этих работах использовался труд большого количества наёмных рабочих [94.3, с.12; 1522, с.56].

Помимо этого на средства местных бюджетов строились грунтовые дороги, мосты и каналы, на что только в Центральном Вьетнаме в 1903 г. выделили 183,9 тысячи, в 1904 г. – 222 тысячи и в 1905 г. – 132 тысячи пиастров. В итоге было проложено 20 тысяч км дорог провинциального значения и 14 тысяч км телеграфных линий [94.3, с.9; 904, с.51]

Не меньшее внимание уделялось и инфраструктуре традиционных для Вьетнама водных путей сообщения. Строились речные порты и мосты, прокладывались судоходные каналы и создавался каботажный флот. К 1914 г. было создано 1745 км водных путей, по которым осуществлялись грузопассажирские перевозки, при этом суда были оснащены паровыми машинами.

О масштабе мероприятий французских колониальных властей по созданию транспорта в Индокитае можно судить хотя бы по тому, что в 1888 – 1918 гг. на них было потрачено 128 миллионов золотых франков [974, с.181]. Финансирование дорожного строительства осуществлялось главным образом за счёт государственных займов, общая сумма которых в период с 1886 по 1913 г. составила 427 миллионов золотых франков. Они предоставлялись под очень высокие проценты. Так, если в 1901 г. сумма ушедшая на погашение займов составляла 728 тысяч пиастров, то в 1906 г. она достигла 4,444 миллиона пиастров. Соответственно росли и прибыли Индокитайского банка, которые составили в 1885 г. 393 тысячи, а в 1905 г. – уже 2,666 миллиона золотых франков [1498, с.91]⁴.

Очевидно, что возврат всех указанных кредитов вместе со столь высокими процентами тяжёлым бременем ложилась на плечи трудового народа Вьетнама. При этом, поскольку вложения Франции в Индокитай, как и в другие её колонии той эпохи, преимущественно имели форму ссудного капитала,

то, «в отличие от английского колониального империализма, французский можно назвать ростовщическим империализмом» [42, т.27, с.362].

Ещё одним источником финансирования дорожного строительства в Индокитае служили постоянно растущие прямые и косвенные налоги. Так, если до колониального завоевания подушный налог равнялся 1 куану, то в начальный период французского господства он составлял 50 су в Тонкине и 30 су в Аннаме⁵. Кроме того, каждый вьетнамец должен был бесплатно отработать 48 дней в году в качестве трудовой повинности. Затем принудительная отработка была снижена до 20 дней, но взамен был повышен подушевой налог, который составлял к концу XIX 2,5 пиастра в Тонкине и 2,3 пиастра в Аннаме. Точно также значительно возрос и земельный налог. Если до колониального завоевания он равнялся 1 пиастру с 0,36 га¹, то после него он составлял 1,5 пиастра.

С 1888 по 1896 г. общая сумма прямых налогов выросла вдвое. Так, если в 1888 г. она составила 1,235 миллиона пиастров, то в 1896 г. – 2,995 миллиона пиастров, а в 1912 г. сумма налоговых сборов по всему Индокитаю уже равнялась 38,362 миллионов пиастров [94,4, с.12; 909].

Большие поступления шли и от косвенных налогов. Так, колониальная администрация ввела монополию на соль, которую вьетнамские предприниматели были обязаны сбывать оптом французским властям по фиксированным низким ценам. После обработки она поступала в розничную продажу по завышенным ценам, которые к тому же постоянно росли¹¹.

Огромные средства поступали в бюджет от продаж алкоголя и опиума. Известно, что монополизировавшая производство и продажу алкоголя французская компания «Индокитайская дистилляция»¹¹¹ только за 1904 г. получила доход в 2,3 миллиона золотых франков, а в 1903 и 1904 гг. ежегодный доход от продажи алкоголя только в Тонкине и

¹ То есть с 1 мая. Смотри «Таблицу №3» в «Томе VI».

¹¹ Только за последнее десятилетие XIX в. розничная цена на соль выросла в девять раз.

¹¹¹ Distillerie d'Indochine.

северном Аннаме составил 1,484 миллиона пиастров. Более того, с целью увеличения суммы косвенных налогов французские власти ввели систему принудительной продажи алкоголя. В результате в 1905 – 1906 гг. в провинции Нгеан продажа алкоголя увеличилась на 68,8 тысячи л, в провинции Хатинь – на 39,3 тысячи л. При этом в письме генерал-губернатора Индокитая министру колоний Франции от 19-го февраля 1908 г. сообщается, что в ноябре 1907 г. потребление спиртных напитков выросло по сравнению с предыдущим месяцем на 41 тысячу л, достигнув при этом объёма в 744,8 тысяч л. Таким образом, на каждого взрослого ежегодно приходилось по 7 л алкогольных напитков, цена которых постоянно возрастала. Так, если до колониального завоевания 1 л спирта стоил 5 – 6 центов, то в 1893 г. он уже стоил 15 центов, в 1897 г. – 22 цента, в 1906 г. – 29 центов, а позднее его цена выросла до 45 центов [94.4, с.5; 94.5, с.17; 94.6; 1644.1].

Колониальная администрация также способствовала расширению торговли опиумом, который свободно продавался в государственных магазинах по высокой цене. Так, если в 1896 г. 1 кг опиума стоил 45 пиастров, то в 1899 г. он уже стоил 77 пиастров. Только в 1902 г. доходы французских властей от продажи опиума составили 6 миллионов пиастров, или 15 миллионов золотых франков, а за весь период с 1896 по 1902 гг. они выросли более чем в два раза.

В результате общая сумма доходов от продажи соли, алкоголя и опиума составила в 1899 г. 8 миллионов, в 1903 г. – 10,4 миллиона, а в 1911 г. 12 миллионов пиастров.

Значительный доход приносил и игорный бизнес. Так, только в Кохинхине в 1887 г. с игорных домов французские власти собрали 2,5 миллиона золотых франков, что равнялось 1 миллиону пиастров [1498, с.103].

В конечном итоге все эти косвенные налоги тяжело сказывались на жизненном уровне населения, покупательная способность которого постоянно сокращалась. Так, в отчёте верховного резидента Аннама за 1905 г. говорилось, что «вьетнамец, не располагающий средствами для содержания самого себя и своей семьи, вынужден отказаться или сократить

потребление [алкогольных напитков], то же самое касается опиума и соли». При этом там же отмечалось, что действовавшая система налогообложения позволяла ежегодно увеличивать сумму поступающих в бюджет доходов. Так, в 1904 г. они составили 101,4 тысячи, в 1905 г. – 150 тысяч и в 1906 г. – 202,9 тысячи пиастров [94.3, с.1, 4].

В конце XIX – начале XX в. французский торговый капитал активизировал свою деятельность в Индокитае. В то время во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже было основано большое количество новых компаний, многие из которых создавались путём объединения ранее существовавших мелких фирм. Тогда же так называемые анонимные компании¹ метрополии стали открывать свои филиалы в колонии. Особенностью торговли Франции с Индокитаем, большая часть которой приходилась на Вьетнам, было превышение экспорта из метрополии в колонию над импортом из неё. Интересно, что объём этой торговли в два – три раза превышал суммарный объём торговли Франции со всеми остальными её колониями. Экспорт французских товаров в Индокитай намного превышал импорт местного сырья в метрополию. Так, только в 1904 – 1908 гг. было ввезено товаров на 98,3 миллиона, а вывезено местного сырья на 40,4 миллиона золотых франков. Импорт же в метрополию в основном состоял из цинковой, свинцовой и железной руды, угля, леса, каучука, кожи, кунжута, табака, камбоджийского хлопка, индокитайского шёлка, риса, манса, сои, маниоки, перца, кокосовых орехов, арахиса, кофе и чая. При этом если в 1892 г. торговый оборот между Францией и Индокитаем составлял 172 миллиона франков, то в 1907 г. он уже равнялся 512 миллионам франков [94.3, с.1, 4; 558, с.28; 1498, с.98; 1654.1; 1666.1].

Особо следует остановиться на рисе и каучуке. Рис был основной экспортной культурой Индокитая. Если в 1860 г. его экспорт составлял 50 тысяч т, то в конце XIX в. – 500 тысяч т, в 1913 г. – 1,3 миллиона т^{II}, а в 1918 г. – 1,6 миллиона т^{III}. При

¹ Société anonyme.

^{II} 62% всей стоимости индокитайского экспорта.

^{III} 76% всей стоимости индокитайского экспорта.

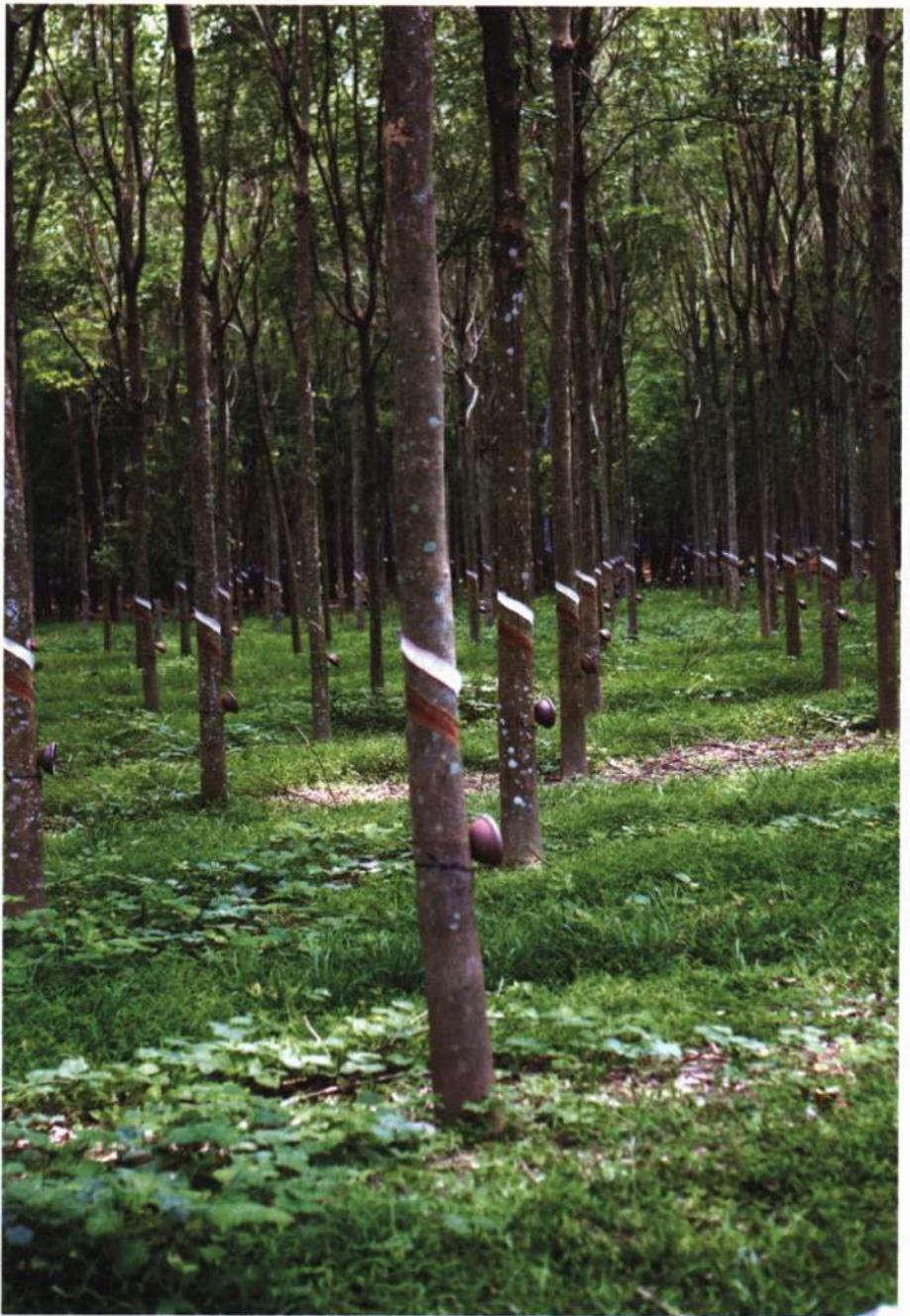
этом даже из Тонкина, где риса не хватало для внутреннего потребления, в 1912 г. было вывезено 268 тысяч т. Большой спрос на мировом рынке привёл в 1875 – 1915 гг. к увеличению производства риса в основной житнице Вьетнама Кохинхине почти в три – четыре раза. Рис в основном экспортировался в другие французские колонии и в страны Азии [611.1, с.57; 1654.1].

В результате роста спроса происходило и расширение каучуковых плантаций в Южном и Центральном Вьетнаме. В 1898 г. французский предприниматель Беллан основал каучуковую плантацию около Сайгона, а в 1905 г. он начал продавать латекс, получая с того времени доход в 100 тысяч франков ежегодно.

Следуя этому примеру, другие предприниматели начали создавать свои плантации. В 1907 г. после завершения строительства ветки железной дороги Сайгон – Фантхиет в провинциях Биенхоа, Тэйнинь, Зядинь, Тхузоумот и Бариа, а также в ряде районов Лаоса и Камбоджи появились крупные каучуковые плантации площадью от 0,5 до 1,3 га. Их площадь постоянно росла, достигнув в 1920 г. 7,2 тысячи га. В среднем она увеличивалась на 300 га в год. Французские предприниматели получили концессии для разведения гевеи в провинциях Куангнгай, Биньдинь, Фанранг, Биньтхуан, Фуиен и Куангнам.

Всего в 1905 г. под концессии для разведения гивеи в Центральном Вьетнаме было предоставлено 44,6 тысячи га. Соответственно росло и производство каучука: в 1913 г. оно составляло 214 т., а в 1917 г. – уже 931 т. Однако на экспорт шёл не весь каучук. Так, в 1898 г. было вывезено 9 т, в 1905 – 117 т., в 1913 г. – 200 т., а в 1917 г. – 900 т., что составляло приблизительно 1,8% от общей стоимости экспорта.

Следует отметить, что хотя качество вьетнамского каучука получило высокую оценку на выставке в Лондоне, его производство и экспорт получили широкое развитие лишь после Первой мировой войны. Так, уже в 1919 г. из Вьетнама экспортировали 2,25 тысячи т каучука.

Плантация гевей. На деревьях видны сосуды для сбора латекса.
Тэйнинь, 09.04.2011 г.

Экспорт риса и каучука сопровождался созданием крупных капиталистических плантационных хозяйств. При этом такие крупные монополии, как Индокитайский банк и финансовая группа «Риво», контролировали производство каучука. В результате в июле 1917 г. 139 частных каучуковых плантаций были объединены в компанию «Риво и К°», в которую вошли такие фирмы, как «Мишлен» и «Братья Дени»¹ [94.3, с.5; 974, с.224; 1000, с.769; 1302, т.III, с.242].

Уже с 1870 г. французские предприниматели занялись разведением кофе, а несколько позднее – чая. Поэтому кофейные и чайные плантации находились в большом количестве в таких вьетнамских провинциях, как Хадонг, Шонтэй, Хоабинь, Футхо, Контум и многих других. Выращенный вьетнамцами чай скупался оптом по дешёвым ценам «Чайной компанией Аннама»^{II} и другими фирмами, которые открывали скупочные пункты поблизости от места его производства.

О темпах развития плантационного хозяйства, которое при минимальных вложениях давало высокие прибыли, можно судить по следующей таблице:

Общая площадь плантаций в га [94.3, с.6]			
Год	Кохинхина	Аннам	Тонкин
1890	4346	3480	3068
1918	184700	19200	71050

В основном все эти площади были заняты плантациями риса, чая, кофе, сахарного тростника, тутовника и каучука [1152, с.20].

В то же время колонизаторы вкладывали гораздо меньшие средства в те отрасли, которые требовали больших затрат и имели относительно небольшую норму прибыли. Так, животноводство развивалось главным образом для нужд колониальной администрации в окрестностях Сайгона, Далата и Ханоя. В сельское же хозяйство за весь период с 1888 по 1918 г. было инвестировано всего 40 миллионов франков по курсу 1914 г., или 8% от общей суммы капиталовложений.

^I Groupe Rivaud; Rivaud et C°; Michelin; Frères Denis d'Indochine.

^{II} Le Thé d'Annam.

Поэтому в стране почти не строились новые ирригационные сооружения, а уже существовавшая система каналов и дамб не содержалась должным образом.

Как известно, засухи, наводнения, тайфуны и другие стихийные бедствия являются нормой для Вьетнама, и это нередко приводило к катастрофическим последствиям. Так, 11-го сентября 1904 г. тайфун уничтожил второй урожай в провинциях Куангбинь, Куангчи и Тхыатхиен в Центральном Вьетнаме. Вообще, 1904 – 1905 гг. оказались крайне неблагоприятными для сельского хозяйства. Не лучше был и 1906 г., в августе – октябре которого из-за наводнения погиб весь урожай низменности реки Красной в Северном Вьетнаме. Особенно пострадали традиционно подверженные стихийным бедствиям провинции Хатинь и Нгеан. В результате было уничтожено множество домов, погибли сотни людей, а резкое сокращение кормовой базы привело к массовому падежу скота. Так, в августе 1904 – феврале 1905 гг. в провинции Тханьхоа погибло 12 – 15 тысяч голов скота, а в начале мая 1905 г. начался массовый падеж скота в провинции Тхыатхиен [94.4, с.1, 9; 974, с.781; 1152, с.20].

Не лучше обстояли дела и на юге в Кохинхине, которая сильно пострадала от тайфуна 1-го мая 1904 г. В октябре – ноябре того же года на неё обрушился ещё один тайфун, за которым последовало наводнение, сменившись засухой. Значительная часть урожая погибла, а в некоторых уездах Южного Вьетнама вообще не собрали ни зёрнышка. В результате резко подскочили цены на рис и другие продукты питания [94.3, с.1]. По всей стране начался голод, особенно тяжело сказавшийся в 1906 г., при этом тогда же в Тонкине и Аннаме разразилась эпидемия чумы. Резко увеличилось число нищих и бродяг. Население повсеместно протестовало против тяжёлых налогов и поборов.

В дальнейшем ситуация не улучшилась, что признавали и сами французы. Так, например, 4-го февраля 1913 г. генерал-губернатор Альбер Сарро заявил в своём выступлении, что из-за неурожая 1910 – 1912 гг. крестьянское хозяйство в Кохинхине было разорено и поражено кризисом. Он также

предложил выделить крестьянам кредит, которые были вынуждены занимать средства у китайских ростовщиков на крайне тяжёлых условиях¹.

Тем не менее вместо того чтобы выделить хоть какую-то часть продовольствия для помощи голодающему населению, французские власти продолжали его экспорт из страны. Например, только в 1912 г. из Тонкина было вывезено 268 тысяч, а из Кохинхины 531 тысяча т риса. Как отмечал тот же генерал-губернатор Альбер Сарро, «Франция может быть обеспечена кофе и чаем из Тонкина и Аннама, не закупая их в других странах» [1654.1; 1654.2].

Наряду с французскими компаниями, занимавшимися в Индокитае торговыми операциями и ориентированной на метрополию деятельностью в сельском хозяйстве, там же с конца XIX в. начали возникать многочисленные акционерные общества по разработке полезных ископаемых. Если в 1907 г. их было 33, то в 1911 г. их уже было 92, а в 1912 г. – 101. Для французских концессий в горнодобывающей промышленности были созданы исключительно благоприятные условия. Согласно изданному в сентябре 1888 г. указу за каждую тонну добытого угля с владельца шахты взимался налог в 0,75 франка, а в 1893 г. он был уменьшен до 0,25 франка, при этом налог на землю под рудником был почти полностью отменён. Согласно указу от 26 января 1912 г. владельцы рудников платили земельный налог, который не должен был превышать 6 франков с 1 га [1152, с.18; 1520, с.34; 1654.2].

Созданная в 1888 г. Жаном Дюпюи «Французская угольная компания Тонкина»¹¹ стала одним из первых крупных французских горнодобывающих предприятий. Эта компания с первоначальным капиталом в 9 миллионов золотых франков занималась разработкой угольных бассейнов Хонгая и Кайбау, где добыча угля постоянно возрастала. Так, в бассейне Хонгая она составила в 1893 г. 112 тысяч т, в 1904 г. – 230,9 тысячи т, в 1905 г. – 242,8 тысячи т, 1906 г. – 248 тысяч т и в 1907 г. –

¹ Китайцы суживали деньги на 5 месяцев под 28% ежемесячно.

¹¹ Jean Dupuis. Société Française du charbonnage du Tonkin.

295,1 тысячи т. При этом в 1907 г. экспорт обогащённого угля составил 16,6 тысячи т, мелкого угля – 117 тысяч т и угольных брикетов – 1,5 тысячи т. Соответственно компания Жана Дюшой получила в 1913 г. 2,5 миллиона франков прибыли, а в 1925 г. её прибыль уже равнялась 36,2 миллиона франков. Постепенно французы завладели всеми шахтами, принадлежавшими ранее вьетнамским и китайским предпринимателям, после чего приступили к разработке новых угольных месторождений в различных районах Северного Вьетнама. Уголь в основном экспортировался во Францию, Китай и Японию [94.7, с.28].

В 1903 г. началась добыча оловянной руды в Каобанге. В 1913 г. было получено 44 т олова, в 1922 г. – 410 т, при этом почти всё олово экспортировалось во Францию. Также создавались компании по разработке цинковых руд. В 1905 г. такая компания была создана в Туенкуанге, в 1906 г. – в Тхайнгуене, в 1908 г. – в Лангпоне и в 1909 г. – в Баккане. В 1906 г. было добыто 2,5 тысячи т цинка, а в 1914 г. – 31,5 тысячи т, при этом в 1913 г. экспорт составил 26,2 тысячи т, в 1915 г. 33,1 тысячи т и в 1916 г. – 38,3 тысячи т. Цинк экспортировался главным образом в Европу. Остальные же цветные металлы добывались в незначительных количествах. Так, в 1911 г. было добыто 100 т меди, 112 кг золота и 45 кг серебра. По статистическим данным 1911 г. можно судить о сложившейся структуре добычи полезных ископаемых в Индокитае: уголь – 437 тысяч т, или 51% общей стоимости всех добытых полезных ископаемых, цинковая руда – 28,2 тысячи т, или 40%, оловянная руда – 102 т, или 4,6%, остальные цветные металлы – 4,4%⁶.

Однако, несмотря на то что с 1906 по 1916 гг. общая стоимость продукции горнодобывающей промышленности выросла с 1,5 до 8 миллионов пиастров, добыча полезных ископаемых в Индокитае была недостаточно развита, в неё инвестировалось относительно мало средств и она не опиралась на передовые технологии своего времени. Всё это было связано с тем, что французский капитал стремился получить максимальную прибыль от своей колонии при

минимальных вложениях в её экономику. Поэтому разработка вьетнамских месторождений полезных ископаемых велась с применением примитивных технологий за счёт жесточайшей эксплуатации наёмной рабочей силы [94.3, с.1; 767, с.61; 777, с.232, 432; 974, с.297; 1018, с.105; 1372, с.163, 173].

Той же логикой максимальной выгоды и практицизма определялись и действия французских предпринимателей в обрабатывающей промышленности. В 1900 г. в Тонкине была создана хлопковая компания с первоначальным капиталом в 1,6 миллиона франков, возросшим к 1910 г. до 2 миллионов^I. Затем ей удалось победить в конкурентной борьбе две уже существовавшие текстильные фабрики и выкупить их у разорившихся хозяев в 1911 и 1913 гг. В результате эта компания смогла значительно расширить производство, и в 1920 г. её капитал уже равнялся 5 миллионам франков.

Важную роль в начале экспансии французского капитала сыграло и создание двух рисоочистительных заводов в Хайфоне и четырёх в Тёлоне. После чего в 1918 г. была учреждена компания «Дальневосточный рис»^{II}, которая стала главным экспортёром этого продукта.

Наконец, в 1913 г. была учреждена «Французская компания целлюлозы и бумаги»^{III}, владевшая бумажными фабриками в Далкоу и Вьетчи.

Развитие торговли и обрабатывающей промышленности повлекло за собой расширение городов, потребовавшее большого количества строительных материалов. Поэтому в 1899 г. в Хайфоне была основана «Цементная компания Портланд»^{IV} с капиталом в 1,5 миллиона франков. Также были построены кирпичные и черепичные заводы в Биенхоа, Ханое, Далкоу, Хайфоне и Сайгоне, предприятия для обработки шедших на экспорт ценных пород дерева.

В Северном Вьетнаме основное внимание уделялось промышленности. Как уже упоминалось, там были построены

^I Société cotonnière du Tonkin.

^{II} Riserie d'Extrême-Orient.

^{III} Société Française de cellulose de papier.

^{IV} Société de ciment Portland.

спиртоводочные, винокуренные, табачные, спичечные, вагоноремонтные и судоремонтные предприятия, а в Ханос и Хайфоне – электростанции. Всего в Тонкине насчитывалось 100 небольших фабрик и заводов.

В Аннаме имелись спичечный завод и лесопильная фабрика в Бснтхюи, железнодорожные мастерские и депо – в Вине, завод по производству извести и ремонтные мастерские – в Хюе, мыловаренный завод – в Кюиньоне и шелкоткацкая фабрика – в Куангнаме. Горнодобывающая промышленность Аннама была представлена угольными шахтами в Нонгшоне и золотыми приисками Куангнама. В его угольных шахтах добыча достигала 100 т в день. Что же касается золотодобычи, то если её продукция в 1904 г. оценивалась в 7 тысяч франков, в 1905 г. она стоила уже 20 тысяч. Следует отметить, что владельцы приисков увеличили капитал своего предприятия до 200 тысяч франков с целью приобретения более совершенного оборудования и увеличения объёма золотодобычи. В целом же Аннам оставался районом кустарных предприятий, или мануфактур, тогда как большая часть крупных предприятий находилась в Тонкине, где в основном были сосредоточены промышленные объекты, и в Кохинхине с её обширными плантациями и обслуживавшими их предприятиями.

Таким образом, в 1888 – 1918 гг. по заниженным данным официальных французских источников в экономику Индокитая, главным образом – Вьетнама, было вложено в промышленность и горное дело 249 миллионов, в транспорт – 128 миллионов, в торговлю – 75 миллионов и в сельское хозяйство – 40 миллионов золотых франков. Согласно более поздним данным, в 1896 – 1914 гг. в неё было инвестировано в виде государственных займов 514 миллионов золотых франков, при этом вложения частного французского капитала в то время составляли около 500 миллионов франков [94.3, с.7, 8; 94.7, с.24; 974, с.181; 1035, с.77].

В результате с конца XIX в. до начала Первой мировой войны в Индокитае были созданы все условия для его превращения в аграрно-сырьевой придаток метрополии. В то

же время переход французских империалистов к интенсивной эксплуатации своей колонии объективно способствовал как становлению капитализма во Вьетнаме, так и ликвидации его традиционного конфуцианского государственного аппарата управления. Де-факто французский империализм реализовал во Вьетнаме задачи буржуазной революции, что при всех негативных последствиях колониальной эпохи, безусловно, явилось положительным фактором развития страны.

1.3. *Первый этап формирования современной социальной структуры вьетнамского общества*

1.3.1. *Начальный этап формирования национальной буржуазии*

К моменту колониального завоевания вьетнамская национальная буржуазия если уже и существовала, то была крайне слаба. В основном она состояла из разбогатевших чиновников, крупных землевладельцев, торговцев и верхушки торгово-ремесленных слобод, а также предпринимателей, занимавшихся добычей полезных ископаемых. Однако методы ведения ими хозяйственной деятельности свидетельствуют о том, что они скорее были представителями традиционного феодального общества, в котором лишь начали формироваться товарно-денежные отношения, а наёмный труд не играл большой роли¹.

Безусловно, приход во Вьетнам французского капитала способствовал преобразованию указанных социальных групп в национальную буржуазию, но и тут всё было не так просто. Британский опыт в Индии показал французам, что местная буржуазия вполне может превратиться в опасного конкурента, противостоящего интересам метрополии. Такой вывод следует из следующего обращения генерал-губернатора де Ланессана: «Французские промышленники должны остерегаться того, что произошло в Бомбей. Там ткацкие фабрики находятся в руках местных, а не английских капиталистов» [856, с.225].

¹ Смотри «Параграф 1» и «Параграф 4» «Главы 2» «Части II» «Томы III».

При всём при этом французы не могли полностью отказаться от сотрудничества с сформировавшейся вьетнамской буржуазией, особенно в деревне, где продолжался связанный с экспроприацией собственности мелких производителей процесс концентрации земли в руках крупных помещиков. Так, в Северном Вьетнаме они владели 17%, а в Южном 34% всех рисовых полей. Размеры некоторых таких владений достигали 17 тысяч га [1755.3, с.31]. Главным источником доходов, особенно на юге страны, была земельная рента. Помещики сдавали землю в аренду на кабальных условиях. Эксплуатируя наёмный труд, они получали огромный доход от продажи риса на внутреннем и внешнем рынках.

Помимо ренты важным источником накоплений были подушный и земельный налоги, взимавшиеся императорским двором в Тонкине и Аннаме, а также рыночные и дорожные сборы, сборы с мостов и переправ и другие поборы, часть которых попадала вьетнамским скупщикам. К той же категории накоплений относятся доходы как вьетнамских колониальной администрации, так и местных служащих частных французских компаний. Из этих слоёв вьетнамского общества впоследствии вышло немало представителей крупной национальной буржуазии [627, с.32; 1228.1, с.72].

Французская колониальная администрация также не могла обойтись без помощи вьетнамских предпринимателей на упоминавшихся в предыдущих параграфах многочисленных стройках и работах. Они выступали в качестве подрядчиков на строительстве железных и шоссейных дорог, ирригационных сооружений, предприятий и городском строительстве, на ремонте дамб и каналов, на лесоразработках и на других работах. Некоторые вьетнамские предприниматели имели до 500 наёмных рабочих, жестоко эксплуатируя которых они быстро наживали значительные состояния. Именно эта группа вьетнамских предпринимателей сыграла важную роль в формировании национальной промышленной буржуазии после Первой мировой войны [627, с.38; 1520, с.35, 36]. Не следует забывать и о той роли, которую стали играть после получения

французами в 1892 г. права монопольной торговли с Вьетнамом вьетнамские перекупщики.

Рисовые поля. Южные провинции Центрального Вьетнама. 05.04.2011 г.

Французский капитал просто не мог обойтись без их помощи, поскольку одни вьетнамские торговцы покупали товары у французских фирм и продавали их населению по

всей стране, а другие скупали у населения по заниженным ценам продукты сельского хозяйства, ремесленного производства и промыслов и продавали их французским компаниям. Очевидно, что вторая группа скупщиков находилась в более выгодном положении и богатели быстрее. Правда, некоторые крупные вьетнамские посредники имели целую сеть агентов, занимавшихся от их имени всеми видами торгово-посреднических операций.

Ранее уже говорилось, что под давлением французского капитала с начала XX в. проходила специализации отдельных районов Вьетнама по производству различных видов сельскохозяйственных культур, имевшая целью увеличение экспорта товаров из колонии. Одновременно продолжался описанный в предыдущем томе процесс развития товарного производства и углубление общественного разделения труда. В то же время, с одной стороны, усилился процесс отделения ремесла от сельского хозяйства, а с другой – происходило как стремительное расширение земель, занятых экспортными продовольственными культурами, так и перманентный рост объёма торговли продукцией этих культур. В результате Индокитай всё больше втягивался в мировую торговлю [1343, с.50].

Указанные процессы способствовали не только формированию вьетнамского национального капитала, но и его выходу на международный рынок, чему стремилась воспрепятствовать колониальная администрация. В 1909 г. генерал-губернатор Клобуковски писал: «Нельзя замалчивать тот факт, что аннамитские плантаторы в Кохинхине стремятся устанавливать монопольные цены на рис. Этот факт свидетельствует о том, что туземцы стали более опытными торговцами. Но нельзя допускать того, чтобы они вышли из установленных рамок, ибо это может мешать нашему экспорту риса» [1520, с.81].

Однако вьетнамцы уже «мешали» французам не только на рынке риса. Так, например, основанная в 1885 г. компания

«Слободское партнёрство»^I занималась шёлком. Вьетнамские торговцы привозили из Хадонга шёлк-сырец на юг, где из него производились шёлковые ткани, которые затем продавались на севере, при этом тканями из Кюиньона они торговали по всей стране. Компания «Куангнам»^{II} покупала товары в Куангнаме и Куангнас, которые затем перепродавала в Сайгоне и Ханое. Основанная в 1906 г. компания «Городской союз»^{III} торговала в Сайгоне, Фантхиете и ряде провинций Камбоджи. При этом если в 1907 г. капитал этой компании равнялся 93 тысячам пиастров, то в 1920 г. он уже возрос до 200 тысяч пиастров. Располагавшая на момент создания в 1907 г. 19 тысячами пиастров ханойская компания «Обширное процветание»⁷ в 1921 г. уже имела капитал в 190 тысяч пиастров^{IV}. Поставляя вьетнамским ремесленникам сырьё, эта компания размещала у них заказы на производство тканей, металлических изделий, стройматериалов и других товаров, которыми она торговала на рынке [627, с.44].

Приблизительно в то же время под влиянием призывов движения за формирование национального самосознания «Обновление»^V патриотически настроенные представители вьетнамской мелкой буржуазии, образованной молодёжи и даже крестьянства стали создавать национальные торговые предприятия. Однако решающим фактором формирования торговой буржуазии во Вьетнаме стали не эти мелкие предприниматели, а крупные землевладельцы, торговцы и чиновники, владевшие большими капиталами. Именно они были владельцами вышеупомянутых вьетнамских торговых предприятий, которые, являясь посредниками французских импортно-экспортных компаний, распространяли своё влияние на внутренний рынок.

В то же время нарождавшаяся вьетнамская торговая буржуазия стремилась выйти и на внешние рынки. Известно,

^I Phương liên.

^{II} Quảng-nam.

^{III} Liên thành.

^{IV} Quảng hưng long.

^V См. «Параграф 2.2» «Главы I» «Части I» настоящего тома.

что в конце XIX в. ряд вьетнамских торговых домов, прежде всего – компании «Торговый союз Куангнама»¹ и «Поиск»², уже возили на своих собственных судах товары национального производства в Гонконг. В годы Первой мировой войны они расширили торговые связи с Китаем, Японией и европейскими государствами, при этом уже упоминавшаяся компания «Обширное процветание» даже открыла свои филиалы в Марселе и Париже. Соответственно возрастало и количество вьетнамских торговых судов. Так, в 1907 г. их было 39 с общим тоннажем в 258 т, в 1910 г. – 135 (1870 т), в 1911 г. – 140 (1872 т), в 1912 г. – 198 (2957 т), в 1915 г. – 440 (9255 т) и в 1916 г. – 523 (11817 т). Правда, на вьетнамские суда приходилась лишь малая доля импортно-экспортных перевозок. Они главным образом занимались каботажными операциями, обеспечивая транспортировку товаров с севера на юг и обратно [1228.1, с.41, 70].

Особенностью крупного вьетнамского денежно-торгового капитала была то, что его образование стало результатом как разорения множества мелких торговцев, так и формирования крупной торговой буржуазии, интересы которой были связаны с французским империализмом, а культурные ценности и традиции – с традиционной монархией. Иными словами, эта, имевшая «двойственный» характер группа вьетнамского общества являлась его компрадорской буржуазно-феодальной социальной прослойкой, а потому она не могла стать лидером преобразований в стране.

Аналогичный характер также имел и ростовщический капитал, который значительно возрос в годы Первой мировой войны. В Южном Вьетнаме в роли ростовщика обычно выступал крупный землевладелец, в Северном – деревенская верхушка и местные чиновники не выше уездного уровня. Большой спрос на рис и ряд других продовольственных и технических культур в сочетании со специализацией районов их производства привёл к тому, что ростовщические операции

¹ Quảng-nam hiệp thương.

² Nã-mịch.

в деревне стали приносить больший доход, чем торговля и подряды. Многие, получавшие денежные ссуды под очень высокие проценты крестьяне не имели возможности их выплачивать. Поэтому они были вынуждены распродавать свою собственность и уходить в город на заработки или же наниматься батраками к помещикам. Нередко и ушедшие на заработки в города крестьяне возвращались в родные деревни, где также нанимались батраками к помещикам. Поэтому наёмный труд достаточно быстро начал играть значительную роль в сельском хозяйстве. В результате, при сохранении организационной формы общины, происходило разрушение её традиционных экономических связей, которые сменялись отношениями капиталистического характера по схеме «помещик (землевладелец) – батрак»⁸. Таким образом, и во вьетнамской деревне начала XX в. шло социальное расслоение, которое сопровождалось формированием сельской буржуазии и сельского пролетариата [627, с.49, 55; 1755.3, с.31].

Процессом формирования национальной буржуазии характеризуется и ремесленное производство Вьетнама, чему во многом способствовало достаточно долгое существование специализированных ремесленных поселений, или слобод, организованных по принципу общины. В них, как и в деревенских общинах, происходило разрушение общинных связей и переход к наёмному труду. В результате, слобода превращалась в капиталистическую мануфактуру.

В деревне Лакхе провинции Хадонг возникла текстильная мануфактура на 200 станков, в которой работали жители соседних деревень.

Две компании «Общая польза»¹ и «Общая выгода»¹¹ занимались производством шёлка в Тхайнгуене. Последняя, финансируя разведение тутовых деревьев и шелковичных червей, скупала продукцию у производителей по заниженным ценам. Известно, что многие крестьяне, ранее самостоятельно занимавшиеся этим производством, стали наёмными рабочими

¹ Đồng Ích.

¹¹ Đồng Lợi.

этой компании. К началу Первой мировой войны вьетнамским предпринимателям уже принадлежало более десяти крупных мастерских по производству шёлка.

В известной на протяжении веков гончарной деревне Батчанг было 17 мастерских, производивших до 350 тысяч единиц различных товаров в месяц. При этом владелец Батчанга нанимал по 40 рабочих на каждую печь. Существовали и другие гончарные предприятия с меньшим количеством наёмных рабочих.

Вьетнамским предпринимателям также принадлежали мастерские по производству циновок и других плетёных изделий, которые пользовались большим спросом. Так, основанная в 1906 г. в Тхайбине компания «Южный ветер»¹ производила циновки не только для внутреннего рынка, но и на экспорт. К 1914 г. вьетнамцы владели уже 40 лесопильнями, 25 механическими и металлообрабатывающими мастерскими, 30 судоремонтными мастерскими, 5 кирпичными заводами, 8 кожевенными предприятиями, 72 рисорушками, а также мыловаренными, маслобойными, спиртоводочными и другими предприятиями. Многие из них ещё были традиционными ремесленными слободами с уравнительной оплатой и без чёткого разделения труда. Однако были и такие, как упомянутое гончарное производство в Батчанге или же основанные в 1908 – 1913 гг. медеплавильное производство в Кохингине и механические мастерские в Хайфоне, которые уже являлись капиталистическими мануфактурами. Однако крупных вьетнамских предпринимателей-промышленников было крайне мало и они ещё не являлись самостоятельной группой национальной буржуазии.

Все эти небольшие промышленные предприятия были плохо технически оснащены, поскольку нарождавшаяся национальная буржуазия просто не имела средств для закупки современного оборудования. Правда, для них приобреталась часть завозившихся для французских предприятий машин, станков, электромоторов, паровых котлов и других агрегатов,

¹ Nam phong.

которых было ввезено во Вьетнам в 1897 г. на 11,1 миллиона франков, 1913 г. – уже на 31, 6 миллиона франков. Наиболее состоятельные вьетнамские промышленники даже закупали оборудование для своих предприятий во Франции. Так, например, в 1912 г. были переоснащены авторемонтные мастерские и типография в Сайгоне, рисоочистительный завод в Митхо¹ и уже упоминавшееся ранее шелковое производство «Общая выгода». Хотя новое современное оборудование и повышало производительность труда и качество продукции, основным средством обогащения по-прежнему оставалась жестокая эксплуатация рабочих при широком использовании труда женщин и детей, зарплата которых была в два раза ниже, чем у мужчин.

Наконец, следует отметить, что часть вьетнамской буржуазии даже позволила себе посягнуть на ту сферу предпринимательской деятельности, в которую французы стремились вообще никого не допускать. Речь идёт о каучуковых плантациях, на которых использовался наёмный труд. Некоторые вьетнамские плантации были сопоставимы по своим размерам с французскими. В 1911 г. самая крупная из них, принадлежавшая некоему Ле Фат Аню, насчитывала 30 тысяч гевей-каучуконосов, хотя подавляющее большинство вьетнамских каучуковых плантаций были небольшими, если не просто маленькими. Тем не менее они вызывали беспокойство и недовольство колониальных властей. Так, проверяющий инспектор Брейс сообщал в администрацию: «Созданы небольшие компании по производству каучука в районе Сайгона. Китайцы и вьетнамцы вкладывают свои капиталы в каучуковое хозяйство, что может угрожать интересам французских монополий» [94.3, с.24; 628, с.76; 1520, с.54; 1654.1; 1755.3, с.32, 36].

Особенностью вьетнамской буржуазии была её тесная связь с землёй, в результате чего некоторые её представители выступали и как промышленные капиталисты, и как торговцы,

¹ После переоборудования производство этого предприятия выросло до 8 т очищенного риса в день.

и как получавшие ренту землевладельцы. То есть они одновременно были и капиталистами, и феодалами, что во многом предопределило двойственную позицию вьетнамской буржуазии на начальном этапе её формирования.

В целом же до начала Первой мировой войны можно отметить следующую специфику формирования вьетнамского промышленного капитала. Поначалу некоторая часть крупных землевладельцев и чиновников, располагавших значительным ссудным капиталом, вкладывала свои деньги в торговлю, создавая спустя какое-то время торговые дома и компании. Затем они стали ссужать средства сельским производителям технических культур и другого сырья. Наконец, они сами стали производить как само сырьё, так и делавшиеся из него товары. Таким образом, выстраивается последовательность «ссудно-ростовщический капитал → торговый капитал → промышленный капитал», которая характерна не только для Вьетнама, но и вообще для всех стран на этапе возникновения и формирования капиталистических отношений. Специфика же формирования вьетнамского промышленного капитала связана с тем, что оно происходило под прямым воздействием французского империализма. Именно поэтому вьетнамская промышленность сложилась в очень короткие сроки (порядка 20 лет) и была главным образом ориентирована на удовлетворение потребностей колониальной администрации.

Представляется, что наиболее точно расстановка сил в капиталистической экономике Вьетнама до начала двадцатых годов XX в. охарактеризована в «Новой истории Вьетнама». Поэтому ниже она приводится почти в цитатном виде.

Вьетнамская «промышленная буржуазия не имела финансово-кредитной базы в виде национального банка внутри страны. Она полностью зависела от французских банков, в частности от Индокитайского банка, который не всегда предоставлял им необходимые ссуды. Французские промышленные предприятия превосходили вьетнамские фабрики по численности занятых на них рабочих, по техническому оснащению и по объёму производственной продукции. При этом колониальная администрация делала всё,

чтобы в интересах французских монополий ослабить позиции национальной буржуазии.

Более всего зависели от французских властей как те слои вьетнамской буржуазии, которые были связаны с кредитными кооперативами, так и те её представители, которые участвовали в смешанных франко-вьетнамских компаниях. Под воздействием французского капитала они в значительной степени утрачивали свой национальный характер и оказывались неспособными выражать интересы вьетнамской буржуазии в целом.

В то же время вьетнамская компрадорская буржуазия преобладала в южных районах страны. В центральных и северных провинциях Вьетнама местную компрадорскую буржуазию в основном представляли китайцы и индийцы. Можно считать, что до Первой мировой войны там почти отсутствовали, за исключением небольшого числа подрядчиков, вьетнамские компрадоры. Китайцы же занимали важные позиции в торговле и, поддерживая тесную связь с Индокитайским и Франко-китайским банками, являлись серьёзными конкурентами для вьетнамской буржуазии. Что же касается индусов, то они, занимаясь преимущественно торговлей текстильными товарами и ростовщичеством, пользовались поддержкой индийского капитала.

Таким образом, опираясь на колониальную администрацию, французские империалисты серьёзно тормозили с помощью китайской и индийской компрадорской буржуазии становление и развитие вьетнамского капитализма [521, с.481 – 483].

1.3.2. *Начальный этап формирования промышленного пролетариата*

Если первые признаки начала формирования вьетнамской национальной буржуазии отмечаются лишь в конце XVIII – 1-ой половине XIX в., то история наёмного труда во Вьетнаме насчитывает на полтора – два века больше. Его появление в какой-то мере связано с началом широкого освоения южных земель во 2-ой половине XVI в. и в первую

очередь – с распространением специализированных торгово-ремесленных слобод в XVII в. В 1-ой же половине XVIII в. мелкотоварное производство получило дальнейшее развитие и начали складываться строившиеся на наёмном труде товарно-денежные отношения¹. Однако их настоящее развитие следует связывать с активизацией деятельности французского капитала во Вьетнаме в конце XIX – начале XX в.

В 1881 г. в Биньдине уже существовало ткацкое производство с 34 станками, на каждом из которых работало по 3 – 4 человека. В 1883 г. французский предприниматель Жан Дююи отмечал распространение наёмного труда в производстве шёлка, где ежедневная зарплата рабочих составляла 0,3 франка. Как отмечалось ранее, в основном это были женщины, которым платили по 7 су в день, и дети, получавшие по 3,5 су¹¹. Аналогичной была и ситуация на шелкоткацких мастерских в Хадонге и Лакхе.

Наёмная рабочая сила использовалась и в других отраслях производства, особенно на горнорудных промыслах, в судоремонтных мастерских и на оружейном производстве. Так, известно, что на золотых приисках в Куангнаме в 1833 – 1834 гг. трудилось порядка 4 тысяч человек, из которых 1,8 тысячи были солдатами и 1,3 тысячи – наёмными старателями. В государственных судоремонтных мастерских в то время работало около 8 тысяч человек. Только в 1872 г. в оружейных мастерских Нгеана было отлито 500 пушек и изготовлено 2 тысячи ружей, что подразумевает достаточно большое количество рабочих. Известно, что тысячи людей трудились в государственных и частных строительных, пошивочных, обувных, ювелирных и других мастерских. Однако, во-первых, точное их число неизвестно и, во-вторых, какой процент в их числе составляли наёмные рабочие, а какой – те, кто отработывал трудовую повинность, также неизвестно [108, с.8; 902, с.368; 1003, с.89; 1322, с.169; 1342, с.25; 1731.9.2, с.48, 50].

¹ Смотри главы «Части II» «Тома III».

¹¹ Смотри «Примечание 5» в «Комментарии» к настоящей главе.

Колониальное завоевание Вьетнама, сопровождавшееся захватом общинных земель, привело к возникновению значительного потенциала наёмной рабочей силы из разорившихся крестьян. Именно они составили основной костяк наёмных рабочих, трудившихся на многочисленных стройках и на создаваемых французами предприятиях. Однако на начальном этапе французского господства эти предприятия были очень плохо оборудованы, что не предполагало использования высококвалифицированной рабочей силы. Так, в 1881 г. на всех фабриках и заводах, а их уже насчитывалось несколько сотен, было всего 16 паровых машин. Ничего не изменили и построенные к 1900 г. в Ханое, Хайфоне и Сайгоне электростанции. Их мощность была невелика, поэтому электроэнергия в основном использовалась для обеспечения нужд колониальной администрации, а на промышленность её просто не хватало [1520, с.28; 1731.11, с.60; 1755.2, с.35].

В конце XIX в. на юге страны возникла ещё одна форма принудительно-наёмного труда, известная под названием *кули*. В марте 1883 г. власти Кохинхины издали указ, в соответствии с которым за вербовку кули для работ на государственных и частных предприятиях Сайгона и его окрестностей отвечал лично губернатор. Непосредственной вербовкой кули из крестьян занимались волостные власти, а из ремесленников – руководство слобод. Они же отвечали за доставку кули к месту работ. При этом в зависимости от объёма работ кули делились на группы, численностью от 10 до 100, от 100 до 1000 и свыше 1000 человек. Кроме того, поскольку с 1866 г. в Биенхоа начали открываться мануфактуры по производству кирпича и джонок, а в 1888 г. мануфактуры капиталистического типа существовали уже в Тёлоне, Митхо, Тэйнине и других районах Южного Вьетнама, очевидно, что к девяностым годам XIX в. наёмный труд уже получил некоторое распространение. Какое именно – точно сказать нельзя, однако, судя по французским отчётам о состоянии производства, количество наёмных мануфактурных рабочих в то время было ещё невелико [685, с.370; 1755.2, с.29]. Так, к началу активной фазы освоения страны французским капиталом насчитывалось всего до 10

тысяч рабочих. При этом в то время наём ещё существенно отличался от классического найма рабочей силы в условиях фабрично-заводского производства, так как вьетнамские рабочие были тесно связаны с общиной и находились в патриархальных отношениях со своими работодателями [1731.11, с.60].

Как отмечалось ранее, в конце XIX в. французский капитал перешёл к активной эксплуатации своей колонии. Строились дороги, коммуникации, расширялись города, появлялись новые промышленные предприятия, фабрики и заводы. В то время стали возникать первые контингенты индустриальных рабочих, бывших в основном выходцами из разорившихся вследствие колониальных захватов крестьян и ремесленников.

Появление указанного рынка свободной рабочей силы символизирует конец периода эмбрионального существования вьетнамского пролетариата. Развитию этого рынка в немалой степени способствовала постоянная миграция рабочих, особенно в Тонкине и северных провинциях Аннама. В результате появились довольно многочисленные рынки рабочей силы, географические границы которых в целом совпадали с основными промышленными центрами страны. Систематическое разорение крестьянства регулярно пополняло резерв дешёвой рабочей силы, большая часть которой поступала из перенаселённых провинций Северного и северной части Центрального Вьетнама.

В конце XIX в. наём рабочей силы во Вьетнаме хоть и имел свободный характер, но имел при этом целый ряд черт, типичных для эпохи феодальных отношений. Все рабочие находились под неусыпным вниманием надзирателей и могли подвергаться телесным наказаниям. Зарплату они получали с большим опозданием, а в период ученичества она вообще не платилась. При этом действовало негласное правило, согласно которому рабочие должны были делать «подарки» начальству и даже хозяевам, которые устанавливали нормы труда по своему усмотрению. Так, на одной из шахт рабочий был обязан разгрузить 27 вагонеток угля в день. Невыполнение

нормы влекло за собой штраф, а рост количества свободной наёмной силы и безработицы приводили к уменьшению размера заработной платы. Как уже отмечалось, если принять зарплату рабочего-мужчины за 1, то женщина получала $\frac{2}{3}$, а подростки — $\frac{1}{3}$.

Особую категорию представляли собой упоминавшиеся ранее рабочие-кули, которые на самом деле были не наёмными рабочими, а наёмными «рабами». Обычно они вербовались в Северном Вьетнаме для работы на плантациях в Кохинхине. Кули были полностью изолированы от местного населения и жили на тех же плантациях, где условия содержания больше напоминали каторжные тюрьмы. «Туземцев», как называли вьетнамских рабочих французские плантаторы, беспощадно эксплуатировали, а главным инструментом управления ими был кнут. В результате сложилась своеобразная ситуация, при которой свободная наёмная рабочая сила концентрировалась не в городах, а в различных плодородных частях страны, а принудительный полуфеодальный труд использовался на плантационных хозяйствах капиталистического типа.

По указу генерал-губернатора от 26-августа 1899 г. между работодателем и рабочим должен был заключаться контракт, который считался «взаимным соглашением». Контракта заключался на срок от 3 до 5 лет. После его подписания рабочий-кули лишался права свободной продажи своего труда, при этом, если он покидал место своей работы, то приговаривался к тюремному заключению и штрафу в размере $\frac{2}{3}$ месячного оклада. После выхода из тюрьмы рабочий должен был отработать долг хозяину, который также имел право забрать его из тюрьмы для продолжения работы на той же плантации или фабрике всего за 20 сантимов на пропитание. Остальная же часть зарплаты изымалась в счёт погашения долга. Если рабочий уходил от хозяина до истечения срока контракта, то он осуждался на 3 года тюрьмы и должен был выплатить 3 тысячи франков штрафа⁹. По тому же указу деревенский староста имел право подписывать контракт за не достигшего 16 лет подростка, а согласно указу

от 21-го августа 1893 г. работодатель мог его бить, наказывая «как отец сына».

Добровольно-принудительное закабаление вьетнамских рабочих позволяло колонизаторам широко использовать их труд в других французских заморских владениях. Так, например, в 1887 г. 500 человек было отправлено в Латинскую Америку, а в 1891 г. – 785 человек в Новую Каледонию.

Контракты также могли заключаться через посредников. Они получили особенно широкое распространение на шахтах Тэйnguена. Рабочий день шахтёра, как правило, оценивался работодателем в 40 сантимов, но после заключения контракта через посредников, которых могло быть 2 – 3 человека, рабочий получал лишь 27 сантимов, а остальные шли посредникам. Такое положение вещей было весьма выгодно французским капиталистам, которые не контактировали напрямую с вьетнамскими рабочими, но имели очень высокую норму прибыли от их труда.

Наконец, третья форма эксплуатации французскими властями вьетнамского населения имела мало общего с капиталистической формой труда. Она больше напоминала традиционную трудовую повинность, которая существовала во Вьетнаме на протяжении веков. Речь идёт о принудительном труде, который колонизаторы использовали с первого дня захвата страны для строительства дорог, дамб и каналов, ирригационных сооружений, перевозки грузов и других работ.

Таким образом, к началу перехода французского капитала к активной эксплуатации Вьетнама в стране сложились многочисленные группы наёмной рабочей силы, ставшие источником для формирования промышленного пролетариата. Его специфика связана с упоминавшимися выше особенностями создания в интересах метрополии французских промышленных предприятий во Вьетнаме. Уже в 1902 г. в докладе генерал-губернатора Кохинхины сообщалось, что «с развитием градостроительства в Сайгоне – Тёлоне появился городской пролетариат, поведение и деятельность которого вызывают у европейцев серьёзное и обоснованное беспокойство» [1302, т. III, с. 65]. Если же говорить об общих

цифрах, то известно, что уже в 1906 г. во Вьетнаме насчитывалось 200 промышленных предприятий, на которых работало 49,5 тысяч человек, правда, из них лишь 1800 были квалифицированными рабочими [1520, с.40].

Построенные французами оперные театры в Сайгоне и Ханое.
12.04 и 19.04.2011 г.

К сожалению, подробных статистических данных о численности рабочих по отраслям не имеется, однако о них можно судить по ряду отдельных показателей. Так, до Первой мировой войны на рисоочистительных фабриках Сайгона – Тёлона работали 3000, на спиртоводочных заводах в Ханое, Намдине, Хайзыонге и Тёлоне – 1200, на судоремонтном заводе в Сайгоне – 1000, на текстильных фабриках в Ханое, Намдине и Хайфоне – 1800, на цементном заводе в Хайфоне – 1500 и в железнодорожном депо Виня – 1000 человек. При этом только на строительстве железной дороги Ханой – Юньнань в 1883 – 1913 гг. работало по найму свыше 60 тысяч рабочих [1302, т. III, с. 65]. С расширением добычи угля, олова, цинка и других полезных ископаемых стало резко увеличиваться число рабочих, занятых в горнодобывающей промышленности. Так, в 1904 г. их насчитывалось 4 тысячи, в 1908 г. – 9 тысяч, в 1912 и 1913 гг. – 12 тысяч, а в 1914 г. – уже 15 тысяч человек [767, с. 60; 868, с. 425; 974, с. 280; 1342, с. 40; 1651.1; 1654.1].

В то же время до 1914 г. число принадлежавших вьетнамцам предприятий было незначительным и, как уже отмечалось, в основном они были небольшими и плохо оборудованными. Как правило, они были представлены мануфактурами капиталистического типа, большая часть которых была сосредоточена в Северном и северной части Центрального Вьетнама. В их числе можно назвать три крупные мастерские по производству циновок в Ниньбине, в каждой из которых работало до 200 человек. Всего же в этой провинции на производстве плетёных изделий работало по найму 1200 человек. Зарплата там была крайне невысокой. Так, занимавшиеся плетением циновок в мастерских Фатзиема мужчины получали по 0,09 пиастра, а женщины и дети – по 0,04 пиастра в день. Рабочий день был ненормированным, поэтому рабочие трудились от зари до поздней ночи.

Аналогичной была ситуация и на принадлежавших вьетнамцам текстильных и шелкоткацких предприятиях.

Вьетнамцы также владели большей частью гончарных производств. Так, в Сайгоне – Тёлоне их насчитывалось 12, а в

Тханьхоа их было 30. Следует отметить, что к тому времени на уже неоднократно упоминавшемся гончарном производстве Батчанга отмечается достаточно высокая степень разделения труда. Одни рабочие занимались там формовкой, другие – обжигом, третьи – нанесением глазури, четвёртые – перевозкой глины и готовых изделий... Их зарплата зависела от квалификации. Так, занимавшийся обжигом гончар получал в четыре раза больше перевозчика глины.

Изделие вьетнамских ремесленников конца XIX – начала XX в.
Парадное кресло (трон). Музей Истории Вьетнама. Ханой. 18.04.2011 г.

Однако на принадлежавших национальному капиталу предприятиях работала лишь малая часть вьетнамских наёмных рабочих. Согласно данным французских источников, в 1912 г. на таких предприятиях Северного и северной части

Центрального Вьетнама их было всего 3000 человек [1654.1]. Формирование же вьетнамского промышленного пролетариата на национальных предприятиях происходило в основном в годы Первой мировой войны и в последующие годы. При этом следует подчеркнуть, что большая его часть работала на французских предприятиях вплоть до конца колониальной эпохи.

Таким образом, до Первой мировой войны во Вьетнаме было три категории наёмного труда. Первая, представленная индустриальными рабочими 200 французских промышленных предприятий, насчитывала 55 тысяч человек. К ним можно добавить незначительное число наёмных рабочих вьетнамских предприятий. Вторая – это рабочие-кули, занятые на рисовых, каучуковых, кофейных и чайных плантациях, численность которых достигала 20 тысяч человек. Наконец, сезонные рабочие, занятые на строительстве и других общественных работах, составляли третью группу. Их нанимали на сезон или поденно до окончания работ. Количество таких рабочих не поддаётся учёту. Однако, принимая во внимание, что колониальные власти, императорский двор и вьетнамские феодалы широко использовали принудительный труд в виде отработки общественных повинностей, общее число наёмных рабочих во Вьетнаме вряд ли превышало до 1914 г. 100 тысяч человек [521, с.489 – 495].

2. Социально-экономическое развитие Вьетнама в составе Французского Индокитая в 1914 – 1954 гг.

2.1. Экономическое развитие Вьетнама и социальные сдвиги в его обществе до 1930 г.

2.1.1. Вьетнамская экономика в условиях экспансии французского капитала после Первой мировой войны

С 1914 г. и до двадцатых годов XX в. социально-экономическая ситуация во Вьетнаме мало изменилась. Исключением является лишь численный рост промышленного пролетариата на принадлежавших национальному капиталу предприятиях. Не изменилась и структура экономики, о чём

свидетельствует валовой национальный продукт, около 70% которого приходилось к концу двадцатых годов на сельское хозяйство и только 20% – на фабричное производство, ремесло и строительство. Сохранялась и диспропорция между севером, где доля промышленности в валовом продукте страны составляла 17%, и югом с его 7%. Основой экономики Вьетнама по-прежнему было сельское хозяйство, которое всё больше приобретало монокультурный характер. В его валовом продукте 80% приходилось на земледелие и 20% на животноводство, рыболовство и лесное хозяйство. Рисовые поля занимали 93% всех посевных площадей, при этом урожайность риса, бывшая значительно ниже, чем в Китае, Индии или Индонезии, составляла всего 11 – 12 ц с гектара. В то же время происходило дальнейшее внедрение культур каучука и кукурузы [824, с.625].

Стабилизация мировой экономики в послевоенные годы, которая привела к повышенному спросу на продовольствие и промышленные товары, создала благоприятные условия для подъёма вьетнамской экономики. Так, индекс цен на основной экспортный товар рис-падди вырос на 113 пунктов по сравнению с 1914 г. Цены на каучук выросли в четыре раза. Резко подскочили цены на олово, свинец и цинк. Всё это привело к тому, что потерявший в результате Первой мировой войны ряд важных сфер приложения французский капитал активно устремился в Индокитай. Последнему способствовало и то, что благодаря капитальным вложениям в инфраструктуру колониальные власти создали там в довоенные годы целую систему взаимосвязанных железнодорожных, шоссейных и речных путей, обеспеченных телеграфной связью. Поэтому в двадцатые годы XX в. $\frac{2}{3}$ инвестиций были направлены непосредственно в сельское хозяйство и промышленность¹⁰. Наконец, ослабление связей с метрополией во время войны привело к расширению внутреннего рынка и соответственно к уже упоминавшемуся укреплению позиций национального капитала [381, с.66; 1372, с.40].

В двадцатые годы наибольший подъём отмечается в экспортных отраслях вьетнамской экономики. Так, количество

каучуковых плантаций выросло со 140 до 630. В 1927 г. на них росло 17 миллионов гевей-каучуконосов. К 1929 г. площадь под ними уже превышала уровень 1920 г. примерно в семь раз, достигнув 100 тысяч га. В том же 1929 г. было собрано около 11 тысяч т латекса, что почти в три раза превышало уровень его сбора в 1915 г. По сравнению с 1919 г. объём экспорта каучука увеличился к 1929 г. почти в пять раз. Около 90% вьетнамского каучука вывозилось в метрополию, покрывая к 1925 г. её потребности на 12%. На внешний рынок в основном поступала и бывшая для Вьетнама новой культурой кукуруза, экспорт которой вырос в 1920 – 1929 гг. в 16 раз. К тому времени площади принадлежавших только французам кофейных плантаций в Тонкине и Аннаме составляли порядка 12 тысяч га, а чайных, которые так и не получили значительного распространения, – около 4 тысяч га. Также создавались небольшие плантации кокосовых пальм, чёрного перца, ванили, хлопка и других культур [824, с.606; 991, с.83, 87; 1285.1, с.11, 82, 85; 1372, с.93; 1520, с.144].

Отмечается и незначительный рост в производстве риса. Так, в начале двадцатых годов он составлял 1,7% в год, в конце – 1,1%, хотя в Южном Вьетнаме за то же десятилетие его производство выросло на 8,5%, составив в 1926 – 1930 гг. 3,36 миллиона т. Это объясняется тем, что на севере уже были исчерпаны возможности для экстенсивного развития рисового хозяйства, тогда как на юге ещё было довольно много свободных площадей. В те годы экспорт риса увеличился на 25%, что соответствовало 60% – 70% общей стоимости всего вьетнамского экспорта. В результате, заняв ¼ всего рынка рисовой торговли, Вьетнам стал вторым его экспортёром в мире. В самом же Вьетнаме в 1926 – 1930 гг. риса приходилось по 210 кг на душу населения при необходимом минимуме в 250 кг. [93.1, с.271; 661, с.94 – 96; 1372, с.120, 129].

В связи с уже отмечавшимся ростом спроса на мировом рынке во Вьетнаме происходило дальнейшее развитие горнорудной промышленности. Добыча угля, на который приходилось 60% – 70% стоимости всей её продукции, выросла к концу двадцатых годов в 2,7 раза по сравнению с

1913 г. Цинк с его 18% общей стоимости продукции горнодобывающей промышленности занимал по значимости второе место. Наибольшее количество цинка, 25,2 тысячи т, было добыто в 1926 г. К 1929 г. добывалось 1,4 миллиона т оловянной руды, а также порядка 2,3 тысячи т графита. Кроме того, добывались хром, железо, драгоценные металлы и камни. Ежегодно выдавалось по 300 – 350 концессий на добычу полезных ископаемых, при этом в 1927 г. их общая площадь составила 260 тысяч га. В 1929 г. из Вьетнама было вывезено 1,3 миллиона т, или 65%, добытого угля, что в два раза превысило его экспорт в 1913 г. Практически весь добываемый цинк и всё олово в концентратах также вывозились из страны.

За период с 1923 по 1929 г. стоимость продукции вьетнамской добывающей промышленности увеличилась почти в два раза, составив 18,6 миллиона франков. За то же время физический объём её экспорта увеличился по сравнению с 1913 – 1919 гг. на 25% [93.2, с.972; 103, с.119, 124; 107, с.13; 991, с.126; 1372, с.135; 1722.2, с.59].

Потребности внутреннего рынка также способствовали росту ряда отраслей сельского хозяйства и промышленности. В результате с начала XX в. площади под шелковицей увеличились к 1930 г. почти в 40 раз, а под сахарным тростником они расширились за 1918 – 1930 гг. примерно в 3 раза. Росло производство табака, бобовых, масличных и садово-огородных культур, возделывавшихся в крестьянских хозяйствах. За двадцатые годы XX в. стоимость продукции ориентированной главным образом на внутренний рынок обрабатывающей промышленности возросла в 1,6 – 1,7 раза, уступая по темпам роста лишь добывающей промышленности. Вследствие этого оборот внутренней торговли увеличился в 1920 – 1929 гг. более чем в 7 раз [824, с.396; 1005, с.289; 1520, с.156, 157; 1636.2].

2.1.2. Структура капитальных вложений в экономику Вьетнама в 1921 – 1931 гг.

Материал предыдущего параграфа свидетельствует о том, что в двадцатые годы XX в. вьетнамская экономика

оставалась типично колониальной, а её основой было мелкокрестьянское хозяйство, на основе которого развивались полуфеодальный и капиталистический уклады. Можно отметить лишь две принципиально новые тенденции экономического развития Вьетнама в то время – это преимущественное развитие капиталистического уклада и постепенное обособление колониального капитала от капитала метрополии.

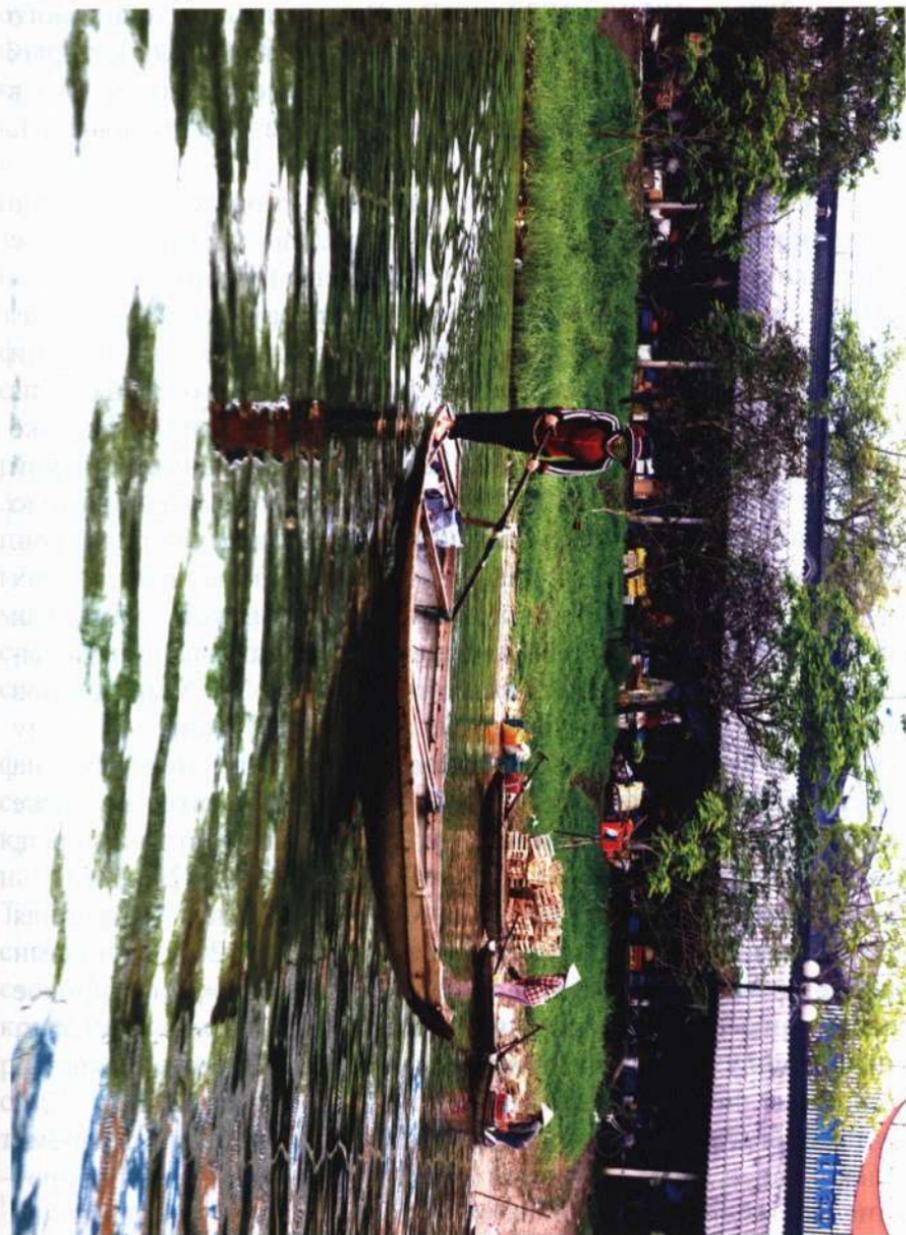
В то же время отмечается бурный рост инвестиций французского частного капитала при резком падении роли преобладавших до Первой мировой войны государственных займов. Так, к 1930 г. французские вложения во вьетнамскую экономику выросли до 6 – 6,5 миллиардов франков¹, в структуре которых лишь 2% – 3% являлись государственными займами. При этом $\frac{2}{3}$ этих инвестиций были сделаны в сельское хозяйство, главным образом в каучуковые плантации, и $\frac{1}{3}$ – в промышленность, что говорит об определённом росте интереса к промышленному производству [1035, с.111; 1520, с.138].

Одновременно происходила и централизация капитала. Так, опираясь на созданные им филиалы, Индокитайский банк вместе с «Группой Риво» полностью контролировал производство каучука, кредитную кооперацию и ряд других производств, а в 1930 г. он уже контролировал $\frac{1}{3}$ всего акционерного капитала страны [1421.1, с.84].

Та же тенденция прослеживается и в обрабатывающей промышленности, в которую французский капитал инвестировал более 60 миллионов франков. Бывшая прежде исключительно экспортной продукция всё больше реализуется на внутреннем рынке. Это касается угольной, цементной и особенно шелкоткацкой промышленности, где французские производители шёлка даже заключили союз для совместной борьбы за рынок. В 1929 – 1930 гг. французские фабрики уже скупали около $\frac{1}{3}$ всего сахарного тростника в Кохинхине.

¹ К 1918 г. Франция инвестировала во Вьетнам 2,5 миллиарда франков, главным образом – в виде государственных займов.

Создавались новые стекольные, химические, бумажные и текстильные предприятия, вся продукция которых шла на внутренний рынок [824, с.553; 1035, с.78].

Рыболовецкая деревня. Река Ароматная. 01.04.2011 г.

Во внешней торговле отмечается тенденция роста товарооборота с метрополией и другими её колониями. Так, доля в импорте Индокитая составила в 1924 – 1928 гг. 56% против 28% в 1919 – 1923 гг. Во Вьетнам ввозилось много французских товаров, в первую очередь тканей, доля которых в 1930 г. составила в их импорте 11%, а потребности юга в табаке на $\frac{2}{3}$ удовлетворялись его импортом из Алжира [661, с.99, 100; 824, с.502].

Одним из основных внешнеторговых партнёров Вьетнама по-прежнему оставался Китай, на который вместе с Гонконгом приходилось 26 % стоимости импорта в 1924 – 1928 гг. и не менее 40% стоимости экспорта в 1929 – 1930 гг. При этом ещё в начале двадцатых годов сделки с китайцами составляли до 50% операций Индокитайского банка, из которых 90% были связаны с обменом валюты. Как уже говорилось ранее, тяготевший к Хайфону и Сайгону китайский капитал создал ещё во 2-ой половине XIX в. своеобразную систему скупки вьетнамского риса через мелких посредников. При этом французские банки активно кредитовали китайских экспортёров, промышленников и транспортников, тогда как крупных землевладельцев на юге страны кредитовали индусы-ростовщики, вывозившие ежегодно не менее 7 – 8 миллионов пиастров за границу в качестве прибыли. Именно поэтому Индокитайский банк и был заинтересован в операциях на курсе серебра и ценах на рис. Китайские торговцы также вывозили из Вьетнама древесину, сахарный тростник, перец, рыбу и морепродукты [661, с.40 – 42; 991, с.45; 1372, с.106].

В двадцатых годах XX в. национальная фабричная промышленность была представлена 110 – 120 основными предприятиями с машинным производством. Широкое распространение получил автотранспорт, которым в 1926 г. занимались уже 200 вьетнамских фирм. В сельском хозяйстве вьетнамцы использовали машины на 5% плантаций и 12% концессий. Однако национальный капитал, который в то время только зарождался, не смог включить в свой кругооборот финансовых накоплений мелкой буржуазии, а вьетнамским промышленникам не удалось подчинить мелкое производство.

Так, согласно колониальной статистике, в 1920 – 1927 гг. в числе акционерных компаний было лишь 4% вьетнамских предприятий. В то же время приток французских инвестиций существенно сказался на развитии национального капитала. Французские банки стали шире предоставлять займы местным крупным земельным собственникам, предпринимателям и кредитным кооперативам. Даже без учёта торговых компаний к 1926 г. уже было создано 17 смешанных франко-вьетнамских предприятий с общим капиталом в 2,5 миллиона пиастров¹, а к 1930 г. около половины капитала кредитных кооперативов, векселя которых учитывались под гарантию государства, было заёмным. Кредитуя земельных собственников и экспортёров, французский капитал также изымал из финансового оборота страны не менее 25% стоимости земельной ренты.

Вывозу национального капитала способствовали и размещённые в колонии в двадцатых годах займы на сумму в 3,8 миллиона пиастров, облигации которых были почти полностью скуплены вьетнамцами. Во французские государственные бумаги также были вложены 80% капиталов местных обществ взаимного кредитования, равно как и средства вьетнамского населения, хранившиеся в сберегательных кассах [827, с.52; 914, с.197].

Развитие капитализма во Вьетнаме стало основным фактором постепенного разрушения феодального уклада и в сельском хозяйстве. В двадцатые годы насильственный сгон крестьян с земли отмечается только в таких населённых наиболее отсталыми горными племенами районах, как Тэйнгуен. В основном же концентрация земель происходила за счёт ростовщических и торговых операций, чему в немалой степени способствовало введение в 1925 г. во вьетнамский кодекс понятие ипотеки. Вследствие этого только вьетнамские ростовщики выдали в 1926 – 1930 гг. долгосрочных ипотечных ссуд на 12 миллионов пиастров¹¹. Кредитные кооперативы также занимались ростовщическими операциями. В результате

¹ Эта сумма примерно в два раза превышала общий капитал всех чисто вьетнамских акционерных обществ.

¹¹ В 1,5 раза больше, чем в 1900 – 1915 гг.

к 1930 г. общая сумма годовой задолженности составила в Кохинхине 34 миллиона, а в Тонкине и Аннаме – 30 миллионов пиастров [661, с.115; 824, с.659; 826, с.33, 34, 38].

Новым явлением в ростовщических операциях было более широкое распространение ссуд под урожай, особенно на юге, и преобладание денежных ссуд над натуральными, а также сочетание торгово-скупочных и ростовщических операций. Под контроль полуфеодальной общинной верхушки переходили и общинные земли, доля которых в Тонкине составляла 20%, в Аннаме – 25% и в Кохинхине – всего 3%. Всё это приводило к дроблению земельных наделов и в конечном счёте – к разорению крестьянства. Так, в Тонкине, где плотность населения достигала в дельте реки Красной 500 человек на 1 км², площадь большей части земельных наделов не превышала 1,5 га, а в Аннаме – 2,5 га, при этом резко сократилось количество крестьянских владений. К 1930 г. в собственности крестьян было не более 1/3 обрабатываемых земель, тогда как помещики и общинная верхушка владели 50%, а французские землевладельцы – 20% таких земель. Поэтому основной формой землепользования постепенно становилась аренда. Как правило, она была краткосрочной и закреплялась лишь устным соглашением. В Тонкине и Аннаме наиболее распространённой была издольная форма аренды, а в Кохинхине, где порядка 80% полей обрабатывались арендаторами, преобладала её денежная фиксированная форма. Размер арендной платы составлял от 1/3 до 2/3 урожая, в том числе 1/3 за воду, а зачастую и отработки. Она могла увеличиваться за счёт субаренды, особенно на юге, где она практиковалась управляющими крупными владениями. Там же в двадцатые годы купившие землю зажиточные представители городского населения стали её сдавать в аренду по фиксированной денежной цене [661, с.116; 868, с.4].

2.1.3. *Социальная структура вьетнамского общества в двадцатые годы XX в.*

Развитие экономики и формирование национального капитала в двадцатые годы XX в. не могли не сказаться и на

социальной структуре вьетнамского общества. В то время землевладельцы Кохинхины постепенно превращались в плантаторов, торговцев, промышленников и даже финансистов, что сказывалось и на настроениях вышедшей из их среды элиты образованных слоёв населения юга. В более отсталых Тонкине и Аннаме в основном доминировали помещики, мелкие землевладельцы и общинная верхушка, в среде которых в целом господствовали полуфеодальные отношения.

Резко изменился и облик крестьянства. В Тонкине и Аннаме безземельные крестьяне составляли 50% численности сельского населения, а в Кохинхине – 60%. При этом наделы остальной части крестьянства были слишком малы для содержания семьи, поэтому одновременно с работой на своей земле мелкий собственник становился арендатором или наёмным рабочим на стройке или на промышленном предприятии. В целом по стране до $\frac{2}{3}$ крестьян в той или иной степени занимались наёмным трудом, но если в Тонкине и Аннаме это в основном были мелкие землевладельцы, то в Кохинхине преобладали полупролетарии-арендаторы. В то время также сформировался и слой мелких самостоятельных производителей, возделывавших высокотоварные культуры, которые составляли порядка 15% сельского населения [824, с.26; 1380, с.60, 183].

В итоге большая часть вьетнамского крестьянства трансформировалась в массу полупролетариев, которые так и не освободились ни от феодальной и общинной форм эксплуатации, ни от личной зависимости.

Аналогичный процесс социальной дифференциации протекал и в достаточно немногочисленной ремесленной среде. Так, в Тонкине и Аннаме ремесленники, которые составляли 6% – 7% населения, в основном продолжали жить и трудиться в сельской местности и в специализированных торгово-ремесленных слободах. При этом хотя ремесленник сохранял относительно самостоятельное положение, его годовой доход был в 9 раз меньше дохода среднего крестьянина и в 3 – 4 раза меньше годовой заработной платы отходника-горняка. Судя по всему, в двадцатые годы XX в. лишь немногие ремесленники

превратились в наёмных рабочих. Основная же их масса по социальному положению была близка к вышеупомянутому сельскому полупролетариату [812, с.153, 521, 527; 973, с.457].

В то время особенно интенсивно шло формирование городских слоёв, которые к 1931 г. составляли 8% – 10% всего населения страны¹¹. К 1931 г., по данным о плательщиках патентного налога, в городах жило около 130 тысяч торговцев и ремесленников, а численность чиновничества достигала 20 – 30 тысяч человек. Городская интеллигенция¹² была в основном представлена учителями начальных и средних школ, из которых 12 тысяч работали в государственных и 5 тысяч – в частных школах¹. К 1930 г. общее число учащихся достигло 430 тысяч человек, при этом в местных высших учебных заведениях было 500 студентов. Кроме того, часть студентов обучалась за границей. После принятия в 1924 г. закона об отмене правила получения разрешения на выезд из страны, за период до 1930 г. только из Кохинхины во Францию поехало больше студентов, чем за все предыдущие 20 лет. Следует отметить, что из-за роста цен на внутреннем рынке, особенно в конце двадцатых годов, материальное положение основных слоёв городского населения было достаточно тяжёлым. Так, по сравнению с довоенным временем стоимость жизни в Ханое выросла к 1925 г. на 68 пунктов [93.1, с.271; 1006, с.221; 1082; 1465, т.4, с.21; 1699, с.365].

Основную же часть городского населения составляли трудящиеся. При этом ни в один из других периодов истории колониального Вьетнама не отмечается столь быстрый рост числа наёмных рабочих. Если до Первой мировой войны их было 100 тысяч, то к 1929 г. их численность возросла до 220 тысяч, и это не говоря о батраках, плантационных рабочих-кули и горняках, количество которых выросло в 4 с половиной раза за 1913 – 1929 гг. При этом в 1929 г. из 220 тысяч наёмных рабочих 189 тысяч были вьетнамцами, тогда как верхнюю прослойку пролетариата представляли китайцы,

¹ В начале XX в. новая интеллигенция насчитывала всего 2 тысячи человек.

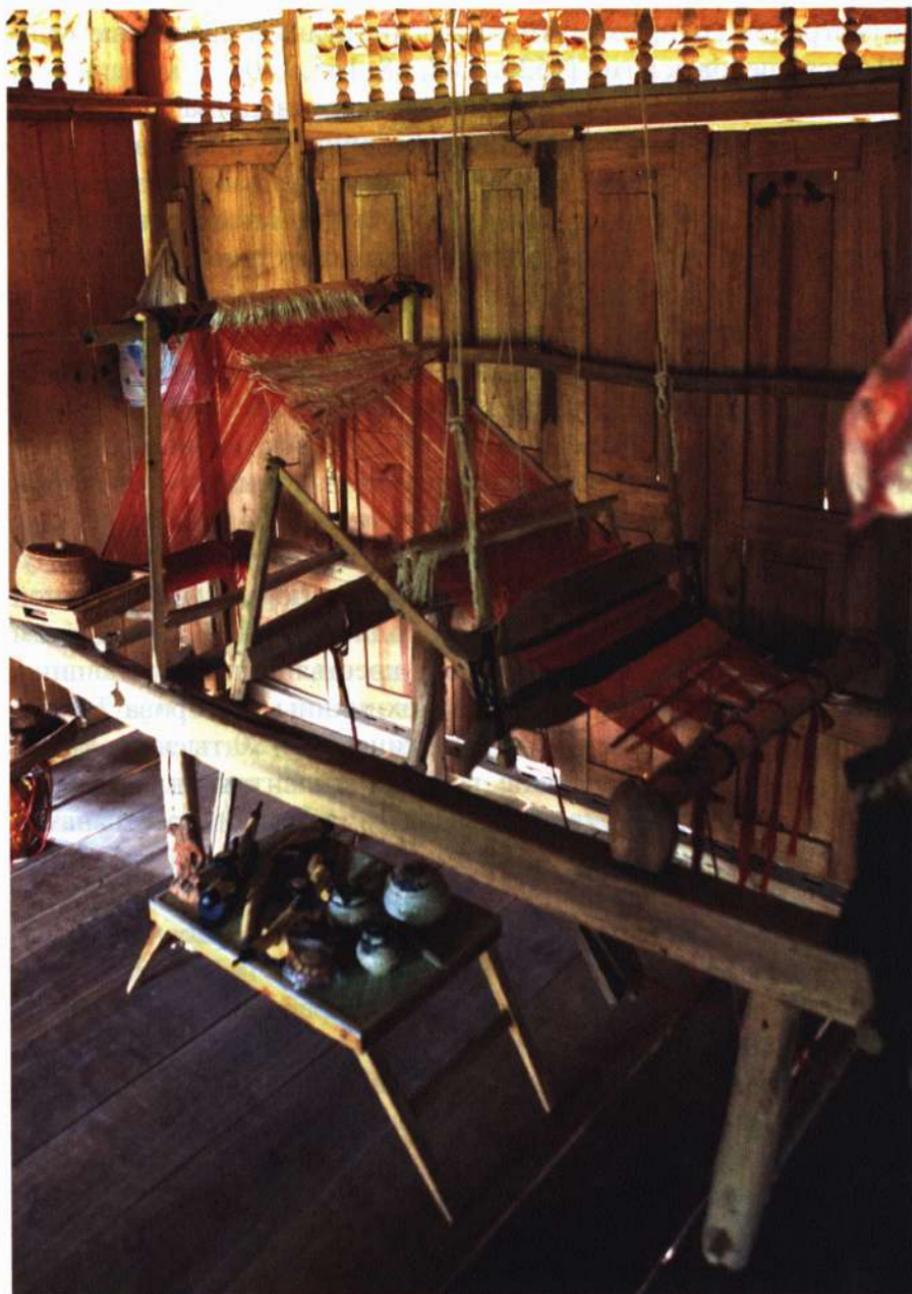
иммиграция которых во Вьетнам достигала в двадцатые годы 20 тысяч человек в год [1520, с.87, 88, 165, 170].

Специфика промышленного производства привела к высокой степени концентрации фабричного пролетариата. В каждой отрасли существовало 1 – 2 французских предприятия, на которых численность рабочих достигала нескольких сотен рабочих. На принадлежавших вьетнамцам предприятиях их было меньше: в среднем 100 – 110, максимум – до 300 человек.

В двадцатые годы рост помещичьих хозяйств и расширение мелкое промышленности привели, особенно в Южном Вьетнаме, к формированию целого слоя батраков, численностью в 200 – 300 тысяч человек. К ним следует добавить рабочих мануфактур и надомников, которых насчитывалось порядка 250 тысяч человек [767, с.25].

В то же время специфика Вьетнама приводила к тому, что крестьяне за редким исключением не порывали с общиной и занимались наёмным трудом одновременно с сельским хозяйством. Так, вырвавшая крестьянина из общины вербовка рабочих на плантации Кохинхины и острова Тихого океана в 1926 – 1929 гг. охватила лишь 70 – 80 тысяч человек. Поэтому фабричные рабочие, горняки и плантационные кули в основном были представлены такими крестьянами-отходниками, которые вместе с батраками и рабочими мануфактур составляли более 90% вьетнамского пролетариата. При этом количество квалифицированных рабочих было ничтожным. До 1914 г. их насчитывалось всего 2 тысячи человек, или 3,6% от общего количества рабочих. После войны их численность возросла, процент квалифицированной рабочей силы по-прежнему был крайне низким.

За наём неквалифицированных рабочих отвечали подрядчики, или старшины, из вьетнамцев, которых нанимали иностранные или местные предприниматели. Они же контролировали трудовой процесс, выдавали зарплату и, как отмечалось ранее, выступали в роли ростовщиков и торговцев на плантациях. Как правило, рабочий день на предприятиях длился не менее 10, в мелком производстве он продолжался 13 – 14, а иногда и 18 часов.

Домашний ткацкий станок с красителями.
Провинция Хоабинь. 17.04.2011 г.

Норма эксплуатации могла достигать в небольших мастерских 70%, выходных, отпусков и пособий по болезням не было, заработная плата выдавалась нерегулярно, иногда раз в квартал или в полгода, при этом выдававшие ссуды ростовщики и торговцы обязывали рабочих покупать товары только в их лавках.

С ростом промышленности и плантационного хозяйства острая нехватка рабочей силы в верхних районах реки Красной и особенно на юге колониальные власти были вынуждены в рамках реформ двадцатых годов ввести основы рабочего законодательства. В результате произошёл определённый рост заработной платы. Так, если принять данные 1914 г. за 100 пунктов, то к 1923 г. стоимость жизни городского рабочего выросла на 56, а его реальная заработная плата – на 83 пункта. Та же тенденция отмечается и во 2-ой половине двадцатых годов: если 1925 г. = 100 пунктов, то к 1930 г. стоимость жизни повысилась на 13, а зарплата – на 20 – 24 пункта. В свою очередь это привело и к некоторому изменению структуры расходов городских рабочих. В 1925 – 1930 гг. их расходы на питание уменьшились с 75,7% до 70% по сравнению с 1913 – 1923 гг., на жильё – увеличились с 12,6% до 14%, а прочие расходы, связанные с удовлетворением личных и культурных потребностей семьи, выросли с 11,7% до 16%. Таким образом, можно говорить об определённом росте уровня жизни вьетнамских городских рабочих во 2-ой половине двадцатых годов XX в. Однако он по-прежнему был намного ниже уровня жизни рабочих во Франции [1520, с.232, 234, 235; 1715.1].

Как уже говорилось ранее, в то время также началась классовая консолидация вьетнамской буржуазии. По данным колониальной статистики, к 1926 – 1927 гг. промышленные и транспортные предприятия составляли более 20%, подрядно-строительные и аграрно-концессионные организации – менее 40% и в основном мелкие торговые компании – 36% от общего числа учтённых вьетнамских предприятий. Поэтому вьетнамскую буржуазию двадцатых годов следует считать не торговой и тем более не промышленной, а главным образом

аграрно-подрядческой. Об этом же свидетельствует и отмечавшаяся прессой с 1920 г. скупка земель вьетнамскими подрядчиками-буржуа, которая превратилась в настоящий земельный бум с 1924 г. [1755.4].

В результате уже на ранних этапах формирования вьетнамской буржуазии началось её расслоение по принципу владения собственностью, что прослеживается на примере одной из самых её развитых групп, представленной плантаторами. Так, тем из них, которые владели участками более 50 га, принадлежало 70% земельных площадей, 63% гевей и около 70% валового сбора каучука. При этом свыше 50% различных предприятий и 75% акционерных обществ, принадлежавших вьетнамскому капиталу, находились на юге страны. Вследствие этого, основная масса вьетнамских собственников была близка к мелкой буржуазии, а их верхушка и полуфеодалные группы – к связанным с развитием колониального капитала крупным землевладельцам.

Вьетнамская буржуазия отличалась от национального пролетариата и тем, что в неё частично входили и китайские предприниматели. После первоначального бойкота китайских товаров в 1919 г. вьетнамские и китайские предприниматели уже в 1923 г. объединились для совместной борьбы против передачи монополии на порт Сайгона французской компании. В 1926 – 1927 гг. на долю смешанных вьетнамо-китайских предприятий уже приходилось порядка 20% всех смешанных предприятий с участием вьетнамского капитала. Однако верхушка китайской буржуазии во Вьетнаме была гораздо теснее связана с колониальным капиталом и благодаря традиционной системе землячеств изолирована от жизни вьетнамского общества.

В целом же вьетнамская буржуазия насчитывала не более 200 тысяч человек, или 5% населения, а количество её крупных представителей составляло порядка 3 тысяч человек, или всего 0,02% самодеятельного населения страны. Даже самая передовая промышленная часть вьетнамской буржуазии была немногочисленной, разобщённой и классово незрелой. Именно это предопределило её неспособность выступить в

двадцатые годы XX в. в качестве единой социальной силы, противостоящей экспансии французского капитала. В то время национальная буржуазия была заинтересована не в сломе, а в сохранении при условии его определённой модификации существовавшего колониального режима.

В целом же социальная структура вьетнамского общества на рубеже двадцатых – тридцатых годов XX в. выглядела следующим образом.

Городской и сельский полупролетариат – 11,4 миллиона человек, деревенские и городские средние слои – 3 миллиона человек, буржуазия и близкие к ней слои – 1,2 миллиона человек, пролетариат – около 0,7 миллиона человек.

В связи с этим следует подчеркнуть, что в то время характер основных социальных и политических движений во вьетнамском обществе определяли новые немногочисленные слои фабричных рабочих, буржуазии и интеллигенции, тогда как количественное и особенно качественное преобладание полупролетарских социальных слоёв в этом обществе, которые составляли не менее 60% населения страны, сказалось несколько позднее, в тридцатые – сороковые годы XX в.

2.2. Экономика Вьетнама в 1930 – 1954 гг.

2.2.1. Вьетнамская экономика в годы мирового экономического кризиса

Начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис привёл к падению цен на экспортные товары, что больно ударило по вьетнамской экономике. Так, с 1929 по 1933 г. падение цен на рис составило 76%, на кукурузу – 75%, на олово – 54%, на свинец – 50%, на цинк – 45% и на уголь – 14%, а цены на каучук снизились в пять раз. Соответственно сократился и доход от экспорта вьетнамских товаров, который составлял в 1929 г. 460 миллионов пиастров, а в 1933 г. – лишь 192 миллиона. При этом импорт упал в 2,5 раза. В 1932 г. сальдо торгового баланса Вьетнама стало отрицательным, а в последующие годы кризиса экспорт лишь незначительно превышал импорт [661, с.124 – 126; 1423, с.81].

В то же время при падении стоимостных показателей вьетнамского экспорта его физический объём сократился значительно меньше, а в некоторые годы кризиса он даже увеличивался по некоторым позициям. Так, в 1933 г. было вывезено риса на 40 тысяч т больше, чем в 1932 г., а выручка от его продажи упала на 22%, угля продано на 100 тысяч т больше, а выручка сократилась 25%. Точно так же при росте объёма экспорта каучука выручка от его продаж уменьшилась в 2 раза [814, с.201].

Падение экспортных показателей привело к ухудшению ситуации и на внутреннем рынке Вьетнама, особенно в Кохинхине. Так, по сравнению с 1928 – 1929 гг. в 1931 г. цены на рис упали в Сайгоне на 25%, при этом площади под ним сократились в 1930 – 1932 гг. на 385 тысяч га, а к концу кризиса многие площади пустовали. Парадоксальная ситуация сложилась на каучуковых плантациях, площадь которых была значительно расширена во 2-ой половине двадцатых годов. Дело в том, что гевея становится пригодной для эксплуатации через 7 – 8 лет после посадки. Поэтому в кризисные годы количество латекса даже выросло, хотя его собирали лишь с 25% площадей [1625.1].

Похожая ситуация складывалась и в промышленности, особенно в её экспортных отраслях. Так, добыча угля сократилась на 25%, уменьшилась добыча цинка и почти прекратилась добыча хрома. При этом количество заявок на получение концессий сократилось в 1930 – 1933 гг. в 16 раз. В то же время поскольку Вьетнам не входил в состав мирового картеля, обязавшего своих участников сократить производство олова на $\frac{1}{3}$, его производство даже возросло [814, с.110, 124].

Вследствие кризиса стали закрываться текстильные, пищевые и табачные фабрики. В районс Сайгона – Тёлонa на юге страны прекратили работу многие рисорушки. Сворачивали своё производство и некоторые предприятия по первичной переработке каучука и копры. Пострадало и ремесленное производство, в первую очередь те его отрасли, которые были ориентированы на экспорт или на поставку

сырья для обрабатывающей промышленности, например для фабрик, производивших шёлковые и хлопчатобумажные ткани.

В результате только с 1930 по 1931 г. поступления в колониальный бюджет от налогов и таможенных пошлин упали на 7 миллионов, а доходы государственных монополий – на 6 миллионов пиастров. Всего же генеральный бюджет Индокитая потерял за тот же период 18 миллионов пиастров. В то же время отмечается ослабление связей Вьетнама с азиатскими, в первую очередь дальневосточными рынками и их рост с метрополией. Такая конъюнктура вынудила Индокитайский банк напрямую связать пиастр с франком, курс между которыми был установлен законом от 31-го мая 1930 г. в соотношении 1 : 10. Эта реформа, укрепив позиции экспортёров и инвесторов, ударила по местным предпринимателям – заёмщикам Индокитайского банка, запасы золота и иностранной валюты которого сократились с 47 миллионов в 1930 г. до 37 миллионов франков в 1932 г. Именно это было основной причиной привязки пиастра к франку вместо его прямого перевода на золотую основу [1035, с.74; 1493, с.21, 22].

Одновременно с этим на парижской фондовой бирже курс акций вьетнамских компаний упал с 1929 по 1932 г. на 70%, при этом акции сельскохозяйственных обесценились в с 1928 по 1936 г. почти в 8 раз. Согласно статистике, более 50% обанкротившихся за период кризиса предприятий были торговыми фирмами. Значительное количество банкротств также отмечается как в ресторанном и гостиничном бизнесе, так и в других отраслях сферы обслуживания. В 1930 – 1935 гг. капитал 84 основных компаний, в том числе каучуковых, горнорудных и торговых, контролировавшихся в основном крупными иностранными предприятиями, сократился на 571,2 миллиона франков. Безусловно, большинство этих компаний окончательно не разорились, но при этом они были вынуждены значительно сократить свою деятельность. Поэтому в те же годы эмиссия ценных бумаг работавшими во

Вьетнаме компаниями¹ сократилась с 729 миллиардов до 40,8 миллиардов франков.

За период с 1932 по 1935 г. во Вьетнаме было зарегистрировано 740 банкротств, пик которых пришёлся на наиболее тяжёлые 1932 – 1933 гг. Они сопровождались поглощением разорившихся предприятий конкурентами. Согласно официальным данным, капитал поглощённых компаний составил 360 миллионов франков, при этом почти 40% случаев вынужденного слияния приходилось на компании, занимавшиеся сельским хозяйством, добычей полезных ископаемых и транспортом.

Ещё больший урон кризис нанёс национальному капиталу. Так, в 1930 – 1935 гг. в Сайгоне и Хайфоне число банкротств вьетнамских и китайских предпринимателей составило 80% от их общего количества. Но если на промышленном севере в Ханое разорились примерно 60% вьетнамских предприятий, то на юге в Сайгоне 65% всех банкротств были связаны с торговавшими рисом китайскими компаниями. Кроме того, происходило сужение внутреннего рынка. Например, из 20 гончарных печей в Батчанге действовало 4 или 5 печей, а производство посуды в Монгкае снизилось с 20,7 миллиона штук в 1920 г. до 8,1 миллиона штук в 1933 г. В 1931 – 1935 гг. почти в 4 раза упал вывоз из Куангнгай шелковых тканей и сахарного тростника, а стоимость внутриторгового оборота в стране сократилась за 1929 – 1935 гг. в 3 раза. За этот же период в Ханое, Хайфоне и Сайгоне – Тёлоне разорились порядка 300 крупных и средних предпринимателей-вьетнамцев, или порядка 3% плательщиков патентного налога [102, с.27, 28, 79, 82, 85, 94].

В тяжёлом положении оказались и превращавшиеся в сельских капиталистов крупные землевладельцы, которые создавали плантации и обеспечивали их техникой не за счёт собственных накоплений, а за счёт заёмного иностранного капитала. На тысячу человек наиболее крупных земельных собственников приходилось 80% суммы наивысшей кредитной

¹ Главным образом это были французские компании.

задолженности. Всего же на юге насчитывалось 10 тысяч должников. При этом упомянутое повышение курса пиастра, сокращение экспорта риса и повышение стоимости издержек производства, связанные с ростом налогов и другими факторами, привели к тому, что если в 1929 г. помещик расходовал на погашение займа 0,1 часть своего дохода, то в 1933 г. на это уходила $\frac{1}{3}$ его части. Поэтому нет ничего удивительного, что уже с осени 1931 г. помещики и буржуазия Кохинхины начали выступать против финансовой политики Индокитайского банка.

Воспользовавшись моментом, этот банк скупил акции многих разорившихся предприятий в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства, а также стал собственником большого количества заложенных земель. Выдавая кредиты и ссуды, банк устанавливал финансовый контроль и над продолжавшими работать предприятиями. Так, только в 1931 г. Индокитайский банк выдал кредитов на сумму в 2 миллиарда франков [661, с.60].

Тем не менее, кризис 1929 – 1933 гг. в определённой степени обогатил и укрупнил как уже давно работавших во Вьетнаме иностранных компаний, так и новых, которые продолжали создаваться в стране. Правда, по общему объёму капиталовложений старые компании более чем в 3 раза превышали новые. Следует отметить, что для вьетнамских предпринимателей ситуация также была не однозначной. Разорение части китайских предпринимателей, крах ряда средних и мелких французских компаний-аутсайдеров, отток иностранного капитала и падение цен на землю создали условия, способствовавшие как более широкому выходу на внешние рынки вьетнамского капитала, так и укреплению его позиций внутри страны. В годы кризиса возникло не менее 7 крупных национальных предприятий с капиталом в 285 тысяч пиастров. Тогда же было создано 9 смешанных франко-вьетнамских компаний с капиталом в 1,3 миллиона пиастров. При этом темпы роста национального капитала и темпы его

сращивания с иностранным капиталом соотносятся как 1 : 5¹. В сочетании с упоминавшимся укреплением связей с метрополией всё это привело к значительному ослаблению прокитайской и появлению профранцузской компрадорской буржуазии [102, с.23, 26, 27; 661, с.127, 131; 812, с.469; 1192, т.4, с.23, 24; 1342, с.100, 127 – 131; 1372, с.110; 1437, с.84].

Вышеуказанным процессам в немалой степени способствовала и политика Франции, которая предпринимала различные меры для поддержки как всей своей колониальной империи, так и непосредственно Вьетнама. Безусловно, метрополия прежде всего была заинтересована в поддержке своих инвесторов и французских компаний, но она не могла и позволить себе целиком игнорировать интересы и требования вьетнамской буржуазии и помещиков. В связи с этим следует отметить, что доля французского импорта во Вьетнам возросла в 1928 – 1932 гг. с 45% до 60%, а экспорта из Вьетнама – с 22% до 35%. Так, если в 1929 г. в метрополию экспортировалось 223 тысячи т, то в 1933 г. – уже 605 тысяч т риса. В 1928 г. вышел закон о защите вьетнамского рынка высокими таможенными барьерами, подтверждавший установленный законом от 1892 г. статус Вьетнама как «ассимилированной» колонии. В результате резко сократились закупки Китаем вьетнамского риса, экспорт которого упал с 631 тысячи т в 1929 г. до 380 тысяч т в 1934 г.¹³ [1005, с.114, 115; 1641.1].

Французские власти также оказывали финансовую поддержку крупным плантаторам юга Вьетнама. В 1930 г. им было выделено 1,2 миллиона пиастров кредитных средств. Ссуды преимущественно выдавались крупными суммами под залог земли, поэтому мелким производителям досталось лишь около 1% этих денег. Согласно генерал-губернатору Пьеру Паскье, в Тонкине и Аннаме объём ссуд составил от 1 до 3 пиастров на 1 га рисовых полей, чего явно было недостаточно. В то же время производителям каучука в годы кризиса было выделено ссуд более чем на 100 миллионов пиастров, при этом за экспорт 1 кг каучука выдавалась премия в 2 – 3 франка.

¹ В двадцатые годы это соотношение было 1 : 2.

Именно это позволило сохранить достаточно высокий уровень производства латекса вопреки падению цен на мировом рынке.

Государственная поддержка оказывалась также некоторым промышленным, строительным и торговым предприятиям. Так, возросли премии за экспорт фабричного, было расширено коммунальное и транспортное строительство, а также скупались акции компаний, оказавшихся в трудном положении. В частности, государство приобретало акции электротехнических и авиационных компаний, банковских фирм и других предприятий, что заложило основы политики «управляемой экономики»¹, получившей распространение в годы Второй мировой войны.

Помощь плантаторам в основном оказывалась за счёт перераспределения средств, получаемых от таможенных пошлин и косвенных налогов на предметы потребления как в самой колонии, так и отчасти в метрополии. Например, были повышены пошлины на экспорт таких товаров, как рис. Значительно увеличилось по сравнению с двадцатыми годами и государственные займы, общая сумма которых во Вьетнаме составила с 1931 по 1935 г. более 1,5 миллиарда франков. Безусловно, эти займы были необходимы для поддержания вьетнамской экономики, но в то же время они ложились на неё дополнительным бременем. Так, если в 1931 г. было уплачено в качестве процентов по займам 3,4 миллиона пиастров, то в 1933 г. – уже 9,4 миллиона [633, с.230; 1123, с.230].

Особенно тяжело экономический кризис сказался на положении трудящихся слоёв вьетнамского населения. Даже падение цен на продукты питания и снижение арсендной платы, которая в Северном Вьетнаме снизилась с 15 пиастров в 1930 г. до 4 пиастров в 1934 г., не спасали ситуацию. Это объясняется тем, что доходы среднего крестьянства от продажи риса упали примерно на $\frac{1}{3}$, тогда как перевод пиастра на золотую основу увеличил задолженность деревенских полупролетариев перед ростовщиками и торговцами. Доход крестьян также снизился из-за уменьшения заработной платы, которую они получали.

¹ Смотри ниже «Параграф 2.2.2.Б» о политике правительства Виши.

работая батраками и сезонными рабочими. Кроме того, резко в кризисные годы возрасли косвенные расходы. Так, за 1930 – 1933 гг. разрыв между ценой риса и ценой промышленных товаров увеличился вдвое. При этом если в 1929 г. на уплату налогов уходила $\frac{1}{2}$ ц риса, то в 1932 г. – 1 ц, а в 1934 г. – 2 ц, и это при весьма незначительном абсолютном их росте в годы кризиса. Поэтому крестьяне разорялись, а их участки переходили к ростовщикам. Например, на севере страны в Хынгиене, где ситуацию усугубило наводнение 1929 г., крестьяне продавали 3600 м² земли не как прежде за 100, а 10 – 20 пиастров. В результате за годы кризиса число крестьян-собственников сократилось на 4% [661, с.124, 125; 810, с.363, 368, 376; 863, с.56; 1192, т.6, с.122].

Аналогичная ситуация складывалась в традиционном ремесле. Так, закрылось знаменитое гончарное производство в Батчанге, разорялись шелководы и производители шёлка-сырца, в окрестностях Ханоя закрывались мастерские, изготавливавшие петарды и т.д. Ситуация усугублялась и повышением абсолютного налога, в частности – патентного налога на мелких производителей, выросшего с 3 до 24 и с 6 до 30 пиастров. Были введены новые налоги на мелкие сделки, заключаемые в городах, что больно ударило по мелким ремесленникам и торговцам. Наконец, отмена государственной монополии в 1933 г. на производство и торговлю спиртом привела к обложению его мелких производителей высокими налогами. Большая часть разорившихся мелких ремесленников и торговцев становились наёмными рабочими и служащими на крупных французских и вьетнамских мастерских и торговых предприятиях [1372, с.200].

Резко ухудшилось положение трудящихся и в промышленном производстве. За годы кризиса количество безработных на фабриках и заводах составило 20 – 25 тысяч человек, или около 10% от общего числа рабочих. В 1928 – 1934 гг. количество горняков Северного Вьетнама сократилось с 54 до 34,8 тысяч человек. К этому следует добавить большое число рабочих, трудившихся по сокращённому графику. Так, даже в конце 1935 г. свыше 60% горняков на основных

рудниках севера работали лишь в течение полугода, при этом из 100 нанятых на работу горняков через четыре месяца на шахте оставалось 66, а через шесть месяцев – 33 человека.

Аналогичный процесс отмечается и на плантациях юга, на которые в 1930 – 1934 гг. было завербованы с севера 27,6 тысяч человек, а вернулись обратно 44 тысячи человек. Одновременно с этим введение золотого паритета пиастра привело к снижению реальной заработной платы шахтёров на 45% и плантационных рабочих – на 32%. В 1931 – 1934 гг. средняя дневная заработная плата неквалифицированных рабочих снизилась на 32%, квалифицированных – на 24% и мастеров – на 12%. При этом, если принять заработную плату в Сайгоне – Тёлоне за 100 пунктов, то в Хайфоне она равнялась 52, Ханое – 49 и в мелких городах Северного Вьетнама – 47 пунктам. Но даже такая заработная плата городского рабочего в 3 раза превышала средний годовой доход члена бедной крестьянской семьи, владевшей участком земли в 1 га. Также следует подчеркнуть, что фоне указанного снижения заработной платы происходила интенсификация труда рабочих. Так, на французских прядильных предприятиях рабочие обслуживали 500 веретён вместо 250, на ткацких 4 станка вместо 2, а с 1930 по 1935 г. норма выработки шахтёра увеличилась на 26% [93.1, с.279; 124, с.68; 812, с.215, 217; 862, с.50; 868, с.429; 1342, с.125; 1192, т.6, с.132, 133, 253].

Наконец, следует отметить, что меньше других мировой экономической кризис затронул те средние городские слои населения, которые были ориентированы в основном на потребление импортных товаров. Если принять показатель 1925 г. за 100 пунктов, то снижение индекса их уровня жизни составило в Сайгоне 33 и в Ханое 44 пункта [1006, с.324; 1306.3, с.178].

Нельзя сказать, что колониальные власти не пытались что-то предпринять для экономии и смягчения последствий кризиса. Так, прослужившие 30 и достигшие 60 лет чиновники

были уволены в отставку. Резко сократился наём новых чиновников¹.

Дом вельможи рода Зыонг конца XIX – начала XX вв., г. Кантхо, район Биньтхюи, квартал Биньтхюи, ул. Буй Хыу Нгиа, д.144. 10.04.2011 г.

¹ Исключение было сделано лишь для найма в полицию и армию.

В 1932 г. была снижена на 50% заработная плата поступавших на работу чиновников. В 1931 г. для одних групп служащих семейные надбавки к заработной плате были сокращены на 50%, а для других вообще отменены, при этом в 1933 г. они были сокращены ещё на 10%. Однако эти меры затронули вьетнамцев, так как в 1932 г. заработная плата французов была повышена на 10% – 11%. Более того, разрыв между заработной платой вьетнамских и французских чиновников оставался огромным: чиновники 2-го ранга получали 432 и 1248, а 1-го ранга – 672 и 2540 пиастров в год соответственно [1306.3, с.179; 1520, т.2, с.55].

Тогда же генерал-губернатор Пьер Паскье приступил к реализации провозглашённого в 1930 г. курса развития мелкой крестьянской собственности и введения первичных норм трудового законодательства. В связи с этим он начал освоение 400 тысяч га новых земель, расширение сети ирригационных сооружений, выделение кредитов крестьянским хозяйствам и наделение безземельных крестьян участками в 5 – 10 га. Кроме того Пьер Паскье попытался ввести в действие принятые ещё в двадцатых годах трудовые акты. Однако все эти действия либо тормозились, как закон об ограничении женского и детского труда, который вступил в действие лишь в 1936 г., либо они имели обратный эффект¹⁴. Даже попытки колониальной администрации увеличить объём экспорта риса в метрополию провалились из-за противодействия производителей пшеницы.

Что же касается кредитов, то покрывая, как отмечалось ранее, не более 0,1 части долгов, они только поддержали крупное землевладение, тогда как вьетнамским земельным собственникам и кредитным кооперативам досталось не более 25% их суммы. Этому же способствовало как снижение в 1930 – 1935 гг. ссудного процента по большим займам с 10% до 6,5%, так и создание особой службы долгосрочного сельскохозяйственного кредита, выдававшей ссуды по 7,5%.

Таким образом, мировой экономической кризис во Вьетнаме, с одной стороны, замедлил формирование промышленного пролетариата и буржуазии, а с другой – ускорил разрушение традиционных полуфеодалных связей

крестьянства и крупных земельных собственников. Таково было различие между 1920 – 1929 и 1930 – 1935 гг. Именно оно стало основной причиной возникновения социальных и психологических условий для активизации феодально-монархических групп и опиравшихся на рост религиозных настроений городского и сельского населения сект во вьетнамском обществе середины тридцатых годов XX в.

2.2.2. *Вьетнамская экономика в 1934 – 1954 гг.*

Если исходить из событий политической истории Вьетнама, то описание указанного периода его социально-экономического развития должно было бы быть разделено как минимум на три самостоятельных раздела. В то же время вряд ли представляется возможным говорить о каких-либо серьезных экономических преобразованиях в годы Второй мировой войны. Что же касается эпохи Войны сопротивления против Франции, то само провозглашение Демократической Республики Вьетнам в 1946 г. являлось политическим актом, который не мог повлечь за собой социально-экономических преобразований до установления её правительством полного контроля над территорией страны, то есть до Женевских соглашений 1954 г. Наконец, следует отметить, что в отличие от экономики во вьетнамском обществе того времени происходили значимые социальные сдвиги. Но они были связаны не с изменениями в экономике Вьетнама, а с политическими событиями, приведшим к двадцатилетнему расколу страны¹.

Именно это обусловило наличие принципиальных различий между периодизациями политической и социально-экономической истории Вьетнама 1934 – 1954 гг.

А. Посткризисный экономический подъём

Наступившее после окончания экономического кризиса оживление на мировом рынке привело к росту цен на товары

¹ Смотри «Главу 1», а также «Параграф 1» и «Параграф 2» «Главы 2» «Части I» настоящего тома.

традиционного вьетнамского экспорта, что в свою очередь вызвало рост сельскохозяйственного и промышленного производства в стране. В сельском хозяйстве Вьетнама он сказался прежде всего на производстве риса и каучука. Так, в 1938 – 1939 гг. сбор риса составил 5,5 миллиона т, а посевные площади под ним увеличились до 4,6 миллиона га. Правда, производство риса так и не смогло достичь уровня последних докризисных лет¹⁵.

В то же время, как отмечалось ранее, специфические условия разведения гевеи привели к тому, что в годы кризиса продолжали развиваться каучуковые плантации. Поэтому в результате повышения спроса на каучук и трёхкратного повышения на парижской бирже в 1933 – 1936 гг. курса акций производящих его предприятий Индокитая привели к значительному увеличению его производства во Вьетнаме. Так, если в 1929 г. собирали 11 тысяч т каучука на плантациях площадью в 90 тысяч га, то к 1940 г. эти цифры уже равнялись 72 тысячам т и 133 тысячам га соответственно [93.1, с.80; 102, с.94; 661, с.94 – 96; 814, с.100; 844, с.3, 4; 1000, с.857].

Ожила и горнодобывающая промышленность, где с 1932 по 1937 г. добыча угля увеличилась на 35%, что составило более 2,3 миллиона т. Также росла добыча фосфатов, железной руды, вольфрама, золота и других полезных ископаемых. К 1937 г. добыча олова достигла 1,6 тысяч т. В то же время в связи с падением мировых цен добыча цинка снизилась, составив лишь шестую часть его производства в двадцатых годах, однако при этом возросла его очистка в самом Вьетнаме. Например, на заводе в Куангиене в 1939 г. выплавляли 5,4 тысячи т цинка, или на 1,2 тысячи т больше, чем в 1937 г.

Во 2-ой половине тридцатых годов во Вьетнаме отмечается рост обрабатывающей промышленности, в первую очередь её отраслей, работавших на внутренний рынок. Многие её текстильные предприятия работали на привозном сырье, поэтому с 1935 по 1938 г. импорт хлопка и шерсти увеличился на 62%, а хлопчатобумажной пряжи – на 73%, что

равнялось 10,3 и 1,9 тысячам т соответственно. Также возрос импорт шёлка-сырца и пряжи из искусственного шёлка.

Как уже отмечалось, в годы кризиса обанкротились многие предприятия. Так, в шелкоткацком производстве остались лишь две – три такие крупные, как фабрика компании «Делиньон»¹. К началу Второй мировой войны она стала крупнейшим предприятием Вьетнама, на котором было занято 1200 человек. Также значительно расширился и увеличил производство известный текстильный комбинат в Намдине.

Развивалась и пищевая промышленность, где в связи с ростом производства риса возрождались рисоочистительные предприятия. С 1930 по 1939 г. почти утроилась продукция сахарных заводов, а производство табачных фабрик выросло с 1932 по 1936 г. почти в 17 раз, что составило 15 и 3,4 тысячи т соответственно. Тогда же появились и такие новые отрасли промышленности, как химическая с её производствами азота, ацетилена, красителей, лаков и другой продукции [844, с.22, 23; 890.1, с.110; 1106.1, с.155, 156; 1131, с.156].

Оживление и развитие производства, приведшее к бурному росту промышленного и, особенно, коммунального и жилищного строительства в городах требовало самых различных материалов, многие из которых стали производить непосредственно во Вьетнаме. К концу тридцатых годов в стране ежегодно производилось 266 тысяч т цемента.

В эти годы значительно увеличилось и производство электроэнергии, для обеспечения которого был даже несколько сокращён экспорт угля. Однако, как и прежде, большая часть электричества шла на обеспечение бытовых нужд французов и зажиточных слоёв населения.

В свете экономического возрождения в посткризисные годы, интересно проследить, в какие сферы вьетнамской экономики и в каких пропорциях инвестировался французский капитал между двумя мировыми войнами, а также как росли валовая продукция Индокитая и её стоимость с начала XX в. до начала Второй мировой войны [844, с.9; 1286, с.14].

¹ Société « Délignon ».

Французские инвестиции в экономику Вьетнама в процентах

Год	Сельское хозяйство	Промышленность	Транспорт	Торговля	Банки	Недвижимость
1918	8 ^I	50 ^{II}	27	15	--	--
1929	24	32	6	22	--	16
1939	27	33	12	12	7,5	6,5

Рост валовой продукции по годам

1901 – 1911	1911 – 1921	1921 – 1931	1931 – 1937
на 51%	на 30%	на 3%	На 42%

Стоимость продукции Индокитая (в миллионах пиастров)

Отрасль	1901 г.	1911 г.	1921 г.	1931 г.	1937 г.
Земледелие	199,8	317,9	371,3	337,8	494,3
Животноводство	40	50	59	64	73
Лесоводство	10	27	35	43	38
Рыболовство	12	15	20	20	20
Горнодобывающая промышленность	0,5	4	7	13	19
Обрабатывающая промышленность	10	30	60	100	180
Ремесло	30	30	40	40	50
Услуги (включая транспорт)	30	60	100	96	140
Итого:	352,3	533,9	692,3	713,8	1014,3

Из данной таблицы следует, что, во-первых, особенно высокими темпы роста были в посткризисные годы и, во-вторых, что увеличение стоимости валового продукта происходило в основном за счёт роста продукции сельского хозяйства (на 46%) и обрабатывающей промышленности (на 80%). В остальных же отраслях хозяйства существенного роста не отмечается. При этом развитие обрабатывающей промышленности, происходившее за счёт появления новых и расширения старых отраслей, не привело к структурным сдвигам в экономике, в которой продолжало доминировать сельское хозяйство. О плачевном состоянии промышленных отраслей группы «А» лучше всего свидетельствует тот факт, что в 1938 г. во Вьетнаме на душу населения производилось всего 3,9 кВт.ч, угля – 107, цемента – 14 и стали – 0,18 кг.

^I Основная часть – в плантационное хозяйство.

^{II} Основная часть – в горную промышленность.

[1286, с.14]. Согласно французским данным, рост дохода на душу населения также оставлял желать много лучшего. Так, если в абсолютных ценах годовой валовой продукт возрос с 1900 по 1937 г. на 100%, то численность населения возросла за тот же период времени на 80%. То есть в 1901 г. на душу населения приходилось 26, в 1911 г. – 1921 гг. – 28, в 1931 г. – 27 и в 1937 г. – 29 пиастров. Не лучше обстояли дела к 1937 г. и в аграрном секторе. Так, если в 1885 – 1937 гг. обрабатываемые площади увеличились на 50%, то население увеличилось вдвое, при этом, как уже неоднократно говорилось, особенно остро земельный голод ощущался в Тонкине, где на душу населения приходилось 5,7 га пахотной земли, тогда как в Кохинхине её приходилось по 23 га. При этом с 1900 по 1937 г. население увеличилось на 84%, производство риса – на 47%, а его общее потребление – на 24%, потребление риса на душу населения снизилось с 275 до 182 кг в год¹ [844, с.3, 13; 862, с.16, 17].

После завершения мирового экономического кризиса произошла значительная переориентация внешней торговли Вьетнама на метрополию и страны французской колониальной империи. При этом структура и содержание самих импортно-экспортных операций мало изменились.

Из Вьетнама главным образом экспортировались рис, кукуруза, каучук, уголь, цветные металлы, в первую очередь олово, копра, табак, сахар, чай, кофе и другие товары традиционного экспорта. В незначительном количестве также вывозились бутылки, цемент, а также табачные и некоторые виды других изделий кустарного производства. В 1940 г. продовольственные товары составляли 60%, сырьё – более 39% и промышленная продукция – менее 1% вьетнамского экспорта, при этом на рис, кукурузу, каучук и уголь приходилось 70% – 80% экспортной выручки.

Следовательно можно сказать, что перед Второй мировой войной вьетнамский экспорт потерял свой

¹ По азиатским стандартам 1937 г. средний рацион одного человека должен был составлять 337 кг риса в год.

монокультурный характер, которым он отличался в двадцатые годы.

Вьетнамский импорт на 60% состоял из промышленных изделий и товаров широкого потребления, из которых 20% составляли ткани. Консервы, вина, фрукты и другие продукты, потреблявшиеся в основном французами и имущими слоями местного населения, составляли более 12% импорта. Наконец, около 24% импорта приходилось на оборудование и сырьё для промышленных предприятий.

При такой структуре 54% общего оборота экспортно-импортных операций приходилось к 1940 г. на Францию и её колонии. Особо показателен экспорт риса, которого в то время вывозилось в метрополию и её колониальные владения около 70%, а в страны Азии – 26%, против 70% и 17% в двадцатые годы соответственно. Интересно, что при провозглашённом французскими властями принципе свободной торговли в рамках своей колониальной империи такие вьетнамские товары, как сахар, чай и кофе, облагались пошлинами. Также уменьшилась и стоимость товаров вьетнамского экспорта, о чём свидетельствует тот факт, что в конце тридцатых годов за каждый кг проданного каучука Вьетнам мог приобрести на 68% меньше тканей, чем в конце предыдущего десятилетия.

В числе других внешнеторговых партнёров Вьетнама можно назвать Китай, Японию, Индию и США, торговля с которыми всячески ограничивалась высокими таможенными пошлинами.

Ранее уже говорилось как о таможенных спорах между французскими властями и китайскими экспортёрами риса, которые были урегулированы лишь к концу тридцатых годов, так и о вьетнамо-индийских торговых отношениях.

Как и прежде, Вьетнам закупал дешёвый текстиль на фабриках Бомбея и Калькутты, а большая часть текстильных магазинов в Ханое, Хайфоне и Сайгоне и других вьетнамских городах принадлежала индусам.

В то время промышленность Японии крайне нуждалась в получении вьетнамского сырья в обмен на свои товары, которые традиционно облагались самыми высокими

таможенными пошлинами. И хотя в конце тридцатых годов французские власти ввели для Японии режим наибольшего благоприятствования, пошлины на многие японские товары так и не были снижены.

В тридцатые годы во Вьетнам начинают проникать и американские компании. Из США импортировались хлопок, текстильные изделия, электротехническое оборудование, сельскохозяйственные машины и нефтепродукты, главным образом бензин. Всего в стоимостном выражении импорт из США составил в 1939 г. 2,5 миллиона долларов. В то же время стоимость вьетнамского экспорта в США, который на 95% состоял из каучука, составила около 11 миллионов долларов¹.

Наконец, следует подчеркнуть, что в конце тридцатых годов сальдо вьетнамского торгового оборота, который вырос с 485 миллионов пиастров в 1938 г. до 600 миллионов пиастров в 1940 г., было положительным. Однако главную прибыль от такого положения вещей получал не Вьетнам, а занимавший монопольное положение в стране французский капитал. Вьетнамцы были вынуждены покупать французские товары на внутреннем рынке по ценам, которые были выше мировых в среднем на 15%, или примерно на 12 миллионов пиастров в год. При этом вьетнамский крестьянин получал лишь 13% от цены риса «фоб Марсель», тогда как 87% этой цены взимались в виде косвенных налогов и приходились на долю посредников и торгово-транспортных компаний [93.1, с.203; 661, с.38, 39; 1168, с.95; 1372, с.120; 1636.3, с.1; 1689.1, с.259, 260].

Подъем вьетнамской экономики в посткризисные годы сопровождался как реинвестициями части прибыли, так и новыми инвестициями, которые накануне Второй мировой войны составили 10 – 12 миллиардов франков. Примерно половина этой суммы была представлена государственными займами. Вторую её половину составляли частные инвестиции,

¹ В числе наиболее крупных компаний США на вьетнамском рынке того времени можно назвать «Schell», «Standard vacuum oil» и «Texas oil».

97% которых были французскими и около 1% – японскими¹. В то же время часть полученной прибыли вывозилась из страны. Так, в 1937 г. было вывезено 1,9 миллиарда франков, из которых 800 миллионов принадлежали разным торговым, промышленным и сельскохозяйственным компаниям. Часть этих средств инвестировалась в другие, главным образом африканские колонии Франции. Благодаря монопольному положению французские компании получали огромные прибыли, которые составляли в среднем 60% – 90% на вложенный капитал, при этом они могли достигать в ряде случаев 100% и даже 200%. Эксплуатация плантаций приносила около 400 миллионов франков в год, горнодобывающая промышленность – порядка 100 миллионов, наконец, прибыли Индокитайского банка и 10 крупнейших компаний составляли 175 и 72 миллиона франков в год соответственно. Всего же накануне войны из Вьетнама в метрополию был вывезен 1 миллиард франков¹⁶ [143, с.53 – 56; 615.1, с.182; 681, с.27; 799, с.43; 860, с.28 – 30; 1035, с.84; 1638.1; 1372, с.57].

Относительно крупные денежные средства выводились и в Китай благодаря китайским посредникам в торговле рисом, которых французам так и не удалось вытеснить, несмотря на все прилагавшиеся ими усилия. Поэтому к 1940 г. 80% риса по-прежнему экспортировались китайскими посредниками и торговцами, получавшими 28,6% его цены «сиф Марсель» и 33,6% – «фоб Сайгон» [844, с.14].

В то же время вьетнамская буржуазия по-прежнему не могла составить какой-либо конкуренции французским предпринимателям. К 1940 г. национальный капитал составлял в зависимости от сферы своего применения от 1% до 5% от общей суммы капиталовложений, а в акционерных обществах его доля равнялась 0,2%. В основном это были мелкие предприятия сферы мелкотоварного уклада. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в Кохинхине из 45 тысяч

¹ О распределении инвестиций по отраслям смотри вышеприведённую таблицу.

вьетнамских предприятий 40,5 тысяч платили патентный сбор в сумме от 2 до 10 и 5 – в сумме от 500 до 600 пиастров, тогда как из 870 европейских предприятий 75 платили его в сумме от 2 до 10 и 70 – в сумме от 1,2 тысяч до 6 тысяч пиастров. Численность же торгово-ремесленного населения, платившего патентный налог, оставалась близкой к уровню 1930 – 1931 гг. и составляла 130 – 140 тысяч человек.

Тем не менее $\frac{2}{3}$ крупной вьетнамской буржуазии не только смогли сохранить, но и укрепили свои позиции после кризиса. Так, продажа имущества банкротов в Ханое, Хайфоне и Сайгоне сократилась с 552 в 1934 – 1936 гг. до 33 случаев в 1939 г. В то же время кризис привёл к тому, что большая часть крупного национального капитала была представлена уже не товарно-подрядческой, а торгово-промышленной буржуазией. Следствием мирового кризиса также стало усиление позиций промышленников-северян и ослаблению позиций плантаторов-южан в её составе. Последнему способствовало расширение внутреннего рынка, которое было главным образом связано с развитием ткацкого производства. Так, к началу войны уже существовало около 100 хлопчаткацких мастерских, в которых находилось от 70% до 80% всех ручных ткацких станков. Правда, $\frac{3}{4}$ сырья ткачи получали от французских предприятий, что позволило им вынудить большую часть национальных предпринимателей сосредоточиться на торговых операциях. В шелкоткацком производстве, $\frac{2}{3}$ которого работало на импортном сырье, национальная буржуазия также в основном контролировала торгово-посреднические операции.

Исключение составляли смешанные компании, но французские буржуа неохотно шли на сотрудничество с вьетнамскими. Поэтому в 1936 – 1939 гг. было создано всего 5 таких компаний с капиталом в 160 тысяч пиастров. Укрепление позиций национальной промышленной буржуазии севера отмечается и в гончарном производстве, объём которого вырос с 1936 по 1938 г. в 2 раза, в сахароварении и других отраслях традиционного ремесла.

Немногочисленные крупные вьетнамские земельные собственники также восстановили своё подорванное кризисом

экономическое положение. Составляя перед войной 3% сельского населения страны, они владели 60% всех частных земель. На юге же, где деревенской полуфеодальной буржуазии принадлежало 44% земли, она представляла всего 0,4% общего числа жителей деревни. Этому способствовало как укрепившее положение контролируемых деревенской верхушкой кредитных кооперативов повышение курса пиастра, так и повышение спроса на внешнем рынке на кукурузу и масличные культуры [862, с.16, 17; 1005, с.322; 1342, с.133, 134; 1437, с.102, 103; 1621; 1622; 1634.1, с.14].

В то же время изменения в характере наёмного труда были более значимыми. Экономический рост сопровождался его дальнейшей интенсификацией, о чём косвенно может свидетельствовать рост количества несчастных случаев с 37,6 до 60,6 на 10 тысяч рабочих. Как известно, правительство Народного фронта 3-го февраля 1937 г. ввело в действие во Франции принятый 30-го декабря 1936 г. закон, который гарантировал фабричным рабочим минимум заработной платы, её выплату в денежной форме не реже одного раза в месяц, ограничение прав вербовщиков и отмену штрафов. Борьба вьетнамских рабочих за свои права привела к тому, что этот закон, известный под названием «Трудовая хартия», стал применяться и в колонии. Его реализация была поручена трудовым инспекциям, контролировавшим к концу 1937 г. во Вьетнаме 1,5 тысячи промышленных предприятий, на которых трудились 70 тысяч рабочих.

Помимо фабричных рабочих и торгово-ремесленных слоёв в состав городского населения входили и другие социальные группы, тяготевшие к мелкой буржуазии. К ним можно отнести чиновников, численность которых возросла с 22,6 тысяч в 1935/36 г. до 24,6 тысяч в 1939 г. В то время более заметен был количественный рост учащихся средних школ и колледжей, хотя их доля в общей массе учащихся упала и составляла всего 0,87% в 1939 г. против 1,4% в 1930 г. Удельный вес студенчества также снизился за тот же период с

0,15% до 0,125%^I. В целом численность городского населения составила по стране 8%, при этом в Южном Вьетнаме – около 14%. Следует отметить, что в посткризисное время уровень жизни городского населения продолжал падать. Ситуация усугублялась тем, что заработная плата служащих была заморожена, а у некоторых категорий чиновников она даже снижалась. Так, если принять индекс стоимости жизни среднего класса в 1925 г. за 100 пунктов, то в 1936 – 1938 гг. он повысился в Сайгоне на 17 и в Ханое на 31 пункт. Тем не менее, это падение уровня жизни было ниже, чем у городских рабочих [1005, с.322; 1286, 40; 1423, с.19; 1520, т.2, с.116; 1622, с.303; 1731.16, с.40].

Под юрисдикцию трудовых инспекций не попадали горняки из крестьян-отходников, рабочие тех мануфактур и ремесленных мастерских, где работало менее 10 человек, а также плантационные рабочие-кули^{II}. В результате наёмные рабочие мелких, особенно немеханизированных предприятий трудились по 14 – 15, а иногда и по 19 часов в сутки. Зачастую они не имели даже выходных дней, не говоря уже об отпусках. Вынужденные согласиться с введением гарантированного минимума заработной платы, крупные буржуа также всячески стремились уклониться от выполнения этого закона^{III}.

Особенно тяжёлым было положение безземельных крестьян, которые ничего не выиграли от повышения цен на сельскохозяйственные продукты в предвоенные годы. Составляя 61% населения страны и 85% населения юга, они являлись лишь потребителями продовольственных товаров, у которых уходило на их покупку 60% – 70% всех расходов. К тому же падали и их дополнительные заработки от временного

^I Всего во Вьетнаме насчитывалось 500 тысяч учащихся, из которых учеников средних школ и колледжей было 16 тысяч, а студентов ВУЗов – всего 500 – 600 человек.

^{II} Согласно официальным данным, рабочие-кули составляли около 1/3 всех наёмных рабочих, а горняки, набиравшиеся в основном из крестьян-отходников, – порядка 1/3 промышленных рабочих.

^{III} Например, в конце 1936 г. 38 крупных предпринимателей Сайгона – Тёлона договорились уволить всех рабочих с ежемесячной оплатой труда и нанимать только поденщиков

найма на работу, составлявшие на юге $\frac{1}{3}$ и в центре – $\frac{2}{3}$ годового дохода. На севере, где доля этих заработков была самой высокой, она снизилась до 6% – 14% годового дохода. При этом следует учитывать, что безземельные или малоземельные арендаторы составляли в Тонкине 24%, в Аннаме – 13% и в Кохинхине – 57% всего сельского населения, тогда как 6 тысяч крупных помещиков владели по 1 миллиону га пахотной земли, или 20% земельного фонда, а мелкие помещики контролировали примерно 50% земельных угодий страны. Положение усугублялось и крайней перенаселённостью плодородных земель низменностей Северного и Южного Вьетнама, где высокие урожаи не обеспечивали крестьянам обещанной генерал-губернатором Бревье «ежедневной чашки риса».

По своему социально-экономическому положению к крестьянским низам примыкали и деревенские ремесленники. В 1939 г. таких профессиональных ремесленников было уже не менее 127 тысяч, а вместе с теми, кто лишь время от времени занимался ремеслом и промыслами, их насчитывалось 200 – 300 тысяч человек, что составляло 1,2% населения страны, из которых $\frac{3}{4}$ приходилось на север. Деревенские ремесленники обычно нанимались на работу к местным предпринимателям, но их положение было значительно хуже, чем у промышленных рабочих. Так, работавшие в деревенских мастерских по 14 – 15 часов женщины и дети получали заработную плату, которая была в 3,5 раза меньше, чем у неквалифицированных работниц на фабрике.

В то же время рост цен способствовал увеличению доходов середняцких и зажиточных крестьянских хозяйств. Однако они росли медленнее, чем у других слоёв населения. Например, в 1938 г. среднегодовой доход крестьянина из середняцкого (зажиточного) хозяйства составлял 12 пиастров, при 36 пиастрах на душу населения по стране.

Если не считать крупных землевладельцев, от роста внешнего и внутреннего спроса на продукцию сельского хозяйства выиграла лишь деревенская верхушка, в первую очередь те её представители, которые находились на

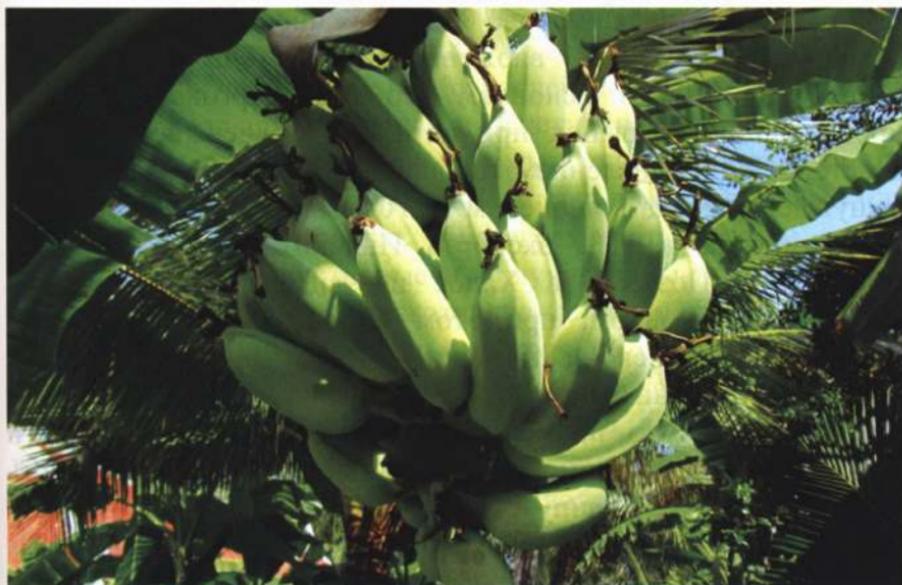
руководящих должностях в общинах. Укрепив и расширив благодаря сложившейся ситуации находившиеся под их контролем и объединявшие в 1939 г. порядка 100 тысяч человек кредитные кооперативы различных форм, они уже начинали требовать от колониальных властей предоставления большей самостоятельности в делах управления [662, с.163; 862, с.16, 17; 868, с.442; 1290, с.157; 1380, с.194, 197, 202, 203].

Б. Вьетнамская экономика в годы Второй мировой войны

Как отмечалось ранее, пришедшее 10-го июля 1940 г. к власти во Франции профашистское правительство Петена назначило генерал-губернатором Индокитая адмирала Деку¹, который ничего не мог, да и не желал противопоставить требованиям японских милитаристов. Поэтому, после ряда политических договоров и соглашений, 5-го мая 1941 г. было подписано пятилетнее франко-японское соглашение, которое гарантировало Японии наибольшее благоприятствование в Индокитае. По этому соглашению японские предприниматели допускались в ранее закрытые для иностранцев сферы экономической деятельности. Японцы получили право на концессии в горнодобывающей промышленности и сельском хозяйстве, планировалось создание смешанных франко-японских компаний с долей японского капитала до 50%, а колониальная администрация обязывалась экспортировать в Японию полезные ископаемые, сырьё и продовольствие в обмен на промышленные товары.

Таможенные пошлины на японские товары были снижены до минимального размера, при этом на десять видов товаров их вообще отменили. Номенклатура и количество экспортно-импортных товаров устанавливались ежегодными клиринговыми торговыми соглашениями, расчёты по которым должны были вестись через Индокитайский банк и Иокогама спешу банк.

¹ Смотри «Параграф 4» «Главы 2» «Части I» настоящего тома.

Овощная плантация и банановая пальма.
Провинция Тиензянг. 11.04.2011 г.

В результате с 1941 по 1945 г. Япония импортировала из Индокитая 3,6 миллиона т риса, 255 тысяч т кукурузы, 518 тысяч т каменного угля и 24 тысячи т оловянной руды, а также

железную руду, хром, анатиты, каучук и многие другие товары. Все они вывозились по ценам, которые были намного ниже цен мирового рынка, но даже при этом стоимость товаров японского экспорта в Индокитай их не покрывала. Эта диспропорция постоянно возрастала, а японские власти даже не думали выполнять банковское соглашение от июля 1941 г., по которому погашение сальдо по клирингу должно было осуществляться ежемесячно золотом или обмениваемой на него валютой. Наконец, 30-го декабря 1942 г. было подписано новое франко-японское банковское соглашение, согласно которому расчёты стали производиться в специальных иенах, которые не обменивались на золото. Это соглашение на самом деле лишь легализовало грабёж Японией индокитайского сырья и продовольствия [748, с.444; 798, с.201 – 205; 1705.2].

Следует отметить, что в годы войны в Индокитае значительно возросла доля японских инвестиций. Так, если в 1940 г. они составляли около 0,6% всех иностранных, главным образом французских, вложений, то к 1943 г. они уже равнялись 15%. В основном это был торговый капитал, проникавший на рынок при активной поддержке японских властей. Под их давлением колониальная администрация была вынуждена передать японским торговым фирмам контроль над 50% импорта и 15% экспорта Индокитая в стоимостном выражении. Поэтому в Ханое и Сайгоне были открыты филиалы этих фирм, при этом японцы начали создавать совместные японско-вьетнамские торговые предприятия. В меньшей степени японский капитал также проникал в горнодобывающую промышленность, сельское хозяйство и другие отрасли вьетнамской экономики. Тем не менее вплоть до марта 1945 г. французский капитал продолжал сохранять господствующее положение в экономике страны. Так, в 1943 г. 93,3% промышленных и торговых предприятий Вьетнама, которым принадлежало 74,6% всех капиталовложений, были либо французскими, либо смешанными¹⁷ [748, с.434, 435 – 449; 1421.1, с.70, 71; 1670.1, с.256].

Фактически речь идёт о переориентации вьетнамских экспортно-импортных отношений с Франции на Японию,

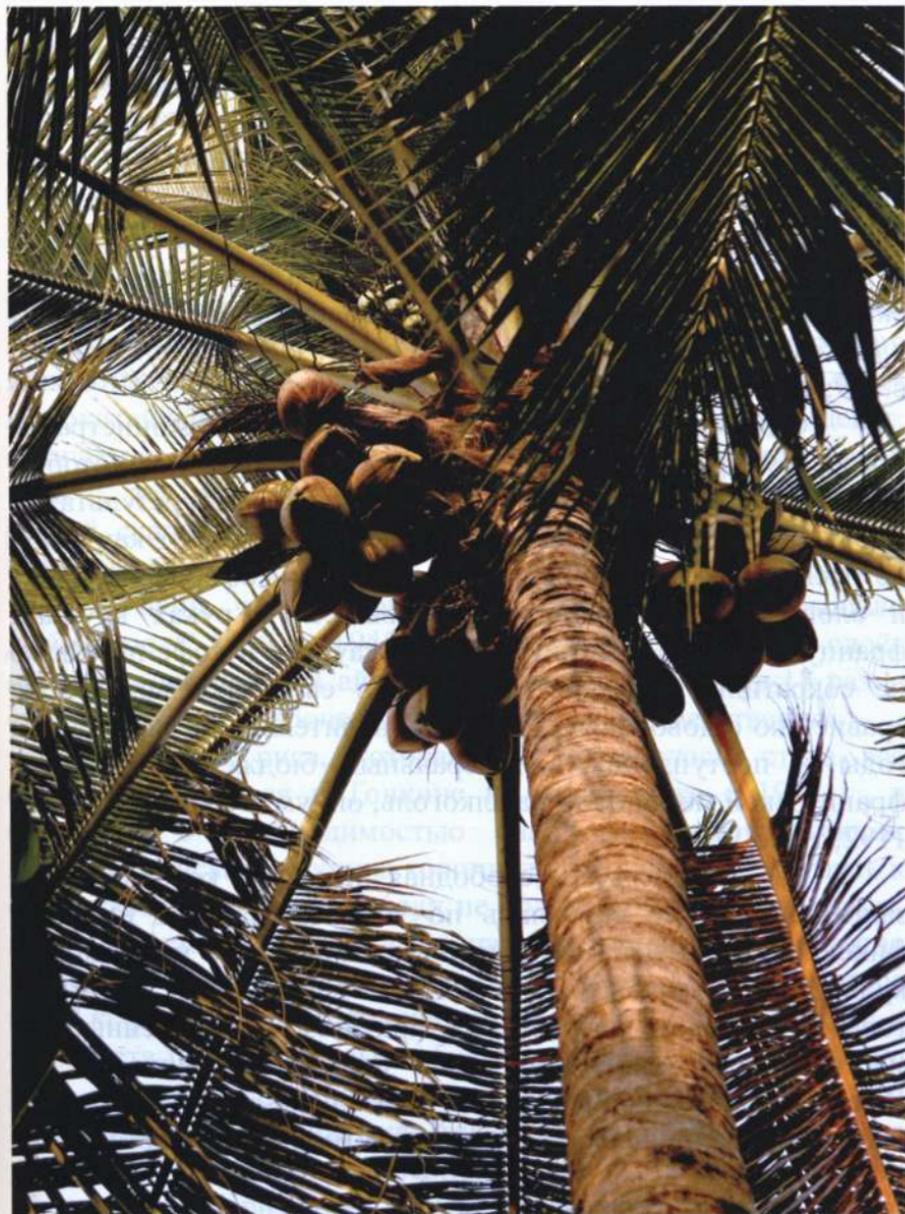
которые стали стремительно сокращаться с началом войны на Тихом океане. Причиной этого были как упадок японской текстильной промышленности, составлявшей основу её экспорта, так и катастрофическая нехватка у Японии торгового флота, большую часть которого уничтожила американская авиация в 1943 – 1944 гг. Если принять 1939 г. за 100%, то в 1942 г. вьетнамский импорт составил 11% и 2% в 1944 г., а экспорт – 30% в 1943 г. и 14% в 1944 г. Поэтому нет ничего удивительного, что во Вьетнаме возник и постоянно обострялся дефицит импортных товаров и сырья¹⁸. Особенно пострадала от этого текстильная промышленность, большая часть которой, как известно, работала на импортном сырье. Производство также работавшего на импортном сырье хайфонского цементного завода сократилось с 278 тысяч т в 1940 г. до 49 тысяч т в 1943 г. В связи с сокращением экспорта добыча угля в Хонгае уменьшилась в 5 раз. Постоянно снижались объёмы добычи олова, цинковой руды и других полезных ископаемых [1192, т.8, с.162; 1520, т.3, с.119, 120].

Упадок таких ведущих отраслей промышленности, как горнодобывающая, цементная и текстильная, привёл к росту безработицы и сокращению промышленного пролетариата. Многие фабричные рабочие становились ремесленниками или возвращались в деревню. Одновременно с этим стали возникать мелкие кустарные и полукустарные производства, на которых пытались изготавливать аналоги импортных товаров. Так были построены мастерские по плавке олова и цинка, маломощная доменная печь и несколько небольших прокатных станов. Из клещевины, кокоса, арахиса и рыбьего жира делались низкокачественные смазочные материалы. Было организовано кустарное производство карбида кальция для автогенной сварки, содового карбоната для мыловаренной промышленности, поташа, глицерина, хинина и других химикатов. Некоторое развитие получила и обработка каучука, позволившая производить шины, обувь, плащи и иные изделия из резины. Острый дефицит бензина пытались возместить увеличением производства технического спирта, которое возросло с 49 тысяч г/л в 1939 г. до 177 тысяч г/л в 1944 г.

Особо следует сказать о транспорте, который с первых же дней войны стал одной из острейших проблем Индокитая. Так, из-за дефицита бензина было парализовано не менее 60% автотранспорта. Контролировавшиеся японцами железные дороги использовались в основном для перевозки войск и боеприпасов, к тому же в 1944 г. авиация США вывела из строя несколько участков главной магистрали «Север – Юг». Морские каботажные перевозки также были прерваны, поскольку в 1942 г. японцы захватили все обеспечивавшие их французские транспортные суда. Результатом этого стала полная дезорганизация внутреннего рынка. Так, на север, где нехватка риса оценивалась приблизительно в 461 тысячу т, в 1941 г. доставили из Кохинхины 185,6 тысячи т, а в 1944 г. – всего 6,8 тысячи т. В то же время на юге, где цена риса упала ниже себестоимости, его сжигали в печах вместо угля, которого катастрофически не хватало [798, с.230; 814, с.51; 1192, т.8, с.123].

В сложившихся условиях тотального дефицита перед колониальной администрацией стояла двойная задача. Во-первых, требовалось удовлетворять экономические запросы японских оккупантов и, во-вторых, было необходимо защитить интересы французского капитала. В сочетании с одним из главных принципов теории «Национальной революции» маршала Петена о «координируемой и контролируемой экономике» генерал-губернатор Деку в полной мере применил в Индокитае упоминавшийся ранее принцип «управляемой экономики». Для этого на основании декрета правительства Виши от 12-го декабря 1941 г. о введении в метрополии и колониях отраслевых корпораций в Индокитае было создано шесть таких корпораций, которыми руководили представители французских фирм, доминировавших в той или иной отрасли экономики. Для определения экономической политики при генерал-губернаторе был учреждён экономический совет, состоявший из руководителей шести отраслевых корпораций и назначенных в каждую из них правительственных комиссаров. Через этот механизм колониальная администрация установила жёсткий контроль над импортом, в первую очередь – над

дефицитным импортным сырьём, а также над некоторыми видами местного сырья, которое в первую очередь поступало в распоряжение французских предприятий.

Кокосовая пальма. Провинция Тиензянг. 11.04.2011 г.

С целью решения проблемы дефицита сырья для текстильной промышленности и производства смазочных материалов французские власти ввели систему принудительных посадок хлопка, джута, конопли, клецвины, арахиса и других масличных культур за счёт сокращения площадей под рисом и второстепенными продовольственными культурами. Весь урожай с этих посадок подлежал обязательной продаже колониальной администрации по её же установленным ценам. Но хотя к 1944 г. занятые хлопком, джутом и коноплей площади выросли по сравнению с 1938 г. в 8 раз, а под масличными культурами – в 2,5 раза, это мало сказалось на дефиците сырья. К примеру, в 1944 г. дефицит хлопка составил 16,8 тысяч т¹ [873, с.108; 1192, т.8, с.130; 1342, с.139; 1634.2, с.12].

Одновременно с этим колониальная администрация скупала у производителей экспортную продукцию, которую рассчитывала реализовать по окончании войны. В результате к марту 1945 г. на её складах находилось 160 тысяч т каучука и 50 тысяч т чая, а также большое количество кофе, перца, цинка и олова. Соответственно, находившиеся в руках крупных французских монополий плантации каучука и кофе не только не сократили, а намного увеличили своё производство по сравнению с довоенным уровнем. Значительно возросли в эти годы и поступления в генеральный бюджет колонии от французской монополии на алкоголь, опиум и соль [748, с.449; 1192, т.8, с.171].

Рис и кукуруза, свободная продажа которых была запрещена, также скупались по устанавливаемым властями фиксированным ценам специальным комитетом по злаковым культурам. В городах были введены карточки на рис и ряд товаров массового потребления, при этом установленные для местного населения нормы были значительно ниже тех, по которым снабжались французы. Указанный запрет свободной продажи риса принёс большие потери миллионам вьетнамских

¹ Это следует из того, что если до 1940 г. импорт хлопка в Индокитай достигал 23 тысяч т, то в 1944 г. его собрали лишь 6,2 тысячи т.

сельских производителей, включая помещиков, тогда как национальная промышленная буржуазия так и не смогла воспользоваться сокращением импорта товаров для развития собственного производства, поскольку почти всё сырьё передавалось французским предприятиям. Поэтому в 1943 г. на долю национального капитала приходилось лишь 0,2% от общей суммы капиталовложений в экономику Вьетнама.

Политика «управляемой экономики» также позволяла аккумулировать крупные средства для передачи их японцам в качестве оккупационных расходов, которые составили в 1941 – 1945 гг. 723,8 тысячи пиастров. Кроме того, японцы получили право использовать принудительный труд вьетнамского населения на различных строительных работах. Для покрытия всех этих расходов французские власти осуществили через Индокитайский банк большую эмиссию бумажных денег, количество которых возросло с 170,1 миллиона пиастров в 1938 г. до 1,6 миллиарда в 1945 г. Следствием этого стал резкий скачок инфляции. Так, официальные цены на рис в Тонкине выросли в 4 – 5 раз, а цена ткани и мыла – в 3 раза. В 1945 г. цены чёрного рынка в 70 – 80 раз превышали довоенные. С 1939 по 1945 г. стоимость жизни средних слоёв населения выросла в Сайгоне в 4,2 раза и в Ханое в 18 раз, а стоимость жизни рабочего – в 4,6 и 25 раз соответственно.

Нехватка риса, которая, как отмечалось, стала всё сильнее ощущаться в Тонкине и Аннаме уже с 1942 г., в сочетании с необходимостью снабжать продовольствием японские войска, вынудила колониальные власти прибегнуть к его реквизиции. Они разоряли не только крестьянские дворы, но и хозяйства мелких и даже средних помещиков. Согласно нормам 1943 г., с хозяйств площадью менее 1,8 га взималось по 20 кг риса с 3600 м², площадью от 1,8 до 3,6 га – по 70 кг, а у хозяйств площадью свыше 5,4 га изымались все «излишки» риса. За центнер реквизированного риса производителям платили всего 14,5 пиастров, тогда как его официальная цена равнялась 31 пиастру, а на чёрном рынке за 100 кг риса давали 57 пиастров. При этом нормы реквизиции риса ежегодно повышались. Реквизиции не прекратились, даже когда в

Тонкине из-за ливней и наводнений 1943 – 1945 гг. прорвало дамбы и большая часть урожая погибла. В результате этой грабительской и преступной политики весной 1945 г. в Тонкине и северных провинциях Аннама разразился страшный голод, от которого, как считается, погибло около 2 миллионов человек [93; 748, с.446; 1192, т.8, с.171, 184 – 186; 1520, т.3, с.122 – 124; 1634.2, с.11, 12].

Таким образом, к концу Второй мировой войны вьетнамская экономика оказалась на грани краха, а страна была почти полностью разорена.

В. Экономика ДРВ в 1945 – 1954 гг.

Провозглашение Демократической Республики Вьетнам 16-го августа 1945 г. явилось важнейшим политическим актом, который символизировал восстановление независимости вьетнамского государства. Однако отказ Франции признать этот факт и последовавшая Война сопротивления фактически привели к тому, что правительство ДРВ так и не смогло приступить в полной мере к осуществлению своей программы экономических преобразований страны вплоть до заключения Женевских соглашений 1954 г. Поэтому если период с 1945 по 1954 г. это время становления, укрепления и развития нового вьетнамского демократического государства в условиях войны¹, то состояние экономики страны в то время мало чем отличалось от её состояния в 1940 – 1945 гг. Без учёта этой специфики 1-го десятилетия существования ДРВ практически невозможно понять суть социально-экономических процессов, протекавших во вьетнамском обществе того времени.

Безусловно, пришедшие к власти во главе с Хо Ши Мином вьетнамские коммунисты отдавали себе отчёт в том, что речь идёт о решении задач буржуазно-демократической революции в условиях как минимум на 80% сельского, во многом полуфеодального общества. Этот вывод следует как из экономической программы лиги Лиенвьет, так и из первой

¹ Смотри «Параграф 4.4» «Главы 2», а также «Параграф 1» и «Параграф 2» «Главы 3» «Части I» настоящего тома.

«Конституции ДРВ», в которой подчёркивалось, что «право частной собственности граждан Вьетнама гарантируется законом» [26, с.19].

Уже в сентябре – октябре 1945 г. правительство ДРВ отменило подушный налог, на 20% снизило поземельный налог, отменив его при этом для пострадавших от стихийных бедствий районов, и отменило дополнительные платежи, которыми облагались национальные промышленники и торговцы при уплате подоходного налога. Затем, 20 ноября, было опубликовано постановление правительства ДРВ, обязывавшее землевладельцев снизить арендную плату на 25%, приостановить расчёты по задолженностям и отменить все взимавшиеся с арендаторов дополнительные платежи.

Правительство ДРВ также опубликовало ряд декретов и постановлений, которыми устанавливались порядок выплаты зарплаты и пособий, условия заключения коллективных договоров, порядок профессионального обучения рабочих, право рабочих на создание профсоюзов и на проведение забастовок на частных предприятиях, а также право на участие в государственном управлении. Постановлениями от 30-го октября 1945 г. и 30-го мая 1946 г. была отменена французская монополия на добычу полезных ископаемых, а 11-го сентября 1946 г. было создано отвечающее за их добычу специальное государственное управление ДРВ. Французское таможенное законодательство также было отменено, при этом взявшее в свои руки контроль за внешней торговлей государство запретило экспорт продовольствия и металлических изделий в связи с тяжелейшим экономическим положением в стране.

Одновременно с этим правительство ДРВ предприняло ряд мер, направленных на восстановление национального торгового и промышленного капитала. Так, были созданы ассоциация вьетнамских торговцев и торговая палата ДРВ, а в октябре 1945 г. – государственное управление торговли. Также было решено восстановить заброшенные французские и японские предприятия и горнорудные разработки. С этой целью правительство ДРВ опубликовало специальное обращение, призывавшее национальных предпринимателей

инвестировать в промышленность и создавать акционерные общества. В первую очередь речь шла об угольных шахтах Хонгая, Тхайнгуена и Ниньбиня, оловянном руднике Каобанга, депо в Вине, бумажных фабриках в Дапкоу и Тхайнгуене, а также ряде других предприятий. На них устанавливался рабочий контроль, который должен был обеспечить соблюдение трудового законодательства.

Многие французские предприниматели тоже получили возможность продолжать своё дело при соблюдении трудового законодательства ДРВ в условиях рабочего контроля. В то время французам принадлежали электростанции, городские водонасосные станции, угольные копи Хонгая – Камфа, цементный комбинат в Намдине, ремонтно-технические мастерские в Ханое и Хайфоне, а также ряд других крупных предприятий. Однако большинство французских капиталистов не шли на сотрудничество с новой властью. Поэтому на их предприятиях организовывались забастовки, при этом рабочие других предприятий оказывали поддержку бастующим, представители которых пытались путём переговоров с администрацией урегулировать спорные проблемы.

Крайне тяжёлым оставалось и финансовое положение ДРВ, внутренний долг которой составлял 564,6 миллиона пиастров, а главный финансовый инструмент государства – Индокитайский банк – находился под контролем французов. Продолжая широкую эмиссию бумажных денег, банк сознательно усиливал инфляцию и хаос в денежной сфере. Положение усугублялось и тем, что награбившие крупные суммы в индокитайских пиастрах гоминьдановцы наводнили Вьетнам своими обесцененными деньгами. Наконец, 23-го октября 1945 г. Индокитайский банк отказался авансировать деятельность казначейства министерства финансов ДРВ. Такая финансово-экономическая ситуация вынудила власти ДРВ принять на себя 14-сентября 1946 г. при подписании «Модуса вивенди» в Фонтенбло¹ обязательство не национализировать французское имущество и предприятия. По существу, этим

¹ Смотри «Параграф 1.2» «Главы 3» «Части I» настоящего тома.

закреплялась валютная и таможенная зависимость Вьетнама от Франции, тем более что после отмены правительством ДРВ целого ряда налогов источники пополнения бюджета страны были почти сведены к нулю. Поэтому во Вьетнаме в 1945 – 1946 гг. были созданы фонды независимости и обороны, в которые граждане ДРВ делали добровольные взносы. Через них в бюджет поступило 120 миллионов пиастров и 270 кг золота. Кроме того, 31-го января на юге и в августе 1946 г. на севере Центрального Вьетнама начали выпускаться первые денежные знаки ДРВ – донги, а 23-го ноября II сессия Национального собрания ДРВ приняла постановление о вводе в обращение донга на территории всей страны.

Наконец, необходимо отметить, что правительство ДРВ предприняло самые решительные меры для борьбы с голодом. С ними связано, пожалуй, единственное постановление репрессивного характера того времени, согласно которому спекулянтов продовольственными товарами на чёрном рынке должны были судить по законам военного времени. Большое значение также имел декрет о принудительной передаче всех необрабатываемых частных полей сроком на полгода безземельным крестьянам, которые имели право оставить себе весь полученный ими урожай. Тогда же были восстановлены и укреплены дамбы общей протяжённостью в 661 км, а к середине августа 1946 г. были восстановлены 32 км железнодорожных путей и 15 из 18 разрушенных мостов. В результате огромных усилий в Северном Вьетнаме в 1946 г. было собрано 1975 тысяч т риса и 617 тысяч т кукурузы, батата и маниоки, тогда как в 1940 – 1944 гг. их среднегодовой урожай этих культур составил 2226,6 тысячи т и 254,4 тысячи т соответственно. Сопоставление этих цифр показывает, что за первый год своей деятельности правительству ДРВ в целом удалось справиться со спровоцированным французской колониальной администрацией и японскими оккупационными властями голодом [1285.1, с.6 – 9].

К сожалению, большая часть принятых в 1945 – 1946 гг. решений правительства ДРВ так и не была реализована из-за начала Войны сопротивления против Франции, перешедшей к

военным действиям для восстановления своего колониального господства во Вьетнаме.

Как отмечалось ранее, самоотверженно сражаясь с превосходящими силами французской армии, вьетнамские патриоты сохраняли на протяжении одного – трёх месяцев контроль над рядом ключевых городов, что позволило им вывести в остававшиеся под их властью горные районы продовольствие, боеприпасы и оборудование. Тем не менее, в первые два года Войны сопротивления говорить о каких-либо экономических подвижках не приходится. Более того, в то время во вьетнамском обществе сложилась достаточно специфическая ситуация, поскольку большая часть промышленной буржуазии и крупных землевладельцев примкнула к французам, а многие представители средней и особенно мелкой городской и сельской буржуазии вместе с наёмными рабочими и крестьянством в основном поддержали народно-демократическую власть. Наконец, необходимо подчеркнуть, что в условиях тотального наступления французских войск правительство ДРВ было вынуждено уделять внимание исключительно военным проблемам. Лишь по завершении первого этапа Войны сопротивления оно смогло приступить к решению вопросов, связанных с предстоящей реорганизацией страны¹. Все эти факторы во многом предопределили мелкотоварный и полупеодальный характер экономики ДРВ в 1946 – 1954 гг.

В числе первых мероприятий правительства ДРВ следует отметить следующие. В феврале 1947 г. было создано управление производственного кредита и в мае того же года был введён в оборот утверждённый ещё в ноябре 1946 г. в качестве единой национальной валюты донг. 12-го марта правительство ДРВ опубликовало декрет, который регулировал отношения между частными предпринимателями и трудящимися на основании трудового законодательства, принятого в ноябре 1946 г. II сессией Национального собрания. В декрете детально формулировались принципы

¹ См. «Параграф 2.1» «Главы 3» «Части I» настоящего тома.

составления коллективных договоров, которыми определялись условия труда. Так, рабочий день не мог превышать 48 часов в неделю, а в горнодобывающей промышленности – 45 часов. Заработная плата не могла быть ниже установленного государством минимума. За одну и ту же работу женщины и дети должны были получать одинаковую с мужчинами зарплату. Рабочие и служащие получали право на еженедельные выходные, на оплачиваемые выходные в праздничные дни и на ежегодный оплачиваемый отпуск. На производстве был запрещён труд детей моложе 12 лет, запрещался женский и детский труд в ночное время, а также запрещался принудительный труд, за исключением особых случаев привлечения к труду в обязательном порядке по распоряжению правительства.

Предпринятые правительством ДРВ усилия привели к тому, что в 1947 г. в ряде освобождённых районов возникли первые группы трудовой взаимопомощи, в основу которых были положены традиционные формы общинного труда. Затем, в соответствии с декретом президента ДРВ от 1-го июля 1949 г., были конфискованы земли и имущество вьетнамцев, перешедших на сторону французов. Часть этих земель была передана во временное пользование крестьянам-беднякам.

12-го апреля 1953 г. был опубликован декрет о конфискации и передаче на правах личной собственности безземельным и малоземельным крестьянам земли, буйволов, волов и другого имущества, принадлежавшего французским колонизаторам. Наконец, согласно постановлению премьер-министра ДРВ от 20-го апреля 1953 г., конфискации также подлежали земли и имущество американских, английских и иных иностранных колонизаторов или граждан, выступавших на стороне французов против ДРВ.

В этот период серьёзное внимание уделялось строительству небольших оросительных сооружений, что объясняется относительно ограниченными посевными площадями в освобождённых районах. На начало 1950 г. во вьетнамской деревне уже насчитывалось 27,2 тысяч групп трудовой взаимопомощи и 1,6 тысячи сельскохозяйственных

кооперативов, а в мае 1951 г. был введён единый дифференцированный сельскохозяйственный налог, который фиксировался заранее и взимался рисом [1286, с.158]. Льготы по этому налогу предоставлялись безземельным крестьянам и семьям погибших военнослужащих. Наконец, 20-го мая 1950 г. был опубликован декрет, направленный против процветавшего в деревне ростовщичества. Согласно декрету проценты по денежным долгам не могли превышать 18% годовых, или 1,5% в месяц, а по натуральным – 20% годовых, или 10% за сезон. При этом был аннулирован ряд долгов, в том числе лицам, осуждённым за причинение ущерба национальной экономике.

Благодаря такой аграрной политике властей крестьяне были заинтересованы в увеличении продукции, а поступления в государственный бюджет не зависели от покупательной способности донга. Вследствие этого урожай риса в 1950 и 1953 г. составил в освобождённых районах Вьетнама¹ 2,42 и 2,76 миллионов т соответственно, а урожай кукурузы, батата и маниоки вырос с 280 тысяч т в 1945 г. до 650 тысяч т. в 1953 г. [1286, с.174, 176]

4-го декабря 1953 г. на III сессии Национального собрания ДРВ был принят закон об аграрной реформе. Помимо всех указанных форм конфискации он определял нормы обязательного выкупа земли, рабочего скота и инвентаря как у принимавших участие в Войне сопротивления на стороне ДРВ, так и у не совершивших преступлений помещиков. Цена подлежащей продаже в принудительном порядке земли исчислялась на основе средней стоимости получаемой с неё продукции, а цена сельскохозяйственного инвентаря и скота – на основе средней цены местных рынков. Принудительный выкуп оплачивался приносящими 1,5% годовой прибыли государственными бонами, которые государство обязалось выкупить через десять лет. Уже к концу

¹ Данные приводятся без учёта произведённого в 5-ой зоне и в Южном Вьетнаме риса. Как известно, правительство ДРВ разделило территорию страны на 14 военных зон по их оперативно-тактическим характеристикам. См. также «Параграф 2.1» «Главы 3» «Части I» настоящего тома.

1-ой половины 1954 г. аграрная реформа уже охватила районы Северного Вьетнама с населением в 120 тысяч человек.

Приблизительно в те же годы в освобождённых районах начинает возрождаться и промышленное производство. Понятно, что предприятия приходилось создавать в джунглях и труднодоступных горных, при этом рабочие были вынуждены их защищать от воздушных налётов и нападений противника. Лёгкая промышленность была представлена в основном мелкими и кустарными предприятиями. В 1950 г. ими было произведено во Вьетбаке 511 тысяч, в 3-ей и 4-ой зонах – 22 миллиона и в 5-ой зоне – 8 миллионов м ткани, а в 1954 г. – уже 711 тысяч, 24 миллиона и 10 миллионов м ткани соответственно. На местных предприятиях производились и имевшие огромное значение сельскохозяйственные орудия. Так, в 1949 г. только в одной провинции Тхайбинь было изготовлено 72 тысячи плужных лемехов. Мелкие и кустарные предприятия ежегодно давали по 10 – 15 тысяч т бумаги. Помимо указанной продукции они также производили все другие потребительские товары, в том числе сахар, соль, рыбный соус, кожу, мыло, спички и посуду [1286, 28].

К 1949 г. уже было налажено производство вооружения, боеприпасов, кислот, удобрений и других промышленных товаров, а декретом от 10-го января 1950 г. все полезные ископаемые Вьетнама были объявлены собственностью государства. В провинциях Тхайнгуен, Туенкуанг, Ниньбинь Бакзянг и Нгеан была налажена добыча угля кустарным способом, которого, по неполным данным, было получено в 1946 – 1950 гг. 20 тысяч т. С 1947 по 1952 г. добыча олова в Каобанге выросла с 20 до 29,5 т, с 1950 по 1952 г. на руднике в Бакшоне его добыли 43 т, а с 1946 по 1950 г. на руднике Танчао в Туенкуанге было получено 800 кг сурьмы. Также было налажено производство чугуна на каменном угле в небольших полукустарных доменных печах, первая плавка которого произошла в местечке Нюсуан провинции Тханьхоа в 1949 г. [1286, с.28, 203]. Все эти находившиеся в ведении министерства обороны ДРВ предприятия помимо продукции

военного назначения занимались и производством инструментов и удобрений для сельского хозяйства.

Снабжение освобождённых районов также требовало развития торговли, в том числе с подконтрольными французам территориями страны. Внутренняя торговля, особенно в первые годы Войны сопротивления, в основном велась частными торговцами, с 1948 г. постепенно распространилась и на оккупированные территории, что было связано с расширением занятых французскими колонизаторами сельских районов. В 1951 г. министерство экономики было преобразовано в министерство промышленности и торговли, декретом от 14-го мая того же года было создано управление государственной торговли. В результате с 1952 по 1954 г. объём его закупок увеличился в 3 раза, а продаж – в 3,5 раза, что привело к выравниваю цен в различных районах страны. Так, с декабря 1952 по декабрь 1953 г. во Вьетбаке цена на рис уменьшилась на 35%, на соль – на 55% и на ткани – на 30%. К концу Войны сопротивления в 1954 г. освобождённые районы поставили на временно оккупированные территории 30 тысяч голов крупного рогатого скота, около 1 тысячи голов мелкого рогатого скота, более 3 миллионов стволов бамбука, более 10 тысяч т фруктов, порядка 1 тысячи т чая, свыше 1 тысячи т красящих клубней, примерно 100 т лака и другие товары [1332, с.39; 1419, с.55, 77].

В то же время народно-демократическая власть стремилась сохранить под своим контролем внешнеторговые операции. Так, уже 1-го июля 1947 г. правительство ДРВ приняло постановление о взимании экспортно-импортных пошлин в зависимости от потребностей в том или ином товаре. При этом, поскольку Хайфон, Сайгон и другие крупные порты страны находились в руках французов, для внешней торговли использовались небольшие порты и гавани Южного Вьетнама. В 1951 г. был создан комитет экономической борьбы с врагом для руководства государственными экспортно-импортными организациями, таможенными органами и валютными операциями. С того же года возобновились регулярные

торговые связи с КНР¹, которые имели особое значение для ДРВ. Не говоря уже о традиционной приграничной торговле, Китай являлся единственным транзитным путём, через который во Вьетнам поступала военная и экономическая помощь из стран социалистического лагеря. В результате в феврале 1952 г. было подписано первое официальное торговое соглашение между ДРВ и КНР.

Не меньшее значение для торговых операций имел и транспорт, который находился в катастрофическом состоянии. За годы Второй мировой войны и Войны сопротивления из построенных в колониальную эпоху 21 тысячи км шоссейных дорог было разрушено 10,7 тысячи км, а из 2569 км железных дорог – 1540 км [1286, с.210]. Поначалу государственные организации широко использовали для перевозки грузов сохранившийся частный транспорт, велосипедистов и носильщиков. Затем благодаря помощи социалистических стран государственный автотранспорт постепенно стал играть в перевозках грузов всё более значимую роль.

В результате, если в 1951 г. на долю государственных организаций приходилось лишь 6% экспорта, то в 1952 г. она уже составляла 25%, а в 1954 г. – 42,4% [1286, с.38].

Правительство ДРВ также продолжало политику укрепления единой государственной валюты – донга, который, как уже говорилось, был выпущен в оборот в мае 1947 г. В то время в стране имели хождение как индокитайские пиастры вместе с медными и цинковыми деньгами императоров династии Нгуен, так и деньги, выпускавшиеся зональными и провинциальными властями ДРВ. Отмечались даже случаи хождения денежных знаков ДРВ в оккупированных французами районах. Поэтому с мая 1951 по конец 1953 г. была проведена ревальвация донга в соотношении 1 : 10, при этом в обращение были выпущены банкноты достоинством в 10, 20, 50, 100, 200, 500 и 1000, а затем – в 5000 донгов. Кроме них лишь в 5-ой зоне ещё какое-то время оставались в

¹ 1-го октября 1949 г. было провозглашено создание Китайской Народной Республики, власти которой стали оказывать правительству ДРВ всё более возрастающую помощь.

обращении выпущенные местным комитетом сопротивления деньги. По мере укрепления донга возрастало и значение управления производственного кредита, функции которого были переданы в мае 1951 г. Национальному банку.

В 1949 – 1950 гг. государственный бюджет пополнялся за счёт средств фонда участия в Войне сопротивления, общественного продовольственного фонда и распространения займов среди населения. В те годы бюджет был остро дефицитным. В 1946 г. его доходы покрывали расходы на 29,1%, в 1947 г. – на 27,5%, в 1948 г. – на 21,1%, в 1949 г. – 18,5% и в 1950 г. – на 23,4%. В 1951 – 1954 гг. разрыв между доходной и расходной частями государственного бюджета значительно сократился. При этом формирование первой уже на 70% – 80% происходило за счёт сельскохозяйственного налога, а от 60% до 70% второй уходило на военные нужды. Исключением стал лишь 1953 г., когда благодаря хорошему урожаю доходы превысили расходы на 16,7% [1286, с.19, 37].

Таким образом, реальные изменения в экономике подконтрольных народно-демократической власти районов стали происходить лишь с началом третьего этапа Войны сопротивления, то есть, когда участь французских колонизаторов была уже во многом предрешена, а власти ДРВ контролировали ситуацию в стране¹.

Наконец, если говорить о крупных городах и портах, низменностях Северного и Южного Вьетнама и ряде районов с залежами полезных ископаемых, находившихся под контролем французских властей, то там структура экономики ничем не отличалась от той, которая существовала в колониальную эпоху. Как и прежде, она находилась под контролем крупного французского капитала.

В то же время сельское хозяйство и промышленное производство в оккупированных французами районах по большинству показателей составило в среднем 10% – 50% от их объёма в 1938 – 1939 гг. Так, в 1938 г. кукурузы собрали 214 тысяч т, кофе – 2,5 тысячи т и чая – 10,9 тысячи т, а в

¹ Смотри «Параграф 2.3» «Главы 3» «Части I» настоящего тома.

следующем 1953 г. – 20,6 тысячи т, 1,2 тысячи т и 2,2 тысячи т соответственно. В 1944 г. риса собрали 7 миллионов т против 2,5 миллионов т 1953 г., при этом за тот же период поголовье буйволов уменьшилось с 1,4 миллиона до 258 тысяч голов.

Здания ратуши и почты (проект Жана Эйффеля).
Сайгон. 13.04.2011 г.

Не лучше обстояли дела и в промышленности. Если в 1939 г. добыча угля составляла 2,6 миллиона т и соли 208 тысяч т, а производство белого и красного сахара – 18 и 36 тысяч т, то в 1953 г. эти показатели снизились до 887 тысяч т, 106,8 тысяч т, 326 т и 2,9 тысяч т. Исключением являлось лишь производство каучука¹⁹, которое выросло с 52 тысяч т. в 1944 г. до 53,2 тысяч т в 1953 г. [1286, с.436, 439].

В 1954 г. доходная часть бюджета Государства Вьетнам¹ на 67,8% состояла из американской помощи и на 31% из налоговых поступлений. В расходной части бюджета того года 78,9% ассигнований были направлены на покрытие военных расходов, оставшиеся же средства в основном пошли на содержание административного аппарата. После того как Государство Вьетнам и США подписали 7-го сентября 1951 г. соглашение об экономическом сотрудничестве, американские корпорации значительно увеличили закупки вьетнамского каучука, каменного угля и стратегического сырья, а также начали скупать акции ряда французских компаний во Вьетнаме [1424, с.73]. Следует отметить, что до заключения Женевских соглашений США выделили правительству Нгуен Винь Тхюи в качестве помощи около 780 миллионов долларов.

Ситуация усугублялась падением реальной стоимости пиастра до 3 – 5 франков при его официальной стоимости 17 франков в декабре 1946 г. Разрыв между официальной и реальной стоимостью пиастра и франка привёл к резкому росту валютных махинаций, для сокращения которых 9-го мая 1953 г. стоимость пиастра была приравнена к 10 франкам.

Приведённые данные в сочетании со сведениями о доходах французских промышленных, сельскохозяйственных и торговых компаний, выросших с 2,5 миллиардов франков в 1948 г. до 11 миллиардов франков в 1951 г., свидетельствуют о росте уровня эксплуатации населения оккупированных территорий. Также следует отметить значительное снижение его уровня жизни из-за падения покупательной способности пиастра, которая в 1949 г. составила 38,6%, в мае 1951 г. – 33%

¹ Смотри «Параграф 2.2.2» «Главы 3» «Части I» настоящего тома.

и в 1953 г. – 22,5% по сравнению с 1946 г. [752, с.55, 56; 1286, с.425]. В результате многократно выросла стоимость жизни городского населения¹.

3. К вопросу о некоторых специфических особенностях структуры вьетнамского общества в 1893 – 1954 г.

На сегодняшний день не существует ни одного труда, посвящённого исследованию соотношения между новым и традиционным субстратами во вьетнамском обществе 1-ой половины XX в. Тем не менее представляется, что без обозначения хотя бы некоторых аспектов этой проблемы, суть описанных в настоящей главе событий экономической истории Вьетнама так и останется не до конца раскрытой.

Как уже отмечалось ранее в связи с формированием конфуцианской структуры государственного аппарата во Вьетнаме XIV – XIX вв., приблизительно с середины XVII в. надстройка стала всё больше тормозить поступательное развитие экономического базиса вьетнамского общества. Более того, в результате двух конфуцианских синтезов в общественном сознании этого культурного ареала в принципе не осталось ни одного идеологического учения, способного противостоять конфуцианству¹¹. Не исключено, что такую роль могло бы сыграть принесённое европейцами во Вьетнам в XVII в. христианство. Когда и как это могло произойти естественным путём, предположить сложно, но, как известно, слом консервативной конфуцианской надстройки произошёл во Вьетнаме в конце XIX – начале XX в. благодаря французскому колониальному завоеванию. В результате он был насильственно включён в систему формировавшегося мирового капиталистического рынка. В свою очередь это привело к достаточно специфическому развитию как товарно-денежных отношений, так и новых классов и социальных групп во вьетнамском обществе. При этом если суммировать

¹ Если принять индекс цен на потребительские товары в 1939 г. за 100, то к маю 1951 г. он вырос в Сайгоне до 4080, а в Ханое – до 10540 пунктов.

¹¹ Смотри «Главу 2» и «Главу 3» «Части III» «Том II», а также «Главу 2» и «Главу 3» «Части III» «Том III».

все имеющиеся данные, можно с уверенностью говорить о том, что и промышленно-торговая буржуазия, и рабочий класс, и жители городов, включая европейски образованную часть их населения, не говоря уже о сельских жителях, сохранили достаточно прочные связи с традиционной общиной. Именно поэтому во вьетнамском обществе 1-ой половины XX в. продолжал господствовать полуфеодальный менталитет, зиждившийся на системе традиционных семейно-общинных связей и соподчинений.

С точки зрения крестьян, деревенская и общинная верхушка занимала господствующее положение не благодаря своему экономическому благосостоянию, а благодаря должностям, иногда чисто формальным, которые занимали её представители. Поэтому деревенский староста или писарь, владевший частными землями и сдававший их в аренду, не может считаться кулаком. Точно так же им не может считаться и зажиточный крестьянин или мелкий помещик, социальное положение которого определяется местом его рода в той или иной общине. Если же говорить о крупных вьетнамских землевладельцах, прежде всего – плантаторах Южного Вьетнама, то, во-первых, их было крайне мало, и, во-вторых, они, хоть и в меньшей степени, также сохраняли связи с традиционной общиной. То же самое можно сказать и о жителях торгово-ремесленных слобод городских пригородов, которые по своей организации и системе взаимоотношений мало отличались от общин, не говоря уже о том, что происходившие из крестьян многие ремесленники и торговцы возвращались в родные деревни, когда в городах наступали трудные времена.

Материал настоящей главы также свидетельствует и о том, что большая часть вьетнамской торгово-промышленной буржуазии и наёмных рабочих сохраняла достаточно прочные связи с общиной. Представители первой в основном были владельцами небольших торговых предприятий, мастерских и цехов, которые обслуживали как городское, так и сельское население. Большинство же вторых была представлена плантационными рабочими-кули, крестьянами-отходниками и

арендаторами, то есть теми же крестьянами, имевшими ярко выраженный общинный менталитет. Из того же материала следует, что крупных вьетнамских промышленников было крайне мало, не говоря уже о представителях национальной буржуазии в банковском или финансовом капитале. Своего рода исключением являлись сельские кредитные кооперативы, но, во-первых, все они контролировались полуфеодальной деревенской верхушкой, и, во-вторых, их доля в финансовых операциях была крайне мала. В то же время промышленные рабочие в основном работали на французских предприятиях, то есть в абсолютно чуждой им по ментальности среде. Они также сохраняли связи с общиной, о чём свидетельствует тот факт, что многие из них вернулись в родные деревни в годы экономического кризиса и Второй мировой войны. Если же говорить о пролетариате в европейском понимании этого термина, то он представлял ничтожное меньшинство в общей численности вьетнамских наёмных рабочих.

Похожая ситуация сложилась и в среде вьетнамского образованного сословия, большая часть которого получала лишь начатки европейского образования в самом Вьетнаме. Как упоминалось в предыдущих параграфах, подавляющее большинство его представителей становились мелкими и средними чиновниками, или служащими. Все они также сохраняли прочные связи с общиной. Редким исключением из этого правила являлись вьетнамцы, получавшие высшее образование в Европе, главным образом во Франции.

Наконец, отдельно следует сказать о вьетнамских лидерах национально-освободительной борьбы. Большая их часть находилась либо под влиянием идей Сунь Ятсена, либо брала за пример националистическое направление развития Японии. При этом они воспринимали лишь те аспекты европейских революционных теорий, которые хоть как-то соотносились с близкими им по духу китайскими и, в меньшей степени, японскими. К этому следует добавить, что подавляющее большинство вьетнамских революционеров были знакомы с трудами европейских теоретиков лишь в переложении базовых положений их основных трудов на

вьетнамский язык. Безусловно, исключением из этого правила являлись такие выдающиеся представители вьетнамского революционного движения, как Хо Ши Мин и ряд его соратников, которые получили фундаментальное образование в школе Коминтерна в Москве, но таких были единицы.

Таким образом, общественное сознание вьетнамского общества 1-ой половины XX в. характеризуется тем, что не менее 90% его буржуазии, рабочего класса и особенно крестьянства существовали в условиях становления новых социальных отношений, воспринимая их через призму традиционных норм общинной организации. Сохранению такой структуры общественного сознания способствовала как политика французской колониальной администрации, так и откат экономического развития страны в годы кризиса и Второй мировой войны.

С началом Войны сопротивления против Франции в 1946 г. правительство ДРВ было вынуждено действовать в условиях полного господства указанного типа общественного сознания, влияние которого усиливалось ещё и тем, что почти все представители крупной национальной буржуазии перешли на сторону японцев, китайских чанкайшистов и французов. Не следует думать, что Хо Ши Мин и его окружение этого не понимали, но они были вынуждены принять сложившиеся условия как некую данность. Именно по этой причине предпринимавшиеся в 1946 – 1954 гг. правительством ДРВ шаги в области экономики в целом отвечали, как, например, группы трудовой взаимопомощи в деревне, общинному менталитету. Точно также «перегибы» при конфискациях и принудительных выкупах земли и имущества скорее были связаны с характером крестьянских восстаний во Вьетнаме XVIII – XIX вв., чем с особенностями «коммунистической идеологии».

Глава 2

Экономика Демократической Республики Вьетнам в 1954 – 1975 гг.¹.

1. Экономическое развитие ДРВ в 1954 – 1965 гг.

1.1. Основные этапы экономического развития

В экономическом развитии ДРВ в 1954 – 1965 гг. чётко выделяются три последовательных этапа её становления: послевоенное восстановление национальной экономики, трёхлетний план преобразования и развития экономики ДРВ и первый пятилетний план развития народного хозяйства¹. По объёму и размаху решаемых задач указанные этапы экономического развития далеко не равнозначны, однако успешное завершение одного было необходимым условием для начала реализации последующего.

Годы послевоенного восстановления национальной экономики были крайне сложными для народного хозяйства страны. Во-первых, надо было перевести военную экономику освобождённых районов на мирные рельсы, во-вторых, восстановить разрушенные в ходе войны объекты и, в-третьих, переоснастить предприятия, оборудование которых французы либо ввезли в Южный Вьетнам, либо привели в негодность. Ситуация осложнялась ещё и тем, что эту работу пришлось проводить в условиях искусственного разделения страны на две части. Исходя из создавшегося положения, ПТВ и правительство ДРВ сосредоточили усилия на продолжении аграрной реформы, на восстановлении сельского хозяйства, промышленности, транспорта, а также на использовании ресурсов частнокапиталистического сектора экономики в интересах социалистического строительства². Значительная роль отводилась и торговле, обеспечивавшей товарооборот между городом и деревней.

Для решения стоявших перед ним задач правительство ДРВ подготовило план хозяйственно-экономического развития страны на 1956 – 1957 гг. В восстановительный период в

¹ 1954 – 1957 гг., 1958 – 1960 гг. и 1961 – 1965 гг.

области сельского хозяйства основное внимание было обращено на увеличение производства продовольственных и технических культур. В результате жизненный уровень крестьян стал постепенно повышаться. Получили развитие и такие формы коллективного труда, как группы трудовой взаимопомощи и производственные сельскохозяйственные кооперативы. Однако упоминавшиеся в конце предыдущей главы ошибки и «перегибы» при принудительных выкупах и конфискации земли, рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря оказали негативное влияние на проведение аграрной реформы [337.1, с.71, 112].

Пересадка риса. Северный Вьетнам. Тхайнгуен. 28.03.2011 г.

С 1955 г. начали создаваться государственные сельские хозяйства, или госхозы, занимавшиеся главным образом техническими культурами. Уже к концу восстановительного периода сельскохозяйственное производство превосходило уровень 1939 г. Значительные сдвиги произошли и в области промышленности. В 1955 – 1957 гг. было восстановлено большинство крупных предприятий и, кроме того, построено

свыше 50 различных новых промышленных объектов. В результате в 1957 г. объём промышленного и кустарного производства возрос более чем в 2 раза по сравнению с 1955 г. При этом если в первые два года этого периода основная часть государственных капитальных вложений была направлена на развитие сельского хозяйства и восстановление разрушенных в годы войны коммуникаций, то с 1957 г. резко возрасли ассигнования в промышленность. Так, если государство инвестировало в 1955 – 1957 гг. в различные сферы народного хозяйства 651,7 миллиона донгов, то 559,4 миллиона донгов, или 85,9% этой суммы, было вложено в сферу материального производства [1459.1, с.51, 52, 153].

Такое повышенное внимание к промышленности привело к нехватке товарной массы и расширению рамок чёрного рынка, что в свою очередь вызвало значительный рост индекса потребительских цен. Так, если принять этот индекс по основным 90 видам потребительских товаров в декабре 1955 г. за 100, то в мае 1957 г. он достиг уже 195 [1484, с.27]. Поэтому правительство ДРВ предприняло ряд мер как по росту внутреннего производства потребительских товаров, так и увеличению их импорта, а также по укреплению и расширению государственной и кооперативной торговли, позволивших частично справиться этой проблемой.

В числе указанных мер восстановительного периода можно назвать государственную кредитную и иную помощь частной национальной промышленности и торговле, что привело к известному укрупнению их деятельности. Так, в Ханое в конце 1954 г. насчитывалось около 1,5 тысяч мелких и кустарных предприятий с числом рабочих в 4,5 тысячи, в конце 1957 г. было 957 частных предприятий и 13 тысяч семей ремесленников, а общее число рабочих и ремесленников, занятых в производстве, возросло до 50 тысяч [1185, с.18, 19]. Государство регулировало их развитие, используя низшие и средние формы госкапитализма. С этой целью на частных промышленных предприятиях размещались государственные заказы. Через частные торговые предприятия государство вело комиссионную торговлю и закупало сырьё, а также продукцию

сельского хозяйства, лесного и морского промыслов по фиксированным ценам.

В годы осуществления трёхлетнего плана развития народного хозяйства ДРВ (1958 – 1960 гг.) центральной задачей было проведение социалистических преобразований в сельском хозяйстве, кустарной промышленности, а также в частной промышленности и торговле, на основе которых намечался дальнейший подъём производительных сил страны [1459.3, с.49, 50].

К концу 1960 г. были достигнуты значительные успехи в кооперировании крестьянских хозяйств. В докладе Чыонг Тиия на XVI Пленуме ЦК ПТВ отмечалось, что вопрос «кто кого?» в северовьетнамской деревне ещё окончательно не решён, но «несомненно, он будет решён в пользу социализма». При этом подчёркивалось, что существование двух ступеней³ в производственном сельскохозяйственном кооперировании «является наиболее доступной и понятной крестьянам формой социалистического производства» [337.1, с.72, 73].

Другой сферой коренных социальных преобразований были частнокапиталистическая промышленность и торговля. Хотя уже в 1958 г. 80% валовой продукции частных предприятий закупалось государством, они ещё не были полностью вовлечены в социалистическую систему хозяйства. Кроме того, низшие и средние формы госкапитализма в торговле не охватывали всех сторон деятельности частных промышленных и торговых предприятий. Поэтому крупные частнокапиталистические промышленные предприятия и предприятия сферы обслуживания были преобразованы в смешанные государственно-частные, при этом мелкие были объединены в кооперативы. Кустари, ремесленники и мелкие торговцы объединялись на основе кустарных предприятий, кооперативных магазинов, кооперативных снабженческо-сбытовых групп. Общая оценочная сумма находившихся в собственности частнокапиталистических предприятий средств производства составляла в то время всего лишь 25 миллионов донгов, что свидетельствует об относительной слабости национальной буржуазии в ДРВ шестидесятые годы [1019,

с.313]. Тем не менее её слабость не сняла с повестки лозунг об усилении политической борьбы в период социалистических социально-экономических преобразований общества.

К концу 1960 г. социалистическое преобразование частнокапиталистической промышленности и торговли в целом было завершено. Общая стоимость валовой продукции промышленности возросла с 833,9 миллиона донгов в 1957 г. до 1407,8 миллиона в 1960 г., а сельского хозяйства – соответственно с 1817 миллионов до 2055,6 миллиона донгов, причём удельный вес промышленности в общем объёме валовой продукции промышленности и сельского хозяйства возрос с 31,4% до 42,6%. Объём капитальных вложений в период осуществления трёхлетнего плана увеличился более чем в 2 раза по сравнению с их объёмом в восстановительный период, составив 1481,2 миллиона донгов, в том числе в сферу производства – 1204,1 миллиона [1459.3, с.52, 57, 73].

В период трёхлетки ежегодно в среднем производилось 5150 тысяч т продовольственных культур, что на 837 тысяч т превышало среднегодовое производство восстановительного периода. Так, среднегодовое производство риса составило в 1958 – 1960 гг. 4660,5 тысяч т против 3869 тысяч т в 1955 – 1957 гг. [1019, с.292]. Благодаря строительству целого ряда новых предприятий и росту производительности труда также значительно возрос объём промышленного производства. За этот же период удельный вес отраслевой группы «А» в общем объёме промышленного производства возрос с 22,8% до 34,2% [1019, с.317].

Наконец, следует отметить, что для экономики ДРВ 1955 – 1960 гг. особое значение имели как поставки машин и оборудования, так и целого ряда потребительских товаров из социалистических стран в счёт безвозмездной помощи и долгосрочных кредитов. В эти годы страны социалистического лагеря предоставили ДРВ в качестве безвозмездной помощи 337, 5 миллиона рублей и свыше 112,5 миллиона рублей в виде долгосрочных кредитов [19.2, с.5].

Дальнейшим важным шагом становления экономики ДРВ явился первый пятилетний план развития народного

хозяйства¹, разработанный в соответствии с директивами III съезда ПТВ и утверждённый VI сессией Национального собрания в мае 1963 г. Задержка в утверждении пятилетнего плана была вызвана тем, что его первоначальный вариант оказался завышенным. В нём не учитывались реальные возможности страны, иными словами, «желаемое выдавалось за действительное». Пятилетка предусматривала рост валовой продукции промышленности и кустарного производства на 119% по сравнению с 1960 г., а валовой продукции сельского хозяйства – на 37%^{II}. При общем запланированном на пятилетку объёме капиталовложений в 3883 миллиона донгов на развитие сельского хозяйства предусматривалось направить 21% этой суммы, а на развитие промышленности – 48%, из которых на капитальные вложения по группе «А» – 80% и по группе «Б» – 20% [1732.6]. В соответствии с решениями III съезда ПТВ в годы первой пятилетки должно было быть завершено социалистическое преобразование всего народного хозяйства, осуществлён первый этап индустриализации и заложены основы материально-технической базы социализма.

Таким образом, по размаху и важности намеченных задача первая пятилетка ДРВ являлась качественно новым этапом в экономическом строительстве страны. При этом ПТВ рассматривала её индустриализацию как центральную задачу всего переходного периода, которую партия планировала осуществить в несколько этапов путём реализации целого ряда долгосрочных народнохозяйственных планов. Так, в течение первого этапа социалистической индустриализации ДРВ^{III} было намечено «осуществить коренные изменения в национальной экономике, перевести её на механизированную и полумеханизированную базу, ликвидировать её отсталый, кустарный характер вместе с имеющимися в настоящее время диспропорциями в экономике, обеспечить высокими темпами пропорциональное развитие промышленности, сельского

^I 1961 – 1965 гг.

^{II} То есть среднегодовой темп роста должен был составить 17% и 6,5% соответственно.

^{III} 1961 – 1970 гг.

хозяйства и других отраслей экономики для удовлетворения в основном потребностей населения в пище, одежде, жилье, образовании и здравоохранении» [198, с.12, 13]. Большую помощь ДРВ в осуществлении первого пятилетнего плана индустриализации страны оказали социалистические страны, предоставившие республике долгосрочные кредиты на сумму 294,8 миллиона рублей, которые были использованы для строительства 108 промышленных предприятий [19.2, с.5].

Как известно, во 2-ой половине 1964 г. ВВС США начали массированные бомбардировки территории ДРВ, нанёсшие огромный ущерб экономическому потенциалу страны¹. Тем не менее итоги развития народного хозяйства ДРВ в 1965 г. показывают, что, несмотря на варварские бомбардировки, экономика продолжала успешно развиваться. Так, в 1965 г. валовой объём промышленного производства увеличился в стоимостном выражении на 8,4% по сравнению с 1964 г., при этом промышленности центрального подчинения – на 12%, а машиностроения – на 15%. Благодаря строительству средних и мелких предприятий местной промышленности, а также рассредоточению и переводу в сельскую местность крупных предприятий выпуск продукции, предназначенной для нужд сельского хозяйства, транспорта и коммуникаций, увеличился в 1965 г. на 40% по сравнению с 1964 г. Несмотря на неблагоприятные климатические условия, валовой сбор риса в 1965 г. возрос на 3,5% против 1964 г. В годы пятилетки темп роста валовой продукции промышленности был выше 13% и сельского хозяйства – около 5% в год. Наконец, капитальные вложения государства на развитие экономики и культуры в 1961 – 1965 гг. почти в 3 раза превысили инвестиции 1958 – 1960 гг., составив 3306,3 миллиона донгов. При этом доля капитальных вложений в промышленность составила 44% и в сельское хозяйство – около 20% этой суммы. Только в 1965 г. капитальные вложения в народное хозяйство превысили инвестиции 1964 г. на 28,5% [761, с.185, 186; 1619.1, с.89].

¹ Смотри «Параграф 1» «Главы 2» «Части II» настоящего тома.

За годы первой пятилетки была проделана большая работа по дальнейшему кооперированию крестьянства, укреплению производственной базы сельскохозяйственных кооперативов и улучшению руководства ими. К концу 1965 г. уже 88,7% крестьянских дворов было объединено в 30 с небольшим тысяч кооперативов, 53% которых являлись объединениями высшего типа [1415, с.11, 94].

Овощные поля в предгорьях Каобанга. 28.03.2011 г.

В результате указанных мероприятий руководства ДРВ и ПТВ постепенно поднимался и жизненный уровень в стране. Так, если принять показатели 1955 г. за 100%, то в 1964 г. потребление риса на душу населения уже составляло 130,5%, мяса – 138,5%, соли – 117,9%, рыбного соуса – 262,9%, всех видов сахара – 191,3%, ткани – 125,9%, mosquitoной ткани – 563,7%, мыла – 350% и керосина – 248,6% [1415, с.317].

Таким образом, благодаря самоотверженному труду вьетнамского народа в тяжелейших условиях войны в Южном Вьетнаме и бомбардировок Северного Вьетнама ВВС США первый пятилетний план развития ДРВ в 1961 – 1965 гг. в целом был выполнен по ряду основных его показателей.

1.2. Развитие отдельных отраслей народного хозяйства

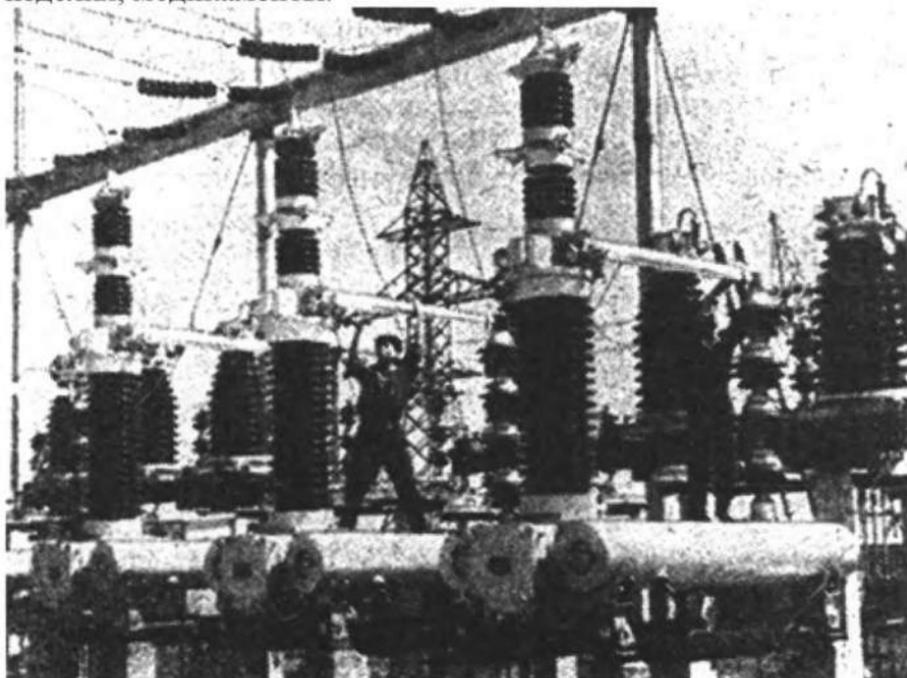
Максимальное использование внутренних источников и братская помощь социалистических стран привели к созданию новых отраслей тяжёлой промышленности и к коренному техническому переоснащению и расширению имевшихся ранее. С 1955 по 1965 г. число предприятий в этих отраслях увеличилось в 10 раз, а техническая вооружённость труда на одного рабочего – в 7 раз. За этот же период удельный вес тяжёлой промышленности в общей стоимости валовой продукции, включая кустарную, возрос с 7,5% до 20% [1415, с.49, 50]. Среди отраслей тяжёлой промышленности ДРВ наибольшее развитие получили энергетика, машиностроение, химическая и горнодобывающая промышленность, а также промышленность строительных материалов.

В то же время остро ощущалась нехватка металла и напряжённость в энергетике. Несмотря на восстановление и строительство целого ряда новых электростанций, выработка электроэнергии на одного жителя в ДРВ составила в 1965 г. немногим более 30 кВт/ч. Поэтому готовившийся ввод в действие третьей очереди ТЭС в Уонгби мощностью 48 тыс. кВт/ч и ТЭС в Тхакба – 100 кВт/ч. имел важнейшее значение для энергетического баланса страны. Точно так же малая металлургия общей мощностью 10 тысяч т чугуна и 3 тысячи т стали в год не покрывала потребностей страны в металле, что стало причиной начала строительства в годы первой пятилетки металлургического комбината в Тхайнгуене на 200 тысяч т стали и 150 тысяч т чугуна в год.

Продукция машиностроения в общем объёме валовой продукции тяжёлой промышленности также возросла с 3% в 1958 г. до 24% в 1965 г. В связи с этим особо следует отметить успехи таких крупных машиностроительных предприятий, как ханойский механический завод, машиностроительный завод им. Чан Хынг-дао, паровозоремонтный и вагоностроительный в Зяламе, судостроительная верфь в Хайфоне [1415, с.51, 52].

За годы трёхлетки и пятилетки была по существу заново создана химическая промышленность, производящая

минеральные удобрения, ядохимикаты, кислоты, резиновые изделия, медикаменты.

Трансформаторная подстанция на линии Уонгби – Хайфон.
Фотография 1960 г.

В числе наиболее крупных новостроек можно назвать суперфосфатный завод в Лэмтхао, химический комбинат во Вьетчи и завод азотных удобрений в Бакзянге. Благодаря помощи стран социалистического содружества была восстановлена, расширена и в значительной мере технически перевооружена горнодобывающая промышленность. В том числе получили новую жизнь угольные копи Хонгая и Камфа, шахта в Вангзане, апатитовый рудник в Лаокае, оловянный комбинат в Каобанге и многие другие предприятия. Большое значение для подъема тяжёлой промышленности также имела широкомасштабная подготовка техников и инженерных кадров высшей и средней квалификации. Так, если в 1957 г. на 800 рабочих приходился только один инженер и на 33 рабочих один техник, то в 1965 г. на то же количество рабочих

приходилось соответственно 40 инженеров и 10 техников [1415, с.54].

Производство основных видов промышленной продукции в ДРВ (1955 – 1965 гг.) [19.3; 90.1, с.128, 129; 476, с.94; 1729.1, с.79].						
Вид продукции	Единица измерения	1955	1957	1960	1964	1965
Электроэнергия	млн. кВт/ч	53,0	121,2	256,1	548,1	595,0
Каменный уголь	млн. т	0,6	1,1	2,6	3,4	4,1
Апатит	тыс. т	-	65,9	490	825,6	655,0
Хромит	тыс. т	-	3,7	19,4	29,0	32,0
Цемент	тыс. т	8,5	165,1	408,0	594,0	570,0
Насосы водяные	шт.	-	-	-	2066,0	2115,0
Лес круглый	тыс. м ³	362,4	439,2	753,2	1094,5	1030,5
Ткани:						
хлопчатобумажные	млн. м	8,8	68,1	76,0	105,5	99,5
шёлковые	млн. м	0,3	3,8	5,5	-	-
Бумага	тыс. т	0,8	2,4	4,5	19,4	21,5
Сахар	тыс. т	1,6	4,3	10,1	36,5	37,0
Соль	тыс. т	95,3	109,8	117,1	157,7	156,0

На базе развития тяжёлой промышленности и сельского хозяйства в ДРВ успешно развивались и отрасли лёгкой промышленности, которая к концу пятилетки производила свыше 12 тысяч видов потребительских товаров, обеспечивая ими население более чем на 80%. В 1965 г. государственные и кооперативные ткацкие предприятия уже выпускали на рынок 24 наименования хлопчатобумажных тканей, 41 вид шёлковых и 76 различных образцов хлопчатобумажных, шерстяных и трикотажных изделий [1415, с.66]. Значительное развитие получили местная промышленность и кустарное производство, производившие различный сельскохозяйственный инвентарь, пищевые и потребительские товары, а также кустарно-художественные изделия. В 1964 г. на предприятиях этих отраслей было занято около 600 тысяч человек и произведено 70% товаров широкого потребления [19.3].

Особое значение руководство ПТВ и ДРВ придавали решению острейшего для Вьетнама на протяжении всего XX в. продовольственного вопроса, а также проблемам расширения производства технических культур и подъёма животноводства. Выполнение первых двух задач было связано с

экстенсификацией и интенсификацией земледелия, для чего требовалось ввести в оборот новые посевные площади и поднять урожайность сельскохозяйственных культур. С этой целью с 1954 по 1963 г. в стране было восстановлено и построено 10 крупных оросительных систем, в том числе ирригационная система Бакхынгдай. Затем правительство ДРВ приняло двухлетний план¹ строительства ирригационных сооружений, в соответствии с которым были построены 1,3 тысячи дамб, каналов и других объектов, а также 2,5 тысячи насосных станций на электрической и механической тяге. В результате в 1965 г. орошалось 78% всех посевных площадей, площадь которых увеличилась по сравнению с 1960 г. почти на 700 тысяч га, при этом 350 тысяч га являлись освоенными в горных районах целинными землями. [1640.2, с.91; 1732.7].

Определённые сдвиги произошли также и в структуре сельскохозяйственного производства. Так, с 1955 по 1964/65 г. удельный вес валовой продукции животноводства в общем объёме валовой продукции сельского хозяйства увеличился с 11,8% до 19,4%, поголовье крупного рогатого скота – с 1840 тысяч голов до 2439 тысяч, а поголовье свиней – с 1237 тысяч до 4754,7 тысяч. Площадь, занятая под техническими культурами и тропическими плодовыми плантациями, составляла в 1964 г. 6,1% общей посевной площади. Для быстреего решения продовольственной проблемы были значительно расширены посадки таких второстепенных продовольственных культур, как кукуруза, батат, маниока и бобовые. Их удельный вес в продовольственном балансе страны увеличился с 13,9% в 1957 г. до 25,8% в 1964 г. [1415, с.68, 100, 102]. Также неуклонно возрастала роль госхозов в производстве технических и многолетних тропических культур. На начало 1965 г. госхозов насчитывалось более 50 и они возделывали 16% всей посевной площади, занятой под техническими культурами. С 1955 по 1964 г. стоимость валовой продукции госхозов возросла более чем в 9 раз [1415, с.121, 123, 125, 132].

¹ 1964 – 1965 гг.

Производство основных видов продовольственных культур в ДРВ (1955 – 1965 гг.) (в тысячах т)					
Культура	1955	1957	1960	1964	1965
Рис (неочищенный)	3523,0	3948,0	4212,0	4526,9	4550,0
Кукуруза	186,0	197,0	214,5	273,6	293,0
Батат	535,0	540,4	583,8	1148,6	1190,0
Маниок	163,0	186,2	334,6	864,4	784,0
Бобовые (без сои)	11,0	21,0	11,2	17,6	-
Производство технических культур в ДРВ (1955 – 1965 гг.) (в тысячах т)					
Культура	1955	1957	1960	1964	1965
Хлопок	2,6	5,7	4,6	-	1,6
Джут	1,1	5,7	12,4	-	23,2
Клещевина	0,2	0,8	2,1	-	-
Земляной орех	14,0	23,7	26,0	-	52,3
Сахарный тростник	100,0	384,5	451,7	-	748,0
Соя	5,0	7,0	11,2	-	-
Чай	2,3	2,6	2,6	-	4,4
Кофе	0,17	0,34	0,25	-	2,4
[90.2, с.129; 476, с.98; 1338, с.131, 133; 1415, с.99; 1459.2, с.72, 73; 1459.3, с.64 - 66].					

В целях повышения материальной заинтересованности кооперативов и индивидуальных крестьянских хозяйств в увеличении производства правительство ДРВ с осени 1963 г. до конца 1965 г. установило твёрдый уровень обязательных государственных заготовок, увеличив при этом закупочные цены. Размер сельскохозяйственного налога в 1963 – 1965 гг. также стал фиксированным, при этом понёсшие ущерб от стихийных бедствий индивидуальные крестьянские хозяйства и кооперативы получали налоговые льготы.

После 1954 г. транспортные артерии страны были полностью восстановлены. Дальнейшее развитие получил железнодорожный, водный и автомобильный транспорт. В 1964 г. протяжённость железных дорог ДРВ составила приблизительно 1 тысячу км, а речных путей – 28,1 тысяч км. На железнодорожный транспорт приходилось более 60%, а на водный – около 30% грузооборота страны. С 1957о 1964 г. перевозка грузов возросла с 5,5 млн. до 18,7 млн. т, а грузооборот увеличился с 367,1 млн. до 1751 млн. т/км [19.1, с.6; 19.3]. В июле 1955 г. ДРВ вступила в являющуюся

международным транспортным союзом социалистических государств Организацию сотрудничества железных дорог (ОСЖД), в декабре 1957 г. демократический Вьетнам стал членом Организации сотрудничества социалистических стран в области электрической и почтовой связи (ОСС). Как известно, удары американской авиации в первую очередь обрушились на железнодорожные линии, мосты, переправы и линии связи ДРВ. Однако благодаря всесторонней помощи социалистических стран и героическому труду вьетнамских транспортников перевозка грузов никогда не прекращалась.

1.3. Торговля

1.3.1. Внутренняя торговля

Развитие промышленного и сельскохозяйственного производства, а также налаживание коммуникаций, транспорта и связи способствовали расширению и стабилизации внутреннего рынка. При этом торговля сыграла важную роль на всех этапах экономического развития ДРВ. В период восстановления национальной экономики основная задача торговли состояла в том, чтобы выровнять цены между вновь освобождёнными районами и районами, ранее находившимися под контролем ДРВ, достигнуть общей стабилизации цен, активизировать товарооборот между городом и деревней.

В ходе описанных реформ частнокапиталистической и мелкой торговли в ДРВ сложился единый внутренний рынок, обеспечивавший как закупку государственными торговыми организациями и снабженческо-сбытовыми кооперативами сельскохозяйственной продукции и сырья, продуктов лесного и морского промыслов в деревне, так и её снабжение необходимыми средствами производства и потребительскими товарами. Через государственную и кооперативную торговлю также реализовывались рис и другие товары первой необходимости, на которые была введена карточная система. В результате их удельный вес в розничном товарообороте возрос с 73,8% в 1960 до 86,9% в 1963 г., а с учётом смешанных государственно-частных и частных кооперативных торговых предприятий – соответственно с 90,6% до 92,1%. В годы

осуществления трёхлетнего и пятилетнего планов значительно выросла и розничная сеть государственной и кооперативной торговли. Так, с 1957 по 1965 г. розничный товарооборот в стране увеличился в 1,6 раза, при этом если в 1957 г. в имелось 906 государственных и 875 кооперативных магазинов, то в 1962 г. – 3682 и 5674 соответственно [476, с.99; 1459.2, с.114; 1459.3, с.97; 1459.4, с.91].

1.3.2. *Внешнеэкономические связи, торговля, финансы и кредиты*

Решение народнохозяйственных задач ДРВ было невозможно без тесного сотрудничества с социалистическими странами, которое осуществлялось по трём основным направлениям: по линии внешней торговли, путём оказания экономической и технической помощи и научно-технического сотрудничества. В то же время развивались и торговые связи демократического Вьетнама как с развивающимися, так и с некоторыми капиталистическими государствами. В 1965 г. ДРВ уже имела торговые отношения с 45 странами. В 1965 г. на долю стран социалистического лагеря приходилось 80% внешнеторгового оборота ДРВ, при этом удельный вес СССР в общем объёме её внешней торговли составлял 37%. С 1957 по 1965 г. товарооборот между двумя странами увеличился более чем в 8 раз, достигнув 95 миллионов рублей [567, с.143].

Динамика внешнеторгового оборота ДРВ со странами – членами СЭВ в миллионах рублей (1957 – 1965 гг.) [19.1, с.62; 19.3, с.5; 476, с.101].

	1957	1960	1962	1963	1964	1965
Оборот	126,4	187,4	215,0	226,6	240,0	250,0
Экспорт	36,8	71,0	80,6	84,2	95,0	88,0
Импорт	89,6	116,4	134,4	142,4	145,0	162,0

Развитие экономики ДРВ в период трёхлетнего и пятилетнего планов способствовало значительному росту экспортных ресурсов и расширению номенклатуры экспортируемых товаров, количество наименований которых достигло 340. Серьёзные изменения произошли и в структуре внешнеторгового оборота. ДРВ начала вывозить товары, которые ранее не экспортировались или экспортировались в незначительном количестве. Так, в 1965 г. продукция

горнодобывающей и лесной промышленности составила около 50% общего объёма экспорта, примерно 30% занимали товары, вырабатываемые из импортного сырья, и изделия кустарных промыслов, приблизительно 20% – продукция сельского хозяйства и его переработки. Структура импорта ДРВ определялась быстро развивающимся промышленным строительством и механизацией трудоёмких процессов в народном хозяйстве, а также необходимостью удовлетворения спроса населения на отдельные потребительские товары. Поэтому в годы пятилетки машины, оборудование и сырьё занимали в импорте 85%, и около 15% приходилось на предметы потребления [19.3, с.5]. С расширением торговых связей и увеличением объёма внешней торговли укреплялась и совершенствовалась её организационная структура. В 1958 г. было создано министерство внешней торговли, при этом если в 1954 г. имелась только одна генеральная экспортно-импортная компания Вьетнама, то в 1965 г. оперативной работой по экспорту и импорту, а также по перевозке грузов занималось 11 внешнеторговых компаний.

Важным фактором в развитии социалистической экономики ДРВ и проведении индустриализации в стране явилась экономическая и техническая помощь Советского Союза и других социалистических стран. В 1954 – 1964 гг. социалистические страны предоставили ДРВ в качестве безвозмездной помощи и долгосрочных кредитов почти 750 миллионов рублей. При экономическом и техническом содействии СССР за десять лет мирного экономического развития в 1955 – 1964 гг. в ДРВ было полностью или частично построено 92 промышленных объекта. В их числе следует отметить такие важные для экономики страны предприятия, как угольные копи Хонгай и Камфа, апатитовый рудник в Лаокае, суперфосфатный завод в Лэмтхао, оловянный комбинат в Каобанге, ТЭЦ в Вине, Лаокае и Уонгби, ГЭС в Бантхате и Тхакба, механический завод в Ханое, две чайные фабрики в Футхо, рыбоконсервный завод в Хайфоне и другие. Значительная помощь также была оказана в развитии сельского хозяйства, в проведении геологоразведки

полезных ископаемых и в восстановлении и модернизации транспорта и связи. Для оказания технического содействия в 1955 – 1965 гг. в ДРВ выезжали более 2,5 тысяч советских высококвалифицированных специалистов различных профессий. С помощью других стран социалистического содружества во Вьетнаме были восстановлены и построены такие промышленные объекты, как цементный, стекольный, рисоочистительный и сахароваренные заводы, обувная, трикотажная, текстильная, резиновых изделий, фанерная, табачная и спичечная фабрики, а также железнодорожные линии, ирригационные системы и многое другое. В 1954 гг. Советский Союз предоставил ДРВ экономическую помощь в объёме около 320 миллионов рублей, в том числе 94,5 миллионов безвозмездно, а остальные – в форме льготных кредитов. В 1965 г. правительство СССР перенесло сроки выплаты основного долга по этим кредитам на более позднее время [19.2, с.5; 532, с.28; 1619.2].

Безусловно, реализация трёхлетнего и пятилетнего планов развития ДРВ оказалась бы невозможной без указанной финансово-экономической помощи, составлявшей значительную часть государственного бюджета страны. Причём если в 1955 – 1960 гг. эта помощь предоставлялась главным образом в безвозмездном порядке, то в годы первой пятилетки первое место вышли долгосрочные льготные кредиты. В 1955 и 1963 гг. удельный вес этой помощи составил в доходах госбюджета ДРВ 39,5% и 20,5% соответственно. В то же время через него в 1961 – 1964 гг. распределялось и перераспределялось уже около 33% национального дохода. Развитие вьетнамской экономики способствовало увеличению накопления финансовых ресурсов за счёт внутренних поступлений, в связи с чем доля последних в госбюджете возросла с 60,5% в 1955 до 79,5% в 1963 гг. Примечательно, что их основную часть составляли отчисления предприятий и хозяйственных организаций социалистического сектора, удельный вес которых увеличился с 16,8% в 1955 г. до 85,8% в 1964 г. Одновременно происходил и постоянный абсолютный рост доходов госбюджета. Так, в

1961 – 1964 гг. они выросли в 2,2 раза по сравнению с 1958 – 1960 гг. [1338, с.77; 1415, с.273; 1459.4, с.33].

С ростом бюджетных поступлений постоянно увеличивалась и расходная часть государственного бюджета. Распределение финансовых ресурсов осуществлялось в соответствии с задачами и требованиями этапов экономического развития. Основная часть средств, выделенных на развитие народного хозяйства, шла на капитальные вложения, при этом в 1963 г. ассигнования на развитие народного хозяйства и социально-культурные мероприятия составили $\frac{3}{4}$ общей суммы государственных расходов. В связи с этим интересно отметить, что в 1955 – 1963 гг. расходы госбюджета ДРВ на социально-культурные мероприятия увеличились в 1,5 раза, тогда как на нужды административно-управленческого аппарата они сократились почти в 3 раза [1338, с.77; 1459.4, с.33].

Поскольку в годы осуществления трёхлетнего и пятилетнего планов значительно возросла роль банковского кредита в расширенном социалистическом воспроизводстве, Государственный банк ДРВ постепенно превратился в единый эмиссионный и кредитно-расчётный центр страны. За счёт банковского кредита стало обеспечиваться 70% и 40% потребностей государственной торговли и промышленности в оборотных средствах. Кредитование госбанком предприятий и хозяйственных организаций социалистического сектора возросло в 1964 г. по сравнению с 1958 г. в 3,2 раза, в том числе торговли – в 2,5 раза, промышленности и транспорта – в 31 раз. Долгосрочные кредитные вложения госбанка в сельское хозяйство через кредитную кооперацию возросли с 59,2 миллиона донгов в 1958 – 1960 гг. до 269,3 миллиона донгов в 1961 – 1964 гг., а через производственные сельскохозяйственные кооперативы – с 33,5 до 150,6 миллиона донгов. Своеобразие кредитной системы ДРВ состояло в широком развитии кредитной кооперации, сеть которой постоянно расширялась. Так, если в 1957 г. 237 кредитных кооперативов объединяли 142,4 тысячи, или 5% крестьянских дворов, то в 1961 г. их они уже объединяли 529,4 тысячи, или

71% крестьянских дворов. Тогда же в горных районах действовали 1609 кредитных касс, объединявших 208,27 тысяч человек, или 61% крестьянских дворов [1415, с.285, 287; 1459.2, с.64].

Наконец, важнейшим этапом в стабилизации денежного обращения республики явилась проведённая в феврале 1959 г. денежная реформа с обменным курсом 1000 : 1. На одну семью обменивалось до 2 миллионов старых донгов, а превышавшие эту сумму средства зачислялись на особые блокированные счета. В ходе реформы выявилось наличие значительных денежных средств у национальной буржуазии, которые были потенциальным источником влияния на денежное обращение и цены. Например, составлявшая лишь 3,5% населения Ханоя национальная буржуазия предъявила к обмену 42,1% денежных средств, тогда как трудящиеся (96,5%) – только 57,9% [1493, с.120]. Очевидно, что эта денежная реформа, которая, в отличие от реформы 1951 – 1953 гг., имела ярко выраженный классовый характер, могла быть осуществлена лишь после создания достаточно прочной экономической основы демократической власти во Вьетнаме.

2. Экономика ДРВ в 1965 – 1975 гг.

2.1. Экономическая политика ПТВ и правительства ДРВ в 1965 – 1968 гг.

Время с 1965 по 1975 г. прежде всего связано с войной, в которую Демократическая Республика Вьетнам была втянута Соединёнными Штатами, перешедшими к массированным бомбардировкам её территории. Безусловно, ДРВ и в течение предыдущего десятилетия оказывала всё возрастающую помощь НФОЮВ, но до этого момента вопрос об её прямом участии в военных действиях всерьёз даже не рассматривался. Однако в 1965 г. стало очевидно, что либо страна надолго останется разделённой, как Корея, на две части, при этом она будет обречена на полунищенское существование, либо ДРВ вступает в необъявленную войну с США¹. Именно этот выбор

¹ Смотри «Главы 2» «Части II» настоящего тома.

и определил особенности экономического развития ДРВ на протяжении указанного периода.

Как отмечалось ранее, перед ВВС США стояла задача нанести максимальный ущерб экономике ДРВ, в чём, надо сказать, она преуспела. За годы войны были полностью или частично разрушены 400 промышленных предприятий и все электростанции, 68 из 70 госхозов, 1,6 тысячи ирригационных сооружений, 8 леспромхозов и множество других объектов. При этом также было убито около 40 тысяч голов крупного рогатого скота и сотни тысяч гектаров пахотной земли были выведены из севооборота. Особое внимание американское командование обратило на уничтожение путей сообщения и всех видов транспортных средств. В этих условиях то обстоятельство, что экономика страны всё ещё оставалась преимущественно аграрной и мелкотоварной, превратилось из недостатка в силу. Она состояла в том, что, как отметил первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан, благодаря низкой концентрации производства и слабой централизации крупной промышленности, имевшей в целом незначительный удельный вес в экономике, бомбардировки авиации США не могли парализовать хозяйственную жизнь страны [183.1, т.1, с.339].

Вопросы перевода экономики на военные рельсы были обсуждены в марте 1965 г. на XI пленуме ЦК ПТВ, решения которого были одобрены в апреле того же года на сессии Национального собрания ДРВ. С этого времени каждая провинция с населением от 1 до 2 миллионов человек рассматривалась как самостоятельная единица местной экономики с собственным планом и бюджетом, в которой должна была быть создана своя относительно развитая многоотраслевая экономика. В соответствии с принятыми в 1967 – 1968 гг. постановлениями правительства ДРВ, крупные города и провинции получили самые широкие полномочия. Провинциальные и городские административные комитеты руководили сельским хозяйством, промышленностью, транспортом, торговлей и жизнью местного населения. Они составляли собственные планы развития и принимали свои

бюджеты в рамках решения общегосударственных задач [1729.2, с.5; 1732.8].

Сделав ставку на развитие провинциальной экономики, правительство ДРВ стало направлять большие средства на её поддержку. Так, если в 1961 – 1964 гг. на неё было выделено 19,5% всех государственных капиталовложений в народное хозяйство, то в 1965 – 1968 гг. их было выделено 30,6%, а в 1972 г. – 36%. При этом 75% всех этих инвестиций поступало из местных бюджетов, что позволяло использовать средства центрального бюджета в общегосударственных интересах.

2.1.1. *Сельское хозяйство* [1174, с.98, 210; 1175, с.210; 1640.3, с.161, 167, 217]

В 1965 – 1968 гг. произошло и значительное увеличение относительного объёма инвестиций в сельское хозяйство, который увеличился по сравнению с 1961 – 1964/65 гг. на 62,3%. В то же время абсолютные показатели вложений в сельское хозяйство снизились в 1966 – 1971 гг. на 17,1%, что объясняется резким ростом расходов на транспортные нужды. Следует отметить, что 62% государственных инвестиций в сельское хозяйство направлялось на поддержание постоянно разрушавшейся бомбардировками ирригационной системы. Благодаря этому в 1965 – 1968 гг. не только восстанавливались дамбы, каналы и насосные станции, но и было сооружено 48 новых крупных гидротехнических объектов¹. В результате площади орошаемых и осушаемых земель удалось сохранить на довоенном уровне.

Возможно, именно воздушная война с США, которая, как предполагалось, могла перерасти в наземную, привела к тому, что руководство ПТВ и правительство ДРВ крайне осторожно продолжали социалистические преобразования в деревне, стараясь при этом ничем не нарушить традиционно сложившиеся связи. В пользу этого также свидетельствуют и следующие факты.

¹ Согласно официальным данным, общий объём земляных работ составил 172 миллиона м³.

Сушка зерна на расстеленных по обочине дорог полосах материи.
Тханьхоа. 05.04.2011 г.

Во-первых, значительно увеличилось долгосрочное кредитование кооперативного хозяйства, выросшее в 2 раза по сравнению с предыдущим четырёхлетием. В результате государственные кредиты обеспечивали до 100% расходов кооперативов на укрепление материально-технической базы, 30% которых в 1968 г. уже имели небольшие механические мастерские, а к 1972 г. их количество выросло до 52,3%.

Во-вторых, в 1965 – 1968 гг. стали создаваться крупные государственные машино-строительные станции, которые обслуживали группы кооперативов.

В-третьих, резко выросли поставки электроэнергии сельскому хозяйству. Так, если в 1965 г. они составляли 156,2 миллиона кВт.ч, то в 1968 г. – уже 255,4 миллиона кВт.ч, а в 1972 г. – 293 миллиона кВт.ч.

В-четвёртых. Хотя процесс перерастания кооперативов низшего типа в кооперативы высшего типа с обобществлением земли и средств производства продолжался, это были далеко не колхозы и тем более не госхозы. К 1968 г. 94,8% всех крестьянских семей вступило в кооперативы, а из них 92,9% стали членами кооперативов высшего типа. При этом число кооперативов уменьшилось с 31,7 тысяч до 22,2 тысяч из-за расширения среднего размера земель одного кооператива с 49 до 83 га и увеличения численности его членов с 85 до 138 крестьянских семей. Не сложно посчитать, что отношение максимального количества земли к минимальной численности семей равняется 0,97 га на одну семью, что даже для Северного Вьетнама никогда не являлось показателем богатства. Поэтому, скорее всего, речь идёт об объединении в кооперативы по родственным связям 1 – 3 семейных кланов.

В-пятых, составлявший 20% в 1965 – 1968 гг. объём обязательной продажи риса вырос всего на 5% по сравнению с предыдущим четырёхлетием. За сверхплановую продажу риса и свинины цены были на 30% – 50% выше основных цен, другой сельскохозяйственной продукции – на 10%. Кроме того оказывалась поддержка личным подсобным хозяйствам, которые обеспечивали более 50% доходов крестьянской семьи.

Таким образом, можно отметить, что проводившиеся ПТВ и правительством ДРВ в 1965 – 1968 гг. преобразования в сельском хозяйстве, которые вели к возникновению нового типа социально-экономических отношений, не нарушали в целом традиционного уклада семейной и общинной жизни вьетнамского крестьянина.

2.1.2. *Промышленное производство* [526.1, с.339; 863.1, с.69; 1174, с.72, 98; 1175, с.93; 1640.3, с.72, 193, 199]

В годы массированных бомбардировок промышленные предприятия ДРВ в городах оказались под прямым ударом авиации США. Поэтому многие предприятия были выведены из промышленных центров, при этом вывезенная техника и оборудование устанавливались в новых местах. Для охраны оставшихся в городах и переведённых в сельские районы предприятий были созданы отряды вооружённых рабочих. Все эти мероприятия потребовали от государства значительных финансовых затрат.

В 1965 – 1968 гг. приблизительно 32% бюджета шло на развитие промышленности, из которых более 77% – на отрасли тяжёлой индустрии. Однако в то время изменилась структура указанных инвестиций. Так, удельный вес государственных вложений в местную промышленность, включая кустарное производство, вырос с 6,8% в 1961 – 1965 гг. до 27,1% в 1966 – 1971 гг. С 1966 по 1969 гг. количество государственных предприятий выросло с 1132 до 1352⁴, а количество кустарных кооперативов высшего типа – с 817 до 1028.

В ведении центра находились электроэнергетика, машиностроение, топливная, химическая и цементная промышленность. Эти отрасли тяжёлой индустрии играли важную роль как для решения задач национальной обороны и обеспечения предприятий местной промышленности, так и для обслуживания сельского хозяйства¹. Безусловно, тяжёлая

¹ В 1968 г. предназначенная для сельского хозяйства продукция тяжёлой промышленности составляла 32% её валового объёма.

промышленность ДРВ не могла удовлетворить потребности страны в сѐ продукции, которые в основном обеспечивались за сѐт поставок из стран социалистического содружества. В то же время руководство ДРВ прекрасно понимало, что еѐ сохранение, с одной стороны, являлось важным психологическим фактором, а с другой – оно было необходимым условием послевоенного восстановления и последующего развития народного хозяйства. Поэтому, хотя объѐмы производства тяжѐлой промышленности и снизились, они всё же оставались на достаточно высоком уровне. Так, если принять производство 1964 г. за 100%, то в 1968 г. было произведено тканей 78%, угля – 66,7%, электроэнергии – 63,2% и цемента – 11,6%. Продолжалась и подготовка квалифицированных рабочих, а также технических и управленческих кадров в ДРВ и в ВУЗах социалистических стран. В результате, если в 1965 г. на 1 тысячу работавших в промышленности приходилось 585,3 квалифицированного рабочего и инженерно-технического работника, то в 1968 г. их уже было 674 и 72,5 человека соответственно.

Местная промышленность была представлена рядом относительно современных предприятий, на которых работало по 300 – 400 человек, и мелкими кустарными предприятиями с несколькими десятками рабочих и традиционными орудиями труда. Последних было большинство. Специфика вьетнамской экономики того времени привела к росту удельного веса местной продукции в валовом производстве с 48,3% в 1964 г. до 54% в 1968 г. В результате в ряде производств местная промышленность заняла ведущие позиции. Так, в 1971 г. ей принадлежало 62,7% производства всех стройматериалов, 79,3% лесной и деревообрабатывающей, 67,7% пищевой и 55,6% ткацкой, кожевенной, швейной и красильной промышленности. Кроме того, она обеспечивала производство 100% традиционных и усовершенствованных орудий труда и 58% инсектицидов. Государство снабжало входившие в состав местной промышленности кустарные кооперативы сырьѐм, топливом и оборудованием, а также направляло на работу в эти кооперативы квалифицированных специалистов. К 1971 г.

они производили 100% москитной сетки и соли, более 94% хлопчатобумажной ткани, 89% стеклянных изделий, 82% кирпича, 75% деревянных предметов и более 54% сахара от общего объёма продукции местной промышленности.

2.1.3. *Транспорт и внутренняя торговля* [368.1, с.66, 67, 98, 102; 1175, с.65, 167; 1616.1, с.55, 1640.3, с.228]

Протяжённость территории Вьетнама с севера на юг в значительной степени ставит связь между густонаселёнными районами страны в зависимость от состояния путей сообщения и транспорта. Это прекрасно понимали и американские ВВС, которые приложили максимум усилий для их уничтожения. В то же время защита и восстановление путей сообщения стали в ДРВ всенародным делом. Состоявшие из крестьян и членов дорожно-строительных кооперативов ударные отряды без усталости восстанавливали разрушенные и строили новые дороги в уездах и общинах. Тогда же были проложены запасные пути вдоль стратегической дороги №1 «Север – Юг» и первая часть проходившей через джунгли Лаоса легендарной «Тропы Хо Ши Мина». Более того, протяжённость путей сообщения не только не уменьшилась, но и увеличилась. Если в 1965 г. было 927 км железных и 12,4 тысячи автомобильных дорог, то в 1968 г. их уже было 987 и 34,3 тысячи км, при этом все важные транспортные узлы надёжно прикрывали силы ПВО⁵.

Точно так же американцы не смогли уничтожить и транспорт ДРВ, поскольку вьетнамцы использовали для перевозки грузов не только поставлявшиеся из социалистических стран автомобили, но и гужевой и даже велосипедный транспорт. В результате объём грузооборота уменьшился незначительно, а регулярное восполнение парка грузовых машин даже привело к увеличению автоперевозок.

Перевод сельскохозяйственного и промышленного производства на военные рельсы в сочетании с чёткой работой транспортной системы позволили руководству ДРВ наладить снабжение населения страны товарами первой необходимости. Для рабочих и служащих государственного сектора была

введена карточная система на рис и ряд других важнейших продовольственных и потребительских товаров. Так, в 1965 – 1968 гг. количество кооперативных магазинов увеличилось в 2 раза, а государственных – на 60%. Интересно, что и в данном случае ВВС США не смогли решить поставленной перед ними задачи, поскольку в ходе бомбардировок им удалось уничтожить всего 1,6% всех находившихся в обороте товаров.

Соответственно общий объём реализуемых через государственные магазины товаров не только не уменьшился, но и увеличился по большинству из них.

Основные товары государственной розничной торговли [1640.3, с.222]		
Вид товара	1965 г.	1968 г.
Соль (тысяч т)	145,3	128,1
Мясо (тысяч т)	45,3	45,1
Рыбный соус (тысяч т)	36,4	36,4
Сахар (тысяч т)	21,1	30,0
Сигареты (миллионов пачек)	97,7	142,6
Хлопчатобумажные ткани (миллионов м)	83,2	96,9
Мыло (тысяч т)	6,8	9,5
Цемент (тысяч т)	70,9	19,0

Благодаря сбалансированной политике распределения товаров правительству ДРВ удалось обеспечить ими до 70% потребностей рабочих и служащих государственного сектора, при этом индексе цен на них снизился в 1968 г. на 1,8% по сравнению с 1964 г. В свою очередь, это сдерживало рост цен на свободном рынке, доля которого в товарообороте составила в 1968 г. 14,9%. В то же время, хотя номинальные доходы рабочих и служащих повысились, тяжелейшие условия военного времени привели к некоторому снижению их уровня жизни. Так, если в 1965 г. на одного члена семьи приходилось до 16,3 донга, то в 1970 г. – 15,6 донга реальных доходов.

Как уже отмечалось, закупками сельскохозяйственной продукции занимались снабженческо-сбытовые кооперативы. Они же осуществляли нормированное снабжение сельского населения промышленными товарами. В 1968 г. снабженческо-сбытовой кооперацией уже было охвачено 75% крестьянских дворов, а её доля в розничном товарообороте составляла 20%.

К концу войны в ДРВ было 5,5 тысяч снабженческо-сбытовых кооперативов, объединявших 6,5 миллионов человек.

Наконец, также следует отметить, что семьи тех, кто ушёл на фронт и погиб в боях, получали большие льготы в приобретении товаров, при этом кооперативы и местные власти оказывали им значительную материальную помощь.

2.2. Экономическое положение ДРВ в 1969 – 1975 гг.

Под давлением развернувшегося во всём мире, включая сами Сосдинённые Штаты, движения в поддержку Вьетнама, США были вынуждены прекратить бомбардировки ДРВ в ноябре 1968 г. В мирных условиях вынужденное превращение каждой из провинций во всеобъемлющий хозяйственный комплекс стало серьёзным препятствием для дальнейшего экономического развития страны. Поэтому руководству ДРВ в очередной раз пришлось перестраивать структуру экономики страны, с тем чтобы проводить единую отраслевую политику независимо от подчинённости предприятий. Иными словами, следовало заменить военные административно-снабжениеские методы управления экономикой эффективным хозяйственным механизмом, который бы отвечал реальным условиям и уровню развития вьетнамской экономики. Эта задача была сложной и далеко не однозначной.

В числе первых правительство ДРВ приняло в июне 1969 г. постановление о введении восьмичасового рабочего дня и запрете массовых мероприятий в рабочее время. Тогда же был принят и новый устав сельскохозяйственных кооперативов, на основании которого в 1970 г. был установлен стабильный уровень обязательных поставок продовольствия государству на несколько лет, а также отменена уравнительная система распределения продукции внутри кооперативов. С этого момента основным становился принцип оплаты по труду при сохранении ряда льгот для семей погибших и инвалидов. В декабре того же 1970 г. было опубликовано временное положение о распределении прибыли на государственных промышленных предприятиях, предоставлявшее им большую финансовую самостоятельность и право материального

стимулирования своих рабочих и служащих. Наконец, в марте 1971 г. министерство сельского хозяйства, министерство госхозов и комитет по руководству сельскохозяйственными производственными кооперативами были преобразованы в единый центральный комитет по сельскому хозяйству. В те же годы руководство ДРВ приняло ещё целый ряд аналогичных мер, имевших целью восстановление нарушенных войной хозяйственных связей в стране [1722.3, с.38 – 47].

Даже эти первые шаги руководства ДРВ позволили добиться серьёзных успехов в восстановлении экономики страны в 1969 – 1971 гг. Особенно быстрыми темпами росло производство угля, электроэнергии, строительных материалов и продукции машиностроения. Уже в 1971 г. стоимость валовой промышленной продукции в постоянных ценах выросла по сравнению с 1964 г. на 33 %, в том числе в государственном секторе на 45% и на 9% – в кустарном, в промышленности центрального подчинения на 25% и на 47% – местного, группы «А» на 38% и на 30% – группы «Б». Быстро нормализовалась работа транспорта и улучшилось снабжение населения товарами широкого потребления.

Как уже отмечалось в «Главе 3» «Части I», руководство ПТВ поставило в начальный период восстановления сельского хозяйства задачу добиться того, чтобы 1 человек обрабатывал 1 га пашни, чтобы с 1 га пашни снималось 5 т риса за 2 урожая и чтобы на 1 га посевной площади приходилось 2 свињи. В результате в 1970 г. урожай риса был выше, чем в 1969 г., в 1971 г., несмотря на огромные наводнения, было произведено 5 миллионов т риса, что превысило среднегодовой уровень предыдущих лет, при этом в сельском хозяйстве уже было более 6,7 тысяч тракторов и иной техники, а к 1937 г. свыше 34% кооперативов добились урожайности в 5 т риса с 1 га за два урожая [37, с.167; 1174, с.107; 1640.3, с.200; 1729.3, с.10].

Однако многие восстановленные объекты были уничтожены возобновившимися в 1972 г. налётами ВВС США, которые на этот раз велись с использованием стратегических бомбардировщиков Б-52, в ходе которых особенно пострадали промышленные предприятия.

ТЭС в Уонгби. 31.03.2012 г.

Премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг (второй справа) на открытии первой очереди ТЭС в Уонгби. Фотография 1960 г.

Фактически, после заключения Парижских соглашений в 1973 г. ДРВ пришлось заново возрождать лежавшую в руинах промышленность. Видимо, уже тогда, планируя военную операцию в Южном Вьетнаме, правительство ДРВ обратило особое внимание на инфраструктуру. Поэтому особенно быстро восстанавливались дороги и крупнейшие мосты. Кроме того, вновь начали действовать многие электростанции местного значения, строились новые электростанции и начала работать ТЭС в Уонгби. В результате выработка имевшей важнейшее значение для роста промышленного производства электроэнергии превысила уровень 1965 г. на 24% [1722.4, с.28].

В то же время следует отметить, что почти непрерывно продолжавшиеся с 1939 г. войны так и не позволили в корне изменить отсталый характер вьетнамской экономики. Именно поэтому первый секретарь ЦК КПВ Ле Зуан охарактеризовал сложившуюся в 1973 г. в ДРВ ситуацию следующим образом:

«Наша экономика называется социалистической, но в действительности она представлена по-прежнему мелким производством и носит в основном аграрный характер. Мы говорим, что уже существуют новые производственные отношения, но ещё не можем сказать, что у нас налицо социалистический способ производства» [41, с.170, 180].

Исходя из этого вывода, в конце того же года XXII пленум ЦК КПВ постановил, что стратегическая задача переходного периода от мелкого производства к крупному состоит в том, чтобы, минуя этап капиталистического развития, перейти непосредственно к социалистической индустриализации страны. В соответствии с указанным постановлением пленума был принят двухлетний план восстановления и развития экономики ДРВ на 1974 – 1975 гг., которым ставились три главные задачи [37, с.190, 191].

1. Мобилизация и организация трудовых ресурсов общества для повсеместного развития производства и строительства. Использование всех экономических резервов, активизация производства и экономия. Достижение всеми отраслями производства и хозяйствующими субъектами их уровня

развития в 1965 и 1971 гг. или даже его превышение. Быстрый рост валового общественного продукта, с тем чтобы в 1975 г. национальный доход обеспечивал весь фонд потребления, а в 1976 г. и часть фонда накопления государственного бюджета. Выполняя свой долг, оказывать всестороннюю поддержку революции в Южном Вьетнаме.

2. Укрепляя, развивая и совершенствуя социалистические производственные отношения в государственном и кооперативном секторах, преодолеть негативные явления в экономической и общественной деятельности.
3. Усилить руководящую роль партии в области управления народным хозяйством. Упорядочить управление экономикой в центре и на местах. Создать наряду с решением насущных задач условия для реализации долгосрочных планов.

Для решения поставленных в плане задач на развитие промышленных объектов были направлены значительные средства. Интересно, что в строительство новых объектов их было инвестировано в два раза больше, чем в восстановление разрушенных, при этом основная часть вложений была сделана в такие базовые отрасли тяжёлой промышленности, как топливно-энергетический комплекс, машиностроительная, металлургическая и химическая промышленность, а также индустрия стройматериалов.

Производство основных видов промышленной продукции [1175, с.97]		
Вид продукции	1965 г.	1974 г.
Электроэнергия (млн. кВт.ч)	633,6	1,025
Уголь (млн. т)	4,2	3,7
Чугун (тыс. т)	127,8	97,3
Металлорежущие станки (тыс. шт)	1,9	1973 г. // 2,04
Минеральные удобрения (тыс. т)	144,4	344,2
Инсектициды (тыс. т)	3,7	4,0
Цемент (тыс. т)	573,8	349,5
Бумага (тыс. т)	23,9	19,7
Ткани (млн. м)	100,3	95,8

Наряду с этим часть инвестиций была использована для восстановления лёгкой и пищевой промышленности, в которой по-прежнему значительную роль играли местные, в том числе и кустарные предприятия. Они обеспечивали большую часть

потребностей страны в пищевых продуктах, товарах широкого потребления, экспортных товарах и простых орудиях труда для сельского хозяйства. В 1974 г. объём выпуска важнейшей промышленной продукции хотя и не достиг уровня 1965 г., но уже был сопоставим с ним.

В то же время, по другим показателям дело обстояло несколько хуже. Так, в 1974 г. на предприятиях центрального подчинения производительность труда составляла 91,1% от 1965 г., а себестоимость продукции выросла в 1975 г. на 30% – 40% по сравнению с тем же 1965 г., при этом мощности самих предприятий в среднем были загружены на 50% – 60%. Из этого следует, что в течение двухлетнего восстановительного периода 1974 – 1975 гг. фактор интенсивного роста экономики сказывался далеко не в полной мере.

Тем не менее в 1975 г. в ДРВ уже насчитывалось более 1,3 тысячи государственных промышленных предприятий, из них – 315 крупных и средних центрального подчинения⁶ и 2,4 тысячи кустарных производственных кооперативов. Плановые задания по валовой промышленной продукции были перевыполнены, при этом среднегодовые темпы прироста промышленного производства превысили темпы первой пятилетки на 17,7%. Структура инвестиций привела к тому, что наиболее значимые успехи были достигнуты в угольной и химической промышленности, в производстве черепицы, кирпича и других стройматериалов. Также значительно расширился и ассортимент продукции машиностроения, где началось строительство 12-сильных тракторов, дизельных двигателей и гидронасосов, быстро росли поставки химических удобрений для сельского хозяйства, увеличивалось производство ряда потребительских товаров для населения [1174, с.73; 1175, с.97; 1732.11; 1742.2, с.48].

Значительно хуже обстояли дела в сельском хозяйстве, которое понесло огромный урон от войны, имело слабую материально-техническую базу и традиционно страдало от стихийных бедствий. Поэтому оно развивалось неустойчиво и не обеспечивало потребностей страны. Продовольственная проблема ещё больше обострялась из-за высоких темпов

прироста населения. Так, если в 1960 – 1975 гг. производство продовольственных культур в среднем возрастало ежегодно на 1,8%, то рост населения составлял 2,8%. Кроме того, в те годы в сельское хозяйство направлялось явно недостаточно средств. В послевоенные годы в него с учётом лесного хозяйства было направлено около 18% всех инвестиций в народное хозяйство, в том числе 9,3% средств центрального бюджета. Этим инвестиций не хватало ни для требовавшейся диверсификации сельского хозяйства, ни для развития животноводства.

В результате недостаточного внимания к проблемам деревни в годы войны и послевоенные годы производственные связи в кооперативном секторе ослабли, производство не росло, а некоторые кооперативы даже распались. Каждое хозяйство самостоятельно определяло, какими культурами оно будет заниматься, и само обрабатывало свою продукцию, большая часть которой шла на внутреннее потребление. В то же время упоминавшееся ранее укрупнение кооперативов при их слабой материально-технической базе, привело к тому, что основными производственными единицами становились не они, а входившие в них бригады со своим «замкнутым» производством. При этом правления кооперативов зачастую занимались лишь административной работой. В сочетании с обязательными поставками продовольствия государству такая организация труда наилучшим образом соответствовала самообеспечению членов кооператива. В связи с этим интересно высказывание первого секретаря ЦК ПТВ Ле Зуана, заявившего в 1974 г.:

«Хотя в настоящее время наши кооперативы и являются социалистическими хозяйственными единицами, они имеют ещё патриархальный характер, ибо каждый кооператив представляет собой хозяйство независимое, мало связанное с другими кооперативами и со всей национальной экономикой. Такое положение характерно даже для производственных бригад в одном кооперативе» [41, с.308].

Если отвлечься от принятой в то время фразеологии, из этого высказывания следует, что сельские кооперативы, как уже говорилось, на самом деле представляли собой замкнутые,

опиравшиеся на многовековые семейно-общинные связи крестьянские хозяйства.

Сложившаяся с продовольствием ситуация требовала принятия незамедлительных мер. Поэтому в 1974 – 1975 гг. был проведён ряд совещаний партийных, государственных и хозяйственных руководителей, из которых особое значение имело состоявшееся в августе 1974 г. совещание в Тхайбине. На нём были определены основные задачи специализации сельскохозяйственного производства как в рамках всей страны, так и каждого кооператива. Совещание также приняло решение о диверсификации сельского хозяйства за счёт увеличения производства технических культур и продукции животноводства. Кроме того, было указано, что реорганизация сельскохозяйственного производства состоит в том, чтобы, сохраняя неизменной его специализацию, консолидировать и перераспределить в общегосударственном и провинциальном масштабах трудовые ресурсы сельского хозяйства для повышения производительности коллективного труда и осуществления первого шага в его механизации. Наконец, в резолюции совещания подчёркивалась необходимость более жёсткого и последовательного выполнения постановления состоявшегося в январе 1971 г. XIX пленума ЦК ПТВ о совершенствовании руководства сельским хозяйством и, прежде всего, о превращении уездной администрации в орган управления хозяйственной деятельностью на местах.

В результате кооперативам стали возвращать незаконно отторгнутые земли, а в октябре 1974 г. в ДРВ был опубликован проект нового устава сельскохозяйственного кооператива. В 1975 г. уже более 52% всех кооперативов имели такие средства малой механизации, как двигатели, гидронасосы, молотилки и рисорушки, численность государственных МТС увеличилась почти в 6 раз, а количество тракторов увеличилось по сравнению с 1960 г. более чем в 48 раз. Всё это позволило довести площадь механически обрабатываемых полей до 11% всей посевной земли. Кроме того, были введены порайонные цены, повышены закупочные цены на второстепенные

продовольственные культуры¹ и снижены цены на технику и электроэнергию для сельского хозяйства. Наконец, следует отметить, что в годы восстановительного периода проводились большие ирригационные работы, в результате которых было обеспечено нормальное орошение 93% посевных площадей весеннего и 79% осеннего урожаев [1174, с.101, 102, 117, 119; 1356, с.63; 1478, с.17 – 21; 1722.5, с.12; 1732.12].

Как уже отмечалось, в довоенные годы в ДРВ начали создаваться госхозы. В 1965 – 1972 гг. их материально-техническая база была сильно разрушена, часть техники была конфискована для нужд фронта и многие их работники были мобилизованы в армию. Тем не менее, в 1975 г. в ДРВ было 115 госхозов с общей площадью сельскохозяйственных угодий в 104 тысячи га, в которых работали 92 тысячи человек. В среднем на каждый из них приходилось по 1 тысяче га земли при 800 работниках. Они представляли всего 2,6% хозяйств, преимущественно находились в предгорных и горных районах и в основном занимались выращиванием технических культур и фруктов. Поскольку госхозы находились в государственной собственности, в них в первую очередь внедрялись передовые агротехнологии, которые затем получали распространение в сельском хозяйстве. Постепенно они превратились в центры новых экономических районов на целинных землях, куда переселялись крестьяне из густозаселённых областей низменности. Госхозы также первыми в ДРВ начали разводить молочный скот. Таким образом, согласно высказанной в декабре 1974 г. премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом идее, госхозы должны были стать примером эффективного хозяйствования и перевода сельского хозяйства на рельсы крупного производства [211, с.82].

В результате всех этих усилий в 1974 г. в ДРВ был получен рекордный урожай риса, при этом многие кооперативы стали собирать по 5 т риса с 1 га за два урожая. Но поскольку ситуация ещё не стабилизировалась, произошедшие наводнения и засуха 1975 г. привели в начале

¹ Кукуруза, батат и маниока.

1976 г. к определённым сложностям в снабжении населения продовольствием [1722.5, с.12].

В связи с необходимостью обеспечить снабжение населения, и прежде всего силы НФОЮВ, особое внимание во время восстановительного периода уделялось транспортным магистралям. В 1975 г. протяжённость действующих железных дорог уже составляла 1157 км, а их пропускная способность на основных направлениях достигла довоенного уровня, при этом количество локомотивов увеличилось по сравнению с 1965 г. в 2,4 раза. За этот же период протяжённость автомобильных дорог страны увеличилась до 62,8 тысяч км, в том числе асфальтированных – 4,8 тысячи км, при этом количество машин возросло в 4,4 раза. Наконец, мощности речных и морских портов страны увеличились на 30%. Всё это позволило не только обеспечить большую часть необходимых перевозок внутри самой ДРВ, но и перебросить в Южный Вьетнам более 1 миллиона т различных грузов [1174, с.126; 1722.5, с.13].

Как уже отмечалось, значительную роль в обеспечении населения продовольствием и товарами широкого потребления играл свободный рынок, доля которого в 1974 г. достигла 28,6%. Однако цены этого рынка, индекс которых вырос за десятилетие 1965 – 1975 гг. на 89%, были слишком высокими для большинства трудящихся. Поэтому правительство ДРВ приняло меры для укрепления государственной торговли. В результате в 1975 г. она обеспечивала до 65% потребностей на товары первой необходимости, на основные виды которых сохранилось нормированное снабжение по стабильным и низким ценам. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих с 52,6 донга в 1965 г. до 60,2 донга в 1975 г. Благодаря этому реальные доходы населения не снизились, хотя общий индекс цен за этот период увеличился на 19%. В то же время неоднократное повышение закупочных цен на плановую продукцию и введение высоких стимулирующих цен на сверхплановую продукцию сельского хозяйства привели к увеличению реальных доходов крестьянства на 30%. При этом доля свободного рынка снизилась в 1975 г. до 25%. Наконец,

следует подчеркнуть, что правительство ДРВ не смогло бы проводить указанную ценовую политику в государственной торговле без постоянной помощи социалистических стран [1174, с.140; 1175, с.65, 66; 1742.3, с.47].

В то же время, как центральные, так и местные власти ДРВ допустили целый ряд серьёзных ошибок и просчётов, в первую очередь связанных с сохранявшейся административно-снабженческой системой управления, которая не отвечала условиям мирного времени. В результате производительность труда, себестоимость продукции, фондоотдача, эффективность капиталовложений и ряд других технико-экономических показателей не достигли довоенного уровня [41, с.178, 179]. Надо сказать, что партийное и государственное руководство страны прекрасно понимало необходимость перестройки системы планирования и управления с целью создания эффективного хозяйственного механизма в стране. Об этом свидетельствуют слова первого секретаря ЦК ПТВ Ле Зуана, отметившего, что «После определения курса и направлений экономического развития создание соответствующей системы управления приобретает исключительно важное значение, определяющее успех или неудачу самого курса» [183.1, т.2, с.59]. Затем XX пленум ЦК ПТВ¹ сформулировал в своём постановлении задачу: «Ликвидировать административно-снабженческий стиль управления, осуществлять управление в соответствии с социалистическими методами хозяйствования, ликвидировать в организации управления кустарщину и распылённость, присущие мелкому производству» [1355, с.99; 1722.5, с.14].

В ноябре 1973 г. в ДРВ были приняты постановления о создании правительственного совета и о правах, обязанностях и задачах министерств, при этом на первый возлагалось единое, всестороннее и централизованное руководство всем народным хозяйством страны. Одновременно с этим началась работа над составлением обоснованного и сбалансированного пятилетнего плана развития страны.

¹ Апрель 1972 г.

Добыча песка открытым способом.
Карьер в предгорьях Каобанга. 28.03.2011 г.

Также значительно были расширены права отраслевых министерств, которые стали отвечать за все предприятия своей отрасли вне зависимости от их ведомственной принадлежности. Так, в промышленности ликвидировали все промежуточные административные органы и ввели прямую трёхзвенную, «министерство – объединение – предприятие», или же двухзвенную, «министерство – предприятие»¹, систему подчинения. Была повышена ответственность провинциальных органов власти, получивших при этом дополнительные права, что позволило усовершенствовать и конкретизировать принципы территориального управления. На самих же промышленных предприятиях, которым была предоставлена большая финансовая самостоятельность, ввели хозрасчёт. В зависимости от выполнения плана они получали право формировать такие фонды материального стимулирования, как премиальный фонд, фонд развития производства и фонд социального развития. На предприятиях всё более широко стала применяться сдельная оплата труда и значительно увеличилась выплата денежных премий за успехи в социалистическом соревновании, выполнение плановых заданий, экономию сырья и материалов, рационализацию и изобретательство. Одновременно с этим сокращалось число направляемых министерствами директивных заданий, что позволило предприятиям изыскивать внутренние ресурсы и брать повышенные плановые обязательства⁷.

В результате всех этих мероприятий удалось достичь определённых успехов в формировании более эффективной системы управления народным хозяйством, что было отмечено в декабре 1975 г. на сессии Национального собрания ДРВ [1449.1, с.43; 1722.5, с.14].

3. *Внешнеэкономические связи ДРВ в 1965 – 1975 гг.*

3.1. *Сотрудничество с социалистическими странами*

В предыдущих параграфах настоящей главы уже не раз говорилось об огромной помощи Советского Союза и других

¹ Для крупных промышленных предприятий.

социалистических стран Вьетнаму. Поэтому здесь речь идёт об её определённой конкретизации.

С февраля 1965 г. СССР и с 1966 г. остальные государства – члены СЭВ¹ освободили ДРВ от выплаты процентов по ранее предоставленным кредитам и перенесли на неопределённый срок все платежи по основному долгу. В предыдущие годы ДРВ не раз подписывала соглашения о безвозмездной помощи и беспроцентных кредитах на экономическое развитие. В 1973 г. Советский Союз вместе с рядом других социалистических стран принял решение о признании этих кредитов безвозмездной помощью [1612.2].

Заключённые с 1956 г. соглашения между ДРВ и социалистическими странами предусматривали постепенный рост участия Вьетнама в международном разделении труда. В экспорте страны всё большую долю стали занимать уголь, олово, автомобильные аккумуляторы, изделия химической и деревообрабатывающей промышленности, а также продукция сельского хозяйства. Кроме того, экспортировалась и часть товаров, произведённых ткацкой промышленностью из импортного хлопка и тканей. В импорте ДРВ преобладали топливо, сырьё и материалы, поставлявшиеся из стран социалистического лагеря. Следует подчеркнуть и то, что почти все крупные промышленные предприятия и другие объекты были построены в ДРВ с помощью социалистических стран. С 1956 по 1965 г. ежегодные темпы роста товарооборота ДРВ с этими странами составили в среднем 13,1%. При этом в 1960 г. вьетнамский экспорт равнялся в стоимостном выражении 71 миллиону, а в 1964 г. – уже 95 миллионам рублей.

Начавшаяся в конце 1964 г. агрессия США против ДРВ резко изменила характер указанного товарооборота в 1965 – 1972 гг. Его среднегодовые темпы роста упали до 6,9%, а стоимость экспорта снизилась в 1971 г. до 60 миллионов рублей. В течение этого периода внешняя торговля ДРВ была в основном ориентирована на укрепление обороноспособности

¹ Совет экономической взаимопомощи.

страны. Соответственно импорт возрос в 2,2 раза, а экспорт из ДРВ сократился в 2 раза. Также изменилась и структура самого импорта. Так, если в 1960 г. средства производства составляли 87% импорта, то с 1965 г. стала резко возрастать доля продовольственных товаров, медикаментов и предметов первой необходимости, которая к 1975 г. составила 30,3%. В то время ДРВ поддерживала внешнеэкономические связи более чем с 45 странами, в том числе – с капиталистическими и развивающимися государствами. В основном они строились на основании межгосударственных соглашений, хотя в ряде случаев также заключались отдельные соглашения и сделки с торгово-промышленными фирмами¹ [337.2, с.113; 1174, с.145].

С 1973 г. развитие торговли, а также экономического и научно-технического сотрудничества стран социализма с ДРВ вновь изменилось. Теперь оно должно было обеспечивать рост технического уровня и эффективности производства, создание источников накопления для индустриализации и повышение благосостояния трудящихся. Одновременно с этим условия восстановительного периода позволили руководству ДРВ уделить значительное внимание постепенному выравниванию темпов роста экспорта и импорта, ликвидации разрыва между ними и расширению экспортной базы.

Свыше половины всего товарооборота ДРВ, который вырос за 1965 – 1975 гг. более чем в 4 раза в основном за счёт импорта, приходилось на страны – члены СЭВ. С 1973 г. экспорт из ДРВ стал постепенно возрастать и в 1975 г. он уже превысил уровень 1965 г. Однако товарное покрытие импорта, составлявшее лишь 22%, всё ещё было крайне низким.

В 1973 – 1974 гг. партийно-правительственная делегация ДРВ во время визита в ряд социалистических государств заключила соглашения об оказании технического и экономического содействия, о торговле и платежах. Тогда же были созданы межправительственные двусторонние комиссии для выполнения этих соглашений. С 1974 г. к работе двусторонних комиссий были подключены плановые органы,

¹ Как правило, это были фирмы капиталистических государств.

что ознаменовало наступление качественно нового этапа формирования структуры народного хозяйства ДРВ, создавшего условия как для повышения эффективности системы хозяйственных связей со странами социализма, так и для устойчивого роста товарооборота в рамках разделения труда между членами СЭВ.

Динамика внешнеторгового оборота ДРВ со странами – членами СЭВ в миллионах рублей [337.2, с.113]					
	1964 г.	1965 г.	1971 г.	1973 г.	1975 г.
Товарооборот	240,0	250,0	530,0	545,0	693,0
Экспорт	95,0	88,0	60,0	70,0	128,0
Импорт	145,0	162,0	470,0	475,0	565,0

Главную роль в торгово-экономическом сотрудничестве с ДРВ играл Советский Союз, на который в годы агрессии США приходилось около 70% всей помощи. Эта помощь была преобладающей как по объёму, измерявшемуся сотнями миллионов рублей, так и по ценности своего содержания. Большая её часть была безвозмездной, что позволило ДРВ не только противостоять США, но и оказать необходимую помощь патриотам Южного Вьетнама [263, с.90; 384.1, с.211].

СССР поставлял во Вьетнам главным образом товары производственного назначения. Так, в 1974 г. они составили 70,1% импорта ДРВ, в том числе машин и оборудования – 42,8%, поставки которых увеличились с 1964 г. в 3,6 раза. В 1973 – 1975 гг. на вьетнамских складах уже накопилось достаточно много ввезённого за военные годы комплектного оборудования, поэтому импорт рос в основном за счёт поставок разрозненных энергетических, электротехнических, горно-шахтных и подъёмно-транспортных машин, транспорта, металлорежущих станков и инструментов, различных приборов, сельскохозяйственной техники и других товаров производственного назначения. От $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ в структуре вьетнамского импорта занимали чёрные металлы, прокат и нефтепродукты. Советский Союз также поставил технику и материалы для строительства и восстановления около 200 промышленных предприятий и других объектов, оказав при этом научно-техническое содействие для их реконструкции и модернизации. Вопреки всем попыткам заблокировать советские

поставки, во вьетнамские порты ежемесячно прибывало до 40 океанских судов из СССР. В свою очередь вьетнамский экспорт на $\frac{3}{4}$ состоял из предметов потребления, в том числе кустарного производства. Кроме того, экспортировались олово, канифоль, паркетная фреза и растительное сырьё [337.2, с.63, 64; 1605.1, с.104].

Товарооборот ДРВ с СССР в миллионах рублей [22.1]					
	1965 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1975 г.
Оборот	94,9	183,2	160,8	116,8	206,5
Экспорт	27,5	16,7	21,5	22,6	47,8
Импорт	67,4	166,5	139,3	94,2	158,7

Значительную помощь ДРВ оказывали и другие страны СЭВ. Так, Чехословакия помогла в строительстве фанерного и пивоваренного заводов, Румыния – в реконструкции и расширении цементного завода, ГДР – в строительстве стекольного завода и полиграфического комбината, Польша – в расширении и реконструкции ряда электростанций и строительстве сахарного завода, Венгрия – в строительстве электростанций [22.2, с.288].

Большое значение имел и сохранявший традиционную структуру товарооборот между ДРВ и КНР. Из Вьетнама в Китай в основном экспортировались уголь, хромовая руда, олово, лесоматериалы и другие местные товары. Импорт же был представлен прокатом чёрных и цветных металлов, минеральными удобрениями, хлопчатобумажными тканями и товарами широкого потребления. Не следует забывать и о том значении, которое КНР имела для сухопутных транзитных перевозок грузов во Вьетнам. Безусловно, начавшиеся после XX съезда КПСС и постоянно обострявшиеся советско-китайские противоречия осложняли транзитные перевозки из СССР в ДРВ через китайскую территорию, однако китайское руководство так и не решилось пойти на их блокировку.

Также следует подчеркнуть, что социалистические страны безвозмездно оказывали ДРВ большую помощь в рамках научно-технического сотрудничества. До 1973 г. СССР и ДРВ определяли его основные направления на ежегодных заседаниях объединённых комиссий, а с созданием межправительственной советско-вьетнамской комиссии по

экономическому и научно-техническому сотрудничеству – на заседаниях специальной подкомиссии. В 1959 – 1971 гг. СССР передал ДРВ более 600 комплектов научно-технической документации, при этом в 1955 – 1974 гг. во Вьетнам было командировано около 4,7 тысячи советских специалистов. В числе совместных советско-вьетнамских работ также можно назвать разведку месторождений полезных ископаемых, нефти и газа, равно как и завершение в 1966 г. многолетнего труда по составлению геологической карты страны [384.1, с.257, 258; 1600.1, с.12].

Жители деревни на совместном обеде в общинном доме Биньхоа одноимённой общины уезда Зьонгчом провинции Бенче. 11.04.2011 г.

3.2. Торговые и финансовые связи с капиталистическими странами

ДРВ поддерживала торговые отношения и с рядом капиталистических государств, которым придавалось большое значение для укрепления международного положения страны. Правда, с точки зрения экономики они не имели большого значения. Так, в 1965 – 1973 гг. ежегодный товарооборот ДРВ со всеми капиталистическими и развивающимися странами составил в стоимостном выражении в среднем около 15 – 20

миллионов рублей, или 3% – 5% всего объёма торговли, что объясняется ограниченностью экспортных и валютных накоплений ДРВ.

Вьетнамский экспорт состоял из угля, минерального сырья, олова, морепродуктов, эфирных масел, кофе, пряностей, круглого леса, кустарно-художественных изделий и некоторых других традиционных товаров. Импорт – из минеральных удобрений, проката чёрных и цветных металлов, а также отдельных видов машин и оборудования.

Наиболее крупными и значимыми партнёрами ДРВ из капиталистических стран были Япония, Сингапур, Гонконг и Франция, при этом с двумя первыми сальдо торгового баланса ДРВ оставалось положительным до 1975 г.

В 1965 г. на долю Японии приходилось 45% всей торговли ДРВ с капиталистическими странами, а в 1961 г. её товарооборот достиг максимального уровня в 15,5 миллиона рублей. Начавшаяся в конце 1964 г. агрессия США привела к его значительному снижению, но уже в 1969 г. наметилось оживление вьетнамо-японской торговли, которая составила в 1975 г. 43,3% всей торговли ДРВ с капиталистическими странами при товарообороте в 57,5 миллиона рублей. Наконец, в ноябре 1975 г. между ДРВ и Японией был подписан протокол о выделении первой безвозмездной помощи в 8,5 миллиардов йен [1732.15].

**Динамика внешнеторгового оборота ДРВ с Японией и Францией
в миллионах рублей [22.2, с.299; 318, с.242]**

Страны	1965 г.	1970 г.	1975 г. ¹
Япония	13,8	10,2	57,5
Франция	4,7	1,1	22,5

В 1970 – 1973 гг. Франция также предоставила ДРВ кредит в размере 100 миллионов франков, в том числе 30 миллионов – безвозмездно, которые были использованы для покупки 5 траулеров и строительства 3 промышленных объектов. В 1974 – 1974 гг. Франция выделила ДРВ по двум соглашениям ещё 130 и 229 миллионов франков для

¹ Включая кредиты и безвозмездную помощь.

строительства промышленных объектов, а также покупки оборудования и ряда промышленных товаров [1612.3; 1657.2].

Также следует подчеркнуть особую роль Швеции в финансово-экономической помощи капиталистических стран ДРВ. Эта, поначалу небольшая, но постоянно растущая помощь, осуществлялась через Общество Красного Креста. Затем, в 1969 г., парламент Швеции принял решение о ежегодном выделении 45 миллионов долларов в качестве помощи ДРВ в 1970 – 1973 гг. Кроме того, были выделены дополнительные средства для закупок через шведское управление международного развития тканей, сгущенного молока и оборудования для больниц. В 1973 – 1974 гг. Швеция предоставила ДРВ 100 миллионов крон на восстановление народного хозяйства. Тогда же при финансово-техническом содействии Швеции началось строительство целлюлозно-бумажного комбината мощностью в 55 тысяч т бумаги в год в провинции Виньфу и двух больниц. В 1973 г. последовавшая примеру своего соседа Норвегия, тоже оказала Вьетнаму финансовую помощь в размере 35 миллионов крон [1655.1, с.17; 1688.1; 1732.13; 1732.14].

Наконец, постепенно активизировались связи ДРВ с ООН, которая через свои организации начала выделять Вьетнаму средства на послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства.

Следует отметить, что большая часть безвозмездной помощи капиталистических стран состояла из продовольствия, медикаментов, медицинского оборудования, товаров первой необходимости, школьно-письменных принадлежностей, а финансовая помощь международных организаций тратилась на нужды здравоохранения, а также на строительство и оборудование дошкольных и школьных детских учреждений.

3.3. Военно-техническая помощь в войне с США

Не сложно заметить, что в предыдущих параграфах речь в основном шла о тех торговых обменах и безвозмездной помощи, которые имели лишь косвенное отношение к обеспечению боеспособности ВНА. Что же касается военно-

технического сотрудничества ДРВ с другими странами, то это особая сторона внешнеэкономических связей ДРВ в 1965 – 1975 гг., целый ряд аспектов которой до сих пор остаются засекреченными. Поэтому в данном параграфе приводятся только некоторые связанные с ними и, как правило, известные в самом общем плане факты.

Приблизительно с начала 1950 г. КНР стала оказывать ДРВ значительную военно-техническую помощь для ведения Войны сопротивления против Франции. Главным образом в ДРВ поставлялось стрелковое оружие¹ и ствольная зенитная артиллерия китайского производства. Кроме того, несколько частей и соединений ПВО китайской армии дислоцировались в Северном Вьетнаме.

Военная помощь КНР превалировала вплоть до того момента, когда в начале 1965 г. руководство Советского Союза приняло решение о предоставлении ДРВ широкомасштабной военно-технической помощи, которая этого времени стала играть главную роль в оказании военной помощи ДРВ. Так, с 1965 по 1973 г. СССР поставил ВНА 95 ЗРК^{II} С-75 «Двина» и более 7,5 тысяч ракет к ним. В ДРВ поставлялись самолёты, танки, бронетранспортёры, тяжёлое и лёгкое вооружение, средства связи, боеприпасы и другие изделия военного назначения^{III}. При этом если на начальном этапе во Вьетнам отправлялась даже такая техника времён Второй мировой войны, как танки Т-34, то не позднее 1970 г. ВНА стала получать самое современное вооружение. Вьетнамские военные также проходили обучение в созданных в ДРВ военных училищах, в которых преподавали советские специалисты. Также они получали знания и в военных учебных заведениях на территории СССР, например, в Ейском высшем военном авиационном училище.

По данным Главного оперативного управления Генштаба ВС СССР, с июля 1965 по декабрь 1974 г. во

¹ Например, трёхлинейные винтовки Мосина, автоматы ППШ, пулемёты Дегтярёва и другие виды стрелкового оружия.

^{II} ВНА – Вьетнамская народная армия; ЗРК – зенитно-ракетный комплекс.

^{III} См. иллюстрации 46, 56 и 66 в «Главе 2» «Части II» настоящего тома.

Вьетнам были направлены в качестве советских военных специалистов 6359 генералов и офицеров и более 4,5 тыс. солдат и сержантов срочной службы. Интересно отметить, что за этот период погибли всего 13 советских военнослужащих¹. Столь незначительные потери следует связывать с тем, что главной задачей советских военнослужащих во Вьетнаме было отражение воздушных атак ВВС США. Тогда как в самих боевых действиях непосредственное участие принимали лишь советские расчёты ЗРК, первый бой которых с американской авиацией произошёл 24 июля 1965 г. В то же время некоторые американские и европейские авторы утверждают, что в ДРВ дислоцировались чуть ли не 4 дивизии советских ВВС, при этом советские военные специалисты принимали прямое участие в ряде наземных операций армии ДРВ. Но поскольку никакими доказательствами эти сведения не подтверждаются, то они мало чем отличаются от многочисленных анекдотов о якобы маскировавшихся под вьетнамцев советских лётчиков⁸.

Таким образом, обходившаяся Советскому Союзу, согласно оценке председателя Совета министров СССР А.Н.Косыгина, в 1,5 миллиона рублей в день военная помощь ДРВ явилась важнейшим фактором, предопределившим конечную победу вьетнамского народа в войне против США за объединение страны [1618.1, с.29].

*

* *

В заключение настоящей главы представляется необходимым дать предварительную оценку ряду аспектов социально-экономической истории ДРВ 1965 – 1975 гг., которые во многом предопределили его дальнейшее развитие.

Из вышесказанных фактов следует, что товаров народного потребления, производившихся в ДРВ с 1954 г., катастрофически не хватало. Поэтому товарный голод хотя бы частично компенсировался постоянным ростом поставок из социалистических стран. Так, если в 1960 г. они составили

¹ Смотри иллюстрацию 58 в «Главе 2» «Части II» настоящего тома.

13% от общего количества товаров народного потребления, то в 1965 г. – 23,5%, в 1968 г. – 33%, а в 1972 г. – уже 40,2%. В этих условиях образовавшийся товарный вакуум вполне логично заполнил свободный, или чёрный, рынок с его стихийно формировавшимися ценами на продовольствие и товары народного потребления, которые были практически почти недоступны для значительной части населения⁹.

В то же время война требовала жёсткого контроля центральной власти над всеми сферами жизни. В результате к 1968 г. доля государственного, или социалистического, уклада в ДРВ составила в национальном доходе 90,7%, в сельском хозяйстве – 93,6% и в промышленности – 94,4%, а доля частного сектора – от 6% до 10%. В сельском хозяйстве, как известно, этот доход формировался за счёт обязательных продаж продовольствия государству. Однако почти вся продукция этого сектора экономики ДРВ производилась сельскохозяйственными кооперативами, которые по своей организации мало чем отличались от традиционной общины. При этом нормированное снабжение деревни необходимыми товарами первой необходимости по низким ценам во многом ассоциировалось в общественном сознании с традиционным для Вьетнама выделением властями зерна и денежной помощи крестьянским хозяйствам в годы бедствий. Называя «социалистическим» многовековой патриархальный уклад вьетнамской деревни, власти ДРВ опасались нарушить его функционирование, поскольку это могло привести к реальной продовольственной катастрофе.

Есть все основания полагать, что именно Хо Ши Мин вынудил своим авторитетом радикально настроенных членов политбюро ЦК ПТВ и правительства ДРВ придерживаться указанной политики по отношению к деревне¹⁰. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что почти сразу после его кончины 2-го сентября 1969 г., то есть в первый год мирной передышки после прекращения воздушной войны с США, вьетнамское руководство поставило вопрос о реформировании традиционной, или, как её называли, «административно-снабженческой», системы управления.

Алтарь Хо Ши Мина. Общинный дом Биньтхюи, или «Поминальный храм Истоков Дракона [Императорской власти]» одноимённого квартала.
Бенче. 10.04.2011 г.

Во всяком случае, всего через неполных три года она уже во многом была заменена вьетнамским аналогом

советского государственного аппарата¹. В то же время если патриархальная «административно-снабженческая» система управления соответствовала многовековым традициям вьетнамской общины, то советская командная вертикаль управления экономикой была ей абсолютно чужда. К тому же привнесённая на вьетнамскую почву советская система управления оказалась не в состоянии кардинально изменить продовольственную ситуацию в стране не только в годы войны, но и после её объединения в 1975 г.

В условиях войны против американского империализма за объединение страны большая часть привычного к нехватке продовольствия и товаров широкого потребления населения ДРВ принимало такое положение вещей как неизбежное зло. Однако с окончанием войны ситуация стала стремительно меняться, что привело в конце XX – начале XXI в. к серьёзной коррекции политики вьетнамского руководства в управлении экономикой, суть которой характеризуется в следующем томе.

¹ Смотри «Примечание 7» в «Комментарии» к настоящей главе.

Глава 3

*Экономика Южного Вьетнама в 1954 – 1975 гг.*¹.

После подписания Женевских соглашений под властью сайгонского правительства находился весь Южный Вьетнам. Однако с образованием НФОЮВ и расширением территории подконтрольной ему территории юг страны в свою очередь оказался разделённым надвое. Обе его части не имели определённых границ, но при этом они развивались не как одно органическое целое, а как две различные, но тесно взаимосвязанные экономические зоны.

1. *Экономика в зоне контроля сайгонских властей*

1.1. *Участие США в финансировании войны и развитии экономики*

Помощь США сайгонскому режиму оказывалась в основном безвозмездно в трёх формах: военной, технической и экономической. За период 1955 – 1975 гг. она превысила 26 миллиардов долларов, достигнув рекорда среди стран Юго-Восточной Азии. Наиболее крупной была военная часть – 16 миллиардов долларов. Экономическая и техническая помощь почти в 3 раза ей уступала – 6 миллиардов. Наконец, её дополняли экспорт сельскохозяйственных излишков на сумму 1,6 миллиардов, кредиты на 100 миллионов и обмен 2,4 миллиарда долларов на вьетнамскую валюту по заниженному курсу для оплаты местных нужд США [1175, с.263]. За счёт столь масштабных затрат удалось создать не только огромный арсенал оружия для сайгонской армии, но и основной источник наполнения рынка потребительскими товарами, обеспечения сырьем и материалами разных отраслей экономики. Американская помощь стала главным источником финансирования как бюджета сайгонского правительства, так и доходов нескольких миллионов человек, включая членов их семей, которые служили этому режиму².

Военная помощь состояла из прямых поставок вооружения и военных материалов, а также расходов на укрепление обороны Республики Вьетнам, включая обучение и

оснащение сайгонской армии, и военное строительство. Техническая помощь также прямо или косвенно направлялась на военные цели – расширение портов, аэродромов, строительство стратегических дорог, линий связи и других объектов. Через неё также финансировалась разведка минеральных ресурсов, прежде всего нефти, что во многом способствовало укреплению политических и экономических позиций США в РВ и созданию благоприятных условий для частных капиталовложений. На военные цели расходовалось более 85% помощи, предоставляемой США как по военной, так и по технической программе.

Экономическая помощь США поступала в Южный Вьетнам по трём основным каналам. Во-первых, это была так называемая коммерческая помощь, по которой сайгонским властям ежегодно предоставлялись безвозмездные кредиты в долларах для расчётов за импортируемые товары. Во-вторых, через поставки американских сельскохозяйственных излишков по закону 489, или по известной программе «Продовольствие во имя мира». В-третьих, «Техническая помощь» в долларах для оплаты прямых, не облагаемых таможенными сборами, поставок оборудования и материалов для различного рода экономических, социальных, культурных и административных объектов, а также в донгах из «Специального фонда», который пополнялся за счёт продажи излишков сельскохозяйственной продукции. Работа по первым двум каналам получила название «связанной помощи».

В 1954 – 1965 гг. США предоставили властям Южного Вьетнама в качестве экономической помощи порядка 3,1 миллиарда долларов, причём в середине шестидесятых годов она составляла почти половину тех сумм, которая выделялась для всей Азии в этой форме. В последующий период, вплоть до 1973/1974 финансового года, эта помощь выросла до 5,2 миллиарда долларов [447; 1688.2, с.159; 1688.3]. Этот рост экономической помощи был обусловлен осуществлением в последние годы существования сайгонского режима целого ряда таких обширных социально-экономических программ,

как создание лагерей для «перемещённых лиц» и беженцев, проведением новой аграрной реформы и расширением финансово-кредитных операций как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

1.1.1. «Связанная помощь»

Средства от реализации на южновьетнамском рынке американских товаров, в первую очередь продовольственных излишков, предоставляемых в порядке экономической помощи, поступали в специальный фонд. Из него в дополнение к текущим бюджетным тратам финансировались «оборонные» расходы, которые составляли до $\frac{3}{4}$ последних³.

В счёт коммерческой помощи сайгонские власти оплачивали по указанию Вашингтона импорт товаров из США и других капиталистических стран. Экспортёрами были Тайвань, Япония, Южная Корея и Таиланд, всего – 10 стран. Товары, закупаемые в них Южным Вьетнамом, подлежали перевозке только на американских судах. При этом товары из США стоили на 15% – 20% дороже товаров из других промышленно развитых стран. Из списка торговых партнеров РВ в ходе такой селекции были исключены 19 государств. Данная мера имела целью вытеснение с южновьетнамского рынка американских конкурентов, главным образом Франции и Японии.

За 16 лет с 1955 по 1970 г. в виде «связанной помощи» в Южный Вьетнам было поставлено товаров на сумму 3893,8 миллиона долларов, то есть в среднем по 243,3 миллиона ежегодно [141, с.130]⁴. Подобные поставки гарантировали дополнительный сбыт продукции американских компаний и расширяли товарный ассортимент южновьетнамского рынка. Это позволяло улучшить снабжение населения промтоварами, пропагандировать в РВ американский образ жизни и уровень развития, а также формировать «общество потребления». По показателям товарного изобилия юг страны существенно опередил живший фактически в условиях голода и тотального дефицита север. В результате американцам удалось создать

демонстрационный эффект, который нарастал по мере расширения контактов между обеими частями Вьетнама и проявился в полной мере после их воссоединения.

Объём поставок «связанной помощи» различался в отдельные периоды.

В 1955 – 1960 гг., когда США стремились укрепить режим Нго Динь Зьема поставками необходимых для его существования средств и вытеснить французский капитал, они достигли 1148,8 миллиона долларов.

В 1961 – 1965 гг., поскольку южновьетнамский рынок был насыщен товарами, покупательная способность населения снизилась из-за повышения налогов и экономической разрухи, а утративший доверие режим Зьема к концу этого периода пал, поставки сократились приблизительно до 911 миллионов долларов.

В 1966 – 1970 гг. Соединённые Штаты пытались преодолеть экономический хаос и спасти режим Нгуен Ван Тхиеу с помощью финансово-экономических «вливаний». Поэтому сумма «связанной помощи» выросла за 5 лет до 1834 миллионов долларов, или в два раза.

Предоставление «связанной помощи» обуславливалось следующими требованиями.

- Номенклатура, количество, цены и сроки поставок устанавливались и контролировались ЮСОМ в соответствии с экономической конъюнктурой и задачами США в Южном Вьетнаме.
- Товары должны были импортироваться из назначаемых ЮСОМ стран, в первую очередь – из США.
- 50%¹ импортируемых в рамках этой программы товаров должны были перевозиться на американских судах, при этом стоимость фрахта на кораблях США была намного выше, чем на судах других стран⁵.

¹ С 1961 г. – 100%.

- Расчет за импорт осуществлялся исключительно через американские банки, в которых процентные ставки были повышены с июля 1957 г. на 2% – 3%.
- Закупка промышленного оборудования и машин стоимостью свыше 10 тысяч долларов оформлялась только с одобрения американской «службы малого бизнеса».
- Если в порту Сайгона при проверке обнаруживалось, что ввезённые товары по количеству, качеству, ценам, упаковке, стране-отправителю и другим характеристикам не соответствуют спецификациям ЮСОМ, то с сайгонских властей взимался штраф. В 1967 г. сумма таких штрафов достигла 7 миллионов долларов.
- Срок хранения импортных товаров после выгрузки в порту не должен был превышать 90 дней. В случае превышения этого срока ЮСОМ взимала штраф, эквивалентный сумме расходов по страхованию и фрахту.

Предоставление «связанной помощи» осуществлялось, в том числе, в рамках так называемого «валютного треугольника», когда США продавали излишки своей сельскохозяйственной продукции Франции, 90% которых подлежало оплате франками, а 21% выручки передавался сайгонскому правительству. На эти франки оно закупало французские товары. Такая же система действовала и в отношении Японии. В этом случае на поставки Республике Вьетнам уходило уже 40% вырученных от продажи американской продукции средств. С помощью такой трёхсторонней «торговли» американцы сбывали излишки своей сельскохозяйственной продукции на французском и японском рынках, а также «покупали» одобрение партнёрами проводившейся ими в Южном Вьетнаме политики. Тем самым также укреплялись позиции Японии, которую Вашингтон рассматривал как своего «самого верного союзника в Юго-Восточной Азии». Начиная с 1962 г. за счёт подобных манипуляций Соединенные Штаты и их союзники, главным образом азиатские страны, полностью монополизировали южновьетнамский рынок потребительских товаров.

**Географическая структура товарных поставок в счёт помощи США
в процентах [272.1]**

	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Всего:	100	100	100	100	100	100
В том числе:						
США	21,3	45,2	38,2	39,2	43,9	46,9
10 стран-союзников	6,6	22,4	48,3	59,0	55,3	52,4
Другие промышленно развитые страны	72,1	32,4	13,5	1,8	0,8	0,7

Кроме таких сельскохозяйственных излишков, как пшеничная мука, сгущённое и сухое молоко и табачные изделия, власти США также монополизировали поставки тяжёлых грузовиков, тракторов и культиваторов, алюминия, хлопчатобумажных и синтетических тканей, хлопка и пряжи. Тайвань, Таиланд и Индонезия поделили между собой торговлю цементом, а Южная Корея, Тайвань и Тунис – продукцией чёрной металлургии. Согласно статистическим данным, в 1955 – 1960 гг. помощь США в основном состояла из потребительских товаров, что в дальнейшем не изменилось.

Таблица 2

**Товарная структура «связанной помощи» США Южному Вьетнаму
в процентах [272.1]**

Всего:	100,0
В том числе:	
Продовольствие	12,8
Потребительские товары	43,0
Полуфабрикаты	19,6
Горюче-смазочные материалы	10,0
Сырье	0,8
Оборудование	13,8

Если учесть, что полуфабрикатами считались продукты, нуждающиеся лишь в незначительной доработке на месте и фактически предназначенные для непосредственного потребления, то потребительские товары составляли 75,4%, а сырье, включая ГСМ, и оборудование – 24,6%, при этом уже в 1967 – 1969 гг. доля второй категории товаров выросла до $\frac{1}{3}$ ⁶. Преобладание потребительских товаров объяснялось «задачей максимального пополнения государственной казны». Кроме

того, представленные частными фирмами импортёры, были заинтересованы лишь в легко реализуемых на рынке товарах. Значение этих поставок особенно очевидно, если сопоставить их долю с общими объёмами южновьетнамского импорта и американской помощи за исключением прямой военной помощи. В среднем в 1956 – 1965 гг. «связанная помощь» составляла 65% годового импорта и 88% всей помощи США.

Таблица 3

**Экономический вес «связанной помощи» США Южному Вьетнаму
в процентах [272.1]**

Год	Доля в общем объеме импорта РВ	Доля в общем объеме помощи США
1956	70,0	83,3
1957	82,0	92,4
1958	82,0	94,0
1959	78,2	88,6
1960	69,6	90,8
1961	51,7	90,7
1962	54,2	87,8
1963	54,0	82,2
1964	49,2	87,0
1965	58,4	84,7

Средства, вырученные за счёт «связанной помощи», играли решающую роль в наполнении «специального фонда»¹ и последующем покрытии из него 81,6% военных расходов сайгонских властей. В среднем за период 1955 – 1969 гг. «связанная помощь» США обеспечила 72% приходной и 60% расходной частей годового бюджета РВ.

С 1955 по 1969 гг., то есть до начала «вьетнамизации» войны, «связанная помощь» принесла в «специальный фонд» 173,6 миллиарда южновьетнамских донгов и дала сайгонским властям 158,6 миллиарда налоговых поступлений. Кроме того, прибыли импортёров товаров в рамках помощи США и комиссионные вознаграждения банков составили, по самым скромным расчётам, 10% от первой суммы, не считая прибыли мелких торговцев и комиссионных посредников.

¹ В 1955 – 1965 гг. они дали 97%.

**Структура наполнения и расходов «Специального фонда»
в миллионах южновьетнамских донгов [272.1]**

Взносы в фонд	Отчисления из фонда
Всего 74177; в том числе:	Всего 73063; в том числе:
1. «связанная помощь» 72046	1. военные расходы 60578
2. «поставки товаров» 55932	2. финансирование технико-экономических проектов 6894
3. «трёхсторонняя торговля» 5297	3. обустройство «перемещенных» северян 2289
4. наличные доллары 4463	4. взносы в «Trust Fund» 1513
5. таможенные пошлины 6354	5. другие цели 1780
6. другие источники 2131	

Эти деньги пускались в обращение и приносили доходы, составившие только в 1955 – 1960 гг. по 8 миллиардов южновьетнамских донгов в год. В итоге в 1955 – 1965 гг. помощь Соединённых Штатов Америки давала суммарно до 22 миллиардов южновьетнамских донгов в год, что составляло примерно четверть ВВП Республики Вьетнам. Например, в 1963 г. его доля составила 24,45%, или 90 миллиардов южновьетнамских донгов, а в 1966 – 1969 гг. – 83 миллиарда при его доле в ВВП 23,45% от 3 миллиардов долларов [631; 1292.1, с.270]¹.

Таблица 5

**Доходы от «связанной помощи» США Южному Вьетнаму
в миллионах южновьетнамских донгов в год [631]**

	1955 – 1965 гг.	1966 – 1969 гг.
Приходная часть текущего бюджета	12500	48581,3
Прибыли и комиссионные вознаграждения	650	2557,5
Итого:	13150	51138,8

1.1.2. Прямая «техническая помощь»

Прямая «техническая помощь», которая также была безвозмездной, но не поступала в госбюджет, откуда и её название – «прямая помощь», состояла из предоставлявшихся

¹ ВВП – Валовой национальный продукт; ВВП – Валовой внутренний продукт.

в долларах кредитов. Во-первых, они шли на импорт оборудования, материалов и оплаты различных товаров и услуг, которые освобождались от пошлин и налоговых сборов и непосредственно использовались для реализации проектов, а не для продажи, в отличие от товаров, поступающих по каналам «связанной помощи». Во-вторых, эти кредиты использовались для выплаты жалования американским экспертам и советникам, финансирования проводившихся американскими фирмами исследований по разработке промышленных проектов, а также на стипендии для обучения южновьетнамских студентов в США.

Таблица 6

«Технической помощи» США по отраслям
1955 – 1965 гг. в процентах [272.1]

Целевые потребители	Прямые кредиты в долларах США	Средства из «спецфонда» в южновьетнамских донгах
Сельское хозяйство, промыслы	10,13	11,35
Промышленность	4,25	1,03
Транспорт и коммуникации	32,6	16,97
Улучшение условий труда	0,04	0,23
Здравоохранение	8,02	7,34
Народное образование	4,35	5,72
Социально- административные мероприятия	15,21	5,38
Создание «агроколоний», осуществление программ «общественного развития», др.	12,91	41,77
Разное	5,08	5,15
Закупка техники	7,23	-
Резервы	-	5,66

Другую часть прямой «Технической помощи» составляли средства в донгах, которые поступали из «специального фонда». С 1955 по 1970 г. в её рамках было выделено 1464 миллиона долларов, в том числе 263 миллиона в 1955 – 1960 гг., 194 миллиона в 1961 – 1965 гг. и 1008 миллионов в 1966 – 1970 гг. Ещё 94 миллиона долларов было истрачено на переселенцев с севера, при этом 1556 миллионов

южновьетнамских донгов перечислено на эти цели из «специального фонда» [272.1]. «Техническая помощь» в основном шла на создание инфраструктуры, проведение аграрной реформы, обеспечение нужд потребительских кооперативов и «центров по перевоспитанию», кредитование крестьян и другие цели. Лишь 14,38% долларовых кредитов направлялись в сельское хозяйство и промышленность.

В то же время долларовые кредиты на так называемые «административные мероприятия»¹ и «общественное развитие», которое включало в себя программу создания «стратегических деревень», достигли 28%. С учётом средств на развитие транспорта и военных коммуникаций выданные на неэкономические цели кредиты составили $\frac{2}{3}$ их общей суммы. Аналогичным образом использовались и средства из «Специального фонда», одну половина которого истратили на создание «агрогородов» и «стратегических деревень», а другую – на развитие транспорта и коммуникаций.

Из этого следует, что, несмотря на её значительный объём и назначение, прямая «Техническая помощь» США мало использовалась для развития экономики. Так, в 1955 – 1961 гг. на заработную плату американских экспертов и стипендии студентам, обучающимся в США, было истрчено 12,58%, на оплату проектных и аналогичных услуг – 24,62%, на закупку оборудования, машин, материалов для строительства дорог, мостов, морских и воздушных баз, «стратегических деревень» и иных объектов – 62,8%. Однако в 1973 – 1974 гг. реальный объём американской помощи резко сократился из-за мирового валютно-финансового кризиса и роста цен на импортируемые в РВ продовольствие, сырьё и нефтепродукты. Когда же Конгресс США резко ограничил ассигнования на помощь сайгонскому режиму, то он оказался в глубочайшем экономическом кризисе, что быстро привело к хозяйственной разрухе на подвластных ему территориях.

¹ Операции по «психологической войне» и «умиротворению», а также работа органов безопасности и полиции

1.2. Отраслевая структура

1.2.1. Аграрные отношения и сельское хозяйство

Как известно, природные условия Южного Вьетнама делают его наиболее благоприятным районом страны для развития земледелия. Кроме риса там культивируют хлопок, сахарный тростник, табак, шелковицу, чай, кокосовые орехи, коноплю, рами, пеньку, гевею, масличные растения и многие другие тропические растения. На юге также хорошо развиты овощеводство, садоводство, животноводство, речное и морское рыболовство.

Понимая важность и огромный потенциал аграрной сферы, сайгонские власти отдавали приоритет развитию сельского хозяйства. В 1955 – 1975 гг. они провели выкуп излишков земли у крупных местных и иностранных, в основном французских, собственников для передачи малоимущим и безземельным крестьянам. После чего была осуществлена рекультивация земель и организованы кредитование крестьянских хозяйств, а также продажа им семян, удобрений и оборудования. В 1955 – 1957 гг. Нго Динь Зьем провёл земельную реформу, формально содержащую значительные уступки крестьянству, включая как снижение арендной платы до 15% – 20 % урожая, так и процентных ставок по ссудам и за аренду инвентаря. Государство также ограничило площадь земельных владений до 100 га и выкупило 800 тысяч га излишков земли, перепродав их крестьянам⁷. Однако большая её часть попала в руки офицеров сайгонской армии и чиновников, ставших опорой проамериканского режима. Разрешение владеть крупными для вьетнамских условий участками означало фактическое сохранение собственности помещиков на земли, которые народная власть передала крестьянам на юге. К тому же, те из них, кто участвовал в борьбе против французских колонизаторов, и большинство северных мигрантов направлялись в отдалённые районы, где создавались плантации каучука, кофе и чая. В результате к 1963 г. было

основано 198 плантаций и освоено 168,5 тысяч га земель, на которых работали около 280 тысяч человек [1156.1, с.58].

Большинство же крестьян по-прежнему не могли вести хозяйство из-за земельного голода. Согласно данным проводившегося при участии экспертов ФАО в 1960 – 1961 гг. статистического обследования сельских районов Южного Вьетнама, в 27 провинциях из 1893 тысяч хозяйств 600 тысяч совсем не имели земли и арендовали её у крупных землевладельцев, а 750 тысяч владели лишь небольшими клочками земли, но основную её часть они также арендовали. Таким образом, число арендаторов составило 1350 тысяч, или 71,3% всех хозяйств, при этом из 2,5 миллионов га рисовых полей в аренду сдавались 1,5 миллиона га, 1,3 миллиона которых принадлежали крупным землевладельцам [1712.1].

В результате чтобы привлечь большую часть крестьян на свою сторону и утвердить капиталистический способ ведения хозяйства, правительство Нгуен Ван Тхиеу было вынуждено пойти на более радикальные меры. Так, согласно опубликованному 26-го марта 1970 г. закону, выкупу и передаче крестьянам подлежали излишки земли превышавшие 10 га. С 1971 по 1973 г. у 106,55 тысячи землевладельцев было выкуплено за 140,1 миллиарда южновьетнамских донгов 758,01 тысячи га земли. В общей сложности за период с 1955 по 1973 г. 2 миллиона га земли были переданы в пользование 1,1 миллиону семей¹, а средний надел достиг 1 – 2 га, что позволило половине крестьян стать фермерами [1156.1, с.185]⁸.

Сельское хозяйство Южного Вьетнама продолжало в целом оставаться монокультурным, а его основной отраслью по-прежнему являлось рисоводство. С 1955 по 1973 г. посевные площади под рисом расширились с 2,2 миллиона га до 2,9 миллиона, занимая 80% всех обрабатываемых земель и давая 50% аграрной продукции. Рост составил 27,5%, однако довоенного уровня так достичь и не удалось [1175, с.270, 271].

¹ Около 7 миллионов крестьян.

1. Пахота под посев риса второго урожая. 2. Сбор риса первого урожая.
Провинция Биньтхуан. 05.04.2011 г.

В 1955 – 1965 гг. урожайность риса на юге составляла примерно 1,5 т с 1 га в год при его среднегодовом валовом

сборе 4 миллиона т. В 1966 – 1975 гг. эти показатели равнялись соответственно 2,2 т с 1 га и 6,4 миллионам т. По мере расширения военных действий в сельской местности эти показатели падали⁹, а в периоды мирного затишья в Южном Вьетнаме, например в 1973 – 1974 гг., поднимались. Кроме того, естественный прирост достигал 3% в год, вследствие чего численность населения увеличилась за указанный период наполовину. Поэтому производство риса на душу населения сильно упало. В 1955 г. оно составило всего 385,4 кг неочищенного риса, а в 1968 г. и того меньше – 268,5 кг¹⁰.

В связи с утратой сайгонскими властями контроля над основными сельскохозяйственными районами и увеличением городского населения за счёт беженцев из этих районов экспорт риса из Южного Вьетнама резко сократился. Так, если в тридцатых – сороковых годах он составлял 1 – 1,5 миллиона т в год и давал около 60% экспортной выручки, то с 1955 по 1960 г. было экспортировано всего 1240 тысяч т риса [1737.2; 1737.3]. Более того, после 1963 г. Южный Вьетнам стал ввозить рис из США, Японии, Тайваня и ряда других стран. В 1964 г. его было импортировано 40 тысяч т, в 1965 г. – 71 тысяча т, в 1966 г. – 450 тысяч т, в 1967 г. 1 миллион т. Всего же до 1974 г. в Южный Вьетнам было ввезено 3,9 миллиона т риса и еще 2,7 миллиона т других зерновых культур [1175, с.265; 1729.4, с.38]¹¹. Это значит, что ежегодно в течение месяца южане жили за счёт импортного продовольствия.

Из других продовольственных культур наиболее распространенными являлись батат, маниока и кукуруза. Их среднегодовой валовой сбор их за 1960 – 1965 гг. составил соответственно 268, 283 и 37 тысяч т, а затем он суммарно не превышал 0,5 миллиона т, что составило лишь 4% аграрной продукции [1725.1, с.27]. При этом посевные площади под кукурузой увеличились с 20 тысяч га в 1955 до 30,8 тысяч в 1958 г., в 1959 – 1960 гг. они снизились до 26 – 27 тысяч га и снова выросли до 36 – 37 тысяч га в 1962 – 1965 гг. После этого вновь произошло их сокращение до 28 – 29 тысяч га в 1966 – 1970 гг. Наконец, в 1975 г. посеvy кукурузы

достигли 39,6 тысяч га, или увеличились лишь на 7% по сравнению с 1964 г. [1175, с.270].

В не менее тяжелом положении было животноводство, терявшее ежегодно от бомбёжек и отравляющих веществ десятки тысяч голов крупного рогатого скота, свиней и домашней птицы. Только с 1963 по 1974 г. поголовье крупного рогатого скота сократилось с 2031 тысячи до 1525 тысяч, в том числе буйволов – с 1100 тысяч до 530 тысяч голов¹ [1175, с.269; 1737.4, с.5, 6]. В результате сайгонское правительство вынуждено было завозить мясо и птицу из-за рубежа. В 1966 г. импорт этих продуктов достиг в стоимостном выражении 3,3 миллиона долларов, что говорит о резком росте их потребления. Также ввозились корма и молодняк, особенно бройлеры для птицеферм вокруг крупных городов. Однако промышленное животноводство так и не получило развития, им занимались небольшие фермы.

Технические культуры, занимавшие на юге второе по важности место после риса, тоже были подвержены заметным колебаниям. Посевы некоторых культур составили в 1973 г. лишь 187 тысяч га, или на 60 тысяч га меньше, чем в 1944 г.

Таблица 7

**Посевы продовольственных и технических культур
1955 – 1973 гг. в тысячах га [522, с.188; 1156.1, с.60, 61]**

Год	Рис	Куку- руза	Сахарн. тростник	Табак	Кофе	Гевея	Хлопок	Шелко- вица
1955	2218,8	20,0	27,8	13,7	3,2	62,0	3,3	1,34 ^{II}
1960	2318,0	28,5	32,8	9,5	9,8	109,5	–	–
1965	2428,6	37,0	33,9	8,5	10,8	129,7	100	1,31 ^{III}
1970	2510,7	28,6	11,6	8,5	9,4	105,8	–	–
1971	2625,3	31,0	12,6	8,6	9,7	103,2	–	–
1972	2700,0	35,5	12,4	9,4	8,5	83,3	–	–
1973	2890,1	39,6	17,4	11,6	8,9	68,3	–	–

Сайгонские власти особенно стимулировали производство каучука и ряда других экспортных культур.

^I 1965 – 1974 гг.

^{II} Данные за 1957 г.

^{III} Данные за 1962 г.

Однако производство каучука с 70 тысяч т в 1960 – 1965 гг. упало до 20 тысяч т в 1970 – 1974 гг., пеньки – с 4 тысяч до 0,7 тысячи т, джута – с 2,4 тысяч до 1 тысячи т, хлопка – с 0,4 тысячи до 0,02 тысяч т. Производство сахарного тростника сначала выросло с 685 тысяч т до 1100 тысяч, но к 1972 г. упало до 300 тысяч т. Напротив, сборы чая, кофе и табака в 1973 г. поднялись относительно 1955 г. с 4,5 тысячи т до 5,9 тысячи т, с 2,9 тысячи т до 3,5 тысячи т и с 8,1 тысячи т до 11,7 тысячи т соответственно. Но из-за отсутствия спроса часть этого урожая уничтожалась на корню [1156, с.62; 1737.5].

С целью решения этих проблем и повышения эффективности сельского хозяйства в Южном Вьетнаме был осуществлён комплекс передовых по тем временам агротехнических мероприятий, известных в Азии как «зелёная революция», который включал механизацию и химизацию производства, внедрение в оборот новых высокоурожайных сортов растений и пород животных¹². Так, фермеры начали осваивать рис сорта IR8, гватемальскую кукурузу, тайваньский арахис и другие культуры. Тысячи групп экспертов по 16 человек каждая были направлены за счёт государства в деревни, чтобы помочь освоению сельскохозяйственной техники. В 1968 – 1973 гг. в Республику Вьетнам было ввезено 173380 различных машин общей мощностью 1,2 миллиона л.с. из Японии, Франции, США и Германии. По неполным данным, к 1975 г. сельское хозяйство юга имело уже 170 тысяч единиц сельскохозяйственной техники, а новые сорта растений занимали 30% обрабатываемых площадей¹³.

С 1956 по 1960 гг. кредитные учреждения предоставили фермерам займы на сумму 2,8 миллиарда южновьетнамских донгов для выращивания риса, занятий овощеводством и животноводством с целью создания больших зон товарного производства как для поставок сельскохозяйственной продукции в городские районы, так и для её экспорта. В 1967 – 1968 гг. сельскохозяйственный кредит был увеличен до 4,55 миллиарда южновьетнамских донгов, а затем он ещё вырос [1156.1, с.58].

Тем не менее уровень инвестиций в развитие сельского хозяйства был недостаточным, что наряду с военными действиями и применением армией США ядохимикатов не позволяло использовать весь потенциал этой отрасли. Так, по двухлетней программе экономического строительства 1955 – 1956 гг. из госбюджета в сельское хозяйство было направлено 1,2 миллиарда южновьетнамских донгов, что составило всего 6% его расходной части. В период с 1966 по 1973 г. было выделено министерству сельского хозяйства и министерству сельскохозяйственного развития уже 74,5 миллиарда донгов, из которых смогли освоить лишь 4,6% [1156.1, с.59].

Таким образом, за 12 лет с 1961 по 1972 г. сельскохозяйственное производство Республики Вьетнам выросло на 20%, или примерно на 1,7% в год [1175, с.279]¹⁴. Однако в 1973 – 1974 гг. опережающий рост населения, скачок цен на топливо и сырьё, девальвация доллара и сокращение размеров американской помощи привели сельское хозяйство и другие отрасли экономики сайгонского режима в упадок.

1.2.2. Положение в промышленности

В 1955 – 1975 гг. промышленности отводилась второстепенная роль в экономике. Сайгонское правительство осуществляло подъем отдельных отраслей, не пытаясь создать полный хозяйственный комплекс, как делалось на севере. По сути, политика индустриализации, являющаяся основой преодоления отсталости в развивающихся странах, находилась в зачаточном состоянии. Созданию тяжёлой промышленности власти РВ уделяли меньше всего внимания, особенно на фоне ДРВ, где на неё была сделана главная ставка. Поэтому на юге потенциал её комплекса был очень ограничен.

Наибольшее значение придавалось развитию лёгкой промышленности, прежде всего тех её отраслей, которые обслуживали американцев, тогда как на развитие тяжёлой промышленности, в которой преобладали французские и западногерманские компании, выделялись весьма скромные суммы. Финансирование получали лишь те промышленные

предприятия Республики Вьетнам, в продукции которых нуждалась армия США. Например, цемент использовался для строительства оборонительных сооружений, электроэнергия – для военных и бытовых нужд, уголь – в качестве сырья для предприятий перерабатывающей промышленности, которые американцы планировали построить. С этой же целью вёлся и поиск нефти.

Вследствие такой политики и военных разрушений доля промышленности в южновьетнамской экономике не только оставалась очень низкой, но и сокращалась. Так, с 11% – 12% в 1955 – 1965 гг. она упала примерно до 7% к 1970 г. и до 6,2 % в 1974 г. При этом индекс промышленного производства упал в 1974 г. на 162 пункта, или 40%, по сравнению с 1972 г. [1156.1, с.63; 1175, с.279]. В то же время сильно вырос удельный вес сектора услуг, особенно торговли, который приносил более половины ВВП. Такое нормальное для рыночной экономики развитие имело в данном случае скорее искусственный характер из-за чрезмерной урбанизации и роста занятости населения в обслуживании как экспедиционного корпуса, так и собственных войск. Соответственно доля сельского, лесного и рыбного хозяйства, как и прежде, оставалась высокой и достигала 40% [1175, с.270].

В 1973 г. в Республике Вьетнам имелось 175 тысяч промышленных предприятий с основными фондами в 800 миллионов долларов, на которых работали 1430 тысяч рабочих. Однако в своём подавляющем большинстве они были кустарными и полукустарными [1156.1, с.63]. Во 2-ой половине пятидесятых годов лишь около 100 более чем из 7 тысяч предприятий были относительно крупными. И хотя в шестидесятые годы масштабы промышленного производства заметно выросли, даже в 1973 г. только 320 предприятий, или 0,18% от общего числа, нанимавших по 50 и более работников, могли считаться крупными по местным меркам. Ещё 1256 предприятий, или 0,73%, имели от 10 до 49 рабочих. На остальных же 173424 предприятиях работало меньше чем по 10 человек. При этом 80% предприятий и 90% объёма

производства находились в городском конгломерате Сайгон – Тёлон – Биенхоа – Зядинь [1156.1, с.191].

Мелкие предприятия и мастерские обычно занимались переработкой сельскохозяйственного сырья, изготовлением гончарных изделий, плетением циновок и корзин, обжигом кирпича, кустарным и полукустарным производством тканей, сахара, мыла, спиртоводочных изделий, ремонтом и сборкой велосипедов, радиоприемников, швейных машин, часов и другими работами. Именно эти, находившиеся в руках мелких и средних предпринимателей предприятия представляли главным образом национальный капитал. На них тяжело сказались последствия перенасыщенности южновьетнамского рынка иностранными товарами, монополизации крупным капиталом производства некоторых видов продукции, а также кредитной и налоговой политики правительства. Всё это вело к вытеснению большинства национальных предпринимателей из сферы промышленного производства.

В правление Нго Динь Зьема началось формирование государственной промышленности и транспорта за счёт национализации принадлежавших французам предприятий. Другая их часть была выкуплена правительством у китайских предпринимателей¹⁵. Благодаря иностранной помощи и кредитам на этой базе возникли такие ведущие в своих отраслях государственные предприятия, как угольная шахта Нонгшон, текстильный комбинат «Сиковина»¹, сахарорафинадный завод в Кханьхое. С участием иностранных инвесторов в 1960 – 1965 гг. были построены цементный завод в Хатиене, сахарный завод в Биенхоа, ГЭС в Даниме, а также ряд предприятий лёгкой и пищевой промышленности.

Доля частных вьетнамских инвестиций в крупные предприятия в общей сумме капиталовложений в промышленность Республики Вьетнам была незначительной. Их мог делать лишь весьма ограниченный и близкий к администрации круг лиц, имевших влияние на распределение государственных

¹ «Sicovina».

заказов, импортных лицензий на сырьё, оборудование и стройматериалы. Владевшее несколькими десятками компаний окружение Зьема, которое фактически монополизировало поставки продовольствия, военного обмундирования, ГСМ и других товаров для государственных нужд, извлекало миллиардные прибыли из правительственных заказов.

Бывшие опорой сайгонского правительства ведущие предприниматели Республики Вьетнам всегда пользовались поддержкой американских властей, в то время как ЮСОМ категорически отказывалась кредитовать нерентабельные, с её точки зрения, предприятия госсектора¹⁶. США всемерно стимулировали развитие капиталистических отношений на юге, поощряли там свободу предпринимательства и частный бизнес, пытаясь тем самым реформировать полуфеодальную хозяйственную систему Южного Вьетнама и утвердить более передовой способ производства, чтобы сформировать новую социальную базу проамериканского режима.

Пытаясь найти под давлением американцев средства для экономического развития, правительство Нгуен Ван Тхиеу приступило с 1968 г. к сокращению части госсектора, проведя продажу в частную собственность целого ряда его предприятий и принадлежавших государству акций смешанных предприятий.

Другой новацией и свидетельством государственного регулирования рыночной экономики было применение среднесрочного планирования. В рамках первого пятилетнего плана¹ были осуществлены строительство и модернизация ряда предприятий, производивших такие предметы первой необходимости и строительные материалы, как ткани, сахар, цемент, стекло и пиломатериалы. Финансированием этого плана занялся созданный в 1957 г. Центр промышленного развития, который должен был за 5 лет выделить на эти цели кредиты в сумме 1,6 миллиарда южновьетнамских донгов,

¹ 1957 – 1961 гг.

составившие за больший срок^I всего около 1 миллиарда [1725.1, с.7]. В результате, к 1961 г. была пущена лишь часть запланированных объектов, в том числе сахаро-рафинадный завод в Кханьхое и единственная крупная угольная шахта в Нонгшоне.

В ходе второй пятилетки^{II}, уже планировалось выделить примерно 9 миллиардов южновьетнамских донгов, в первую очередь на формирование таких промышленных зон, как Биенхоа и Анхоа. Для этого в 1961 и 1963 гг. были учреждены «Финансовая компания по развитию промышленности» и «Национальное общество по развитию промышленных зон» [1725.1, с.7]. Используя, как и «Центр промышленного развития», в основном иностранные кредиты, они обеспечили создание первой в Республике Вьетнам промышленной зоны Биенхоа^{III}. Её комплекс состоял из 42 предприятий, в том числе текстильных компании «Донафитекс», целлюлозно-бумажных компании «Кожидо», химических компании «Викако», фармацевтических компаний «Винаспесиа» и «Руссель Вьетнам»^{IV}, пищевых и ряда предприятий других отраслей промышленности. Впоследствии он пополнился несколькими высокотехнологичными предприятиями, собиравшими аудио-видео товары и электробытовые приборы.

В 1962 г. на базе крупной угольной шахты Нонгшон, разведанные запасы которой составляли 11 миллионов т, началось строительство химико-металлургического комплекса Анхоа. К этому строительству также подключились несколько иностранных компаний, в том числе шесть французских и три западногерманских, но в связи с затоплением шахты Нонгшон и трудностями со стройматериалами и электроэнергией все работы были прекращены в 1965 г.

При этом следует отметить, что сайгонские власти даже не планировали строительства машиностроительных заводов.

^I 1957 -- 1964 гг.

^{II} 1962 -- 1966 гг.

^{III} «Sofidive», «Sonadezi».

^{IV} «Donafitex», «Cogido», «Vicaco», «Vinaspécia», «Roussel Vietnam».

Как известно, до 1945 г. в Южном Вьетнаме основными отраслями промышленности были текстильная, целлюлозно-бумажная и сахарная. Они же получали и большую часть инвестиций в 1955 – 1975 гг. При этом если в целом промышленность Республики Вьетнам на 70% работала на привозном сырье, то в этих отраслях его доля доходила до 100%, что свидетельствует о полной зависимости экономики сайгонского режима от своих покровителей.

В текстильном производстве действовали семь компаний, владевших 19 предприятиями, на каждом из которых было свыше 8 тысяч рабочих. Вместе с кустарными предприятиями они производили ежегодно до 90 миллионов метров хлопчатобумажных тканей, хотя, согласно оценке, они могли получать с учётом шелковых тканей вдвое больше продукции. Неограниченный, составлявший почти по 4 м на душу населения ввоз дешёвых американских и японских тканей, не раз ставил текстильную промышленность РВ на грань краха⁷. Впервые это произошло в 1958 г., когда были остановлены $\frac{2}{3}$ всех имевшихся станков и 80% текстильщиков остались без работы [1737.6]. С 1965 г. всё текстильное производство Республики Вьетнам вновь охватил тяжёлый кризис. Большие комбинаты резко сократили производство, а кустарные предприятия остановили 50% станков. При этом хлопок и пряжа продолжали импортироваться из США. В итоге в 1967 г. производство хлопчатобумажных тканей сократилось на 65% по сравнению с 1963 г., а из-за почти полного исчезновения шелководства выработка шелковых тканей составила всего 5,5% относительно уровня 1955 г. [1737.7, с.6]. В связи с этим следует подчеркнуть, что хотя Южный Вьетнам имел все условия для разведения хлопка и тутовых деревьев, хлопчатобумажное и шелкоткацкое производства юга полностью зависели от внешних рынков.

Целлюлозно-бумажное производство в Республике Вьетнам принадлежало четырём смешанным компаниям, которые были созданы после 1962 г. Оно давало от 15 до 20 тысяч т бумаги и картона в год, что удовлетворяло более чем

наполовину быстро растущие потребности юга. Другую половину покрывал импорт, причём бумажная масса и целлюлоза также ввозились из-за рубежа – из США и с Тайваня, хотя местные запасы древесины были достаточны для удовлетворения как нужд бумажной промышленности, так и для производства спичек. Поэтому, даже сократив на $\frac{2}{3}$ объём своей продукции, большая часть предприятий отрасли не смогли развиваться и прекратили работу. Исключением стали лишь несколько крупных компаний со смешанным капиталом.

Сахарно-рафинадную промышленность представляли три довольно крупных завода, общее производство которых в 1961 – 1966 гг. составляло до 60 тысяч т в год. Кустарные сахароварни ежегодно производили из сахарного тростника около 30 тысяч т неочищенного красного сахара, то есть менее половины довоенного уровня¹. Тысячи из них закрылись из-за трудностей сбыта. При этом большинство крупных предприятий зависели от иностранного капитала и сырья, поскольку сахар-сырец поставлялся из США, Индии и Тайваня¹⁸. Только за три года выпуск сахара сократился на три четверти. Так, если принять производство 1965 г. за 100%, то в 1966 оно составляло 68%, а в 1967 – 26%. Наконец, сосредоточенное на побережье Центрального Вьетнама соляное производство давало до 100 тысяч т в год, что тоже было ниже уровня довоенных лет [272.1].

Помимо этого пищевая промышленность Республики Вьетнам была представлена рисоочистительными заводами, консервными фабриками и предприятиями по производству глютамина, соусов, пива, водки, вин и напитков. Изобилие сельскохозяйственной продукции могло бы способствовать развитию перерабатывающей промышленности, потенциально способной выпускать все необходимые населению продукты, но этого не происходило из-за конкуренции со стороны американских и других иностранных компаний. Так, из США ежегодно ввозилось в Южный Вьетнам более 100 тысяч т

¹ 70 тысяч т.

продовольственных товаров, не считая риса. Тем не менее делавшийся в основном для снабжения армии госзаказ по пиву, сигаретам, сгущенному молоку и лапше способствовал развитию производства продовольственных товаров.

Таким образом, текстильная и пищевая отрасли давали вместе около 70% всей промышленной продукции Республики Вьетнам [1175, с. 265, 268, 272].

Энергетика была одной из самых отстающих отраслей Республики Вьетнам, почти полностью зависевшей от привозного сырья. Так, 40% и 32% станций работали на импортном дизельном топливе и угле соответственно. На единственной крупной угольной шахте юга Нонгшон с момента её восстановления в 1958 г. и до затопления в 1964 г. добывалось всего немногим более 50 тысяч т каменного угля в год, что не могло удовлетворить потребности в сырье [1729.5, с.32]. До 1945 г. в Южном Вьетнаме насчитывалось восемь электростанций, самой крупной из которых была сайгонская ТЭЦ мощностью в 50 мВт. В 1960 – 1965 гг. иностранные компании ввели в строй ГЭС в Даниме, ТЭЦ в пригороде Сайгона Тхудыке и ТЭЦ в Анхоа¹⁹. В 1975 г. при общей мощности электростанций юга в 933 мВт¹ нормально работали только эти станции вместе с недавно введённой в эксплуатацию ГЭС Чанок. В то же время почти все его остальные энергетические мощности простаивали из-за износа оборудования на 40% – 50%.

В связи с неразвитостью национальной энергетики военные, бытовые, производственные и транспортные потребности юга на 90% удовлетворялись поставками топлива в счет американской помощи. Его потребление возрастало с каждым годом, причём свыше 60% топлива поставляли американские нефтяные компании «Эссо» и «Калтекс»¹¹. Так, с 335 тысяч т в 1955 г. его импорт вырос до 2,5 миллиона т в 1973 г. Нехватку угля также приходилось компенсировать

¹ Эти мощности в два раза превышали мощности ДРВ, равнявшиеся в то время 426 мВт.

¹¹ «Esso» и «Caltex».

импортом 10 тысяч т газа и 400 – 500 миллионов л керосина в год для бытовых нужд [1175, с.264 – 266].

Не лучше была ситуация в металлургии. Единственный принадлежавший СП «Викасса»¹ современный сталелитейный завод производил 100 тысяч т в год. При этом он в основном занимался переплавкой лома из военной техники в строительную арматуру. Попытки создания частным капиталом новых производств в этой отрасли натолкнулись на противодействия США закупке прокатных станков в других странах²⁰. Поэтому металлообрабатывающая промышленность Республики Вьетнам ограничивалась производством посуды, предметов домашнего обихода, запчастей и тому подобных незамысловатых изделий.

Машиностроение насчитывало 2 тысячи предприятий, но лишь 7% из них были относительно крупными. В их числе можно назвать такие, как судоремонтные верфи в Сайгоне, авиаремонтные мастерские аэропорта Таншоннят, три авторемонтных завода, предприятия по сборке мотоциклов, велосипедов, часов и швейных машин. К концу шестидесятых годов появились современные предприятия, выпускавшие вентиляторы, стиральные машины, холодильники, кондиционеры, телевизоры, радиоприемники, скутеры и другую бытовую технику. Однако степень локализации производства была равна 15% – 20%. В год импортировалось машин и запчастей на 65 миллионов долларов. Занимаясь ремонтом и сборкой, эта отрасль давала лишь 4% производимой на юге промышленной продукции [1175, с.265; 1156.1, с.64, 65].

Как уже отмечалось, в Республике Вьетнам также имелись предприятия по производству строительных материалов. Наиболее крупным из них был цементный завод в Хатиене на 250 тысяч т, а завод в Лаунгтхо производил 20 тысяч т извести. Если до 1960 г. лесопильни в Танмай – Биенхоа давали 350 тысяч м³ деловой древесины, то в 1964 –

¹ «Vicassa».

1966 г. их производство сократилось до 260 тысяч м³. Продукция стекольного завода в Кханьхое поднялась до 15 тысяч т, выработка кварцевого песка в Камрани – 80 тысяч т.

Рост производства стройматериалов также сдерживался их импортом. Свыше 100 тысяч т строительной стали, около 500 тысяч т, или $\frac{2}{3}$, цемента, несколько тысяч т керамической плитки, стекла и других отделочных материалов для офисов, особняков и других сооружений ввозились из-за рубежа [1175, с.265; 1182, с.491; 1688.4, с.508]¹.

Химическая промышленность, которая была полностью монополизирована французским капиталом, насчитывала несколько небольших заводов по производству углекислого газа, кислорода и ацетилена²¹. На юге имелись также предприятия по переработке каучука и завод велопокрышек. Фармацевтические фабрики в основном доводили до кондиции и расфасовывали западные лекарства, которых импортировали ежегодно в готовом виде в среднем на 30 миллионов долларов, что составляло около $\frac{2}{3}$ всех использовавшихся в стране лекарств.

Потребности населения в табачных изделиях и спичках также обеспечивались за счёт поставок зарубежного сырья, хотя производство табака-сырца в Южном Вьетнаме достигало примерно 7 тысяч т в год, а древесина имелась в избытке. Даже корзины, циновки и другая хозяйственная утварь из камыша и бамбука исчезли из продажи, уступив место импортным пластмассовым изделиям.

В то же время производство промышленной продукции РВ выросло за 1955 – 1975 гг. как по валу, так и на душу населения, и по половине позиций опережало ДРВ. При этом если до 1963 г. оно развивалось довольно успешно, то затем только в отдельных отраслях. В 1961 – 1972 гг. оно в среднем увеличивалось на 12% ежегодно. Для сравнения в ДРВ – на 14,7%. С выводом в 1972 г. американских войск резко

¹ Речь идёт о ежегодном объёме производства и импорта.

сократился выпуск продуктов, напитков, тканей, за этим начался общий упадок²².

Таблица 8.

Производство основных видов промышленной продукции в РВ и ДРВ
[147.1, с.105 – 110; 1156.1, с.167, 180, 184]

Виды продукции	РВ, 1973 г.		ДРВ, 1975 г.	
	Общий объем	Душевой выпуск**	Общий объем	Душевой выпуск
Электроэнергия миллионов кВт.ч	1894	74,2	1340	57,4
Сталь РВ / чугун ДРВ, тысяч т / кг	100*	4,25*	95,1	4,1
Цемент, тысяч т / кг	285	12,1	370,6	15,9
Химудобрения тысяч т / кг	380*	16,1*	423	18,1
Стекло, тысяч т / кг	21,2	0,9	19,4	0,83
Бумага, тысяч т / кг	47,1	2	21,3	0,91
Ткани, включая шёлк, миллионов м / м	84,7	3,6	105,5	4,52
Пряжа, тысяч т / кг	11,8	0,5	13,0	0,56
Мыло, моющие средства тысяч т / кг	14,1	0,6	8,7	0,37
Пластмассовые изделия тысяч т / кг	20*	0,85*	---	---
Сахар и мёд, тысяч т / кг	117,7	5	19,6	0,8
Рыбный и другие соусы миллионы л / л	68,2	2,9	54,5	2,3
Сигареты миллионы пачек / пачек	1,25*	0,53*	261	11,2
Спички миллионы пачек / пачек	94,1	4	168,8	7,2
Рыбные консервы миллионы банок / банок	7,1	0,3	---	---
Сгущённое молоко миллионы банок / банок	129,4	5,5	---	---

* Установленные мощности; фактический выпуск продукции меньше.

** С учётом импорта; в тех случаях, когда душевой показатель не указан в статистике, он рассчитан автором на основе численности населения Республики Вьетнам в 23,53 миллиона человек.

--- Статистические данные отсутствуют.

Тем не менее при нехватке сырья, прежде всего угля, в основном добываемого на севере, промышленность юга

добилась некоторого прогресса. Суммарно капиталовложения в экономику Республики Вьетнам составили к 1973 г. 21 миллиард южновьетнамских донгов. Однако эти инвестиции имели расплывчатый характер, а 0,9 из них принадлежали иностранцам [1156.1, с.57; 1175, с.272, 279; 1737.8, с.12].

Следует отметить, что, несмотря на довольно высокую динамику развития, объёмные показатели промышленности РВ значительно уступали показателям более развитых стран в силу того, что производительность труда во всех её отраслях была низкой, а её мощности использовались не полностью. В целом же занятая главным образом переработкой продукции сельского хозяйства, ремонтом и сборкой изделий, промышленность юга оставалась несбалансированной, слабой и почти полностью зависимой от иностранного капитала, оборудования и сырья. Работая преимущественно на войну и интересы США, она не могла удовлетворить потребности населения. В то же время в ней имелись и сильные стороны. В отдельных отраслях были созданы большие мощности, а многие фабрики оснащены современным оборудованием. На крупных предприятиях были налажены организация производства и управление, воспитаны рабочие кадры, что создало предпосылки для повышения производительности труда, улучшения качества продукции и снижения издержек. Эти предприятия также имели опыт конкурентной борьбы на рынке. Благодаря этому после объединения страны промышленности юга удалось сделать мощный рывок в развитии, а её опыт был успешно применён на севере. Поэтому после 1975 г. важную роль сыграли сложившиеся между южновьетнамскими предприятиями и их иностранными поставщиками сырья, капитала и технологий деловые связи.

1.2.3. Стратегическое строительство, транспорт и связь

С начала шестидесятых годов в Южном Вьетнаме развернулось масштабное стратегическое строительство. Всего в 1962 – 1972 гг. там действовало свыше 100 различных фирм

и корпораций США, выполнявших всевозможные подрядные работы в основном стратегического характера. Строились военно-воздушные и военно-морские базы, коммуникации, склады военной амуниции и боеприпасов, нефтебазы, бензохранилища и прочие военные объекты. К концу 1972 г. стоимость этих работ оценивалась в 4 миллиарда долларов. Так, например, создание разветвлённой сети стратегических дорог общей протяженностью 5 тысяч км обошлось США в 400 миллионов, строительство нового военного порта в Сайгоне – в 70 миллионов, двух взлётных полос для реактивных самолетов на аэродроме в Биенхоа – в 68 миллионов и реконструкция аэропорта Таншоннят в 1968 г. – в 100 миллионов долларов [1762.1]. Такие объёмы заказов по военному строительству приносили американским компаниям огромные прибыли, не говоря уже о том, что в нём была занята большая часть южновьетнамских строительных рабочих²³.

Помимо этого американские строительные компании часто выполняли заказы сайгонского правительства, оплачиваемые США если не полностью, то на 90%. В их числе можно назвать заказы по восстановлению рельсового полотна, строительству новых веток и модернизации железных дорог в 1955 – 1969 гг., по ремонту и реконструкции уличных магистралей в Сайгоне и других городах, по расширению сети речных и морских торговых портов вместе со строительством четырёх радиостанций и трёх телецентров, а также по созданию системы концлагерей и строительству тюрем, в том числе так называемых «тигровых клеток» на острове Кондао¹. Крупнейшей строительной компанией США в Южном Вьетнаме была корпорация «РМК – БРДж»¹¹, представлявшая интересы бывшего президента США Л.Джонсона. С 1962 г. до её официального закрытия в июне 1972 г. объём выполненных ею работ составил почти 2 миллиарда долларов.

¹ Стоимость всех этих работ составила около 50 миллионов, 77 миллионов, 8 миллионов, 10 миллионов и 400 тысяч долларов соответственно.

¹¹ «RMC – BRG».

После 1954 г. в Южном Вьетнаме была восстановлена и несколько расширена железнодорожная сеть, протяженность которой возросла с 1180 км в 1955 г. до 1470 км в 1965 г. Однако из-за военных действий железнодорожный транспорт работал с большими перебоями, а многие железнодорожные линии были выведены из строя. За период с 1954 по 1965 г. грузооборот сократился в 3 раза, составив в 1965 г. всего 32 миллиона т/км, а пассажирские перевозки в 9 раз – до 14 миллионов пасс/км [146.1, с.419 – 427]. Несмотря на все усилия американцев, неоднократные попытки наладить железнодорожное сообщение хотя бы на важнейших стратегически участках дороги заканчивались неудачно. Так, все попытки восстановить движение по шедшему параллельно шоссе №1 пути, обошлись примерно в 10 миллионов долларов и 2,5 миллиарда южновьетнамских донгов. Тем не менее, в конце 1968 г. из 1240 км этой железной дороги действовали лишь 505 км, а к концу 1970 г. удалось ввести в эксплуатацию менее 700 км, или 55% её путей [611.1; 634.1].

В связи с военными планами США в Южном Вьетнаме была создана целая сеть стратегических коммуникаций. Кроме автострады Сайгон – Биенхоа, являвшейся «воздушной базой особого типа» стоимостью около 3 миллионов долларов²⁴, все сходящиеся к плато Тэйнгун шоссе были расширены и укреплены, а разветвлённая сеть междугородных шоссе покрыла весь юг. Они соединялись с дорогами Южного Лаоса и Камбоджи и далее с автострадами в Таиланде. Поэтому стратегическое значение этой сети автомобильных дорог трудно переоценить. Однако действия патриотических сил привели к падению их эффективности. Так, в середине 1965 г. из 10 основных действовали лишь 4 шоссейные дороги. Точно так же традиционные речные пути сообщения, протяжённость которых составляла свыше 13 тысяч км, использовались лишь на 1/3, главным образом в дельте реки Меконг.

Практически все крупные морские порты и аэродромы страны были модернизированы и расширены для военных целей. Первые были переоборудованы в военно-воздушные

базы, способные принимать большие реактивные самолёты. Кроме того, была создана аэродромная сеть второстепенного значения. В середине пятидесятых годов в Южном Вьетнаме было 6 аэродромов, в 1972 г. – уже 118, при этом 23 из них также использовались для гражданских целей.

Общая протяжённость внутренних авиалиний РВ равнялась 15 тысяч км. В 1957 – 1969 гг. грузоперевозки на них выросли с 1234 до 4831 тысячи т/км, пассажирские перевозки – более чем в 11 раз – с 56 миллионов до 639 миллионов пасс/км [447].

Ускоренно проводились работы по расширению военно-морских баз в Вунгтау, Дананге, Нячанге, Нябе и других портах. В результате они стали принимать суда водоизмещением до 40 тысяч т.

На строительство современных доков, топливных резервуаров, причалов и других объектов в Камрани, которая находилась неподалёку от главных морских путей в восточной части Тихого океана, также было выделено 7 миллионов долларов. В итоге она стала самой крупной постоянной базой ВМС США на Тихом океане. К концу 1970 г. Камрань уже была способна принимать одновременно 10 крупных кораблей и располагала четырьмя взлётно-посадочными полосами для тяжёлых реактивных самолетов.

Ещё в 12 миллионов долларов обошлось американцам создание системы радиотелефонной связи, соединявшей Сайгон с провинциями, провинции между собой и с уездами и уезды с деревнями, при этом в большинстве провинций были построены радиостанции мощностью 50 кВт.

Все эти имевшие большое экономическое значение в годы войны шоссейные и железные дороги, авиационные и морские базы и коммуникации, сохранили его до сих пор. На сегодняшний день главные шоссейные дороги Южного Вьетнама, Южного Лаоса, Камбоджи и Таиланда образуют густую дорожную сеть, способствующую развитию всех стран бассейна реки Меконг.

1.3. *Внутренняя и внешняя торговля*

1.3.1. *Внутренняя торговля*

С конца 1954 г. до начала 1957 г. на южновьетнамском рынке царило оживление, которое было связано с целым рядом субъективных факторов. Так, военнослужащим расквартированного в Сайгоне – Тёлоне и других городах Южного Вьетнама и готовившегося к эвакуации французского экспедиционного корпуса запрещалось отправлять денежные переводы за пределы страны. Поэтому они были вынуждены тратить свои сбережения и жалование на местном рынке. Кроме того, сотни тысяч переселенцев с севера нуждались в приобретении всего необходимого для обустройства на новых местах. Также быстро рос и высокооплачиваемый военно-бюрократический аппарат сайгонского правительства. Так, в стране был создан платежеспособный спрос, который удовлетворялся американскими потребительскими товарами, поставлявшимися в счёт помощи ежегодно на сумму от 0,3 до 1 миллиарда долларов, а также довольно значительным объемом товаров местного производства. В связи с этим число торговцев импортными товарами увеличилось до 20 тысяч¹ [1175, 273; 1285.1, с.331, 332].

Как уже отмечалось, неограниченный ввоз в страну потребительских товаров в порядке помощи привёл в конечном итоге к дезорганизации внутренней торговли, росту инфляции и безудержной спекуляции, чему в огромной степени способствовала и коррупция всего государственного аппарата. Поэтому вскоре после бума в торговле начался тяжёлый кризис. Вывод французского экспедиционного корпуса, разорение крестьянства и ухудшение положения рабочих и среднего класса привели к падению платежеспособного спроса, сужению внутреннего рынка, затруднили реализацию товаров, прежде всего местного производства. Многие мелкие и средние торговцы, которые занимались перепродажей импортных товаров, разорились. Из

¹ До 1945 г. таких торговцев насчитывалось менее 100.

20 тысяч торговцев к 1960 г. осталось всего лишь 850, а спекуляция поступавшими в счёт помощи товарами приобрела узаконенный характер, так как правительственная верхушка делала на этом бизнес. Согласно официальным данным 1961 – 1962 гг., на рынках Сайгона – Тёлона ежегодно совершались сделки на сумму 1,5 – 2 миллиарда южновьетнамских донгов [1688, с.211; 1725.2, с.9].

С расширением военных действий армии США в Южном Вьетнаме и направлением туда крупных контингентов американских войск торговля импортными и контрабандными товарами и наркотиками развернулась ещё шире. Возникли новые крупные рынки, главным образом в местах концентрации американских войск – в Биенхоа, Дананге, Куиньоне, Вунгтау и ряде других городов. Если в 1955 г. было выдано 50 тысяч патентов на торговлю, то в 1972 г. их уже было выдано 219 тысяч. В торговле работало около 500 тысяч предпринимателей, то есть больше, чем в какой-либо другой сфере деятельности. При этом подавляющее их большинство вело мелкий и средний бизнес.

В итоге усилилась инфляция и возросли цены. В 1955 – 1973 гг. розничные цены на рис поднялись в 25,3 раза, или до 137 южновьетнамских донгов за 1 кг, на парную свинину – в 15,4 раза, или до 1000 донгов за кг, на говядину – в 15,7 раза, или до 1057 донгов за кг, на рыбу – в 13,4 раза, или до 544 донгов за кг, на сахар в – 27,8 раза, или до 410 донгов за кг, на стиральный порошок – в 19,3 раза, или до 330 донгов за кг, на ткань – в 13 раз, или до 194 донгов за кг [1156.1, с.69; 1175, с.273; 1285.1, с.331].

Поток импорта породил среди населения юга привычку к потреблению товаров иностранного производства. Люди начали покупать импортные холодильники, установки для кондиционирования воздуха, телевизоры, стиральные машины, электрические или газовые плиты, пылесосы, скутеры, мопеды «Ламбретта», мотоциклы «Хонда» или

«Судзуки»¹, американские и другие автомобили. А поскольку эта тенденция охватила и трудящиеся слои населения, то можно сказать, что в Южном Вьетнаме начался процесс образования «общества потребления».

Ввоз огромной массы иностранных товаров привёл к созданию широкой сети, занимавшейся их импортом и реализацией. Этот бизнес стал самым прибыльным благодаря льготным правительственным и банковским кредитам, сведению до минимума конкуренции товаров местного производства, получению легко перепродаваемых лицензий, монополии на цены и другим факторам. Поддерживая теснейшую связь с правящими кругами Республики Вьетнам и деля с ними прибыли, владельцы данного бизнеса не только управляли промышленностью, сельским хозяйством, финансами и всей остальной экономикой страны, но и, по сути, контролировали её политику.

1.3.2. *Внешняя торговля*

Внешняя торговля Южного Вьетнама развивалась в целом однобоко, так как её оборот рос в основном за счёт увеличения поставок из-за рубежа. Достигнув высшей точки в 84,5 миллионов долларов в 1960 г., южновьетнамский экспорт затем снизился в 7 раз. Вновь же он вырос лишь в 1973 г. В то же время колебавшийся от 217 до 297,8 миллионов долларов объём импорта в 1955 – 1964 гг., увеличился до 357,3 в 1965 г. и 874 миллионов долларов в 1971 г. То есть импорт вырос почти в 4 раза при резком сокращении экспорта.

Покрытие экспортными доходами импортных затрат с максимума в 35% в 1960 г. упало до 1,4% в 1971 г. В результате дефицит торгового баланса, составлявший в 1955 – 1964 гг. в среднем 74% от товарооборота, достиг к 1970 г. 97%. Рост дефицита стал результатом не только политики сайгонских властей и американской агрессии, но и в первую очередь американской «помощи». Это следует из итогов

¹ «Lambretta», «Suzuki», «Honda».

периода 1955 – 1973 гг., в течение которого, по данным сайгонской таможенной статистики, в Республику Вьетнам было ввезено 41,7 миллиона т грузов на 8 миллиардов долларов, а экспортировано 4,6 миллиона т на 800 миллионов долларов. То есть за указанный период покрытие импорта экспортом составило лишь 10% [1156.1, с.68; 1175; 19, с.265].

Таблица 9

Показатели внешней торговли Республики Вьетнам
в миллионах долларов [272.1, с.68]

Год	Экспорт	Импорт	Покрытие, %	Дефицит
1955	69,0	263,2	26,2	194,2
1956	45,1	217,7	20,7	172,6
1957	80,5	288,7	27,9	208,2
1960	84,5	240,3	35,1	155,8
1962	56,0	264,5	21,2	208,5
1963	76,7	286,2	26,6	209,5
1964	48,5	297,8	16,3	249,3
1965	35,5	357,3	9,9	321,8
1966	27,6	495,6	5,6	468,0
1967	16,4	538,0	3,0	521,6
1968	11,7	475,3	2,5	463,6
1969	11,9	667,8	1,8	655,9
1970	11,5	550,4	2,1	538,9
1971	12,4	874,2	1,4	861,8
1972	15,6	690,5	2,3	674,9
1973	58,0	655,9	8,8	597,9

США финансировали большую часть импорта Южного Вьетнама, что позволяло покрывать внешнеторговый дефицит при сокращении экспорта. Доля американской помощи в общем объёме южновьетнамского импорта колебалась в 1956 – 1965 гг. в пределах от 62% до 89%²⁵. При этом в течение 10 лет за счёт «связанной помощи» и программы «Продовольствие во имя мира» покрывалось в среднем 78,3% южновьетнамского годового импорта. Начиная с 1966 г., несмотря на заметный рост американской помощи и импорта из США, данное процентное соотношение уменьшалось, приблизившись к 50% [522; 1725.3, с.8].

Это объясняется тем, что в результате ввода в Южный Вьетнам обширного контингента иностранных войск и

гражданских «советников» у сайгонских властей появился достигавший в среднем 600 миллионов долларов новый ежегодный источник доходов, который помогал покрывать почти половину расходов на закупки товаров в США. Следовательно, начиная с 1966 г. американский вклад из всех источников обеспечивал около 90% – 95% импорта, что в огромной степени способствовало сохранению сайгонского режима. Навязанные Вашингтоном неравноправные торговые отношения привели к тому, что Южный Вьетнам превратился в обширный рынок сбыта для иностранной, прежде всего американской, продукции.

Таблица 10

Структура товарных поставок в счёт помощи США
1955 – 1964 гг. [272.1]

Товарная позиция	Объём, тонн	Период, годы
пшеничная мука	598 670	1955 – 1964
сухое молоко	213 926	1955 – 1964
сахар	580 776	1955 – 1964
овощи и фрукты	120 376	1955 – 1964
табак и специи	37 967	1955 – 1964
изделия из хлопка и шелка, в т.ч.:		1955 – 1964
- готовая продукция	100 927	
- пряжа	124 025	
- очищенный хлопок	85 889	
бумага (в т.ч. б/ масса и картон)	330 426	1956 – 1964
изделия из стекла	87 245	1955 – 1964
фармацевтическая продукция	22 403	1955 – 1964
изделия из каучука	40 016	1955 – 1964
велосипеды	14 000	1959 – 1964
автомобили	12 800	1959 – 1964
бытовая техника ¹	29 900	1959 – 1964

Как уже отмечалось, в Южный Вьетнам ввозились такие товары, как продовольствие, сахар, ткани, табак, резиновые и гончарные изделия и многие другие продукты, которые вполне могли производиться на месте. В 1959/60 и в 1962/63 финансовых годах было потрачено 34 и 63 миллиона

¹ Холодильники, вентиляторы, кондиционеры, швейные и стиральные машины, телевизоры, радиоприёмники.

долларов соответственно на импорт сельскохозяйственных продуктов из США. В целом же товары потребительского назначения составляли в импорте 70%, тогда как машины и оборудование, удобрения всего 13% [1156.1, с.65; 1540, с.101, 102; 1705.3]. США и их союзники поставили в Южный Вьетнам гигантское количество пищевых продуктов и товаров ширпотреба.

После 1966 г. эти объемы были увеличены «для того, чтобы подавить безудержный рост инфляции». В 1970 г. импортные товары составляли 90% – 95% всех товаров на внутреннем рынке. Из-за рубежа продолжали ввозиться 94,5% сырья для производства сахара, 93% – для табака, 67,5% – для хлопчатобумажных и шелковых тканей. В Южный Вьетнам поставлялись изделия из стекла, силикаты и шины, а для их производства экспортировали каучук и 105 тысяч т белого песка высшего качества в год. Парадоксальным явлением стал импорт фруктов и овощей. Более того, население Южного Вьетнама продолжало питаться ввозимым из США рисом.

Непомерные налоги на горючее, сырьевые материалы и полуфабрикаты в сочетании с повышением подоходного налога лишили товары местного производства возможности конкурировать с иностранными. Об этом свидетельствует рост оптовых цен на импортируемые товары.

Таблица 11

**Рост оптовых цен на внутренние товары
в процентах (1949 г. = 100%)**

Годы	Горючее	Сырье и материалы	Полуфабрикаты	Готовая продукция
1955 – 1964 гг.	233	226	193	149

Благодаря программам помощи американские монополии получили мощный рычаг для вытеснения конкурентов с рынков Южного Вьетнама. Так, в 1955 г. Франция занимала первое место в импорте Южного Вьетнама (52,2%), Япония была второй (13,3) и США – лишь третьими (12%), тогда как в 1965 г. США уже вышли на первое место (38%), на втором оказался Тайвань (14%), Франция же отодвинулась на третью позицию (13%), а Япония – на

четвертую. При этом доля американских товаров в поставке сельскохозяйственной продукции достигала почти 50%, а с учётом зависящих от США стран – почти 75% [1725.4, с.6].

Таблица 12

Географическая структура импорта сельхозпродукции в РВ
в процентах [272.1]

Годы	США	Азиатские страны, зависимые от США	Япония	Франция	Другие страны
1965	46	28	9	3	14
1966	40	23	15	3	19
1967	38	21	27	3	14

В шестидесятые годы в результате различных реформ в сфере импорта также отмечается процесс концентрации капитала. Так, если в 1956 г. в РВ насчитывалось 25 тысяч импортных фирм и отдельных импортёров, то уже в 1962 г. и 1968 г. их было соответственно 2391 и 1200. Структурное изменение во внешней торговле породило и новые формы предприятий. В 1964 г. появились крупные фирмы общего импорта, а в 1966 г. – акционерные общества, деятельность которых простиралась на все отрасли экономики и способствовала проникновению иностранного капитала.

Таблица 13

Товарная структура южновьетнамского импорта
в процентах [1737.9]

	Пищевые продукты	Потребительские товары	Сырьё, машины и полуфабрикаты
1956	13,9	65,5	19,6
1957	9,2	66,6	24,2
1960	11,0	58,8	30,2
1962	11,0	52,0	36,5
1965	15,0	56,0	29,0
1966	14,0	64,0	22,0*
1967	10,0	73,0	17,0
1968	35,0	46,0	18,7
1970	31,3	47,5	21,2*

* Сырьё, материалы и горючее составили в 1966 г. 14,1%, а станки и машины – 7,9%, в 1970 г. соответственно 18,7 и 2,5%.

Несмотря на немногочисленность¹, обосновавшиеся в Южном Вьетнаме иностранные предприятия доминировали в импорте тканей, машин и оборудования, автомобилей и запасных частей. Импорт горючего был монополизирован 2 американскими и 1 французской торговыми фирмами. Частные предприниматели США использовали 12 местных импортных компаний, главным образом – при торговле сельскохозяйственными «излишками» [447].

Структура внешнеторгового оборота РВ оставалась несбалансированной. В её экспорте $\frac{2}{3}$ приходилось на каучук, а в импорте 70 – 80% занимали продовольствие и ширпотреб, ввоз которых быстро рос по мере упадка местной экономики. Как известно, до Второй мировой войны Южный Вьетнам экспортировал в большом количестве такие пищевые продукты, как кукурузу, чай, копру, перец, корицу, сахар, табак и сушёную рыбу. По экспорту риса (1,4 – 1,5 миллиона т в год) – он занимал третье место в мире после Бирмы и Таиланда, а по экспорту каучука, которого было вывезено в 1938 г. 42,7 тысячи и 48,4 тысячи т в 1939 г., – четвёртое место в мире. Это говорит о большом потенциале южновьетнамского сельского хозяйства, которое при независимой экономике могло бы удовлетворять не только потребности населения, но и нужды промышленности. Но ввиду того что основную часть экспорта составляла сельскохозяйственная продукция, упадок сельского хозяйства повлек за собой и снижение экспорта. Республика Вьетнам продолжала вывозить лишь часть каучука, чай, кварцевый песок, ценные породы древесины, кокосовое масло, изделия кустарных промыслов и ряд других имевшихся в стране товаров. Их покупали в основном Франция, ФРГ, Япония, Гонконг, США, Тайвань и Сингапур. До 1964 г. важной статьёй экспорта был рис, но затем первое место занял каучук. В 1955 – 1964 гг. его среднегодовой вывоз составил 72 тысячи т. Правда, начиная с 1965 г. отмечается снижение экспорта каучука до 29 тысяч т в 1968 г., хотя при

¹ 350 фирм в 1968 г. и 661 – в 1962 г.

этом его доля в общем объеме экспорта выросла с 73% до 88%. Такие же товары, как пиво, табак, мыло, кокосовое масло и кустарные изделия, составляли всего 1% экспорта.

1.4. Финансовая структура Республики Вьетнам

1.4.1. Иностранный капитал

Для подъёма отсталой экономики юга правительство Нго Динь Зьема проводило политику широкого привлечения иностранного капитала. В 1957 г. оно ввело первое положение об иностранных инвестициях. Однако, получив более лёгкие каналы обогащения в Южном Вьетнаме, американские инвесторы, воздерживались от долгосрочных вложений. Они инвестировали всего лишь 10 миллионов долларов в ряд смешанных предприятий, в том числе в 21 внешнеторговую фирму по реализации сельскохозяйственных излишков и в 8 промышленных. В итоге американские капиталовложения в южновьетнамской промышленности составляли менее 10% иностранных инвестиций. В то же время компании других стран проявили намного большую активность, вложив в неё только в 1958 – 1963 гг. около 140 миллионов долларов. В 1972 г. был принят специальный закон об инвестициях, расширивший привилегии иностранному капиталу, но военно-политическая ситуация сдержала его приток. Более того, в 1969 – 1971 гг. было отмечено «бегство» за границу национального капитала на сумму как минимум в 500 миллионов долларов [1688.5]. Правда, в течение того же периода выросли капиталовложения поставлявших ГСМ для Южного Вьетнама американских нефтяных компаний «Эссо» и «Калтекс», которые с 1968 г. совместно с англо-голландской корпорацией «Шелл»¹ и другими нефтяными монополиями США занимались поисками нефти у вьетнамских берегов. К 1970 г. суммарные инвестиции этих компаний составляли более 50 миллионов долларов.

¹ «Shell».

Кроме того, 125 американских корпораций получили от правительства США и сайгонской администрации подряды на проведение различных, в основном военно-стратегического назначения, работ. В 1973 г. общая сумма заключенных ими контрактов составляла 250 миллионов долларов. В рамках «технической помощи» они занимались модернизацией крайне отсталой инфраструктуры, что позволило вывести её на современный уровень. При этом из американского кредита в 40 миллионов долларов на реконструкцию системы связи было потрачено 3,3 миллиона, на развитие железнодорожного транспорта 5,7 миллиона, на строительство водопровода в Сайгоне – Тёлоне 17,5 миллиона и на сооружение ТЭЦ в Тхудыке мощностью в 33 мВт – 12,7 миллиона долларов [447, с.27; 1436, с.33, 34].

Несмотря на проходившую в 1954 – 1956 гг. шумную антифранцузскую кампанию под лозунгами преодоления колониальной зависимости, основные интересы французского капитала в плантационном хозяйстве, промышленности и торговле не были затронуты, так как это могло привести к полной дезорганизации экономики Южного Вьетнама

Добиваясь беспрепятственного доступа на вьетнамский рынок, США не требовали полной ликвидации французского присутствия. Поэтому пошатнувшиеся было позиции Франции вновь окрепли, и после некоторого спада французские промышленные предприятия значительно повысили уровень производства уже в начале шестидесятых годов. В этот же период было основано около 40 новых французских фирм. Благодаря инвестиционной политике сайгонских властей французские предприниматели создали совместно с местным частным и государственным капиталом на базе принадлежавших им компаний целый ряд смешанных предприятий. В целом с 1958 по 1963 г. французский бизнес вложил в экономику РВ около 40 миллионов долларов, а к концу шестидесятых годов общая сумма его инвестиций уже превышала 200 миллионов долларов [1435, с.40].

Главные интересы французских монополий по-прежнему были связаны с производством каучука, в которое были направлены 70% капиталовложений Франции, или 150 миллиардов старых франков. Французские компании владели 90% южновьетнамских каучуковых плантаций, три из которых¹ производили 65% всего местного каучука на 60% имеющихся плантаций. Только в 1957 – 1960 гг. они вложили около 1 миллиарда южновьетнамских донгов в новые посадки гевеи на площади 10 тысяч га, что позволило поднять производство каучука на 15% по сравнению с 1955 г. Однако, достигнув в 1960 г. своего высшего уровня, его производство стало ежегодно сокращаться из-за расширения военных действий. Так, в результате налётов американской авиации только в 1965 – 1966 гг. было уничтожено около 100 плантаций гевеи [1436, с.50; 1712.2, с.13, 14].

Кроме того, французским компаниям почти монопольно принадлежали такие отрасли, как энергетика и водоснабжение, химическое, фармацевтическое, производство вин, пива, газированных напитков, искусственного льда, табака и спичек. Франция также оставалась основным потребителем товаров южновьетнамского экспорта, а на долю её двух коммерческих старых банков^{II} в 1963 г. приходилось порядка 40% всех внешнеторговых банковских операций Республики Вьетнам.

Довольно серьёзные позиции в экономике Южного Вьетнама занимал и японский капитал. В 1959 г. между правительствами Японии и РВ было подписано соглашение, по которому первая выплатила второму репарации за урон в годы Второй мировой войны на сумму 55,6 миллиона долларов в виде поставок оборудования и строительной техники для ряда предприятий. Японские фирмы не замедлили воспользоваться столь удобным предложением для быстрого проникновения на южновьетнамский рынок. За период 1960 – 1965 гг. на юге появились десятки смешанных японо-вьетнамских компаний,

¹ « Plantations des Terres Rouges », « Société Indochinoise des Plantations de Hévéc », « Le Caoutchou du Dongnai ».

^{II} Французский банк Азии, Франко-китайский банк.

которые инвестировали капитал в производство гончарных изделий, пищевых продуктов, сахара, тканей и электроэнергии. Компания «Ниппон Козэй»¹ участвовала в сооружении ГЭС Даним мощностью в 160 мВт, давшей ток порту Камрань и населённым пунктам плато Тэйnguена. В счёт репараций и кредитов тоже были построены верфи по ремонту военных судов, оружейные мастерские и другие объекты.

В начале шестидесятых годов в Южном Вьетнаме также активизировались западногерманские, итальянские и тайваньские фирмы. Так, с помощью ФРГ был построен фанерный завод и оборудован центр по подготовке технических кадров. Западногерманские компании выделили кредиты на строительство ряда предприятий зоны Анхоа – Нонгшон провинции Куангнам в 12 км от Дананга. Тайваньцы обосновались в основном в текстильной промышленности^{II}, а итальянцы – в производстве бумаги^{III}.

В 1956 – 1957 гг. одновременно с упоминавшейся антифранцузской компанией была развернута под лозунгом защиты национальных интересов широкая кампания, призванная подорвать экономические позиции китайской буржуазии в Южном Вьетнаме. В 1956 г. был издан декрет, запретивший всем иностранцам участвовать в 11 видах коммерческой и предпринимательской деятельности. В частности, им запрещалась розничная торговля в целом и оптовая продажа рыбы, мяса, овощей, тканей и древесного угля, а также очистка риса и перевозка грузов, чем был нанесён удар по основным сферам приложения местного китайского капитала. Вследствие этого многие китайцы были вынуждены принять вьетнамское гражданство, чтобы продолжить предпринимательскую деятельность на юге. В результате если в 1955 г. на Южном Вьетнаме было зарегистрировано более 800 тысяч постоянно проживавших

^I «Nippon Koei».

^{II} Компании «Vinatex» и «Dacotex».

^{III} Компания «Cogido» и другие.

китайцев, то их численность в 1958 г. сократилась приблизительно до 124 тысяч²⁶ [631, с.21].

1. Рыболовецкая джонка на реке Ароматной. 01.04.2011 г.
2. Ловля рыбы на морском побережье. Куангбинь. 31.03.2011 г.

1.4.2. *Бюджет и финансово-кредитная система*

С 1962 г. государственный бюджет Республики Вьетнам делился на три отдельных бюджета: текущий национальный бюджет, чрезвычайный бюджет безопасности и бюджет экономического развития. За 1955 – 1974 гг. государственный бюджет вырос в 60 раз – с 10,9 миллиардов до 630 миллиардов южновьетнамских донгов, при этом составлявшие весомую часть этого бюджета «оборонные» расходы увеличились за тот же период в 40 раз – с 7 миллиардов до 284 миллиардов южновьетнамских донгов [1175, с.268].

Доходная часть текущего бюджета формировалась за счёт прямых и косвенных налогов и других внутренних поступлений, которые направлялись главным образом на содержание административного аппарата и проведение общественных работ, носивших, по существу, военный характер. Из текущего бюджета производились отчисления в чрезвычайный бюджет безопасности, через который финансировались военные расходы, содержание полиции, тюрем, отрядов гражданской безопасности, или местных полицейских формирований²⁷. Бюджет экономического развития, шедший на осуществление долгосрочных экономических программ, формировался из отчислений из текущего бюджета, но главным образом из внешней помощи. Наконец, расходы на социальные нужды, связанные с улучшением жизни населения, составляли ничтожную часть бюджета средства²⁸.

Поскольку отчисления из текущего бюджета не покрывали растущих военных и административных расходов, составлявших в среднем составляли 70% всех затрат, основным источником их финансирования являлась американская помощь. Её доля в бюджете увеличивалась по абсолютной величине, но уменьшалась по относительной, особенно по сравнению с 1955 – 1960 гг. Поэтому сайгонское правительство стремилось пополнять свои растущие расходы из других источников: за счёт повышения налогов, займов у

других стран, в частности Франции. Если в 1954 г. объём иностранных, почти целиком американских, источников финансирования составлял относительно ВВП РВ лишь 10%, то в 1968 г. он равнялся 35%, а в 1973 г. – уже 86% [447, с.27; 1175, с.266]. С 1965 г. большую роль стали играть доходы, получаемые в долларах от служащих шестисоттысячного американского экспедиционного корпуса и войск союзников. Эти два источника позволяли наращивать импорт, что также содействовало увеличению налоговых поступлений.

Таблица 14

**Структура расходной части текущего бюджета РВ
1955 – 1969 гг. в процентах [1156.1, с.67]**

	1955 – 1960	1961 – 1965	1966 – 1969
Сельское хозяйство	1,40	1,38	0,72
Промышленность	0,40	4,56	1,48
Образование	4,16	4,83	5,05
Здравоохранение	2,00	2,00	2,55
Пенсии, пособия и др.	0,20	0,13	0,09
Расходы на оборону, безопасность и управление	76,34	70,20	64,01
Другие статьи	15,30	16,90	26,10
Итого:	100,00	100,00	100,00

Поступления от реализации американских товаров представляли собой постоянно растущую часть приходных статей текущего бюджета. В 1955 – 1960 гг., включая пошлины и налоги, они составляли в среднегодовом выражении 82,2%, в 1961 – 1965 гг. – 79,7% и в 1966 – 1969 гг. – 87,4%²⁹. Поэтому их доля в налоговых поступлениях, хотя она постепенно и снижалась, всегда была очень высокой. Так, в те же временные отрезки она составляла 95%, 76% и 58,6% соответственно. Поставки в счёт американской помощи и доходы от пребывания в Республике Вьетнам экспедиционного корпуса США и гражданских лиц использовались для того, чтобы «стабилизировать экономику и, пополняя приходную часть бюджета, уменьшать бюджетный дефицит» [145.3].

Эти источники вместе с эмиссией бумажных денежных знаков формировали доходную часть текущего бюджета. Удельный вес всех налоговых поступлений составлял в 1963 –

1966 г. более 60%. При этом прямые и косвенные налоги выросли с 6,3 в 1955 г. до 12,8 в 1964 г., 18 в 1966 г. и 227 миллиардов южновьетнамских донгов в 1974 г. То есть в активную фазу войны они выросли в 13 раз. С 1955 по 1975 г. ставки подоходного налога для национальных предприятий неоднократно увеличивались, тогда как для иностранных предприятий они оставались без изменения [1175, с.268; 1729.6, с.19; 1729.7, с.68].

Среди прямых налогов наиболее важное место занимали подоходный и поземельный, а также патентный сбор, косвенные налоги на производство и безопасность. Ряд потребительских товаров, например таких, как пиво, табак, алкогольные и прохладительные напитки, сгущенное молоко, мука из импортного зерна и другие, облагались акцизами. В итоге каждый житель Республики Вьетнам в среднем платил от 1700 до 2600 южновьетнамских донгов налогов в год.

Под нажимом Вашингтона сайгонское правительство отменило в декабре 1954 г. преференции на товары французского экспорта в Южный Вьетнам и ввело на них повышенные тарифы. Многие французские товары облагались пошлинами в 40% – 80% их стоимости³⁰, что облегчило США проникновение на южновьетнамский рынок. Более того, поступавшие в Южный Вьетнам в порядке помощи американские товары до 1-го января 1962 г. вообще не облагались налогами, что давало возможность продавать их на внутреннем рынке по ценам на 20% – 35% ниже французских [1540, с. 24, 26, 27].

Поскольку внутренние поступления текущего бюджета не покрывали непомерно раздутые и постоянно растущие военные расходы. Усугублялся и хронический дефицит всего государственного бюджета. За 1961 – 1964 гг. он составил 46 миллиардов, за 1965 – 1973 гг. – превысил 790 миллиардов южновьетнамских донгов.

Таким образом, в годовом выражении дефицит вырос в десятки раз, составляя к доходной части бюджета от 30% до 170% [1156.1, с.67; 1640.4, с.147]³¹. Поэтому балансирование

бюджета и внебюджетные расходы производились в счет помощи США.

Таблица 15.

Размеры и баланс госбюджета Республики Вьетнам
1965 – 1973 гг. в миллиардах южновьетнамских донгов [1156.1, с.67]

Годы	Доходы	Расходы	Дефицит	Дефицит к доходам в процентах	Дефицит к расходам в процентах
1965	17,69	47,78	30,09	170,10	63,00
1966	39,74	64,01	24,27	61,10	37,90
1967	47,57	86,19	38,62	81,20	44,80
1968	52,93	110,84	57,91	109,40	52,20
1969	73,07	138,05	64,98	88,90	47,10
1970	150,00	192,24	42,24	28,20	22,00
1971	165,60	261,20	95,60	57,70	36,60
1972	136,30	338,20	201,90	148,10	59,70
1973	193,10	429,90	236,80	112,60	55,10

С 1960 г. Сайгонскому правительству пришлось активнее использовать печатный станок, чтобы, расширяя авансы Национального банка казначейству, снизить дефицит. С увеличением американской «помощи», ростом военных расходов и бюджетного дефицита авансы Национального банка также выросли с 1,1 миллиардов южновьетнамских донгов в 1960 г. до 305 миллиардов в 1974 г., за счёт чего покрытие расходов возросло с 7% до 47%. Такая финансовая политика фактически порождала и ускоряла инфляцию, которая росла ежегодно в среднем на 25%. К тому же для привлечения сбережений населения ускоренными темпами выпускались государственные облигации. По сути это были военные займы на 1,5 миллиарда южновьетнамских донгов под 3,25% годовых в 1965 г. и на 187 миллиардов под 26% – 30% в 1974 г. Военные расходы занимали главное место в государственных расходах. Так, в 1965 г. доля прямых военных расходов составила 55,3% к доходной части текущего бюджета, а с учетом косвенных – 76,9%. Платёжный баланс за 1958 – 1966 гг. ежегодно сводился со значительным дефицитом, который в 1965 г. равнялся 228 миллионам, а в 1966 г. – 270,3 миллиона долларов. При низких темпах

развития национального производства находившаяся в обращении денежная масса постоянно расширялась. На конец 1958 г. она составила 11,71 миллиарда и на конец 1966 г. – 65,5 миллиарда южновьетнамских донгов [140.1, с.5; 141, с.334, 335; 1175, с.268; 1729.8, с.55].

Соглашение между Францией и Южным Вьетнамом от 30-го декабря 1954 г. предусматривало его вхождение в зону франка, но в конце 1955 г. Сайгон его денонсировал, чтобы привязать южновьетнамский донг к доллару США. С 30-го сентября 1955 по 19-ое января 1957 г. Национальный банк РВ произвёл обмен старых денежных знаков на южновьетнамские донги, а 25-го июля 1956 г. Южный Вьетнам был принят в члены Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития³². Эти действия, имевшие дискриминационный характер по отношению к ДРВ, открыли важный канал как для кредитования сайгонского режима, так и для оказания ему содействия со стороны мировых валютно-финансовых центров. В результате уровень интеграции Южного Вьетнама в мировую экономику заметно вырос.

Выполняя условия договора об экономическом сотрудничестве между РВ и США, южновьетнамские власти с согласия Международного валютного фонда установили с 1-го января 1956 г. обменный курс в размере 35 южновьетнамских донгов за 1 доллар США. Он был зафиксирован на основе официального «трёхстороннего курса», существовавшего в тот период для оплаты южновьетнамского импорта: «1,00 US \$ = 35,00^d (южновьетнамский) = 350,00 Fr (старый французский)». Поддерживаемый за счёт американской помощи, этот курс был благоприятен для конкуренции американских товаров, импортируемых в рамках «связанной помощи», с французской продукцией. Зависимость от США и галопирующая инфляция заставляли сайгонское правительство не раз девальвировать с согласия МВФ курс южновьетнамского донга по отношению к доллару. В октябре 1970 г. 1,00 US \$, за который к тому времени уже давали 118,00^d, вырос до 275,00^d, или на 685,7%

по отношению к донгу 1965 г., а в конце правления Нгуен Ван Тхиеу он вырос до 500,00⁴ (южновьетнамских).

В то же время банковско-кредитная система Южного Вьетнама получила достаточно заметное развитие. Национальный банк был создан 31-го декабря 1954 г. как государственный эмиссионный банк Республики Вьетнам. Кроме того, существовали такие официальные организации, как Государственное управление сельскохозяйственного кредита, Центр промышленного развития, Кредитный фонд мелкой торговли и другие. Их уставной капитал формировался за счёт средств бюджета и поступлений от американской помощи. Среди частных коммерческих банков ведущее место принадлежало иностранным банкам, и в первую очередь американским, французским и английским. Вьетнамские частные банки имели незначительный капитал и не могли конкурировать с ними. Иностранные банки занимали доминирующие позиции как во внутренних операциях, так и в международных расчётах РВ. Так, из 11 банков, которым разрешалось проведение последних, только три принадлежали национальному капиталу. В 1959 г. на долю 8 иностранных уполномоченных банков приходилось более 70% общей выручки по инвалютным операциям [1540, с.161].

Для контроля валютных и кредитных институтов Республики Вьетнам США создали специальное учреждение по валютному регулированию – Национальное валютное бюро, которое, в частности, препятствовало утечке инвалюты из страны и следило за возвратом предоставленных РВ кредитов. Погашение долгов разрешалось осуществлять в донгах по свободному курсу доллара на момент расчёта, в то время как займы предоставлялись по официальному курсу. Поскольку южновьетнамский донг неоднократно девальвировался, отношение его официального курса к курсу свободного рынка было не менее чем один к двум, что делало погашение крайне выгодным для США. Такая система погашения кредитов в сочетании со строго целевыми расходами выделенных средств

способствовала как их росту, так и укреплению сайгонского режима.

Таблица 16.

**Целевое назначение кредитов США правительству РВ
1956 – 1962 гг. в долларах США [272.1]**

Займодавец	Сумма кредита	Программные рамки	Назначение	Часть кредита
Экспортно-импортный банк США	53,3	«техническая помощь»	военный бюджет	25,0
			оборудование и исследования	21,0
			система связи	3,3
Специальный фонд	40,2	«техническая помощь»	железные дороги	9,7
			водоснабжение Сайгона	17,5
			оборудование для ТЭЦ Тхудык	13,0

Для того чтобы получить новый заём, сайгонские власти должны были предоставить американским финансовым органам детальное обоснование эффективности планируемых проектов, а также сведения об ответственных за их реализацию государственных или частных фирмах. Кроме того, требовалось доказать позитивное воздействие займов на финансовое положение страны, а также гарантировать, что новые проекты не нанесут ущерба американским интересам и капиталовложениям.

1.5. Социальные сдвиги

Экономическая политика властей Республики Вьетнам по-разному отразилась на положении отдельных классов и слоёв южновьетнамского населения. Если большая часть крестьянства, рабочего класса и мелких предпринимателей, пострадала от неё, то средние городские слои и буржуазия по большому счёту выиграли, достигнув, как и добивались США, известного процветания. Так, согласно расчётам сайгонских экономистов, доход на душу населения составлял в РВ около 120 долларов, что по тем временам было далеко не самым низким показателем в мире. Но эта средняя величина скрывала огромную имущественную дифференциацию, так как самые

богатые получали по 1 тысяче долларов, а половина населения с доходом ниже мировой нормы в 1,00 US \$ / сутки жила за чертой бедности³³.

Однозначно ухудшилось положение крестьян в бывших освобождённых районах. Семьи активных участников Войны сопротивления под различными предлогами лишались земли и имущества. Многие из них были переселены в отдалённые районы. Когда в 1959 г. в Южном Вьетнаме началось создание «зон процветания» и «агрогородов», то, по далеко не полным данным, только в одной провинции Митхо были разрушены 800 домов и уничтожены 1 тысяча га садов, и более 6 тысяч га рисовых полей [1729.9, с.53]. Насильственное переселение приняло ещё больший размах в 1962 г., когда в связи с осуществлением плана Тэйлора – Стэйли началось создание «стратегических деревень», отличавшихся от «агрогородов» меньшими размерами. Как правило, их создание было связано с фактическим ограблением крестьянства. Проведённое экономической миссией США в декабре 1964 г. обследование 15 таких деревень около Сайгона, показало, что самый дешёвый деревенский дом стоил 5 тысяч южновьетнамских донгов, а более благоустроенный – в 3 или 4 раза дороже. Правительственные же органы выделяли крестьянской семье на жилищное строительство не более 2 тысяч [1705.4].

С 1958 г. сайгонские власти фактически запретили свободную продажу риса. Всю продукцию крестьяне должны были сдавать либо в кооператив, либо государственным органам по твёрдым закупочным ценам, которые порой даже не покрывали себестоимости производства. Согласно данным торговой палаты Сайгона, в 1957 – 1958 гг. доход крестьянина в Южном Вьетнаме в среднем равнялся 40% дохода крестьянина в Индии или в Таиланде [1737.10]. Кроме того, сокращение площади культивируемых земель и создание крупных стратегических запасов продовольствия для сайгонской армии, связанные с расширением военных действий, в сочетании с произволом деревенской верхушки подрывали сельское хозяйство и вели к ухудшению

материального положения крестьянства. Правда, благодаря аграрной реформе Нгуен Ван Тхиеу увеличение размера земельных наделов достаточно серьезно изменило положение, создав к концу шестидесятых – началу семидесятых годов условия для развития частного предпринимательства и роста доходов в крестьянской среде. Но это уже не могло спасти положения.

После 1954 г. в Южном Вьетнаме происходил довольно значительный рост численности рабочего класса, чему способствовало широкое военное строительство и быстрое развитие ряда отраслей промышленности. Ориентировочно в 1960 – 1964 гг. численность рабочего класса Южного Вьетнама достигла, включая сельскохозяйственных рабочих, 500 – 600 тысяч человек, или около 8% – 9% самодеятельного населения страны, а затем она почти утроилась. В первый период фабрично-заводской пролетариат составлял всего 60 тысяч человек. Самым многочисленным отрядом рабочего класса были транспортники, строители и текстильщики вместе с кустарями¹. В связи с обслуживанием нужд войны и правительства численность рабочих постепенно росла. В результате упорной борьбы рабочих правительство было вынуждено установить в июле 1956 г. гарантированный минимум заработной платы в 41 донг в день для мужчин и 26 для женщин. В 1963 г. минимум заработной платы был повышен до 45 донгов, тогда как официальный прожиточный минимум равнялся 48 южновьетнамским донгам в день. В то же время, рост доходов сопровождался заметным снижением политической активности рабочего класса в целом. Но затем доходы стали падать. Так, в декабре 1973 г. реальная зарплата простого рабочего составляла к уровню 1956 г. 93,5%, квалифицированного мастера – 84,4%, а к июню 1974 г. эти показатели упали до 80% и 72,3% соответственно [118, с.29; 1156.1, с.69; 1175, с.276; 1725.5; 1737.11; 1749.1].

¹ Транспортников и строителей было по 140 тысяч, а текстильщиков вместе с кустарями – 70 тысяч человек.

Острейший характер в городах Южного Вьетнама приобрёл жилищный вопрос. К середине шестидесятых годов их население сильно выросло, а жилищное строительство почти не расширилось. В 1963 г. индекс квартирной платы составил для трудящихся 327,3 к уровню 1949 г. За тот же период индекс стоимости жизни нижних слоёв населения вырос до 288,1, а для средних слоёв – до 307,5, а индекс цен на продовольствие – соответственно до 274 и до 289 пунктов.

В результате на окраинах Сайгона выросли целые бамбуковые поселки, где в антисанитарных условиях ютилась городская беднота. Жилищная проблема особенно обострилась из-за бегства масс сельского населения в города и роста безработицы. Накануне освобождения Сайгона из 3,5 миллиона его жителей около 1 миллиона не имело работы или было занято частично.

Аналогичная ситуация была характерна и для других городов. Бедность привела к резкому росту преступности, проституции и других социальных пороков [1175, с. 280; 1725.6, с.23, 34].

Привилегированные и зажиточные слои населения формировались из лиц, служивших в армии, полицейских силах, военизированных отрядах и аппарате управления сайгонского режима. Они насчитывали до 15% всех занятых, или 8 миллионов человек, а с учётом непосредственно работавших на эту систему в сфере строительства и услуг – 25% [1175, с.267].

Таким образом, $\frac{1}{4}$ трудоспособного населения была оторвана от материального производства и не просто жила, а обогащалась за счёт американской помощи. В то же время, численность национальной буржуазии резко выросла по сравнению с французским периодом, при этом расширились масштабы и сферы её бизнеса. Это было связано с тем, что США, в отличие от Франции, рассматривали вьетнамских капиталистов не как конкурентов, а как своих главных союзников.

1.6. Итоги «американского периода» развития

В результате многолетней войны и неокOLONиальной политики США контролировавшаяся сайгонскими властями зона Южного Вьетнама оказалась в крайне тяжёлом положении. Были разрушены экономические связи города и деревни. Произошёл отток порядка 10 миллионов сельских жителей в города. Гипертрофированно выросла сфера услуг. Значительная часть трудовых ресурсов страны находилась вне материального производства. В начале семидесятых годов 27% трудоспособного населения, или 3 миллиона человек, были безработными. Число торговцев превысило 500 тысяч человек. Всё это привело к деградации производства, в первую очередь – сельскохозяйственного [1156.1, с.60]. В Южном Вьетнаме, которому в годы войны был нанесён огромный материальный, физический и экологический урон, не обрабатывалось более 1 миллиона га пахотных земель. В прошлом крупнейший экспортёр риса, он превратился в его нетто-импортёра.

Экономический застой и упадок были ведущей тенденцией хозяйства сайгонской зоны. Она почти полностью контролировалась иностранным капиталом и отличалась высоким уровнем зависимости от внешних рынков, хотя благодаря проведённым реформам и госрегулированию её экономика достигла определённого прогресса. Так, ВВП РВ вырос с 81 миллиарда в 1960 г. до 122,8 миллиарда южновьетнамских донгов в 1973 г. То есть за 14 лет его рост составил 50%, или в среднем 4%, в год³⁴. При всём своём внешнем процветании экономика Республики Вьетнам оставалась слаборазвитой по таким показателям, как структура, темпы роста, несбалансированность и уровень жизни основной массы населения [1175, с.279]. Она имела множество серьёзных противоречий и диспропорций, и лишь всемерная поддержка США спасала её от коллапса.

Как уже отмечалось, американская помощь направлялась не только на поддержание боеспособности сайгонской армии и обеспечение войск США, но и способствовала развитию

национального капитализма. Благодаря ей была создана сеть высококлассных дорог, были построены современные аэродромы, порты и городские здания. Наконец, сформировалось «общество потребления», возник средний класс и была создана «витрина западного образа жизни». В то же время в сельской глубинке в стороне от стратегических дорог царили разруха и отсталость.

В целом же экономика Республики Вьетнам имела типично неокOLONиальный характер. Хотя в стране и был построен ряд современных промышленных предприятий, но сырьё и технологии ввозились из-за границы, а работавшие на них специалисты были иностранцами. Многие предприятия в основном занимались упаковкой или сборкой изделий из комплектующих, изготовленных крупными японскими, французскими, тайваньскими, американскими и другими невьетнамскими фирмами. Юг наводнили заграничные товары, которые душили местную промышленность и ремёсла. Зажиточные крестьяне стали использовать в своём хозяйстве мини-тракторы, химические удобрения и инсектициды, но опять-таки заграничные. В целом власти и не пытались создать местное производство, способное на длительные сроки обеспечивать вьетнамское население всеми необходимыми товарами. Импорт предметов роскоши или потребительских промышленных изделий составлял большую часть помощи США. В конечном счёте произошло глубокое искривление структуры всей экономики, что повлекло за собой последствия, которые не компенсировал материально-технический прогресс, обеспеченный американцами.

С одной стороны, указанные процессы в экономике Республики Вьетнам привели к значительному ухудшению положения трудящихся и промежуточных слоёв населения, а с другой – они способствовали укреплению сил сторонников проамериканского режима. При этом сложились современные инфраструктура, технологии, методы управления, товарно-денежные отношения, связи с передовыми странами и международными валютно-финансовыми центрами, чем были

заложены основы развития капиталистической экономики страны и её интеграции в мировое хозяйство. В целом опыт экономического развития Южного Вьетнама во многом был использован после объединения страны. Характеристике же того, каким образом это произошло, посвящены главы следующего тома, в которых описывается экономическое развитие СРВ после 1975 г.

2. Экономика освобождённых районов Южного Вьетнама

Как известно, освобождённые районы Южного Вьетнама в основном находились в сельской местности. К 1965 г. они уже занимали всю территорию от 17-й параллели до западного Намбо, что создало благоприятные условия для реализации основных социально-экономических задач НФОЮВ. Поэтому в ЦК НФОЮВ было принято решение о создании специальных комиссий по развитию освобождённых районов. Важнейшими из них были финансово-экономическая, по транспорту и связи, по безопасности и ряд других, которые фактически выполняли функции министерств [1370, с.18].

Основное внимание НФОЮВ с самого начала уделял ключевому в условиях Южного Вьетнама аграрному вопросу. От снижения арендной платы на помещичьи земли НФОЮВ перешёл в ходе борьбы к радикальному решению аграрного вопроса. В частности, программа НФОЮВ предусматривала конфискацию принадлежавших как американцам, так и жестоким помещикам и предателям земель. В ней также гарантировались их распределение среди безземельных и малоземельных крестьян, подтверждение и защита прав собственности на полученные крестьянами в результате революции земли¹ и передача собственности отсутствующих землевладельцев в пользование крестьянам [53].

Темпы осуществления аграрных преобразований в освобождённых районах различались в зависимости от

¹ Земли, переданные крестьянам народной властью в период Войны сопротивления 1945 – 1954 гг., а затем отнятые у них в соответствии с земельной реформой Нго Динь Зьема.

конкретных условий. В Намбо эта задача была в основном решена уже к концу 1963 г. Здесь крестьяне получили в собственность или во временное пользование 1531 тысячу га земли. В Чунгбо аграрные преобразования, особенно в равнинных районах, начали осуществляться лишь в 1964 г. К тому же здесь всегда ощущался острый земельный голод. Поэтому в Чунгбо к концу 1966 г. было распределено лишь 50 тысяч га. Программа НФОЮВ предусматривала поощрение и развитие плантационных хозяйств. Соблюдавшие указы и постановления местных органов самоуправления и платившие налоги владельцы плантаций имели возможность продолжать свою деятельность. В целях наделения землей безземельных и малоземельных крестьян в этих районах НФОЮВ поощрял и оказывал всемерное содействие в обработке залежных и целинных земель. Все обработанные целинные земли переходили в собственность тех, кто их обрабатывал. С учётом этих земель к концу 1966 г. крестьяне освобождённых районов Южного Вьетнама получили от НФОЮВ в собственность или в пользование около 2 миллионов га земли. В итоге они стали владельцами более 76% пахотных земель в освобождённых районах. Руководство НФОЮВ также допускало сохранение права собственности на землю за теми землевладельцами, которые выполняли распоряжения местных органов народной власти и не сотрудничали ни с американцами, ни с сайгонским режимом. Арендная плата была установлена в размере от 8% до 25% основного урожая, то есть на 40% – 80% ниже, чем прежде. По неполным данным, снижение арендной платы дало крестьянам экономию в 200 тысяч т неочищенного риса в год. Важным шагом НФОЮВ в процессе социально-экономических преобразований стало аннулирование им подушного, поземельного и других прямых и косвенных налогов, собиравшихся сайгонскими властями. Они были заменены добровольными, колебавшимися в среднем от 8% до 12% урожая взносами рисом или деньгами в фонд освобождения, которые в 3 – 5 раз уступали в размере крестьянским платежам помещикам и сайгонским чиновникам.

Также были отменены и кабальные долги крестьян кредитным органам [634.2, с.30; 1640.5, с.158; 1729.4, с.23, 26; 1746.1].

Как в сайгонской, так и в освобождённой зоне в обращении находились одни и те же денежные знаки, которые эмитировались Национальным банком Республики Вьетнам. Помимо взносов в фонд освобождения НФОЮВ располагал дополнительными источниками средств. Ими являлись поступления от налогообложения некоторых иностранных предпринимателей, доходы от принадлежащих НФОЮВ предприятий, пожертвования от населения городов и оккупированных районов, помощь в виде свободной валюты и ценностей, поступавших от международных организаций, частных лиц и вьетнамских эмигрантов, поддерживавших борьбу народа Южного Вьетнама за независимость, а также, естественно, боевые трофеи. Важную роль играла поддержка СССР и других социалистических стран.

В результате массовых мероприятий НФОЮВ не только улучшилось материальное положение крестьян в освобождённых районах, но и произошли важные изменения в социальной структуре деревни. Если в период контроля сайгонских властей $\frac{2}{3}$ крестьянских хозяйств составляли бедняки и наёмные рабочие и лишь $\frac{1}{3}$ середняки, то после освобождения центральной фигурой в деревне стал середняк. Средняцкие хозяйства в середине шестидесятых годов составляли уже $\frac{2}{3}$ крестьянских хозяйств. На основе перераспределения земли во многих освобождённых районах стали создаваться группы трудовой взаимопомощи и кооперативы низшей ступени. По данным исследователей ДРВ, в них объединилось около 3 миллионов крестьян, однако это утверждение вызывает сомнение, поскольку в таком случае этими формами было бы охвачено всё экономически активное население освобожденных районов. Наконец, на юге по образцу ДРВ также создавались кредитные и снабженческо-сбытовые кооперативы [1729.4, с.29; 1729.6, с.33].

В условиях войны сельскому хозяйству освобождённых районов наносился серьёзный ущерб бомбардировками и

карательными операциями, сопровождавшихся разрушениями, поджогами и грабежами. По неполным данным, лишь в 1964 г. дефолиантами был уничтожен урожай на площади 500 тысяч га, а каратели сожгли 50 тысяч т риса, опустошили 5,16 тысячи га рисовых полей и убили 7,5 тысячи буйволов. Кроме этого, как обычно, имели место крупнейшие стихийные бедствия. Так, в 1966 г. в результате наводнения только в Чунгбо пострадало более 1 миллиона человек. В этих сложнейших условиях НФОЮВ удалось восстановить производство, а местами даже превышать его прежний уровень. Мобилизуя крестьян на восстановление старых и строительство новых ирригационных сооружений, увеличение кратности урожаев, расширение посевов кукурузы, маниока, батата и других вспомогательных культур, внедрение передовой агротехники, патриоты Южного Вьетнама в целом успешно решили продовольственную проблему и тем самым спасли сотни тысяч крестьян от голодной смерти. В результате в 1967 г. снабжение продовольствием в освобождённых районах Намбо составило 500 кг, а в пострадавших районах Чунгбо – 250 кг на человека, что по критериям того времени было минимумом для обеспечения населения продовольствием до нового урожая. По решению НФОЮВ, крестьянам пострадавших районов были предоставлены кредиты на покупку буйволов, семян и инвентаря. При этом в горах значительно увеличилось поголовье крупного рогатого скота, который продавался жившим на низменности и в прибрежных районах крестьянам. Кроме того, НФОЮВ всемерно поощрял разведение мелкого домашнего скота и птицеводство. Большую помощь оказывали крестьянам и части народной армии. В ряде освобождённых районов вместо конфискованных помещичьих земель и плантаций создавались непосредственно управляемые местными комитетами НФОЮВ подсобные хозяйства. Благодаря этому организации НФОЮВ и оставшиеся на постоянных базах части Армии освобождения смогли добиться частичного самообеспечения рисом, овощами и мясом. В результате, как сообщалось в прессе, цены на

свинину и птицу в освобожденных районах были на $\frac{2}{3}$ ниже, чем в сайгонской зоне [1729.4, с.28, 29, 33].

Отсутствие линии фронта в сочетании с теснейшим переплетением освобождённых, «спорных» и контролируемых Сайгоном территорий создало своеобразное положение, при котором самые различные товары из сайгонской зоны поступали в освобождённые районы, а сельскохозяйственная продукция из этих районов сбывалась в сайгонской зоне. При этом все попытки сайгонских властей ввести экономическую блокаду освобождённых районов неизменно проваливались.

Наконец, наряду с восстановлением традиционного ремесленного и кустарного производства НФОЮВ также уделял большое внимание созданию в освобождённых районах мастерских по ремонту различного оборудования и боевой техники, производству оружия, патронов, мин, гранат и других боеприпасов. По далеко неполным данным, только в горных районах Тэйnguена действовало более 200 кузниц, в которых не только изготавливались сельскохозяйственные орудия, но и было налажено производство вооружения и даже выплавка железа из руды. Кадровые работники НФОЮВ обучали национальные меньшинства выращиванию хлопка и ткацкому ремеслу. За счёт местного производства покрывалось более $\frac{1}{4}$ потребностей в тканях и одежде. Были восстановлены сотни мастерских по производству мыла, сигарет, спичек, различных медикаментов из лекарственных трав, организовано кустарное производство бумаги. Например, в 1963 – 1965 гг. выпуск сельскохозяйственного инвентаря на прямо подчинённых НФОЮВ предприятиях в Чунгбо вырос в 4 раза. За это время производство бумаги увеличилось более чем в 2 раза, тканей – в 1,5 раза. НФОЮВ принимал меры к восстановлению кустарного производства сахара, древесного угля и других товаров. Только в провинциях западного Намбо доходы НФОЮВ от различных кустарных промыслов ежегодно составляли 50 – 60 миллионов южновьетнамских донгов [1729.4, с.37].

Брат и сестра. Деревня Батьмай общины Футы уезда Фухынг.
Провинция Бенче. 11.04.2011 г.

Большое значение для населения освобождённых районов имело решение проблемы обеспечения солью. Поэтому НФОЮВ организовал добычу соли на полуострове Камау и на побережье Чунгбо, откуда соль доставлялась в самые отдаленные районы, где создавались её необходимые резервы.

Ещё в начале шестидесятых годов в горной местности Тэйнгуена и Чунгбо наблюдался упадок традиционного производства чая, корицы, мёда и перца. Почти прекратилась разработка ценнейших пород древесины и лесной промысел. В первую очередь это было связано с тем, что сайгонская армия захватила низменные провинции Чунгбо, блокировав тем самым его горные районы. Однако с 1964 г., когда там возникли обширные освобождённые районы, положение резко изменилось. Несмотря на имевшиеся трудности, в западных районах южных провинций Куангнам, Куанггай и Биньдинь стало производиться до 200 наименований различных товаров традиционных отраслей. Поэтому уже в 1965 г. в результате торговли с населением равнинных районов было выручено свыше 30 миллионов южновьетнамских донгов [1729.4, с.38].

В результате усилий местных комитетов НФОЮВ и входивших в него массовых организаций материальное положение населения в освобождённых районах значительно улучшилось, а уровень цен на основные потребительские товары оставался стабильным. Так, например, в начале 1965 г. 1 кг риса в среднем стоил в освобождённых районах не более 10 донгов, 1 кг свинины – от 55 до 60 донгов, тогда как в сайгонской зоне рис продавался по 30 – 40 донгов, а свинина – по 180 – 220 донгов за 1 кг [1729.4, с.38]. В местах же дислокации американских войск цены были еще выше.

Исследование экономической ситуации в находившихся под контролем НФОЮВ районах показало, что, несмотря на постоянные военные действия и террор, в них удалось наладить хозяйственную жизнь, в том числе за счёт активной торговли с сайгонской зоной, а также осуществить широкие

социально-экономические преобразования в интересах всех слоёв трудящегося населения.

В то же время следствием жестокой войны с США и сайгонским режимом стало внедрение в освобождённых районах Южного Вьетнама несколько модифицированной модели господствовавшей в ДРВ административно-командной экономики, которая в значительной степени мешала развитию рыночных отношений и преодолению отсталости. Правда, справедливости ради следует отметить, что внедрённые с помощью США рыночные капиталистические отношения не помогли и Республике Вьетнам добиться процветания.

Надо полагать, что в таком традиционном обществе конфуцианского культурного ареала, как вьетнамское, его развитие на каждом отдельно взятом этапе определяется не той или иной экономической моделью, а восприятием происходящих в конкретное время событий общественным сознанием. Безусловно, в конечном итоге любое общество, в том числе и вьетнамское, прогрессирует в соответствии с требованиями экономического развития, однако это совсем не означает прямолинейной связи общественного сознания с экономическими факторами. Зачастую эта связь проявляется опосредованно и далеко не одновременно в надстроечных структурах и в базисе общества, из-за чего её крайне сложно проследить.

ЧАСТЬ IV

Культура Вьетнама в 1893 – 1975 гг.

Глава 1

Вьетнамская литература от создания Индокитайского союза до объединения страны в 1975 г.¹

1. Переходный период в развитии вьетнамской литературы конца XIX – 1-ой трети XX в.

Как известно, процесс колонизации Вьетнама завершился к началу XX в., и вплоть до 1945 г. страна жила в условиях относительной стабильности как колония Франции, сочетающая в себе элементы старого феодального уклада и формирующегося нового буржуазного строя, что во многом предопределило весь ход дальнейшего развития вьетнамской литературы.

В последнее десятилетие XIX в. и до тридцатых годов XX в. вьетнамская литература находилась в процессе активной перестройки, всё ускоряющегося перехода от традиционной литературы к современной литературе европейского типа. В то время обе эти литературы практически существовали параллельно. При этом, поскольку в стране большинство образованного населения всё ещё составляли конфуцианцы, действовала система традиционного образования и проводились конкурсные испытания на должность чиновника, господствующее положение в литературе, как и прежде строившейся на классической системе жанров и поэтики, по-прежнему занимала иероглифическая письменность.

Наиболее значительными и в то же время типичными представителями конфуцианского сословия и традиционной вьетнамской литературы конца XIX – начала XX в. следует считать таких северовьетнамских поэтов, как Нгуен Кхюен и Чан Те Сьонг¹.

Как и положено конфуцианцу, родившийся в семье бедного книжника Нгуен Кхюен мечтал о карьере чиновника, не мыслимой без сдачи конкурсных экзаменов, на которых по

¹ 1835 – 1909 гг. и 1870 – 1907 гг.

разным причинам ему долго не везло. Нгуен Кхюен добился на них успеха, когда ему было уже за 30. После этого он стал довольно быстро продвигаться по служебной лестнице. Тогда же начался и завершающий этап колонизации страны, связанный с захватом севера. Будучи патриотом, Нгуен Кхюен отверг все предложения продолжить службу при дворе «продавшей страну» французам династии Нгуен. Поэтому, сославшись на болезнь глаз, он удалился в 1883 г. от дел и обосновался на малой родине в провинции Ханамнинь. После завершения колониальной войны Нгуен Кхюен лишь дважды временно возвращался на службу, да и то чтобы не вызывать подозрения в нелояльности к новой власти. На сегодняшний день сохранилось около 200 его стихотворений, написанных на «ханвьете», и порядка 100 – на «номе»¹. По форме это традиционные четырёхсложники, а также восьмистрочные семисложники и пятисложники¹¹, по содержанию – отчасти вполне традиционные пейзажная лирика, стихи, посвящённые темам долга конфуцианского мужа и «отшельничества», и другая поэзия. Отчасти же они представляют собой живой отклик на окружавшую поэта новую действительность. Реалии колониализма его не радовали, поэтому зарисовки жизни того времени и размышления о ней получались у него с грустинкой и с сатирическим оттенком.

Чан Те Сьонг родился уже после того, как началась война с Францией. Он старательно учился, не раз сдавал конкурсные экзамены и даже получил на них в 1894 г. звание «всесторонний талант», но служить ему не пришлось. Всю свою короткую жизнь он прожил в бедности, фактически на содержании занимавшейся мелкой торговлей жены. Он так и не нашёл себе места в новой жизни. Талантливый и много сочинявший, он, как считается, особенно ничего не записывал. Поэтому из его поэтического наследия многое утеряно, а то, что сохранилось и приписывается поэту, часто неубедительно. В настоящее время авторство Чан Те Сьонга не вызывает

¹ Смотри «Параграф 2.1» Главы 2» «Части IV» «Тома I» и «Примечание 1» к «Главе 1» «Части III» «Тома III».

¹¹ Смотри «Примечание 13» к «Главе 1» «Части III» «Тома II».

сомнения приблизительно в 150 случаях. Его стихи на «номе» написаны, как правило, семисложными восьмистроичниками, четырёхсложниками и параллельной прозой, при этом не рафинированным и часто трафаретным языком традиционной поэзии, а, скорее, разговорным вьетнамским языком, на котором говорил он сам и окружавшие его жители Намдиня. Чан Те Сьонг, будучи формально представителем традиционной поэзии, сумел создать свой поэтический мир – мир, населённый теми людьми, которых он каждый день видел и с которыми общался. Это его жена, женщина им глубоко уважаемая, друзья, соседи, заметные в городе жители и жительницы, школяры, готовящиеся сдавать конкурсные экзамены, певички, французы и другие люди, которым судьба уготовила участь жить в переходное время. Не вписавшийся в новую действительность, поэт описывал свою и их жизнь то с грустью, то иронически, то сатирически. Тема «неуместности» его в современной жизни занимает большое место в произведениях Чан Те Сьонга. Это проявляется и в серии стихотворений, связанных с конкурсными экзаменами, и в стихотворениях, где поэт смеётся и даже издевается над собой за свою «никчёмность», и в стихотворениях, посвящённых теме бедности, причём не бедности вообще, а бедности его собственной, бедности его семьи. Однако, несмотря на это, он не хочет уподобляться тем, кто пытается приспособиться к новой, меняющейся на глазах, жизни.

При всём при том, что таких, как Нгуен Кхюен и Чан Те Сьонг, было немало, главными и определяющими в первые годы XX в. всё же становятся во Вьетнаме идеи движения «Обновления», которые приобрели форму широкого просветительно-реформаторского движения, имевшего целью модернизацию всей страны на основе достижений западной цивилизации. Передовые представители вьетнамского общества, также в основном конфуцианцы, остро переживали потерю национальной независимости и видели главную причину несостоятельности традиционного государства в соперничестве с Западом в замедленности его развития, которая и привела к катастрофическому отставанию. Идеи

обновления охватили представителей разных слоёв общества, как непримиримых противников метрополии, часто с оружием в руках продолжавших борьбу с ней, так и тех, кто в той или иной мере принял новые реалии, хотя и не оставил мыслей о свободе родины. В то время, как образно сказал поэт-патриот Нгуен Кюен¹, «все уходят в монахи, чтобы читать молитвы Независимости в пагоде Обновления» [1228.1, с.259]².

Стержнем начавшегося в стране просветительского движения становится переход на латинизированную письменность. Вьетнамцы, в традициях которых всегда была высокая статусность образования и образованных, учатся как дома, так и за границей. В поисках путей дальнейшего развития для, как тогда было принято говорить, пробуждения «души страны», пребывающей в спячке, одни едут на Восток – в Китай и Японию, другие отправляются на Запад – во Францию. Общая атмосфера даёт мощный импульс развитию патриотической литературы, типичными образцами которой являются литературно-публицистическое творчество Фан Бой Тяу, Фан Тю Чиня и общественно-просветительной Школы Восточной столицы, созданной по образцу аналогичных школ Китая и Японии. Если первый, сторонник решительной борьбы с колонизаторами вплоть до терроризма, как и многие другие, был ориентирован на Восток, особенно на Японию, успешно устоявшую в противостоянии с Западом, то второй придерживался прозападной ориентации, будучи сторонником более мягких методов борьбы с Францией через сотрудничество с ней на благо родины. Фан Бой Тяу и Фан Тю Чинь они сыграли огромную роль в патриотическом, национально-освободительном движении, но их литературное творчество в целом оставалось в системе традиционной литературы. Деятельности сгруппировавшихся вокруг созданной ими школы патриотов, которые выступали за переход на латинизированную письменность, отмену не соответствовавшей потребностям нового времени старой системы образования и за овладение вьетнамцами новыми

¹ ? – 1941 гг.

европейскими знаниями, вьетнамская литература обязана интереснейшим документом 1904 г. под названием «Новое учение о цивилизации». Парадоксально, но и этот документ был написан на иероглифике. В этом своего рода манифесте движения «Обновления» не только провозглашалась на основе сравнения дальневосточной и западной цивилизаций необходимость просвещения народа и перехода с «ханвьета» на латиницу, но и предлагались конкретные меры, указывающие на то, как этого добиться [614]¹.

Параллельно с распространением нового колониального образования в начале XX в. в стране растёт количество периодических изданий, так или иначе связывающих страну в единое информационное пространство. Это, с одной стороны, способствует воспитанию нового поколения вьетнамцев, постепенно отрывающегося от традиционной средневековой почвы, с другой же – стимулирует рост национального самосознания. В 1901 г. на юге начинает выходить известная еженедельная газета «Вопросы [и] ответы [по] проблемам земледелия», издававшаяся на иероглифике и латинице. Будучи первоначально преимущественно экономической газетой, призванной стимулировать развитие южновьетнамской экономики, издание постепенно начинает уделять всё больше внимания и литературе. В ней публикуются переводы с французского и китайского, образцы вьетнамского фольклора, рассказы и стихи. Именно эта газета в 1906 г., возможно, впервые в истории вьетнамской литературы, организует конкурс на лучшее произведение новой вьетнамской прозы европейского типа, предлагая равняться на французский роман и разъясняя потенциальным авторам, чем новая проза должна принципиально отличаться от традиционной. С этой же газетой связана и публикация первого перевода на вьетнамский язык, сделанного, правда, хозяином газеты – французом Канаваджио, известного китайского исторического романа «Троецарствие».

¹ О политико-просветительских учениях того времени смотри подробнее в «Параграфе 2» «Главы 1» «Части I» настоящего тома.

Титульный лист газеты «Главные литературные новости Дайнама».
Справа – второе название «Собрание основных актуальных новостей»

Чуть позднее, с 1907 г., также начинает издаваться и самая авторитетная южновьетнамская газета «Новости шести провинций», просуществовавшая до 1944 г., которая много сделала для пропаганды идей «обновления» и отказа от устаревших традиций и обычаев. Тогда же на севере продолжала выходить газета «Главные литературные новости Дайнама», которая в начале 1907 г. под новым названием «Собрание основных актуальных новостей» стала печататься не только на иероглифике, но и на латинице. К сожалению, она быстро прекратила своё существование за связь с просветительской Школой Восточной столицы, которая была закрыта колониальными властями за антифранцузскую пропаганду. Важную роль в переходе на латинизированную письменность и становлении новой вьетнамской литературы также сыграл известный журнал «Индокитай», издававшийся с 1913 по 1919 г. в Ханое. Несмотря на его очевидную профранцузскую позицию, согласно которой французские колонизаторы в первую очередь являлись просветителями, несущими вьетнамцам новые знания и цивилизацию, нельзя не признать, что этот журнал внёс огромный вклад в популяризацию латиницы и новой вьетнамской словесности¹.

В первые годы XX в. в стране начали массово переводить французскую и другую западную литературу, которая подчас попадала во Вьетнам через Китай и Японию. Крупнейшими переводчиками и пропагандистами западной литературы в это время являются Нгуен Ван Винь и Фам Кюинь². Нгуен Ван Виня, бывшего одним из основателей и активнейших авторов журнала «Индокитай», с полным правом можно считать и «отцом» вьетнамского художественного перевода. Конечно, он не был первопроходцем и часто грешил вольным обращением с текстом оригинала, но благодаря объёму и качеству своих трудов он сыграл большую роль в становлении этого нового для Вьетнама вида литературной

¹ Из-за этой позиции журнал «Индокитай» и те, кто с ним сотрудничал, подвергались и до сих пор продолжают подвергаться критике.

² 1882 – 1936 гг. и 1891 – 1945 гг.

деятельности¹. Нгуен Ван Винь занимался как поэзией, так и прозой, переводы которой ему особенно удавались. Благодаря ему вьетнамцы познакомились с баснями Лафонтена, сказками для детей Перро, пьесами Мольера, «Манон Леско» Прево, «Тремя мушкетёрами» Дюма и «Отверженными» Гюго. Кроме того, он перевёл на французский язык поэму «Ким Ван Киеу» великого Нгуен Зу¹¹. При этом комментарию Нгуен Ван Виня превратили этот перевод в филологическое исследование, не утратившее своего значения и по сей день.

В то же время переводческие опыты Нгуен Ван Виня и других авторов интересны тем, что на них эти литераторы учились писать на латинизированной письменности и тем самым фактически создавали новую вьетнамскую прозу. Об этом прямо сказал и сам Нгуен Ван Винь в предисловии к роману Алена Лесажа «История Жилия Блаза из Сантьяны», который был впервые переведён и опубликован частями в журнале «Индокитай» в 1913 – 1916 гг. В своём предисловии к полному изданию 1930 г. Нгуен Ван Винь рассказывал, что в 1913 г. мало кто верил в возможность перевести западный роман на вьетнамский язык, но, начав с «лепетов на родном языке», он постепенно оттачивал язык и научился в процессе перевода выражать сложные мысли. По свидетельству известного литературного критика Ву Нгаук Фана, первые страницы романа по языку действительно разительно отличаются от его окончания. Если начало воспринимается как речь пытающегося говорить по-вьетнамски иностранца, то далее это уже нормальная проза на вьетнамском языке начала XX в. [1289, с.45].

На базе вьетнамской журналистики и из практики перевода художественной и иной литературы с французского и китайского языков на вьетнамский в это время формируется новая вьетнамская литература, первые редкие ростки которой отмечаются в конце XIX в. В десятилетия – двадцатые годы она

¹ Прежде вьетнамцы переводили только китайские иероглифические тексты, перевод которых принципиально отличается от художественного перевода с европейских языков.

¹¹ Смотри «Параграф 1.3.2» «Главы I» «Части III» «Томы III».

преимущественно уже писалась на латинице, хотя имевшая многовековые традиции литература на «ханвьете», реже – на «номе» сохранялась ещё долгое время. Вьетнамцы активно знакомились и с такими новыми для них литературными жанрами, как рассказ, роман, репортаж и разговорная драма, что готовило почву для постепенного перехода литературы от средневековой системы жанров к новой, в основном европейской. Именно в то время во Вьетнаме зарождается наука европейского типа, в том числе и литературоведение.

Образцы новой вьетнамской прозы, которые известны ныне, в первые два десятилетия XX в. представляли собой своеобразную «пробу пера». Поэтому они ещё были немногочисленными и очень несовершенными. Но уже по ним можно судить о том, как, по мере происходивших во вьетнамской жизни изменений, усложнялись и способы её отображения в литературе. В связи с этим, можно отметить начинавшийся тогда отход от традиционной условности, «монологичности» повествования и столь типичной для конфуцианства навязчивой дидактичности. Стремившиеся к реализму, авторы всё больше обращались к подлинной жизни. В литературе появились новые жанры и даже «намёки» на жанровые разновидности.

Как известно, в традиционной вьетнамской литературе жанр романа, как крупного прозаического произведения, практически отсутствовал. Редким образцом вьетнамского романа до XX в. является написанный на «ханвьете» несколькими представителями семьи Нго в начале XIX в. роман-хроника «Император Ле – объединитель страны»¹, и повествующий о реальных событиях в стране конца XVIII – начала XIX в. В отличие от Вьетнама в соседнем Китае жанр романа имел большую историю и поэтому на становление вьетнамского романа в начале XX в. влияют две традиции – европейская и китайская. Влияние первой в основном идёт через произведения французской литературы на французском

¹ То есть «Единые записи [об] императорах [династии] Ле». Смотри «Примечание 16» в «Комментарии» к «Главе 1» «Части III» «Тома III».

языке. Влияние второй – через китайскую литературу в оригинале или в переводах на вьетнамский язык, которые традиционно были очень популярны в стране. Именно благодаря популярности китайского многоглавного романа со стихотворными вставками и прочими особенностями, а также благодаря его привычности можно сказать, что в это время его влияние на ранний вьетнамский роман преобладает. Специфичен и язык произведений, изобилующих китаизмами, параллельными конструкциями, традиционными образами, историко-литературными реминисценциями и стихотворными вставками.

К 1910 г. относятся сразу три романа южновьетнамских авторов. Два романа, «Напрасно обвинённая Хоанг То Ань» и «Лам Ким Лиен», принадлежат известному литератору Чан Тянь Тиеу, а третий, «Злоключения вдовы из Фаниена», – Чыонг Зюи Тоану^I. В 1912 г. в газетном варианте публикуется скандально популярный в своё время роман Ле Хоанг Мыу «Любовные приключения Ха Хыонг», а в 1917 г. также на страницах газеты печатается произведение Биен Нгу Ньи^{II} «Удивительные истории наших дней». В 1916 г. на Севере выходит первый роман одного из крупнейших представителей вьетнамской литературы XX в. Тан Да^{III} «Маленький сон 1» [614.1]. Романы «Напрасно обвинённая Хоанг То Ань», «Лам Ким Лиен» и «Любовные приключения Ха Хыонг» можно отнести к социально-бытовому роману, роман «Злоключения вдовы из Фаниена» является «смесью» историко-приключенческого и любовного романа, тогда как роман «Удивительные истории наших дней» следует считать наиболее ранним произведением вьетнамской авантюрно-приключенческой прозы с детективной подоплёкой. В нём рассказывается о невероятных приключениях главного героя, удачливого и дерзкого, но не лишённого благородства вора по имени Ба Лоу, образ которого «списан» автором с Арсена

^I 1867 – 1919 гг. и 1885 – 1957 гг.

^{II} 1879 – 1941 гг. и 1886 – 1963 гг.

^{III} 1988 – 1939 гг.

Люпена, известного героя французского писателя Мориса Леблана. Наконец, роман Тан Да «Маленький сон I» написан, как увиденное самим автором во сне его собственное путешествие по миру [585.1].

Наряду с романом в то время начинает развиваться и вьетнамский рассказ. Самым крупным представителем его ранних образцов является Фам Зюи Тон^I. К 1914 г. относится созданная им «Душераздирающая история», представляющая собой скорее небольшую зарисовку из реальной жизни. В нём повествуется о встрече автора в холодный дождливый день со старым, изможденным рикшей, который рассказывает автору о том, что его единственный сын умер, а потому он вынужден работать, чтобы обеспечить жену и семью. В 1918 г. был написан самый известный рассказ Фам Зюи Тона «Жить или умереть – всё равно». Навеванный рассказом А.Доде «Партия на бильярде», он переносит действие во вьетнамскую деревню, когда дождливой ночью крестьяне самоотверженно спасают готовую прорваться плотину, а в это время деревенская верхушка и чиновники из города увлеченно играют в азартные игры. Благодаря социальной тематике и критическому пафосу этот рассказ часто называют ранним образцом литературы критического реализма во Вьетнаме. В таком же критико-реалистическом ключе написаны и опубликованные в 1919 г. рассказы «Шо Кхань» и «Как несправедлива жизнь!».

К концу десятых годов относятся и первые рассказы северянина Нгуен Ба Хока^{II}. Это «Семейная история», «Деревенский староста», «Мужество богатеть» и «История одного монаха». Некоторые из них были дополнены рядом написанных в 1920 и 1921 гг. рассказов. Как и Фам Зюи Тон, Нгуен Ба Хок также обращался к новой вьетнамской действительности эпохи перехода от традиционного уклада жизни к колониальной эпохе, описывая кризисные явления в находящемся на перепутье обществе. При этом если в его рассказах изменения в экономической сфере и всё, что им

^I 1883 – 1924 гг.

^{II} 1857 – 1921 гг.

способствует, в целом одобряются, то изменения в сфере морали и нравственности – осуждаются. Как и для ранних романов, для ранних рассказов характерны старый язык с большим количеством китаизмов, параллельных конструкций и явные недостатки повествовательной техники. В то же время их обращение к проблемам реальной жизни очевидно.

Документальная проза в первые два десятилетия XX в. получает своё развитие прежде всего в творчестве Фам Кюиня, известного журналиста, переводчика, писателя, педагога, человека широко образованного и убеждённого просветителя¹. В истории вьетнамской литературы XX в. его имя теснейшим образом связано с популярным ежемесячным журналом «Южный ветер», главным редактором вьетнамской части которого он был с момента основания и до 1932 г. Созданный в 1917 г. и издававшийся в Ханое при поддержке французских колониальных властей до 1934 г., этот журнал в целом продолжал просветительскую линию журнала «Индокитай», но при этом он отличался большей полнотой и основательностью. На его титульном листе было написано «научный и литературный журнал», а основой для заявленной в нём популяризации научных знаний литературы была объявлена латинизированная письменность. Благодаря этому страницы журнала стали тем «опытным полем», на котором начали активно прорастать ростки новой литературы, печататься первые рассказы, статьи и переводы уже упоминавшихся Фам Зюи Тона, Нгуен Ба Хока, Тан Да и многих других. Публиковались в «Южном ветре» статьи, переводы и оригинальные произведения самого Фам Кюиня. Его научно-популярные статьи касались главным образом вопросов литературы и философии. Его интересовали поэзия Ш.Бодлера и проза А.Франса, проблемы европейского романа и вьетнамского фольклора. Ему принадлежат работы как по Декарту, Вольтеру, Руссо, Монтескье, Конту и его современнику-интуитивисту Бергсону, так и по буддизму и

¹ Смотри также «Примечание 21» в «Комментарии» к Главе 1» «Части I» настоящего тома.

конфуцианству. Будучи также одним из первых переводчиков художественной литературы, Фам Кюинь перевёл на вьетнамский язык пьесы Корнеля, рассказы Мопассана и известных в то время писателей Лоти и Куртолина.

К самому концу десятых годов относятся два путевых очерка Фам Кюиня «Десять дней в Хюе» и «Месяц на Юге», которые увидели свет соответственно в 1918 и 1919 гг. В первом автор подробно и с любовью рассказывает, как будучи журналистом посетил ставший в начале XIX в. столицей страны город Хюе в Центральном Вьетнаме, в котором, по его словам, «заключается душа Вьетнама».

Второй очерк написан в продолжение первого и представляет собой рассказ о путешествии автора в Намки, которое, как известно, лишь в конце XVII в. стало частью Вьетнама, а затем первым было завоёвано французами и подвергся европейской модернизации. Отмечая как различия между севером и югом, так и разницу между внешне совершенно европейским Сайгоном и провинциальным Ханоем, Фам Кюинь заключает очерк словами о том, что южане и северяне – «дети одной семьи», а в их единстве – залог будущего успешного развития страны [14.2]. Стоит отметить, что эта серия очерков была продолжена написанными в 1922 г. путевыми заметками «Три месяца в Париже», в которых автор, как всегда, подробно описал столь непривычную для него жизнь во Франции.

В двадцатые годы XX в. вьетнамская литература продолжала развиваться. В то время появилось много новых общественно-политических, экономических, медицинских, женских, спортивных, и других журналов и газет на вьетнамском и французском языках. Тогда же наряду с легальной прессой во Вьетнаме зарождается и революционная пресса марксистского толка. С 1925 г. Союз революционной молодежи Вьетнама во главе с Хо Ши Мином начинает издавать в Китае газету «Молодёжь», которая переправлялась во Вьетнам. Эта газета, как и почти все вьетнамские издания, нередко публиковала прозу и поэзию национальных авторов.

То что вьетнамская поэзия имела давние традиции, а художественной прозы в стране практически не существовало, объясняет тот факт, что в поэзии позднее стали проявляться новые тенденции. Вьетнамцы долго продолжали писать стихи в традиционных формах. Однако постепенно и в поэзии всё заметнее становился поворот к реальной действительности с индивидуально-личностным отношением к ней, тогда как знакомство с французской поэзией готовило почву и для формальных изменений.

Крупнейшим поэтом десятых – двадцатых годов XX в. является уже упоминавшийся ранее Тан Да, в творчестве которого интереснейшим образом переплелось традиционное и новое. Именно с его именем следует связывать появление во вьетнамской литературе авторов с яркой индивидуальностью, создавших свой собственный лиризм на какой другой не похожий художественный мир поэзии и его прозы. И тут и там встречаются одни и те же идеи, темы, образы и даже одни и те же герои. В свою очередь всё это является у Тан Да частью реальной или вымышленной жизни. Иными словами, его реальная жизнь находит отражение в его произведениях, а его произведения становятся её образным продолжением. Главным в художественном мире Тан Да является отношение к жизни как к «большому сну» и тема «небожительства». Об этом говорят такие романы писателя, как «Маленький сон 1», «Маленький сон 2», автобиографическое произведение «Большой сон» и различные стихотворения, например «На приёме у Небесного правителя», являющееся кратким стихотворным переложением романа «Маленький сон 2». Эти темы «наполняют» часть поэтического и прозаического творчества Тан Да, сосуществующую с другой его частью – поэзией житейских наслаждений, которая продолжает одну из традиционных линий в классической китайской и вьетнамской литературе.

Метрический репертуар поэтического творчества Тан Да очень разнообразен. В числе используемых им размеров можно назвать классические четырёхсложники, пятисложники и семисложники, а также множество вольных комбинаций

разных размеров. В дальнейшем такое свободное обращение с традиционной системой стихосложения дало основания различным литературным критикам говорить о Тан Да как о предвестнике «Движения новой поэзии», развернувшегося в стране в начале тридцатых годов. Интересно, что и сам Тан Да считал себя таковым.

В прозе двадцатых годов особенно заметно развитие романа. При этом в целом, как и в предыдущее время, в нём преобладает влияние китайской традиции. При всей ещё слабо выраженной писательской индивидуальности, для этих романов характерны своя тематика, свои, по-прежнему тесно связанные с традиционной, своей или китайской, литературой сюжетно-композиционные схемы, свои герои и заметная нравоучительность. Язык произведений изобилует большим количеством китаизмов, параллельными конструкциями, традиционными образами, разного рода литературно-историческими реминисценциями, стихотворными вставками, характерными для классической китайской и вьетнамской литературы. Но также очевидна и попытка авторов в той или иной степени отразить новую реальность, новых героев и изменяющийся быт, а также освободиться от традиционной условности, и, сблизив «изображение» с действительностью, отказаться от «счастливого конца» и старомодного языка.

Очень условно среди романов того времени можно выделить произведения социально-бытового содержания, авантюрно-приключенческие и исторические. Условность подобного деления объясняется тесным переплетением в этих романах социально-бытовых и нередко криминальных авантюрно-приключенческих элементов их содержания³.

В большинстве случаев повествование строится на двух главных линиях. Это, во-первых, любовь между героями, часто служившая основой сюжетов в произведениях такого жанра традиционной литературы, как повествовательная поэма на вьетнамском языке, и, во-вторых, несчастная судьба, как правило, главной героини, но иногда и героя, также очень напоминающая судьбу героинь повествовательных поэм, прежде всего Киеу. На истории любви героев строятся,

например, такие романы, как созданные Ле Хоанг Мьу «История То Хюе Ни» и «Продавец жемчуга» (1920 г., 1925 г.), Хоанг Нгаук Фатем «То Там» (1925 г.), Няг Линем «Конфуцианские нравы» (1926 г.), Тан Зан Ты «Смерть во имя любви» (1926 г.), Нгуен Ты Шиеу «Абрикосовая ветка на вершине горы» (1927 г.) и другие. Несчастливая судьба главной героини / героя лежит в основе романов Ле Хоанг Мьу «Месть красавицы, или история Фунг Ким Хюе» (1920 г.), Данг Чан Фата «Цветок под снегом» и «Злая доля» (1921 г., 1923 г.), Чаунг Кхиема «Слёзная история Ким Ань» (1924 г.), Нгуен Тхань Лаунга «Печальная история» (1924 г.), Там Ланга «Слёзная история с берегов Ароматной реки» (1929) и других.

Герои этих произведений подаются ещё как герои традиционной литературы – идеализированно. Все они так называемые «талантливые молодые люди и красавицы», которые, преодолев цепь многочисленных препятствий, в конце концов воссоединяются или обретают счастье. Правда, как знак нового, как попытка приблизиться к правде жизни, всё чаще на смену традиционному счастливому концу приходит несчастливая развязка.

Примером раннего образца социально-бытового романа двадцатых годов на севере являются два романа Данг Чан Фата¹ «Цветок под снегом» и «Злая доля». В них писатель показал ханойское общество в первые десятилетия XX в., когда в условиях развития городов и их европеизации рушился привычный многовековой уклад вьетнамской жизни, традиционно определявшийся конфуцианской этикой. Стоит отметить, что сюжеты большинства романов того времени не выходят за рамки традиционных представлений о борьбе добра и зла, о воздаянии за добро добром и наказуемости зла. Новым же в них является тема разложения под чуждым европейским влиянием традиционного общества и кризис конфуцианской морали. В то же время, поскольку бурно развивавшиеся в колониальный период города подвергались европеизации и её дурным последствиям в первую очередь, то

¹ 1902 – 1929 гг.

писатель обрушивался с критикой на перенимавший лишь внешние приметы европейской цивилизации Ханой, жизнь в котором на самом деле развращала и губила людей. Поэтому Данг Чан Фата по праву следует считать одним из первых вьетнамских писателей-антиурбанистов.

Крупнейшим автором социально-бытового романа двадцатых годов был известный и на редкость плодовитый южновьетнамский писатель Хо Биеу Тянь¹. Его произведения в принципе можно отнести к разряду нравоописательных и нравоучительных. Если оставить в стороне переложения французских сюжетов, то в таких оригинальных романах Хо Биеу Тяня, как «Прозрение» (1922 г.), «Переводчик» (1926 г.), «Деньги» (1926 г.) и ряде других, главная идея заключается в том, что вышедшие на первое место в колониальном Вьетнаме деньги, богатство и материальные блага, которые, с точки зрения конфуцианской морали, всегда имели третьестепенное значение, портят людей, а такие традиционные нравственные ценности, как благородство, честность и верность, — куда важнее.

Несколько иначе отразил проблемы своего времени северовьетнамский писатель Хоанг Нгаук Фать^{II} в своём, возможно, самом «европейском» романе из написанных в двадцатые годы, единственном социально-бытовом романе «То Там». В его основе лежит история любви между молодым человеком, студентом Дам Тхюи, и девушкой из хорошей семьи То Там, которые представляют новое, выросшее при колониальном режиме поколение вьетнамцев. Конфликт же возникает на почве борьбы между «старым» и «новым» в вопросах семьи и брака, которые во Вьетнаме как конфуцианской стране решались не молодыми людьми, а их родителями. У молодого человека есть невеста, выбранная ему его родителями, которую он не то что не любит, а и знает-то плохо. Но полюбившие друг друга герои не находят в себе сил преодолеть конфуцианские традиции. В результате То Там

^I 1885 – 1958 гг.

^{II} 1896 – 1973 гг.

выходит по воле матери замуж за нелюбимого, причём Дам Тхюи её в этом поддерживает, но затем она быстро умирает, а Дам Тхюи, как говорится в романе, на всю жизнь остается с незаживающей раной в сердце. Опасаясь общественного осуждения за описание «несанкционированной» родителями любви в своём романе, писатель несколько лет не решался его публиковать. Вопреки этим опасениям по выходе в свет роман имел ошеломительный успех в среде новой молодёжи, воспринявшей его как «обвинительный акт» конфуцианским традициям. Интересно, что сам писатель осуждал такую «свободную» любовь, при этом не в угоду старшему поколению, а как явствует из его предисловия к роману, потому что так думал. Как и многие другие его современники, Хоанг Нгаук Фать считал, что всему виной чуждое вьетнамцам и особенно губительное для женщин европейское образование, а также лишавшее «корней» чтение французских романов.

В ярко выраженном авантюрно-приключенческом ключе написан ряд очень популярных в своё время романов известного южновьетнамского писателя Нгуен Тянь Шата¹. В их числе можно назвать такие, как «Чудесная встреча двух благородных сердец» (1920 г.), «Два благородных рыцаря» (1921 г.) и «Превратности судьбы» (1927 г.). Этот тип романа представлен и целым рядом произведений упоминавшегося ранее известного южновьетнамского автора Ле Хоанг Мью: «Любовные приключения Ха Хыонг» (1912 г.), «Месть красавицы, или история Фунг Ким Хюе» (1920 г.) и «Продавец жемчуга» (1926 г.).

Если говорить о получивших развитие во 2-ой половине двадцатых годов исторических романах, то их главными персонажами становятся реальные герои вьетнамской истории и фольклора. При их создании авторы опирались на различные официальные исторические источники, семейные хроники, храмовые жития и историко-мифологические сюжеты¹¹.

¹ 1869 – 1947 гг.

¹¹ О вьетнамских историко-мифологических сюжетах смотри «Параграф 2» «Части IV» «Тома I» и «Раздел 1» «Главы 1» «Части III» «Тома II».

Лучшим примером такого историко-приключенческого произведения может служить опубликованный Нгуен Чаунг Тхуатом¹ в Ханое роман «Арбуз» (1925 г.). В его основу положено известное во Вьетнаме историческое предание об Ан Тиеме, особо приближённом подданном одного из государей мифической династии королей Мужественных. По ложному доносу он с семьёй был сослан на необитаемый остров, где не только не погиб, но и, став обладателем семян дотоле никому неведомого растения – арбуза, сначала разбогател, а затем вернулся на родину и даже восстановил своё положение при дворе. Нгуен Чаунг Тхуат превратил указанные сюжеты этого коротенького предания в целые главы, расширив свою книгу главами с новыми сюжетами. Писатель конкретизировал и раздвинул хронологические рамки и топонимику предания, расширил круг его персонажей и дал подробное описание обстановки. Нет сомнения, что роман «Арбуз» был создан под сильным влиянием «Робинзона Крузо»⁴ Даниэля Дефо. По форме он написан в стилистике традиционных китайских многоглавных романов с большим количеством стихотворных вставок, в подавляющем большинстве – лукбатных. Язык романа полон китаизмов, параллельных конструкций, китайских историко-литературных реминисценций. Можно отметить, что в его предисловии подчёркивается стремление автора привить молодёжи интерес и уважение к собственной истории.

Признанным мастером исторического романа, которому принадлежит целая серия аналогичных произведений, является северянин Нгуен Ты Шиеу¹¹. Сначала в 1928 г. появился его, посвящённый герою вьетнамской истории 1-ой половины X в. Нго Кюену, роман «Гром в зимнюю ночь». Как известно, именем Нго Кюена связано освобождение Вьетнама от многовекового китайского господства и основание первой независимой династии Нго. Затем в 1929 г. был опубликован роман «Император Предок Динь» о Динь Бо Лине, который

¹ 1883 – 1940 гг.

¹¹ 1887 – 1965 гг.

подавил в середине X в. внутренние междоусобицы и основал новую династию Динь^I. В том же году вышло два романа «Славные воительницы» и «Императрица – госпожа Чиеу Ау». В первом повествуется о сёстрах Чынг, поднявших в середине I в. восстание против китайских захватчиков^{II}, а во втором – о восстании III в. против имперских властей под руководством ещё одной вьетнамской героини – госпожи Чиеу^{III}. Для всех этих романов характерна традиционная манера повествования. Их также объединяет и патриотическая сверхзадача. Автор рассказывает о многих славных страницах истории борьбы вьетнамского народа против имперского господства, проводя при этом прямую параллель с французским колониальным господством. В результате роман «Гром в зимнюю ночь» был даже запрещён французской цензурой.

Древнейшему периоду в истории страны посвящён опубликованный в 1929 г. роман северянина Чук Кхе^{IV} «Династия Хунг вьонгов», действия в котором развиваются с конца 3-го тысячелетия и до III в. до н.э.^V

На юге страны в то время пользуются большой популярностью вышедшие в 1929 г. исторические романы Фам Минь Киена и известного литератора Нгуен Тянь Шата^{VI}. В первом, «Ли Чунг Хынг», повествуется о событиях XI в., связанных с разгромом войск империи Сун выдающимся военачальником Ли Тхыонг Киетом в правление императора Гуманного рода династии Ли^{VII}. Второй, «Ле Тхай То»^{VIII}, посвящён событиям конца XIV – начала XV в., а именно приходу к власти «узурпатора» Хо Кюи Ли, захвату империей Мин Дайвьета и освободительной войне Ле Лоя, основавшего

^I О Нго Кюене и Динь Бо Лине смотри «Главу 4» «Части II» «Томе I».

^{II} О сёстрах Чынг смотри «Параграф 3» «Главу 4» «Части I» «Томе I».

^{III} О Чиеу Ау смотри «Примечание 19» в «Комментарии» к «Главе I» «Части II» «Томе I».

^{IV} 1901 – 1947 гг.

^V Смотри «Главу I» «Части I» «Томе I».

^{VI} Точные даты жизни обоих писателей неизвестны.

^{VII} Смотри «Параграф 1.3.2» «Главы I» «Части I» «Томе II».

^{VIII} Правильный перевод названий «Славные воительницы», «Династия Хунг вьонгов», «Ли Чунг Хынг» и «Ле Тхай То» смотри в указателе.

после победы над минскими войсками династию Ле, а также жизни сподвижника Ле Лоя – великого вьетнамского поэта Нгуен Чая¹. Как и подавляющее большинство остальных исторических романов, эти два произведения написаны в китайской литературной традиции с акцентом на их патриотическую составляющую.

В целом же для литературных произведений той эпохи типичен консервативный дух, отстаивание моральных устоев, семейно-бытового уклада, зиждевшегося, как отмечалось, на принципах конфуцианства, а также явные или неявные обвинения в адрес колониального образования и французской литературы, которые, по мнению авторов, развращали нравы и подрывали национальные традиции.

Таким образом, к концу двадцатых годов вьетнамская литература накопила большой, более чем достаточный для перехода количества в качество новый опыт. В результате переходный этап от старой литературы через новую к современной, в основном, завершается к началу тридцатых годов. Во многом это произошло благодаря тому, что за прошедшие с начала XX в. три десятилетия выросло целое поколение вьетнамцев, получивших колониальное образование и в той или иной степени впитавших в себя европейскую культуру. Оставаясь вьетнамцами, они в то же время иначе жили и мыслили. Как сказал известный вьетнамский учёный Чан Динь Хьюу^{II}, на смену традиционному конфуцианскому «человеку-функции», пришёл человек, начавший осознавать себя свободной буржуазной личностью со всеми вытекавшими из этого последствиями [1493.1, с.182]. Очевидно, что такие люди нуждались в совершенно иной литературе.

2. Вьетнамская литература с начала тридцатых годов XX в. до конца Второй мировой войны

Время с начала тридцатых годов до 1945 г. оценивается многими исследователями как наиболее яркий период в

^I См. «Главу 3» «Части I» «Том II».

^{II} 1927 – 1995 гг.

истории развития вьетнамской литературы XX в. В предисловии к изданному в Ханое в 1989 г. пятитомнику «Романтическая проза Вьетнама (1930 – 1945 гг.)» по этому поводу прямо сказано: «В истории вьетнамской литературы до Августовской революции 1945 г. не было такого периода, когда бы национальная литература развивалась так богато и разнообразно, как с точки зрения содержания, так и в жанровом отношении, с таким количеством авторов и произведений, как с 1930 по 1945 гг.» [1563.1, т.1, с.5].

Упиваясь открывшимися после средневековой изоляции возможностями, вьетнамцы с жадностью впитывали всё, что шло к ним из Европы, причём освоение нового происходило одновременно и очень быстро, хотя, возможно, и не так глубоко. То, что в Европе развивалось стадийно и копилось столетиями в области идеологии, философии, культуры и литературы, воспринималось вьетнамцами как явления приблизительно одного временного среза. Поэтому так разнообразна, так пестра общая картина литературной жизни Вьетнама того времени. В ней буквально соседствовали или расходились на несколько лет, а часто и перетекали друг в друга даже в творчестве одного и того же писателя такие явления, как романтизм, критический реализм, натурализм, декадентство, символизм, руссоизм, коммунизм, троцкизм, фрейдизм и другие. Поэтому так условны дающиеся различным явлениям вьетнамской литературы дефиниции, так проблематичны все вопросы, связанные с определением художественных методов, направлений и школ. Зыбкость всего этого усугубляется, с одной стороны, недостаточной изученностью вьетнамской литературы XX в., с другой – сложностью общетеоретических проблем.

Долгое время в литературоведении ДРВ и Советского Союза более или менее определённо было принято говорить применительно к 1930 – 1945 гг. лишь о трёх направлениях в литературе – романтическом, критического реализма и революционном. Очевидно, что если первые два так или иначе связаны с художественным методом, то революционная литература выделяется просто по своей социальной функции,

так как тематически связана с идеями национально-освободительной, а затем и социалистической революции. Разница же между первым и вторым направлениями в общих словах заключается в том, что литература вьетнамского романтизма, более буржуазная, городская и интеллигентская, сосредоточивалась главным образом на проблемах только становящейся буржуазной личности, её свободы от пут феодальной морали, свободы выбора в любви и тому подобных явлениях в обществе, которое по-прежнему одной ногой стояло в феодально-конфуцианском прошлом. Отсюда такое внимание писателей-романтиков, например к проблеме женской эмансипации, поскольку положение женщины было особенно униженным в традиционном вьетнамском обществе. В то же время, литература критического реализма, которая с полным правом может быть названа «литературой нищеты и страданий», была более социально направленной. Её представителей интересовала жизнь бедноты, самых «униженных и оскорбленных» в деревне или в городе, которая рисовалась по преимуществу в чёрно-серых тонах. Иными словами, это была литература именно критического реализма, так как, живописуя окружающую действительность как беспросветную, она играла революционизирующую общественную роль. Не случайно в 1935 – 1939 гг. во вьетнамском обществе и на страницах вьетнамской печати развернулась широкая дискуссия о роли литературы и искусства в жизни между сторонниками двух направлений: «искусства ради искусства» и «искусства ради жизни». По общему настрою литература критического реализма разительно отличалась от более гармоничной и оптимистической литературы вьетнамского романтизма.

Условность всего вышесказанного подчёркивается тем, что в творчестве одного и того же писателя можно найти как произведения, легко относимые к литературе романтизма, так и произведения критико-реалистические и много чего ещё. Так, творчество крупнейшего вьетнамского писателя Няг

Линя¹ во 2-ой половине двадцатых годов ещё представлено переходными от традиционной литературы к современной произведениями.

Нят Линь. Сайгон, 1952 г.

Уже в тридцатые годы его по практически образцовому творению романтического жанра – роману «Решительный разрыв», в котором остро ставится вопрос о свободе новой буржуазной личности, Нят Линя следует отнести к писателям-романтикам. В его романе «Светлый путь», написанном в соавторстве с Хоанг Дао^{II}, легко «читаются» руссоистские идеи. Такие рассказы, как «Рынок в начале улицы», «Бедность» и другие вполне критико-реалистические. В романах «Белая бабочка» и «Перекасти-поле», написанном совместно с Кхай Хынгом^{III}, присутствуют элементы

^I 1905 – 1963 гг.

^{II} 1906 – 1948 гг.

^{III} 1896 – 1947 гг.

декадентства. Интересно, что вопреки политической позиции писателя герои многих его произведений занимаются подпольной революционной работой и даже, как в романе «Два друга», мечтают через Китай добраться до социалистической России, или Советского Союза⁵.

В качестве примера также можно привести поэзию крупного вьетнамского поэта Хан Мак Ты¹, прожившего короткую, но очень яркую жизнь. Являясь представителем определяемого в целом как романтическое «Движения новой поэзии», он прошёл за каких-то 5 лет, с 1935 по 1940 г., путь от традиционной, с формальной точки зрения поэзии до произведений, в которых прослеживаются не только элементы символизма, но и сюрреализма.

Всё это приводит к основополагающему выводу о том, что в 1930 – 1945 гг. вьетнамская литература обретает своё вполне современное лицо, при этом независимо от того, насколько и как проявились в ней характерные для европейской литературы XX в. направления и школы. Этот вывод касается поэзии, прозы и даже вьетнамской драмы.

Начало тридцатых годов ознаменовано решительным обновлением вьетнамской поэзии, испокон веков занимавшей важнейшее место в традиционной духовной жизни Вьетнама, которое вылилось в целое движение, получившее название «Движение новой поэзии». Обновление затронуло как форму, так и содержание стихов. Его сутью стал отказ от жёсткой регламентированности старой системы стихосложения и относительного однообразия традиционных тем. В результате на передний план вышла индивидуальность поэта с его личным опытом и исканиями. Годом рождения движения считается 10-ое марта 1932 г., когда на страницах популярной в то время газеты «Женские новости» известный вьетнамский журналист, писатель и учёный Фан Кхой¹¹ опубликовал статью, в которой предложил читателям свои размышления о старой, традиционной поэзии. По его мнению, она настолько

¹ 1912 – 1940 гг.

¹¹ 1887 – 1959 гг.

заформализовалась, что потеряла всякую искренность. Как пример он представил на суд читателей своё написанное по-новому знаменитое стихотворение «Старая любовь», иначе говоря, не традиционными для вьетнамской поэзии размерами и «выражающее настоящие чувства души». Так впервые появилось название «новая поэзия». Эта статья послужила толчком к тому, что страну стремительно захлестнула волна свободной от традиционной регламентации поэзии. Прежде также пытались сочинять стихи по-новому. Так, в качестве примера можно назвать Нгуен Ван Виня, который в самом начале XX в. перевел басни Лафонтена, или Тан Да, в поэтическом творчестве которого достаточно примеров экспериментаторства со стихотворной формой. Но массового характера в то время эти тенденции ещё не приобрели.

Большую роль в распространении новой поэзии сыграла периодическая печать, а с 1932 г. редкая газета обходилась без стихотворных публикаций. На волне указанного обновления появилось множество новых имён, которые практически сразу становились известными и составили цвет вьетнамской поэзии XX в. Это Лыу Чаунг Лы, Тхе Лы, Суан Зиеу, Те Лан Виен, Хюи Кан, Хан Мак Ты, Нгуен Бинь, Ву Хоанг Тьонг и многие другие. Обновление вьетнамской поэзии было столь явным и стремительным, что три года спустя, в 1935 г., один вьетнамский литератор даже написал, что словосочетание «новая поэзия» больше не нужно, так как «старой поэзии» практически не осталось. На самом же деле она, конечно, осталась. Многие поэты, в основном такие представители традиционной конфуцианской интеллигенции, как, например, Фан Бой Тяу, продолжали писать стихи по-старому. Однако в целом классическое стихосложение ушло на периферию вьетнамской поэзии, уступив место новому опыту.

Если в традиционной поэзии индивидуально-личное начало было выражено слабо, то с того времени в ней появляется множество разных «я», множество поэтических индивидуальностей и миров, что стало следствием общего процесса самоутверждения личности, который, как уже отмечалось, характерен в те годы для Вьетнама. В самом

раннем посвящённом «Движению новой поэзии» обзорном труде «Вьетнамские поэты» известные литературоведы Хоай Тхань и Хоай Тян характеризуют это явление следующим образом: «В общем и целом дух старого времени, или старой поэзии, и дух нового времени, или новой поэзии, можно свести к двум словам «я» и «мы»... Вначале, никто точно не знает, когда это случилось впервые, появление слова «я» во вьетнамской поэзии было чрезвычайно робким. Оно словно заблудилось на чужбине, потому что несло в себе понятие доселе у нас невиданное – понятие индивидуума. Вьетнамское общество никогда не знало индивидуума. Оно знало только коллектив: большой коллектив – государство, маленький – семья. Личность, её сущность растворялись в семье, в государстве, как капля воды в огромном море» [1261.1, с.43].

Впитавшие идеи буржуазного индивидуализма, то есть осознавшие себя в достаточной степени самоценными личностями и стремившиеся к внутренней свободе, молодые вьетнамцы требовали свободы и для поэзии – свободы идей, свободы формы, настроений и всего остального. Вот как об этом говорил в 1934 г. известный вьетнамский поэт Лыу Чаунг Лы: «Наше старшее поколение приходило в трепет от полночного пения цикад, нас же волнует крик петухов в полдень. Они стеснялись смотреть на хорошенькую, наивную девушку, для нас же это подобно дуновению прохладного ветра в зелёном поле. Их любовь всегда сводилась лишь к браку, для нас же она проявляется в сотнях форм и тысячах состояний: любовь страстная, любовь мимолётная, любовь близкая, любовь на расстоянии, любовь на минутку, любовь на века...» [1261.1, с.11].

Конечно, в основе «Движения новой поэзии» лежало подражание французской поэзии разных его представителей – романтиков, парнасцев, символистов и других. В этом смысле новая вьетнамская поэзия, по крайней мере, на начальном этапе, вторична по отношению к французской. Но этот этап был необходим как период ученичества и поиска своего нового голоса, который, кстати, был очень быстро найден и ещё быстрее превзойдён новой вьетнамской поэзией. Уже к

началу сороковых годов как реакция на европеизацию вьетнамской поэзии с её индивидуализмом, тем самым «я», обретённым в результате отказа от «мы» в традиционной поэзии, во Вьетнаме возникла символистская литературная группа «Собрание вёсен и осеней», которая провозгласила возврат от европейского «я» к дальневосточному «мы». Члены этой группы считали, что «мы» более соответствует духу настоящей поэзии, поскольку оно подразумевает всеединство. Противопоставляя поэтические «я» и «мы», известный поэт и драматург Доан Фу Ты¹ писал: «“Мы” – это многострунный музыкальный инструмент, который звучит в унисон с *Бесконечностью*, вместе с *Музыкой* которого мы постигаем *Правду Мироздания*, то есть *Правду Абсолюта*. “Мы” – не какая-то отдельность. “Мы” – это *Всё*. И *Всё* звучит в “Мы”» [1580.1, с.28].

Как правило, «Движение новой поэзии» относят к романтическому направлению во вьетнамской литературе, что и понятно, поскольку его представители часто замкнуты на своём внутреннем мире и воспевают «нечто и туманную даль». Но если под ним понимать обновление стихотворной формы и возможное в разных формах обращение к реальной вместо традиционно-условной жизни, то это, безусловно, не так. Это тем более не так, что по-новому пишут уже все, в том числе и такие знаменитые авторы так называемой «революционной литературы», как, например, крупнейший вьетнамский поэт-революционер То Хыу^{II}.

Как и в поэзии, многие образцы вьетнамской прозы 1930 – 1945 гг. по праву считаются классикой современной вьетнамской литературы, что, впрочем, никогда не смягчало продолжающихся по сей день жарких споров и диаметрально противоположных оценок как того или иного автора, так и того или иного произведения. В то время в прозе появляется много ярких индивидуальностей, а в романе, рассказе, очерке оформляются разновидности, позволившие известному

¹ 1910 -- 1989 гг.

^{II} 1920 - 2002 гг.

вьетнамскому литературоведу Ву Нгаук Фану^I дать первую и достаточно развернутую, хотя, по некоторым пунктам и спорную, классификацию вьетнамской прозы этого периода. Так, он выделяет нравоописательный, нравоучительный, фантастический, сатирический, детективный, социальный, репортажный, сентиментальный, реалистический и, наконец, концептуально-пропагандистский типы прозы [1576.1, с. 5].

Ярким явлением вьетнамской художественной прозы стала литературная группа «Своими силами», которая была образована в 1933 г. и распалась к 1945 г. Её костяк составляли такие известные и разноплановые писатели, как Нят Линь, Кхай Хынг, Тхат Лам^{II}, поэты Суан Зиеу, Тхе Лы^{III}, Ту Мо^{IV} и некоторые другие. Группа имела свой печатный орган – газету «Нравы обычаи», которую сменила газета «Сегодня», и свой манифест, по всей видимости, первый в истории всей вьетнамской литературы. Этот манифест, содержащий требования использования естественного языка, обращения к реальной жизни, борьбы с феодальными пережитками, в том числе женской эмансипации, способствования освоению достижений европейской цивилизации и других принципов при создании прозы, в целом имел реформаторско-просветительский, буржуазный характер. Рождавшиеся в недрах группы произведения практически содействовали претворению в жизнь общественных и эстетических идеалов её главных членов. Конечно, они представляли, в чём их часто и обвиняли, крайнее крыло борцов за европеизацию жизни, но бесспорно то, что они вносили конкретный, практический вклад во внедрение многих, позитивных с их точки зрения, элементов западной цивилизации во вьетнамскую, прежде всего, городскую жизнь. Например, они пропагандировали санитарию и гигиену, спорт и здоровый образ жизни, новую моду, причёски и прочее. Члены группы, как самим своим творчеством, так и поощряя новых писателей и поэтов,

^I 1902 – 1987 гг.

^{II} 1910 – 1942 гг.

^{III} 1907 – 1989 гг.

^{IV} 1900 – 1976 гг.

публикуя их произведения и награждая их премиями, много сделали для развития вьетнамской литературы. В заслугу им можно поставить значительное усложнение повествования, создание нового героя в лице образованного городского жителя, стирание граней между положительными и отрицательными героями, внимание к их внутреннему миру, оптимистический и жизнеутверждающий пафос, а также большой вклад в создание нового литературного языка как языка городских жителей, получивших новое колониальное образование. Наиболее крупной фигурой, создателем и главным автором группы «Своими силами» был уже неоднократно упоминавшийся Нят Линь, вклад которого в становление литературы 1930 – 1945 гг. не отрицали даже его политические противники. Это наиболее плодотворное время в творчестве Нята Линя. Именно тогда появляются такие его романы, как «Перекати-поле» (1934 г.), «Решительный разрыв» (1934 г.), «Холод» (1935 г.), «Два друга» (1937 г.) и «Белая бабочка» (1939 г.), а также ряд других не менее известных произведений.

Особый резонанс имел роман «Решительный разрыв», поднимавший чрезвычайно важную для Вьетнама, как для страны с конфуцианской моралью, проблему борьбы «старого» и «нового» в семейных отношениях, которая рассматривалась с точки зрения прав и свобод женщины. Конфликт между «старым» и «новым» в этой сфере, по большому счёту окончательно неизжитый до сих пор, решался Нятом Линем настолько радикально, что это выглядело достаточно искусственно. Судя по всему, он и сам это хорошо понимал. Главная героиня романа Лоан, образованная молодая девушка, выросшая на французских романах, по воле матери вынужденно становится женой человека из «большой феодальной семьи» и старается смириться со своей участью. Поначалу ей это удаётся, тем более что, произведя на свет сына и выполнив тем самым основную задачу женщины в конфуцианской семье, она тем самым упрочивает своё положение. Но когда сын умирает, а муж, чтобы иметь наследника, женится на другой, жизнь героини теряет всякий

смысл. Всё завершается тем, что героиня случайно убивает мужа, а суд её оправдывает. Искусственность подобного решения подчеркивается в романе тем, что история Лоан происходит на фоне счастливой семьи, в которой муж и жена вступили в брак не по воле родителей, а по обоюдной любви, при этом в романе также упоминается несколько несчастных семей, в которых насильно выданные замуж женщины кончали жизнь трагически. Не случайно уже в следующем романе «Холод» Няг Линь смягчил свой экстремизм, оставив конфликт нерешенным.

Как бы в ответ на роман Няг Линя другой известный вьетнамский писатель Нгуен Конг Хоан¹, которого обычно относят к критико-реалистическому направлению прозы, написал очень напоминающий «Решительный разрыв» роман «Учительница Минь» (1935 г.), попытавшись примирить «старое» и «новое». Как и Лоан, героиня его романа учительница Минь попадает в традиционную семью. Тем не менее, будучи представительницей новых, образованных и относительно самостоятельных вьетнамок, она своим мудрым поведением перевоспитывает членов этой семьи и добивается всеобщего уважения

Естественно, Няг Линя интересовала не только тема свободы женщины, но и свобода мужчины, как, например, в романе «Два друга», герой которого бежит из семьи своего богатого отца, потому что хочет самостоятельно строить свою жизнь и не желает жениться по указке. Интересно, что параллельно в других романах писателя существуют настолько свободные от традиционной морали герои, что это их приводит к нравственному падению, как в романах «Перекачено поле» или «Белая бабочка».

В творчестве друга, соратника, а подчас и соавтора Няг Линя – Кхай Хынга можно найти отражение этой же темы, темы свободы личности. Если в принадлежащем его перу первом романе группы «Своими силами» «Душа бабочки в волшебном сне» (1933 г.) тема свободы женщины только

¹ 1903 – 1977 гг.

упоминается как предыстория, то в его романе «В середине весны» (1934 г.) она уже становится центральной. И, к чести Кхай Хынга, конфликт между «старым» и «новым» решается в романе не радикально, а как личная, пусть и маленькая, победа «новой женщины» над старым традиционным обществом.

В принципе почти все романы Няг Линя и Кхай Хынга являются в той или иной мере злободневными и социально значимыми, а их герои обычно не были выходцами из бедных семей и имели смелость бороться за свои права и человеческое достоинство. Также следует отметить, что оба эти писателя создавали свои персонажи исходя из общечеловеческих ценностей, а не на основе классового подхода.

На этом фоне особняком стоит творчество такого писателя группы «Своими силами», как Тхать Лам. Он известен как автор рассказов, героями которых часто были простые люди, бедняки и проститутки, – например в рассказах «Семья матушки Ле», «Дурное настроение», «Накануне Нового года» и в других произведениях. В то же время, его творческой манере свойственен и большой лиризм [486.1].

Очень разнообразят творчество группы «Своими силами» произведения Тхе Лы. Он вошел в историю вьетнамской литературы прежде всего как поэт и один из участников «Движения новой поэзии». Ещё до Августовской революции он написал довольно много «страшных рассказов» и детективов, став, подобно Фам Као Кунгу¹ и ряду других писателей, одним из ярких представителей этого направления вьетнамской литературы. На его творчество оказали влияние как Артур Конан-Дойль и Эдгар По, так и традиционные вьетнамские и китайские «рассказы об удивительном» в духе Пу Сунлина⁶, о чём Тхе Лы, как и Фам Као Кунг, прямо говорил на страницах своих произведений. Интересно, что, создав «вьетнамского» Шерлок Холмса – сыщика-любителя Ле Фаунга, у которого тоже есть свой Ватсон, Тхе Лы сделал другом и помощником Ле Фаунга ещё и молодую девушку по

¹ 1913 – ? гг.

имени Май Хыонг, естественно, из «новых женщин», что в такой стране, как Вьетнам, было очень смело.

К дореволюционному периоду относится и начало творчества известного писателя Нгуен Туана¹, который в то время причисляется к поздним вьетнамским романтикам. В 1940 г. выходит сборник «Тени и отзвуки времени»¹¹ с его рассказами, написанными с 1937 по 1939 г., начинает печататься в газете роман «Без родины», в 1941 г. издаются «Записки I», а в 1943 г. – «Записки II». Первый же сборник рассказов писателя сразу привлёк внимание поэтизацией и смакованием «изысканных прелестей» конфуцианского образа жизни недавнего дофранцузского прошлого страны. В то же время другие его произведения показали, что Нгуен Туан человек со своей жизненной позицией и, к тому же, большой мастер художественного слова.

Параллельно с литературой условно романтического направления в 1930 – 1945 гг. развивается и литература реалистическая, или, как отмечалось, критико-реалистическая. Образцом такой литературы является роман Нго Тат То¹¹¹ «Лампа гаснет», увидевший свет в 1939 г. [495.1]. Получивший известность за свои полные правды и критического пафоса очерки о пороках вьетнамского колониального общества журналист Нго Тат То посвятил свой первый роман проблемам вьетнамской деревни, чем привлёк к нему широкое внимание общественности. В своем отклике на роман известный вьетнамский писатель Ву Чаунг Фунг писал, что «роман Нго Тат То как раз то, чего мы все ждём, он написан на социально значимую тему, тему деревни. Можно сказать, что в этом смысле роман уникален» [1576.1, с.5]. Зная жизнь вьетнамской деревни не понаслышке, Нго Тат То рисует в своём романе ужасающие картины беспредельной бедности и несправедливости её жителей, всю безысходность их существования.

Другим ярким представителем критико-реалистической литературы был Нгуен Конг Хоан, автор множества почти

¹ 1910 – 1987 гг.

¹¹ Часть рассказов сборника переведена на русский язык [499.1].

¹¹¹ 1894 – 1954 гг.

забытых социально-бытовых романов и огромного количества рассказов, часть из которых стала украшением вьетнамской литературы [497.2; 497.3]. Особенность его творческой манеры заключается в том, что многие написанные им рассказы полны острой сатиры на вьетнамские реалии колониальной эпохи. Наиболее же «социально ангажированным» произведением писателя является посвящённый деревенской теме роман «В тупике» (1938 г.), герой которого, бедный крестьянин, вступает не без влияния городского рабочего в борьбу с помещиком за свои права.

В таком же остро критическом ключе пишет и другой известный писатель Нгуен Хонг^I. Одним из его наиболее популярных, написанным с уклоном в воровскую экзотику произведением, является роман «Воровка» (1938 г.). Жизнь бросает героиню этого романа, простую деревенскую девушку и совестливую католичку на самое дно общества, откуда ей, несмотря на всё желание, так и не удаётся выбраться [501.1].

К критико-реалистическому направлению прозы, правда, с элементами натурализма, относится и один из крупнейших вьетнамский писателей Ву Чаунг Фунг^{II}, много написавший, несмотря на очень короткую жизнь. Он знаменит своими романами «Гроза» (1936 г.), «Прорванная плотина» (1936 г.) и достаточно редким для вьетнамской литературы сатирическим романом «Счастличик» (1936 г.), в котором зло высмеял «плоды европеизации» во Вьетнаме. Кроме того, перу Ву Чаунг Фунга принадлежат посвящённые изучению и подробнейшему описанию тёмных и неприглядных сторон колониальной жизни очерки. Также большое место в его произведениях занимают вопросы половых взаимоотношений, что дало литературоведам возможность говорить о влиянии фрейдизма на его творчество.

К дореволюционному периоду относится и начало творчества крупнейшего вьетнамского писателя-реалиста Нам Као^{III} [491.1; 491.2]. В 1941 г. выходит его знаменитый рассказ

^I 1918 – 1982 гг.

^{II} 1912 – 1939 гг.

^{III} 1915 – 1951 гг.

«Ти Фео», посвящённый жизни простого деревенского незаконнорожденного паренька, которую ломает и доводит до трагического конца окружающая действительность. Рассказ сразу поставил Нам Као в один ряд с лучшими вьетнамскими писателями, а дальнейшие многочисленные рассказы и несколько романов лишь подтвердили значимость его таланта. Отличительной чертой реалистической манеры этого писателя является тонкий психологизм его прозы, подчеркиваемый стилистическими особенностями повествования, что выгодно отличает его от многих других писателей того времени.

В те же годы под влиянием извне и отчасти благодаря газетно-журнальному буму во Вьетнаме получает развитие документальная проза в виде очерков, записок и репортажей. Их пишут и такие именитые писатели, как Нго Тат То или Ву Чаунг Фунг, и те, кто остался в истории вьетнамской литературы лишь потому, что были их современниками, как Там Ланг¹.

С начала тридцатых годов во Вьетнаме особенно активно начинает развиваться революционная литература, в русле которой идеи национально-освободительной борьбы всё больше смыкаются с марксистско-ленинскими идеями классовой борьбы. Этому в немалой степени способствует международная обстановка, пример Советского Союза и всё более частые поездки вьетнамцев за границу. Интересно, что многие вьетнамские литературоведы считают одного из главных лидеров основанной в 1930 г. Коммунистической партии Индокитая и первого президента ДРВ Хо Ши Мина крупным поэтом и прозаиком, оставившим заметный след в национальной литературе XX в. Образцом революционной литературы можно считать стихи и песни советов Нге – Тиня¹¹, созданные безымянными авторами – участниками восстания, которые, по сути, являются фольклором. В то же время, поэзия То Хыу, крупного революционного, а после победы Августовской революции 1945 г. и государственного деятеля.

¹ 1901 – 1986 гг.

¹¹ См. «Параграф 2.2» «Главы 2» «Части 1» настоящего тома.

представляет собой авторский образец революционной поэзии. Написанные поэтом в период приблизительно с 1937 по 1946 г. стихи вошли в известный поэтический сборник «С тех пор» (1946 г.). Революционная проза того времени представлена прежде всего такими документальными публицистическими произведениями, как «Тюрьма Контум» (1938 г.) Ле Ван Хиена, «Побег из тюрьмы» (1939 г.) Кыу Ким Шона, «Три года в Советской России» (1939 г.) Чан Динь Лаунга и другими. Следует отметить, что именно тогда на творчестве вьетнамских писателей начинает прямо сказываться влияние русской и советской революционной литературы, например романа Максима Горького «Мать».

В то время на страницах газет и журналов шли жаркие споры по поводу различных литературных и внелитературных, но непосредственно влияющих на литературу проблем. Разворачивались острые дискуссии, например такие, как уже упоминавшаяся ранее дискуссия 1935 – 1939 гг. между сторонниками концепций «искусство ради жизни» и «искусство ради искусства», которые буквально раскалывали вьетнамское образованное общество. Фактически это была дискуссия между теми, кто стоял на близких к марксистским позициях, и теми, кто придерживался буржуазных взглядов на литературу и искусство. Сторонники «искусства ради жизни» требовали от литераторов-романтиков активной жизненной позиции, служения делу преобразования жизни и защиты «униженных и оскорблённых». В свою очередь такие приверженцы «искусства ради искусства», как Тхиеу Шон, отстаивали самоценность литературы и свободу творчества. Ориентиром для первых стала западная прокоммунистическая литература и литература соцреализма. Например, зачинатель дискуссии марксист Хай Чису опубликовал в 1937 г. книгу «Литератор-общественник», в которой описал творчество Максима Горького, Романа Ролана и Анри Барбюса. При всей неизученности этой проблемы следует отметить, что отчасти в чём-то были одновременно неправы и правы и те и другие.

В 1939 г. началась Вторая мировая война, а в 1940 г. север Вьетнама оккупировали японцы, что привело к

активизации прояпонских и прокитайских, профранцузских, националистических, прокоммунистических и разных других национально-освободительных сил и партий. Как известно, победу одержала Коммунистическая партия Индокитая во главе с Хо Ши Мином, в результате чего 9-го сентября 1945 г. была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам. Затем, спустя короткое время, началась продолжавшаяся до 1954 г. первая Война сопротивления против Франции¹. Именно в течение 8 лет этой войны и произошли события, которые во многом предопределили не только развитие литературы, но и всей вьетнамской культуры на севере страны вплоть до 1975 г. Дело в том, что в контролируемых властями ДРВ районах страны вьетнамские коммунисты, следуя примеру Советского Союза и Китайской Народной Республики, превратили искусство в оружие идеологической борьбы.

3. *Вьетнамская литература в 1946 – 1975 гг.*

3.1. *Ситуация в 1946 – 1954 гг.*

Ведшая с начала тридцатых годов политическую работу среди деятелей литературы и искусства КПИК ещё за два года до своего прихода к власти в 1943 г. приняла «Тезисы о культуре», ставшие её первым основополагающим документом о взаимоотношениях партии и творческой интеллигенции. В нём чётко определялся курс на национально-демократическую революцию под руководством коммунистической партии, составной частью которой являлась социалистическая по своей сути культурная революция. В этом же году был создан контролируемый коммунистической партией Союз деятелей культуры за спасение родины.

Образцом для подражания была избрана советская литература социалистического реализма, в результате чего началась активная работа по переводу её произведений на вьетнамский язык. В первый же год существования ДРВ отдельной книгой издаётся переведённый и частично

¹ Смотри «Параграф 4.4» «Главы 2», а также «Параграф 1» и «Параграф 2» «Главы 3» «Части 1» настоящего тома.

опубликованный в коммунистической печати ещё в 1939 г. роман Максима Горького «Мать». В том же 1946 г. в одной из газет начинает частями печататься роман М.Шолохова «Тихий Дон». В годы начавшейся Войны сопротивления особую популярность приобретают сделанные То Хыу в 1948 г. переводы стихов К.Симонова, в том числе «Жди меня» и «Ты помнишь, Алёша, дороги смоленщины...», при этом первое становится поистине народным. В 1951 г. первый президент ДРВ Хо Ши Мин перевёл под псевдонимом Нгуен Зу-кит¹ книгу А.Фёдорова о борьбе советских партизан против фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне «Подпольный обком действует». К тому же времени относятся публикации переводов «Повести о настоящем человеке» Б.Полевого, публицистики И.Эренбурга, докладов Максима Горького и А.Жданова на Первом съезде советских писателей, а также множества других произведений, документов и материалов.

Но если идеи национально-освободительной революции были близки почти всем, то этого нельзя сказать об идеях марксизма-ленинизма. Именно поэтому в среде творческой интеллигенции произошёл раскол. Несогласные же с новой властью уехали за границу или в оставшийся под контролем Франции Южный Вьетнам. Однако многие представители творческой интеллигенции поддержали новую власть и включились в борьбу против французских колонизаторов, иногда даже с оружием в руках.

Очевидно, что объективная ситуация в воюющей и испытывающей огромные лишения стране не способствовала всестороннему развитию литературы. Поэтому в первые годы Войны сопротивления в ней преобладали такие малые литературные жанры, как стихотворение, небольшой очерк и рассказ. Однако к концу войны начали появляться и большие произведения. В 1951 г. выходит первый роман Нгуен Динь Тхи¹¹ «Вперед, в атаку!», посвящённый бойцам Вьетнамской

¹ Нгуен Зу-кит, то есть «Нгуен-партизан».

¹¹ 1924 – 2003 гг.

народной армии. Тогда же публикуется и первый в литературе Вьетнама роман Во Хюи Тама^I о борьбе рабочего класса «Угольный край». В 1952 г. издаётся роман Нгуен Ван Бонга^{II} «Буйвол», героями которого были действовавшие во вражеском тылу простые деревенские жители и партизаны, а в 1953 г. То Хоай пишет «Рассказы о Северо-западе» о горных национальных меньшинствах этого региона Северного Вьетнама. В то время значительное развитие также получает и являющаяся наиболее оперативным и живым откликом на действительность документальная проза, в разных жанрах которой творят как известные писатели и поэты Нам Као, Нгуен Туан, Нгуен Хюи Тьонг, То Хоай и То Хью^{III}, так и многие другие активно поддерживавшие новую власть авторы⁷.

То Хью. Тэйнгун., 1997 г.

С формальной точки зрения главным достижением поэзии эпохи Войны сопротивления можно считать освоение

^I 1926 – 1996 гг.

^{II} 1921 – 2001 гг.

^{III} 1912 – 1960 гг.

вьетнамскими поэтами «свободного» и «белого» стиха. По поводу последнего даже развернулась широкая дискуссия. Дело в том, что традиционное стихосложение не мыслится во Вьетнаме без рифмы, поэтому пришедший из-за границы «белый» стих поначалу вызвал у некоторых представителей национальной литературы полное неприятие.

Основной темой литературы того времени являлась борьба за освобождение страны против колонизаторов, а её главным героем – собирательный и достаточно схематично нарисованный образ борющегося народа, поскольку главным в любом произведении, будь то стихотворение или роман, считались его идейное содержание и воспитательная функция.

3.2. Литература ДРВ в 1954 – 1975 г.

После подписания Женевских соглашений в 1954 г. страна очень быстро оказалась разделённой на две части. К северу от 17-ой параллели продолжала развиваться ДРВ, а территория к югу от неё была объединена в рамках Республики Вьетнам, полностью контролировавшаяся США. Естественно, что на севере продолжился вышеописанный процесс развития литературы, которым на основании идеологических установок ЦК ПТВ руководил созданный в 1957 г. творческий Союз писателей Вьетнама. Поэтому развитие литературы ДРВ, как и прежде, определялось двумя факторами. Во-первых, социалистическим реализмом в качестве основного направления творчества, и, во-вторых, влиянием «прогрессивной» с точки зрения господствовавшей идеологии литературы, прежде всего советской и в меньшей степени – других социалистических стран. Этому также немало способствовало подписание в 1957 г. официального соглашения о культурном сотрудничестве между СССР и ДРВ, после чего между вьетнамскими и советскими деятелями литературы и искусства были установлены прямые контакты. В результате в 1960 – 1965 гг. в ДРВ опубликовали свыше 170 наименований книг советских писателей, в их числе автобиографическая трилогия М.Горького, «Поднятая целина» М.Шолохова, «Молодая гвардия» А.Фадеева, «Повесть о Зое и

Шуре» Л.Космодемьянской и «Как закалялась сталь» Н.Островского. Интересно, что Павка Корчагин и Зоя Космодемьянская превратились в настоящих национальных героев ДРВ [495.2, с.28].

Такая ориентация литературы ДРВ того периода привела к тому, что в ней всё сильнее стало ощущаться влияние советской литературы, при этом в некоторых случаях даже можно проследить прямые параллели между ними. Также следует указать на то, что в новых политико-идеологических условиях в результате ограничений со стороны власти и самоограничения писателей, которые по разным причинам старались подстроиться под требования текущего момента, произошло серьёзное обеднение литературы. Практически исчезают и так не слишком развитые жанры сатирической, юмористической, детективной и фантастической литературы. Правда, получает развитие ранее отсутствовавшая детская литература, что объясняется необходимостью воспитания нового человека.

Набор затрагиваемых северовьетнамскими писателями после 1954 г. тем довольно ограничен. В основном они пишут о тяжёлой жизни вьетнамцев под французским колониальным игом, о революционном движении, увенчанном победой Августовской революции, о Войне сопротивления против французских колонизаторов, о строительстве новой, социалистической жизни в ДРВ и о борьбе за объединение Вьетнама против оплота мировой реакции и главной опоры южновьетнамского марионеточного режима – американского империализма, являющегося. Тема тяжёлой жизни при колонизаторах нередко смыкается с темой национально-освободительной борьбы под руководством КПИК. Так например, в 1958 г. выходит роман То Хоая «Десять лет», посвящённый событиям непосредственно предшествовавшего Августовской революции десятилетия, которые происходили в одной из расположенных в пригороде Ханоя деревень. В 1961 г. издаётся роман Нгуен Конг Хоана «Чересполосица», в котором также описывается предшествовавшая Августовской революции жизнь вьетнамской деревни. В том же году

публикуется роман Буй Хюи Фона^I «Время быстрой наживы», в котором сатирически показана жизнь ханойской буржуазии в послевоенное время. В частично изданном в 1963 г. и полностью опубликованном по идеологическим причинам лишь в конце восьмидесятых годов романе Нгуен Конг Хоана «Куча старого мусора» речь идёт о жизни вьетнамского общества в так или иначе связанное с Первой мировой войной время. В центре этого романа судьба сотрудничавшего с французами бессовестного проходимца и богача Альбера Тхья вместе с его окружением и многочисленной семьёй. Наконец, в 1962 и 1970 гг. публикуются 1-ый и 2-ой тома дилогии Нгуен Динь Тхи «Рушатся берега». Дилогия написана с эпическим размахом, рисует широкую панораму деревенской и городской жизни Вьетнама от начала Второй мировой войны и до Августовской революции. В романе около ста персонажей. Это крестьяне и помещики, пролетарии и буржуазия, революционеры и предатели, творческая интеллигенция и учащаяся молодёжь, то есть практически все слои вьетнамского общества той эпохи.

Тема Войны сопротивления также нашла отражение во многих произведениях литературы ДРВ того времени. Как уже отмечалось, первые попытки запечатлеть эти невероятно трудные и героические годы стали предприниматься ещё во время самой войны. В дальнейшем тема Войны сопротивления против Франции была продолжена в таких романах, как «Шеренга за шеренгой» (1954 г.) Чан Зана^{II}, «История, записанная в больнице» (1959 г.) Ань Дька, «Последняя высота» (1961 г.) Хьу Мая, «Навеки со столицей» (1961 г.) Нгуен Хюи Тьонга, «Деревня, занятая французами» (1962 г.) До Куанг Тиена^{III}, «Отрезок пути» (1962 г.) Нгуен Кхая, «Огненная земля» (1963 г.) Нгуен Куанг Шанга и «На солнцепёке» (1972 г.) Нгуен Тхе Фьонга, а также в других романах и многочисленных рассказах. Тема участия национальных меньшинств в Войне сопротивления против

^I 1911 – 1990 гг.

^{II} 1926 – 1997 гг.

^{III} 1919 – 1991 гг.

французских колонизаторов нашла отражение в таких романах, как «Страна поднимается» (1956 г.) Нгуен Нгаука, «Западный край» (1957 г.) То Хоая и других.

В 1954 – 1975 гг. множество крупных произведений северовьетнамской литературы посвящено теме строительства новой жизни в городе и деревне, которая в свою очередь может быть разбита на ряд таких подтем, как социалистические преобразования в сельском хозяйстве и промышленности, борьба за утверждение новой власти против происков внутренних врагов, борьба с пережитками феодализма и воспитание нового человека.

Так, борьбе за утверждение новой власти в населённых католиками сельских районах страны посвящены романы «Противостояние» (1959 – 1961 гг.) Нгуен Кхая и «Тайфун» (1969 г.) Тю Вана¹. Как известно, для Вьетнама аграрный вопрос всегда был самым жгучим. Поэтому не следует удивляться тому, что социалистические преобразования в сельском хозяйстве, коллективизация и допущенные в её ходе ошибки породили не одно произведение. Это появившиеся в 1957 г. романы «Трудные времена» Хыу Мая, «Скоро свадьба» Ву Бао и «Замешательство в деревне Бау» Шао Мая, а также диалогия «Мощёный дворик» (1959 г.) и «Весенний урожай» (1961 г.) Дао Ву (1927 г.). Как правило, коллективизация изображалась в них не просто как необходимый этап строительства социализма, но и как благо для отдельного человека. При этом ошибки, которые были допущены в ходе её проведения, если и упоминались, «быстро исправлялись», никак не влияя на веру народа в новую власть и светлое социалистическое будущее.

Целый ряд романов того времени посвящён воспитанию нового человека, особенно – проблеме освобождения вьетнамской женщины и превращения её в полноправную и активную строительницу новой жизни. Так, ей посвящена написанная в шестидесятые годы большая трилогия Дао Ву «Странствия», «Огненные цветы» и «Шёлковая лента».

¹ 1922 – 1994 гг.

Описание деревенской жизни также даётся в повести «Дальновидность» (1963 г.) и в романе «Председатель уезда» (1972 г.) Нгуен Кхая. В первой нарисован идеализированный образ председателя сельского кооператива, борющегося с заместителем, использующим своё положение для личного обогащения. Во втором представлен целый ряд образов деревенских, общинных, уездных и провинциальных сельских руководителей нового поколения. Роман «Ещё один шаг вперёд» (1960 г.) Нгуен Тхе Фьонга повествует об изменениях в человеческих отношениях в деревне, в которой феодальные пережитки ощущались сильнее всего. Так, в нём поднималась проблема принудительного повторного брака женщины с братом умершего мужа. Утверждению нового образа жизни во вьетнамской деревне посвящён и роман «Свадьба» (1958 г.) Ву Бао, а становлению нового человека – трёхтомный роман «История Лука» (1955 – 1956 гг.) Нгуен Хюи Тьонга, главный герой которого – простой деревенский сирота – становится в процессе социалистических преобразований уважаемым всеми образцовым руководителем. К «деревенским романам» логически примыкают произведения на так называемую «производственную тему». Так, проблеме жизни и «борьбе за урожай» в деревнях севера посвящён роман писательницы Нгуен-тхи Нгаук Ту «Земля деревенская» (1974 г.). В романе Во Хюи Тама «Только вперёд» (1971 г.) описываются «трудовые будни» шахтёров-бурильщиков, а в романе «Лицом к лицу с огнем» (1973 г.) Суан Канга повествуется о жизни и труде сталелитейного комбината в Тхайнгуене. Наконец производственный конфликт в лесном хозяйстве между приспособленцами и «болеющими за дело» людьми лежит в основе романа «Эвкалиптовый лес» (1975 г.) Ле Фьонга.

Особо следует выделить священную для вьетнамского народа тему войны против американской агрессии за объединение страны. Посвящённые этой теме произведения условно можно разбить на две группы. К первой группе относятся такие произведения о Вьетнамской народной армии, как книги Нгуен Динь Тхи «В огне» (1966 г.) об артиллеристах и «Линия фронта прочерчивает небо» (1967 г.) о лётчиках,

романы Нгуен Кхая «Дорога в облаках» (1970 г.) об инженерно-сапёрных войсках и «Бойцы» (1973 г.) о бронетанковых войсках, роман Нгуен Минь Тяу^I «След солдата» (1972 г.) о крупной боевой операции, ВНА в Центральном Вьетнаме и многие другие. Вторая же группа образована произведениями о борьбе вьетнамского народа и НФОЮВ непосредственно на юге страны такими, например, как романы Нгуен Ван Бонга «Уминьские леса» (1970 г.) и «Белое платье» (1973 г.), Тху Бона^{II} «Молния» (1973 г.) и «Под облаками, сизыми, как выпь» (1975 г.), Фан Ты^{III} «Семья матушки Бай» (1968 г.) и «Ман и я» (1972 г.) Ань Дыка «Хон Дат» (1966 г.) и другими. Наконец, помимо романов тема войны с США также нашла отражение во многих рассказах и повестях документальной прозы.

Нельзя не признать, что проза того периода в целом правдиво, нередко с документальной точностью запечатлела своё время. Но при этом она достаточно поверхностна, так как в значительной степени лишена психологизма, отражения «жизни души» и однобока. Темы и герои её произведений похожи друг на друга так, будто они почти все написаны одним автором, при этом жизнь отдельного человека уходит в них на второй план, уступая место общественнозначимым событиями. В принципе это и понятно, ведь литература того времени была призвана мобилизовывать людей на борьбу за достижение ПТВ и правительством ДРВ целей на примере боевых и трудовых подвигов вьетнамского народа. Отсюда её героический пафос и социальный оптимизм. Однако, решая ограниченный круг задач, писатели ограничивали и свою писательскую индивидуальность. Надо полагать, что именно по этой причине вьетнамская проза 1954 – 1975 гг. так и не дала заметных и ярких художественных произведений.

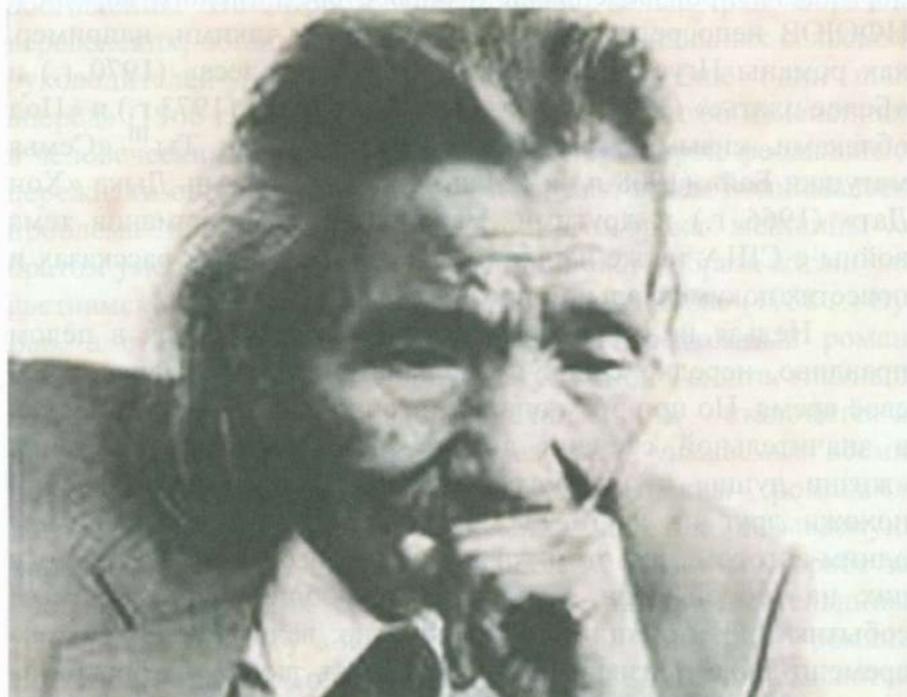
Не меньшим социальным оптимизмом и героическим пафосом окрашена и северовьетнамская поэзия того времени. В их числе можно назвать стихи пришедших в литературу ещё

^I 1930 – 1989 гг.

^{II} 1935 – 2003 гг.

^{III} 1930 – 1995 гг.

до революции То Хью, Суан Зиеу, Те Лан Виена и Хюю Кана, а также таких вьетнамских поэтов молодого поколения, как Банг Вьет, Фам Тиен Зуат, Суан Кюинь¹, Нгуен Зюи и Чан Данг Кхоа. Почти все они уже писали свободным стихом, а под влиянием переводов Владимира Маяковского многие из них стали использовать и его знаменитую «лесенку».

Ван Као. Хайфон, 1991 г.

Наконец, необходимо обратить внимание ещё на один аспект литературы ДРВ после 1954 г., о котором до конца восьмидесятых годов XX в. предпочитали не говорить или же упоминали о нём вскользь. Дело в том, что уже в первые годы после окончания Войны сопротивления в ДРВ возникает своего рода «протестная» литература, в той или иной форме выражающая идеи несогласных с политикой народно-демократической власти сил. Её появление связано с так называемой группой «Гуманизм-Шедевры»^{II}, объединявшей

^I 1942 – 1988 гг.

^{II} 1956 – 1958 гг.

представителей творческой интеллигенции, в том числе поэтов, писателей, композиторов и художников. Оставаясь убежденными коммунистами, они требовали отказа от жёстких методов руководства страной, которые отвечали требованиям военного времени, но не подходили для мирного этапа её развития.

Иными словами, они требовали отмены жёсткого контроля коммунистической партии над искусством и свободы творчества. В эту группу входили такие известные деятели искусства, как поэты Чан Зан^I, Ле Дат^{II}, Хоанг Кам, Фунг Куан^{III}, Ван Као^{IV}, популярнейший композитор и автор вьетнамского гимна Чан Зюи, создатель иносказательной мифологической сказки «Великаны», в которой разоблачалась сама идея насильственного «осчастливливания» народа, и многие другие.

Вероятно, внешним толчком к появлению в ДРВ протестной группы «Гуманизм – Шедевр» стали приведшее к советско-китайскому конфликту и расколу мирового коммунистического движения разоблачение культа личности Сталина на XX съезде КПСС и венгерские события 1956 г. Безусловно, указанные требования членов группы не были удовлетворены, но при этом следует отметить весьма сдержанную реакцию на них руководства ПТВ, которое, в отличие от советского руководства, не прибегало к репрессиям в отношении недовольных и «диссидентствующих» деятелей культуры. Оно лишь ограничивалось изоляцией их лидеров от контактов с иностранцами, но при этом они сохраняли как возможность заниматься творчеством, так и все полагавшиеся культурной элите страны привилегии, в том числе и крайне важное в то полное лишений время дополнительное питание. Об этом свидетельствует судьба выдающегося вьетнамского историка, деятеля культуры и писателя французской формации Дао Зюи Аня⁸.

^I 1926 – 1997 гг.

^{II} 1929 – 2008 гг.

^{III} 1932 – 1995 гг.

^{IV} 1932 – 1995 гг.

Есть все основания полагать, что такое отношение к входившим в группу «Гуманизм – Шедевры» деятелям культуры следует связывать с личной позицией Хо Ши Мина.

Дао Зюи Ань. Вунгтау, 8-ое ноября 1975 г.

3.3. Литературные процессы в Южном Вьетнаме в 1954 – 1975 гг.

В связи с тем, что достаточно быстро значительные территории к югу от 17-ой параллели оказались вне контроля правительства Республики Вьетнам, в южновьетнамской литературе того времени условно можно выделить две её основные ветви: легальную и нелегальную.

Прежде всего следует отметить, что существовавшая в условиях относительной свободы творчества в Республике Вьетнам легальная литература юга страны стала преемницей и

продолжательницей традиций просуществовавшей до конца Второй мировой войны единой вьетнамской литературы, поскольку в ней наиболее полно, хотя и со своими потерями и приобретениями, воплотилось её развитие в 1930 – 1945 гг. Именно поэтому в Республике Вьетнам переиздавалась в больших количествах вся написанная до 1945 г. многообразная литература. На юге существовали сотни типографий и десятки издательств, публиковавших такие газеты, как «Слово», «Свобода», «Культура сегодня», «Энциклопедия», «Высшее образование» и «Человечество», а также такие журналы, как «Литература», «Творчество», «Новый урожай» и другие. Все они играли большую роль в активизации литературной жизни страны. Каждое издательство или издание объединяло вокруг себя придерживавшихся схожих позиций и имевших общие идеологические, политические и религиозные взгляды людей. Их спектр, включавший антикоммунизм и марксизм, католицизм и буддизм, пацифизм и другие различные течения западной философской мысли XX в., прежде всего экзистенциализм, был очень широким. Безусловно, с одной стороны, такое разнообразие взглядов говорит о том, что Южный Вьетнам уже жил в условиях западного культурного плюрализма. С другой стороны, оно свидетельствует и о продолжавшемся под влиянием активно шедшего процесса «вестернизации» кризисе традиционной системы ценностей. С появлением же с середины шестидесятых годов в Южном Вьетнаме многочисленного контингента войск США этот процесс приобрёл характер «американизации». Естественно, что консервативная часть вьетнамского общества не могла принять происходившего, поэтому в Южном Вьетнаме возникло целое движение «возвращения к корням», которое имело национально-патриотический, страноведческий и этнографический характер. По сути, это была реакция на процесс «американизации» южновьетнамского общества

В то время литература Республики Вьетнам находилась под сильным влиянием западной литературы, которая распространялась в стране как в оригинале, так и в переводах. Так, переводились произведения Дж.Сэлинджера, М.Камю,

Ж.-П.Сартра, К.Ясперса, С.Кьеркегора, Ф.Саган и А.Миллера, а также «Унесённые ветром» М.Митчелл и «Крёстный отец» М.Пьюзо. В то же время существовали переводы романов «Война и мир» Л.Толстого, «Тихий Дон» М.Шолохова, «Доктор Живаго» Л.Пастернака и повести «Один день Ивана Денисовича» А.Солженицына.

Таким образом, включенные в западный литературный процесс и в принципе разделявшие западные либерально-демократические ценности писатели и поэты Южного Вьетнама не чуждались характерных для Западной Европы и Америки пятидесятых – семидесятых годов литературных исканий. Так, им были знакомы идеи популярного в то время и представленного прежде всего Ж.-П.Сартром и А.Камю экзистенциализма или «нового романа» в лице А.Роб-Грийе, Н.Саррот и других.

Очевидно, что указанное многообразие взглядов и позиций привело к довольно пёстрой картине творческих сил, представлявших южновьетнамскую литературу. Это были как вышедшие на литературную арену до разделения страны, так и молодые литераторы-южане, а также перебравшиеся на юг литераторы-северяне. В числе последних были не только те, кто уже публиковался и даже был широко известен прежде, как писатель Няп Линь или поэт Ву Хоанг Тьюннг, но и те, кто начал творить после деления страны на две части. Главной же особенностью южновьетнамской литературы стало появление к шестидесятым годам большого количества писателей-женщин, которые сразу же заняли в ней заметное место. В то же время в литературе Республики Вьетнам продолжали развитие те же литературные жанры, которые сформировались во вьетнамской литературе 1930 – 1945 гг., а именно рассказ, различная документальная проза и современная разговорная драма. Но, пожалуй, её ведущим жанром оставался роман.

С одной стороны, «новый» южновьетнамский роман соответствовал в целом реалистическому вьетнамскому роману до 1945 г., но, с другой – в нём начало проявляться и влияние появившихся после окончания Второй мировой войны европейского модернизма и литературы, что свидетельствует

о его дальнейшем развитии. Так, для первого в основном было характерно традиционное, более или менее гармоничное представление о мире с сохранением идеалов и их делением на добро и зло. Для второго – мир абсурден и враждебен, а человек одинок, лишён идеалов и, вообще веры во что бы то ни было. Поэтому он и ведёт себя соответствующим образом – ведь если «Бог умер», то, как известно, всё дозволено.

Так, героиня романа писательницы Нгуен-тхи Хоанг «В объятиях своего ученика» приходит к следующему, более чем экзистенциалистскому выводу: «Вырастая, каждый, хоть раз, да мечтает освободиться. Но дорога жизни представляет собой круг, в котором последняя точка есть в то же время и начало. И с этим ничего не поделаешь. Поэтому человек вынужден жить в своих маленьких рамках, принимать все ограничения этой бессмысленной и иллюзорной жизни и постоянно тосковать по далёкой и призрачной родине, до которой ему никогда не добраться». Завершается же роман заявлением, что она «ни во что и никому не верит, даже себе», потому что «Человек подобен затерянной в космосе пыльной песчаной планете, которая рождается из его пустоты и в нём же исчезает, а жизнь – это всего лишь путешествие в холодном космосе. В силах человека либо построить, либо разрушить свою жизнь. И помочь ему никто не может. В своём добровольном одиночестве я¹ хотела прежде всего быть Богом для самой себя» [1403.1, с.134, 165].

Этим идеям соответствуют и слова одного из героев писателя Зыонг Нгием Моу, который говорит: «Есть люди, которые создают себе в жизни разные ограничения, связанные то с Богом, то с родиной, то с долгом, то с любовью и кровными узами. Для меня почти ничего этого не существует. Даже если бы я и захотел жить с ними, то всё равно не смог бы». Или: «Из современной жизни ушла та сверхъестественная сила, вера в которую помогала жить людям прошлого. Из-за готовности идти напролом, рисковать жить стало ещё

¹ «Я», то есть героиня романа, которую звали «Чам».

труднее. Ведь когда ты считаешь себя Богом, сваливать вину не на кого» [1570.1, с.114, 115].

Иными словами, характерный для западной литературы XX в. духовный кризис так или иначе нашёл отражение и в части литературы Республики Вьетнам. В то же время в русле традиционного реалистического романа продолжали творить Нят Линь, Бинь Нгуен Лок^I, Шон Нам, Нят Тиен^{II}, Ву Хань, Нгуен Мань Кон^{III}, Зоан Куок Ши, Ня Ка и другие.

Так, Нят Линь пишет большой роман «На берегах реки Тханьтхюи» (1961 г.), посвящённый любви двух молодых людей, один из которых поддерживает новую власть, а другой представляет не приемлющие Августовскую революцию силы. В другом его романе «Деревенька у Нового моста» (1973 г.) повествуется о жизни на севере страны в дореволюционный период. Чувствуется, что оба этих романа уже принадлежат перу зрелого автора. Написанные с тонким психологизмом, они представляют собой шаг вперёд в творчестве писателя, но при этом были недооценены современниками в первую очередь из-за традиционности и несоответствия запросам нового времени.

Социально-бытовой роман представлен в этой традиции таким плодовитым и не менее популярным писателем, как Бинь Нгуен Лок. Например, его роман «По течению» (1959 г.) посвящён истории трёх сестёр из одной простой семьи. Другая окутанная тайной семейная история описана в романе «Тёмные стороны души» (1973 г.). История любви между преодолевающими этнические предрассудки вьетнамцами и китайцами, рассказывается ещё в одном романе этого писателя «Стена, поросшая мхом» (1963 г.). Аналогичны им и такие произведения писательницы Нгуен-тхи Тхюи Ву, как романы «Тихие сумерки» (1972 г.) и «То, что мхом поросло» (1969 г.), а также Нят Тиена «История маленькой Фьонг» (1968 г.) и «Белые платья» (1973 г.).

Тема жизни в эпоху французского господства и антифранцузские мотивы отражены в таких романах Ан Кхе,

^I 1914 – 1987 гг.

^{II} 1936 – 1980 гг.

^{III} 1920 – 1979 гг.

как «Девушка из Таниена» (1966 г.), «Тень из прошлого» (1968 г.) и «Возвращение из прошлого» (1968 г.), а также в романах писательницы Ба Тунг Лаунг «Цветы быом-быом» (1966 г.), Во Хонга «Как птицы в полёте» (1971 г.), Тхам Тхе Ха «Патриоты» (1949 г.) и других.

Отношениям между людьми в Республике Вьетнам при Нго Динь Зиеме посвящены романы всё того же Ан Кхе «Рис из Само» (1968 г.) и «Горечь жизни» (1969 г.). При этом крайне болезненная тема войны между севером и югом поразному отражена в романах Во Хонга «Вихрь» (1969 г.), Фан Няг Нама «Следы войны» (1969 г.), Нгуен Мань Кона, писательницы Ня Ка^I и многих других авторов.

Наконец, типичные для западной литературы XX в. попытки показать всю сложность человека, проникнуть в самые глубины его психики и отбросить все табу в отражении человеческой жизни со всем хорошим и плохим в сочетании с использованием таких достижений западного модернистского романа, как внутренний монолог, многоголосие, манипуляции со временем и пространством, характерны для творчества Тхань Там Туена, Зыонг Нгием Моу, Нгуен-тхи Хоанг, Тю Ты^{II} и других писателей. Их герои оказываются вне традиционной системы ценностей, вне традиционных моделей поведения. Особенно это проявляется при отражении темы отношений между мужчиной и женщиной или свободной любви.

Южновьетнамская поэзия 1954 – 1975 гг. представлена такими приехавшими с севера авторами, как Ву Хоанг Тьыонг^{III} Динь Хунг^{IV}, Банг Ба Лан и Монг Тует, а также поэтами-южанамы Буй Зянгом, Ня Ка, Во Фиеном, Май Тхао, поэтом-буддистом Няг Ханем и целым рядом других авторов, поэзия которых обращена к реалиям жизни, своему месту и своему восприятию мира в условиях разделённой страны. Так, свой цельный и очень непростой художественный мир создал Буй Зянг – поэт, переводчик, философ и вообще человек «не от

^I 1939 г.

^{II} 1917 – 1975 г.

^{III} 1916 – 1976 гг.

^{IV} 1920 – 1967 гг.

мира сего». В близких этому традициях буддийской поэзии Вьетнама продолжал творить монах школы Созерцания и общественный деятель Нят Хань, правда, с той лишь разницей, что в его творчестве большое место занимает антивоенная тематика [614.2]. С формальной же точки зрения для поэзии Южного Вьетнама характерно как обращение к свободному стиху, так и использование обновлённых в рамках «Движения новой поэзии» стихотворных размеров и форм, а также таких традиционных размеров, как лукбат.

В то же время литературу, которая создавалась в контролируемых НФОЮВ зонах юга, скорее, следует связывать с литературой ДРВ. Для неё характерны как патриотическая идея борьбы с американским империализмом за освобождение родины, так и идея объединения страны в том виде, в котором она формулировалась в произведениях социалистического реализма ДРВ, Советского Союзе и других стран социалистического лагеря. Её главной темой являлась борьба – подпольная в тылу врага или в армии с оружием в руках против сайгонских властей и американцев. Образцами такой литературы могут служить проза Ань Дыка, Фан Ты, Нгуен Чунг Тхана, Чан Хиеу Миня¹, стихи и проза Тху Бона, Зянг Нама (1929 г.) и других авторов, в которых повествуется о борьбе вьетнамского народа за объединение страны в ходе двух Войн сопротивления 1954 – 1975 гг.

Следует отметить, что до сих пор южновьетнамская литература эпохи одновременного существования РВ и ДРВ изучена крайне слабо. К тому же литературы РВ и ДРВ всё ещё не рассматриваются как равные составляющие единого литературного процесса. Однако их единство бесспорно, тем более что многие авторы-южане – на самом деле бывшие северяне, перебравшиеся на юг после образования ДРВ⁹.

¹ Южновьетнамский псевдоним Нгуен Ван Бонга.

Глава 2

Католицизм во Вьетнаме с начала XVII – до последней трети XX в.

1. Начальный этап распространения христианства

Как известно, первые католические миссионеры появились на Дальнем Востоке в 1-ой половине XVI в. благодаря началу эпохи Великих географических открытий. Наиболее успешными оказались миссионеры созданного в 1534 г. Ордена Иисуса, которые в 1553 г. при поддержке португальцев обосновались в Макао. К тому времени португальцы уже открыли для себя Дайвьет и достаточно успешно с ним торговали, особенно с государями Нгуен в Кохинхине¹.

В январе 1615 г. в порту Туран^{II} высадились первые два миссионера Ордена Иисуса – итальянец Франческо Бузоми и португалец Диего Корвалью, которым было поручено создать новую миссию. Поскольку последний прекрасно владел японским языком, миссионеры смогли опереться на помощь уже довольно давно бежавших от гонений и обосновавшихся в Файфо^{III} японских христиан. Поэтому всего год спустя в построенной по их инициативе часовне в Туране собиралось уже 300 вьетнамских христиан^{IV} [914.1, с.71].

Правивший в то время в Кохинхине Государь Хранитель [Пагоды]^V оказал главе миссии иезуиту Бузоми хороший приём и даже выделил ему землю под строительство храма и его личной резиденции недалеко от своей ставки, что было очень важно с точки зрения престижа. Создав в Кохинхине первую христианскую миссию, отец Бузоми построил несколько храмов и сумел обратить в новую веру довольно много вьетнамцев. Через десять лет, в декабре 1624 г., к отцу Бузоми в Кохинхину прибыли ещё 17

¹ Смотри «Параграф 2.1» «Главы 1» «Части III» «Томе III».

^{II} Дананг.

^{III} Хойан.

^{IV} Смотри иллюстрацию 73 в «Томе III».

^V То есть Нгуен -фук Нгуен.

священников с четырьмя помощниками, самым известным из которых был Александр де Род¹.

Отец Франческо Бузоми оставался главой католической миссии во Вьетнаме на протяжении почти 25 лет, в течение которых он окрестил около 12 тысяч человек [972.1, с.70]. В 1639 г. этот удачливый миссионер, считающийся основателем первой вьетнамской христианской общины, вернулся в Макао, где вскоре скончался.

Александр де Род первым понял значение проповеди на вьетнамском языке без участия обычно малообразованного и лишённого убеждения в вере посредника-переводчика. Владение языком паствы и выдающиеся личные качества обеспечили необыкновенный успех его миссионерской деятельности сначала в Дангчаунге, а затем и в Дангнгоае.

Руководство Ордена Иисуса в Макао уже давно вынашивало планы создания новой миссии в Дангнгоае. Однако их реализации препятствовало деление Дайвьета на две части и вражда между их правителями, которая нередко перерастала в войну¹¹. Поскольку святые отцы в Макао были хорошо осведомлены об успехах де Рода, они поручили ему вместе с другим миссионером, Пьером Маркесом, выполнение этой крайне сложной задачи. Оба священника покинули Кохинхину и, высадившись в порту Кыабанг провинции Тханьхоа, прибыли в Тонкин 19-го марта 1627 г. То был день Святого Иосифа по католическому календарю, поэтому де Род и избрал этого святого покровителем миссии на севере, после чего его выбор был официально утверждён Ватиканом¹.

Правивший Дангнгоаеи государь Чинь Чанг пригласил миссионеров в столицу Тханглаунг и повелел построить для них рядом со своим дворцом хороший деревянный дом, который стал одновременно и храмом и жильём. Так было положено начало созданию католической миссии в Тонкине.

¹ Также смотри иллюстрацию 71 в «Томе III» и «Параграф 2.2» «Главы I» «Части III» «Тома III».

¹¹ Смотри «Главу I» «Части I» «Тома III».

Собор Св.Иосифа. Освящён в Рождество 1886 г.
Ханой. 19.04.2011 г.

Желающих креститься оказалось достаточно много. Как и в Кохинхине, в первую очередь ими были придворные дамы и родственницы Чинь Чанга. Так, например, христианство приняла одна из его сестёр вместе с 17 своими близкими родственниками. Христианство принимали даже служители буддийского культа, из которых де Род лично окрестил более 200 человек [972.1, с.74].

В свете вышесказанного представляется необходимым особо остановиться на методах, к которым прибегали миссионеры-иезуиты в своих проповедях, чтобы убедить принимавших христианство вьетнамцев отказаться от своих многовековых традиций и верований².

Во-первых, иезуиты стали применять во Вьетнаме так называемый метод «культурной адаптации», который позволял избегать острых конфликтных ситуаций. Так, когда наступал Новый год по лунному календарю, бывший самым популярным вьетнамским праздником, новообращённым христианам разрешалось сажать в соответствии с местными обычаями у своих домов персиковые деревья, но при этом они были обязаны украсить их крестом [972.1, с.75]. В то же время миссионеры стремились проводить христианские праздники с особой пышностью, привлекавшей большое количество народа, тогда как торжественная заупокойная служба была призвана заменить церемонии культа предков, от которых принявшему христианство вьетнамцу следовало отказаться как от «языческих обрядов». В результате, вьетнамские христиане в первую очередь придерживались тех канонов нового религиозного учения, которые имели наибольшее сходство с их прежними обычаями. Однако при этом миссионеры внимательно следили, чтобы такая «адаптация» не заходила слишком далеко, не без оснований опасаясь искажения христианских догматов веры.

Метод «культурной адаптации» был принесён во Вьетнам из Китая, где он впервые был применён отцом Маттео Риччи в XVI в. При этом не следует забывать, что хотя в обеих этих странах конфуцианство являлось прежде всего политико-

этическим учением, которым владела лишь образованная элита общества, во Вьетнаме влияние конфуцианства было значительно меньшим, чем в Китае¹. Поэтому во Вьетнаме миссионеры в первую очередь обращались к «простому народу», или к толпе, не стремясь, подобно отцу Риччи в Китае, во что бы то ни стало обратить в христианство только элиту или правящие классы общества в лице учёных-конфуцианцев.

Наконец, следует отметить и тот факт, что в контексте «культурной адаптации» Александр де Род начал использовать в христианских текстах базовые конфуцианские понятия, например, такой традиционный термин, как «Путь». Безусловно, они не соответствовали в полной мере теологической терминологии, но это значительно облегчало донесение миссионерами до паствы христианских постулатов [662.1, с.19].

Судя по тому, что по подсчётам самого де Рода в 1628 г. праздник Святой Троицы в Тонкине уже отмечали 1600 христиан, деятельность миссионеров в рамках «культурной адаптации» привела к неплохим результатам [680.1, с.23].

Католическая миссия в Тонкине и «Восьмидневный Катехизис» де Рода открывают 2-ой период распространения христианства во Вьетнаме, который характеризуется большей глубиной проповеди, употреблением устоявшихся терминов и качественно более высоким уровнем восприятия христианства вьетнамцами. По мере роста числа христианских общин миссионеры тратили всё больше времени для совершения различных религиозных треб и таинств. Помимо этого они уделяли много времени общинам, стремясь посетить каждую из них хотя бы раз в год. Поэтому уже на этом, раннем этапе распространения христианства во Вьетнаме, в местных общинах начали складываться свои традиции жизненного и религиозного уклада. Однако, для решения главной задачи, а именно – создания жизнеспособной вьетнамской католической

¹ Смотри «Главу 2» и «Главу 3» «Части III» «Тома II».

церкви, требовалось создать единый корпус национального духовенства. В условиях количественного роста вьетнамских христиан стало очевидно, что усилий немногочисленных миссионеров уже было явно недостаточно для решения стоявших перед церковью задач. Поэтому руководство миссии в Макао приняло решение о привлечении по примеру Франциска Ксавье вспомогательного церковного персонала, или катехистов, к распространению святого учения во Вьетнаме. Как известно, катехисты оказали в XVI в. огромную помощь этому знаменитому миссионеру во время его пребывания в Индии. Ватикан также санкционировал это начинание [813.1, с.74].

Заслуга создания корпуса катехистов в Тонкине, из которых затем были рукоположены первые вьетнамские священники, принадлежит отцу де Роду. Первые их группы он начал формировать в Тонкине из наиболее способных неженатых христиан. Желавших было довольно много. В их среде сложилась традиция совместного проживания в доме священника, или «Божьем доме», как его стали называть вьетнамские христиане. Там же проживали и приёмные дети миссионеров, выкупленные ими у бедных семей за долги или подобранные на улице. Наиболее подготовленные катехисты получали звание «наставника», которое им присваивалось в торжественной обстановке. После принесения сочиненной для них де Родом и состоявшей из трех пунктов клятвы¹ они получали право жить в отдельном доме и, изучая богословие, объяснять его своим ученикам, которых могло быть до 15 человек [680.1, с.56, 57; 890]. Спустя 12 лет, в 1642 г., всё тот же Александр де Род создал корпус катехистов и в Кохинкине. Таким образом постепенно стала выстраиваться следующая последовательность продвижения вьетнамских христиан: рядовой христианин – катехист – рукоположение в сан.

В 1645 г. Александр де Род окончательно покинул миссию Кохинхины, чтобы после недолгого пребывания в

¹ Жить в бедности, соблюдать celibat и послушание.

Макао отбыть в Европу и добиться от Ватикана разрешения на создание вьетнамского корпуса духовенства. Благословение было получено, и в 1660 г. во Вьетнам прибыли миссионеры-священники Иностранных миссий в Париже, которые были созданы при личной поддержке короля Людовика XIV и аристократических кругов Франции. Не без конфликтов они сменили миссионеров Ордена Иисуса, до этого фактически монополюльно проповедовавших христианство в Восточной Азии. Французские священники во многом опирались на опыт своих предшественников-иезуитов, отдавая им должное как первопроходцам, но при этом они привнесли свои новые принципы и методы в миссионерскую деятельность. Французы не стали, как можно было бы ожидать, внедрять свою культурную модель путём преподавания языка и пропаганды своей системы моральных ценностей. Они пошли более радикальным и сложным путём, задумав создание новой христианской элиты вьетнамского общества, представители которой должны были в будущем занять высшие и средние эшелоны государственного управления во Вьетнаме [665.1, 7].

К середине XVII в. особенно много христианских общин было на морском побережье Тонкина, где они постепенно становились духовно-религиозными и социально-экономическими центрами жизни вьетнамских католиков [1195.1, кн.1, с.500 – 506]. Главным образом они объединяли наиболее обездоленные бедные слои крестьянства отсталых сельскохозяйственных районов, рыбаков, ремесленников и маргинальные слои городского населения. Будучи совершенно бесправными в традиционной системе, они были исключены из социальной жизни вьетнамского общества как на государственном, так и на общинном уровне, и не имели никакой перспективы самовыражения в будущем. Поэтому вполне логично, что для этих маргинальных слоёв и групп предлагавшее вместо насилия и жестокости другую, длительную перспективу жизни и конкретное покровительство христианство становилось альтернативой. В результате деятельность миссионеров привела к тому, что там где

традиционная община «выбрасывала за бамбуковую изгородь» беднейшее и бесправное население, возникала христианская община с новой, параллельной традиционной социально-экономической организацией. Миссионеры зачастую также брали на себя и решение задач экономического управления христианскими общинами, приобретали земли, участвовали в распределении имущества и давали деньги в долг [792.1, с.216, 217]. Их деятельность вела к упорядочению социально-экономической жизни христианской общины, росту уровня жизни её жителей и в конечном итоге способствовала возникновению опущения избранности христиан. Кроме того, не следует забывать, что трудно воспринимаемый в научном мире тезис о личном спасении отдельного человека и о лучшей загробной жизни, является мощным стимулом в восприятии новой религии. То есть, обращённое к каждому человеку и выделявшее его как личность из некоей безликой общности, христианство отвечало своей проповедью идее личного спасения человека, его наиболее глубинным чувствам и потребностям. Благодаря этому вьетнамские христиане стали ощущать определённую свободу от старых традиционных правил и предписаний, что создавало предпосылки для конфликтов и даже потрясений, представлявших для власти и традиционного общества достаточно серьёзную угрозу.

Формально от вьетнамских католиков требовался полный разрыв с прошлой, пронизанной обычаями, суевериями и предрассудками жизнью, который переживался бы не столь драматично, если бы крещение принимала вся семья или даже группа семей. Именно к этому миссионеры и призывали вьетнамцев. Однако в реальной жизни такой разрыв случался редко. Как правило, новообращённые сохраняли прежние внутриобщинные дружеские связи, солидарность и взаимопомощь, что во многом объясняет случаи защиты родственниками во времена гонений на христиан. Поэтому речь скорее идёт не о полном разрыве, а о частичной замене традиционных отношений в общине.

Таким образом, можно сказать, что дополненные рядом христианских принципов и модифицированные вьетнамские традиции занимали своё место в созданных католическими миссионерами отдельных общинах

Таблица 1.

Сопоставление структур христианской и традиционной общин

Община		
	Христианская	Традиционная
Управление	<p><u>В теории:</u> Совет старейшин, который избирается полноправными общинниками.</p> <p><u>На практике:</u> Избираются только лишь отобранные священником по его критериям кандидаты.</p>	<p><u>В теории:</u> Совет старейшин, который избирается полноправными общинниками.</p> <p><u>На практике:</u> Выборы отражают на практике баланс сил между группами местной элиты.</p>
Отношения с внешним миром	<p><u>В теории:</u> За них отвечает староста, или управляющий общиной.</p> <p><u>На практике:</u> Староста является только посредником между местным священником и вьетнамской властью.</p>	<p><u>В теории и на практике:</u> За них отвечает староста, или управляющий общиной, который не имеет права решающего голоса. Он является исполнителем и избирается в результате соглашения между Советом старейшин и чиновниками.</p>
Схематичное изображение	<p><u>Номинация:</u> По указанию священника – староста.</p> <p><u>Выборы Совета старейшин:</u> Полноправные общинники под контролем священника.</p>	<p><u>Номинация:</u> Староста Совета нотаблей по согласованию с местной элитой.</p> <p><u>Выборы Совета старейшин:</u> Полноправные общинники под контролем чиновников.</p>

В христианских общинах впервые в истории Вьетнама было создано иное, параллельное традиционному общество, которое имело столь высокий уровень сплочённости, что власти невольно начинали видеть в нём определённую угрозу своим интересам. Более того, благодаря латинизированной письменности вьетнамские католики получили доступ к принесённым иностранцами новым знаниям, а позднес миссионеры начали привозить различные европейские

технические новинки, помогавшие крестьянам выживать в наиболее бедных провинциях.

Переводчик-католик Иосиф Лай с женой. Конец XIX в.
Институт Истории. Ханой, 20.04.2011 г.

Таким образом, христианство брало под контроль те главные силовые линии, по которым на протяжении веков строилось вьетнамское общество, что косвенно подрывало устои государственного устройства империи Нгуенов, обнажая при этом их непрочность и происходившие изменения.

2. *Христианство во Вьетнаме в XIX в.*

2.1. Христианство во Вьетнаме во время правления императора Старшего предка (1802 – 1820 гг.)

При Тэйшонах^I вьетнамские католики и европейские миссионеры подвергались массовым гонениям, поскольку лидеры восстания ненавидели христианство как принесённое европейцами и представлявшее, по их мнению, угрозу самостоятельности Вьетнама. Но, несмотря на преследования и массовые убийства католиков, христианство во Вьетнаме не было уничтожено, а количество его адептов продолжало расти.

Большие надежды на распространение христианства во Вьетнаме французские миссионеры связывали с победившим Тэйшоном Нгуен Анем, который объединил страну, основал новую династию и провозгласил девиз правления «Прекрасный [и] возвышенный». Они рассчитывали на его дружеские отношения с епископом Пиньо де Безном и на его благодарность за помощь в борьбе с Тэйшонами. Поэтому в Иностранных миссиях в Париже надеялись, что Нгуен Ань либо сам примет христианство, либо даст согласие на крещение своего старшего сына и наследника престола – принца Каня^{II}. Когда же ни того, ни другого не произошло, надежды миссионеров сменились разочарованием. Более того, источники сообщают о нараставшей неприязни императора к «религии португальцев», или христианству. Вместе с тем апостолический викарий Кохинхины епископ Лабартет отмечал, что в целом во время правления Старшего предка католическая религия во Вьетнаме не преследовалась, миссионеры имели право свободно передвигаться по стране, посещать христианские общины и проповедовать истину.

При всём при этом в начале XIX в. католичество распространялось во Вьетнаме не так успешно, как того ожидали миссионеры. Епископ Лабартет объяснял это

^I 1771 – 1802 гг. Смотри «Параграф 2» «Главы 2» «Части I» «Томы III».

^{II} Смотри иллюстрацию 24 в «Томе III» и «Параграф 2.2.2» «Главы I» «Части III» «Томы III».

трудностями жизни, с которыми сталкивались рядовые вьетнамцы. Так, он писал:

«Люди ожидают, когда придёт мирное время, они снова будут счастливы. Но на самом деле всё не так. Нигде я не видел людей, страдающих так сильно, как здесь. Продукты питания дорогие. Поэтому нам придется отозвать треть числа семинаристов, которых мы отправили на обучение в Донгнай. Мы просто не сможем прокормить всех из-за голода в этой местности» [1713.1, с.122].

Надо полагать, что столь тяжёлое положение следует связывать с последствиями войны с Тэйшонами. Ведь речь идёт о 1803 г. или о самом начале правления Старшего предка и о южной области Донгнай, где незадолго до этого происходили ожесточённые бои. В то же время можно отметить, что в 1806 г. в епархии Дангчаунг насчитывалось 60 тысяч католиков, а в 1821 г. их уже было 73 тысячи человек. То есть за 15 лет население христианских общин увеличилось всего на 13 тысяч человек, вероятно, в основном за счёт репродукции внутри католических семей [881.1, с.415, 420, 454; 1713.1, с.119, 121, 122, 131]³.

Великая французская революция 1789 г. нанесла серьёзный удар по католической церкви и Иностранным миссиям в Париже. К тому же принятый республиканскими властями Франции документ «Гражданское устройство духовенства» был неприемлем для французского клира. В результате большая часть его священнослужителей была вынуждена эмигрировать либо в Англию, либо в Италию. Ситуация улучшилась лишь в 1805 г., когда Наполеон I разрешил вновь открыть духовную семинарию Иностранных миссий на улице Бак в Париже.

Следствием этих событий во Франции стала осязаемая нехватка миссионеров в епархиях Вьетнама, которую остававшиеся ещё там священники старались возместить за счёт увеличения численности вьетнамского духовенства. Так, в епархии Западный Дангнгоай во время правления Старшего предка в начале XIX в. было всего семь европейских

священников и два епископа, а вьетнамских священников – более 40 человек. Однако их число постоянно росло благодаря тому, что в этой епархии были две семинарии, в которых в 1811 г. 100 вьетнамских католиков готовились к посвящению в сан. В программе же их обучения помимо теологических дисциплин преобладали такие предметы, как латынь и этика.

Кроме этих семинарий в XIX в. во Вьетнаме появляются и созданные самими миссионерами частные богословские учебные заведения школьного типа. Одно из них было основано миссионером Гераром в Ботине, а другое – миссионером Тессье в Шонтэе. В них готовили вьетнамских католиков для дальнейшего поступления в духовные семинарии. Каждая такая школа была рассчитана на 40 – 50 учеников, распределявшихся по 4 группам. Основным предметом обучения был латинский язык, а все занятия проводил один учитель. Все эти усилия были направлены на ускоренную подготовку священников из числа вьетнамцев, так как в епархии Западный Дангнгоай на 15 тысяч католиков приходилось всего 2 священника-вьетнамца и 1 миссионер. Похожая ситуация сложилась и в других епархиях Вьетнама.

Тем не менее благодаря указанным частным духовным учебным заведениям численность священников-вьетнамцев стало быстро расти. [1713.1, с.132, 136, 138].

Таблица 2.

Рост численности священников-вьетнамцев [1713.1, с.138]

Годы	Количество
1796 г.	44
1811 г.	59
1816 г.	71

Епархия Восточный Дангнгоай, или современные епархии Буйтю, Тхайбинь, Хайфон, Бакнинь и Лангшон, ещё с XVII в. находилась в ведении испанских миссионеров-доминиканцев. Однако из-за сложного положения в Европе помощь Испании в течение этого периода была минимальной. Возглавлявший епархию Игнасио Дельгадо был рукоположен в сан епископа в 1799 г. Вместе со своим помощником Энаресом он находился во Вьетнаме на протяжении всего

правления Старшего предка. Кроме них в епархии Восточный Дангнгоай во время правления Старшего предка работали ещё пять испанских миссионеров, благодаря деятельности которых количество христиан достигло в ней в 1810 г. 100 тысяч человек [1713.1, с.141, 142].

Таблица 3.

**Количество церковных таинств, проведённых в Дангчаунге
1805 – 1820 гг. [1713.1]**

Колонки:											
1.Год; 2.Крестившиеся взрослые; 3.Крестившиеся дети; 4.Соборование; 5.Крестившиеся смертельно больные дети; 6.Выжившие дети; 7.Конфирмация; 8.Исповедь; 9.Причастие; 10.Елеопомазание; 11.Последнее причастие; 12.Венчание.											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1805	247	1878	1328	0	---	468	32046	23419	516	447	523
1806	352	2274	1736	0	---	1243	35174	28257	551	440	602
1807	308	2059	1461	342	---	1461	33749	25717	670	472	483
1808	144	1269	712	498	15	1657	23076	19489	520	890	225
1810	277	2339	1390	732	111	342	35933	27089	774	850	555
1811	190	1498	1249	1191	52	1302	35983	27349	779	3	460
1813	263	2572	2147	603	90	3100	44735	32685	1028	693	508
1815	221	2465	1437	1191	87	377	39568	29479	1120	988	477
1816	256	2303	1589	477	67	2732	30628	27435	1084	706	438
1818	264	3673	2276	1257	86	444	55684	42276	1117	762	650
1820	239	2860	1822	1054	63	299	46710	32320	1740	908	607

Приведённые в таблице данные подтверждают мнение европейских миссионеров об отношении Старшего предка к католицизму, которые полагали, что несмотря на определённое охлаждение личных отношений между императором и Пинью де Безном епископом Адранским из-за стремления последнего крестить наследника престола, принца Каня, Нгуен Ань не изменил из-за этого принципу веротерпимости.

Как известно, гонения и преследования христиан начались после кончины Старшего предка и восшествия на престол его преемника – Совершенного предка¹ в 1820 г. По его прямому повелению епископ Игнасио Дельгадо и

¹ 1820 – 1840 гг. Смотри «Параграф 3» «Главы 3» «Части I» «Томе III» и «Таблицу №2» в «Томе VI».

миссионер Энарес были схвачены и брошены в тюрьму, где первый скончался, а второго обезглавили. Спустя 150 лет они оба были причислены Папским престолом к лику святых мучеников⁴. Интересно, что ещё в 1811 г. цитировавшийся ранее епископ Лабартет прозорливо предсказал их судьбу:

«Пока император [Старший предок] жив, наша религия в безопасности. Но как только его не станет, боюсь, произойдут большие изменения. Сейчас же император ещё помнит, какую поддержку ему оказал епископ Аدرانский» [881.1, с.432].

Как видно из таблицы, церковные требы совершались по 11 позициям, то есть практически в полном объёме. Можно лишь отметить, что в начальный период правления Старшего предка не зафиксировано крещений приёмных детей миссионеров, хотя им придавалось большое значение. Воспитанные миссионерами с младенчества, эти дети впоследствии создавали христианские семьи естественным образом без трагических разрывов и уходов из прежних, не христианских семей. Однако достаточно быстро практика таких крещений восстановилась, как видно из таблицы, в ещё большем объёме.

В то же время при всей своей толерантности Нгуен Ань относился к вьетнамским католикам с большим подозрением, так как опасался, что католичество может глубоко проникнуть в общественное сознание. Поэтому император полагал, что оно должно оставаться религией небольшого числа верующих. Это достигалось запрещением участия католиков в народных празднествах и строгим контролем за тем, чтобы они были максимально дистанцированы от нехристианской части населения. Не вызывает сомнения и то, что по своим религиозно-идеологическим убеждениям Нгуен Ань был последовательным сторонником неоконфуцианства, или чжусианства, а в личной жизни следовал установлениям культа предков и буддизма школы Созерцания¹. Поэтому, хотя

¹ Смотри «Параграф 3» «Главы 2» «Части III» «Тома III».

в его правление католические миссионеры и пользовались относительно большой свободой, Старший предок избегал действий, которые могли бы привести к усилению позиций христианства во Вьетнаме. Этот вывод подтверждается словами всё того же епископа Лабартета, который в 1803 г. сообщил в своём письме Иностранным миссиям в Париже о следующем:

«Мы попросили императора издать указ, который бы защитил нас от нападков. Он обещал, но по сей день указа так и нет. Дьявол ищет любую возможность нам воспрепятствовать. Император боится нас обидеть, но ещё больше боится обидеть ненавидящих нашу религию чиновников. Что же касается строго следующих буддизму жён императора, то они тоже относятся к нам с ненавистью» [881.1, с.425].

Кроме того, успешной деятельности вьетнамской католической церкви также серьёзно мешало соперничество между миссионерами-доминиканцами и францисканцами, тем более что первые в основном были испанцами, а вторые – французами. В своём письме от 11-го марта 1807 г. епископ Лабартет так описывал сложившуюся ситуацию:

«На всём пути от Зядини до Дангнгоая миссионеры-францисканцы практикуют лишь в трех районах – Хюе, Куангнаме и Кюиньоне. Количество христиан, которых окормляют миссионеры этого ордена, невелико. В столице – не более 300, в Куангнаме – не более 400 – 500, в Кюиньоне – примерно 3000 человек. За последние 30 лет францисканцы не добились значимых результатов в деле проповеди веры. Нам следует воспринимать этих христиан как наших собственных прихожан. У францисканцев даже не хватает людей, чтобы окормлять паству в Зядини, поэтому им надо оставить лишь те три провинции, о которых говорилось выше» [881.1, с.426].

К сожалению, записей монахов Ордена францисканцев найти не удалось, но, надо полагать, что они не менее «лестно» отзывались о своих собратьях из Ордена доминиканцев. Учитывая же, что оба ордена соперничали друг с другом во Вьетнаме ещё с XVII в., столь «дружеские» отношения между

ними в начале XX в. вполне объяснимы. Как следует из вышеизложенного, оба ордена соперничали друг с другом в каждой из трёх созданных во Вьетнаме епархий. Поэтому представляется целесообразным остановиться несколько подробнее на складывавшейся в этих трёх епархиях ситуации.

Главой епархии Дангчаунг был уже не раз упоминавшийся и цитировавшийся епископ Лабартет⁵. Уже в начале XIX в. в правление Старшего предка в Дангчаунге находилось уже 10 миссионеров-французов из Иностранной миссии в Париже. Кроме того, там было ещё 12 священников-вьетнамцев – по 6 в Намбо и Чунгбо. В 1808 г. Священниками стали ещё 4 вьетнамца, в 1809 г. – 1 и в 1815 г. – три, имена которых не сохранились. Таким образом, общая численность священников-вьетнамцев достигла в Дангчаунге 20 человек, которых, по мнению Лабартета, было вполне достаточно для нужд епархии. Помимо этих священников в Дангчаунге также находились упоминавшиеся миссионеры испанского Ордена францисканцев, региональный центр которого располагался в Маниле. Поскольку из-за внутренней ситуации в Испании орден получал очень слабую финансовую поддержку, поэтому в начале XIX в. в этой епархии было всего 2 испанских францисканца – прибывший в Дангчаунг в 1792 г. Камилья Лореа и находившийся там с 1799 г. по 1813 г. Хуан Колат [881.1, с.408]. Основная же часть миссионеров-францисканцев была представлена итальянцами – Клементом Капрауна и Франсуа де Финочетто, прибывшими в Дангчаунг в 1798 г. Не совсем ясно когда в епархию прибыл ещё один итальянец, Антуан де Нополи, но известно, что он умер в 1824 г. в Сайгоне. В то же время численность, как указывалось чуть выше, католического населения Дангчаунга возросла с 60 тысяч в 1806 г. всего до 73 тысяч человек в 1821 г. в основном за счёт репродукции внутри католических семей. И это при том, что в правление Нгуен Аня сложились относительно благоприятные условия для развития католичества¹.

¹ Смотри выше «Таблицу 3».

Вторая вьетнамская католическая епархия, Западный Дангнгоай, испытывала трудности уже с начала XIX в. Дело в том, что к тому времени одни миссионеры умерли, а другие вернулись в Европу в конце XVIII в. и в первые годы XIX в. В правление Старшего предка миссионерской деятельностью в Западном Дангнгоае занимались 7 французских священников и два епископа, их которых только 3 или 4 находились во Вьетнаме длительное время.

С 1792 г. епархию возглавлял Жак Бенжамин Лонжер. Первым заместителем епископа был миссионер Шарль Ла Мот, а после его смерти – миссионер Жан-Жак Герар⁶. Однако священников-вьетнамцев в епархии было более 40 человек, и, поскольку там находились две семинарии, их число постоянно росло. Поэтому в Западном Дангнгоае совершалось большое число церковных таинств.

Таблица 4.

Количество церковных таинств, проведённых в Западном Дангнгоае [1713.1]

Колонки:						
1.Год; 2.Крестившиеся дети; 3.Крестившиеся взрослые; 4.Исповедь; 5.Причастие; 6.Елеопомазание; 7.Венчание.						
1	2	3	4	5	6	7
1806	4221	324	124539	76805	2070	416
1807	3956	396	128158	82076	1916	532
1808	3034	351	134954	79079	2306	559
1809	3092	343	137918	73195	1882	439
1810	4356	264	136255	70334	2393	641
1814	2625	354	155552	73906	3738	655
1817	2359	370	137208	65230	4321	527

Упомянутая в связи с епископом Игнасио Дельгадо и миссионером Энаресом¹ третья епархия, Восточный Дангнгоай, находилась в ведении испанских миссионеров-доминиканцев, которым Испания, как уже говорилось, не помогала ни людьми, ни финансированием.

Помимо Дельгадо и Энареса в этой епархии было ещё несколько испанских миссионеров. Это Гатилепса, Хосе

¹ Смотри «Примечание 4» в «Комментарии» к настоящей главе.

Аманди, Бомбин и Хосе Фернандес, а в 1829 г. к ним присоединился Эронимо Эрмозилья. Однако в 1823 г. Гатилепса и в 1826 г. Бамбин вернулись в Европу. Что же касается священников-вьетнамцев, то, по сведениям Маркоса Жиспера, их количество составляло к концу XVIII в. 16 человек, а в течение правления Старшего предка к ним добавилось ещё 28 человек [1066.1, с.315 – 319].

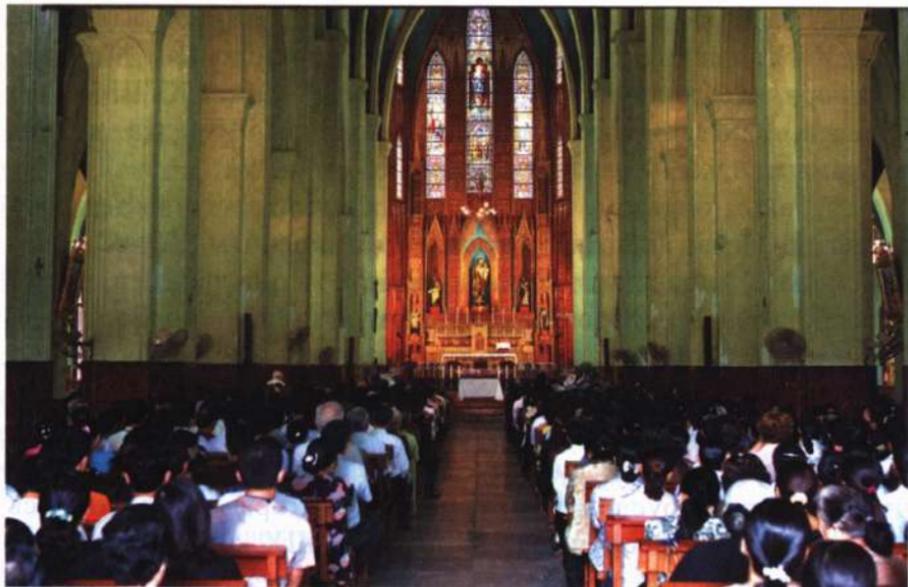
Таким образом, в эпоху правления первого императора династии Нгуен благодаря личным отношениям Нгуен Аня с епископом Адранским Пиньо де Беэном ситуация в целом способствовала распространению католицизма во Вьетнаме. При этом следует подчеркнуть, что почти все миссионеры прибыли в страну в конце XVIII в. Однако после Великой французской революции 1789 г. Иностранные миссии в Париже практически лишились государственной поддержки, что во многом обусловило трудности, с которыми столкнулись католические миссионеры в начале XIX в. Реставрация Бурбонов в 1812 г., по сути, также ничего не изменила. Поэтому новые миссионеры почти не приезжали в страну. Такое положение вещей никак не способствовало успешному распространению христианства во Вьетнаме.

2.2. Положение вьетнамских католических общин на протяжении первой части правления императора Совершенного предка (1821 – 1832 гг.)

2-го февраля 1820 г. скончавшемуся Старшему Предку наследовал его 4-ый сын, Нгуен-фук Зам, провозгласивший девиз правления «Светлая судьба» и известный под посмертным именем «Совершенный предок». О втором императоре династии Нгуен, как и о его личном отношении к христианству, миссионерам и их вьетнамским последователям, уже было сказано достаточно много¹, поэтому в данной главе

¹ Смотри «Параграф 3» «Главы 3» «Части I» «Тома III» и «Таблицу №2» в «Томе VI».

основное внимание уделяется непосредственно положению христиан в эпоху его правления.

Служба в соборе Св.Иосифа.
Ханой, 19.04.2011 г.

Во Вьетнаме с 1820 по 1841 г. продолжали действовать три упоминавшиеся епархии – Дангчаунг, Западный Дангнгоай и Восточный Дангнгоай⁷. При этом с начала правления Совершенного предка и до 1832 г. католики пользовались во Вьетнаме относительной свободой, хотя ещё до восшествия этого императора на престол французские миссионеры начали проявлять беспокойство. Так, работавший в Западном Дангнгоае миссионер Эйо в своём письме Иностранным миссиям в Париже от 27-го февраля 1817 г. написал:

«Архиепископ Верен опасается того, что принца Дама объявили наследником престола. Мы совсем не нравимся этому молодому принцу, он ненавидит христианство. Ещё до того как взойти на престол, он запугал нас, сказав, что если он взойдёт на престол, то все те, кто желает исповедовать христианство, должны будут отправиться в Европу. Также он поздравил японского правителя с успехами в деле ликвидации христианства. Если он говорит так, пока его отец жив, то что же будет, когда тот умрёт?» [114.1, 329, 330].

Постепенно эти опасения начали оправдываться. Так, в 1825 и 1826 гг. вышли императорские указы, запрещающие въезд в страну новым миссионерам и повелевавшие собрать уже находившихся во Вьетнаме миссионеров в одном месте. С 1927 г. миссионеры в Дангнгоае были вынуждены скрываться, чтобы не попасть под действие этих указов. Однако благодаря подкупу чиновников уже через несколько месяцев миссионеры вернулись к своей обычной жизни, хотя им и пришлось вести себя осторожнее, чтобы не провоцировать власти. Ведь чиновники прекрасно знали, где они находятся, но до поры до времени молчали и делали вид, что ничего не подозревают.

В 1920 г. на территории к югу от реки Зянь и до мыса Камау в епархии Дангчаунг служили глава миссии епископ Лабартет, его заместитель Одемар, ватиканский священник Жаро и прибывший в 1819 г. вместе с тремя францисканцами¹ молодой миссионер Томассан. В 1821 – 1832 гг. в Дангчаунг

¹ Финочетто, Морроне и Одорич.

прибыли ещё 11 европейских миссионеров. В те же годы в Дангчаунге насчитывалось более 20 священников-вьетнамцев, но практической деятельностью занимались далеко не все. Поэтому количество совершаемых на территории епархии церковных таинств оставалось недостаточным.

Таблица 5.

**Количество церковных таинств, проведённых в Дангчаунге
1821 – 1830 гг. [1713.2]**

Колонки: 1.Год; 2.Крестившиеся дети; 3.Крестившиеся взрослые; 4.Крестившиеся приёмные дети; 5.Конфирмация; 6.Исповедь; 7.Причастие; 8.Елеопомазание; 9.Венчание.								
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1821	137	1670	330	45	38605	29047	907	515
1822	62	1419	404	244	30391	24973	612	392
1823	68	1261	93	797	17772	17380	613	292
1829	123	1878	739	---	33575	27167	987	577
1830	161	2179	726	350	27767	20341	866	596

После смерти Лабартета главой миссии и епархии стал Томассан, а после того как он умер¹, главой стал Табер, один из двух молодых миссионеров, прибывших в 1821 г. В те годы общее число верующих в Дангчаунге не превышало 70 тысяч человек [147.2, fol.305].

В 1920 г. на территории к северу от реки Зянь и до западного берега реки Красной в епархии Западный Дангнгоай служил епископ Лонжер (68 лет), его заместитель – епископ Герар (59 лет), священник Эйю (68 лет) и прибывший в 1819 г. молодой миссионер Жантэ (28 лет). В 1821 – 1832 гг. в епархии Западный Дангнгоай было ещё 8 французских миссионеров. Ими были прибывшие в 1821 г. Оливье и Авар, в 1925 г. – Масон, в 1928 г. – Журу и Марет и в 1932 г. – Ретор, Бори и Ру. Но только трое из них практиковали на территории этой епархии. К тому же 18-го июня 1823 г. умер епископ Герар, а возведённый в сан епископа и ставший заместителем Лонжера 21-го августа 1825 г. миссионер Оливье, скончался 27-го мая 1827 г. Миссионер Эйю также скончался

¹ 24-го мая 1824 г.

29-го июля 1827 г. Наконец, 21-го сентября 1829 г. миссионер Авар стал младшим епископом и заместителем Лонжера, а после кончины последнего 8-го февраля 1831 г. – главным епископом. Таким образом, говорить о стабильной работе французских миссионеров в Западном Дангнгоае достаточно сложно.

В то же время, в отличие от Дангчаунга, положение со священниками-вьетнамцами в Западном Дангнгоае было лучше. Так, в 1822 г. их было 75, в 1829 г. – 80, в 1830 г. – 87 и в 1831 г. – 90 человек [147.2, fol.316v, fol.456, fol.855, fol.902].

Таблица 6.

Количество церковных таинств, проведённых в Западном Дангнгоае 1821 – 1832 гг. [1713.2]

Колонки: 1.Год; 2.Крестившиеся дети; 3.Крестившиеся взрослые; 4.Исповедь; 5.Причастие.				
1	2	3	4	5
1821	5453	479	161519	76165
1822	7166	496	167124	75116
1828	8786	350	149824	84924
1829	9979	595	192093	87266
1830	7266	511	189048	86442
1831	8161	444	200705	92214
1832	2847	492	184525	87226

Также следует отметить, что епархия Западный Дангнгоаей была достаточно обширной, а верующие жили на различных её территориях. Например, миссионер Марет в одиночку окормлял провинции Шонтэй, Хынгхоа и Туенкуанг, при этом в одной лишь провинции Хынгхоа было 15 тысяч верующих в 120 общинах – от 10 до 600 человек в каждой. В таких условиях миссионеры могли посетить лишь 5 – 7 общин за год. Поэтому забота о верующих в основном перекладывалась на трудившихся не покладая рук священников-вьетнамцев.

В соответствии с докладом епископа Лонжера от 16-го апреля 1830 г., в епархии Западный Дангнгоаей жили 159 тысяч верующих. Из них в провинции Ботинь – 22 тысячи, провинции Нгеан – 40 тысяч, провинции Тханьхоа – 30 тысяч,

в провинции Шоннам – 55 тысяч и в провинции Шонтэй – 12 тысяч верующих [147.2, fol.901].

Как отмечалось, в 1820 – 1829 гг. в епархии Восточный Дангнгоай помимо епископов Дельгадо и Энареса в разное время служили ещё 3 – 4 испанских миссионера. При этом, согласно докладу епископа Игнасио Дельгадо от 25-го августа 1830 г., в епархии жили 163101 верующий. Из них на юге в Буйтю и Тхайбине – 120517, на севере – 12102, на востоке – 23300, на западе – 2536, в Иенкуанге – 1876 и в Туенкуанге – 146 верующих, в Лангшоне христиан вообще не было [147.2, fol.889]. Очевидно, что при такой незначительной численности миссионеров и вьетнамцев-христиан количество совершаемых церковных таинств также не могло быть небольшим

Таблица 7.

Количество церковных таинств, проведённых в Восточном Дангнгоае 1821 – 1829 гг. [1713.2]

Колонки: 1.Год; 2.Крестившиеся взрослые; 3.Крестившиеся дети; 4.Исповедь; 5.Причастие; 6.Венчание.					
1	2	3	4	5	6
1822	442	7344	193614	145954	1860
1823	292	6577	173966	153631	1176
1829	207	8209	148936	136508	1503

Из вышеприведённых статистических данных следует, что в первые три десятилетия XIX в. во Вьетнаме происходило дальнейшее постепенное развитие католических миссий. При этом росла численность как священников-вьетнамцев, так и вьетнамских католиков.

Основным районом распространения христианства по-прежнему оставался Северный Вьетнам, где к 1830 г. в общей сложности насчитывалось 320 тысяч христиан, в то время как в Дангчаунге их было не более 70 тысяч.

Таким образом, если не считать мелких притеснений, в 1821 – 1832 гг. католичество во Вьетнаме ещё ничего серьёзно не угрожало. Поэтому миссионеры и священники-вьетнамцы продолжали без особых помех заниматься своей паствой и проводить церковные обряды..

2.3. Положение вьетнамских католических общин на протяжении второй части правления императора Совершенного предка (1833 – 1840 гг.)

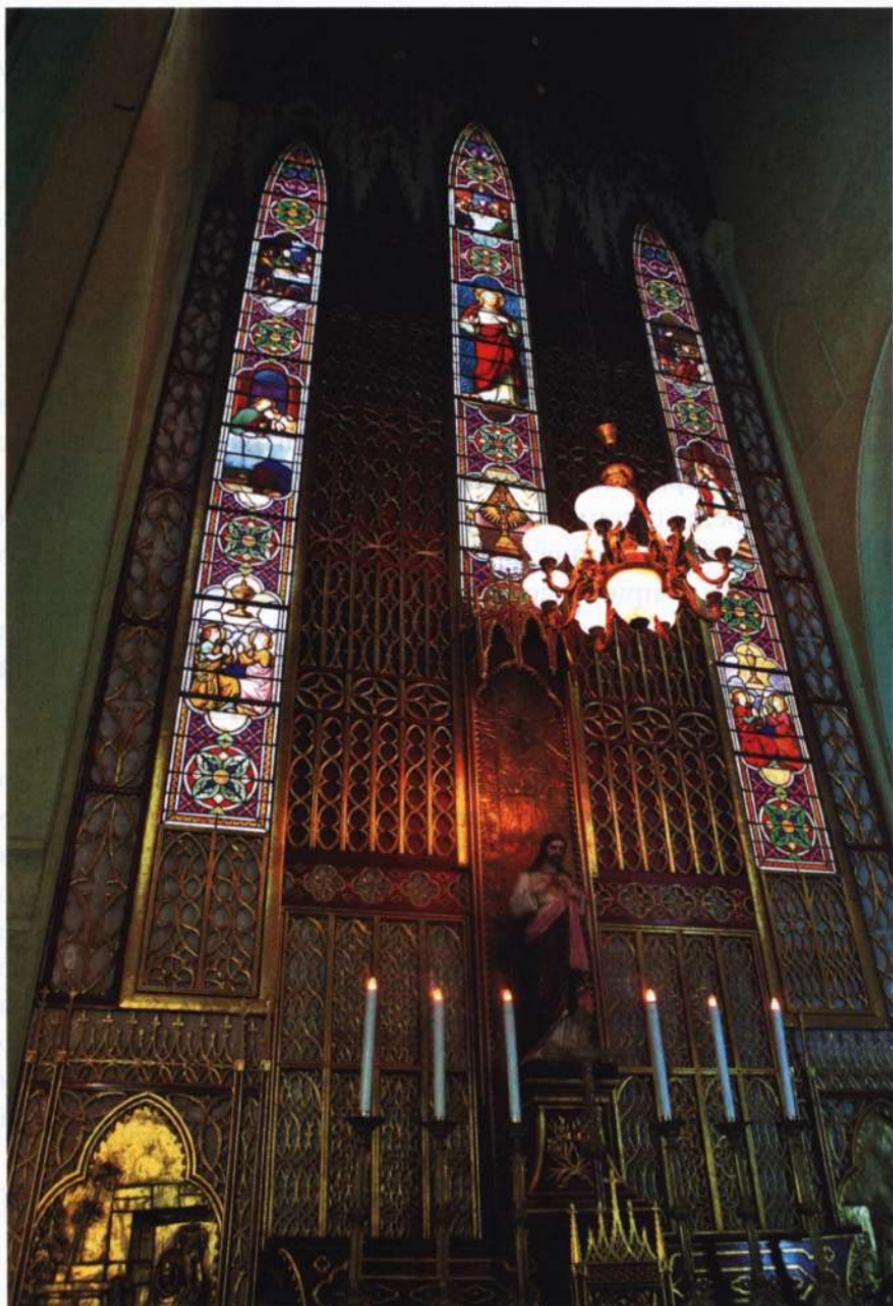
Согласно мнению находившихся во Вьетнаме в XIX в. миссионеров, первым указом о запрещении католичества в стране стал указ Нгуен-фук Зама от 6-го января 1833 г. Ухудшение отношения императора к христианам следует связывать с мятежами и восстаниями в Зядини, в первую очередь – с восстанием Ле Ван Кхоя, которое началось в июле 1833 г. и было поддержано многими миссионерами и вьетнамскими католиками. Особенно негативным отношение императора к христианам стало с середины 1838 г.

В предыдущем томе уже достаточно подробно были описаны причины, приведшие к восстанию Ле Ван Кхоя, само восстание и принятые Совершенным предком меры, направленные на возрождение традиционных ценностей и ликвидацию христианства во Вьетнаме¹. Поэтому в данной главе эти вопросы затрагиваются лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания излагаемого в ней материала.

До восстания Ле Ван Кхоя император имел достаточно смутные представления о распространении христианства во Вьетнаме, поскольку получавшие взятки чиновники почти ни о чём не докладывали. Император лишь предполагал, что миссионеры и католики поддерживают мятежников. Но когда в Хатиене был перехвачен отряд с прошением королю Сиам об оказании военной помощи восставшим, его подозрения полностью подтвердились, так как упомянутое прошение было написано на европейском языке, а из 23 членов отряда 15 были католиками. Затем поступили и другие сведения об участии католиков в восстании, что привело императора в ярость. Начались массовые аресты и казни христиан⁸, из которых наиболее громкой стала казнь епископа Маршана¹¹.

¹ См. «Параграф 3» «Главы 3» «Части I» «Томе III».

¹¹ См. иллюстрацию 33 в «Томе III».

Собор Св.Иосифа, статуя Святого на фоне главного витража.
.Ханой, 19.04.2011 г.

Для вьетнамских католиков и европейских миссионеров последние восемь лет правления под девизом «Светлая судьба» были самыми тяжёлыми. После упомянутого указа от 6-го января 1833 г. храмы, дома приходских священников, монастыри и семинарии были разрушены или уничтожены. Миссионеры были вынуждены скрываться. Священники-вьетнамцы также должны были соблюдать осторожность. Религиозные праздники приходилось отмечать тихо, без пышных торжеств. Христиане в любой момент могли быть арестованы. Поэтому они всегда имели при себе серебряные деньги, чтобы купить «молчание» и «незнание» военных и чиновников. Кульминацией гонений стал период с середины 1838 г. до конца 1840 г., когда многие христиане были схвачены и убиты.

В то же время, поскольку миссионерам удалось привлечь на свою сторону значимую часть сельской верхушки и военных, Совершенный предок не только преследовал христиан, но и стремился дискредитировать саму христианскую религию. Для этого, например, он использовал так называемое «испытание крестом». Кроме того, он лично написал свои конфуцианские десять правил поведения, которые противопоставил христианским «Десяти заповедям»¹.

Все эти мероприятия свидетельствуют о серьёзной озабоченности императора и его окружения распространением христианства во Вьетнаме и многочисленностью его адептов, а также их стойкостью и преданностью новой вере. Поэтому не стоит удивляться, что в правление Совершенного предка все три вьетнамские епархии находились в крайне сложном положении. Так, служивший в епархии Дангчаунг миссионер Режеро написал в датированном 1-ым марта 1834 г. письме следующее.

«Во время издания указа в Дангчаунге у нас было 6 французских миссионеров, один священник-францисканец из

¹ Смотри «Параграф 3.2» «Главы 3» «Части 1» «Тома III», а также «Примечание 21» и «Примечание 22» в «Комментарии» к этой главе.

Италии и 17 священников-вьетнамцев. Имелась семинария в Лайтхиеу, в которой обучались 15 человек. Эту семинарию пришлось распустить. В нашей епархии 66 тысяч верующих, более 200 храмов. Имеются 18 женских монашеских обществ, в каждом из которых состоит от 20 до 30 человек. Также есть недавно построенная в Лайтхиеу больница» [94.8, с.602].

То есть речь идёт о состоянии на момент издания указа от 6-го января 1833 г. К моменту же написания этого письма в епархии Дангчаунг остались только находившийся в Куангнгае и умерший в Фьюктхо 22-го февраля 1841 г. миссионер Бриньоль, и миссионер де Ла Мотт, находившийся в Зьонгшоне. В конце октября 1833 г. он уехал в Ньюли провинция Куангчи, а в апреле 1840 г был схвачен и отвезён в Хюе, где и умер в тюрьме 3-го октября того же года.

Помимо этого в начале 1933 г. из Вьетнама уехал целый ряд миссионеров. Так, покинули страну умерший в Калькутте 31-го июля 1840 г. архиепископ Табер. Он взял с собой рукопись составленного ещё Пиньо де Безном вьетнамо-латино-французского словаря, на основе которого в 1838 г. в Индии были изданы вьетнамо-латинский и латино-вьетнамский словари. Миссионер Режеро, который тоже больше не возвращался во Вьетнам, погиб во время кораблекрушения в 1842 г. Миссионер Виаль вернулся в Дангчаунг в середине 1835 г., проповедовал в Бочати провинции Куангбинь и умер 17-го декабря 1838 г. Миссионер Кено вернулся во Вьетнам в июне 1835 г. Он действовал в основном в провинции Биньдинь и после смерти архиепископа Табера в 1840 г. стал главой епархии Дангчаунг.

Также можно упомянуть ещё о трёх французских миссионерах. Это работавший в Намбо и вернувшийся во Францию в 1841 г. Пьер Жан. Прибывший в мае 1837 г. в провинцию Куангбинь Кандад, который был вынужден скрываться в лесах и умер 28-го июля 1838 г. Наконец, занимавшийся миссионерством в Намбо Лефебр, который в 1844 г. стал архиепископом епархии Дангчаунг.

Тем не менее, несмотря на все гонения против христиан, в епархии Дангчаунг большого кровопролития не произошло. Такой вывод следует из того, что всего 8 человек, пострадавших за веру, были причислены к лику святых мучеников и ещё 2 европейских миссионера умерли в тюрьме. Интересно отметить, что из 17 или 18 задержанных властями вьетнамских католиков большая часть были гражданскими и военными чиновниками⁹.

В то же время преследования не могли не сказаться на деятельности католической церкви в Южном Вьетнаме. Так, согласно данным отчёта епископа Кено от 14-го мая 1840 г., общая численность верующих в епархии Дангчаунг составляла 78 тысяч человек, из которых 26 тысяч проживало в районе от Куангнама до Куангбинь, 24 тысячи – от Куангнама до Биньхуан и 28 тысяч человек жили в Намки [147.3, fol.136].

Таблица 8.

**Количество церковных таинств, проведённых в Дангчаунге
1830 – 1840 гг. [1713.3]**

Колонки:						
1.Год; 2.Крестившиеся взрослые; 3.Крестившиеся дети; 4.Исповедь; 5.Причастие; 6.Елеопомазание; 7.Венчание.						
1	2	3	4	5	6	7
1830	101	2179	27769	20341	1866	350
1833	4	696	19979	---	261	75
1835	12	429	7798	---	316	147
1840	78	2901	24157	14789	608	379

В епархии Западный Дангнгоай в начале 1833 г. архиепископ Авар заменил скончавшегося 8-го февраля 1831 г. епископа Лонжера. В епархии также оставались 3 старых миссионера – Жантэ, Марет и Масон и 5 новоприбывших – Бори, Корнэ, Ретор, Руж и Молин¹. Спустя короткое время к ним присоединились ещё 3 миссионера – Шарье, Симонан и Готьё¹¹. Но вскоре Руж и Молин утонули, а Корнэ и Бори были схвачены и казнены. Плюс к этому архиепископ Авар заболел

¹ Первые двое прибыли во Вьетнам в 1819 г. третий -- в 1825 г., остальные – в середине 1832 г.

¹¹ Они прибыли в епархию в 1833, 1835 и 1836 гг. соответственно.

и скончался в провинции Ниньбинь¹. Перед смертью он назначил своим преемником Бори, но поскольку тот вскоре был казнён, то главой епархии стал Ретор.

Таким образом, во Вьетнаме остался лишь один архиепископ Кено, который не мог прибыть в Дангнгоай, чтобы возвести Ретора в сан. Последний также не мог приехать для рукоположения в Дангчаунг. Поэтому Ретор был рукоположен в Маниле 31-го мая 1840 г. Он вернулся в Дангнгоай незадолго до смерти императора Совершенного предка 20-го января 1841 г.

На протяжении всего времени гонений иностранным миссионерам в Западном Дангнгоае приходилось скрываться. Они не могли посещать вьетнамских католиков, в основном живших в смешанных общинах из-за того что полностью католических общин в Дангнгоае было очень мало. Поэтому основная работа по духовному окормлению паствы легла на плечи вьетнамских священников, которых в то время было более 80 человек. Такое количество священнослужителей в целом позволяло вести церковные службы и удовлетворять духовные потребности верующих.

По данным архиепископа Ретора, по состоянию на 4-ое марта 1842 г. в епархии Западный Дангнгоай было не менее 171 тысячи верующих, которые проживали в разбросанных по 1300 приходам деревнях [147.3, fol.462].

Таблица 9.

Количество церковных таинств, проведённых в Западном Дангнгоае 1832 – 1840 гг. [1713.3]

Колонки: 1.Год; 2.Крестившиеся взрослые; 3.Крестившиеся дети; 4.Конфирмация; 5.Исповедь; 6.Причастие; 7.Елеопомазание; 8.Венчание.							
1	2	3	4	5	6	7	8
1832	429	2849	3535	184325	77226	3494	676
1834	249	3932	1895	136233	67000	2370	528
1838	199	1994	421	88542	46252	1707	353
1840	128	2174	71	74343	3960	2639	249

¹ 1835 г., 29-ое июня 1837 г., 24-ое ноября 1838 г. и 6-ое июня 1838 г.

Следует отметить, что с 1838 г. жизнь верующих крайне осложнилась. Главной же причиной ухудшения религиозной обстановки на севере стало жестокое преследование христиан губернатором провинции Ниньбинь Чинь Куанг Кханем. По его приказу казнили 24 христианина. Все они впоследствии были канонизированы и причислены Ватиканом к лику святых мучеников за веру.

Как уже говорилось, ещё с 1700 г. епархия Восточный Дангнгоай находилась в ведении испанских миссионеров-доминиканцев. Помимо уже неоднократно упоминавшихся епископов Игнасио Дельгадо и Энареса в ней служили также упоминавшиеся ранее священники Хосе Аманди, Хосе Фернандес и Эронимо Эрмозилья. В 1836 и 1837 гг. к ним присоединились ещё 2 испанских миссионера – Ромуальдо Химено и Доминго Марти. Хосе Аманди умер в преклонном возрасте в 1836 г., а Хосе Фернандес, также как Дельгадо и Энарес, был брошен в тюрьму и 24-го июля 1838 г. казнён.

2-го августа 1839 г. Ватикан назначил главой миссии Эронимо Эрмозилью, а его заместителем должен был стать Ромуальдо Химено. Однако они были возведены в епископы лишь в начале 1841 г., так как до этого не имели возможности выехать за пределы Северного Вьетнама.

Важным источником информации о жизни монахов в этой епархии является книга пастора Маркоса Жиспера «История миссии Доминиканского ордена в Тонкине», изданная в 1929 г. в Испании [1066.1]. Согласно содержащимся в этом труде сведениям, в начале 1833 г. в епархии Восточный Дангнгоай было 44 вьетнамца – монахов Ордена доминиканцев. В 1833 – 1840 гг. к ним добавилось ещё 9 и умерло 7 священников. Всего же там служили в 1831 г. 44 и 21, в 1835 г. – 39 и 18, а в 1837 г. – 39 монашествующих и 21 мирской священник соответственно [1066.1, с.741 – 743; 147.3, fol.461, fol.469v, fol.712].

Помимо доминиканцев в этой епархии проповедовали и вьетнамские церковники, как простые священники, так и монахи – члены других религиозных орденов.

После издания указа от 6-го января 1833 г. в Восточном Дангнгоае были разрушены все храмы и почти все резиденции миссионеров. Последней была разрушена в 1838 г. резиденция епископа Дельгадо. Его перу принадлежит широко известное циркулярное письмо, в котором он обратился к миссионерам и верующим с призывом сохранять мужество и не отказываться от постулатов «истины».

В то же время следует признать, что благодаря взяткам высокопоставленным чиновникам до середины 1838 г. ни один из священников, миссионеров или простых верующих не был схвачен и казнён. Однако в апреле того года, когда император повелел схватить скрывавшихся в Намдине испанских миссионеров, гонения ужесточились. В итоге властям удалось захватить испанцев Дельгадо, Энареса и Фернандеса, а также «наставника»¹⁰ До Ван Тиеу и священника Нгуен Ба Туана.

После этого, поскольку ещё не был схвачен Эрмозилья, преследования христиан стали ещё более ожесточёнными. Многие вьетнамские священники, катехисты со званием «наставника» и рядовые католики были арестованы и казнены. Всего же 26 человек, а именно – 3 испанских миссионера-доминиканца и 23 священника-вьетнамца из епархии Восточный Дангнгоай были канонизированы Ватиканом и причислены к лику святых мучеников за веру.

Таблица 10.

Количество церковных таинств, проведённых в Восточный Дангнгоай 1830 – 1840 гг. [1713.3]

Колонки:						
1.Год; 2.Крестившиеся взрослые; 3.Крестившиеся дети; 4.Исповедь; 5.Причастие; 6.Елеопомазание; 7.Венчание.						
1	2	3	4	5	6	7
1830	198	6017	105455	97694	1234	389
1835	217	6671	132902	39437	615	469
1839	723	6768	105930	122612	1647	1060
1840	78	3476	24607	100101	608	379

Интересно отметить, что если по докладу епископа Игнасио Дельгадо от 25-го августа 1830 г. общее число верующих в епархии Восточный Дангнгоай составляло 163

тысячи 1 человек, то по свидетельству миссионера Эронимо Эрмозильи в 1840 г. их было около 170 тысяч человек.

Таким образом, вопреки гонениям численность христиан хоть и незначительно, но всё же возросла [147.3, fol.461, fol.195v, fol.889]. Поэтому и количество совершаемых церковных таинств в этой епархии сильно не уменьшилось по сравнению с предыдущим периодом.

Отец Сикс (1825 – 1899 гг.). Создатель собора в Фатзиеме.

Открытка из коллекции О.В.Новаковой

Несмотря на то что этот период гонений считается «самым страшным» в истории католицизма во Вьетнаме, он не

может сравниться с теми гонениями, которые были в Японии. На начало гонений, в 1614 г., в Японии насчитывалось приблизительно 300 тысяч католиков. С момента же начала гонений и до «открытия» Японии в 1868 г. были казнены 3170 верующих, 874 умерли в тюрьме. С 1654 по 1868 г., то есть за период более чем в 200 лет, в стране не было построено ни одного христианского храма и её не посещали миссионеры. В 1865 г. стало известно, что в Японии осталось 15 тысяч христиан и ни одного священника [662.1, с.286 – 316].

Если же говорить о Вьетнаме, то там к концу эры правления под девизом «Светлая судьба» по-прежнему жили 15 миссионеров, служили более 150 священников-вьетнамцев и всего насчитывалось свыше 400 тысяч христиан-католиков, численность которых постоянно возрастала [1713.3, с.139].

Всего же Ватикан канонизировал и причислил к лику святых мучеников за веру 117 погибших во Вьетнаме за этот период времени человек¹.

2.4. Положение католических общин во Вьетнаме во время правления императора Предка наставника (1841 – 1847 гг.)

После смерти императора Совершенного предка ему наследовал родившийся 17-го июня 1807 г. старший сын Нгуен-фук Туен, который известен под посмертным именем «Предок наставник». Взойдя на престол, он провозгласил девиз правления «Преимущество правления»^{II}.

Во время правления этого императора гонения на христиан пошли на спад, положение в католических общинах стабилизировалось и они снова получили возможность развиваться. К концу его правления во Вьетнаме уже было не три, а шесть епархий. Следует отметить, что хотя Предок наставник и не питал особых симпатий к христианству, он и не

¹ Также смотри «Примечание 20» в «Комментарии» к «Главе 3» «Части I» «Томе III».

^{II} Смотри «Параграф 4» «Главы 3» «Части I» «Томе III», «Примечание 30» в «Комментарии» к этой главе и «Таблицу №2» в «Томе VI».

проявлял той жестокости, которая была характерна для его отца. Поэтому вьетнамцы-католики освобождались из заключения без исполнения ритуала «топтанья креста», при этом многие выпущенные из тюрем миссионеры получили от императора денежное вознаграждение. Так, Гали и Бернью получили по 1000 куанов денег, а Шарье – 200 куанов. Император также освободил смертников, отменив вынесенные им местными чиновниками приговоры [1066.1.1, с.416; 147.3, fol.485]. Так, епископ Дангчаунга Кено в своём докладе от 29-го ноября 1841 г. сообщал о следующем:

«По этой амнистии все заключённые, которые были сосланы, независимо от того, католики они или нет, возвращались в свои родные места. Таким образом, все сосланные в отдалённые районы верующие из нашей епархии возвращаются домой, а сосланные в нашу епархию верующие из епархии Дангнгоай – возвращаются к себе» [147.3, fol.484].

Во всём Вьетнаме осталось всего 9 приговорённых к смертной казни католиков, которые не были казнены, но и не вышли на свободу. Некоторые из них позднее умерли в заключении, других помиловали из-за преклонного возраста, остальные же – попали под объявленную при восшествии на престол следующего императора в начале 1848 г. амнистию. В то же время Предок наставник не отменил принятых его отцом законов против христианства, что давало возможность чиновникам на местах возобновить гонения в любой момент.

На самом деле, обстановка в стране требовала от всех христиан большой осторожности. Например, 5 миссионеров и 1 епископ были заключены под стражу, а затем отпущены на свободу, 2 священника-вьетнамца и 2 вьетнамца-католика были казнены, а ещё 1 вьетнамская христианка умерла в тюрьме¹¹. Многие миссионеры опасались того, что казни священников дадут начало новому периоду массовых гонений, но этого не произошло. Как написал епископ Эрмозилья 31-го декабря 1845 г., «Император “Преемствование правления” поступил очень жестоко по отношению к священнику Пьеру

Кханю, но до настоящего момента какой-либо направленный против христианства указ не был издан» [164, т. XXVI, с.385].

Одновременно с этим процесс развития католических общин и роста численности их населения требовал реформы епархий. С момента своего создания в начале XVII в. епархия Дангчаунг включала в себя все провинции к югу от реки Зянь, включая Камбоджу, епархия Западный Дангнгоай – все провинции к западу от реки Красной до реки Зянь, епархия Восточный Дангнгоай – к востоку от реки Красной до границы с Китаем. Такое крупное деление создавало значительные сложности для 1 – 2 епископов, которые управляли этими епархиями. Поэтому в сороковые годы XIX в. было принято решение об их делении.

В Дангчаунге с давних пор выделялись 6 провинций Намки, провинции от Биньтхуана до Куангнама и провинции от перевала Хайван до Куангбиня. Помимо этого к епархии были прикреплены Камбоджа и часть Лаоса. Помимо епископов Кено и Лефевра в 1841 г. в епархии Дангчаунг было 6 французских священников, некоторые из которых находились в тюрьме, а 1 сошёл с ума. Кроме того, там было 30 священников-вьетнамцев, из которых 7 работали в северных областях епархии, 8 – на юге, 8 – в центре и 1 при епископе, занимаясь переводами текстов на вьетнамский язык. Общее количество верующих христиан в епархии составляло 80 тысяч человек, из которых только триста католиков жили в Камбодже [147.3, fol.294].

В 1844 г. Ватикан разделил епархию Дангчаунг на Западный и Восточный Дангчаунг, а в 1850 г. Восточный Дангчаунг был разделён на Восточный и Северный Дангчаунг. В 1852 г. в Камбодже была создана самостоятельная епархии.

В епархию Западный Дангчаунг вошли провинции Донгнай, Зядинь, Диньтхонг, Лаунгхо, Анзянг и Хатиен¹ с общей численностью населения в 3,6 миллиона человек, из которых 23 тысячи были католиками. Её клир состоял из

¹ Современные Биенхоа, Хошимин, Митхо, Виньялаунг, Тяудок и Хатиен.

епископа Лефевра, европейских миссионеров Миша́, Дюкло и Фонтена, а также 16 священников-вьетнамцев. В докладе епископа от 29-го января 1849 г. приведены следующие данные по численности верующих в провинциях: Биенхоа – 8450, Зядинь – 3002, Диньтыонг – 1691, Виньлаунг – 6774, Анзянг – 5249 и Камбоджа – 250. Всего – 25416 верующих [147.4, fol.729; 881.2, т.2, с.155].

Епархия Восточный Дангчаунг включала провинции Биньтхуан, Кханьхоа, Фуиен, Биньдинь, Куангнгай, Куангнам, Тхыатхиен, Куангчи и часть провинции Куангбинь. В епархии находились 2 епископа – Кено и Пеллерен, 5 французских миссионеров – Шамезон, Гали, Лакруа, Соье и Дэгут, а также 21 священник-вьетнамец и 50733 верующих [147.4, fol.210v]. В 1850 г. все территории к северу от перевала Хайван до реки Зянь были объединены новую епархию.

Как известно, ещё с конца XVII в. Дангнгоае было две епархии. Епархия Западный Дангнгоай включала в себя современные епархии Ханой, Винь, Хынгхоа, Фатзием и Тханьхоа. В конце 1841 г. в этой епархии служили епископ Ретор и 6 французских миссионеров – Масон, Жантэ, Готье, Бернью, Шарье и Тэландье. Двое последних в то время находились в тюрьме. Кроме того, там было 86 священников-вьетнамцев, из которых 41 были рукоположены ещё в эпоху Старшего предка, 42 – во время правления Совершенного предка и 3 – самим Ретором в декабре 1841 г. Общее число верующих в епархии составляло 171 тысячу человек [147.3, fol.462, fol.463, fol.463v]. В 1846 г. часть Западного Дангнгоая была выделена в епархию Южный Дангнгоай. В Западном Дангнгоае остались епископы Ретор и Жантэ, французские священники Шарье, Тито, Кастэкс и Легран плюс 60 священников-вьетнамцев. Численность верующих составила там 120220 человек. Епархию Южный Дангнгоай возглавил епископ Готье, которому помогали 4 французских священника (Масон, Симонан, Тэландье и Барлье) и 30 священников-вьетнамцев. Общая численность верующих составляла 64 тысячи человек [94.8, с.166, 266].

1. Часовня Святого Сердца в Фатиме;
2. Главный храм Фатиме, общий вид.
Открытки из коллекции О.В.Новаковой

Епархия Восточный Дангнгоай включала в себя современные епархии Хайфон, Буйтю, Бакнинь, Тхайбинь и Лангшон. Во главе епархии находился епископ Эрмозилья, а его заместителем был Химено, который через некоторое время был отозван в Манилу. Новым заместителем стал миссионер Марти. Как уже отмечалось, к концу 1840 г. в Восточном Дангнгоае оставлось всего лишь 3 испанских священника-доминиканца, поэтому позднее в епархию прислали ещё 9 миссионеров-доминиканцев. Кроме того, в правление Предка наставника в Восточном Дангнгоае работали 43 священника-вьетнамца, из которых 5 были рукоположены в правление Старшего предка, 28 – в правление Совершенного предка и лишь 10 – в правление Предка наставника. Так что половина священников-вьетнамцев были уже преклонного возраста [1066.1, с.741 – 743].

В 1848 г. из епархии Восточный Дангнгоай была выделена епархия Центральный Дангнгоай. После раздела в первой остались территории современных епархий Хайфон, Бакнинь и Лангшон. При населении в 10 миллионов человек численность верующих в этой епархии составляла всего 45 тысяч католиков [1066.1, с.502, 503]. В епархию Центральный Дангнгоай вошли территории современных епархий Буйтю и Тхайбинь. На тот момент там были 2 епископа, 4 испанских и 14 вьетнамских священников, которые были монахами Ордена доминиканцев, и 20 простых священников-вьетнамцев. Всего в епархии было 556 приходов и 145553 верующих [1329.1, с.71].

Также следует отметить, что в правления Предка наставника произошло увеличение количества совершаемых церковных таинств. Так, если говорить о конфирмации, то в 1840 г. в Дангчаунге было проведено лишь 40 обрядов, а в 1843 г. – 847; в Западном Дангнгоае в 1839 г. был проведен 71 обряд, а в 1843 г. – 1068; наконец, в Восточном Дангнгоае в 1838 г. не было проведено ни одного обряда, а в 1843 г. – 6928. То же самое можно сказать и об исповеди. Например, при числе верующих в 80 тысяч человек в 1843 г. в Дангчаунге зарегистрирована 51 тысяча исповедей, в Западном Дангнгоае

при числе верующих в 180 тысяч человек – 181418 исповедей в 1844 г. и 226413 исповедей в 1845 г.¹, наконец, в Восточном Дангнгоае в 1843 году была совершена 121591 исповедь при общем числе верующих в 160 тысяч человек [94.9, с.346, 347, 358, 359; 147.3, fol.498v, fol.463, fol.991; 1066.1, с.481]. При этом, по данным на 1843 г., из 51011 исповедников Дангчаунга причастились 35170, из 167586 Западного Дангнгоая – 104232 и из 121591 Восточного Дангнгоая – 110558.

Аналогичная ситуация прослеживается и с крещением. Так, в Дангчаунге в 1840 г. крестились 78, а в 1845 г. – 311; в Западном Дангнгоае в 1840 г. – 128 человек, а в 1844 г. – 1308; в Восточном Дангнгоае в 1840 г. – 78, а в 1845 г. – 1126 человек [94.10, с.185, 189; 147.3, fol.215; 1329.1, с.68].

Таким образом, подводя итоги правлению императора Предка наставника, можно отметить, что при нём вьетнамские католики и иностранные миссионеры получили гораздо большую свободу, а гонения на христиан почти прекратились. Это сразу же отразилось как на количестве церковных таинств, так и на активизации духовной жизни христианских общин. Например, в наиболее быстро развивавшихся в то время епархиях Тонкина произошёл десятикратный рост количества совершенных крещений, что свидетельствует об увеличении общей численности принявших католицизм вьетнамцев.

2.5. Положение католических общин во Вьетнаме во время правления императора Поддерживающего род (1847 – 1883 гг.)¹¹

Правление императора Поддерживающего род началось очень благоприятно для католиков Вьетнама. Молодой император провел амнистию и выпустил на свободу всех

¹ В 1844 г. – 167586 взрослых и 13832 детей, в 1845 г. – 210531 взрослых и 15882 детей.

¹¹ Нгуен-фук Тхи, девиз правления «Наследованная добродетель», полное посмертное имя Поддерживающий род император Выдающийся. См. «Параграф 4» «Главы 3» и «Главу 4» «Части I» «Томе III» и «Таблицу №2» в «Томе VI».

христиан, содержащихся в тюрьмах. Но всего год спустя, в 1848 г., император издал указ, вновь запрещающий христианство на том основании, что католики не исполняют обряд культа предков и что их религия не более чем опасное суеверие. Этот указ поставил европейских миссионеров в очень тяжёлое положение, поскольку император повелел их бросать в море с камнем на шее. Вьетнамские священники подлежали аресту и судебному разбирательству. Тому, кто не хотел отказываться от веры, ставили на щеках клеймо 道邪¹, после чего его ссылали в отдалённые районы.

Рядовые вьетнамцы-католики не подвергались столь сильным гонениям, так как предполагалось, что они всего лишь заблуждаются. Поэтому их не осуждали на смертную казнь, но того, кто не отрекался от веры, тоже подвергали суровому наказанию.

21-го марта 1851 г. император Нгуен-фук Тхи издал очередной указ с новыми обвинениями миссионеров в том, что они своими молитвами о рае и о царствии Божьем призывают рядовых христиан идти на смерть во имя веры. Теперь к смертной казни приговаривались не только миссионеры, но и вьетнамские священники, а также те, кто укрывал у себя иностранцев. Невзирая на возраст, приговорённых разрубали на две части и бросали в реку.

В 1885 г., сочтя, что христиане явно симпатизировали восстанию сторонников династии Ле, император особым указом приказал приговаривать миссионеров и священников-вьетнамцев к обезглавливанию. Их головы должны были выставляться на всеобщее обозрение в течение трёх дней, а затем выбрасываться в реку. По тому же указу церкви и общинные дома католиков должны были сжигаться, при этом любые собрания христиан запрещались. Указ завершался повелением «использовать все средства, для того чтобы

¹ То есть «Ложный Путь», или *ложное учение* (вьет. *ta dao, tà đạo*; кит. *се дао*). Это понятие условно можно обозначить на русском языке термином «ересь».

уничтожить еретиков» [1116.1, с.518]. Следует отметить, что в борьбе с христианством Нгуен-фук Тхи также использовал и идейное наследие своего деда. Так, для большей доступности он лично перевёл на вьетнамскую иероглифическую письменность «ном» уже упоминавшийся ранее трактат о 10 конфуцианских правилах поведения, который был написан Совершенным предком на «ханвьете».

Приход к власти Наполеона III ознаменовался ростом интереса Франции к Юго-Восточной Азии, куда в 1856 г. была направлена миссия Монтиньи с задачей установить торговые отношения с рядом стран этого региона. При этом в послании к вьетнамскому императору, помимо предложения о торговле имелось требование о прекращении гонений на христиан. Однако Поддерживающий род не пожелал вести переговоры с прибывшими с Запада иностранцами. Тогда раздосадованный Монтиньи решил продемонстрировать мощь французского флота и приказал открыть огонь по Данангу. После этого он отправил письмо с угрозами в адрес императора, призывая его прекратить преследования христиан. Однако этот шаг лишь усилил ненависть Нгуен-фук Тхи к католикам, которые обвинялись в пособничестве врагу. Масла в огонь подлил и епископ Франсуа Пелерен, призывавший Францию подписать договор с Вьетнамом об учреждении консульства и открытии портов для иностранцев. В этом же году Пеллерен отправился во Францию. Он дважды был на аудиенции у Наполеона III, который, одобрив предложения епископа, поручил адмиралу Риго де Женуи готовить военную операцию против Вьетнама. В связи с этим следует отметить, что в оправдание вторжения во Вьетнам в середине XIX в. французские власти нередко ссылались на необходимость защиты католической церкви и миссионеров, которые жили в условиях постоянной угрозы физического уничтожения.

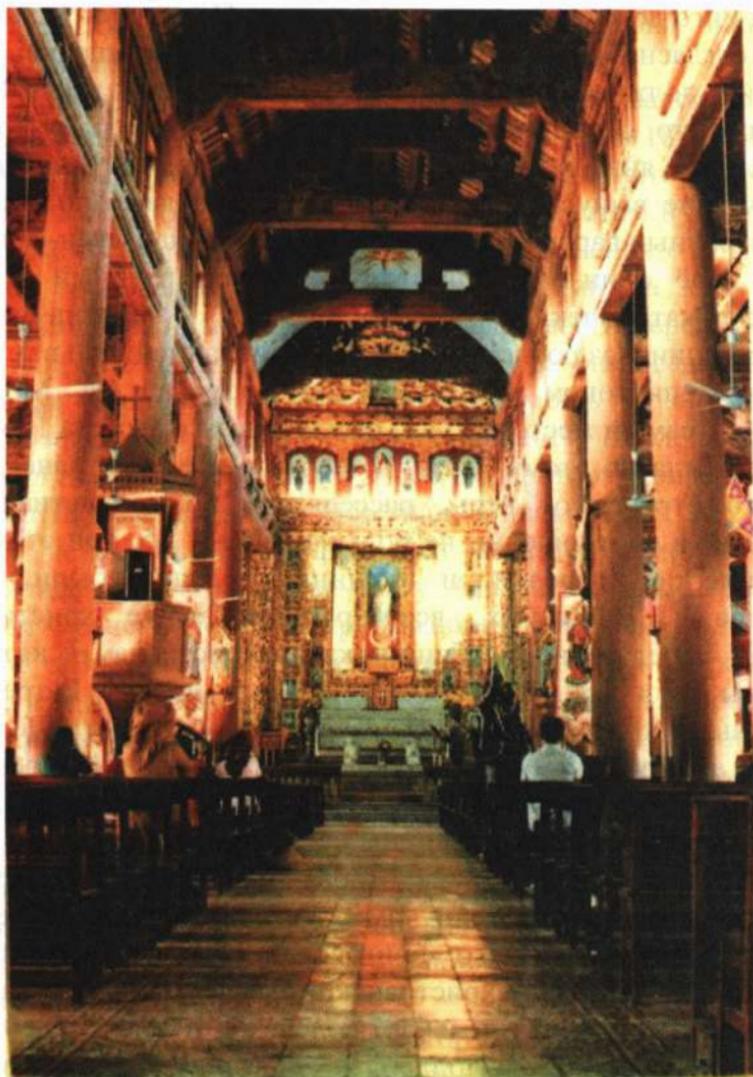
6-го июня 1857 г. император Поддерживающий род издал указ, в котором говорилось, что 40% населения – христиане и что если не будут приняты суровые меры, то «эпидемия ложного учения» распространится по всей стране.

Поэтому христиане должны проводить свадьбы и похороны, соблюдая традиционные обряды, поклоняться духам и отправлять культ предков. В противном случае их щёки должны были клеймиться иероглифами «Ложный Путь». Затем, 15-го декабря 1859 г., уже после удара по Данангу флота Риго де Женуи и его ухода на юг Нгуен-фук Тхи издал указ, согласно которому книжники-католики лишались всех званий и должностей и должны были отречься от веры. Те же из них, кто отказывался это сделать, подлежали смертной казни. 17-го января 1860 г. император опубликовал заявление о том, что не выпустит на свободу христиан даже по просьбе «иностранных варваров». В июле этого же года Нгуен-фук Тхи издал ещё один указ, на этот раз направленный против монашек-католичек, в первую очередь – против сестёр Конгрегации Возлюбленные Креста, основанной ещё в XVII в. первым епископом Вьетнама Ламбером де ла Моттом. Наконец, самый жестокий указ был издан 5-го августа 1861 г.

Согласно этому указу, во-первых, все христиане, даже те, кто отрёкся от веры, расселялись по нехристианским деревням в соотношении не большем чем 1 : 5, при этом все католические деревни и общины должны были быть разрушены. Во-вторых, все принадлежавшие христианам земли передавались общинникам-нехристианам, которые должны были их возделывать и платить налоги. В-третьих, одна щека христианина клеймилась иероглифами «Ложный Путь», а на другой – писались названия его родной деревни и провинции, что позволяло легко идентифицировать любого сосланного на поселение католика.

В результате, будучи оторванными от родни, дети и взрослые католики, если им даже удавалось избежать официального смертного приговора, попадали в активно враждебную среду нехристианского населения и зачастую погибали. По приблизительным подсчётам в 1848 – 1860 гг. в правление императора Поддерживающего род были казнены 25 миссионеров, 300 священников-вьетнамцев и 30 тысяч рядовых католиков [1116.], с.524]. Однако даже при таком

методическом уничтожении вьетнамской католической церкви, а также физическом истреблении иностранных миссионеров, клира и простых верующих, в каждой епархии Вьетнама ситуация складывалась по-разному. В целом же она выглядела следующим образом.

Служба в соборе Фатзиема.
Открытка из коллекции О.В.Новаковой

Начиная с июня 1858 г. епископ Западного Дангнгоая Ретор был вынужден скрываться в лесу, где полная лишений и тяжестей жизнь привела его к быстрой кончине. Епископ умер и был похоронен 22 октября 1858 г. Его преемником стал Жантэ, который назначил своим помощником миссионера Фереля, рукоположенного в епископы 6-го марта 1859 г. В Западном Дангнгоае помимо 2 епископов ещё находились 7 французских миссионеров. Но в середине августа 1859 г. миссионер Гали отбыл в Гонконг, откуда направился в Сайгон и больше в Дангнгоае не появлялся. Об остальных миссионерах известно, что Тито умер от истощения 28-го января 1860 г., Нерона схватили 5-го августа и 3-го ноября 1860 г. обезглавили в Шонтэ, Теофана Венара схватили 30-го ноября 1860 г. и 2-го февраля 1861 г. обезглавили в Ханое¹², Шарбонье и Матевон пытались найти защиту в Дананге, но смогли до него добраться лишь 31-го марта 1861 г., то есть спустя 8 дней после того, как французский флот покинул порт. На обратном пути в Дангнгоай они были схвачены в Кыабанге, затем содержались под стражей в Тханьхоа, а после заключения мирного договора 1862 г. они были отпущены на свободу и уехали в Сайгон. В Западном Дангнгоае остались лишь вынужденные скрываться епископы Жантэ и Ферель вместе с миссионером Сэже, которые не имели никакой возможности заниматься религиозной деятельностью.

Не лучше складывалась ситуация и в епархии Южный Дангнгоай. В сентябре 1858 г. епископ Готье и помогавший ему миссионер ушли вместе с французской армией. Затем их примеру последовали миссионеры Марк и Крок. В результате, в Южном Дангнгоае остались лишь миссионеры Перье и Барлье, который вскоре уехал в Западный Дангнгоай. Таким образом, на протяжении всех четырёх лет сильных гонений в епархии Южный Дангнгоай находился только вынужденный скрываться Перье. Следует отметить и то, что $\frac{2}{3}$ священников-вьетнамцев погибли либо от гонений, либо от болезней.

По состоянию на сентябрь 1858 г. в находившихся под контролем миссионеров-доминиканцев епархиях Центральный

и Восточный Дангнгоай служили 3 епископа и 11 испанских священников. После долгого путешествия морем миссионеры Антонио Корнехо и Хосе Каррера добрались 22-го октября 1858 г. до Дананга. Ещё двум испанским священникам – Сальвадору Массо и Мануэлю Эстевесу также удалось добраться до Дананга в декабре 1858 г. 21-го декабря 1858 г. заместитель епископа Восточного Дангнгоая Альказар вместе со священниками Доминго Муньосом, Антонио Коломером и Хуаном Ачуррой бежали в Макао. В итоге к началу 1859 г. в епархии Восточный Дангнгоай оставались лишь епископ Эрмозилья и священники Альмато и Фернандес, а в епархии Центральный Дангнгоай – епископ Берриочоа и миссионер Риано. Как уже говорилось, в октябре 1861 г. епископы Эрмозилья и Берриочоа вместе с миссионером Альмато были схвачены и казнены 1-го ноября 1861 г. В живых остались лишь Риано и Фернандес. Кроме того, в этих двух епархиях оставались 23 священника-вьетнамца из Ордена доминиканцев и 20 мирских священников [1066.1, с.575 – 578, 608].

Главой епархии Северный Дангчаунг до своей кончины на острове Пинанг 13-го сентября 1862 г. формально оставался епископ Пеллерен, который так и не смог вернуться в Дангчаунг. Поэтому всеми делами епархии занимался его заместитель епископ Гадар. Вместе с ним в епархии находился только французский миссионер Шуле, который был тяжело болен и прикован к постели. Единственный в этой епархии священник-вьетнамец Зеан Хоан был схвачен 3-го января и казнён 26-го мая 1861 г. вместе с прятавшим его в своём доме католиком Матье Фьонгом.

В епархии Восточный Дангчаунг таких гонений на христиан не было. Её глава епископ Кено жил в относительной безопасности в провинции Ниньбинь, при этом французские миссионеры продолжали свою деятельность в предгорных районах, где обитали национальные меньшинства. Чиновники в эти места почти не заглядывали, поэтому миссионерам было нечего опасаться. Тем не менее 29-го октября 1861 г. епископ Кено всё же был схвачен. Он умер из-за дизентерии в тюрьме

14-го ноября того же года. В 1858, 1859 и 1860 гг. также казнили ещё 3 священников-вьетнамцев [94.11, с.294 – 297].

Наконец, до захвата Сайгона французами в епархии Западный Дангчаунг оставались епископ Лефевр вместе с французскими миссионерами Борелем и Перно. Все они присоединились к наступавшей на город французской армии. В результате, ни один иностранный миссионер не пострадал. В то же время священники-вьетнамцы, которых было человек 9, подверглись гонениям, при этом 3 из них были казнены¹.

Таким образом, за 4 года гонений с момента нападения на Дананг и до подписания мирного договора в 1862 г. было казнено 150 священников-вьетнамцев, или $\frac{1}{3}$ вьетнамского духовенства. Кроме того, власти разрушили 28 женских монастырей и закрыли все духовные семинарии, при этом многих учащихся и преподавателей арестовали, всего – более 10 тысяч человек. При этом больше половины из брошенных в тюрьму известных католиков были казнены. Даже в момент подписания мирного договора большое количество христиан умерло в Тонкине от голода, так как чиновникам было не до них и им не приносили еды в течение почти двух недель. Как уже отмечалось, по всей стране были рассеяны более 300 тысяч католиков. Мужей ссылали в одни провинции, жён – в другие, а детей отправляли в ссылку с одним из родителей.

Согласно источникам, 40 тысяч из них по различным причинам умерли, а выжившие лишились всего имущества и родного дома [881.2, т.2, с.295].

Однако после подписания мирного договора в 1862 г. император Поддерживающий род был вынужден выполнить ряд требований французской стороны. В конце 1862 г. он объявил амнистию, по которой взрослые мужчины, женщины и дети выпускались из тюрем независимо от того, отреклись они от веры или нет. Все искренне отрекшиеся от веры чиновники-католики подлежали освобождению, тогда как остальные чиновники и молодые люди должны были

¹ Поль Ле Ван Лок, Пьер Доан Конг Кюи и Пьер Нгуен Ван Лыу.

содержаться под стражей до момента отречения. Однако если они были родом из полностью христианской деревни, их не освобождали даже в этом случае.

Христианам также возвращались конфискованные ранее земли. Все эти пункты амнистии фактически были взяты из текста мирного договора 1862 г., в котором они предварялись общим провозглашением свободы исповедания христианства во Вьетнаме.

Часовня Святого Руха. Фатзием.

Открытка из коллекции О.В.Новаковой

После захвата Францией трёх восточных провинций Кохинхины и подписания договора 1862 г. обстановка в стране, особенно в Кохинхине, стала более благоприятной для миссионеров и вьетнамских католиков. Именно там на юге в то время появились такие люди, как Петрус Ки, который, как отмечалось, отстаивал необходимость франко-вьетнамского сотрудничества для модернизации Вьетнама¹. Однако после

¹ См. иллюстрацию 43 в «Томе VI» и «Параграф 2.3» «Главы 4» «Части I» «Томы III».

захвата французами трёх южных провинций Кохинхины в 1868 г. произошёл новый резкий всплеск гонений на христиан. При этом в первую очередь пострадали католики-вьетнамцы, или «внутренние французы», как их называли представители традиционной вьетнамской элиты.

Наконец, 15-го марта 1874 г., после заключения Сайгонского договора, в котором оговаривались условия присутствия Франции в Северном и Центральном Вьетнаме, император Поддерживающий род вынужден был издать указ о религиозной толерантности. Указом запрещалось любое преследование христиан, которым гарантировалась свобода вероисповедания, отменялись ограничения на количество собирающихся в одном храме католиков, христианам возвращалась конфискованная собственность, им также гарантировалось равноправие с нехристианами при устройстве на работу, а иностранным миссионерам разрешалось брать в аренду земли для строительства храмов, школ и приютов.

Безусловно, преследования и убийства вьетнамских католиков продолжались вплоть до конца XIX в. и даже позднее. Однако они уже были связаны не с официальной политикой вьетнамского императорского двора, а с борьбой традиционной элиты и значительной части населения страны против французской колонизации¹.

Таким образом, следует подчеркнуть, что, несмотря на жестокие гонения I-ой половины XIX в., вьетнамская католическая церковь не только смогла выстоять, но и продолжила успешно развиваться, совершенствуя структуру старых епархий и создавая новые епархии, что привело к постепенному росту численности священников-вьетнамцев.

Представляется, что основной причиной такой «живучести» стали следующие объективные факторы. Во-первых, это меридиональная протяжённость территории Вьетнама, которая позволяла христианам выживать и скрытно передвигаться по стране. Во-вторых, это протяжённость

¹ Смотри «Параграф 2» «Главы 4» «Части I» «Том III».

изрезанной бухтами береговой линии, которая не позволила властям полностью реализовать политику «закрытия» страны, как это было сделано в островной Японии. Наконец, в-третьих, это характерная для вьетнамского общества XVII – XIX вв. коррупция, которая привела к тому, что если не появлялся связанный с началом очередной кампании гонений императорский указ, местные чиновники не спешили преследовать находившихся на подчинённой им территории иностранных миссионеров и вьетнамских католиков¹³.

3. Католическая церковь в эпоху Индокитайского союза и во время раздела страны по 17-ой параллели на Демократическую Республику Вьетнам и Республику Вьетнам

Проблема взаимоотношения французских военных и колониальных властей с Иностранными миссиями в Париже и вьетнамской католической церковью в период завоевания и в колониальный период представляет собой отдельную сложную и малоизученную тему, которая ещё ждёт своего исследования. Известны, например, многие разногласия и недоразумения между этими двумя силами не только в период завоевания Вьетнама, но и значительно позже, в период мирного времени. Например, ещё при завоевании Кохинхины адмирал Риго де Женуи предъявлял претензии французским епископам по поводу того, что вьетнамские католики не выступили в массовом порядке с поддержкой французских военных отрядов при их захвате Кохинхины. Отстранённое отношение французских колониальных властей к истреблению католиков в Аннаме, их неспособность или даже нежелание защитить католические общины Тонкина были очевидны. Противостояние между колониальными властями и миссионерами иногда доходило даже до прямых конфликтов. Причиной тому было разное видение обеими сторонами целей и задач французского присутствия в такой стране, как Вьетнам, который был единственной страной на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, где удалось создать до

колониального завоевания относительно процветающую христианскую церковь. Естественно, французские епископы считали это своей заслугой и стремились при любом удобном случае указать на неё представителям колониальных властей, которые, как правило, были приверженцами антиклерикальной политики метрополии.

Поэтому в 1887 – 1897 гг. вьетнамские католические общины зачастую были вынуждены братья за оружие для защиты своих домов и семей. В это «смутное время» иностранным миссионерам и вьетнамским священникам не менее редко приходилось решать задачи экономического управления христианскими общинами. Они приобретали земельные участки, распределяли имущество, предоставляли деньги в долг и занимались многими другими хозяйственными вопросами [1102, с.216, 217]. Эта деятельность миссионеров и священников приводила к упорядочению социальной ситуации и реальному повышению материального уровня жизни членов христианских общин, что вызывало нешуточную зависть у остального населения. Следствием этого стали периодические погромы и нападения на христианские общины.

Вместе с тем вынужденные заниматься со 2-ой половины XIX в. всеми аспектами жизни католических общин Тонкина вьетнамские священники, стали, с точки зрения крестьян, единственными легитимными руководителями этих общин. Именно поэтому давление священников Северного Вьетнама на своих прихожан и стало главной причиной ухода основной массы католического населения ДРВ в Республику Вьетнам после заключения Женевских соглашений 1954 г. Иное дело католики Кохинхины, где уже после 1862 г. христианство спокойно развивалось. Для них священники были просто духовными пастырями, не имевшими отношения к экономическим и тем более политическим проблемам.

Как отмечалось ещё в начале этой главы, вьетнамские католические общины находились в основном на побережье. К середине XIX в. численность их жителей составляла от 1% до 1,5% населения Вьетнама, или около 8 миллионов человек.

Статуя Девы Марии. Собор Сайгонской Богоматери.
Хошимин, 13.04.2011 г.

Постепенно община (состоявший из нескольких общин приход) становилась основным центром духовно-религиозной и социально-экономической жизни католиков. Если не считать большей изолированности и автономности она строилась по образцу традиционной общины. Так, роль общинного дома в ней выполняли костёл либо часовня, где все общинники-католики собирались по воскресеньям. Как в обычной общине там имелись культовые земли, тогда как отмечавшиеся различные христианские празднества должны были по замыслу миссионеров привести традиционный календарь общины в соответствие с христианским. Например, праздник Святого покровителя общины, или прихода, был призван заменить культ духа-покровителя общины, а праздник почитания достигших чистилища душ – церемониал отправления культа предков. Одновременно с этим отмечались и такие традиционные праздники, как самый популярный и любимый во Вьетнаме праздник Нового года по лунному календарю. При этом в его празднование включались в качестве атрибута христианские символы. Во время всех этих праздников по давнему обычаю устраивали фейерверки и собирались за общими столами. Такая стратегия миссионеров, как отмечалось ранее, известна под названием «политики культурной адаптации». Она стала основной причиной того, что христианство¹ смогло в значительной степени повлиять не только на принявшие новую веру, но и на другие социальные группы и слои вьетнамского общества.

Всего к моменту создания Индокитайского союза во Вьетнаме существовали 10 следующих епархий, многие из которых не раз упоминались при изложении материала данной главы. В порядке хронологии учреждения – это епархии Хайфон (1678 г.), Ханой (1679 г.), Западный Дангчаунг (решение Ватикана, 1844 г.), Восточный Дангчаунг (решение Ватикана, 1844 г.), Кюиньон (1844 г.), Винь (1846 г.), Буйтю

¹* Скорее, здесь следует говорить о «христианстве», как о составной части европейской, прежде всего французской, культуры.

(1848 г.), Северный Дангчаунг (1850 г.), Хюе (1850 г.), отделение Камбоджи от Западного Дангчаунга (1852 г.), Бакнинь (1883 г.) и Хынгхоа (1895 г.)¹⁴.

Безусловно, особенности и нюансы внутреннего развития вьетнамской католической церкви с момента создания французского Индокитайского союза представляют большой интерес. В то же время они имеют достаточно частный характер и выходят за рамки такой обобщающей работы, как «Полная академическая история Вьетнама», а потому должны являться объектом специального исследования по указанной теме¹⁵. В противоположность этому участие вьетнамских католиков в политической и общественной жизни страны, особенно до 1975 г. в Южном Вьетнаме, представляет значительный интерес. Однако поскольку это не чисто церковная проблема, то о ней идёт речь в посвящённых политической истории Вьетнама указанного периода главах настоящего тома¹⁶. Что же касается сведений о современной организационной структуре католической церкви в СРВ, а также о данных по таким важным аспектам, как, например, численность вьетнамских католиков или их распределение по епархиям, то о них речь идёт в «Главе 2» «Части III» следующего тома.

В заключение настоящей главы представляется необходимым остановиться ещё на одной специфической особенности вьетнамской католической церкви, во многом предопределившей её развитие с момента зарождения и до настоящего времени.

4. Роль и место монашеского ордена во вьетнамской католической церкви

Совершенно особую роль в распространении и восприятии христианства во Вьетнаме сыграли монашеские ордена, деятельность которых до сих пор остаётся наименее изученной¹. С одной стороны, члены различных орденов

¹ В первую очередь это относится к женским орденам.

личным примером способствовали укреплению позиций христианства во Вьетнаме, с другой – они принимали активное участие в общественно-политической жизни страны¹⁷.

Начальный этап распространения христианства в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, в том числе во Вьетнаме, неразрывно связан с деятельностью наиболее известных религиозных монашествующих орденов. Так, доминиканцы, францисканцы и августинцы появились в этом регионе с началом эпохи Великих географических открытий в 1-ой половине XVI в. Однако их посещения стран Юго-Восточной Азии носили, скорее, ознакомительный характер и практически не приводили к обращению в христианство местного населения. Члены этих орденов в то время не имели ни тактики, ни метода ведения проповеди в чужеродной среде. Также они не были знакомы со странами этого региона и не знали их языков и обычаев. В начале этой главы уже отмечалось, что ситуация стала меняться лишь с выдвиганием на передний план созданного в 1534 г. Ордена иезуитов. Однако кардинальные изменения начались лишь со 2-ой половины XVII в., когда 9-го сентября 1659 г. Римский папа подписал буллу об официальном создании во Вьетнаме епархий в Дангчаунге и в Дангнгоае с назначением туда первых двух епископов. Тем самым было положено начало созданию вьетнамской католической церкви, поскольку, согласно канонам Ватикана, лишь являющийся центральной фигурой епископ имеет право рукополагать в священнический сан. После этого зоны распространения монашеских орденов во Вьетнаме обозначились довольно чётко.

Со 2-ой половины XVII в. во Вьетнаме начали действовать доминиканцы и францисканцы, к которым несколько позднее присоединились быстро выдвинувшиеся на передний план иезуиты, в основном – португальцы. Однако к концу XVII – началу XVIII в. в результате сложных интриг и конфликтов при Папском дворе иезуиты были вынуждены уйти из Вьетнама. Их место заняли французские миссионеры из созданных в 1660 г. Иностранных миссий в Париже. К

началу же XIX в. расклад сил между монашескими орденами уже окончательно определился.

Как уже неоднократно отмечалось, епархия Восточный Дангнгоай, включавшая горные и часть низменных территорий Северного Вьетнама, находилась в ведении испанских миссионеров-доминиканцев. Так, по просьбе первого епископа Иностранной миссии в Париже Ламбера де ла Мотта, который обратился в семидесятые годы XVII в. за помощью в Манилу, из провинции Сен-Розар на Филиппинских островах в Тонкин прибыли 3 монаха-доминиканца. Им был выделен отдельный уезд с резиденцией в Чунглине [94.12, т.679, с.249; 881.3, с.203]. В предыдущих параграфах уже неоднократно говорилось о количестве и судьбе как испанских и вьетнамских монахов-доминиканцев, так и простых священников-вьетнамцев в различные годы XIX в. Поэтому здесь следует лишь отметить, что монахи Ордена доминиканцев успешно действовали в отведённой им епархии на протяжении всего колониального периода. Благодаря этому они пользовались большим уважением и авторитетом у своей паствы, что вызывало крайнее раздражение у французских колониальных властей в двадцатые – тридцатые годы XX в.

В ведении монахов Ордена францисканцев находились южные провинции Центрального Вьетнама. Как известно, их деятельность вызвала полное неприятие у французских миссионеров. Наилучшим доказательством тому является уже цитировавшееся ранее в «Параграфе 2.1» послание епископа Лабартета. Большая часть действовавших в XIX в. во Вьетнаме миссионеров-францисканцев была представлена монахами испанской части Ордена францисканцев, центр которого в данном регионе находился в Маниле. Следует напомнить, что по внутренним причинам Испания оказывала ордену очень слабую поддержку. По этой причине в начале XIX в. в Южном Вьетнаме было лишь 3 миссионера-францисканца – 2 испанца и 1 итальянец [881.1, с.408]¹.

¹ Смотри иллюстрацию 7 в «Томе III».

Помимо этих европейских религиозных орденов во Вьетнаме появились «свои собственные» монашествующие организации, которые создавались назначенными Римским папой и не зависевшими от системы португальского патроната первыми епископами – апостолическими викариями.

Речь идёт о созданной епископом Ламбером де ла Моттом религиозной ассоциации женщин-монахинь. Ещё в 1667 г. миссионер Иностраннных миссий в Париже Дейдье писал епископу Франсуа Паллю о зарождении подобной организации в Тонкине. Ламбер де ла Мотт объединил всех желавших сохранить целомудрие девушек в Конгрегацию Возлюбленные Креста как в Тонкине, так и в Кохинхине. В ассоциации действовали строгие правила. Её члены должны были вставать в 4 и трудиться до 21.30, есть разрешалось два раза в день, мясную пищу – только на праздники Рождества, Пасхи и Троицы. Главными занятиями были обучение молодых девушек, забота о больных женщинах, крещение смертельно больных детей и помощь девушкам, ведущим греховную жизнь [94.12, т.627, с.209; 881.3, с.101]. С момента основания Конгрегация Возлюбленные Креста пользовалась большой популярностью и в Тонкине, и в Кохинхине. В желающих в неё вступить недостатка не было. Благодаря полной трудов жизни и заботе о ближних, особенно о больных проказой, члены ассоциации быстро завоевали уважение даже среди нехристиан, при этом сама конгрегация стала весьма многочисленной. Также следует подчеркнуть, что она до сих пор оказывает помощь всем нуждающимся в СРВ.

За время своего существования вьетнамская католическая община выработала три основных формы монастырской организации – монашеский орден, монастырь-сообщество (ассоциация) и общества по распространению христианского вероучения. Как известно, монашеский орден предписывает своим членам, особенно в женском монастыре, жизнь по строго принятым нормам. Кроме того, в монастырях существуют специальные монашеские уставы и личные обеты. Однако в настоящее время появились выходящие за рамки

устава виды деятельности, в которых монахам и, главное, монахиням разрешено принимать участие. Это различные виды общественно полезных работ, обучение детей, помощь продуктами питания, в первую очередь детям, помощь бедным слоям населения, что стало особенно актуальным в связи с начавшимся имущественным расслоением вьетнамского общества, а также создание благоприятных условий для распространения христианского учения.

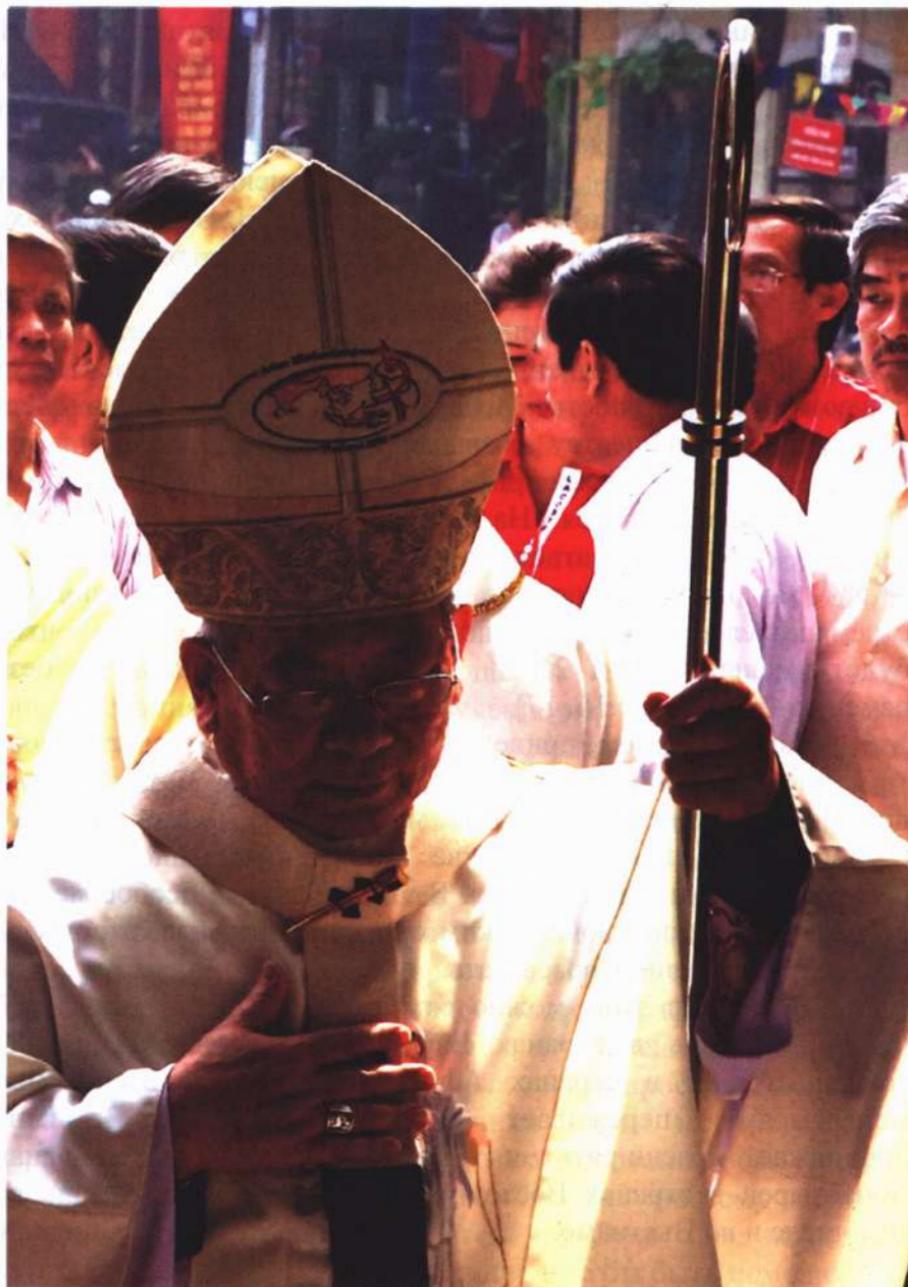
Изменение устава и основных правил жизни женских монастырей следует связывать с известными решениями, принятыми на II Ватиканском соборе¹. Во Вьетнаме эти решения легли в основу обращения Совета епископов Вьетнама ко всем католикам, которое завершается 15-ой строфой «Главы 16» «Евангелия от Марка» – «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» [50.1].

Таким образом, первоначальный этап распространения христианства, как и процесс становления католической церкви во Вьетнаме, прямо связан с деятельностью миссионеров из наиболее известных европейских монашеских орденов. Кроме этих орденов существуют и собственно вьетнамские монашеские ордена, например, Орден Господа Спасителя, Орден Господа Вседержителя и упоминавшаяся Конгрегация Возлюбленные Креста.

Во Вьетнаме имеются и другие, в основном женские, новые религиозные монашеские ордена, такие как, например, Орден Справедливой Богоматери, Орден Богоматери, заботящейся о детях-сиротах и Орден Богоматери-проповедницы [516.1, с.22].

В настоящее время в Социалистической Республике Вьетнам существует более 86 религиозных орденов, в том числе 51 – женские, из которых 35 – иностранные, в основном западноевропейские. При этом, по данным на конец 2008 г., всего во Вьетнаме насчитывалось 2100 монахов и 15051 монахиня [58.1].

¹ 1962 – 1965 гг.

Архиепископ Ханойский Пьер Нгуен Ван Ньон.
Ханой, 19.04.2011 г.

По инициативе одной из организаций Ватикана среди членов кружка «Молодые друзья – католики и нация» был проведён социологический опрос по проблеме: «Как вы относитесь к выбору жизни монаха?». Опрашивались молодые люди от 18 до 30 лет в южновьетнамских провинциях Донгнай, Дарлак, Кантхо и в г.Хошимине. Из опрошенных 71% ответил, что монашеские ордена – это благородное явление, представляющее собой в современном обществе высокую нравственную ценность; 33% – что они полностью устарели; 62% – что жизнь монаха прибавляет современному обществу гармоничность; 34,1% – что жизнь монаха придаёт современному обществу возвышенные черты; 0,3% – что монашеский образ жизни придает современному вьетнамскому обществу черты застоя. На вопрос же о том, как, по их мнению, будет развиваться «приход к религии» во Вьетнаме, 31,5% молодых вьетнамцев ответили, что число людей, стремящихся принять религию, будет возрастать, 2,9% – что будет уменьшаться и 21,2% – что ситуация останется без изменений [1713.4, с.16, 17].

Таким образом, приведённые факты свидетельствуют о том, что являющийся центром католицизма Ватикан по-прежнему стремится сохранить монашеские ордена во всех регионах мира в качестве основного инструмента распространения христианства. В этой политике особое место отводится женским монашеским орденам, престиж которых в обществе будет лишь возрастать.

В связи с этим можно отметить, что в то время как число монахинь в странах Европы и Северной Америки сокращается, а в странах Африки ситуация с женскими монастырями переживает глубокий кризис, Ватикан продолжает расширять и укреплять развитие женских монастырей в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, в том числе и во Вьетнаме.

Глава 3

Традиционные и новые вьетнамские религии. Европейское образование, наука и культура во Вьетнаме

Заголовок данной главы не ограничен временными рамками, как это сделано в заголовках других глав, и это не случайно. Представляется, что если в многотомной полной истории какого-либо общества разнести описание истории его единых многовековых религиозно-идеологических учений по разным томам, то из-за больших разрывов в повествовании общая картина их становления и развития на протяжении веков окажется малопонятной для не являющегося специалистом по данной проблематике читателя. Чтобы избежать указанного «недопонимания», и была избрана следующая методология их характеристики.

Описание того или иного религиозно-идеологического учения с момента его зарождения даётся в том томе «Полной академической истории Вьетнама», в котором идёт речь об истории страны эпохи завершения его окончательного формирования¹. Конечно, само учение на этом не прекращает своего существования. Однако его развитие уже представлено частными проблемами и вопросами, которые должны являться объектом специального исследования, выходящего далеко за рамки обобщающей работы. В остальных же четырёх томах «Полной истории» говорится лишь о тех существенных аспектах соответствующего учения, которые добавляют нечто новое и важное к его характеристике или без которых том не будет представлять собой законченной монографии.

Точно так же представляется, что деление на две части по 1975 г. процессов, связанных с распространением во Вьетнаме европейского образования, науки и культуры, в первую очередь – французских, только усложнит и без того не простое понимание их единства. Именно поэтому полное описание этих процессов даётся в «Томе IV», хотя их характеристика после 1975 г. должна была бы быть помещена в «Том V». И наоборот. Описание всех представляющих собой единое целое процессов, связанных с развитием вьетнамского образования, науки, средств массовой информации и культуры

в ДРВ и СРВ в 1945 – 2011 гг., помещено в «Том V», хотя по хронологии их характеристика в эпоху ДРВ должна была бы находиться в «Томе IV».

1. Традиционные и новые вьетнамские религии

1.1. Культ предков и другие культы «народного даосизма»

В предыдущих томах, особенно в «Томе III», уже подробно описывались и анализировались восходящие к глубокой древности вьетнамские традиционные культы. Ни в конце XIX, ни в XX, ни в начале XXI в. они принципиально не изменились. В связи с этим можно лишь отметить, что к таким традиционным объектам поклонения, как духи камней, деревьев, животных и другим, добавлялись новые, иногда совершенно неожиданные. Так, в 1825 г. правивший под девизом «Светлая судьба» император Совершенный предок повелел установить в святилище Духа Огня таблички в честь духов пушек [713, т.2, с.191].

Также следует отметить, что в эпоху французского колониального господства католическая церковь стремилась всячески снизить влияние «языческих» в её понимании традиционных культов и верований во вьетнамском обществе. В целом этому в значительной степени способствовало падение авторитета императорской власти, которая с момента образования Индокитайского союза реально распространялась лишь на район «запретного города» в Хюе. Поэтому в 1-ой половине XX в. из-за потери значимости «императорского культа» постепенно стала рушиться традиционная вертикаль «государственного культа предков»¹. Указанный процесс резко «ускорился» с 1945 г., а к середине пятидесятых годов XX в. «императорский культ» утратил всякое значение даже в контролировавшемся французами, а затем – американцами Южном Вьетнаме. В противоположность этому семейный, общинный и региональный культы не только сохранились, но и продолжают оставаться важной составляющей духовной жизни современного вьетнамского общества.

¹ Смотри «Параграф 3.1» «Главы 2» «Части III» «Томы III».

Влиянию традиционных верований не помешало даже то, что в ДРВ, а после 1975 г. – в СРВ они если прямо не осуждались, то и не поощрялись государственной властью. Однако после провозглашения в 1986 г. политики обновления ситуация принципиально изменилась. В постановлении ЦК КПВ №24 от 16-го октября 1990 г. впервые было признано, что верования и религии отвечают духовным потребностям части населения [198.1]. В 1992 г. в дополнение к созданному по указанию Хо Ши Мина ещё в 1955 г. Комитету по делам религий был создан Институт религиоведения Вьетнамской академии общественных наук. В июне 2004 г. Национальное собрание СРВ приняло специальное постановление, которым регламентировались взаимоотношения между религиозными общинами и государственными органами. Наконец, в 2007 г. 10-ый день 3-го лунного месяца был объявлен официальным праздником – днём поминовения основателей вьетнамского государства полупоупоколенных королей Мужественных [1045.1, с.336 – 338]. В дни праздника множество людей ежегодно посещают посвященный им поминальный храмовый комплекс в провинции Футхо. Эти празднования широко освещаются вьетнамским телевидением и другими официальными средствами массовой информации¹.

Аналогичный комплекс несколько меньшего масштаба в настоящее время в деревне Тьмак провинции Намдинь создаётся посвященный разгрому монголо-китайских войск в XIII в. Центром этого комплекса является поминальный храм Великого князя Процветающего Пути Чан Куок Туана, который, как известно, в то время был главнокомандующим вьетнамской армии¹¹.

Именами обожествленных в рамках культа предков легендарных героев и исторических деятелей также названы улицы и площади многих городов страны².

¹ О королях Мужественных смотри «Главу I» «Части I», «Параграф 2» «Главы I» «Части IV» «Томе I» и «Таблицу №I» в «Томе VI».

¹¹ Смотри «Параграф 1.3» «Главы 2» «Части I», а также иллюстрации 18 и 20 в «Томе II».

Главная комната 1-го этажа дома-магазина, вместо внешней стены – вход.
В глубине алтарь культа предков над телевизором
и католические распятия на комодe

Она же – столовая. Смешение культур, быта и торговли никого не смущает.
Частный дом, шоссе Хошимин – Тэйнинь, 09.04.2011 г.

При этом власти всеми доступными способами

поощряют возрождение культа предков как на семейном, так и на деревенском, общинном и региональном уровнях, включая проведение храмовых праздников. Также есть все основания предположить, что, принимая во внимание упоминавшееся народное обожествления Хо Ши Мина¹, власти СРВ пытаются восстановить высшее звено вертикали культа предков. Об этом свидетельствует тот факт, что в государственных учреждениях и посольствах СРВ имеются особые помещения со своего рода алтарями Хо Ши Мина, перед изображением которого в полном соответствии с обычаями культа предков ставятся подношения и воскуряются благовония [516.2, с.267].

Полуофициальный характер в СРВ приобретают и культы таких духов-покровителей, как первопечатник Лыонг Ньы Хок, основательница шелководства Ла-тхи Нга и даже первый вьетнамский журналист Чыонг Винь Ки¹¹. Кроме того, при поддержке государственного информационного агентства ВИА и национального телевидения в Хоалы провинции Ниньбинь идёт строительство поминального храма духам-покровителям ремёсел общенационального значения, который планируется открыть в 2014 г.³.

1.2. Буддизм

Со 2-ой половины XIX в. по мере усиления позиций Франции усиливалось и давление как колониальных властей, так и католической церкви на буддийскую общину страны. Поэтому не случайно многие пагоды и монастыри становились центрами антиколониальной борьбы. Так, монах Вьонг Куок Тинь стал одним из организаторов нападения на Ханой 5-го декабря 1898 г., а монах Во Чы возглавил восстания в провинции Фуиен в том же году. Как известно, оба эти выступления закончились поражением, при этом многие их участники были казнены или подверглись заключению. Наконец, буддист Као Ван Лаунг был в числе лидеров маршей на Сайгон в 1913 и 1916 гг. [1384.1, с.512]. Всё это привело к

¹ Смотри иллюстрацию 90 в настоящем томе.

¹¹ Смотри «Параграф 2.3» «Главы 4» «Части I», а также иллюстрации 43 и 44 в «Томе III».

установлению жесткого контроля французской колониальной администрации за деятельностью буддийской общины. Так, например, требовалось разрешение властей не только для открытия новых пагод, но и для проведения праздничных обрядов и молитвенных собраний. В результате буддизм был отодвинут на периферию общественной жизни.

С ростом национального самосознания в двадцатые – тридцатые годы XX в. во вьетнамском обществе возникает движение за возрождение буддизма, связанное с изучением и распространением канонических текстов, при этом первые буддийские ассоциации возникают на юге страны. Так, наставник Кхань Хоа учредил в 1923 г. в Чавине «Союз Шести сокровищ», а в 1928 г. он был одним из инициаторов создания сайгонского центра «Любителей изучения Пути», который в 1930 г. был преобразован в союз «Исследования Буддийского учения Намки». В 1932 г. аналогичный союз создали в Хюе под названием «Буддийское учение Аннама». Последним был создан в 1934 г. в Ханое «Союз Буддийского учения Бакки». Тогда же во Вьетнаме начинают создаваться такие буддийские учебные заведения, как, например, при пагоде Куан-ши в Ханое, в которых пользовались современными методами обучения, а также общества изучения буддизма, издававшие религиозную литературу и журналы. Так, в Ханое с мая 1935 г. издавался журнал «Факел истины». В тридцатые годы эти общественные ассоциации уже объединяли десятки тысяч монахов и мирян [1384.1, с.518, 519]. Позднее, в годы Второй мировой войны и фактической оккупации страны японцами, деятельность вьетнамских буддийских организаций сходит на нет.

Поскольку национальная буддийская община притеснялась как французскими колониальными властями, так и японскими оккупантами, многие буддисты поддержали Августовскую революцию 1945 г. Уже 15-го августа журнал «Факел истины» опубликовал призыв к буддистам вступать в армию освобождения Вьетнама. В то время в находившихся под контролем лиги Вьетминь районах стали создаваться буддийские комитеты национального спасения. Заметную роль

в их формировании сыграл монах Мат Тхе¹. В тридцатые годы он участвовал в работе буддийского союза в Аннаме, в 1943 г. издал краткую историю буддизма во Вьетнаме, а в 1946 г. стал депутатом Национального собрания ДРВ от провинции Тхыатхиен [1384.1, с.549 – 559].

В то же время в контролировавшихся французскими властями городах также действовал целый ряд буддийских организаций, в том числе упоминавшийся «Союз Буддийского учения Бакки», который в 1949 г. переименовали в «Союз монахов Истины Северного Вьета». Затем в 1950 г. был создан «Союз Буддийского учения Вьетнама». Кроме того, были учреждены союз «Монахи нагод Центрального Вьета» и «Вьетнамский союз Буддийского учения». В 1951 г. при пагоде Анкуанг в Сайгоне возник «Союз Учения монахов Южного Вьета». Также в Сайгоне при пагоде Са-лой в том же году появился «Союз изучения Буддизма Южного Вьета». Наконец, в 1951 г. представители этих шести организаций собрались в Хюе и создали «Объединённый союз Буддийского учения Вьетнама» во главе с монахом Тхить Тинь Кхиетом,¹¹ который объявил, что будет добиваться объединения буддистов всего Вьетнама. Однако в условиях войны попытки объединить все буддийские движения не принесли ощутимых результатов.

После подписания Женевских соглашений 1954 г. в буддийском движении Вьетнама стали происходить серьёзные изменения. Так, в марте 1958 г. на севере состоялся учредительный съезд «Единого союза Буддийского учения Вьетнама». Этот поддерживавший политику правительства ДРВ союз возглавил монах Тхить Чи До.

Одновременно с этим в Республике Вьетнам главной опорой правительства Нго Динь Зьема стала католическая церковь. В результате между католическими властями и буддистами возник конфликт. В начале шестидесятых годов на фоне нараставшего вооружённого противостояния в Южном Вьетнаме этот конфликт резко обострился. Первым серьёзным

¹ Мирское имя Нгуен Хыу Ке (1912 – 1961 гг.).

¹¹ 1890 – 1973 гг.

толчком к начавшимся в мае 1963 г. выступлениям буддистов в защиту своих прав стал запрет на буддийские флаги. Массовые демонстрации, голодовки и публичные самосожжения монахов дестабилизировали режим Зьема. Самым резонансным стало самосожжение на одной из площадей Сайгона 72-летнего монаха Тхить Куанг Дыка 11-го июня 1963 г. Оно привело к повсеместным выступлениям буддистов в Южном Вьетнаме, которые и явились одной из главных причин падения режима Нго Динь Зьема¹.

В январе 1964 года был образован «Союз наставников Буддийского учения единого Вьетнама», в который вошли «Объединённый комитет школ Буддийского учения» во главе с наставником Тхить Там Тяу, «Союз Буддийского учения Центральной части [Вьетнама]» во главе с наставником Тхить Чи Куангом и 11 других буддийских организаций и групп. «Союз наставников» имел своего рода управления внутренних дел и внешних связей, или «Учреждение единства монахов» и «Учреждение определения Пути». При этом в последнем имелись отделы, занимавшиеся культурой, образованием, молодёжью, финансами и строительством. Первым его главой стал наставник Тхить Тинь Кхиет^{II}, внутренними делами ведал наставник Тхить Там Тяу, а внешними – наставник Тхить Чи Куанг. Центром организации стала пагода Ан-куанг.

Значительную роль в развитии буддизма на юге страны также сыграли и влиятельные миряне, из которых наиболее заметным был родившийся в Бенче Май Тхо Чуен^{III}, который с 1931 г. служил во французской колониальной администрации, а в 1945 г. вступил в лигу Вьетминь и участвовал в Войне сопротивления в провинции Лаунгсюен. Однако в 1947 г. он перешел на сторону профранцузских властей и занимал высокие посты в правительствах Нгуен Ван Суана, Нгуен Нам Лаунга и Бьу Лока. Май Тхо Чуен первоначально поддержал и режим Нго Динь Зьема, но в 1960 г. он ушёл с государственной

¹ Смотри «Параграф 2.3» «Главы 1» «Части II», а также иллюстрации 36 и 37 настоящего тома.

^{II} 1964 – 1973 гг.

^{III} 1905 – 1973 гг.

службы, возглавил «Объединённый комитет школ защиты Буддийского учения Вьетнама» и в 1963 г. открыто выступил против властей. В 1964 г. Май Тхо Чуен входил в руководство «Союза наставников Буддийского учения единого Вьетнама», а затем возглавлял «Союз изучения Буддизма Южного Вьета». В 1967 г. Май Тхо Чуен баллотировался в качестве вице-президента в команде Чан Ван Хыонга, в правительстве которого он занимал высокие должности до своей кончины в 1973 г. [1384.1, с.574, 575].

Первоначально «Союз наставников» придерживался принципов нейтралитета. Поэтому отношения между ним и военными правительствами Нгуен Кханя и Нгуен Као Ки в 1964 – 1968 гг. были напряжёнными. Тем не менее в конце шестидесятых – начале семидесятых годов отмечается определённый «буддийский ренессанс». В то время велось широкомасштабное строительство пагод и учебных заведений, включая «Институт Ван Ханя». В 1964 – 1969 гг. «Союз наставников» издавал ежедневную газету «Главное Учение», после закрытия которой был налажен выпуск газеты «Южный ветер». В то время десятки тысяч молодых людей становились монахами, хотя многие и шли на этот шаг, чтобы уклониться от службы в южновьетнамской армии. При этом интересно отметить, что буддисты из «Союза наставников Буддийского учения единого Вьетнама» принимали участие наряду с католиками в деятельности службы военных капелланов вооружённых сил Южного Вьетнама.

Одновременно с этим в «Союзе наставников Буддийского учения единого Вьетнама» наметился раскол между его проправительственным крылом «Государственная пагода» и симпатизировавшим прокоммунистическим силам крылом пагоды Ан-куанг. В июле 1967 г. первое получило официальное признание властей, что побудило сторонников второго к прямой поддержке НФОЮВ. В 1973 г. скончался Тхить Тинь Кхиет и «Союз наставников» возглавил Тхить Зяк Ниен¹.

¹ 1878 – 1979 гг.

После объединения страны в 1975 г. правительство СРВ ввело жёсткие ограничения как в отношении течения «Государственная пагода», так и течения пагоды Ан-куанг. Несмотря на протесты монахов, включая самосожжения, из которых наиболее значительным стало самосожжение 12 монахов и монахинь в Кантхо, был введён запрет на буддийские флаги. Наконец, в 1977 г. был закрыт буддийский «Институт Ван Ханя», а «Союз наставников Буддийского учения единого Вьетнама» оказался вне закона.

В начале 1979 г. в СРВ был учреждён комитет по объединению буддизма, в который вошли представители различных буддийских течений и школ всех регионов страны, а 7-го ноября 1981 г. в ханойской пагоде Куан-ши состоялся учредительный съезд «Союза наставников Буддийского учения Вьетнама». Он объединил признанные властями буддийские организации под лозунгом «Буддизм, нация, социализм». В состав нового союза вошли 9 буддийских организаций, включая многие из вышеупомянутых, а также целый ряд иерархов «Союза наставников Буддийского учения единого Вьетнама». На съезде также была утверждена действующая до настоящего времени хартия организации, а также избраны руководящие органы вьетнамской буддийской церкви. Её главой стал Тхить Дык Ньюан, который занимал этот пост до 1993 г. Интересно, что его заместителем был избран лидер «Союза наставников Буддийского учения единого Вьетнама» Тхить Дон Хоу¹, который за четыре года до этого активно выступал против религиозной политики властей СРВ.

В 1997 – 2005 гг. вьетнамскую буддийскую церковь возглавлял наставник Тхить Там Тить. Её руководящими органами в городах и провинциях являются управляющие советы, а на местном уровне – представительства. В настоящее время в ведении вьетнамской буддийской церкви находятся около 17 тысяч пагод и монастырей, при этом с момента её основания в 1981 г. было построено более 3 тысяч новых культовых сооружений. Всего же в СРВ насчитывается свыше

¹ 1905 – 1991 гг.

50 тысяч монахов и монахинь. Тысячи монахов прошли курсы начального и высшего буддийского образования в самом Вьетнаме, сотни монахов были направлены за границу для получения научных степеней и на латиницу были переведены миллионы страниц канонических буддийских книг и трактатов. В систему вьетнамской буддийской церкви также входят 30 средних и 4 высших учебных заведения и 4 университета: в Ханое, Хюе, Хошимине и Каитхо. Вьетнамская буддийская община активно участвует в общественной жизни страны, организует сбор средств для оказания помощи пострадавшим от стихийных бедствий, открывает «классы милосердия» для обучения детей из малоимущих семей и приюты для бессемейных стариков и сирот, а также занимается другой благотворительной деятельностью

В настоящее время буддисты являются наиболее многочисленной религиозной общиной СРВ. Согласно оценке самих буддистов, до 45 миллионов вьетнамцев в той или иной степени разделяют учение махаяны⁴. В то же время, согласно официальной статистике СРВ, численность последователей буддизма составляла в 2007 – 2009 гг. порядка 10 миллионов. Во Вьетнаме также имеется несколько сотен тысяч адептов буддизма тхеравады. В основном это проживающие в Южном Вьетнаме кхмеры.

Возрождение вьетнамского буддизма способствовало повышению его авторитета в мировом буддийском сообществе, что позволило провести в мае 2008 г. в СРВ целую серию международных буддийских мероприятий по случаю дня рождения Будды. Общегосударственное значение также имела и состоявшаяся в ноябре того же года в пагоде Иен-ты провинции Куангнинь торжественная церемония поминовения императора Гуманного рода [династии] Чан¹ по случаю 700-летия со дня его смерти.

13-го – 14-го декабря 2007 г. в Ханое прошёл VI съезд буддийского духовенства, который подвёл итоги деятельности буддийской общины Вьетнама в 2002 – 2007 гг. и наметил

¹ 1308 – 2008 гг.

направления её деятельности на период до 2012 г. Главой церкви съезд избрал наставника Тхить Фо Тюе.

Своеобразный домашний алтарь Будде и духам-покровителям семьи с votивными подношениями и черепом для астрологических предсказаний, находящийся рядом с алтарём культа предков⁵.

Частный дом на обочине шоссе Хошимин – Тэйнинь, 09.04.2011 г.

В то же время многие адепты запрещённого в СРВ «Союза наставников Буддийского учения единого Вьетнама» как в стране, так и за её пределами достаточно критически относятся к государственной политике и официальной буддийской церкви Вьетнама. Учитывая, что даже Тхить Дон Хоу, ставшему в 1991 г. заместителем главы официальной вьетнамской буддийской церкви, не удалось добиться его легализации, вряд ли стоит этому удивляться. Более того, любые попытки общественной деятельности активистов непризнанного «Союза наставников Буддийского учения единого Вьетнама» всегда наталкивались на жёсткое противодействие властей СРВ. Так, в 1994 г. за организацию под эгидой этого союза помощи пострадавшим от наводнения были задержаны около 400 монахов и мирян, а один из его лидеров Тхить Куанг До был осуждён на 5 лет.

Тем не менее проживающие в эмиграции, в основном в США, Западной Европе и Австралии, последователи «Союза наставников Буддийского учения единого Вьетнама» не отличаются единством взглядов. Они разделены не только расстоянием между местами их проживания, но и своими политическими взглядами, а в их среде возникло несколько конфликтующих между собой групп.

1.3. Специфические вьетнамские религиозные учения XX в.

1.3.1. Бинь-сюен

Обычно Бинь-сюен называют религиозной сектой, хотя на самом деле это была достаточно мощная организованная преступная группировка, центром которой являлся район Нябе в Сайгоне. Из религиозных аспектов Бинь-сюена можно указать, пожалуй, лишь на культ возглавлявшего его в тот или иной момент лидера. В то же время Бинь-сюен практически всегда упоминают в связке с вьетнамскими религиозными учениями XX в. Као Дай и Хоа-хао¹, с которыми их связывает единая политическая судьба в 1945 – 1975 гг. Вероятно, это и является основной причиной, по которой Бинь-сюен называют *синкретическим религиозным учением*, хотя таковым он никогда не являлся. Сегодня эту секту назвали бы организованной преступной группировкой^{II}.

Тем не менее, принимая во внимание вышесказанное, представляется, что описание ОПГ Бинь-сюен, буддизма Хоа-хао и учения Као Дай следует давать одновременно, то есть в данном и последующих двух параграфах. В противном случае проследить различие и сходство между этими вьетнамскими движениями XX в. будет значительно сложнее.

Бинь-сюен возник в начале двадцатых годов как плохо организованное объединение бандитов и вымогателей сайгонского района Нябе, насчитывавшее порядка 200 человек.

¹ Основатель учения буддизма Хоа-хао происходил из деревне Хоахао. Поэтому название учения пишется через дефис, чтобы избежать путаницы между названиями учения и деревни. Об учениях сект Као Дай и Хоа-хао смотри два следующих параграфа.

^{II} Далее – ОПГ.

Вплоть до конца тридцатых годов банды Бинь-сюен занимались исключительно вымогательством, крышеванием, грабежами и киднапингом.

Первый лидер, превративший Бинь-сюен в крупную вооружённую группировку, Зыонг Ван Зыонг, родился в 1900 г. в бедной крестьянской семье провинции Бенче. После смерти отца его мать снова вышла замуж, а затем, в конце двадцатых годов, вся семья переехала в Нябе, где Ван Зыонг готовился к тому, чтобы стать преподавателем боевых искусств. В 1936 г. он начал свою криминальную деятельность с крышевания сайгонской автобусной станции на маршруте Тэйнинь – Пномпень. К 1940 г. Ван Зыонг стал одним из главных лидеров группировок Южного Вьетнама. В 1945 г. он захватил у японцев большое количество оружия. В том же году 2 тысячи вооружённых бойцов из различных банд избрали Ван Зыонга своим командиром. Тогда же эта ОПГ получила своё название⁶, а её лидер взял псевдоним Ба Зыонг [1279.1, гл.1].

Следует отметить, что начиная с 1929 г. вьетнамские коммунисты в Южном Вьетнаме вели работу среди беднейших слоёв населения Сайгона, в том числе – района Нябе. В 1943 г. им удалось привлечь на свою сторону и Ба Зыонга. После Августовской революции 1945 г. Ба Зыонг поддержал правительство ДРВ. Однако вскоре между Бинь-сюеном и Вьетмином произошёл конфликт. Правда, в течение двух месяцев вооружённые формирования Бинь-сюена сражались с французскими войсками, после чего 20-го ноября 1945 г. отступили в Камбоджу, чтобы избежать разгрома. Спустя несколько месяцев они возобновили боевые действия в дельте Меконга, превратив провинцию Бенче в свою опорную базу. Однако 16-го февраля 1946 г. Зыонг Ван Зыонг погиб во время воздушного налёта на его лагерь [1279.1, гл.4].

С гибелью Ба Зыонга произошёл раскол Бинь-сюена на три части, при этом возглавивший вооружённые формирования Бинь-сюена Ле Ван Виен¹ ещё какое-то время сражался на стороне сил ДРВ. Тем временем конфликт между бандитами

¹ Псевдоним Бай Виен.

Бинь-сюена и руководством лиги Вьетминь вполне логично продолжал углубляться. В результате командовавший силами ВНА генерал Нгуен Бинь приказал ликвидировать Бай Виена и его окружение. Но последний сумел избежать гибели и уйти от преследования вместе с преданными ему людьми. Перейдя на сторону колониальных властей, Ле Ван Виен получил в июне 1948 г. чин полковника вспомогательных сил французского экспедиционного корпуса. Интересно отметить, что, поставив Бай Виену задачу ликвидировать коммунистическое подполье, французская администрация официально разрешила ему и его людям заниматься гангстерским бизнесом в Сайгоне. Надо сказать, что группировка Бинь-сюен оправдала надежды французской охранки. Поэтому Бай Виен вскоре получил чин генерал-майора [158.1, с.409 – 411; 668.1, с.364 – 372].

После того, как бывший император Нгуен Вить Тхюи стал президентом Государства Вьетнам в 1949 г., Бай Виен получил звание генерал-майора, а его части получили статус автономных отрядов государственной армии Бинь-сюен, находящихся на самообеспечении. Последнее неудивительно, так как в обмен на формальную поддержку режима Бай Виен стал контролировать все легальные публичные дома и казино Сайгона [158.1, с.410 – 411; 668.1, с.354 – 362].

После подписания Женевских соглашений вооружённые формирования Бинь-сюена заключили аналогичное негласное соглашение с Нго Динь Зьемом. К 1955 г. в группировке Бинь-сюен было 2 батальона регулярной армии и 2 батальона ударных полицейских частей. В том году силы Бинь-сюена, принявшие совместно с буддистами Хоа-хао и каодаистами участие в вооружённом выступлении против режима Нго Динь Зьема, были разгромлены генералом Зыонг Ван Минем, который жестоко расправился с сыном Бай Виена – майором Ле Полем, после того как тот отказался заплатить выкуп за сына. Сам же Бай Виен, или Ле Ван Виен, был выслан в Париж [158.1, с.412 – 428]¹.

С этого времени группировка Бинь-сюен престала

¹ Смотри «Параграф 1.2.4» «Главы I» «Части II» настоящего тома.

существовать как реальная сила. Вплоть до объединения страны под её именем в Сайгоне действовали лишь мелкие банды, занимавшиеся грабежами.

1.3.2. Буддизм Хоа-хао

4-го июля 1939 г. наставник Хюинь Фу Шо^I объявил об учреждении движения и учения, которое стало называться буддизмом Хоа-хао по имени родной деревни своего создателя в Южном Вьетнаме⁷. Соответственно его последователи в основном проживают в южных районах Вьетнама в западной части дельты Меконга. Это испытывавшее значительное влияние культа предков и конфуцианства реформаторское движение, по сути, развивает учения неортодоксальных буддийских движений Южного Вьетнама конца XIX – начала XX в., в первую очередь – уже упоминавшегося ранее движения «Необыкновенный аромат горного богатства»^{II}.

Главной особенностью буддизма Хоа-хао является его простота и практическая направленность. В основе этого реформаторского движения лежат главные ценности буддизма, включая «Три драгоценности»^{III}. Свои умозаключения Хюинь Фу Шо обосновывал выводами шестого патриарха буддизма школы Созерцания Хуй-нэна^{IV}. Создавая своё учение, он опирался не только на буддизм, но и на конфуцианство и местные верования. Поэтому буддизм Хоа-хао провозглашает приоритет таких добродетелей, как почитание предков, родителей и родственников, родины и соотечественников, а также целый ряд других традиционных положительных качеств. В результате буддизм Хоа-хао получил достаточно яркую патриотическо-националистическую окраску.

Адепты Хоа-хао должны были стремиться к социальной справедливости и избегать таких пороков, как лень, корысть, эгоизм, самоуверенность, грубость, убийство, в том числе и домашних животных, расточительность при ритуальных

^I 1920 – 1947 гг.

^{II} Смотри «Параграф 3.2.1» «Главы 2» «Части III» «Тома III».

^{III} Будда, Дхарма, Сангха.

^{IV} Смотри «Параграф 3» «Главы 3» «Части IV» «Тома I».

приношениях, бездумные речи и невнимание к вере. Поэтому они полагают, что следует воздерживаться от строительства культовых сооружений и расточительных ритуалов, а средства использовать для помощи нуждающимся. Соответственно отличающиеся максимальной простотой ритуалы Хоа-хао сводятся к чтению обращённых к Будде, Предкам и Несбесам утренних и вечерних молитв, а домашним алтарём служит символ вселенского единства – полотно красно-коричневого цвета. Будде и Предкам дозволяется подносить только воду, фрукты и благовония. В 1-ый и 15-ый дни лунного месяца последователи Хоа-хао должны посещать общие молитвенные собрания. Если нет возможности соблюсти и эти несложные ритуалы, достаточно внутреннего обращения к Будде.

В первые несколько месяцев своей миссионерской деятельности Хюинь Фу Шо также занимался врачеванием, практикуя методы местной медицины. Благодаря достигнутым в этой области удивительным успехам, он приобрёл множество последователей. Свои идеи Хюинь Фу Шо изложил в шести книгах стихотворных проповедей и более чем в 200 стихотворениях, написанных на разговорном языке.

Столкнувшись со стремительным ростом влияния нового религиозного движения, французские власти задержали Хюинь Фу Шо в мае 1940 г. В июле он был помещён в психиатрическое отделение сайгонского госпиталя, а в 1941 г. выслан в Баклиеу. Однако и там основатель движения Хоа-хао сохранил своё влияние. Поэтому французские власти приняли решение выслать его в Лаос. В октябре 1942 г. Хюинь Фу Шо был освобождён своими сторонниками при содействии японских спецслужб, после чего до 1945 г. он находился в Сайгоне под покровительством японцев.

Вскоре после Августовской революции 1945 г. между военными формированиями Хоа-хао и лигой Вьетминь возник конфликт. 8-го сентября 1945 г. силы Вьетминя подавили восстание сторонников Хоа-хао в Кантхо, а 7-го октября ряд задержанных активистов Хоа-хао, включая младшего брата Хюинь Фу Шо и сына военного лидера Чан Ван Шоая, были публично казнены на городском стадионе в Кантхо. Тем не

менее Хюинь Фу Шо поддержал Вьетминь в Войне сопротивления против Франции. В сентябре 1946 г. буддисты Хоа-хао создали «свою» социал-демократическую партию. Однако вскоре конфликт этого движения с лигой Вьетминь разгорелся с новой силой. Поэтому, по версии сторонников Хоа-хао, 16-го апреля 1947 г. Хюинь Фу Шо отправился на переговоры с представителями Вьетминя и пропал без вести. Его таинственное «исчезновение» во многом предопределило многолетнюю вражду последователей Хоа-хао с фронтом Вьетминь, а затем – с Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама, а после 1975 г. и с властями СРВ [1388, с.37, 45 – 48, 77 – 79, 90, 91].

После гибели своего вождя, его сторонники перешли 18-го мая 1947 г. на сторону французской администрации. В результате вооружённые формирования Хоа-хао получили статус вспомогательных сил французского экспедиционного корпуса. В конце сороковых – начале пятидесятых годов община Хоа-хао играла важную роль в политической жизни юга Вьетнама. Её вооружённые отряды местной самообороны контролировали значительные территории юга, особенно в дельте Меконга. Их численность выросла с 3 тысяч в 1947 г. до 30 тысяч в начале 1955 г. Адепты Хоа-хао также создали свои органы религиозно-административного самоуправления.

В начале пятидесятых годов представители общины Хоа-хао входили в различные профранцузские правительства Южного Вьетнама. В конце 1954 – начале 1955 г. они также входили в правительство Нго Динь Зьема. Однако в марте – апреле 1955 г. объединенный фронт сил Као Дая, Хоа-хао и ряда других группировок потерпел поражение в вооружённом конфликте с Нго Динь Зьемом, а в феврале 1956 г. последние формирования Хоа-хао во главе с Чан Ван Шоаем сдались сайгонским властям¹. Поэтому в 1955 – 1963 гг. деятельность общины Хоа-хао была сильно ограничена, а её активисты преследовались тайной полицией.

После свержения режима Нго Динь Зьема органы

¹ Смотри «Параграф 1.2.4» «Главы 1» «Части II» настоящего тома.

религиозно-административного самоуправления общины Хоа-хао возобновили работу, а во 2-ой половине шестидесятых годов её социал-демократическая партия вновь заявила о своём существовании. К 1975 г. численность религиозно-административного персонала общины превысила 35 тысяч человек. В общине Хоа-хао имелись медицинские учреждения, институт и различные благотворительные организации, включая бесплатные столовые.

Huỳnh Phú Sổ

Следует отметить, что после падения Сайгона 30-го апреля 1975 г. возродившиеся в 1973 г. боевые формирования Хоа-хао оказывали вооружённое сопротивление армии ДРВ и отрядам НФОЮВ вплоть до 6-го мая. Поэтому после объединения Вьетнама над общиной Хоа-хао был установлен жёсткий контроль, при этом деятельность учебных заведений и административных органов общины была полностью

запрещена. Даже на название Хоа-хао наложили запрет, а деревню Хоахао переименовали в деревню Футан. Тем не менее ещё в конце семидесятых – начале восьмидесятых годов отмечались спорадические вооружённые столкновения между представителями властей и тайными активистами Хоа-хао.

С середины девяностых годов правительство СРВ стало проводить более либеральную политику в отношении религиозных общин. В 1999 г. оно официально признало и «административный комитет» общины Хоа-хао. В то же время последователи Хоа-хао в эмиграции так и не признали её официально действующие в СРВ структуры.

По различным оценкам, численность проживающих во Вьетнаме, в основном в дельте Меконга, последователей Хоа-хао составляла в начале XXI в. от 1,5 до 3 миллионов человек.

1.3.3. *Религиозное учение Као Дай*

Полное название религиозного учения Као Дай, или каодаизма, – Великое Учение Третьей эпохи Всеобщего спасения. Ранний каодаизм находился под значительным влиянием представлений, заимствованных у французских последователей спиритизма, включая концепцию о связующем звене души и тела¹. В одном из ранних каодаистских текстов на французском языке говорится, что французские медиумы «Леон Дени и Камиль Фламарион¹¹ стали, подобно провозвестникам христианства пророку Илие и Иоанну Крестителю, провозвестниками каодаизма» [1027.1, с.35; 1468.1, с.50]. Однако затем влияние европейского спиритизма на каодаизм заметно ослабело.

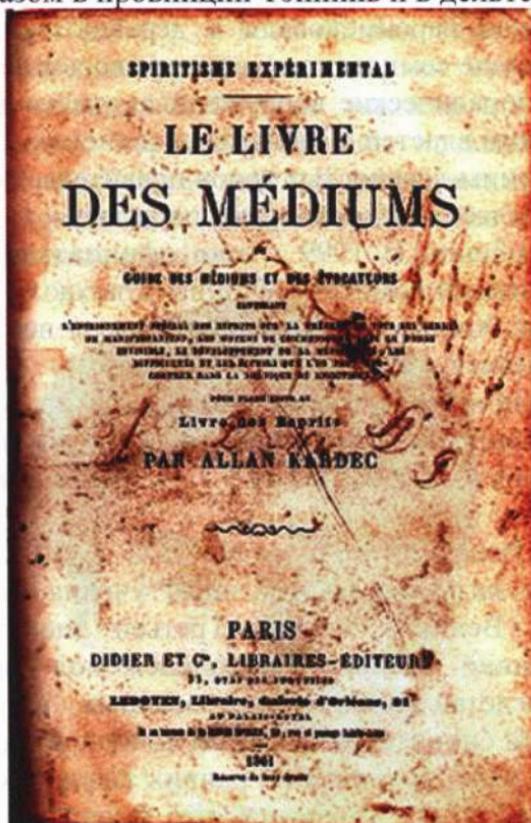
Первым адептом этого учения стал сотрудник колониальной администрации Нго Ван Тиеу более известный под религиозным псевдонимом Нго Минь Тиеу¹¹¹, который утверждал, что с 1919 г. во время сеансов спиритизма получает откровения от высшей субстанции Као Дай⁸. Подавляющее большинство его последователей живёт в Южном Вьетнаме,

¹ Perispirit.

¹¹ 1846 – 1927 и 1842 – 1925 гг.

¹¹¹ 1878 – 1932 гг.

главным образом в провинции Тэйнинь и в дельте Меконга.

Книга Медиумов. Париж, 1861 г.

В январе 1926 г. произошла встреча Нго Минь Тиеу с группой увлекавшихся спиритизмом интеллектуалов Сайгона. В их числе были и вьетнамские чиновники французской колониальной администрации Ле Ван Чунг, Нгуен Нгаук Тьонг и Фам Конг Так¹. 29-го сентября 1926 г. они вместе с 244 своими сторонниками провозгласили создание новой религии и обратились к французским властям с просьбой об её официальном признании [1027.1, с.15 – 18; 1455.1, с.142, 143; 1133.1, с.340]. Новую церковь Као Дай возглавил Ле Ван Чунг, который вместе с Нгуен Нгаук Тьонгом и Фам Конг Таким создал религиозный центр в провинции Тэйнинь западнее Сайгона. Интересно, что Нго Минь Тиеу в том же году

¹ 1875 – 1934, 1881 – 1951 и 1890 – 1959 гг.

переехал в город Кантхо, где у него возникла небольшая группа последователей, которая впоследствии стала известной под названием «Постижение Света»⁹ [842.1, с.10].

Цель последователей каодаизма – освобождение от цепи перерождений и вечная жизнь, которые достигаются с помощью внешних и внутренних практик. В числе внешних практик можно назвать отказ от насилия, ежедневное исполнение ритуалов в храме или собственном жилище и поклонение предкам, а также соблюдение вегетарианских постов мирянами и абсолютного вегетарианства священниками. К внутренним практикам относится прежде всего медитация.

Учение каодаизма основано на догмате о «Третьей эпохе Всеобщего спасения», согласно которому история человечества делится на три «эпохи».

Первая – это эпоха творения, когда спасение было даровано человеческому роду через Моисея, Будду Дипанкара, Хуанди и Фуси.

Вторая – это эпоха прогресса, войн и саморазрушения, когда человечество спасалось благодаря Будде Шакьямуни, Лао-цзы, Конфуцию и Иисусу Христу.

Третья – это эпоха уничтожения и нового творения [1027.1, с.25, 26; 1468.1, с.312]. Каодаисты полагают, что два предшествующих «спасения» не достигли своей цели, так как учения прошлого подверглись искажениям их адептами. Поэтому в «Третью эпоху» спасение даруется людям через божественные откровения, которые они получают во время спиритических сеансов. Каодаисты верят, что все мировые религии являются лишь ответвлениями единого Великого Пути. На спиритических сеансах они вызывают души таких известных людей, как Ли Бо, В.Гюго, Жанна д'Арк, сёстры Чынг, Чан Куок Туан, Р.Декарт, Л.Пастер, В.И.Ленин, Сунь Ятсен, Л.Толстой и других знаменитостей, обожествляемых в каодаистском пантеоне [1027.1, с.46].

Каодаизм делится на два течения.

Первое – эзотерическое буддийское «недеяние», провозглашающее отказ от осознанной, целенаправленной

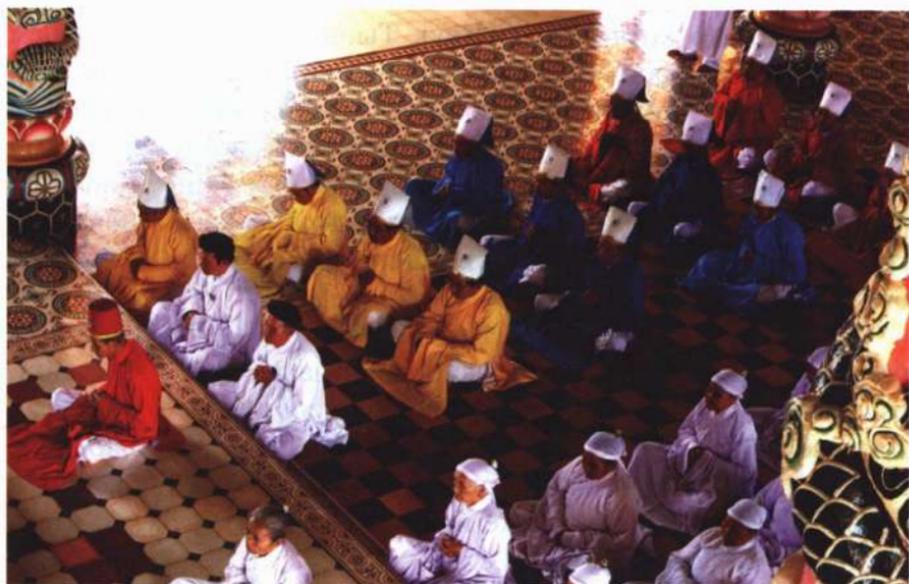
деятельности, в котором основное внимание уделяется мистическим и эзотерическим практикам.

Второе – более общедоступное и светское «всеобщее спасение», которое реализуется иерархами церковно-административной структуры церкви. Ею руководит *papa*, за которым следуют 3 *старших кардинала*, 3 *кардинала*, 36 *архиепископов*, 72 *епископа*, 3 тысячи *священников* и неограниченное число *дьяконов*. Интересно отметить, что священниками могут быть как мужчины, так и женщины [1164.1, с.34; 1468.1, с.243, 244, 259 – 281]. Кроме того, в тэйниньской и ряде других каодаистских общин существуют и дополнительные иерархические структуры, в том числе своеобразные «министерства». В реальности все вакансии каодаистской иерархии никогда полностью не заполнялись.

Богослужения в храмах совершаются 4 раза в сутки. Священными текстами каодаизма является корпус полученных во время спиритических сеансов 1925 – 1935 гг. сообщений, или так называемые «Священные слова», а также комментарии к ним, известные как «Новозаконие». Символом этого учения является всевидящее «Небесное Око». Жёлтый, синий и красный цвета олицетворяют в каодаизме единство «трёх религий» – буддизма, даосизма и конфуцианства.

По планировке храмы Као Дая немного напоминают католические базилики. Мужчины входят в них справа, а женщины – слева. Храмовый комплекс тэйниньской общины, являющийся одним из главных центров Као Дая, находится в поселении Лаунгтхань рядом с Тэйнинем.

Новое учение распространилось в Южном Вьетнаме с феноменальной скоростью. К 1930 г. число его последователей превысило 100 тысяч, а по оценкам самих каодаистов – достигло миллиона человек. Так, Ле Ван Чунг в письме в министерство колоний Франции утверждал, что адептами каодаизма являются свыше $\frac{1}{3}$ из 3,5 миллионов жителей Кохинхины. Следует отметить, что значительную роль в столь стремительном распространении учения Као Дай сыграли «демонстрационные» спиритические сеансы [842.1, с.10; 1018, с.202; 1027.1, с.24].

Вверху: первосвященники. Внизу: общая молитва.
Главный храм религиозного центра Као Дай.
Тэйнинь, 09.04.2011 г.

После кончины Ле Ван Чунга в 1934 г. произошёл конфликт между Фам Конг Таком и Нгуен Нгаук Тьонгом.

Интересно, что хотя Нгуен Нгаук Тьонг являлся владельцем земли, на которой был возведён Тэйниньский храмовый комплекс, ему не удалось достичь компромисса со своими бывшими партнёрами. К 1936 г. отношения между сторонами окончательно испортились. В результате учение Као Дай распалось на десятки крупных, средних и малых общин и групп, которые вплоть до настоящего времени так снова и не объединились.

Уйдя из Тэйиния, Нгуен Нгаук Тьонг создал в провинции Бенче одну из наиболее значимых новых сект, известную под названием «Постижение Главного Учения». Для неё были характерны консерватизм и строгое соблюдение всех религиозных законов новой религии, а её организация в основном опиралась на те же иерархические структуры, что и Тэйниньская церковь.

Главный храм религиозного центра Као Дай в поселении Лаунгтхань.
Тэйнинь, 09.04.2011 г.

Во главе тэйниньской общины остался изначально отличавшийся бóльшей социальной активностью Фам Конг Так. Известно, что с конца тридцатых годов его сторонники поддерживали контакты с националистической вьетнамской эмиграцией в Японии во главе с принцем Кьонг Де.

Основной портал Главного храма религиозного центра Као Дай.
По центру вверху – всевидящее «Небесное Око».
Тэйнинь, 09.04.2011 г.

В 1941 г. французская администрация закрыла храмы тэйниньской общины, которые рассматривались как центры

прояпонской пропаганды, а Фам Конг Так с ближайшими последователями был выслан на Мадагаскар. В 1943 г. при поддержке японских оккупационных сил были созданы вооружённые формирования тэйниньской общины во главе с Чан Куанг Винем¹ [748, с.235].

Хотя часть каодаистов и поддержала Августовскую революцию, сам Чан Куанг Винь был арестован, затем бежал и был вынужден скрываться. 9-го июня 1946 г. тэйниньская община пошла на союз с французами, после чего в августе того же года Фам Конг Так был возвращён из ссылки [1503.1, с.269 – 274]. К началу 1954 г. численность вооружённых формирований Као Дая во главе с Чан Куанг Винем каодаистской армии и ополченцев превышала 50 тысяч человек, поэтому они были преобразованы в вспомогательные войска французского экспедиционного корпуса. Кроме того, поскольку в конце сороковых – начале пятидесятих годов тэйниньская община уже стала заметной политической силой в Южном Вьетнаме, её представители также входили в различные профранцузские сайгонские правительства.

В 1955 г. каодаисты потерпели поражение в вооружённом конфликте с Нго Динь Зьемом, после чего они были разоружены и распущены, а в октябре того же года Фам Конг Так был вынужден бежать в соседнюю Камбоджу, где он и скончался в 1959 г. Хотя учение Као Дая и не было запрещено, но его сторонники подверглись гонениям со стороны режима Зьема. Так, в конце пятидесятих годов было арестовано более 3 тысяч членов тэйниньской общины [1027.1, с.102]¹¹. После 1963 г. отношения Као Дая с сайгонским правительством улучшились. В конце 1963 г. генерал Зыонг Ван Минь предложил бежавшим в Камбоджу каодаистам вернуться в страну. Укреплению позиций каодаизма в Республике Вьетнам способствовало и то обстоятельство, что номинальный глава государства в 1964 – 1965 гг. Фан Кхак Шыу был сторонником одной из небольших каодаистских сект

¹ 1897 – 1975 гг.

¹¹ См. «Параграф 1.2.4» «Главы I» «Части II» настоящего тома.

[1027.1, с.105]. Также можно сказать, что в шестидесятых – семидесятых годах был предпринят ряд попыток добиться воссоединения каодаистских групп и сект в единую церковь, которые так и не привели к заметным результатам.

После объединения страны в 1975 г. были упразднены административные структуры тэйниньской и других общин. В 1979 г. земельные участки и бóльшая часть зданий главного храмового комплекса в Тэйнине стали государственной собственностью. Были запрещены и спиритические сеансы, а остальные аспекты религиозной жизни каодаистских общин оказались под жёстким контролем государства.

В конце восьмидесятых началась либерализация государственной политики по отношению к каодаистским общинам, с середины девяностых малые каодаистские общины стали получать официальный статус.

В 1997 г. формальное признание со стороны правительства СРВ получила и тэйниньская община, значительным событием в жизни которой явилось возвращение в Тэйнинь останков Фам Конг Така в 2007 г.

По различным оценкам, численность последователей каодаизма в СРВ составляла в начале XXI в. от 1,5 до 3 миллионов человек. Имеются последователи учения Као Дай и во вьетнамских эмигрантских общинах США и Западной Европы. По вполне понятным причинам многие из них достаточно критически воспринимают происходящий в СРВ процесс официального признания каодаистских общин.

2. Распространение и развитие европейского образования и науки во Вьетнаме в 1893 – 1975 гг.

2.1. Политика французской администрации в Индокитае в области образования в конце XIX – начале XX в.

Установление власти Франции в Кохинхине, а позже и во всех других районах страны сопровождалось глубокими переменами в системе образования. Отвергнув принятые во Вьетнаме формы традиционного образования, новые хозяева долгое время ничего не делали для замены их другими. Хотя «выработанная в 1879 г. программа для осуществления

официальной политики “ассимиляции”¹⁶ предусматривала создание в каждом кантоне¹ светских начальных школ, но успехи в их создании были незначительными).

Такая ситуация, когда старая традиционная система начального образования оказалась разрушенной, а новая так и не была создана, привела к глубокому кризису всей системы просвещения в Индокитае. Десятки деревенских и общинных школ были закрыты, а сотни активно выступавших против французского колониального господства сельских учителей вынуждены были покинуть свои родные места. В результате «предоставленные сами себе сельские школы традиционного типа стали полностью исчезать, образуя при этом ничем не заполненную пустоту» [619, с.501].

2.1.1. Начальное образование 1858 – 1905 гг.

В первое время французская администрация проводила в каждой из трёх частей Вьетнама различную политику в сфере массового начального образования. Начальные школы севера, центра и юга страны значительно отличались друг от друга как по структуре, так и по программе обучения.

В Кохинхине местная сеть школ оказалась разрушенной до основания, так как большинство традиционных школ были закрыты, а руководившие образованием на юге чиновники ушли на север. Поэтому там французские власти были вынуждены строить новую систему массового образования с нуля, чего они в первое время делать не собирались. Тем не менее в Кохинхине было создано управление по вопросам образования. В основном в городах в начале 2-ой половины XIX в. было открыто небольшое количество начальных школ, которые возглавлялись католическими миссионерами и священниками. Обучение в них длилось не более 2 – 3 лет, а школьники изучали Библию и учились чтению и письму на латинице.

В Аннаме и Тонкине, которые были захвачены несколько позже и по своему формальному статусу являлись, в

¹ Административное объединение из двух вьетнамских провинций.

отличие от Кохинхины, не колониями, а протекторатами, положение с образованием было иным. Большинство деревенских и городских начальных школ, также как и в Кохинхине, были закрыты. Однако небольшое количество школ так называемого «старого типа» с традиционной системой обучения продолжали работать под руководством местных чиновников, непосредственно контролировавшихся французской администрацией протекторатов. Французы их не закрыли, поскольку полагали, что существование небольшого числа традиционных школ не только не опасно для власти, а наоборот, даже её укрепляет.

Указанные взгляды наиболее чётко сформулировал в 1902 г. один из главных идеологов политики «ассимиляции» генерал-губернатор Поль Думер¹: «До тех пор пока мораль и социальное положение туземцев не изменятся, если такое изменение произойдёт когда-нибудь, мы должны остерегаться разрушения того, что является моральной базой их существования. Их принципы, которые для них являются основой прочной семьи, уважения родителей и послушания властям почерпнуты из книг туземной школы. Читая первые иероглифы, они учат основные правила морали Конфуция, а в их памяти откладываются те принципы, которыми они должны будут руководствоваться в течение всей жизни. Эти знания даются им в деревенских школах.

Если они у них будут отняты, то чем заменим мы их в наших школах? Французской моралью, моралью отважных людей, основанной на чувстве долга, любви к родине, человеческой солидарности? Но учитель, который призван обучать (естественно, туземный), сам не сможет её понять. Что же будет тогда с учениками?» [763, с.100, 102].

В этих словах Поля Думера фактически обосновывается проводившаяся долгое время политика на нерезформирование и неразвитие начальной школы и всей структуры образования во Вьетнаме и даже на нежелательность приобщения вьетнамцев к европейской системе образования. Кроме этого Поль Думер

¹ См. «Параграф 1» «Главы 1» «Части I» настоящего тома.

вполне откровенно выступает с последовательной позицией невозможности и ненужности совместного обучения французов и вьетнамцев, что являлось важным элементом официальной политики в сфере образования. Результатом такого подхода стало создание двойной системы образования: одной для французов и другой для местного населения.

Для детей находившихся в Индокитае французских чиновников и военных были созданы две средние школы – колледж Шасселу-Лоба в Сайгоне и средняя школа в Ханое. Кроме того, по всей стране были разбросаны начальные муниципальные школы с отдельным обучением мальчиков и девочек, в которых учились дети служивших в провинциях чиновников колониальной администрации. Правда, в виде исключения и при наличии достаточных знаний во французские школы могли приниматься и вьетнамские дети. Однако таковых было немного. Как отмечал Поль Думер, «знание нашего языка этими последними до сих пор не являлось достаточным, чтобы мы могли обучать их и наших детей в одних классах» [763, с.100, 102].

Отрицательное отношение французской администрации к повсеместному открытию общедоступных начальных школ для вьетнамцев при одновременном закрытии большинства традиционных начальных школ в Аннаме и Тонкине оказало самое пагубное влияние на культурную и политическую ситуацию в стране. Во Вьетнаме стало быстро расти количество неграмотных людей, что на самом деле мало волновало колониальные власти. Их значительно больше беспокоило, что в условиях дефицита начальных школ обеспеченные вьетнамцы сами стали организовывать обучение своих детей в обход официальных властей. В стране появились тайные школы и возродился институт так называемых странствующих учителей, которые преподавали то в одной деревне, то в другой, то в третьей, затем возвращались в первую и так по кругу. Французы не могли контролировать ни тайные школы, ни странствующих учителей, а сил, чтобы искоренить это явление, у них не было. Поэтому они были

вынуждены пойти на резкое изменение своей политики по отношению к системе образования во Вьетнаме.

2.1.2. Реформа начального образование при генерал-губернаторе Поле Бо

Наиболее чётко сформулировал новый подход к этой проблеме верховный резидент Франции в Камбодже Морель. В своем отчете генерал-губернатору он указывал, что «общее развитие азиатских народов за последнее время показало с исключительной силой крайнюю необходимость поднять моральный и интеллектуальный уровень туземцев наших колоний, чтобы иметь возможность приобщить их к прогрессу и цивилизации. В целях сохранения нашей власти надо в разумных пределах дать нашим питомцам возможность участия в управлении страной» [1644.2, с.1094].

Очевидно, что отчёт Мореля противоречит политике, которая проводилась колониальной администрацией с момента установления власти Франции в стране в полном соответствии со взглядами Поля Думера. Как уже отмечалось, основным принципом той политики был упор на традиционные школы для немногих вьетнамцев, а также раздельное обучение французов и вьетнамцев. В данном же случае прямо говорится о необходимости приобщать местное население к современной цивилизации и готовить отдельных его представителей для работы в нижнем звене административного аппарата.

Новый подход Франции к системе образования во Вьетнаме был воплощён в указе нового генерал-губернатора Индокитая Поля Бо от 27-го апреля 1904 г. В соответствии с этим документом в главных городах страны были открыты так называемые франко-аннамитские школы. Учёба в этих школах продолжалась от 5 до 7 лет, а содержание обучения напоминало программы начальных школ метрополии. Во франко-аннамитских школах должны были «переучивать» на французский лад вьетнамцев, уже получивших образование в начальных школах традиционного цикла. Поэтому в них принимались все выпускники крайне немногочисленных традиционных школ, даже те, кто плохо или совсем не знал

французского языка. Программа франко-аннамитских школ была намного шире, чем любых иных начальных учебных заведений в стране. В них изучались такие предметы, как мораль, которая преподавалась на примерах из китайских и французских произведений, чтение и письмо на французском и вьетнамском языках, при этом преподавалась вьетнамская письменность как на «номе», так и на латинице. Кроме того, преподавались современный французский разговорный язык, арифметика, основы геометрии и землеустройства, счетоводство, основы всеобщей истории, география Индокитая и мира, рисование, основы естествознания и физики, сельское хозяйство и ручной труд [408.1, с.233].

Открытие франко-аннамитских школ стало переломным моментом в модернизации системы образования во Вьетнаме. Ученики этих школ получали вполне современное светское образование, которое создавало фундамент для дальнейшего обучения. Практически все наиболее выдающиеся вьетнамские администраторы, политики и деятели культуры получили начальное образование во франко-аннамитских школах. В то же время их создание позволило французской администрации вновь поставить под свой контроль процесс образования в стране. Уровень франко-аннамитских школ был неизмеримо выше уровня традиционных тайных школ со странствующими учителями. В результате, франко-аннамитские школы привлекли к себе детей из большинства зажиточных и богатых семей, а лишившееся финансовой «подпитки» традиционное образование постепенно прекратило своё существование.

В соответствии с новым подходом к проблемам образования и стремясь воспитать новую профранцузскую интеллигенцию в качестве своей надёжной и долговременной социальной опоры, колониальные власти объявили в начале 1905 г. о подготовке к проведению глубокой реформы народного образования во Вьетнаме.

14-го ноября 1905 г. был обнародован декрет о создании Генеральной дирекции народного образования Индокитая¹ во

¹ Министры воспитания остались только в Аннаме и Камбодже.

главе с видным французским педагогом профессором Гурдоном, который немедленно приступил к практической работе по подготовке проектов школьной реформы. В это же время произошло и другое знаковое событие. Генеральный секретарь Индокитаея Брони обратился к генерал-губернатору с письмом в котором заявил о необходимости учреждения при генерал-губернаторе совета по совершенствованию туземного образования, в состав которого, по его мнению, должны были входить не только французы, но и хорошо знающие местные обычаи и мышление лица азиатского происхождения [1644.3, с.1157]. Революционное предложение Брони полностью было воплощено в указе генерал-губернатора от 8-го марта 1906 г., которым был учреждён Совет по совершенствованию образования в Индокитае. В его состав были включены президент, два вице-президента и секретарь, которые назначались лично генерал-губернатором. Кроме этого по составленным местными администрациями, провинциальными резидентами и генеральным директором народного образования спискам генерал-губернатор назначал в совет 25 уважаемых и известных деятелей «из числа хорошо знающих местные языки и системы народного образования французов и туземцев». По замыслу французской администрации именно эти люди должны были предложить проект новой системы народного образования в Индокитае.

В предложенной совету для рассмотрения программе был учтён ряд требований, выдвинутых представителями вьетнамской элиты и интеллектуальных кругов, которые стремились в той или иной форме восстановить хотя бы отдельные элементы традиционной системы образования. Особенно активно лоббировались требования восстановления в школах Кохинхины обучения иероглифическому письму и проведения в Аннаме и Тонкине экзаменационных конкурсов не реже одного раза в три года. При этом, принимая во внимание новые реалии, авторы этих требований предлагали добавить к традиционным экзаменам испытания по физике, математике и французскому языку.

Не менее важной была и идея создания во Вьетнаме

Индокитайского университета, как высшей структуры всей системы образования в стране. Особенно серьёзные споры вспыхнули в совете, когда на обсуждение было внесено предложение об издании учебников на национальных языках. Дело в том, что тогда некоторые влиятельные представители французской администрации вынашивали проект социально-культурной ассимиляции вьетнамцев и перевода всей системы, в том числе и начального образования, на французский язык. В связи с этим они выступили против программы подготовки школьных учебников на вьетнамском языке, предлагая адаптировать для этих целей уже имевшиеся учебники на французском языке. В то же время совет принял предложение об издании специального периодического журнала для преподавателей школ и лицеев Вьетнама, а также организацию широких исследовательских работ по философии, литературе, истории народов Индокитая. Наконец, по указанию генерал-губернатора Поля Бо на местах были созданы из французов и вьетнамцев подчинённые колониальной администрации провинциальные советы по реформе народного образования, которые должны были сформулировать реформу школы с учётом особенностей каждого региона и представить свои предложения центральному совету в Ханое.

Обсуждение реформы народного образования в совете также сопровождалось и целым рядом практических мер, предпринятых администрацией Индокитая. В частности, было объявлено об открытии публичного конкурса на составление учебников для национальных школ и о выдаче наград вьетнамским учителям за длительную и плодотворную работу. Но самым существенным стало то, что власти пошли на открытие курсов высшего образования университетского типа для повышения уровня и квалификации вьетнамских преподавателей [95.1, с.333, 334]. После длительных и напряжённых дискуссий Совет по реформе начального образования в Индокитае счёл нецелесообразным создание единой для всего Индокитая системы народного образования. Поэтому для каждой страны была предложена с учетом её специфики своя программа реформ.

В целом же утверждённая советом программа представляла собой многостраничный документ, реализация которого позволяла в короткие сроки создать стройную систему образования во Вьетнаме. В программе, в частности, предусматривалось, что процесс обучения должен был начинаться в многочисленных сельских начальных школах, в которых обучение велось бы как на иероглифике, так и на латинице. После успешного завершения учёбы лучшие ученики этих школ должны были направляться во франко-аннамитские начальные и средние школы, а остальные могли поступить в начальные школы в провинциальных центрах, где французский язык был необязательным, или же, в виде исключения, в местные средние школы. После их окончания желающие продолжить учёбу могли поступать в специальные гуманитарные или технические учебные заведения. Наконец, вершиной всей системы образования должен был стать университет Индокитая.

Претворение этой реформы в жизнь почти сразу натолкнулось на трудности, в результате чего многие положения её программы подверглись серьёзной коррекции. В первую очередь изменениям подверглись такие наиболее либеральные предложения, как преподавание всех предметов в начальной школе на вьетнамском языке. Они были отвергнуты уже через год после попытки их реализации. Реформа началась с императорского указа от 31-го мая 1906 г., после которого в начальных школах Аннама все предметы стали преподаваться исключительно на вьетнамском языке. Это встретило резкое сопротивление французской администрации, рассматривавшей такое новшество как уступку вьетнамскому национализму. Поэтому уже в 1908 г. реформа была отменена под тем предлогом, что «Аннам ещё не достиг необходимого уровня европейской цивилизации» [95.1, с.57]. Совершенно очевидно, что эта формулировка являлась лишь предлогом, чтобы исправить допущенную в 1906 г. «ошибку» и прекратить явно неудавшийся, с точки зрения колониальной администрации, эксперимент. Её скрытый смысл становится ещё более понятен, если принять во внимание, что проблема расширения

французского культурного и духовного влияния на население колоний стояла в тот момент очень остро. Поскольку преподавание предметов на вьетнамском языке фактически отсекало тысячи вьетнамцев от усвоения французского языка и культуры, администрация Индокитая стремилась не допустить полной вьетнамизации школ, чтобы не потерять важного рычага культурного влияния на мировоззрение вьетнамцев.

Тогда же возникли и серьёзные проблемы между французскими властями и вьетнамскими преподавателями, которые также выдвинули свои требования корректировки реформы начального образования. Их требования носили как экономический, так и политический характер. Учителя заявляли о необходимости повышения зарплаты, особенно в начальных школах, а также улучшении условий труда и жизни преподавателей. Что же касается политических требований, выдвигавшихся учителями из так называемых «книжников», то на них следует остановиться особо. Дело в том, что в них причудливо сочетался патриотизм большинства учителей, которые стремились ввести обучение в начальных школах только на вьетнамском языке, с пониманием необходимости заимствования из Франции передовых гуманитарных и технических идей. Поэтому они требовали как использования исключительно вьетнамского языка в начальной школе, так и европеизации преподавания в средней школе одновременно с созданием специальных технических и коммерческих лицеев и ряда высших учебных заведений.

Следовательно, хотя предпринятая администрацией генерал-губернатора Поля Бо реформа привела к некоторому прогрессу в развитии грамотности и образования во Вьетнаме, основные её задачи так и не были решены. Главным же было то, что был частично приостановлен процесс деградации образования в стране и у очень ограниченного числа вьетнамцев появились возможности получить образование европейского уровня у себя в стране. Для подавляющей части вьетнамского населения эта реформа, почти не повлияв на увеличение уровня грамотности на селе, осталась почти незамеченной. В результате накануне Первой мировой войны,

то есть примерно через 8 лет после начала осуществления реформы, в начальном, или народном, образовании Вьетнама сложилась следующая ситуация.

В Аннаме в относительно небольшом числе деревенских общин функционировали так называемые школы I ступени для детей от 6 до 12 лет. В этих школах вьетнамские учителя преподавали на родном языке под непосредственным контролем французского инспектора. Хотя обучение в этих школах должно было продолжаться 6 лет, в реальности дети крестьян, а именно на них они и были рассчитаны, учились не более 2 лет. Причиной тому было то, что крестьянские хозяйства, большинство из которых балансировали на грани выживания, просто не могли себе позволить надолго отвлекать потенциального работника от полевых и иных работ. Кроме того, в традиционной сельской культуре считалось, что детям достаточно уметь писать и считать. Немаловажным фактором являлось и то, что школ начальной ступени было очень мало, поэтому многие дети не могли из года в год преодолевать значительные расстояния, чтобы добраться до школы. Поэтому, поскольку учеников в Аннаме было мало, а учились они в основном лишь треть положенного срока, говорить о серьёзных изменениях в народном образовании и его широком распространении в центре страны перед Первой мировой войной в результате реформ Поля Бо не приходится.

В Тонкине положение с народным образованием почти ничем не отличалось от Аннама. Отличие было лишь в том, что в некоторых районных центрах существовали трёхлетние школы, в которых учились дети более зажиточных слоёв населения – мелких торговцев, ремесленников и мелких чиновников. Там же были открыты и три профессиональные школы – в Ханое, Каобанге и Намдине. Первая являлась средним профессионально-техническим учебным заведением, в котором за 3 года готовили техников для кустарной и мелкой промышленности и агрономов для плантационных хозяйств, а последние две были обычными ремесленными школами.

В Кохинхине положение с народным образованием было несколько лучше, чем в Аннаме и Тонкине. В

большинстве её деревень функционировали небольшие школы с преподавателем, содержащимся на средства самой сельской общины. Такая форма обучения существовала во многих районах Кохинхины, поскольку доходы крестьян на богатых землях дельты Меконга были существенно выше, чем в других районах страны, и общины могли позволить себе содержать преподавателя. Кроме того, в Кохинхине было открыто пять сопоставимых с франко-аннамитскими школами, начальных школ более высокого уровня, а также ряд профессионально-технических учебных заведений.

Таким образом, подводя итог реформе начальной школы 1904 – 1913 гг., можно ещё раз повторить, что поставленных ее инициаторами задач она так и не решила. Большинство вьетнамских детей оставались неграмотными, а стройной системы образования так и не сложилось. Накануне Первой мировой войны в 1913 г. в государственных начальных школах учились лишь 12103 ребёнка. Учитывая же, что до начала реформы только в одних миссионерских школах насчитывалось почти 6 тысяч учащихся, можно сделать вполне определённый вывод об «успешности» проведённой администрацией Поля Бо реформы начального образования.

В то же время нельзя не отметить, что в ходе реформы колониальной администрации удалось практически полностью решить все политические задачи. Так, традиционные школы с преподаванием иероглифического письма, тайные школы и странствующие учителя перестали играть какую-либо роль в системе образования. Поэтому когда в 1915 г. французские власти официально объявили о закрытии традиционных школ и об отмене конкурсных экзаменационных испытаний в Тонкине, это не вызвало серьёзного возмущения. Поскольку к тому времени традиционных школ оставалось очень мало, вьетнамское общество почти не заметило их исчезновения [408.1, с.234; 619, с.501; 763, с.423].

2.1.3. *Начальное образование в 1917 – 1945 гг.*

Новая более эффективная реформа начального, или народного, образования развернулась во Вьетнаме на рубеже

1917 – 1918 гг. То было время Первой мировой войны, когда Франция напрягала все силы для достижения победы. Поэтому стабильность в Индокитае, откуда в метрополию поступал значительный поток финансовых и материальных ресурсов, рассматривалась в Париже как жизненно важная задача. Кроме того, на войну были отправлены в качестве рабочих и солдат тысячи вьетнамцев, а в самом Индокитае – размещены военные займы и введены военные налоги. В этих условиях французы не могли не пойти хотя бы на частичное удовлетворение требований местного населения, тем более что вызванные мобилизацией восстания, произошедшие в 1916 г. во Вьетнаме, и разгром демонстрантами сайгонской тюрьмы показали хрупкость политической стабильности в Индокитае¹.

Одним из основных предъявляемых крестьянами, жителями городов и даже тесно сотрудничавшей с колониальными властями политической элитой требований было введение в стране полноценной системы народного образования, создание массовых начальных школ и широкой сети среднего и среднего специального образования, а также открытие университета. В этих условиях новый генерал-губернатор Индокитая Альберт Сарро просто не мог уклониться от проведения реформ, а потому инициировал на рубеже 1917 – 1918 гг. принятие так называемого «Кодекса народного просвещения».

По сути это был революционный документ, который вплоть до начала Войны сопротивления 1946 – 1954 гг. оставался фундаментом всей системы образования во Вьетнаме. В результате во всех странах Индокитая были установлены четыре основные школьные ступени: первая – народное национальное образование, вторая – начальное и начально-высшее франко-национальное образование, третья – среднее франко-национальное образование и четвёртая – высшее франко-национальное образование [96.1, с.22, 23]. Принятие этого кодекса означало, что почти через 80 лет после

¹ См. «Параграф 3» «Главы 1» «Части I» и «Параграф 2.1» «Главы 1» «Части III» настоящего тома.

начала захвата Францией вьетнамских земель колонизаторы, наконец предприняли попытку создать в стране целостную, рассчитанную на приём тысяч вьетнамских детей систему образования. В то же время очевидно, что его принятие стало значительным успехом национального движения, с которым французские власти были вынуждены всё больше считаться.

В соответствии с принятым «Кодексом народного просвещения» основой массового образования должны были стать народные школы, которые планировалось открыть в каждой сельской общине. Тем самым обеспечивалось введение всеобщего обязательного начального обучения для детей от 6 до 10 лет. Однако после окончания Первой мировой войны, когда зависимость метрополии от обстановки в Индокитае уменьшилась, темпы создания народных школ резко снизились. В результате к 1935 г., то есть через 17 лет после утверждения кодекса, приблизительно на 30 тысяч деревенских общин Вьетнама таких школ насчитывалось чуть больше 2,5 тысяч, в которых училось всего 300 тысяч из 3,5 миллионов, или 8%, детей школьного возраста. Преподавание в народных школах велось на вьетнамском языке, причём в Кохинхине – на латинице, а в Аннаме и Тонкине – на «номе».

По «Кодексу» обучение в народных школах должно было продолжаться 4 года, однако на самом деле дети учились в них лишь 3 года. Кроме родного языка в начальных школах изучались основы арифметики, история и география, однако основным предметом считалась мораль. Её преподавание велось на основе конфуцианских и буддийских канонов, а также ряда постулатов европейской морали, привязывавшихся к местным реалиям. Так, ученики в обязательном порядке должны были пройти такие темы, как «Долг вьетнамца по отношению к Франции», «Обязанность вьетнамцев уважать французский флаг» и даже «Уплата налогов как важный долг гражданина». Другая серьёзная корректировка «Кодекса» состояла в том, что родители большинства заканчивавших «народные школы» вьетнамских детей не выказывали никакого желания продолжать их дальнейшее обучение. Причинами этого были как материальные трудности, так и

незнание большинством учащихся «народных школ» французского языка, без которого продолжить образование не представлялось возможным. Французский язык преподавался в народных школах лишь на втором году обучения, да и то факультативно в небольшом числе школ. В результате главный замысел «Кодекса народного просвещения», то есть создание единой взаимосвязанной системы школьного образования, позволяющей учащимся подниматься с низшей ступени на более высокую, оказался нереализованным. Иными словами, образование в народных школах де-факто имело тупиковый характер, и только отдельные выпускники имели возможность двигаться дальше по образовательной лестнице.

Также нельзя не отметить, что отсев учащихся в народных школах был очень велик. Во второй класс обычно переходило не более половины учащихся первого, а в третий – не более половины второго. Так, в 1930 г. лишь 34,7 тысячи детей окончили народную школу, что составило около 15% от общего числа учащихся во всех трёх классах [408.1, с.240].

В рамках реализации программы «Кодекса народного просвещения» в 1927 г. был принят отдельный закон о введении в Кохинхине всеобщего начального обучения. Этот документ в значительной степени имел чисто декларативный характер, а потому каких-либо серьёзных сдвигов в начальном образовании Южного Вьетнама так и не произошло. Так, с его принятием количество народных школ не увеличилось, их финансирование не изменилось и проблемы, связанные с массовым отсеком учащихся, также не были решены. Более того, в сам закон власти ввели целый ряд оговорок, которые фактически выхолащивали его содержание. Например, в новый закон была введена поправка о том, что глава семьи имеет право сам обучать детей, не отправляя их в школу. Другая поправка гласила, что ребёнка разрешается не посылать в школу, если его дом находится более чем в 4 км от неё. Именно эта поправка фактически сводила принятие закона о всеобщем образовании к нулю. Дело в том, что из-за слабой развитости школьной сети тысячи детей жили на расстоянии более 4 км от школы. Как отмечала в то время

местная печать, «при всём своём желании и желании родителей дети 6 – 10 лет не могут ежедневно ходить в школу за 5 – 11 км» [408.1, с.240].

Ключевой идеей «Кодекса народного просвещения» 1917 г. являлось создание второй ступени единой школьной системы Индокитая, которая должна была состоять как из начального, так и из высшего начального образования, или из так называемого «первого цикла франко-индокитайского классического образования». В отличие от народных школ, которые действовали в основном в сельской местности, школы второй ступени в основном создавались в провинциальных центрах и городах. Поэтому только наиболее обеспеченные семьи из сельских районов имели возможность отправлять своих детей на учёбу в эти школы. Другое их отличие от народных школ было в том, что, если цель обучения в первых состояла в приобретении основ грамотности, то цель обучения во вторых имела задачей формирование из вьетнамцев «туземной элиты» [408.1, с.241]. Учащиеся школ второй ступени должны были получить в них достаточные образование и квалификацию, чтобы стать служащими нижнего и среднего уровней административного аппарата колонии. Помимо этого обучение в этих школах должно было открыть части учащихся путь к последующему поступлению в учебные заведения более высоких ступеней.

В школах второй ступени главным был французский язык. Правда, в их программу также обычно включался и вьетнамский язык, но уже в качестве дополнительного предмета. Кроме того, в зависимости от основной религиозно-культурной традиции того или иного региона в программу преподавания включалась либо классическая иероглифика, либо пали. Курс обучения длился не более двух лет. При этом общеобразовательные предметы в программах школ второй ступени обычно сводились к самому минимуму, тогда как основное внимание уделялось изучению языков, особенно – французского, и морали. В 1935 г. во Вьетнаме было 426 так называемых франко-аннамитских школ, в которых училось почти 90 тысяч человек [408.1, с.241]. Лишь немногие из

выпускников продолжали обучение в учебных заведениях более высокого уровня, а большинство становились мелкими чиновниками в административном аппарате или искали себе какую-либо иную работу. Продолжить обучение в высших начальных школах могли лишь очень немногочисленные представители наиболее зажиточных городских семей. В то же время престижность этих школ была очень велика, ибо только их выпускник мог рассчитывать на должность штатного чиновника колониальных учреждений или продолжить учёбу в средней школе.

Количество высших начальных школ было крайне ограниченным. В 1935 г. во Вьетнаме работала лишь 21 такая школа с 3,3 тысячами учащихся. То есть, из примерно 90 тысяч учеников всех начальных школ только чуть больше 3% перешли в высшие начальные школы. Их программа самым существенным образом отличалась от программ «народных школ» и школ второй ступени. В целом она соответствовала несколько видоизменённой программе французской высшей начальной школы со сроком обучения в четыре года. Однако, в отличие от стандартной программы французской высшей начальной школы, в программу высшей начальной школы Индокитая был включен целый ряд таких дополнительных предметов, как вьетнамская история и география, мораль с буддийским или конфуцианским уклоном и чуть более углублённое изучение физики и естествознания. В высших начальных школах французский язык являлся единственным языком обучения и преподавания, при этом вьетнамская латиница и иероглифика хотя и считались дополнительными, также изучались с первого класса.

К высшим начальным школам также относились и так называемые педагогические школы, программа которых практически ничем не отличались от программ аналогичных школ в самой Франции. В 1935 г. во Вьетнаме было лишь четыре таких школы с 380 учащимися.

Основным различием между высшими начальными и педагогическими школами было то, что в первых уделялось много внимания национальной и региональной специфике, а

вторые практически ничем не отличались от таких же школ метрополии. Кроме того, высшие начальные школы Индокитая готовили в целом будущую профранцузскую управленческую и предпринимательскую элиту. Поэтому колониальные власти, надо отдать им должное, стремились, чтобы их выпускники разбирались во всех аспектах жизни своей страны и знали её историю и культуру. Оканчивавшие же педагогические школы занимались распространением французского языка и культуры как во Вьетнаме, так и во всём Индокитае, то есть они становились инструментом формирования профранцузской местной элиты. Поэтому, как и выпускники аналогичных школ в Алжире, Тунисе, Сенегале и на Мадагаскаре, они должны были в максимальной степени ощущать свою причастность к французской культуре. Согласно замыслу французских политиков, они должны были стать частью сообщества объединённых французским языком и культурой людей разной национальности, имевших при этом в целом идентичные друг другу взгляды и знания, чем планировалось обеспечить культурное единство французской колониальной империи.

Казалось бы, различия между программами высшей начальной и педагогической школ Индокитая свидетельствуют о глубоких противоречиях во французской политике в сфере колониального образования, но это лишь на первый взгляд. Очевидно, что учёт особенностей социально-политического регионального развития в системе образования никоим образом не противоречит его стандартизации на основе максимально широкого использования французского языка. Просто речь идёт о специализации местных кадров, одни из которых должны были иметь управленческие функции, а – другие, говоря современным языком, заниматься идеологией.

Третьей ступенью школьной лестницы в Индокитае являлись так называемые полноправные средние школы, лицеи, куда принимались по специальному конкурсу лучшие выпускники высшей начальной школы. Как правило, это были представители наиболее богатых и обеспеченных городских семей и крупных землевладельцев. На всю страну в 1935 г. действовали лишь два таких мужских лицея с 310 учащимися.

Курс обучения в этих лицеях был рассчитан на три года. Подготовке лицеистов придавалось особое значение, поэтому их учебный план утверждался лично генерал-губернатором Индокитая. Его особенностью и отличием от учебных планов других средних учебных заведений Вьетнама было то, что в нём 36% всего времени отводилось на изучение физики и математики, на французский язык отводилось 23,3%, а более 10% времени – основам военного дела. Из анализа учебного плана полноправных средних школ следует, что на самом деле они служили местом первоначального обучения вьетнамцев, которые в последующем пополняли ряды сформировавшейся из местных жителей так называемой индокитайской армии. Она находилась под полным контролем колониальных властей, а выпускники полноправных средних школ нередко занимали в ней высокие командные должности. Перед войной особенно много вьетнамцев служили в её технических службах механиками-водителями, ремонтниками, связистами и на других технических должностях.

По окончании полноправной средней школы её выпускники получали диплом бакалавра, приравнивавшийся к аналогичному французскому диплому. Более того, президент Франции подписал 12-го октября 1930 г. специальный декрет, по которому все, кто закончил среднее франко-индокитайское образование, получали право поступать на общих основаниях во французские университеты.

Однако все попытки предоставить привилегированным и в целом профранцузски настроенным вьетнамцам равные права с французами и тем самым ликвидировать реальное неравенство наталкивались на прямое противодействие в обществе. Последнее объясняется дискриминацией, которая, судя по печатавшимся во французской прессе того времени материалам, была чрезвычайно распространена на бытовом уровне даже в самой Франции. Поэтому в метрополии, несмотря на все декреты властей, к вьетнамцам относились весьма недружелюбно и с подозрением, крайне неохотно принимая их на учёбу. Так, известный публицист Поль Моне в одной из своих статей приводит случай, когда администратор

одного из французских университетов на прошение о зачислении некоего вьетнамца из богатой и профранцузски настроенной семьи, имевшего к тому же все законные права на поступление, ответил: «Вы не иностранец, но Вы и не француз, поэтому я ничего для вас не могу сделать» [908, т.1, с.95]. В то время подобные ответы не были редкостью, при этом даже самые успешные выпускники средних школ Индокитая имели мало шансов продолжить образование за его пределами. Следует отметить, что даже верхушка французской колониальной администрации нередко разделяла указанные взгляды. Так, генерал-губернатор Мерлен указывал, что «давая образование туземному населению, нужно придерживаться не вертикальной, а горизонтальной линии, поэтому не следует предоставлять ему возможность получать образование за границей». Ещё более жёстко звучат слова губернатора Кохинхины Кандьяка, который заявил, что туземцев нельзя направлять в метрополию, так как «путь во Францию есть путь к анти-Франции» [408.1, с.246]. Таким образом, для получения высшего образования выпускники полноправных средних школ могли поступить только в местный университет, о котором речь идёт несколько ниже.

Весь вышеизложенный материал свидетельствует о том, что созданная французской администрацией структура начального и среднего образования в реальности была далеко не равноправной. Значительная часть вьетнамских детей не получала вообще никакого образования, другая часть хотя и обучалась в так называемых «народных школах», фактически не имела шансов на продолжение образования.

В то же время начальная и высшая начальная школы, в которых учились представители наиболее привилегированных слоёв вьетнамского общества, служили прагматическим целям подготовки национальных низших и средних кадров для колониальных учреждений, а их выпускники, особенно начальных школ, должны были образовать ядро франко-вьетнамской интеллигенции, заинтересованной, как полагали в колониальной администрации, в сохранении в том или ином виде французского господства во Вьетнаме.

Наконец, недоступные для подавляющего большинства вьетнамцев полноправные средние школы готовили высшую вьетнамскую гражданскую и военную элиту, которая по культуре и уровню знаний была бы сопоставима с собственно французским населением колонии.

Таким образом, можно сказать, что проводившиеся колониальной администрацией реформы так и не привели к созданию системы массового равноправного и справедливого образования с равными шансами для продолжения учебы для всех. Об этом же свидетельствует и тот факт, что к началу Второй мировой войны во Вьетнаме было ничтожное количество начальных и тем более средних школ. В стране на 1 тысячу деревень приходилось в среднем только 10 начальных школ. Так, в 1939 г. во Вьетнаме, население которого составляло в то время около 20 миллионов человек, насчитывалось всего 4413 школ с 567,3 тысяч учащихся и 8365 учителями. Соответственно перед Августовской революцией в 1945 г. 95% населения Вьетнама были неграмотными. На 100 человек только трое детей в возрасте от 8 до 16 лет имели возможность посещать школу и лишь двое взрослых были грамотными. В отдалённых же от городов сельских районах население почти поголовно не умело читать и писать. При этом многие национальные меньшинства даже не имели своей письменности [924, с.6; 1604.1, с.36].

Такая ситуация в сфере образования вызывала явное недовольство как в среде национальной элиты, так и во всём вьетнамском обществе, что нередко приводило к открытым протестам. Первым их проявлением стала активная поддержка учащимися и преподавателями начальных школ петиции, которую подали 600 представителей южновьетнамской элиты прибывшему в 1925 г. в Кохинхину генерал-губернатору Варенну. Об уровне этого недовольства свидетельствует и то, что во вспыхнувшем в феврале 1930 г. в Иенбае восстании находившихся под командованием французов вьетнамских частей приняли участие и учившиеся в начальных школах

представители национальной элиты¹.

Поскольку на всём протяжении своего колониального господства во Вьетнаме Франция так и не смогла полностью решить проблему начального образования, то, скорее всего, Александр Варенн был недалёк от истины, когда заявил перед отъездом из страны в 1926 г., что «вопросы школьной реформы – это наиболее трудная проблема местной политики» [408.1, с.250].

2.2. Создание системы среднего и среднего специального образования в 1858 – 1945 гг.

При анализе последовательности создания французами системы школьного образования во Вьетнаме легко заметить, что первые средние школы были основаны ими раньше, чем начальные. Связано это парадоксальное явление с тем, что сразу же после захвата Кохинхины в 1858 г. перед французами встала проблема создания дееспособной и эффективной власти в подконтрольных им районах Южного Вьетнама. В то же время по вполне понятным причинам они не испытывали особого доверия к оставшимся на юге немногочисленным чиновникам императорского двора, большая часть которых, также как и учителей традиционных школ, ушла от французов на север. Кроме того, завоевание Вьетнама наглядно показало французским властям, во что превратилось к концу XIX в. классическое конфуцианское образование, формировавшее недееспособное и коррумпированное чиновничество империи Дайнам. Именно поэтому французская администрация была вынуждена заняться подготовкой кадров из местных жителей для организации управления на деревенско-общинном уровне. Соответственно программа обучения будущих чиновников низшего звена колониальной администрации была насколько возможно приближена к той, по которой учились европейские чиновники. В результате эти чиновники-вьетнамцы должны были, по замыслу колониальных политиков, не только стать

¹ Смотри «Параграф 4.1.2» «Главы 1» и «Параграф 1.2» «Главы 2 «Части I» настоящего тома.

достаточно компетентными в сферах своей ответственности, но и превратиться в полностью преданных Франции людей.

Первым шагом в этом направлении стало создание уже в первые годы французского господства так называемых франко-аннамитских школ с целью подготовки переводчиков для французской колониальной администрации. Какого-либо дополнительного образования кроме усиленного изучения языков в них даже не предусматривалось. Тем не менее, пусть и с некоторой натяжкой, именно эти переводческие школы можно назвать первыми специальными образовательными учебными заведениями для вьетнамцев. Следует отметить, что поначалу франко-аннамитские школы не пользовались особой популярностью у вьетнамцев, но когда выяснилось, что они являются каналом быстрого продвижения по службе, в них буквально хлынули «сыновья местной знати» [619, с.500].

В дальнейшем, по мере развития провинциальных структур управления, французы столкнулись с настоятельной необходимостью увеличить общую численность чиновников-вьетнамцев низшего звена колониального административного аппарата. Первоначально эту задачу доверили католическим миссионерам, которые открыли в Сайгоне Колледж [епископа] Адранского с целью «воспитания знающих французский язык и преданных Франции чиновников и секретарей, способных обслуживать государственные и частные предприятия» [408.1, с.231]. Расчёт делался на то, что учившихся в этом религиозно-административном учебном заведении вьетнамцев-католиков хватит для комплектования кадров низшего звена административного аппарата. Однако очень быстро выяснилось, что их слишком мало для решения этой проблемы. Более того, вьетнамские католики, которые традиционно с большой неохотой шли во власть и всегда предпочитали сельскую жизнь, не имели ни желания, ни даже начальной подготовки, чтобы стать ядром нового управленческого слоя во Вьетнаме. В итоге французские власти всё же были вынуждены обратиться за помощью к традиционной вьетнамской феодальной элите.

23-го октября 1896 г. в Хюе был издан императорский

указ об открытии Государственной школы, в котором особо отмечалось, что, помимо классических и канонических конфуцианских трудов следует изучать и другие источники мудрости, для чего и открывается новая школа. При этом подчёркивалось, что «в неё будут приниматься сыновья принцев крови, молодые люди из различных ветвей императорской семьи, сыновья высокопоставленных чиновников и учащиеся привилегированных школ» [1644.4, с.958]. Было решено, что на подготовительное отделение этой школы принимаются дети из знатных семей в возрасте от 6 до 15 лет, на её основной курс – юноши от 15 до 20 лет, а занятия должны вестись по французским учебникам и традиционным конфуцианским текстам. Затем, в ноябре того же 1896 г., генерал-губернатор своим декретом утвердил этот указ и внёс в него ряд существенных исправлений и добавлений. Так, он запретил принимать в эту школу учащихся из провинциальных школ и поставил её при этом под непосредственный контроль французского резидента Аннама.

Эти внесённые генерал-губернатором в императорский указ добавления и изменения служат важным свидетельством того, что колониальные власти решили формировать кадры индокитайской администрации именно из числа традиционной правящей элиты. Следует отметить, что в выборе социальной опоры французы были достаточно последовательны. Так, например, когда к Индокитайскому союзу была присоединена отторгнутая у Китая территория Гуанчжоувань, то указом генерал-губернатора от 16-го февраля 1905 г. в Ханое открыли школу, аналогичную государственной школе Хюе, в которую принимались исключительно сыновья высшей местной знати [1644.4, с.958].

Помимо государственной школы в правление генерал-губернатора Поля Думера были открыты ещё два не менее элитарных учебных заведения в Ханое – так называемая Школа ожидающих назначения и аналогична Государственной школе в Хюе «Школа Павлинов». Уже после отъезда Поля Думера из Индокитая, французским колониальным властям пришлось существенно скорректировать свою политику,

ориентированную лишь на подготовку управленческих кадров из верхушечных слоёв общества. Это было связано с тем, что в администрации Индокитайского союза стала остро ощущаться нехватка низшего и среднего административного персонала. Поэтому в 1903 – 1905 гг. было принято решение об учреждении так называемых промежуточных школ, поступить в которые могли уже не только выходцы из высшей знати, но и представители наиболее зажиточных сельских и городских слоёв населения. После окончания этих промежуточных школ, программа которых была вполне сопоставима с программой лицеев, их выпускники также получали право работы в административном аппарате колонии [408.1, с.232].

Лицеи для подготовки администраторов и управленцев появились практически одновременно с созданием так называемых профессиональных школ, цель которых состояла в том, чтобы сохранить традиции вьетнамского ремесленного производства. Так, например, лаковые вьетнамские изделия пользовались большой популярностью в Европе и являлись одной из важных статей индокитайского экспорта. Поэтому в 1898 г. в Ханое появилась первая профессиональная школа, а в последующие годы – в Сайгоне и Хюе. В этих школах изучалось рисование, счетоводство, декоративное искусство, архитектура и практическое строительство. Особое внимание уделялось сохранению традиционной техники таких национальных ремёсел, как инкрустация, лакировка, деревянная скульптура, ковровая вышивка, чеканка и другие. В 1900 г. в профессиональную школу Ханоя пригласили даже двух японских художников, чтобы усовершенствовать местную технику лака.

Медицина стала ещё одной сферой профессионального обучения, получившей существенное развитие в период французского господства. Так, 23-го августа 1903 г. генерал-губернатора Индокитая издал указ об организации в Кохинхине первой практической медицинской школы для местного населения. Эта современная по тем временам школа, делилась на два отделения – терапевтическое и повивальное. На первое принимались говорившие по-французски и умевшие

читать и писать на латинице вьетнамцы в возрасте от 20 до 30 лет. На второе принимались женщины-вьетнамки, желательно понимавшие французскую речь. Интересно, что учащиеся этой школы не могли поступить в неё самостоятельно. Они направлялись на учёбу властями своей провинции. На терапевтическом отделении обучение длилось 18, а на повивальном – 6 месяцев. Выпускники получали диплом фельдшеров с правом лечить только местных жителей. Лечить европейцев им запрещалось. После этого в октябре 1904 г. в Ханое было открыто медицинское училище повышенного типа, в котором из числа вьетнамцев уже готовились врачи, имевшие право полномасштабной медицинской практики, но только под контролем врачей-французов. Кроме того, в этом училище готовили фельдшерниц, акушерок и ветеринаров. В отличие от практической медицинской школы обучение в училище длилось для врачей 4, а для акушерок – 2 года [763, с.419; 1644.5, с.1014].

Французская колониальная администрация создавала и специализированные профессионально-технические школы в рамках реформы начального образования, которая привела к образованию системы начальных и высших начальных школ. При некоторых учреждались двухгодичные или годичные курсы, на которых велась предварительная профессиональная подготовка учащихся, приобретающих практически навыки ремесленного труда. Одновременно с этим создавались и приравненные к средним специальным учебным заведениям так называемые профессиональные практические школы. По программе и целям обучения эти школы походили на профессионально-технические училища, в которых готовили специалистов технического профиля – слесарей, шоферов, механиков, электротехников, водителей моторных и паровых ботов. Всего же к середине тридцатых годов во Вьетнаме было создано 12 профессиональных практических школ с общим количеством учащихся в 720 человек. Ежегодный выпуск этих школ не превышал 50 – 60 человек, при этом многие выпускники так и не находили работу по специальности.

Также следует отметить, что во Вьетнаме так и не было

создано высшего технического образования. Формально его высшей ступенью должны были стать специализированные школы, или технические факультеты, университета, однако выпускники профессиональных практических школ не могли даже подступиться к ним, поскольку они не могли сдать вступительные экзамены по таким предметам, как, например, классическое иероглифическое письмо. Этого предмета в программах средних технических школ просто не числилось, поэтому изучить его можно было только в частном порядке.

Таким образом, на начальном этапе своего господства французские власти развивали среднее специальное образование во Вьетнаме только в тех пределах, в каких это было им необходимо. Мелкие чиновники, фельдшеры для лечения туземного населения и ремесленники, изготавливавшие традиционные и хорошо продаваемые в Европе изделия, – вот и весь набор профессий, на которые были ориентированы первые специальные школы. Только после Первой мировой войны по мере постепенного роста вьетнамской экономики, в стране начала создаваться сеть профессионально-технических школ, в которых готовились квалифицированные рабочие для развивающихся производств.

2.3. Основные проблемы развития высшего образования в 1907 – 1945 гг.

Первая неудачная попытка создать высшее образование во Вьетнаме связана с именем генерал-губернатора Поля Бо. Д.Дж.Холл описал это событие следующим образом: «Когда Поль Бо в качестве уступки национализму основал в 1907 г. Ханойский университет, то среди студентов произошёл такой взрыв националистических чувств, что в следующем году его закрыли» [619, с.423, 502]. В действительности же университет в Ханое был открыт только через 10 лет, когда изменившаяся в Индокитае ситуация вынудила колониальные власти пойти на этот шаг. При этом открытие университета диктовалось теми же причинами, что и проведённая в те же годы реформа начального и среднего образования. Колониальные власти просто были вынуждены пойти на уступки местному

национализму, чтобы в условиях длительной и тяжёлой войны в Европе сохранить стабильность во Вьетнаме и в Индокитае.

В 1939 г. Ханойский университет состоял из 8 почти самостоятельных школ: медицинской, фармацевтической, педагогической, юридической, административной, сельского и лесного хозяйства, коммерческой и общественных работ. Из них только медицинская, фармацевтическая и юридическая приравнивались к высшим учебным заведениям метрополии. Однако получение диплома в Ханойском университете ещё не давало права на работу во Франции. Остальные пять школ готовили специалистов средней квалификации. Для того чтобы в них поступить, хватало начального образования, а обучение длилось всего 1 – 3 года. Следует отметить, что подготовка специалистов велась без учёта реальных потребностей страны, при этом 46% учащихся составляли студенты юридической, медицинской и фармацевтической школ, 8% – школы сельского и лесного хозяйства и 35% – школы общественных работ. Перед Первой мировой войной школа сельского и лесного хозяйства выпускала всего 10 агрономов в год, и это в стране, где сельское хозяйство было основной отраслью экономики. При этом подготовки национальных инженерно-технических кадров вообще не было. Всего же в университете учились 582 студента [1463, с.203, 204; 1477.1, с.16].

В 1925 г. французы основали во Вьетнаме своего рода художественное училище, назвав его при этом Высшая школа изобразительных искусств. В 1941 г. открылась Высшая школа науки, которая готовила преподавателей для средней школы. В 1942 г. был создан Институт юридических и социальных наук, готовивший квалифицированные вьетнамские кадры для колониального административного аппарата. Он также являлся и местным научно-исследовательским центром.

Наконец, следует отметить, что ряду представителей вьетнамской элиты удавалось получать высшее гуманитарное, естественное или техническое образование во Франции.

Большинство выпускников упомянутых учебных заведений работали мелкими чиновниками администрации, секретарями, учителями и врачами или пополняли ряды

технического персонала средней квалификации фабрик, железных дорог, строительных и других организаций. Однако даже при наличии диплома французского высшего учебного заведения вьетнамцы не допускались на руководящие посты в колониальной администрации.

2.4. *Европейская наука во Вьетнаме в 1893 – 1945 гг.*

Если в начальный период колониального господства во Вьетнаме французы мало что сделали для создания системы европейского образования, то их достижения в области науки были совершенно иными. Так, одним из их первых шагов в области культуры стало создание в 1881 г. музея в Сайгоне, в котором в основном экспонировалось кхмерское искусство. На следующий год там же была открыта и городская библиотека.

Генерал-губернатор Индокитая Поль Бер учредил и возглавил Тонкинскую академию в 1886 г.¹¹ Его заместителем стал вьетнамский император, а в её состав вошли назначенные генерал-губернатором 40 вьетнамцев и 10 французов. Задачей академии являлись изучение и отбор материалов по истории Вьетнама, охрана памятников истории и искусства, перевод на вьетнамский язык европейских книг и их издание в сокращённом виде, изучение Индокитая и издание научных трудов по проблематике региона, создание общественных библиотек по всей стране, выпуск журнала и многое другое.

В 1898 г. в Ханое была учреждена уже неоднократно упоминавшаяся Французская школа Дальнего Востока¹, вскоре ставшая крупнейшим центром изучения истории, археологии, искусства и языков народов Индокитая. С 1901 г. она начала издавать свой бюллетень [1627], а в 1902 г. при ней были созданы библиотека и музей. ФШДВ также принимала самое активное участие в открытии в 1901 г. Музея Камбоджи и Музея Лаоса в Пномпене, в 1918 г. – Музея тямской скульптуры в Дананге¹¹ и в 1923 г. – музея императора,

¹ Далее – ФШДВ. См. также «Параграф 1» «Введения» в «Томе I» и «Параграф 2.3» настоящей главы.

¹¹ См. иллюстрации 96 – 100 и 102 – 104 в «Томе II»

формально правившего Аннамом в 1916 – 1924 гг. под девизом «Начало определённости»¹ в Хюе.

В 1901 г. также была учреждена имевшая как научное, так и практическое значение Медицинская школа, в которой готовились местные медицинские кадры. В конце 1896 – начале 1897 г. был основан Бактериологический институт в Нячанге, а в 1898 г. при Сайгонском госпитале был открыт его филиал. Кроме того, были созданы Метеоролого-магнитная, Географическая и Геологическая службы [763, с.104 – 111]. Позднее во Вьетнаме начал действовать Институт Пастера, институты океанографии и сельского хозяйства, а также целый ряд других научно-исследовательских учреждений и служб. Однако подавляющее большинство их сотрудников были французами. Среди них почти не было вьетнамцев, но даже при этом некоторые из них, как, например, работавшие во Французской школе Дальнего Востока Дао Зюи Ань и Чан Ван Зяп, достигли вершин мировой науки.

Таким образом, можно сказать, что, проявляя большую активность в изучении Вьетнама, в том числе и с целью укрепления своих позиций, французские колониальные власти уделяли внимание реорганизации образования лишь постольку, поскольку это было необходимо для управления колонией и создания франко-культурной вьетнамской элиты в качестве своей опоры в стране.

2.5. Средства массовой информации до Августовской революции 1945 г.

Сначала вьетнамская пресса появилась в Южном Вьетнаме, поскольку в силу объективных причин там раньше сложились необходимые условия для издания газет. Ведь как известно, французские печатники прибыли на юг вместе с войсками экспедиционного корпуса, привезя с собой не только специалистов, но и необходимое для печати полиграфическое оборудование.

¹ Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI» и иллюстрацию 10 в настоящем томе.

В результате в 1861 г. в Сайгоне появилась первая вьетнамская типография, тогда как на севере это произошло только 12 лет спустя. На юге также раньше сложилось и потреблявшее прессу франко-вьетнамское общество, которое состояло из чиновников, зарождавшейся буржуазии и учащихся.

Основы вьетнамской прессы заложил выдающийся просветитель 2-ой половины XIX в. Петрус или Чьонг Винь Ки, которому уже было уделено много внимания¹. Здесь же следует лишь напомнить, что 16-го сентября 1865 г. он был назначен главным редактором учреждённой пятью месяцами ранее первой вьетнамской газеты на латинице «Новости Зядини». Поэтому 15-ое апреля 1865 г. и считается днём рождения вьетнамской прессы. Кроме того, Чьонг Винь Ки был директором и главным редактором первого частного вьетнамского журнала. Он также владел 15-ю европейскими и 11-ю азиатскими языками.

О профессиональных качествах Чьонг Винь Ки можно судить по тому, каким образом он создал сеть нештатных корреспондентов и поставил перед ними задачу с помощью опубликованных им в своей газете 25-го января и 16-го февраля 1870 г. статей. В первой говорилось, что «Министр культуры Л.Ланжье сообщает учителям и переводчикам, что поскольку редакция “Новостей Зядини” находится в Сайгоне, она не может знать о всём том, что происходит в шести регионах южной области, хотя это и необходимо для издания газеты. Поэтому министр культуры предлагает вам каждую неделю писать о происходящих вокруг вас событиях. Написанный материал присылайте бесплатно в редакции “Новостей Зядини”». Во второй же Чьонг Винь Ки обратился к корреспондентам с просьбой «не забыть указывать, когда событие произошло, где оно произошло, почему произошло, с чего началось, как продолжалось и чем закончилось, а также каким был его результат – позитивным или негативным...».

¹ Смотри «Параграф 2.3» «Главы 4» «Части I» «Тома III».

«Новости Зядини» считались еженедельной газетой, при этом она могла выходить в любой день недели. Количество полос варьировалось от 4 до 12. Публиковавшиеся в ней материалы делились по своему содержанию на три основные рубрики. Первая содержала официальную информацию о законах, декретах, указах, постановлениях и циркулярах властей, сведения о назначениях и увольнениях, военные и политические новости, а также сообщения агентства «Ханас» о событиях в мире. Вторая была посвящена информации об экономической, религиозной и культурной жизни общества. Наконец, третья состояла из статей познавательного и образовательного характера, посвящённых культуре, морали, обрядам, традициям, истории и родному языку. Стиль газеты допускал смешение разговорного и письменного языков, а её оформление было очень простым. В ней также публиковалась и реклама. За 32 года своего существования газета «Новости Зядини» не только создала условия для дальнейшего активного развития вьетнамской прессы, но и многое сделала как для широкого распространения письменности на латинице, так и для повышения грамотности своих читателей, донося до них самую разнообразную информацию. К несомненным заслугам газеты следует отнести и её национальный колорит, о чём свидетельствуют многие её публикации.

С 1892 г. на севере начала выходить официальная еженедельная газета «Литературная нива Великого Юга», которая сначала печаталась на иероглифике, а затем – на латинице. Через некоторое время появились и другие издания, в основном – частные, но при этом получавшие субсидии от колониальных властей. Так, в Сайгоне печатались газеты «Трибуна земледельца и священника» с 1900 г. и «Новости шести провинций» с 1910 г., а в Ханое с 1900 г. – газета «Новости Великого Вьета». Главное содержание всех этих частных изданий составляли официальные новости. Следует отметить, что значительную роль в общественной жизни Вьетнама начала XX в. играли газета «Литературная нива» и «Журнал древностей». На страницах этих изданий нашли

отражение идеи сторонников общественно-просветительской школы Восточной столицы. Однако оба они просуществовали недолго и вскоре были закрыты колониальными властями.

Созданные во Вьетнаме начала XX в. газеты и журналы сыграли важную роль в становлении вьетнамской литературы того времени. В них впервые были опубликованы как переводы трудов многих западноевропейских мыслителей, так и произведения вьетнамских авторов. Таким образом, публикуя произведения различных авторов, газеты и журналы в значительной степени способствовали формированию профессиональных литераторов, тогда как читатели через прессу получали возможность знакомиться с литературными произведениями. Кроме того, следует отметить, что в те годы творческий путь профессионального писателя обязательно начинался в печати. При этом расширение литературных отделов и интерес читателей к художественной литературе в немалой степени способствовали превращению общественно-политических журналов в литературные.

В 1913 г. вышел первый номер еженедельного журнала «Индокитай». Это был первый вьетнамский журнал, специализировавшийся на проблемах литературы, искусства и культуры. Его главным редактором и основателем был известный «про-французский» просветитель Нгуен Ван Винь, нередко публиковавший в своём журнале произведения таких популярных вьетнамских авторов, как Фам Зюи Тон и Нгуен Кхак Хиеу. Особой известностью в то время пользовался и издававшийся с 1917 по 1934 г. ежемесячный литературный журнал «Южный ветер». Он состоял из трёх идентичных частей, одна из которых печаталась на французском языке, вторая – на иероглифике и третья – на вьетнамской латинице, но уже вскоре последняя стала доминирующей. Главным редактором журнала был уже упоминавшийся ранее известный Фам Кюинь, который, как известно, активно сотрудничал с французскими колониальными властями. Оба эти журнала получали финансовую поддержку от колониальных властей, что в определённой степени сказывалось на их редакционной политике и идейно-художественном содержании. Тем не

менее, публикуя произведения талантливых вьетнамских писателей и поэтов, они внесли заметный вклад в становление и развитие национальной литературы. Кроме того, эти журналы, в которых публиковались как переводы многих произведений европейской и китайской классики, так и научно-популярной литературы, во многом способствовали формированию нового мышления во вьетнамском обществе.

Одновременно с журналом «Южный ветер» в Тонкине выходили ежедневные газета «Новости Центра и Севера» и с 1920 г. «Народная промышленная газета». В 1926 г. начал издаваться журнал «Аннам», который возглавлял уделявший большое внимание литературе и литературной критике известный поэт Нгуен Кхак Хиеу, позднее прославившийся под псевдонимом Тан Да.

Особое значение вьетнамская пресса приобрела после окончания Первой мировой войны. В начале двадцатых годов на юге страны, в Кохинхине, ставшей центром буржуазно-демократического движения в стране, начали выходить вьетнамские газеты на французском языке, в которых звучали требования демократических свобод. Это были такие издания, как «Местная трибуна» и «Эхо Аннама». Первое возглавлялось Буй Куанг Тиеу и Нгуен Фу Кхаем, а второе – Нгуен Фан Лаунгом. Они были рупором либеральной торговой буржуазии и помещиков, требовавших реформ.

Широкий резонанс в стране вызывали статьи газеты «Треснувший колокол», главным редактором которой был крупный общественный деятель Нгуен Ан Нинь, и газеты «Аннам», которой руководил известный революционер-марксист Фан Ван Чыонг. Обе они выходили в Сайгоне. На их страницах велась острая полемика с официальными органами французской колониальной администрации и подвергалась критике политика империалистических государств. Интересно, что, как и вьетнамская революционная пресса двадцатых годов, такие газеты в основном печатались на французском языке. Лишь с появлением в стране коммунистических организаций массовая нелегальная печать на вьетнамском языке начала широко распространяться. Первым таким

изданием стала центральный орган Товарищества вьетнамской революционной молодёжи газета «Молодёжь». Затем, в двадцатые – тридцатые годы, появилось множество изданий, в которых публиковались статьи всего спектра вьетнамского национально-освободительного движения.

В двадцатые годы – это франкоязычные газеты «Молодой Аннам», «Новая эра» и «Новый Аннам», издававшийся в Тонкине Нгуен Ван Винем. В то время стало издаваться много газет и журналов на вьетнамском языке. Например, «Родной край», «Общество молодых» (с 1921 г.), «Голос народа» (с 1927 г.), «Новый век», «Новая женщина» (с 1929 г.), «Хроника Востока и Франции») на юге и «Народная промышленная газета» на севере, «Душа революции» и уже упоминавшаяся газета «Молодёжь». Даже газета «Единое франко-вьетнамское государство», несмотря на данное ей властями название, выступала с резкой критикой политики колониальной администрации.

В те же годы в среде вьетнамской эмиграции во Франции издавались на французском языке газеты «Пария» (с 1922 г.) и «Возрождение» (с 1926 г.), а также газеты «Душа Вьетнама» (с 1925 г.) и «Труд» (с 1927 г.) на вьетнамском языке. Они тайно переправлялись во Вьетнам, где оказывали большое влияние на патриотически настроенную часть общества. Наконец, также существовали нелегальные газеты и журналы. Это органы Аннамской коммунистической партии газета «Красный» и журнал «Большевик», орган Индокитайского коммунистического союза газета «Серп и молот», органы профсоюзов газета «Труд» и журнал «Красные профсоюзы». Затем, после создания в 1930 г. единой КПИК, стали выходить газеты «Вперёд», «Большевик», «Красное полотнище» и «Красное знамя». Кроме того, издавалось много профсоюзных и рабочих газет, сыгравших большую роль в пропаганде и развитии революционного движения во Вьетнаме.

Огромное значение приобретает пресса в годы подъёма революционного и демократического движения 1936 – 1939 гг. Ещё до этого начала издаваться на французском языке газета

«Борьба». Когда же в мае 1936 г. коммунистическая партия перешла на полулегальное положение, одна за другой стали выходить легальные партийные газеты. Это, например, в Тонкине на вьетнамском языке «Новая жизнь», «Эхо», «Познание», «Душа молодых», «Новое общество», «Хроника», «Современное положение», «Друг народа», «Известия», «Современность», «Новые люди» и «Новый мир», на французском языке – «Труд», «Наш голос», «Объединение» и «Вперёд!», в Аннаме на вьетнамском языке – «Побег риса» и «Народ», в Кохинхине на вьетнамском языке – «Вьетнамский народ», «Всеобщая», «Труд», «Новое» и «Народные массы», на французском языке – «Авангард» и «Народ». В этих газетах публиковались статьи многих известных революционеров, включая Хо Ши Мина, писавшего, как известно, под псевдонимом «Нгуен Ай Куок» (Нгуен – Патриот).

В сентябре 1939 г. легальная пресса была разгромлена колониальными властями. Поэтому уже в подполье КПИК основала газету «Знамя освобождения» (с 1939 г.), которая в годы Второй мировой войны стала её центральным печатным органом. С 1940 г. началось издание газет ЦК КПИК «Вперёд» на юге, «Разобьём цепи» в центре и «Освобождение» на севере, а также партийного журнала «Коммунист». Затем стали печататься многочисленные нелегальные газеты, которые открыто распространялись по всей стране, в том числе и в контролируемых французами и японцами районах. Одной из первых газет Лиги Вьетминь стала выходившая в Каобанге газета «Независимый Вьетнам». Тогда же стала печататься его газета «Восстание», а в 1943 г. начал издаваться центральный печатный орган лиги газета «За спасение Родины».

Поначалу все эти издания были нелегальными. Однако к августу 1945 г., помимо газет и журнала КПИК «Правда», Лига Вьетминь стал широко распространять в стране газеты Демократической партии «Независимость», Общества рабочих за спасение Родины «Труд», Общества молодёжи за спасение Родины в Ханое «Душа Родины», Общества солдат за спасение Родины «Вахта бойца», Общества деятелей культуры за

спасение Родины «Авангард» и Вьетнамской Народной Армии «Армия освобождения». Накануне Августовской революции 1945 г. эти полулегальные и легальные издания почти полностью вытеснили газеты и журналы французских колониальных властей и японских оккупантов¹².

Что же касается радиовещания до августа 1945 г., то подавляющее большинство жителей колониального Вьетнама не имело радиоприёмников, а те, кто их имел, слушали в основном развлекательные и зарубежные программы. Этому не стоит удивляться, так как радиоприёмники в то время имели либо европейцы, либо образованные вьетнамцы – выходцы из семей вьетнамской буржуазии и помещичьей среды. Наконец, о телевидении, которое в конце сороковых годов было диковинкой даже в США и Европе, говорить вообще не приходится.

3. *Европейская культура во Вьетнаме 1-ой половины XX в.*

Главной тенденцией в развитии вьетнамского общества с момента французского колониального завоевания стало стремление выйти из многовековой изоляции, в том числе и культурной, и стать частью единого мирового сообщества. Этот процесс, начавшийся в конце XIX и усилившийся в начале XX в., связан как с ростом антиимпериалистических и патриотических настроений, так и с движением за новую культуру, которое привело к культурной модернизации.

Как отмечалось ранее, после Первой мировой войны во Вьетнаме стала быстро увеличиваться численность населения и происходил рост городов. При этом колониальный город во многом оставался административно-экономическим анклавом среди огромных деревенских массивов, к которым относились и традиционные малые городские поселения¹.

Европейская культура и искусство воспринимались и развивались главным образом в крупных городах колониального Вьетнама и были детерминированы новыми социальными слоями и группами общества – буржуазией,

¹ Смотри «Главу 1» «Части III» настоящего тома.

интеллигенцией, студенческой и учащейся молодежью, мелкими ремесленниками и другими. Именно в их среде прежде всего появлялись, апробировались, принимались или отвергались новые художественные идеи и формы, прокладывавшие путь современному вьетнамскому искусству. Эти же социальные слои внедряли полученные в результате контактов с западной культурой и новые художественно-эстетические идеи в национальную культуру и искусство. В результате во Вьетнаме появились современный театр, изобразительное искусство и кинематограф, которые, как и литература, отражали модернизацию вьетнамского социума и интегрировали его в мировое культурное сообщество.

3.1. Знакомство европейцев с традиционным вьетнамским искусством

В 1887 г. Тонкинская академия организовала в Ханое первую выставку аннамитского искусства, «не только чтобы вызвать гордость жителей колонии, но и для того, чтобы европейцы, находящиеся здесь, обратили внимание на это событие» [1730.1.1, с.51]. На ней были представлены изделия местных мастеров: вышивка, ювелирные украшения, изделия из бронзы и других металлов, фаянс, керамика, фарфор, изделия из дерева, слоновой кости, панцири черепах, народные лубки и многие иные предметы. С конца XIX в. вьетнамское традиционное искусство стало регулярно экспонироваться на художественных выставках, которые организовывались на различных международных ярмарках.

В 1889 г. в Париже открылась грандиозная выставка, приуроченная к 100-летию юбилею Великой французской революции. Индокитай был представлен на ней павильонами Тонкина, Аннама, Кохинхины и Камбоджи, находившимися на площади Инвалидов. В выставке в качестве «наглядных экспонатов» принимали участие и жители французских колоний, в том числе и индокитайцы, которых поселили в специальные туземные деревни. Посетители индокитайских павильонов могли пообедать в национальном ресторане,

побывать на представлении в аннамитском театре и ознакомиться с изделиями туземных мастеров-ремесленников.

Следующая выставка также состоялась в Париже по инициативе генерал-губернатора Поля Думера в 1900 г. В числе экспонатов раздела «Искусство Индокитая» были представлены изделия традиционных художественных ремёсел, написанные французами портреты местных жителей, географические карты, изваяния Будды, курильницы, манускрипты и другие предметы.

Не менее значимой была и проведённая в 1902 г. в Ханое международная выставка, в которой участвовали все французские колонии, Япония, Китай, Таиланд, Корея, Филиппины и сама Франция. Помимо многочисленных образцов традиционного ремесленного мастерства и прикладного искусства колоний, на выставке можно было познакомиться и с современным французским искусством. Судя по всему, это была первая столь представительная выставка, которую Франция организовала в одной из своих колоний. Около 200 французских художников и скульпторов направили свои произведения на выставку, в том числе такие известные мастера, как Латур, Роден, Марке и другие, при этом скульптуре Родена «Граждане Кале» была присуждена серебряная медаль. Сами французы оценили эту выставку как одно из самых ярких событий культурной жизни в истории своей колониальной империи.

В 1906 г. произведения традиционного искусства стран Индокитая экспонировались на колониальной выставке в Марселе. В их числе были лаковые предметы, инкрустация перламутром, резьба по дереву, вышивка и ювелирные изделия. В последующие годы произведения индокитайских мастеров также представлялись на колониальных и иных выставках, которые устраивались в различных французских городах. Тогда же стали делаться и первые заказы на такие художественные изделия вьетнамских мастеров, которые становились всё более популярными в Европе, что побудило колониальные власти и частных предпринимателей на поиски возможностей расширения их производства в Индокитае. С

одной стороны, этот интерес к вьетнамскому искусству, положительно сказался на его развитии, но с другой – привёл к падению качества самих художественных изделий. В итоге, традиционное искусство превратилось в механическое подражание старым образцам и приёмам, а местные мастера стали «творить» в соответствии с запросами европейцев и местных нуворишей.

3.2. Первые вьетнамские художники новой формации

Потребность вьетнамского общества в новой культуре стала проявляться лишь в первые десятилетия XX в. Лучше всего сам процесс перехода от опиравшегося на старые эстетические нормы изобразительного искусства к новому изобразительному искусству может быть проиллюстрирован на примере Ле Ван Миена¹. Он считается первым вьетнамским художником, который в своём творчестве полностью следовал западным образцам. Ле Ван Миен был третьим ребёнком в многодетной семье придворного чиновника. Как отмечалось ранее, в 1898 г. его отправили с двумя другими юношами во Францию на учёбу в Колониальной школе¹³, где, несмотря на хорошую успеваемость, у него были непростые отношения с администрацией школы из-за участия в студенческих забастовках, на которых выдвигались требования равных прав для народов колоний. После окончания учебы Ле Ван Миен попросил разрешения остаться в Париже, чтобы заниматься в Национальной школе изящных искусств под руководством её директора и известного художника-ориенталиста Жана-Леона Жерома. Знакомясь с жизнью и культурой Европы, молодой вьетнамец посетил во время каникул много стран. В 1894 г. Ле Ван Миен написал в Париже первое произведение маслом – «Портрет старика Нгуен Ван Мая»¹¹, а в 1895 г. он успешно окончил художественную школу и вернулся домой.

Во Вьетнаме Ле Ван Миен преподавал в лицеях Виня и Хюе. Уже в начале успешно начатого творческого пути он

¹ Смотри «Параграф 5» «Главы 2» «Части III» «Томы III».

¹¹ Судьба этой картины неизвестна.

отказался от карьеры художника и стал чиновником при дворе Нгуенов. Его картин почти не сохранилось¹⁴. В настоящее время лишь два произведения Ле Ван Миена находятся в Музее изобразительных искусств Вьетнама в Ханое. По ним можно судить о высоком профессиональном уровне их автора.

Первая, «Портрет конфуцианца»¹, считается первым произведением современной вьетнамской живописи. В этой картине Ле Ван Миен впервые использован такой приём, как светотень, при этом созданный художником образ отражает эмоциональное состояние человека, что характерно не для восточного, а для европейского портрета.

Композиция второй картины, «Комментарии к классическому литературному тексту»¹¹, написана в полном соответствии с законами европейской классической живописи.

Ле Ван Миен «Комментарии к классическому литературному тексту»

Художник изобразил урок по литературе, при этом сидящие на полу ученики разделены на две симметричные группы, расположенные справа и слева от учителя, который стоит в

¹ 1898 г. масло.

¹¹ 1898 г. масло.

центре. Таким образом, Ле Ван Миен очень точно и наглядно передал особую атмосферу урока по классической литературе из реальной жизни.

Однако в конце XIX в. новая культура ещё не была востребована вьетнамским обществом, а европейская техника живописи ещё казалась вьетнамцам очень необычной и даже диковинной. Поэтому Ле Ван Миен не мог полностью реализоваться как художник в общественной и художественной атмосфере колониального Вьетнама того времени и воспринимался как своего рода исключение. В то же время следует отметить, что распространение европейского образа жизни в таких больших городах, как Ханой, Хайфон и Сайгон, было связано с появлением новых социальных слоёв и групп, прежде всего мелкой городской буржуазии и интеллигенции. Именно их постепенная «европеизация» привела к тому, что вьетнамские художники начали печататься как в ежедневных газетах и журналах, так и в книгах с иллюстрациями западного образца. Такое увлечение новыми формами постановок по европейским пьесам привело к реформе театра и к появлению художников-декораторов, которые оформляли не только пьесы, но и выступления передвижных цирковых трупп в праздничные дни.

Ярким представителем этого направления в живописи являлся Тханг Чан Фень¹, который хоть и был самоучкой, но стал первым вьетнамским художником, получившим широкую известность в столице Тонкина благодаря тому, что оформлял декорации для сцены по западным образцам. В начале XX в. Тханг Чан Фень начал писать картины акварелью и маслом, а в начале двадцатых годов – взялся за воплощение исторических сюжетов, используя европейскую технику письма. Его картина «Фам Нгу Лао»¹⁵ получила Большой приз на колониальной ярмарке-выставке в Ханое и признание широкой публики. Другая картина Тханг Чан Феня, «Портрет господина Тю»¹¹ представляла собой как по композиции, так и по технике

¹ 1895 – 1963 гг.

¹¹ 1923 г. масло.

исполнения совершенно новый для того времени вид портрета с обобщённым образом вьетнамского интеллектуала из формировавшегося слоя европейски образованных людей.

Согласно архивным данным, в 1906 г. на колониальной выставке в Марселе были представлены картины на шёлке и открытки известного ханойского художника того времени Чыонг Ван Тхюи. Французам художник также запомнился портретами посетителей, которые он рисовал на открытом воздухе. Они были выполнены в европейской манере, люди на его картинах «были как настоящие». К сожалению, ни одно из его произведений не сохранилось [1396.1, с.31].

Среди первых вьетнамских художников следует назвать и художника императорского двора в Хюе Лыонг Куанг Зюета, который, судя по всему, самостоятельно изучил технику масла и принципы европейской живописи. Его наиболее известной картине «Кхешон»¹ присущи реалистические элементы и европейская перспектива, однако в ней также отчётливо прослеживается сильное влияние китайской пейзажной живописи. В своих последующих работах, «Пагода Тхиенму» и «Гавань Тыхисн»² Лыонг Куанг Зюет постепенно уходит от условности изображения и сознательного символизма, что сближает их с созданными два десятилетия спустя первыми работами молодых вьетнамских художников Высшей школы изобразительных искусств Индокитая. Известный вьетнамский искусствовед Нгуен Куан отмечал, что написанные маслом шесть пейзажей императорских усыпальниц этого художника имеют своеобразный колорит, а по своим особенностям они уже не китайские, но ещё и не европейские [1396.1, с.31].

3.3. Архитектура как авангард европейского культурного влияния во Вьетнаме

Европейские архитектурные стили стали проникать во Вьетнам задолго до французской колонизации. Первые элементы европейской архитектуры были принесены в страну

¹ 1900 г.

² Обе – 1904 г.

в XVI в. католическими миссионерами. Затем, в конце XVIII – начале XIX в., французские военные инженеры участвовали в строительстве фортификационных сооружений по системе Вобана¹. Массовое же появленис во Вьетнаме зданий во французском архитектурном стиле датируется рубежом XIX и XX вв. Благодаря масштабной реконструкции и застройке, города начали отделяться от деревни, что сопровождалось быстрым изменением их внешнего облика. Большую роль стали играть занимавшие лучшие места в городских центрах административные здания. Застройка обогащалась зданиями новых типов, выполненных в неизвестных ранее европейских стилях. Их отличал величественный вид и классический архитектурный стиль, воплощавшие мощь действующей власти. Наиболее крупные и интересные в архитектурном отношении здания строились в Ханое и Сайгоне. Именно там впервые появлялись такие новые для страны типы зданий, как особняки, виллы, здания государственных учреждений, больницы, школы, библиотеки, музеи, театры, научные институты. Застройка Ханоя и Сайгона должна была служить примером для других городов Вьетнама¹¹. В двадцатые – тридцатые годы XX в. во Вьетнаме бурно развивался архитектурный стиль арт-деко. Тогда же появился и целый ряд возведённых французами в неоготическом архитектурном стиле католических соборов.

Интересно отметить, что в колониальном Вьетнаме здания государственных учреждений, как правило, строились в стилистике неоренессанса, необарокко или неоклассицизма, культовые сооружения в основном возводились в стилистике «средневековья», а торговые здания и учреждения культуры создавались преимущественно по образцам неоклассицизма и арт-деко [1592.1.1].

Со временем было замечено, что европейские архитектурные стили мало соответствуют вьетнамским климатическим условиям и не слишком отвечают местным

¹ Смотри иллюстрации 26, 45, 57 и 90 в «Томе III».

¹¹ Смотри иллюстрации 72, 75, 82, 99, 102 и 107 в настоящем томе.

представлениям о красоте архитектурных сооружений. Поэтому французские и вьетнамские архитекторы совместно разработали так называемый индокитайский стиль, для которого характерно использование традиционного декора, а также элементов вьетнамского и кхмерского архитектурных стилей при строительстве крыш и системы выступов над окнами для защиты от солнца и дождя. Примерами такой архитектуры могут служить здания Ханойского университета, а также Управления финансов, Музея Луи Фино¹, Института Пастера и Клуба военных моряков в Ханое.

3.4. *Профессиональные и художественные школы*

При осуществлении культурной политики во Вьетнаме французские колониальные власти стремились в первую очередь усилить своё влияние в сфере общественного сознания, повлиять на художественные взгляды вьетнамцев. В результате всё большее значение в жизни новых социальных слоёв вьетнамского общества приобретали европейская одежда и мебель, иллюстрированные по-европейски книги и репродукции иностранных картин, магазины с новым оформлением витрин и новые виды снабжённой рекламными рисунками упаковки товаров. Их перестало удовлетворять традиционное изобразительное искусство, в том числе и живопись. Поэтому, как уже отмечалось, народные мастера и ремесленники вынуждены были учитывать требования и вкусы новых, прежде всего – иностранных, покупателей.

Поначалу французам приходилось привозить во Вьетнам из Франции или Индии практически все необходимые для оформления интерьеров и обустройства жилых помещений предметы рабочего и домашнего обихода, что было связано с немалыми затратами. В то же время в стране было много дешёвой рабочей силы и необходимого сырья, что позволило им наладить производство указанных вещей в самой колонии, но для этого требовались подготовленные кадры. Именно это и стало основной причиной открытия профессиональных и

¹ Музей Истории Вьетнама в Ханое.

художественных школ, обучение в которых ограничивалось изучением новых технических приёмов для модернизации процесса изготовления предметов прикладного искусства. Главными дисциплинами их учебной программы стали копирование западных моделей и образцов, элементарные правила «правильных» пропорций европейского рисунка, линейная перспектива, а также прочие практические навыки.

Первые такие школы были открыты в Кохинхине в самом начале XX в. недалеко от Сайгона, поэтому в них учились, в основном, жители разных провинций Южного Вьетнама. Так, в 1901 г. в городе Тхузоумоте была открыта школа краснодеревщиков [871.1; 1011.1]. Программа этой школы включала изготовление мебели и других изделий из ценных пород дерева, искусство лакировки, резьбу по дереву и слоновой кости, а также инкрустацию перламутром, наконец, декоративное искусство. По программе также планировалось обучение основам рисунка и черчения, но в действительности эти предметы не преподавались. На самом же деле школа краснодеревщиков представляла собой большую столярную мастерскую, в которой, как и во многих других школах художественного ремесла, местные ремесленники выполняли заказы французов и вьетнамских богачей, принося при этом немалый доход своему директору. Несмотря на требования учащихся, чтобы их учили согласно официально объявленной программе, никаких перемен в их учёбе не происходило.

В 1903 г. по инициативе французского художника Виктора Ламорта была открыта школа в Биенхоа, которая готовила мастеров гончарного дела и медного литья. В ней обучали изготовлению очень нравившихся европейцам ваз, кувшинов, керамических статуэток под «китайскую старину». Французские колониальные чиновники прямо заявляли, что «совсем не нужно менять технические приемы гончарного искусства, существующие ещё со времен династии Сун» [1395.1, с.140]. Поэтому вьетнамским мастерам следует лишь учитывать вкусы французов и изготавливать по их заказам вазы и статуэтки не хуже китайцев. В 1916 г. директором школы

был назначен Жорж Сере. В 1948 г. в ней учились 33 человека [871.1, с.140, 151].

Наконец, 14-го октября 1913 г. была создана Школа декоративного искусства в Зядини. В ней обучали чеканке по меди, основам декоративного искусства и литографии. Её выпускники занимались обустройством административных помещений и вилл, работали в типографиях и различных государственных учреждениях, а также преподавали рисование [871.1, с.35]. В 1940 г. при школе было открыто отделение архитектуры, готовившее промышленных чертёжников и профессиональных проектировщиков для дальнейшей работы в архитектурных мастерских. Школа в Зядини примечательна тем, что её директором в 1922 – 1925 гг. был получивший образование во Франции вьетнамец Хюинь Динь Тыу. До него эту должность занимал с 1913 по 1922 г. французский архитектор Андре Жуаё, а затем французы Жюль Бессон, Клод Лемер, Стефан Брек и Луи Бат. С 1947 г. её возглавляли сначала окончившие эту школу, а затем и Высшую школу изобразительных искусств Индокитая в Ханое вьетнамцы Лыу Динь Кхай, До Динь Хиеп и Чьонг Ван И. В 1935 г. вышел альбом с 320 акварельными рисунками учеников школы в Зядини, на которых в европейской технике живописи была запечатлена повседневная жизнь в Кохинхине.

Также известно ещё об одной такой профессиональной школе, которая была открыта в Ханое в 1902 г., чтобы «приспособить местное искусство к современному» [931.1, с.209]. Она имела отделение ремесла (работа с деревом и металлом) и отделение промышленного и декоративного искусства (ваяние, гончарное дело, инкрустация, бижутерия и вышивка). Обучение было рассчитано на 3 года. Оно состояло из практических занятий и теоретического курса, который был посвящён механике и другим предметам общего характера. На первом курсе все слушатели школы занимались вместе, а затем они специализировались по избранной ими профессии. С 1919 по 1930 г. директором школы был Густав Иеролц.

Особо следует сказать о созданной королевским указом от 14-го декабря 1917 г. Школе камбоджийских искусств.

Фактически ею стала учреждённая ещё в 1912 г. Школа декоративного искусства, которая существовала в составе открытой по повелению короля Сисовата в 1907 г. придворной художественной мастерской. 1-го июля 1918 г. её директором был назначен Жорж Грослье, деятельность которого во многом способствовала возрождению интереса к традиционному кхмерскому искусству и культуре¹⁶. Становление школы происходило одновременно со строительством Музея Камбоджи при участии французских архитекторов. Первый камень в его основание был заложен 15-го августа 1917 г., а уже 13-го апреля 1920 г. во время празднования Нового года по кхмерскому календарю музей был открыт в присутствии короля Сисовата, верховного резидента Камбоджи Франсуа Бодуэна и Жоржа Грослье, исполнявшего обязанности директора Службы кхмерского искусства и хранителя музея. Именно ему принадлежит идея дизайна этого здания, которое и сегодня считается образцом традиционной кхмерской архитектуры. В 1920 г. музей был официально переименован в Музей Альбера Сарро, а со временем музей и школа составили единый учебно-практический и исследовательский комплекс¹⁷.

Основные занятия в Школе камбоджийских искусств вели на французском языке сам Жорж Грослье и на кхмерском языке кабоджиец Окня Теп Нимит Мак¹⁸. На первый курс школы принимались кхмеры 14 – 15 лет, умевшие читать и писать на родном языке. Особое внимание уделялось рисунку в контексте канонов кхмерского искусства и традиционных национальных мифологических сюжетов. Со второго курса ученики выбирали будущую специализацию по одному из таких предметов, как графика, рисунок, живопись, работа по золоту, ваение, литье, изготовление масок и аксессуаров для танцев, работа с лаком и шелкоткачество. Экспонаты из музейных коллекций часто использовались в качестве моделей при теоретическом и практическом обучении студентов. На выпускном экзамене учащиеся представляли свои работы и в случае успеха получали соответствующий диплом. В 1921 г. дипломы Школы камбоджийских искусств получили 21 из 33, в 1930 г. – 19 из 65 и в 1935 г. – 45 из 51 её выпускников.

3.5. Высшая школа изобразительных искусств Индокитай

Создание в 1924 г. Высшей школы изобразительных искусств Индокитай в Ханое произошло почти случайно. В 1909 г. Колониальное общество французских художников Парижа учредило «Премию Индокитай», присуждающуюся за заслуги в области изобразительного искусства, воплощающего богатство и процветание французских колоний в Юго-Восточной Азии. Лауреат премии не только награждался бесплатной годичной поездкой в Индокитай для его изучения и написания картин, но и получал при этом солидную сумму на расходы. Для французских художников эта премия имела существенное значение, так как поездка в Индокитай давала шанс получить заказы на картины.

В 1920 г. «Премию Индокитай» получил художник Виктор Тардьё¹⁹, который спустя год прибыл в Сайгон, затем отправился в Ханой, а оттуда начал своё большое путешествие по колонии. Тардьё был покорен яркими пейзажами, людьми и особенно традиционным искусством Вьетнама. Во время этого путешествия художник получил важный заказ на оформление Ханойского университета. Ему было поручено написать монументальную фреску в 180 м² для амфитеатра этого высшего учебного заведения²⁰. Тардьё рассчитывал выполнить заказ за 6 месяцев и вернуться во Францию, однако оказалось, что он остался в Индокитае до конца своей жизни.

Виктору Тардьё для будущей картины были нужны натурщики-вьетнамцы. Его давний приятель, капитан пехоты Поль Моне, имевший в Ханое пансионат для студентов, был знаком с художником Нам Шоном, который ему помог при оформлении интерьера комнат пансионата. В благодарность за эту работу Моне решил познакомить вьетнамца с Виктором Тардьё. Сначала Нам Шон сам позировал французскому художнику, а затем привлёк для этой работы своих ханойских знакомых. Обычно по воскресеньям Нам Шон приносил Тардьё свои картины, которые тот анализировал, давая вьетнамскому художнику профессиональные советы. Так, постепенно, между этими двумя людьми, разница в возрасте

между которыми составляла более двадцати лет, возникла дружба. В её основе лежала любовь к художественным традициям и искусству вьетнамского народа.

Виктор Тардьё. Портрет молодого вьетнамца.
Дата и название картины не известны

О самом Нам Шоне как об одном из зачинателей современной вьетнамской живописи следует рассказать подробнее. Он родился и вырос в зажиточной и известной семье и был единственным сыном жившего в Ханое учёного-конфуцианца Нгуен Ван Кханга. Соответственно получивший традиционное образование Нам Шон знал «ханвьет» и основы конфуцианской этики. С детских лет он любил рисовать и увлекался книгами об изобразительном искусстве Китая и Японии. После окончания лицейя в Ханое будущий художник

поступил на работу в Департамент финансов. Уже тогда Нам Шон активно сотрудничал с журналами «Южный ветер», «Индокитайское ревю» и «Дальняя Азия», а также иллюстрировал школьные учебники.

В 1923 г. Нам Шон вместе со скульптором Нгуен Дык Тху и художником Тханг Чан Фенем участвовал в престижной художественной выставке в Ханое, выставив на ней четыре картины: «Портрет конфуцианца», «Старик из Кимлиена», «Девушка с Севера» и «Натюрморт». Они были выполнены в классической европейской манере и вызвали большой общественный резонанс. Так, в журнале «Южный ветер» была опубликована статья публициста Тхыонг Ти, который, похвалив молодого художника, назвал его стиль «слишком европейским», а созданные им образы весьма непривычными для вьетнамского восприятия [1728.1]. В последующие годы Нам Шон выставлялся на различных международных выставках, где получал награды²¹.

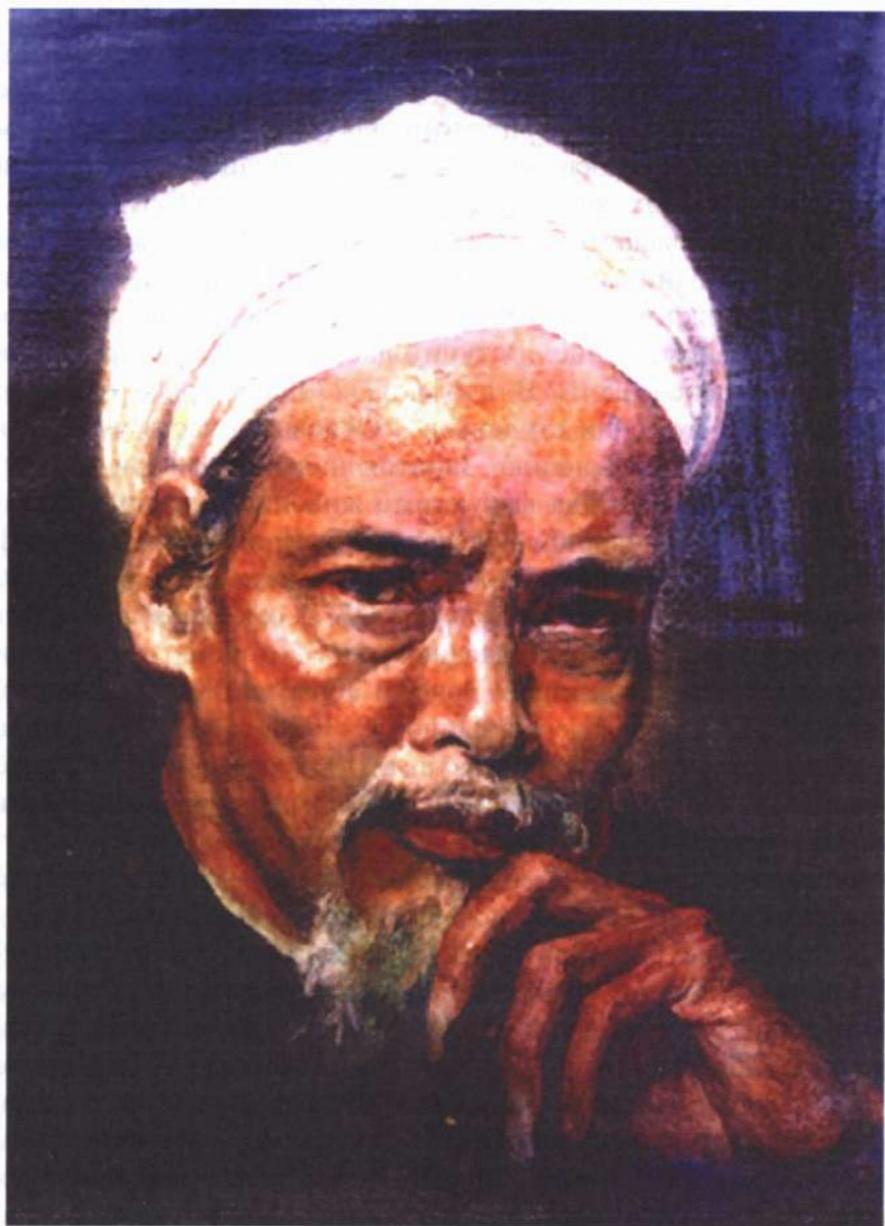
Стремившийся как можно лучше познакомить Виктора Тардьё с вьетнамским искусством Нам Шон показал ему многие достопримечательности и исторические памятники столицы. Вскоре он поведал старшему коллеге свою мечту – открыть в Ханое художественную школу, подобную той, которая уже существовала в Зядини. Постепенно французский художник проникся этой идеей, вследствие чего он отправил во Францию доклад «Искусство Вьетнама в прошлом, настоящем и будущем», в основу которого, возможно, были положены написанные Нам Шоном ещё в 1923 г. «Тезисы по изобразительному искусству Вьетнама». Затем по поручению генерал-губернатора Индокитая Виктор Тардьё стал искать возможность создания художественной школы в Ханое. Большинство его предложений были приняты французской администрацией. Не исключено, что именно тогда у него и родилась мысль о создании в Ханое единого высшего художественного учебного заведения для Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Желание Виктора Тардьё создать специальную школу для подготовки художников из местного населения не противоречило намерениям колониальных чиновников. В его

прошении об открытии такой школы в Индокитае говорилось: «Целью открытия школы является стимуляция подготовки местных кадров художников, воспитанных под влиянием французских идей и методов». Его поддержал генерал-губернатор Индокитая Мартиаль Мерлэн. В результате 27-го октября 1924 г. за подписью премьер-министра Франции был издан декрет об открытии Высшей школы изобразительных искусств Индокитая, зарегистрированной при Французской школе Дальнего Востока. Она организационно входила в Ханойский университет и работала под контролем Главной дирекции общественного образования. Естественно, её первым ректором стал сам Виктор Тардьё.

После официального решения об открытии школы Виктору Тардьё ещё было нужно найти учебные помещения, набрать преподавателей и получить финансирования, так как денег не было даже для того, чтобы оборудовать даже самую простую студию. В этой работе большое участие принял и Нам Шон, проявивший себя как настоящий единомышленник французского художника. Наконец, в самом конце 1924 г. они вдвоём отправились в Париж, чтобы приобрести учебные материалы, пособия, краски и холсты, а также попытаться найти преподавателей для школы. Одним из первых на это приглашение Тардьё откликнулся другой лауреат «Премии Индокитая» – постимпрессионист Жозеф Ингимберти²², к которому позднее присоединились ещё несколько более или менее известных французских художников.

Оказавшись во французской столице, Нам Шон стал посещать краткосрочные курсы сразу в двух учебных заведениях. Утром он занимался в Национальной школе изящных искусств у профессора Пьера Лоранса, а вечером – в Национальной школе декоративного искусства у профессора Феликса Обера. По воскресеньям Нам Шон ходил в парижские музеи, библиотеки и архивы. Он также старался не пропускать постоянно проходившие во французской столице интересные выставки живописи и скульптуры.

Тогда же Нам Шон подружился со ставшим позднее знаменитыми художниками – японцем Фуджита Цурухару и китайцем Сюй Бэйхуном.

Нам Шон. «Портрет конфуцианца». Точная дата неизвестна

Поскольку Виктор Тардьё заболел, Нам Шон вернулся в Ханой вместе с Жозефом Ингимберти, вместе с которым он провёл отбор абитуриентов в школу после предварительных встреч с ними в Ханое, Хюе, Сайгоне, Пномпене и Вьетньяне. Будущие студенты зачислялись по тем же правилам, по которым в то время обирали учащихся в художественные школы во Франции. При этом для допуска к приёмным экзаменам требовалось свидетельство о среднем образовании на уровне старших классов начальной школы [1497.1, с.149].

Школа была открыта 1-го октября 1925 г. в полностью отремонтированном и переоборудованном здании старого железнодорожного депо, а с 1931 г. она получила новое постоянное помещение. Вступительные экзамены прошли в Ханое осенью 1925 г. В итоге из 270 абитуриентов было отобрано 10 будущих студентов²³. Основную часть учащихся составили жители Тонкина. Занятия начались зимой 1925 г. на единственном тогда факультете живописи, декоративного искусства и ваения. Его деканом был назначен Жозеф Ингимберти. Сначала срок обучения составлял 3 года, а с 1926 г. он был увеличен до 5 лет. В 1927 г. открылся факультет архитектуры, для преподавания на котором пригласили французских архитекторов Эрнста Эбрарда, Жака Лагискуэ, Гастона Рожера и Гаержа Пино. С 1928 г. в школе стала изучаться лаковая живопись, а в 1932 г. добавилась ещё чеканка по металлу. Со временем было решено организовать подготовительные группы для желающих поступать в школу. Ими занимался Нам Шон, который также написал учебное пособие «Китайская живопись» на французском языке.

В школе работали лишь 4 официальных преподавателя-француза, учившие технике живописи и ваения, при этом наибольшее влияние на формирование студентов оказали Виктор Тардьё и Жозеф Ингимберти. Французы вели и такие предметы, как анатомия, история изобразительного искусства, архитектура и законы перспективы. Они официально не были преподавателями школы, а работали в различных научных учреждениях колониального Индокитая. В их числе можно назвать известных французских востоковедов Голубева и

Безасье, которые в те годы работали во Французской школе Дальнего Востока в Ханое, занимаясь археологией и историей изобразительного искусства.

Первые 3 из 5 лет обучения студенты школы изучали всемирную историю изобразительного искусства, которая была разбита на три региональных блока: Китай и сопредельные страны, Индия и ареал индокультурных стран и народов, западный мир и развитие его искусства от классики до современности. Традиционное вьетнамское искусство рассматривалось в контексте искусства Индокитая и считалось своего рода копией китайского искусства. Правда, эта точка зрения французских ученых и художников стала меняться в последние годы существования школы. На занятиях по анатомии учащиеся изучали строение человеческого тела, чем традиционные вьетнамские художники никогда не занимались. Новым предметом для них также стали законы перспективы, которые в сочетании с основами физики и пространственной геометрии помогали будущим живописцам и скульпторам овладевать «европейским» видением мира. Однако главными учебными предметами оставались академический рисунок и техника живописи маслом, которые способствовали выработке нового языка в живописи и продвижению к реалистическому изображению объекта.

После смерти Виктора Тардьё 12 июня 1937 г. школу возглавил Эварист Жоншер²⁴. При нём в учебную программу были добавлены изучение техники изготовления керамики и фарфора, а процесс обучения приобрёл более прагматическую направленность. В мае 1938 г. по указу генерал-губернатора Индокитая Жюля Бревье была проведена реорганизация школы, которую переименовали в Школу изобразительных и прикладных искусств. С того времени её главной задачей стало удовлетворение нужд французского населения колонии, поэтому основной упор был сделан на обучение традиционной лакировке, декоративному искусству, резьбе по дереву, гончарному делу и художественной обработке драгоценных металлов, в основном золота и серебра.

Судьба Высшей школы изобразительных искусств Индокитая постоянно зависела от политической ситуации в колонии. Хотя, как уже отмечалось, её открытие в целом отвечало политики французских колониальных властей в области культуры и образования, это событие вызвало негативную реакцию многих колониальных чиновников. Были и такие, которые требовали закрыть школу, называя её деятельность бесполезной тратой денег. В ответ в печати появились статьи известных деятелей вьетнамской культуры, протестовавших против возможного закрытия школы. Сам же Виктор Тардьё отреагировал на эти высказывания организацией выставки работ студентов школы, на которую были приглашены представители колониальной администрации и широких кругов общественности. Выставленные на ней картины и скульптуры получили такие положительные отклики, что противникам школы пришлось отступить, и вопрос об её закрытии больше не поднимался. Впоследствии известный вьетнамский художник То Нгаук Ван написал о тех событиях, что «Нашёлся один француз, решивший сделать что-то полезное для поднятия уровня знаний и образования в Аннаме, и сразу же резко колонизаторы запротестовали» [1395.1].

В годы японской оккупации деятельность школы была значительно ограничена, а с началом американо-английских бомбардировок Индокитай в декабре 1943 г. её эвакуировали из Ханоя. Факультет живописи с деканом Ингимберти и частью факультета ваяния переехали в Шонтэй. Архитектурный факультет и часть факультета ваяния с директором школы Эваристом Жоншером разместились в Далате¹. Часть студентов из группы прикладного искусства вместе с преподавателями Жоржем Кханем и Буй Тьонг Винем обосновались в Фули. Наконец, совершившие военный переворот японцы закрыли в марте 1945 г. Высшую школу изобразительных искусств Индокитая.

¹ В 1944 г. архитектурный факультет был преобразован в Архитектурный колледж.

С 1925 по 1945 г. в Высшую школу изобразительных искусств Индокитая было проведено 18 наборов. Её окончили 128 студентов, из которых продолжили заниматься искусством всего 55 человек – 48 художников и 7 скульпторов²⁵ [1497.1, с.149]. Выступая в 1937 г. на траурном вечере памяти первого ректора этой школы Виктора Тардьё, директор Главного управления образования Индокитая Ахилл Бертран назвал её «храмом, создавшим единое франко-вьетнамское искусство». В свою очередь известный вьетнамский искусствовед и художник Нгуен Куан написал, что, несмотря на некоторую историческую ограниченность, проводившееся французскими властями исследование культуры Индокитая оказалось весьма полезным для всего изобразительного искусства Вьетнама, поскольку до этого в стране «отсутствовала традиция изучать своё национальное искусство, а художники были приравнены к ремесленникам. Искусствоведческие работы иностранных, прежде всего – французских, учёных до 1945 г. открыли дорогу исследовательской деятельности в самом Вьетнаме, стали основой для рождения и развития этой научной сферы» [1396.1, с.15].

По решению министерства народного образования ДРВ от 8-го октября 1945 г. школа была вновь открыта как художественное училище под названием Художественное училище Войны сопротивления, ректором которого назначили упоминавшегося ранее То Нгаук Ван, а преподавателями – признанных в стране мастеров изобразительного искусства. В настоящее время дело Высшей школы изобразительных искусств Индокитая продолжает художественный институт, или Вьетнамская художественная академия, в Ханое.

3.6. *Распространение европейской музыки во Вьетнаме*²⁶

Не считая исполнявшихся на молебнах религиозных псалмов, западная музыка была принесена во Вьетнам французскими колонизаторами. Простые вьетнамцы слушали «военную музыку» в исполнении духовых оркестров, а богатые горожане получили возможность ходить на концерты классической музыки, балетные спектакли и в оперу.

Следует отметить, что колониальная администрация так никогда и не позволила открыть в Индокитае консерваторию для обучения местных исполнителей европейской музыке. Этим стали заниматься Общество поощрения музыки во главе с Нгуен Ван Зиэпом и Музыкальная школа, которой руководил Лыу Куанг Зюет. Поэтому неудивительно, что американские и европейские песни начали широко распространяться во Вьетнаме в основном, благодаря грампластинкам, которые проигрывались даже в кинотеатрах. Уже в первом десятилетии XX в. вьетнамская молодёжь стала предпочитать не национальные музыкальные инструменты, а мандолину, гитару, скрипку или фортепиано, на которых исполнялись полюбившиеся ей западные мелодии.

Позднее, по мере распространения патефонов, модные американские и французские песенки становились всё более популярными в среде вьетнамской городской молодёжи. Молодые люди сочиняли вьетнамские слова к иностранным песням, главным образом для исполнения на вечеринках. Постепенно «вьетнамизированные» западные мелодии стали исполнять и артисты традиционного театра.

Одним из самых известных авторов конца двадцатых – начала тридцатых годов был творивший под сценическим псевдонимом Ты Тьой литератор Хюинь Тху Чунг, который сочинял незамысловатые песенки на западную музыку. Песни Ты Тьоя и других вьетнамских авторов знаменовали начало сочинительства поэтических текстов к западным песням, многие из которых со временем стали считаться полностью вьетнамскими. Например, мало кто знает, что бывшую долгое время в репертуаре традиционного театра песню «Нежность» написал Ты Тьой на западную мелодию. В 1935 – 1938 гг. многие французские песни, в основном созданные композитором Венсаном Скотто, а также такие американские песни, как «Прощайте, Гавайи» и «К югу от границы», были переложены на вьетнамский язык и получили широкое распространение. Автором многих из них был молодой журналист Май Лам. Наконец, в Ханое и Хайфоне появились Общества любителей Тино Росси. Также можно отметить, что

обладавший красивым голосом и ставший впоследствии известным композитором молодой вьетнамец Кань Тхан начал выступать с песнями на сцене под именем Тино Тхан.

Особой вехой в распространении новой музыкальной культуры во Вьетнаме стал 1938 г. Большую роль в этом сыграли концерты Нгуен Ван Туена в Ханое, бывшего единственным вьетнамцем – членом Филармонического общества в Сайгоне. Одним из первых во Вьетнаме он начал исполнять западные песни, а в 1937 г. написал первую песню на стихи своего друга Нгуен Ван Кона, который сотрудничал с «Радио Индокитая» в Сайгоне. Последний представил Нгуен Ван Туена губернатору Кохинхины Пьеру Паже, который предложил талантливому музыканту поехать учиться во Францию. И хотя тот отказался по семейным обстоятельствам, губернатор организовал Нгуен Ван Туену турне по Вьетнаму, чтобы популяризировать новые песни и музыку в Ханое, Хайфоне, Хюе и Намдине. Тогда и появилось название этого музыкального направления – обновлённая, или новая, музыка.

В марте 1938 г. аудитория Общества взаимного обучения в Ханое приняла концерт Нгуен Ван Туена весьма сдержанно и даже с некоторым неудовольствием. Не исключено, что одной из причин стал мало кому из присутствовавших понятный южный диалект, на котором говорил и пел гость. Однако, скорее всего, ханойская молодёжь просто не поняла его призыв реформировать музыку, так как на севере Вьетнама такие обновлённые песни уже широко распространились. Выступление Нгуен Ван Туена в Хайфоне перед 20 членами того же общества оказалось более успешным, а его концерты в женском лицее и кинотеатре «Палас» были восторженно приняты аудиторией, которой особенно понравилась авторская песня «Золотая хризантема». В сентябре 1938 г. она была опубликована вместе с несколькими песнями других авторов в популярной газете «Сегодня», которую издавал известный литератор Нят Линь. Наконец, с 1939 г. песни авторов и композиторов «новой музыки» стали продаваться в книжных магазинах.

После Нгуен Ван Туена в стране стали появляться различные музыкальные группы, повсеместно исполнявшие произведения молодых композиторов, при этом наиболее востребованными оказались романтические песни и пьесы. Их выступления широко освещались и поддерживались прессой. Это, получившее название «предвоенного» музыкальное направление развивалось до 1954 г. На юге Вьетнама оно просуществовало ещё несколько лет.

В основе песен романтического предвоенного стиля обычно лежали высокохудожественные тексты, при этом помимо песен о любви, среди них было немало произведений на исторические и патриотические темы. Произведения предвоенного стиля были восторженно приняты молодёжью и по-европейски образованной элитой, тогда как традиционная элита их отвергала, а обычные небогатые люди относились к ним равнодушно.

Поначалу термин «предвоенная музыка» использовался лишь для обозначения нового музыкального направления, отличительной чертой которого являлись произведения с европейской мелодикой и положенными на них вьетнамскими текстами. Однако затем в него стали включать и лирическо-романтические музыкальные произведения эпохи первой Войны сопротивления. Например, сочинения Нгуен Ван Ту, Чан Хоана и Ле Монг Нгуена, а после 1954 г. в Южном Вьетнаме – Фам Динь Тьбюнга и Кунг Тиена.

Со 2-ой половины тридцатых годов увлекавшиеся западноевропейской музыкой молодые вьетнамцы начали создавать музыкальные «салоны», на которых исполнялись и обсуждались произведения западной музыки. Как правило, эти «салоны» были представлены музыкальными группами предвоенного лирико-романтического стиля. Кроме того, на рубеже тридцатых и сороковых годов музыкальная группа Студенческой ассоциации под руководством Лыу Хыу Фьюка провозгласила своим творческим кредо создание героической музыки. В отличие от других коллективов её музыканты затрагивали в своих песнях различные социально значимые

проблемы, используя музыку в политической борьбе против французских колонизаторов и японских милитаристов.

Многие независимые композиторы вышли из этих музыкальных групп. Благодаря им музыкальная жизнь активно развивалась в Ханое, Хайфоне и Намдине на севере Вьетнама. Самым известным из них был уроженец Намдиня композитор Данг Тхе Фаунг. Он достаточно рано переехал в Ханой, где как вольнослушатель учился в Высшей школе изобразительных искусств, после чего в 1941 г. открыл в южновьетнамском городе Намванге музыкальные курсы, затем вернулся в Ханой и в 1942 г. умер в Намдине в возрасте 24 лет. В историю новой вьетнамской музыки Данг Тхе Фаунг вошёл благодаря песням «Осенняя ночь», «Лодка без пристани» и «Капли осеннего дождя». Тхе Фаунг считается одним из самых типичных представителей вьетнамского музыкального движения предвоенного периода.

Ещё более известен выросший в Хайфоне участник группы «Созвездие» композитор Нам Као, который написал свою первую песню в возрасте 16 лет. В 1941 г. он переехал в Ханой, где создал много замечательных песен. В годы Второй мировой войны Нам Као стал активным участником народного сопротивления оккупантам. В конце 1944 г. композитор написал «Походный марш», ставший сначала официальным гимном Лгги Вьетминь, а затем – государственным гимном ДРВ и СРВ. Ему принадлежит целый ряд произведений, вошедших в сокровищницу новой музыки Вьетнама.

В сороковые годы в Северном, Центральном и Южном Вьетнаме было ещё много известных музыкантов и композиторов. В их числе можно назвать такого певца и композитора, как Фам Зюи, который в 1944 г. одним из первых стал два раза в неделю выступать на сайгонском «Радио Индокитая» с песнями новой музыки. Впоследствии он стал одним из ведущих композиторов Вьетнама и создал много музыкальных произведений различных жанров. Следует отметить, что бывший непосредственным участником Войны сопротивления, Фам Зюи написал целый ряд песен, которые получили широкую известность на севере. Однако его песню

«Мост на границе» власти ДРВ сочли несвоевременной и несоответствующей военно-политической обстановке, что наряду с другими причинами, возможно, и побудило Фам Зюи перебраться на юг.

Наконец, можно отметить, что в целом вьетнамская музыка 1945 – 1954 гг. практически не изменилась. Разве что на севере преобладала героико-патриотическая тематика, а на юге – лирико-романтическая. При этом в Южном Вьетнаме значительно сильнее сказывалось влияние европейской, а затем и американской музыкальной культуры. Так, в 1949 – 1951 гг. компания «Ориа» выпустила несколько пластинок с записями популярных южновьетнамских певцов, которые даже продавались на Западе. На этих дисках были записаны песни известных композиторов Южного Вьетнама, в том числе и написанные Фам Зюи.

4. *Культура Республики Вьетнам в 1954 – 1975 гг.*

О литературе и религиозных учениях Южного Вьетнама уже достаточно много и подробно говорилось в главах настоящего раздела этого тома¹. Что же касается остальных аспектов культурно-идеологического развития Республики Вьетнам, то они сводятся к следующему.

После Августовской революции 1945 г. и до создания Республики Вьетнам в 1954 г. говорить о каких-либо принципиальных изменениях в культуре Южного Вьетнама не приходится. Связано это было с тем, что практически все французы переехали на юг страны. За ними последовала большая часть крупной вьетнамской буржуазии и европейски образованной элиты. Поэтому в Южном Вьетнаме постепенно были воссозданы существовавшие ранее в Северном Вьетнаме культурные и образовательные учреждения, прежде всего – Французская школа Дальнего Востока и университет, которыми с 1954 г. руководило министерство просвещения и культуры Республики Вьетнам²⁷.

¹ Смотри «Параграф 3.3» «Главы 1» и «Параграф 3» «Главы 2» данной части, а также «Параграф 1» настоящей главы этого тома.

Структура и содержание образования на юге страны фактически копировала те, которые существовали в последний период французского колониального господства. Правда, следует отметить, что с середины – конца пятидесятых годов в начальном и среднем образовании появляется всё больше элементов американской системы образования, а английский язык постепенно начинает вытеснять французский. Особенно это ощущалось на бытовом уровне в крупных поселениях и городах, население которых постоянно контактировало с военнослужащими США и работниками американских учреждений и компаний во Вьетнаме²⁸. Однако, если не считать изучение английского языка, «американизация» практически не затронула университетское образование.

Тем не менее появление американских технологий позволило вьетнамским учёным качественно и быстро издавать научные труды по гуманитарным и общественным наукам на вьетнамской латинице со вставленными в текст иероглифами, без которых нередко тот или иной термин невозможно интерпретировать. Особенно важно это было при издании словарей и переводов с иероглифики на вьетнамскую латиницу сочинений и трудов, созданных с XII до середины XIX в. Это оказалось возможным благодаря тому, что на юге сконцентрировалось подавляющее большинство традиционной вьетнамской элиты, владевшей как «ханвьетом», «номом» и вьетнамской латиницей, так и французским и английским языками. К тому же эта элита получила в своё распоряжение новейшие американские издательско-печатные технологии¹. В то же время немногие оставшиеся в ДРВ её представители не имели ни условий для нормального труда, ни современных технологий. Ситуация мало изменилась и после объединения страны и образования СРВ в 1975 г. Когда же во 2-ой половине восьмидесятых годов экономическое положение страны стало улучшаться, оказалось, что в силу возраста получивших такое

¹ Например, смотри в «Сводной библиографии» «Тома VI» работы под №№7, 8, 11, 13, 236.1, 239.4, 1197, 1510, 1511 и другие.

традиционное образование вьетнамских учёных не только в стране, но и во всём мире почти не осталось.

Наконец, следует отметить, что на подконтрольные войскам США территории Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи регулярно приезжали французские, американские и другие иностранные учёные, исследователи и аналитики, которые публиковали свои работы на Западе в научных и периодических изданиях и много сделали для дальнейшего развития вьетнамоведческой науки²⁹.

В 1954 – 1975 гг. в Южном Вьетнаме, главным образом в таких городах, как Сайгон, Хюе, Дананг и Далат, печаталось около 50 антикоммунистических газет и журналов, в которых главное место отводилось критике социализма и пропаганде американского образа жизни. Наиболее крупными из них были «Луч» и «Новая демократия» с тиражами в 80 и 60 тысяч экземпляров соответственно.

В противовес правительственной прессе НФОЮВ издавал газеты и журналы в подконтрольных ему провинциях Южного Вьетнама. В 1961 г. НФОЮВ создал своё собственное информационное агентство «Освобождение», имевшее обширную корреспондентскую сеть как в Южном Вьетнаме, так и в целом ряде зарубежных стран, которое выпускало более 80 газет и журналов на вьетнамском языке, в том числе – орган ЦК НФОЮВ газету «Знамя освобождения». Кроме того, выпускались материалы и на иностранных языках. Так, журнал «Южный Вьетнам в борьбе» печатался на французском и английском языках. Однако тираж каждой газеты и журнала составлял около 5 тысяч экземпляров и был несопоставим с упомянутыми тиражами изданий Республики Вьетнам. Наконец, в 1962 г. была учреждена Ассоциация журналистов-патриотов и демократов, в 1963 г. стал выходить её печатный орган журнал «Пресса».

Сама же культурная жизнь основной части городского населения Южного Вьетнама ограничивалась в основном театром и музыкой, которая отличалась значительно большим разнообразием, чем на севере страны. Её принято делить на лирическую, жёлтую, молодёжную и антивоенную.

Лирическая музыка, которая в предвоенный период обычно воплощала чувства в образах осени и дождя, стала отличаться в исполнении новых молодых музыкантов и певцов индивидуальным стилем. Песни этого жанра были известны не только во Вьетнаме, но и в Гонконге, Японии и на Тайване. Впоследствии они оставались популярными и во вьетнамской эмигрантской среде. В числе прочих наиболее известными композиторами лирической музыки были дебютировавший в 1965 г. Ву Тхань Ан и получивший известность в 1967 г. Нго Тхюи Миен, а исполнителями – дуэт Ле Уиен и Фыонг, а также певица Туан Нгаук.

Так называемая жёлтая музыка представлена песнями с простыми и легко запоминающимися мелодиями. В своих воспоминаниях известный вьетнамский композитор Фам Зюи написал, что «В начале семидесятых годов вьетнамская музыка, главным образом в жанре песни, достигла вершин в своем развитии. Некоторые довольно заурядные песни снискали успех, хотя рассматривались только как товар под названием жёлтая музыка. В них говорилось о простых и понятных чувствах, присущих подросткам, живущим в тылу девушкам и любвеобильным солдатам. Не воспринимавшиеся как серьёзные музыкальные произведения, эти песни были жизненно необходимы некоторым слоям населения в годы войны» [1116.2, с.10].

Особо следует выделить молодёжную музыку, которая в конце пятидесятых годов была принесена из Европы и США в Южный Вьетнам. К тому времени дети коммерсантов и учившиеся по различным программам во Франции студенты уже регулярно слушали французские и американские песни. Однако только в 1963 – 1965 гг. становится модным слушать западные песни на танцевальных вечерах. Такие известные певцы и группы из Великобритании, США, Франции и других европейских стран, как Поль Анка, Элвис Пресли, Клиф Ричард, Джонни Холлидей, Сильви Вартан, Франсуаза Арди, Далида, Платтерс, Шадоуз, Битлз и Роллинг Стоун, стали настоящими идолами сайгонской молодежи. Тогда же появились и первые вьетнамские исполнители этой музыки,

приобретавшие особую популярность благодаря пению на английском и французском языках.

Фам Зюи и Джеймс Дарст на концерте в Сайгоне. 1974 г.

С расширением военного присутствия США в Южном Вьетнаме в 1968 г. резко возросло количество американских ночных баров, в которых звучали песни на английском языке.

При этом музыка многих иностранных песен стала особенно популярной благодаря тому, что по прежней традиции они исполнялись на вьетнамском языке. Вскоре местные авторы сами начали писать национальную молодёжную рок-музыку, нередко принимая, как, например, известный певец Элвис Фьонг, псевдонимы своих кумиров. В 1971 г. на сайгонском стадионе Хоалы состоялся первый фестиваль молодёжной рок-музыки. За ним последовали фестивали в лицее «Таберд» и в Зоологическом саду. Первый состоялся в 1971 г., а второй – в 1974 г., при этом на них присутствовали 10 и 20 тысяч зрителей соответственно. После 1975 г. многие из композиций молодёжной музыки того времени остались популярными в среде вьетнамской эмиграции. Интересно, что некоторые из них продолжают исполнять даже современные певцы СРВ.

Антивоенная музыка также получила достаточно широкое распространение в части фрондирующей молодёжи Южного Вьетнама. С 1966 г. она была покорена песнями Чинь Конг Шона в исполнении певицы Кхань Ли, которые призывали выступать против войны и бороться за мир. После так называемого Новогоднего удара по городам Чинь Конг Шон выпустил в 1968 г. музыкальный альбом «Священная книга Вьетнама», а на следующий год – альбомы «Мы должны увидеть солнце» и «Напевы желтокожих». Говоря образным языком о страдающих от войны вьетнамцах, песни этих альбомов призывали прекратить войну. О влиянии этих песен свидетельствует то, что их пели участвовавшие в антивоенных демонстрациях молодые люди. В 1966 г. музыканты Нгуен Дык Куанг и Динь Зя Лап создали движение странствующих певцов. Это была занимавшаяся культурной и художественной деятельностью общественная организация. Можно отметить, что её официально поддержало министерство национального образования и молодёжи Республики Вьетнам. Зародившись в то время, когда южновьетнамское общество почувствовало потребность в новом и живом искусстве, это движение сумело объединить как именитых, так и молодых музыкантов и композиторов. Его самым популярным жанром стали песни, в которых воспевались любовь и Родина. Ансамбли движения

странствующих певцов и рок-группы часто выступали перед молодёжной аудиторией как в лицах и на стадионах, так и в общественных, спортивных и религиозных и других организациях Южного Вьетнама, серьёзно влияя на рост антивоенных настроений в её среде.

После падения Сайгона в 1975 г. немало известных композиторов покинули страну. В первые годы эмиграции главной темой их творчества были воспоминания о Родине и Сайгоне. Затем с середины восьмидесятых годов композиторы вьетнамского зарубежья всё чаще стали обращаться к жанру лирической песни. Интересно, что с конца девяностых годов многие из эмигрировавших деятелей вьетнамской науки и культуры начали приезжать в СРВ, а некоторые навсегда вернулись домой. Так в 2005 г. после снятия запретов на ряд его песен во Вьетнам возвратился уже упоминавшийся ранее композитор Фам Зюи¹.

Наконец, следует отметить, что наряду с указанными общими тенденциями развития образования, науки и культуры южновьетнамское общество стремительно воспринимало американскую бытовую культуру. Повсюду появлялись фастфуды, супермаркеты с различными дешёвыми товарами массового потребления, а в кинотеатрах в основном шли американские боевики. Иными словами, в Южном Вьетнаме начался процесс распространения массовой культуры, которую условно можно назвать «Культурой “MacDonald’s”». Как известно, он типичен для всего мира, а его результатом является постепенное формирование так называемого общества потребления. Указанный процесс продолжился и после объединения страны в 1975 г. Южнее 17-ой параллели этот процесс получил большее развитие, севернее – меньшее, хотя, надо полагать, благодаря многовековым традициям вьетнамского общества, в обеих частях страны он не столь очевиден. Однако это уже тема следующего тома.

¹ Фам Зюи умер в Хошимине 27-го января 2013 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории Вьетнама эпоха с 1897 по 1975 гг. содержит столько важнейших событий, что их могло бы хватить на значительную часть истории иных государств. Поэтому в этом кратком «Заключении» внимание акцентируется на тех разночтениях в интерпретации событий указанной эпохи, которые являются и, вероятно, ещё долго будут являться предметом многочисленных споров и дискуссий.

Во «Введении» к данному тому уже отмечалось, что во вьетнамоведческой науке вьетнамскую историю с 1897 по 1975 г. принято делить на три больших периода: с 1893 по 1929, с 1930 по 1945 и с 1945 по 1975 гг. Однако такое деление представляется достаточно спорным.

Даже сама датировка начала первого периода содержит в себе противоречие. С какого года он начинается: с 1893 или 1897¹? Более того, вплоть до 1991 г. в советской исторической науке начало «новейшей истории» во всём мире связывалось с Великой октябрьской социалистической революции или 7-ым ноября (25-ым октября) 1917 г., Вьетнам – не исключение [387]. Затем, после распада СССР возникло множество самых разных точек зрения по поводу датировки начала этой эпохи, которые разнились, иногда значительно, применительно к каждой стране. Многие исследователи склоняются к тому, что её начало следует датировать начавшимся в 1905 г. так называемым, «Пробуждением Азии» [42, т.19, с.66]. Однако это тоже не фиксированная дата, так как «пробуждение» происходило в азиатских странах не одновременно. Поэтому применительно к Вьетнаму правильнее было бы говорить, что в этой стране «новейшее время» начинается в конце XIX – начале XX в. В то же время логика изложения исторических событий требует их привязки к конкретной дате. Поэтому в «Полной академической истории Вьетнама» таковой был

¹ Смотри «Примечание 1» в «Комментарии» к «Введению» настоящего тома.

достаточно условно избран 1897 г., или год окончательного оформления французского Индокитайского союза.

Однако в этом случае та часть новейшей истории Вьетнама, о которой идёт речь в настоящем томе, должна делиться не на три, а на два основных периода, а именно – с 1897 по 1945 и с 1945 по 1975 гг.

Первый – это время существования Вьетнама в составе французской колониальной империи, которое в свою очередь можно разделить на четыре значимых подпериода.

Как известно, 1897 – 1929 гг. являются временем относительно спокойного развития страны, в течение которого французские власти в основном проводили на основе политики «ассимиляции» различные реформы.

1930 – 1937 гг. связаны с мировым экономическим кризисом. В это время Франция была вынуждена предоставить значительно бóльшую самостоятельность своей колониальной администрации, которая в основном опиралась на французских колонистов¹.

При всей своей краткости посткризисные 1937 – 1939 гг. во многом предопределили дальнейшее развитие страны. С одной стороны, на нём сказался приход к власти во Франции правительства Народного фронта, с другой – быстрый рост посткризисной мировой экономики, наконец, с третьей – необходимость производства и поставки в метрополию целого ряда товаров в преддверии грядущей войны. Иными словами, продолжилась определённая либерализация колониального режима, которая сопровождалась как укреплением позиций национальной буржуазии, так и расширением социальной базы национально-освободительного движения, в первую очередь за счёт роста городского населения, в том числе – рабочего класса.

Наконец, 1939 – 1945 гг., в течение которых вплоть до весны 1945 г. Вьетнамом формально продолжала управлять французская колониальная администрация, на самом деле являлись временем японской оккупации страны. Именно тогда окончательно определилась расстановка сил во вьетнамском

обществе. В результате стало очевидным, кто поддерживает профашистский режим Виши, кто принял сторону Японии, кто видит союзника в гоминьдановском Китае, а кто, ориентируясь на французское движение освобождения, планирует добиться независимости страны после победы союзников во Второй мировой войне. Эти годы определили ведущую роль Лиги Вьетминь и руководивших им вьетнамских коммунистов во главе с Хо Ши Мином в борьбе за независимость Вьетнама.

В связи с этим следует указать на то, что дальнейшее развитие Вьетнама могло бы пойти по совершенно иному пути. Об этом не принято говорить, но ведь известно, что в обмен на признание независимости страны Хо Ши Мин гарантировал Франции сохранение её интересов во Вьетнаме. К сожалению, этого не случилось из-за давления США, власти которых исходили из так называемой «теории домино»². Если бы предложение Хо Ши Мина было принято, то Демократическая Республика Вьетнам стала бы независимым государством с коалиционным правительством во главе с коммунистами, которое экономически и культурно ориентировалось бы на Францию. Но главное – не было бы тридцати лет войны, причинившей Вьетнаму невосполнимый ущерб. Это была бы другая страна. О том, какой она была бы, можно судить, и то весьма приблизительно, по происходящим во вьетнамском обществе в настоящее время процессам³. Конечно, это лишь общие рассуждения о том, что могло бы произойти, тогда как на самом деле события, как известно, развивались по совершенно иному сценарию. Соответственно 1945 – 1975 гг. стали периодом практически непрерывной вооружённой борьбы вьетнамского народа за независимость.

Безусловно, этот период также можно разделить на такие подпериоды, как попытка решения проблем мирным путём в 1945 – 1946 гг., Война сопротивления против Франции 1946 – 1954 гг., заключение Женевских соглашений и краткая передышка 1954 – 1955 гг., наконец, война против агрессии американского империализма 1955 – 1975 гг. Но и с датой, на

которой завершается настоящий том, всё столь же неочевидно, как и с датой, с которой он начинается.

Поскольку в апреле 1975 г. ДРВ и НФОЮВ одержали окончательную победу, в результате которой была создана единая Социалистическая Республика Вьетнам, принято считать, что 1975 г. является рубжом между эпохой войн за независимость и мирным развитием Вьетнама во 2-ой половине XX в. Но это не совсем так. Как известно, власти КНР никак не устраивало появление в южном подбрюшье сильного, независимого государства с лучшей по тому времени армией в мире. Поэтому поначалу при поддержке Китая красные кхмеры начали военные провокации на юге Вьетнама. Когда же вооружённые силы СРВ покончили с кровавым режимом Пол Пота – Иен Сари, то, как известно, власти Китая решили «преподать» Вьетнаму военный урок¹. Очевидно, что события 1975 – 1979 гг. имеют прямую логическую связь. Таким образом, в действительности эпоха войны за независимость завершается не 1975, а 1979 г. Однако, поскольку в СРВ предпочитают не акцентировать внимание на вьетнамо-китайском конфликте, а объединение страны на самом деле произошло в апреле 1975 г., то и было принято решение о завершении «Тома IV» описанием произошедших в том году событий.

Безусловно, все положения данного «Заключения» можно было бы дополнить множеством обоснований, но, во-первых, все они в той или иной форме содержатся в главах тома, а во-вторых, «Заключение» превратилось бы в большую самостоятельную статью о специфике вьетнамской истории первых двух третей XX в.

¹ О вьетнамо-китайском конфликте смотри в «Параграфе 2» «Главы 1» «Части I» «Том V».

КОММЕНТАРИЙ

Введение

¹* Описанное в конце «Тома III» окончательное создание Индокитайского союза датируется 1897 г. Однако его первоначальное оформление на базе Вьетнама относится к 1893 г. Поэтому в данном случае О.Н.Новикова вполне справедливо указывает эту дату.

² Эти посвящённые теории модернизации восточных обществ на примере Вьетнама соображения общего характера помещены во «Введение», чтобы избежать лишних повторов в последующих главах настоящего тома.

Часть I

Глава I

¹ Математик, журналист и политик Поль Думер (22.03.1857 – 07.05.1932), родился в г.Орийяк департамента Канталь. До 1885 г. он преподавал математику в провинции, затем – карьерный журналист в Париже. В 1889 г. впервые был избран в парламент Франции. В 1895 г. становится министром финансов, в 1921 – 1922 гг. министр финансов, затем в течение пяти лет был председателем бюджетного комитета парламента. В 1912 г. избран сенатором от Корсики. В 1927 – 1931 гг. был председателем Сената. 13.06.1931 г., выиграв у Аристиды Бриана, стал 13-ым президентом Третьей Республики, чему в немалой степени способствовала его личная трагедия. Думер потерял на фронтах Первой мировой войны четырёх сыновей. 07.05.1932 г. он был убит террористом.

С 1897 по 1902 г. Поль Думер был генерал-губернатором Французского Индокитая, где провёл целый комплекс реформ, которые во многом определили дальнейшее развитие этой французской колонии.

² Приоритетным критерием для определения колониальных элитных слоёв служит не их происхождение (наследственная аристократия), а их роль в политико-культурной жизни страны, имущественное положение и вес в обществе. Поэтому представляется возможным отнести обновлённую часть «старой» вьетнамской элиты начала XX в. к категории элит, типологически функциональных, которые определяются как влиятельные группы, выделяющиеся в ходе конкуренции из широких слоёв общества и перенимающие важные функции в социальном порядке. Как правило, это сравнительно открытые группы, вступление в которые требует определённых достижений в общественной сфере. Оба указанных типа вьетнамского образованного сословия, вернее, их наиболее динамичная

«верхушка» как раз и относятся к такого рода группам, представленным вьетнамской элитой колониального периода, которая по своей природе была новым явлением в историческом развитии Вьетнама, так как она сформировалась только благодаря французскому присутствию [517, с.258; 277, с.35].

³ В российском (советском) вьетнамоведении принято называть организацию, созданную Фан Бой Тяу, «Общество обновления Вьетнама», однако правильное было бы переводить его название как «Общество «Сохранения обновления»». Во-первых, по-вьетнамски оно называется *Duy-tân hội* (Зюи-тан хой) и никакого названия страны в нём нет. Во-вторых, это название было переведено на русский язык с современного вьетнамского языка без учёта его первоначального написания на иероглифике 會新維. Если исходить из латиницы, то возможны различные нюансы перевода этого названия на европейские языки, но если исходить из иероглифики, то возможен только один перевод, исходящий из следующего факта. В то время на престоле в Хюе был Император Свергнутый Нгуен-фук Хоанг, правивший под девизом «Сохранение обновления» (1907 – 1915 гг.), при этом как название «Общества» Фан Бой Тяу, так и указанный девиз правления написаны одними и теми же иероглифами. См. три «Таблицу №2» в «Томе VI».

Даже если не принимать во внимание монархическо-конфуцианские взгляды Фан Бой Тяу, такое «совпадение» не может быть случайностью.

Этому «совпадению» может быть дано два объяснения: либо император провозгласил девиз правления, взяв для него название общества Фан Бой Тяу, которое, как известно, было учреждено в 1904 г., либо это общество получило окончательное название не ранее 1907 г.

⁴ В «Хронике жизни» Фан Бой Тяу так описывает свои надежды того времени: «Из стран жёлтой расы только Япония является передовой державой. Со времени победы над Россией она становится все более воинственной... Япония обязательно и с большой радостью поможет нам. Если она не сможет дать нам солдат, то, по крайней мере, будет легко организовать покупку оружия и боеприпасов». Такой же позиции придерживался и его ближайший соратник Нгуен Хам: «Японцы, если не войсками, то оружием помогут осуществлению наших планов» [521, с.508]. Эти высказывания свидетельствуют о том, какие иллюзии питали вьетнамские патриоты относительно намерений Японии по оказанию помощи Вьетнаму в борьбе с колониализмом. Судя по всему, это было связано с тем, что в то время они не видели альтернативы японской помощи.

⁵ В 1908 г. в японских школах обучались двести вьетнамцев. Дело в том, что обучение вьетнамцев в японских школах вызывало серьёзное

беспокойство во Франции, так как там были хорошо осведомлены, чему учились вьетнамцы. Впоследствии столкновения времён Первой мировой войны на территории Вьетнама подтвердили, что в японских военных школах были подготовлены хорошо обученные профессиональные бойцы, которые были фанатически преданы делу освобождения Вьетнама от французского колониального господства [520, с.132].

⁶ Необходимо отметить, что отличительной чертой стран Восточной Азии и Юго-Восточной Азии начала XX в. был рост азиатского национализма, в том числе и вьетнамского, который дал мощный импульс развитию патриотической литературы. Её типичными образцами являются литературно-публицистические произведения Фан Бой Тяу и Фан Тю Чиня, сыгравшие важную роль в мобилизации и сплочении разрозненных сил национально-освободительного движения. Они также способствовали росту патриотических настроений и освобождению части общества от закостенелых традиционных представлений об общественном устройстве и социальных идеалах [320, с.5].

⁷ Интересно отметить, что смена внешнеполитических ориентиров повлекла за собой очередное изменение взглядов Фан Бой Тяу на основные институты государственной власти. Так, если в период ориентации на Японию он говорил о преимуществах конституционной монархии, то после победы Синьхайской революции Фан Бой Тяу становится республиканцем. Однако надо полагать, что он вряд ли мог глубоко воспринять республиканские идеи. Скорее всего, его новые взгляды были связаны с влиянием сильной личности республиканца-демократа Сунь Ятсена и ориентацией на политику последнего в Китае.

⁸ Эта школа получила своё название по девизу правления Блестящего рода императора Чистого Нгуен-фук Ынг Ки (1886 – 1888 гг.). См. «Таблицу №2» в «Томе VI».

⁹ О Фан Тю Чине смотри краткую биографическую справку ниже в «Примечании 13». Что же касается его ближайших сподвижников, то они, как и Фан Тю Чинь, были выходцами из провинции Куангнам, находившейся в южной части Центрального Вьетнама.

Хюинь Тхук Кханг родился 1-го октября 1876 г. в деревне Тхайбинь уезда Тиенфыок. Его мать была сестрой чиновника Нгуен Динь Тыу (1828 – 1888 гг.), занявшего на конкурсных испытаниях, которые успешно выдержал и сам Хюинь Тхук Кханг, второе место. Из этого следует, что он принадлежал к традиционной конфуцианской элите вьетнамского общества.

Чан Кюи Кап, который также по праву считается основоположником движения «Обновления», родился в 1870 г. в крестьянской семье деревни Батни уезда Диенбан. В 1903 г. он получил на конкурсных испытаниях низшую учёную степень, после чего стал заниматься преподавательской деятельностью. Чан Кюи Кап является автором множества стихотворных произведений патриотического содержания, направленных на пробуждение национальных чувств угнетаемого иноземными завоевателями вьетнамского народа.

¹⁰ Представители элиты – участники движения «Обновления» [1402, с.262,263]

Имя	Годы жизни	Место рождения	
		провинция	уезд
Нгуен Чаунг Лой	... - 1911	Зядинь	Тантхань
Чан Хоань	... - 1936	Куангнам	Куешон
Нгуен Динь Тан	1838 - 1932	Куангнам	Диенбан (Зиенфьюк)
Льонг Ван Кан	1854 - 1927	Хадонг (Ханой)	Тхьонгтин
Чан Тхюет	1857 - 1908	Куангнам	Фуинь
Чан Хюинь	1858 - 1916	Куангнам	Тиенфьюк
Во Хьу Киен	1862 - 1920	Куангнам	Тхангбинь
Нгуен Ни	1865 - 1922	Куангнам	Диенбан
Данг Нгуен Кан	1867 - 1923	Нгеан	Тханьт्योंг
Данг Тхук Лиенг	1867 - 1945	Зядинь	Хокмон
Фан Тхук Зюен	1868 - ...	Куангнам	Диенбан
Нгуен Кюен	1869 - 1941	Бакнинь	Тхуантхань
Чан Кюи Кап	1870 - 1908	Куангнам	Диенбан
Ле Льонг	1870 - 1908	Куангнам	Тиенфьюк
Ле Ко	1870 - 1918	Куангнам	Тиенфьюк
Нгуен Хьет Ти	1870 - 1935	Хатинь	Канлок
Фан Тю Чинь	1872 - 1926	Куангнам	Тиенфьюк
Чан Фаунг Сак	1872 - 1942	Лаунган	Таван (община)
Во Хоань	1873 - 1946	Хадонг (Ханой)	Тханьдам
Льонг Тхук Ки	1873 - 1947	Куангнам	Дайлок
Ле Ван Хуан	1875 - 1929	Хатинь	Дыктхо
Ле Ба Чинь	1875 - 1934	г.Дананг	Хоаванг
Хо Та Банг	1875 - 1943	Тхьятхиен	Куангдиен
Ле Дай	1875 - 1951	Намдинь	Хоанлаунг
Хюинь Тхук Кханг	1876 - 1947	Куангнам	Тиенфьюк
Данг Ван Ба	1877 - 1942	Хатинь	Тхатъха
Фан Тхань Тай	1878 - 1916	Куангнам	Диенбан
Нго Дык Ке	1878 - 1929	Хатинь	Канлок

Зыонг Тхак	1880 – 1908	Куангнам	Нюитхань
Зыонг Тхыонг	1880 – 1918	Куангнам	Нюитхань
Май Зи	1880 – 1928	Куангнам	Диснбан
Нгусн Ба Чак	1881 – 1945	Куангнам	Диенбан
Нгусн Кюи Ань	1883 – 1938	Биньтхуан	Фантхист
Хоанг Танг Би	1883 – 1939	Халонг (Ханой)	Хоайдык
Чан Динь Фиен	1883 – 1949	Нгеан	Иентхань
Зыонг Ба Чак	1884 – 1944	Хынгиен	Кхоайтяу (малая провинция)
Ле Зы	1885 – 1957	Куангнам	Диенбан
Нгуен Хыу Хоан	1887 – 1953	Хатинь	Фунгхоанг (община)
Фан Кхой	1887 – 1959	Куангнам	Диенбан
Льонг Чаунг Хо	1888 – 1969	Куангнам	Куешон
До Ван И	1892 – 1968	Донгтхап	Каолань (деревня)
Нгуен Хао Винь	1893 - 1941	Лаунгсюен	Биньдык (деревня)

Указанные в таблице 42 участника движения «Обновления» могут быть разделены по датам рождения XIX в. на 4 группы: 16 человек в 50-ых гг., 9 человек в 50-ых – 60-ых гг., 12 человек в 80-ых гг. и 2 человека в 90-ые гг. При этом 21 человек, включая руководителей движения, был выходцем из провинции Куангнам юга Центрального Вьетнама, откуда движение «Обновления» распространилось на всю страну.

Из этой таблицы также следует, что основу движения составили родившиеся в 70-ые гг. люди, которые ещё сильно ощущали связь с прошлым и движением «Поддержим Короля», что и предопределило идейную направленность и формы их антиколониальной борьбы. Многие из них приняли в 1916 г. участие в восстании императора, правившего под девизом «Сохранение обновления» (смотри выше «Примечание 2»).

Из данной таблицы в «Указатель Имен» включены лишь те имена, которые упоминаются в основном тексте. Они выделены жирным шрифтом.

¹¹ Участник движения «Обновления» Нгуен Динь Тан, который получил конфуцианское образование и служил при императорском дворе, успешно занимался торговой деятельностью в портовых городах Центрального Вьетнама. Благодаря ему в 1904 г. в главном городе провинции Куангнам были основаны торговое общество и ряд школ, в которых преподавание велось на основе вьетнамской латиницы и на французском языке.

¹² «Возрождение Отчизны». По-вьетнамски это название произносится «Хонг Тан Хынг» и в нём не содержится понятия «Отчизна». Поэтому понять его можно лишь исходя из иероглифики в сочетании с историческими аналогиями. Образующие это название иероглифы

обозначают «процветание» (興), «возрождение», «обновление» (新) и «славный» (鴻). Последний же иероглиф является составной частью названия первой вьетнамской легендарной династии «Славная [и] Щедрая» 氏龐鴻 (Hồng-Bàng thị, Хонг-банг тхи, Хун-пан ши). Таким образом, это название интерпретируется как «Возрождение процветания [династии] Славной [и] Щедрой», в котором имя династии прямо ассоциируется с «Отчизной». (Смотри «Таблицу №1» в «Томе VI»).

¹³ Названия «Общество Света» и «Общество Тени»: на современном вьетнамском языке произносятся как «Минь са» (Minh xã) и «Ам са» (Âm xã). Как и в предыдущем случае, их интерпретация как «легальное общество» и «нелегальное общество» возможно только через иероглифику. Как известно, понятия «Света» и «Тени» на «ханвьете» прямо ассоциируются с учением «Тёмного [и] Светлого начал» 教陽陰 (Âm-dương giáo, Ом-зыонг зяо, Инь-ян цзяо). То есть речь идёт о «Светлой общине» 社陽 (Dương xã, Зыонг Са, Ян шэ) и «Тёмной общине» 社陰 (Âm xã, Ом са, Инь шэ). Соответственно первое понятие интерпретируется как «светлое», «явное» и, в конечном счёте «легальное», а второе – как «тёмное», «теневое», «скрытое» и в конечном счёте – «нелегальное».

¹⁴ Великий просветитель Фан Тю Чинь родился 9-го сентября 1872 г. в зажиточной семье военного чиновника в провинции Куангнам.

В 1885 г. он отправился вместе с отцом в горы и присоединился к участникам движения «Поддержим Короля». Вскоре отец Фан Тю Чиня был убит одним из руководителей многочисленных повстанческих отрядов якобы за измену идеалам движения [521, с.499]. Возможно, именно эта личная трагедия сыграла решающую роль в резком изменении взглядов Фан Тю Чиня на борьбу за восстановление монархии, которая оказалась неспособна возглавить преобразования в стране. Благодаря помощи старшего брата Фан Тю Чинь получил традиционное конфуцианское образование, выдержал конкурсные испытания 1900 г. в столице, получив при этом звание второго лауреата, и с 1902 по 1904 гг. служил в министерстве обрядов в Хюе, после чего подал в отставку. Затем, знакомясь с жизнью различных слоёв населения, Фан Тю Чинь много путешествовал по стране. Именно в это время он посетил Китай и Японию, читал работы китайских реформаторов Кан Ювэя и Лян Цичао и философские труды Руссо и Монтескье, а также изучал историю европейских стран, в частности, Франции. В 1904 г. Фан Тю Чинь вернулся в Куангнам, а в 1906 г. он переехал в Ханой.

¹⁵ На самом деле речь идёт об очередном конфуцианском синтезе. Как известно, первый вариант неоконфуцианства, оформленный в XI в. Чжу Си (1130 – 1200 гг.) и провозглашавший возврат к принципам Конфуция –

Мэн-цзы, на самом деле представлял собой синтез конфуцианства ханьского толка, или конфуцианства Дун Чжуншу (ок. 179 – 104 гг. до н.э.) с буддийско-даосской идеологией. Этот синтез известен под названием второго конфуцианского синтеза. В данном случае очевидно, что речь идёт о третьем конфуцианском синтезе, в ходе которого конфуцианство должно было ассимилировать определённые аспекты европейских учений. Наиболее полно исследовал проблему ранних философских учений древнего Китая, в том числе и конфуцианства, первого и второго конфуцианских синтезов и начавшегося третьего конфуцианского синтеза выдающийся китайский учёный Фэн Юлань [1063; 1064].

О том, в какой форме протекали конфуцианские синтезы во Вьетнаме, смотри в главах «Части II» «Том I», «Части III» «Том II» и «Части IV» настоящего тома.

¹⁶ Император Нгуен-фук Туан. Старший сын императора Блистающий рода император Чистый Нгуен-фук Ынг Ки (1886 – 1888 гг.). Он правил под девизом «Начало определённости» (1916 – 1924 гг.) и больше известен под посмертным именем «Распространяющий [влияние] рода император Богатый». Этот император был возведён на престол после того, как его предшественник присоединился к антифранцузскому мятежу. (Смотри «Примечание 20»).

¹⁷ Очевидно, что идеи Фан Тю Чиня очевидно опережали своё время. Так, в 1925 г. получив разрешение на возвращение на родину и прибыв в Сайгон, он своими глазами увидел огромную разницу в состоянии французского и вьетнамского общества и неготовность вьетнамского общества воспринимать как новые, современные институты власти и формы правления, так и, хотя бы частично, достижения западной цивилизации. Вьетнамское общество в начале XX в. В этот переходный период оно уже отчасти утратив традиционные ориентиры, ещё не обрело новых.

¹⁸ В ноябре 1925 г. Фан Тю Чинь выступил с двумя речами.

Первая «О морали и этике Востока и Запада» была направлена на то, чтобы пробудить в молодом поколении гордость и уважение к родной истории и подчеркнуть многовековое единство вьетнамского народа, а также дать обоснование незыблемости основополагающих конфуцианских принципов существования вьетнамского общества.

Вторая, озаглавленная «Монархизм и демократия», посвящена различиям между такими категориями, как «мораль» и «этика». С точки зрения Фан Тю Чиня, «Мораль означает, что народ, появившийся в этом мире и имеющий достойную историю, должен хранить славу этой истории», она «выкристаллизовывается веками в характере народа и становится крепче меча», тогда как этика определяется эпохой и страной, в которой она существует [612, с.55].

¹⁹ Особое возмущение вызвала инициированная Полем Думером передача управления протекторатом от министерства иностранных дел министерству колоний.

Для возвращения к принципам управления, определённым договором о протекторате от 1884 г., часть вьетнамской элиты образовала так называемую «Группу '84», в которую вошёл будущий президент Республики Вьетнам Нго Динь Зьем, обозначивший таким образом свои антиколониальные настроения ещё в первые десятилетия XX в.

О позитивических реформах Поля Думера смотри «Параграф 1» настоящей главы.

²⁰ Император Нгуен-фук Хоанг (19.09.1900 – 26.12.1945). Он правил под девизом «Сохранение обновления» (1907 – 1915 гг.) и получил посмертное имя «Император Свергнутый». О девизе правления этого императора смотри выше «Примечание 2».

Дальнейшая судьба Нгуен-фук Хоанга представляет значительный интерес. В тридцатые годы XX в. он добился смягчения приговора, поступил в одну из французских военных академий и стал лётчиком. В годы Второй мировой войны он вместе с французскими лётчиками воевал против гитлеровской Германии. В 1945 г. о нём опять вспомнили как о законном императоре в связи с Августовской революцией во Вьетнаме, провозглашением Демократической Республики Вьетнам и приходом к власти коммунистического правительства Хо Ши Мина. Известно, что в сложившейся ситуации Франция была озабочена поисками альтернативного решения. Несмотря на то что правивший в то время император Нгуен-фук Туан был дискредитирован в глазах нации сотрудничеством с колониальными властями, правые круги выдвигали в качестве альтернативы его кандидатуру. Другие же справедливо считали, что Нгуен-фук Хоанг с его биографией мятежника, пытавшегося возглавить антифранцузское восстание, более подходящая кандидатура в данной ситуации как альтернатива признанному народному вождю Хо Ши Мину. После переговоров с французской стороной Нгуен-фук Хоанг дал согласие на участие в сложном политическом переговорном процессе по Вьетнаму. Его самолёт вылетел из Европы в Сайгон, но потерпел катастрофу над Африкой. Смерть императора Нгуен-фук Хоанга, вне сомнения, кому-то очень выгодная на тот момент, вызывает много вопросов, которые до настоящего времени остаются без ответа. (Смотри «Примечание 2» в «Комментарии» к настоящей главе).

²¹ Политическая концепция Фам Кюиня изложена им в многочисленных статьях, образовавших два сборника «Франко-аннамитские эссе» и «Новые франко-аннамитские эссе» [955; 956]. Фам Кюинь (17.12.1892 – 06.09.1945) сделал головокружительную карьеру в колониальный период и был высокоуважаемым представителем «старой» вьетнамской элиты.

Французские власти ему доверяли и даже наградили одной из высших наград Франции орденом Почётного легиона. В 1908 г. Фам Кюинь окончил Колледж переводчиков и с 1908 по 1917 г. работал в знаменитой Французской школе Дальнего Востока, основанной в французами в Ханое в 1900 г. Блестящая плеяда французских учёных этой школы открыла миру в начале XX в. древние цивилизации и культуру народов Индокитая. Несомненно, общение с ними оказало большое влияние на расширение его политического и культурного кругозора Фам Кюиня, в том числе и на укрепление его монархистских и традиционалистских взглядов.

В дальнейшем Фам Кюинь как способный и талантливый представитель вьетнамской элиты, был привлечён колониальными властями к управлению и занимал высокие посты в различных организациях. С 1920 по 1924 г. он был членом муниципального совета Ханоя, с 1926 г. – членом Частного совета Тонкина, с 1925 по 1928 г. – президентом Общества образования в Тонкине, с 1929 по 1931 г. – вице-президентом Большого совета экономических и финансовых интересов Индокитая, с 1931 по 1932 г. – вице-президентом Географического общества Ханоя и генеральным секретарём Комитета социальной помощи Тонкина. Наконец, с 1932 по 1945 г. Фам Кюинь возглавлял Тайный правительственный совет, то есть, был по существу, премьер-министром в правительстве последнего вьетнамского императора [995, с.71].

В 1945 г. бойцы Вьетминя расстреляли Фам Кюиня за сотрудничество с колониальными властями.

²² Чан Чаунг Ким (1887 – 1953 гг.) так же, как и Фам Кюинь, окончил Колледж переводчиков в Ханое, затем школу преподавателей во Франции, после чего он был назначен профессором в Колледж Протектората. Затем Чан Чаунг Ким работал в школе преподавателей Ханоя и был инспектором начальной ступени франко-аннамитского образования.

Кроме того Чан Чаунг Ким является автором самого распространённого и популярного в колониальном Вьетнаме учебника по истории Вьетнама.

Будучи видным представителем вьетнамской интеллектуальной элиты Чан Чаунг Ким был увлечён идеей франко-вьетнамского сотрудничества. Он искренне считал, что необходимо стимулировать развитие вьетнамского общества на основе гармоничного сочетания двух основных факторов: традиционного и прогрессивного.

²³ Законодательство, разработанное французскими властями для разных частей или «стран» колониального Вьетнама, может служить примером того, что степень развитости или неразвитости, разработанности или неразработанности юридических норм в какой-либо стране является чётким показателем уровня демократии и защиты прав человека в её обществе.

Глава 2

¹ Нгуен Винь Тхюн, последний вьетнамский император, правил под девизом «Охранение великого» (1925 – 1945 гг.). Как и все императоры династии Нгуен больше известен под названием своего девиза правления «Бао-дай», который воспринимается как его имя. (Смотри «Таблицу №2» в «Томе VI»).

² Для сравнения интересно отметить, что на завершающем этапе эпохи колониализма политика Великобритании в другой стране Индокитая – Бирме была более взвешенной и корректной, чем французская во Вьетнаме, что позволило ей избежать войны за независимость и сохранить свой престиж [921, с.160].

³ Надо полагать, что такое изменение отношения колониальных властей к вьетнамцам было вызвано ещё и откровенным страхом перед возможными народными волнениями и восстаниями. Не секрет, что изолированность от метрополии, которая больше не могла оказывать военную помощь колонии, оставила её администрацию один на один со значительно возросшими и радикализировавшимися со времен Первой мировой войны силами вьетнамского национализма.

⁴ Японские оккупационные власти также предлагали пост премьер-министра отказавшемуся от него Нго Динь Зьему. Представляется, что именно эта его последовательная антифранцузская и антияпонская позиция правого националиста сыграла решающую роль при выборе Соединёнными Штатами кандидатуры на пост президента Республики Вьетнам. (Смотри «Главу 1» «Части II» настоящего тома).

⁵ Министром юстиции стал беспартийный Ву Чаунг Кхань, министром общественных работ – демократ Дао Чаунг Ким, министром экономики – беспартийный католик Нгуен Мань Кха, министром социального обеспечения – беспартийный учёный Нгуен Ван То, министром здравоохранения – беспартийный врач Фам Нгаук Тхать. Министрами без портфелей были назначены поэт Ку Хюи Кан и член Национальной партии Нгуен Ван Суан.

Глава 3

¹ Учитывая, что эта глава общего характера строится на огромном количестве документов и исследований, ссылки на них даются лишь при цитировании или указании какого-либо факта, требующего пояснения. Все материалы, из которых почерпнуты приведённые данные, включены в «Сводную библиографию» «Тома VI». Смотри, например, на русском

языке: №№18, 23, 25, 26, 29, 30, 35.1, 41, 59, 64, 82, 387. На французском языке: №№92 – 94, 98, 99, 110, 111, 115, 758. На вьетнамском языке: №№157, 169, 174, 217, 227 – 229, 1522 – 1524, Можно было бы указать ещё не менее сотни материалов и публикаций на русском, французском, английском и вьетнамском языках.

² Управление стратегических служб, или УСС, было первой объединённой разведывательной службой США, созданной во время Второй мировой войны. Руководителем службы был назначен У.Донован. УСС помогало вооружать, обучать и снабжать участников движения сопротивления в оккупированных Германии и Японией странах, включая патриотические силы Китая и Вьетнама. Представительство УСС на Дальнем Востоке располагалось в китайской провинции Юньнань на границе с Вьетнамом. Известно, что один из сотрудников УСС вылечил Хо Ши Мина от серьёзного заболевания в начале сороковых годов XX в.

Другие действовавшие во Вьетнаме и Южном Китае службы, например миссия канадского бизнесмена и представителя американской нефтяной компании “Cal Texaco” в Хайфоне Л.Гордона, занимались сбором информации о политической ситуации и установлением контактов с различными националистическими силами.

³ С командованием британских войск, занимавших территорию Вьетнама к югу от 16-ой параллели, французам вскоре удалось легко договориться о передаче им полномочий по разоружению японской армии. Переговоры же с занимавшими север страны китайцами вылились в затяжную дипломатическую борьбу между Ханоем, Парижем и правительством Чан Кайши. Поэтому на некоторое время доступ Франции в Северный Вьетнам был закрыт, что позволило правительству ДРВ значительно укрепить там свои позиции, несмотря на соперничество с другими националистическими вьетнамскими организациями и партиями, вернувшимися вслед за гоминдановцами в страну (смотри ниже).

Таким образом, деление Вьетнама по 16-ой параллели, предопределило укрепление позиций правительства ДРВ на севере и их ослабление на юге страны.

^{4*} Речь идёт о Национальной партии Вьетнама, Революционном народном союзе Вьетнама и Национальной партии Великого Вьета.

Несложно заметить, что часть названия первой «Вьетнам **куок зан данг**» является вьетнамской фонетической транскрипцией части названия китайской партии «Чжунго **гоминдан**» (黨民國國中). Это же относится и к названию третьей партии.

Лозунг Национальной партии Вьетнама: «Независимый народ – Свободные гражданские права – Счастье народа». Флаг: красное полотнище, посередине которого находится синий круг с вписанной в него

белой звездой. Красный цвет символизирует борьбу, белая звезда выступает в роли путеводного светила революционной борьбы и демонстрирует мудрость партии, синий цвет воплощает надежду на победу.

Партия была создана в декабре 1927 г. в Ханое представителями мелкобуржуазных слоёв во главе с Нгуен Тхай Хоком. Целью её деятельности декларировалось «совершение национальной революции, изгнание вооружённым путем французских колонизаторов и создание независимого вьетнамского государства с республиканским строем». Партия считала, что независимости можно добиться только вооружённой борьбой посредством организации отдельных локальных восстаний. Наиболее крупными её акциями стали убийство в феврале 1929 г. занимавшегося вербовкой рабочих-кули для плантаций в Южном Вьетнаме французского колониального чиновника Базена и Иенбайское восстание 1930 г. В историю вошли слова Нгуен Тхай Хока, сказанные им накануне восстания: «Не сможем победить – так сможем стать людьми».

Смотри «Параграф 1.2» предыдущей главы.

Объединившись с рядом других националистических партий, Национальная партия Вьетнама выступала в середине сороковых годов конкурентом Вьетминя и КПИК во главе с Хо Ши Мином. После 1954 г. практически все члены партии эмигрировали в Южный Вьетнам, но и там они не смогли договориться с правящей элитой и ушли в оппозицию. После 1975 г. почти все члены партии эмигрировали из страны, преимущественно в США. С того времени деятельность партии во Вьетнаме прекратилась.

Основатель Национальной партии Вьетнама Нгуен Тхай Хок считается на родине героем, отдавшим жизнь за счастье народа. Одна из главных улиц Ханоя, на которой находится Литературный Храм, носит его имя.

Революционный народный союз Вьетнама – это националистическая вьетнамская организация, созданная в Китае в октябре 1942 г. Её руководитель – Нгуен Хай Тхан (1878 – 1959 гг.). Деятельность партии во Вьетнаме прекратилась в 1946 г. вслед за уходом отсюда гоминьдановских войск.

Наконец, Национальная партия Великого Вьета была создана в 1939 г. В декабре 1945 г. она создала вместе с рядом других партий Национальный фронт Вьетнама, чтобы противостоять диктатуре Вьетминя. После 1954 г. члены партии эмигрировали в Южный Вьетнам, где они вошли в состав оппозиции правительству Нго Динь Зьема.

⁵ Недовольное политикой Чан Ван Зяу на юге, руководство Вьетминя заменило его в конце 1945 г. Нгуен Бинем. В результате деятельность Народно-революционного комитета снова оживилась, произошёл ряд столкновений с французскими военными и возобновились акции протеста.

Нгуен Бинь, настоящее имя Нгуен Фьонг Тхао (1906 – 1951 гг.), родился в провинции Хынгиен недалеко от Ханоя между 1904 и 1908 гг. В юности поселился в Хайфоне, где устроился моряком на большой французский корабль с символическим названием «Д'Артаньян». В 1928 г. вступил в

Национальную партию Вьетнама. Отвечал за военную подготовку её боевиков. Участвовал в Иенбайском восстании 1930 г., за что был сослан на остров Кондао. В результате покушения на него в лагере, он ослеп на один глаз. Там же познакомился с Фам Ван Донгом, Ле Зуаном и многими другими известными коммунистами. В 1936 г., поменяв имя, вернулся в Хайфон. В июне 1945 г. создал военный округ Донгчиеу, возглавив партизанский отряд, собирав оружие и провиант.

Согласно генералу Ф.Дэвидсону, Нгуен Бинь окончил военное училище в Китае и считается единственным вьетнамским коммунистом с профессиональным военным образованием (впрочем, остальные источники не подтверждают этот факт его биографии). В коммунистическую партию он вступил уже после начала первой Войны сопротивления. Тем не менее он активно помогал Лиге Вьетминь на юге страны, хотя фактически до 1947 г. не являлся её членом. В ноябре 1945 г., убедившись в неспособности Чан Ван Зяу обеспечить контроль на юге, Хо Ши Мин назначил Нгуен Биня командующим 7-м военным округом, в который входил Сайгон и его окрестности. На его территории в Тхузоумоте Нгуен Бинь создал военное училище, которое действует и поныне.

В январе 1948 г. Хо Ши Мин присвоил Нгуен Биню звание генерал-лейтенанта и тогда же назначил его на должность командующего Народной армией и милицией в Намбо. Но на рубеже 1949 и 1950 гг. большая часть агентов Нгуен Биня в Сайгоне была разоблачена полицейским Док Фу Тамом, а в дельте Меконга его бойцы потерпели ряд поражений от французских войск.

В сентябре 1950 г. военное командование ДРВ фактически послало Нгуен Биня на верную смерть, приказав в ему развернуть в Кохинкине тотальное наступление на позиции французских частей. Естественно, Нгуен Бинь был разгромлен. Правда, он сумел бежать в Камбоджу, где, будучи тяжело раненным, погиб в джунглях в 1951 г. [370, с.90 - 92; 1770].

⁶ Участники демонстрации, в которой участвовали около 20 тысяч человек, выступали в том числе и против претензий Вьетминя на всю полноту власти, о чём свидетельствует лозунг «Против диктатуры» [1769].

⁷ Нгуен Ван Тхинь (1888 – 1946 гг.).

Одно время он проживал во Франции, где получил образование и гражданство. Нгуен Ван Тхинь был президентом Демократической партии, вице-президентом Сельскохозяйственной палаты, директором Службы по снабжению рисом, членом Большого Совета экономических и финансовых интересов Индокитая. При генерал-губернаторе Деку Нгуен Ван Тхинь считался одной из наиболее значимых фигур Южного Вьетнама. Он был «кабинетным человеком» и не любил публичных выступлений.

Укрепив своё военное положение, колониальные власти учредили 27-го мая 1946 г. Горную территорию Южного Индокитая, непосредственно подчинявшуюся администрации Индокитайского союза. Затем 1-го июня

1946 г. было сформировано первое марионеточное правительство во главе с доктором Нгуен Ван Тхином, провозгласившего образование Автономной Республики Кохинхины, а правительство Франции признало её автономной территорией, входящей в состав Индокитайского союза. Церемония провозглашения Республики состоялась на площади Пиньо де Безна в Сайгоне при большом стечении народа, при этом 2/3 присутствующих были французами. Нгуен Ван Тхинь стал президентом Консультативного совета.

Однако это было «не более чем фасадом. Реальная власть оставалась в руках французского верховного комиссара» [578, с.271]. Сам доктор Нгуен Ван Тхинь с горечью говорил о парадоксе возглавляемого им государственного образования: «Весь ужас ситуации заключается в гибридном статусе Кохинхины, являющейся одновременно колонией и автономной республикой» [578, с.327].

Создание Автономной Республики Кохинхины целиком было заслугой верховного комиссара д'Аржанлье, не получившего на это разрешения ни парламента, ни правительства Франции, которые были заняты подготовкой к переговорам в Фонтенбло с лидерами ДРВ и боялись сорвать их признанием сепаратистского образования. Примечательно, что с того дня как Хо Ши Мин был принят во Франции как глава вьетнамского государства, отношение вьетнамского населения Кохинхины к правительству Нгуен Ван Тхиня стало попросту безразличным. А об отношении Франции к нему красноречиво говорит тот факт, что премьер был вынужден использовать свой врачебный кабинет в качестве кабинета главы правительства.

В итоге давление французских колонов, стремившихся полностью подчинить себе управление Южным Вьетнамом, упреки вьетнамской прессы, обвинявшей премьера в излишней уступчивости французам, и безразличное отношение к нему основной массы населения оказалось непосильным испытанием для Нгуен Ван Тхиня, который покончил с собой, повесившись 10-го ноября 1946 г. в собственной квартире.

⁸ «Ки» (Kỳ 圻): дословно – «Граница», что применительно к конкретному случаю может переводиться как «[территориальная] автономия». То есть Бакки (Bắc-kỳ 圻北) – это Северная [территориальная] автономия, Чунгки (Trung-kỳ 圻中) – Центральная [территориальная] автономия и Намки (Nam-kỳ 圻南) – Южная [территориальная] автономия.

⁹ Во Нгуен Зяп (25.08.1911 – н/в).

Родился в деревне Анса провинции Куангбинь. Его отец Во Куанг Нгием был учёным-конфуцианцем и участвовал в движении «Поддержим Короля» в конце XIX в. В середине двадцатых годов XX в. Во Куанг Нгием учился в Государственной школе Хюе. Принимал участие в восстании 1930 г., за что был посажен в тюрьму, где и встретился со своей первой женой Нгуен-тхи

Куанг Тхай. Тем не менее после выхода на свободу ему было позволено продолжить учёбу в лицее. В 1933 г. поступил в Ханойский университет, который закончил, получив диплом юриста.

В тридцатые годы вступил в КПИК. После начала Второй мировой войны и запрета КПИК вместе с Фам Ван Донгом перебрался в Китай, где встретился с Хо Ши Мином. Оставшаяся во Вьетнаме жена Во Нгуен Зяпа была арестована и казнена, а их дочь умерла.

Ещё учась в лицее, Во Нгуен Зяп увлекался военной литературой и проштудировал Наполеона I, схемы сражений которого он помнил все до одной. Соученики даже прозвали его в шутку «Наполеон». С началом войны в Индокитае Во Нгуен Зяп проявил свой военный талант на деле при создании первых вооружённых отрядов Вьетминя.

После провозглашения независимости в 1945 г. Во Нгуен Зяп стал министром внутренних дел во Временном правительстве, затем – председателем Верховного совета государственной обороны. В 1946 г. он был вице-председателем вьетнамской делегации на переговорах с французами в Далате.

После начала Войны сопротивления против Франции Во Нгуен Зяп два месяца удерживал Ханой, обеспечив эвакуацию из города промышленных предприятий. Генерал Во Нгуен Зяп возглавлял вооружённые силы ДРВ на протяжении всех лет Войны сопротивления. Под его командованием Вьетнамская народная армия одержала множество побед, в том числе решившую исход войны в сражении при Дьенбьенфу (смотри ниже).

Вплоть до февраля 1980 г. Во Нгуен Зяп сначала оставался министром обороны ДРВ, а после объединения страны – министром обороны СРВ и заместителем премьер-министра. Однако с 1972 г. реально военными делами уже руководил генерал Ван Тиен Зунг, который командовал как «Операцией Хо Ши Мин» в 1975 г., так и войной с «красными кхмерами» и КНР в 1979 г. (смотри «Примечание 13» в «Комментарии» к «Главе 2» «Части II» настоящего тома).

В феврале 1980 г. Во Нгуен Зяп уступил пост министра обороны Ван Тиен Зунгу, в 1982 г. ушёл из политбюро, а в 1991 г. вообще удалился на покой. В последний раз Во Нгуен Зяп публично выступал в 2004 г., заявив, что США не сумеют победить в войне в Ираке.

В настоящее время¹ Во Нгуен Зяп, которому исполнилось 103 года, ведёт закрытый образ жизни и почти ни с кем не встречается.

¹⁰ О событиях 19 декабря 1946 г. Ф.Девийе пишет, что «пропаганда всё упростила, но на самом деле всё было непросто и всё происходившее в тот день было очень странно и нелогично» [758, с.353].

Так, в поддень того дня Жан Сантини получил письмо от Хо Ши Мина, в котором говорилось: «Господин комиссар и дорогой друг, в последние

¹ На конец 2013 г.

дни атмосфера стала очень напряжённой. Это очень печально. В ожидании решений из Парижа я рассчитываю на Вас, чтобы Вы совместно с Хоанг Минь Зямом нашли оптимальное решение» [758, с.354].

В качестве ответного примирительного шага французы впервые с начала декабря распустили после полудня солдат из гарнизонов. Однако в 18:00 один из имевших контакты в Лиге Вьетминь сотрудников французской контрразведки сообщил генштабу, что на вечер намечается тотальное наступление трёх вьетнамских дивизий, сосредоточенных вокруг Ханоя. Узнав об этом, французы в срочном порядке вызвали солдат обратно. Однако в 18:30 французы получили письмо, в котором вьетнамская сторона предлагала на следующий день провести встречу с целью рассмотрения ситуации.

Что-то заставило вьетнамское командование, ещё совсем недавно отдавшее приказ о наступлении в 20:00, пересмотреть своё решение. Но контрприказ успел дойти лишь до регулярных частей, а отрядам самообороны новые директивы не были известны. Именно поэтому, руководствуясь прежним приказом, они начали 19-го декабря в 20:00 наступление, сигналом которому послужил подрыв электростанции Иенфу. Интересно, что три регулярные дивизии вступили в бой лишь после того, как в 21:30 Во Нгуен Зяп отдал приказ о тотальном наступлении по всем направлениям [758, с.355 – 357]. Рассуждая о времени этого нападения, Жан Сантини проводит параллель с 9-ым марта 1945 г.: «9-ое марта 1945 г., 19-ое декабря 1946 г.: в тот же час и в тех же условиях, вьетнамцы, эти, как всегда, прилежные ученики, претворили в жизнь урок, полученный 21 месяц назад от своих японских наставников» [979, с.224].

Так началась первая Война сопротивления, которая имеет несколько названий. Во Вьетнаме наиболее распространённым является «Война сопротивления против Франции». В западной литературе чаще используется термин «Первая Индокитайская война». По этой терминологии «Вторая Индокитайская война» – это война Вьетнама против США (1965 - 1973 гг.), под «Третьей Индокитайской войной» понимается конфликт 1979 г. между Вьетнамом, Китаем и Камбоджей. Иногда используется обобщающий термин «Индокитайские войны», который также имеет различные датировки: 1945 - 1975, 1955 - 1975, 1955 - 1979. Зачастую на Западе первая Война сопротивления также именуется «Войной Вьетмина против Франции».

¹¹ Согласно мнению вернувшегося из поездки во Вьетнам в мае 1947 г. военного министра Франции Поля Кост-Флоре, для победы над Вьетмином потребовался бы как минимум 500-тысячный экспедиционный корпус.

¹² В феврале 1947 г. в Китае под покровительством гоминьдановской и американской разведок на основе Национальной партии Вьетнама и Революционного народного союза Вьетнама был создан Национальный

фронт Вьетнама, который, по замыслу его создателей, должен был координировать действия профранцузских сил.

В Ханое это был созданный в конце марта Комитет административного управления во главе с Чыонг Динь Чи, который в 1946 г. входил в правительство ДРВ как представитель Революционного народного союза Вьетнама.

В Центральном Вьетнаме опорой французов стали Национальное объединение Вьетнама во главе с бывшим придворным Чан Ван Затом и Временный административный комитет Аннама под руководством католика Чан Ван Ли, которые стремились к восстановлению монархии.

Наконец, верховный комиссар Индокитая наделил своим «ордонансом» 1-го февраля 1947 г. марионеточное правительство Ле Ван Хоатя в Южном Вьетнаме призрачными полномочиями, при котором выразителем интересов буржуазно-помещичьих кругов выступала Социал-демократическая партия, созданная Нгуен Ван Шаом весной 1947 г. в Сайгоне.

¹³ Нгуен Ван Суан (1892 – 1989 гг.).

Вьетнамский военный и политический деятель из семьи богатых землевладельцев Южного Вьетнама. Его родители имели французское гражданство, сам он с детства учился во Франции. В 1912 г. поступил в Политехническую школу в Париже, затем вступил во французскую армию. Во время Первой мировой войны Нгуен Ван Суан служил в артиллерийских войсках. В 1945 г. он был самым высокопоставленным этническим вьетнамцем во французских войсках, а в 1947 г. стал первым вьетнамцем, дослужившимся до чина генерала французской армии. В правительстве Государства Вьетнам Нгуен Ван Суан занимал пост вице-премьера и министра обороны до января 1950 г. После этого он вернулся во Францию и больше во Вьетнам не возвращался.

Интересно отметить, что в 1945 – 1946 гг. Нгуен Ван Суан входил в состав коалиционного правительства ДРВ (Смотри «Примечание 5» в «Комментарии» к предыдущей главе).

¹⁴ Это название соответствовало трендам коммунистического движения того времени. Достаточно вспомнить о Трудовой партии Кореи или Албанской партии труда.

¹⁵ Фам Ван Донг (01.03.1906 -- 29.04.2000).

В 1945 г. вошёл в Национальный комитет освобождения Вьетнама. После Августовской революции 1945 г. стал министром во Временном правительстве ДРВ.

С конца 1946 по 1949 г. – специальный представитель ЦК ПТВ и правительства ДРВ в Центральном Вьетнаме.

В 1949 – 1955 гг. – заместитель премьер-министра ДРВ Хо Ши Мина, а с августа 1954 г. – одновременно министр иностранных дел.

В сентябре 1955 г. Фам Ван Донг становится премьер-министром и одновременно (до 1961 г.) министром иностранных дел ДРВ. После объединения Вьетнама с июля 1976 г. – председатель правительства СРВ.

С 1951 г. Фам Ван Донг был членом Политбюро ЦК ПТВ, а с 1976 г. – членом Политбюро ЦК КПВ.

В 1987 г. Фам Ван Донг покинул пост главы правительства СРВ и стал советником ЦК КПВ. Несмотря на преклонный возраст и слепоту, часто появлялся на публике. Он также писал статьи в газеты, в которых нередко говорил о коррупции, разъедающей компартию. Фам Ван Донг и по сей день является одним из самых уважаемых и любимых в народе политических деятелей Вьетнама.

¹⁶ Хотя в 1990 г. и произошло объединение обеих частей Германии, но его вряд ли можно считать «урегулированием германской проблемы на мирной, демократической основе».

¹⁷ Эти движения получили свои названия в честь коллективов, которые добились наивысших результатов в производственных соревнованиях: сельскохозяйственного кооператива «Дайфаунг» в провинции Куангбинь, механического завода «Зюенхай» в Хайфоне, кооператива кустарей «Тханьконг» в провинции Тханьхоа и семилетней школы «Бакли» в провинции Намха.

¹⁸ Основной материал о Войне сопротивления агрессии США излагается в главах «Части II» настоящего тома. В данной же главе он даётся лишь в сжатом виде и в той мере, в которой это необходимо для непосредственной характеристики истории ДРВ, которая являлась тылом НФОЮВ в этой войне.

¹⁹ 1. Быть готовым сражаться с врагом; 2. Быть готовым вступить в армию; 3. Быть готовым направиться в любое место и выполнить любую задачу по приказу Родины.

1. Выполнять работу на предприятиях; 2. Вести все дела по домашнему хозяйству; 3. Помогать борьбе и бороться самим.

1. Хорошо учить; 2. Хорошо учиться.

Часть II

Глава I

¹ Поскольку в «Части II» речь идёт о срыве Женевских соглашений и Войне сопротивления американской агрессии, в которой ДРВ и южновьетнамские патриоты выступали единым фронтом, то в её главах неизбежны повторы

некоторых фактов, которые упоминались в «Главе 3» «Части I» в связи с решениями правительства СРВ и ПТВ о поддержке действий НФОЮВ.

^{2*} Поскольку ни в советском, ни в российском вьетнамоведении достаточно противоречивая фигура Нго Динь Зьема не рассматривалась, а в западной, прежде всего во французской и американской науке, многие, связанные с его деятельностью негативные события по вполне понятным причинам замалчивались, было принято решение о включении данного параграфа в «Полную академическую историю Вьетнама».

³ Государственная школа Хюе впоследствии стала одним из самых известных учебных заведений во Вьетнаме. Помимо самого Нго Динь Зьема, в ней учились Чан Фу, Хо Ши Мин, Фам Ван Донг, Во Нгуен Зяп и ряд других видных революционных деятелей XX в. В младших классах этой школы одновременно преподавались «ханвьет», вьетнамская латинизированная письменность и французский язык.

⁴ Практически во всех исследованиях даётся очень краткая, в две – три строчки информация о гибели Нго Динь Кхоя и его сына. При этом даже при такой краткости в ней есть противоречия: согласно одним данным Кхой был застрелен, согласно другим – живым закопан в землю.

В мемуарах Хань Нгуена сообщается о том, что когда революционеры выгнали Нго Динь Кхоя для расстрела на задний двор, туда прибежал его сын Нго Динь Хуан, закричавший, что лучше умрёт вместе с отцом, чем позволит убить его на своих глазах. Убийство Нго Динь Кхоя, Нго Динь Хуана и Фам Кюиня было обставлено как исполнение приговора местного революционного суда.

Также есть версия, что на самом деле руководство Лиги Вьетминь дало указание доставить всех троих в Ханой. Однако при перевозке пленных на север бойцы Вьетминя услышали шум приближавшегося к берегу военного французского корабля, испугались, что пленников могут отбить, и предпочли их ликвидировать.

⁵ Была ещё одна возможная причина отъезда Нго Динь Зьема за границу. Весной 1950 г. руководство Лиги Вьетминь заочно приговорило Нго Динь Зьема к смертной казни в ответ на его действия, направленные на создание альтернативного коммунистическому правительству во Вьетнаме. В то же время обозлённые постоянными требованиями Нго Динь Зьема о расширении прав вьетнамской монархии и предоставлении независимости страны французы, отказались предоставить ему защиту. Судя по всему, Нго Динь Зьем руководствовался принципом «живой националист вдали от родины всё же лучше, чем мёртвый в её пределах», и потому решил уехать из страны [1022, с.29; 1071, с.46].

⁶ Нго Динь Тхук стал под именем Пьер Мартен архиепископом одной из вьетнамских епархий. Именно он встретился 18-го июня 1950 г. с представителем США в Сайгоне, чтобы получить въездную визу для своего брата [198, с.35].

⁷ Основоположник французского персонализма философ Э.Мунье теоретически обосновал принцип активного участия католиков в политической жизни. Его идеи оказали большое влияние на братьев Нго, которые попытались на практике реализовать его идеи в государственной идеологии Республике Вьетнам.

⁸ Эдвард Жири Лансдейл (1908 – 1987 гг.). Глава Сайгонской военной миссии. До Второй мировой войны Э.Лансдейл был рекламным агентом и работал на компанию Леви Стросс. Затем он успешно проявил себя в области психологической войны, применив свои навыки при подавлении коммунистического восстания на Филиппинах в начале пятидесятых годов.

⁹ Интервью С.А.Благова с Та Тхань Лаунгом, адъютантом Чинь Минь Тхе (Оранж Каунти, Калифорния, август 1999 г.) и телохранителем генерала То Бинь Камом (Сиэтл, июль 1999 г.), а также его переписка с сыном генерала Чинь Минь Шоном (2002 – 2004 гг.).

¹⁰ Практически с момента восстановления государственной независимости Вьетнама в Х в. каждая община вырабатывала свой собственный неписанный устав, который сознательно принимался её жителями к неукоснительному исполнению. Этот устав, или, вернее, свод правил, основывался на отобранных и проверенных временем обычаях, связанных с процессом формирования и развития той или иной общины. Именно поэтому старинная вьетнамская поговорка гласит: «Императорский указ отступает перед деревенскими обычаями». В этой традиционной системе главным был авторитет старейшин, получавших властные полномочия по критерию возраста и способностей. Обрушив эту систему самоуправления деревенской общины, Нго Динь Зьем настроил против себя значительную часть крестьянства, которое составляло большинство населения Южного Вьетнама.

¹¹ Такая реакция крестьянства объясняется не только тем, что им приходилось бросать родные дома и земли. Главным было то, что они оставляли без ухода могилы родственникам, что прямо противоречило древнему и до настоящего времени главному во Вьетнаме религиозному культу, а именно – культу предков. (О культе предков во вьетнамском обществе смотри посвящённые религии разделы I – V томов «Полной академической истории Вьетнама»).

¹² Вьетконг: принятое на Западе сокращённое название вьетнамских коммунистов. Оно образовано сокращением названия «Вьетнам» (Việt-nam) и термина «коммунист» (cộng sản). Иными словами, это понятие можно перевести на русский язык как «вьетнамский коммунист».

¹³ Не исключено, что эти данные агентства «Освобождение» были несколько преувеличены, но при этом они должны были быть достаточно достоверными, так как частично подтверждались и тревожными сообщениями корреспондентов американских СМИ.

¹⁴ Низкая боеспособность армии Республики Вьетнам проявилась в бою при деревне Апбак провинции Диньтыонг 2-го – 3-го января 1963 г., когда небольшой отряд НВСО дал отпор превосходящим силам южновьетнамской армии, которые действовали при поддержке американских советников и авиации. Случилось так, что американская разведка сообщила о базировании в деревне Апбак около 120 бойцов 261-го батальона НВСО. Против них были брошены два батальона местного ополчения и части 7-й дивизии южновьетнамской армии. Эта дивизия, советником в которой был подполковник Джон Пол Ванн, была одной из наиболее боеспособных частей южновьетнамской армии. Тем не менее она не смогла сломить ожесточённого сопротивления противника, а попытка перебросить подкрепления с помощью американских вертолётов CH-21 привела к потере 5 из 15 боевых машин.

На самом деле Апбак защищало не 120, а свыше 300 бойцов регулярных частей НВСО под командованием Хай Хоанга, которые, выстояв под ударом южновьетнамских механизированных и воздушно-десантных частей, сумели выйти из окружения под покровом темноты. И хотя глава американских военных советников генерал Пол Харкинс оценил этот бой как победу южновьетнамской армии, он показал, что силы освобождения способны успешно противостоять численно и технически превосходящим силам противника.

¹⁵ Тхить Куанг Дык родился в 1897 г. в провинции Кханьхоа, его мирское имя – Лам Ван Тык. Его сердце не сгорело и стало реликвией пагоды Салой. В последующие годы Тхить Куанг Дык почитался верующими как бодхисатва.

¹⁶ Появление версии об инсценировке переворота может быть связано с тем, что её авторы были заинтересованы в оправдании внесудебной расправы над первым президентом Республики Вьетнам и его братом. Правда, похоже, что она соответствует действительности, а идея переворота пришла в голову братьям Нго Динь, скорее всего, благодаря воспоминаниям о во многом инсценированных боях с сектой Бинь-сюен в апреле 1955 г.

¹⁷ Участие в перевороте Люсьена Конейна было связано не только с тем, что он был агентом ЦРУ, но и с тем, что во время Войны сопротивления он служил во французской армии вместе с генералом Чан Ван Доном.

¹⁸ В шедших с 28-го декабря 1964 г. по 1-ое января 1965 г. ожесточённых боях в районе Биньзя элитные части армии Республики Вьетнам потеряли убитыми и ранеными около 500 человек, тогда как силы освобождения – немногим более 30 бойцов.

Глава 2

¹ Под «риском» понималась возможная реакция Советского Союза и Китая на действия США, а также опасность их повторного вовлечения в широкомасштабную войну в Азии. Обстановка во Вьетнаме ещё не казалась столь угрожающей, чтобы из-за нее идти на риск третьей мировой войны.

² Американские самолёты-разведчики совершали регулярные вылеты для полётов над ДРВ с баз в Таиланде и с кораблей Седьмого флота США.

³ Экономист Юджин Стейли был доверенным лицом президента Джона Фицджеральда Кеннеди, по поручению которого он возглавил особую группу экспертов Мичиганского университета в Южном Вьетнаме.

Генерал М.Тэйлор в прошлом командовал войсками в Корее, был главой Объединенного комитета начальников штабов. В это время он был военным советником президента, а впоследствии послом США в Южном Вьетнаме. Он известен ещё как главный разработчик стратегии «гибкого реагирования», которая определяла три типа войны: мировую, локальную и специальную, бывшую одним из видов локальной войны главным образом против повстанцев и партизан.

⁴ Одним из первых американских изданий, в которых появилась эта информация, была газета «Сандей Таймс» от 13.01.1963 г. После чего последовали многочисленные публикации в других ведущих периодических изданиях США.

⁵ Даже после окончательного срыва Женевских соглашений этот канал связи ещё долго использовался обеими сторонами для передачи конфиденциальной информации на самом высоком уровне.

⁶ Обо всех этих действиях США уже говорилось в предыдущей главе в связи с событиями, происходившими в Южном Вьетнаме. Здесь же они излагаются с точки зрения «американской» стороны для того, чтобы

пояснить, почему и каким образом США оказались втянутыми в полномасштабную войну во Вьетнаме.

⁷ В молодости Нгуен Ван Тхиеу поддерживал связи с Вьетминем, но затем подался к французам и дослужился до сержанта. При Нго Динь Зьеме он дослужился до полковника. Во время переворота 1-го ноября 1963 г. он оставался в тени и не принимал в нем никакого участия, но вскоре удостоился генеральского звания. В 1965 г. он сам осуществил переворот и оставался у власти до марта 1975 г.

⁸ Наибольший контингент был направлен в Южный Вьетнам Республикой Корея, две дивизии и бригада которой оставили мрачный след своей жестокостью по отношению к мирному населению. Всего через войну прошло более трёхсот тысяч южнокорейских солдат, около пяти тысяч из них были убиты.

В 1966 г. была создана первая австралийская группировка, которая действовала восточнее Сайгона. В боевых действиях участвовали также три эскадрильи ВВС Австралии. Всего же на этой войне побывали пятьдесят тысяч австралийцев, пятисот из них погибли. Совместно с австралийцами действовал батальон Новой Зеландии в шестьсот человек, также потерявший более сорока человек убитыми. Таиланд не только предоставил в распоряжение США все свои авиабазы и превратил страну в зону отдыха для американских солдат и офицеров, но и направил в Южный Вьетнам добровольческий полк, увеличенный позднее до дивизии. В 1966 – 1969 гг. в Южном Вьетнаме находился также филиппинский воинский контингент, задействованный в основном на строительстве различных объектов.

⁹ 16 марта 1968 г. Американские солдаты под командованием лейтенанта Уильяма Келли сожгли деревню Шонми¹ общины Милай уезда Шонтинь провинции Куангнгай, убив при этом более пятисот мирных жителей. Многие жертвы перед убийством были подвергнуты пыткам. В 1969 г. это военное преступление получило мировую известность, а деревня Шонми стала одним из символов вьетнамской войны.

¹⁰ Пинг-понговая дипломатия получила своё название потому, что первыми американцами, приехавшими в Пекин после провозглашения КНР, стала команда США по настольному теннису, за которой вскоре последовали визиты американских дипломатов, в том числе – неоднократные поездки Г.Киссинджера.

¹ Принятое произношение: «Сонгми».

¹¹ В Южном Вьетнаме существовала достаточно серьёзная организованная некоммунистическая оппозиция режиму Нгуен Ван Тхиеу, которую предполагалось официально признать в качестве «третьей силы» при создании национального совета согласия и примирения.

¹² Разразившийся в 1975 г. мировой нефтяной кризис, в результате которого цены на нефть выросли в четыре раза, значительно обесценил эту, уже значительно сокращённую сумму финансовой помощи режиму Нгуен Ван Тхиеу.

¹³ Генерал армии Ван Тиен Зунг (1917 – 2002 гг.) – начальник Генерального штаба ВНА (1954 – 1974 гг.), главнокомандующий ВНА (1974 – 1980 гг.) и министр обороны СРВ (1980 – 1986 гг.) – один из самых выдающихся вьетнамских военных руководителей. К его заслугам относят разработку плана операции в Дьенбьенфу, где он был первым заместителем Во Нгуен Зяпа, а главное – всю подготовку и осуществление весеннего наступления 1975 г. и «Операции Хо Ши Мин». В ряде вышедших в США трудов военных экспертов его сравнивают с выдающимися полководцами мира, показавшими примеры маневренной войны.

¹⁴ «Команда 559» на самом деле являлась целым корпусом, состоявшим из военных строителей и бойцов местных отрядов, которые строили и одновременно защищали важнейшие коммуникации от атак противника.

¹⁵ В настоящее время провинция Фьоклаунг преобразована в одноимённый уезд в провинции Баклиеу в ста километрах к северо-востоку от города Хошимин (Сайгон). На севере этот уезд граничит с Камлучией.

¹⁶ Если в США большая часть документов, связанных с вьетнамской войной, рассекречена, то во Вьетнаме большая часть этих документов, в том числе и о потерях ВНА, до сих пор не опубликована. Правда, учитывая большое количество братских могил на всём протяжении вьетнамской территории от 17-ой параллели до Хошимина, надо полагать, что эти потери были достаточно серьёзными.

¹⁷ После объединения Вьетнама этот танк был установлен на постаменте во дворе президентского дворца в качестве памятника.

¹⁸ К счастью, корректировка политического курса ПТВ и правительства Вьетнама на рубеже XX – XXI вв. привела к тому, что подавляющее большинство государственных служащих Республики Вьетнам, не говоря уже о поддавшихся страху простых людях, были оправданы. Поэтому все вьетнамские беженцы, за исключением тех, кто запятнал себя кровавыми злодеяниями против собственного народа, получили возможность

приезжать на Родину и принимать у себя в гостях на новом месте жительства родственников и знакомых.

¹⁹ За годы войны во Вьетнам было поставлено из СССР 2000 танков, тысяча семьсот БТРов, 7000 орудий и миномётов, свыше 7000 зенитных пушек и установок, 158 зенитно-ракетных комплексов (ЗРК), свыше 700 боевых самолётов, 120 вертолётов и свыше 100 боевых кораблей. За годы войны общая стоимость всех этих поставок вооружений и военной техники составил 15 миллиардов 700 миллионов долларов США. И это не говоря уже о том, что через Вьетнам прошло более 10000 советских военных специалистов [312, с.19,25].

Часть III

Глава I.

^{1*} В основу этой и следующей глав данного тома положены посвящённые социально-экономической истории Вьетнама 1893 – 1975 гг. разделы двух коллективных монографий, которые были изданы в СССР в 1970 и 1984 гг.

Указанные разделы были отредактированы и доработаны, что позволило как полностью сохранить научные достоинства этих текстов, так и избавить их от типичной для советской эпохи излишней «идеологизации» [387, с.21 – 39, 114 – 127, 326 – 341; 521, с.454 – 495; 523, с.44 – 73].

Это тем более оправданно, что Л.А.Аносова, являющаяся автором настоящих глав, была одним из основных авторов указанных разделов. См. «Предисловие» в «Томе I».

² В 1884 г. «Учреждение Бургуэна Мейфра» (Etablissement Bourgoïn Meifre), в 1887 г. «Заморская марсельская компания» (Société Marseillaise d'Outremer), «Индокитайская [компания] братьев Дени» (Frères Denis d'Indochine) и «Индокитайское учреждение Демарэ» (Etablissement Démaret d'Indochine), в 1898 г. «Бижутерия Поля Шабо» (Bijouterie Paul Chabot), 1900 г. общество «Пуансерэ Вейре» (société Poinaré Veyret).

³ Индокитайский банк был основан в 1875 г. по инициативе «Парижского национального банка» (Banque Nationale de Paris), «Торгово-промышленного банка» (Banque Industrielle et Commerciale) и «Парижско-голландского банка» (Banque Hollandaise de Paris), к которым позднее присоединились «Лионский кредит» (Crédit Lyonnais), «Генеральный кредит» (Crédit Général) и «Фондовый кредит Франции» (Crédit foncier de France).

В год создания капитал Индокитайского банка составлял 8 миллионов франков, к 1910 г. он увеличился до 48 миллионов, а в 1920 г. он уже вырос до 72 миллионов франков [991, с.42].

^{4*} В 1870 г. во Франции была введена в оборот десятиричная денежная система *франка* с фиксированным соотношением золота и серебра 1 : 15,5 (так называемый *золотой стандарт* «Латинского союза», который, хотя официально просуществовал до 1927 г., начал распадаться почти сразу после окончания Первой мировой войны).

В семидесятых годах XIX в. в Кохинхине были введены *центы*. *Цент* являлся $\frac{1}{8}$ мексиканской монеты в *8 реалов*, которую ошибочно называют *мексиканским долларом*. После завоевания Аннама и Тонкина французы ввели в оборот так называемый *коммерческий пиастр*.

Пиастр делался из серебра и, веся в 24,3 гр, был чуть тяжелее, чем монета в *8 реалов*, или *мексиканский песо*. Серебряный эталон существовал во Французском Индокитае дольше, чем где бы то ни было.

В 1900 г. *1 пиастр* = 2,5 *франкам*.

В 1920 г. из-за роста стоимости денег после Первой мировой войны *пиастр* был привязан к французскому *франку* через золотой эталон.

Наконец, в 1931 г. был установлен курс бумажных денег, согласно которому *1 пиастр* = 10 *франкам*.

^{5*} В начале XX в. 1 су = 5 сантимов = $\frac{1}{20}$ франка; 1 куан = 14 су, при этом 1 су = $\frac{1}{100}$ донга (смотри также «Таблицу №3 в «Томе VI»).

⁶ В числе первых французских компаний можно назвать такие, как «Олово и вольфрам Индокитай» (Etain et Wolfram du Tonkin) с первоначальным капиталом в 1,5 миллиона франков, «Компания рудников Чангда» (Société de mines de Trảng-dá), «Рудная компания Тонкина» (Société minière du Tonkin) и «Рудная компания Тханьмоя» (Société minière de Thanh-mỏi).

⁷ Возможен перевод «Процветающий Куанг» (Quảng hưng long). Но поскольку эта компания была создана в Ханое, то включение в её название термина, входящего в состав наименований ряда провинций Центрального Вьетнама, представляется сомнительным.

⁸ Исходя из общетеоретических выводов советской исторической науки, учёные СРВ выделяли в составе сельской буржуазии «кулака» как одного из основных эксплуататоров сельского пролетариата [521, с.476, 477].

Однако даже для истории России вопрос о кулаке достаточно спорен, так как, с одной стороны, под этим термином В.И. Ленин действительно понимал представителей наиболее широкой прослойки деревенских эксплуататоров, а с другой, как правило – малообразованные, интерпретаторы называли «кулаком» зажиточного крестьянина, которого, как известно, П.А. Столыпин считал «столпом» сельскохозяйственного производства. Указанная подмена понятий была типичной для Советской России эпохи военного коммунизма и начального этапа коллективизации.

В связи с этим представляется, что применение спорного российского термина «кулак» к вьетнамским реалиям неправомерно, поскольку он автоматически ассоциируется с проводившейся советской властью по отношению к крестьянству политикой в указанный период российской истории. Иными словами, термин «кулак» не только не отражает сути происходивших во вьетнамской деревне конца XIX – середины XX в. процессов, но и приводит к их искажённому восприятию.

⁹ Исходя из зарплаты 40 сантимов в день (смотри ниже), 3000 франков = зарплате за 125 лет ежедневного труда. Понятно, что осуждённый ни при каких условиях не мог выплатить указанного штрафа и был обречён на пожизненную кабалу.

¹⁰ Вывозу французского капитала во Вьетнам способствовало также падение курса франка по отношению к пиастру. Так, если в 1914 г. пиастр стоил от 2,39 до 2,5 франков, то в 1926 г. он уже стоил 17,02 франка, при этом бывали случаи, когда стоимость пиастра достигала 25 франков.

¹¹ Без учёта жителей слобод ремесленники составляли в начале XX в. около 2% населения страны. То есть количество городских жителей увеличилось с начала века в 4 – 5 раз, тогда как население Вьетнама увеличилось с 1900 по 1931 г. с 15 миллионов до 18,5 миллионов человек, или на 25%.

¹² Как и в тех случаях, когда речь не идёт о специфическом явлении российской истории 2-ой половины XIX – начала XX в., под термином «интеллигенция» следует понимать образованные слои общества, не занимающиеся физическим трудом.

¹³ По франко-китайскому договору 1930 г. запретительные меры были несколько смягчены в отношении китайских торговцев рисом, но это не внесло принципиальных изменений в таможенную политику Франции.

¹⁴ В качестве примера «обратного эффекта» можно привести создание «Народного сельскохозяйственного кредита», который послужил лишь укреплению позиций полуфеодальной деревенской верхушки.

¹⁵ Если в начале тридцатых годов в Кохинхине собирали 2,5 миллиона т риса, то в конце – 3 миллиона т. В Тонкине же, где посевные площади под рисом возросли с 1,8 миллиона до 2,4 миллиона га, его производство так и осталось на уровне 1931 г.

¹⁶ Вьетнамская экономика контролировалась прежде всего группой Индокитайского банка «Финансовая компания Франции и заморских стран» (Société financière pour la France et les pays d'Outre-mer), в которую входили 16 крупнейших компаний. К 1940 г. Индокитайский банк увеличил

первоначальную сумму своего капитала 68 миллионов пиастров в 100 раз, 90% которого использовалась для финансовых операций в Индокитае. Этот банк вместе с упоминавшейся ранее «Группой Риво» (Groupe Riveaux), известной под названием «Каучук – Финанс» (Financier de Caoutchouc), и группой «Дальневосточный финансовый союз» (Union financier d'Extrême-Orient) контролировали более 85% частных капиталов Вьетнама.

15% частных капиталов были связаны с финансово-промышленными группами «Жиле» (Gillet) и «Братья Лазар и компания» (Lazars frères et compagnie).

Наконец, часть горнодобывающей промышленности финансировалась «Банком Малле» (Banque Mallet) и группой де Ванделя (Groupe Vandell), которые были напрямую связаны с металлургическими магнатами метрополии.

¹⁷ В Ханое и Сайгоне были открыты филиалы японских компаний «Мицуи» (三井) и «Продуктовый союз Мицуи» (Мицуи буссан кайся, 三井ブツセ悔い改める), а крупнейшим совместным предприятием стало «Вьетнамо-японское анонимное общество» (Конг ти во зань Вьет Нят, Công ty vô danh Việt – Nhật, 日越名無司公).

¹⁸ Дефицитными были хлопок, текстиль, бензин, мазут, смазочные масла, металлические изделия, химикаты, фармацевтические препараты и другие товары.

¹⁹ Как отмечалось в части «Б» данного параграфа, рост производства каучука отмечается даже в годы Второй мировой войны, что было связано как со спецификой плантационного каучукового хозяйства, так и со значительной финансовой поддержкой, которую оказывала Франция крупным плантаторам.

Глава 2

¹ Поскольку многие решения по социально-экономическому развитию страны принимались на съездах и пленумах ПТВ, а также утверждались сессиями Национального собрания ДРВ, представляется, что в ряде случаев сложно, а иногда и невозможно провести чёткую границу между политическими и социально-экономическими проблемами. Поэтому часть вопросов экономической истории Вьетнама также описывается и при рассмотрении его политической истории, но под иным углом зрения. Тем не менее это не могло не привести к повторам одних и тех же фактов в «Параграфе 3» «Главы 3» «Части I» и данной главе настоящего тома.

² В данном случае используется традиционно принятая терминология, поскольку ни о каком «социалистическом строительстве» в то время не

могло быть и речи. На самом деле перед создателями ДРВ стояла проблема решения основных задач первоначального этапа национальной буржуазно-демократической революции.

³ Две ступени кооперирования – это так называемые производственные кооперативы трудовой взаимопомощи, в которые объединялись крестьяне для совместной обработки земли, и кооперативы, в которых земля, а иногда и орудия производства становились общественной собственностью.

Как первый, так и второй тип кооператива полностью соответствовали традиционной структуре вьетнамской общины. Их ни в коем случае не следует ассоциировать с созданными в ходе коллективизации в СССР колхозами.

Смотри «Параграф 2.1.1» настоящей главы.

⁴ Из 1132 предприятий 1966 г. 205 было центрального подчинения и 927 – местного, а в 1969 г. из 1352 их было 277 и 1075 соответственно.

⁵ Одним из ярких примеров взаимодействия строительных отрядов и сил ПВО ДРВ является судьба моста через реку Ма в провинции Тханьхоа. В 1965 – 1968 гг. ВВС США совершили 300 налётов на этот мост, сбросив на него 22 тысячи бомб и выпустив по нему 4 тысячи ракет. Однако на протяжении этих четырёх лет по этому мосту шли непрерывные перевозки грузов, а его защитники сбили 99 американских самолётов.

⁶ Многие из крупных предприятий были построены с помощью Советского Союза и других социалистических стран. В их числе можно назвать ГЭС в Тхакба, ТЭС в Уонгби и Ниньбине, азотно-туковый завод в Хабаке, механический завод в Камфа, судовой верфь в Батьданге, ткацкая фабрика в Виньфу и целый ряд других крупных фабрик и заводов.

⁷ Из изложенного материала следует, что партийное и государственное руководство ДРВ взяли за образец существовавшую в СССР систему управления народным хозяйством, которая, как известно, имела множество недостатков и изъянов. Тем не менее она была значительно более прогрессивной, чем сложившаяся в ДРВ в годы войны административно-снабженческая система управления. Поэтому логично, что имевшее огромный военный опыт, но не имевшее достаточных знаний для управления современной экономикой руководство ДРВ последовало советам советских специалистов и консультантов.

⁸ Если бы советские офицеры и солдаты принимали непосредственное участие в наземных операциях, то трудно себе представить, что за десять лет войны американцы и их союзники не только не смогли захватить в плен, но даже не смогли показать общественности труп хотя бы одного убитого советского военнослужащего.

Что же касается советских лётчиков, воевавших под видом вьетнамцев против американских асов в небе Северного Вьетнама, которых якобы определяли по «русскому магу», то и здесь не существует ни одного подтверждающего этот факт документа или фотографии.

Если же советские лётчики действительно воевали во Вьетнаме, а ЦРУ и военная разведка США за десять лет не получили этому доказательств, то грош им цена, что, как известно, далеко не так.

⁹ Известно, что ездившие за границу в командировки и на учёбу, главным образом в социалистические страны, вьетнамцы в огромных количествах скупали и увозили домой утюги, электрические чайники, вентиляторы, термосы, мыло, стиральные средства, одежду, обувь и многие другие товары. Безусловно, многие из них предназначались для личного пользования, но нет никакого сомнения, что большая часть этих товаров реализовывалась на чёрном рынке.

¹⁰ Не вызывает сомнения, что всячески подчёркиваемая в прессе любовь вьетнамского народа к Хо Ши Мину соответствует действительности. Однако при этом почему-то не упоминается тот факт, что во многих сельских общинах ему поклоняются как духу-покровителю, при этом не только в Северном, но и в Южном Вьетнаме, например в общинном доме Биньтхюи или «Поминальном храме Истоков Дракона [Императорской власти]», одноимённого квартала города Бенче. Интересно, что в этом же общинном доме также находятся поминальные алтари Нгуен Чая, Нгуен Чунг Чыка, Фан Бой Тяу и Фан Тю Чиня, которые значительно уступают по своей пышности алтарю Хо Ши Мина.

Очевидно, что никакими партийными и государственными указаниями этого добиться невозможно. Поэтому, надо полагать, что в сознании рядового вьетнамца образ Хо Ши Мина традиционно ассоциируется с образом защитника интересов простых людей.

Глава 3

¹ При написании данной главы использован материал, опубликованный В.С.Расторгуевым в коллективной монографии по новейшей истории Вьетнама [387, с.375 - 395].

² Помимо США помощь РВ предоставляли другие капиталистические страны и ООН, но в несопоставимых размерах, приблизительно 30 – 50 миллионов долларов ежегодно [1156.1, с.68]. То есть Вашингтон проводил линию на коллективные усилия в деле экономического восстановления и развития Южного Вьетнама в годы «вьетнамизации» войны, в том числе с расчётом на участие международных валютно-финансовых организаций и своих союзников [523, с.163].

³ Например, в 1955 – 1958 гг. из примерно 31 миллиарда южновьетнамских донгов таких расходов более 23 миллиардов составили поступления из указанного фонда.

⁴ Иными словами, на каждого жителя Республики Вьетнам ежегодно ввозилось товаров на 10 - 15 долларов.

⁵ Так, перевозка 1 т цемента без учёта расстояния на американском судне стоила 12, а на японском – 3,8 доллара.

⁶ Товарная группа «оборудование» включала также холодильники, стиральные и швейные машины, вентиляторы, кондиционеры, телевизоры, автомобили и другие средства передвижения (и запасные части). Собственно промышленное оборудование поставлялось лишь для нужд строительства и текстильной промышленности.

⁷ Согласно источникам, у 2 тысяч помещиков были выкуплены за 1934 миллиона южновьетнамских донгов 470 тысяч га обрабатываемой земли и 330 тысяч га – у французских собственников за 1500 миллионов франков.

В 1958 – 1970 гг. Сайгонское правительство дополнительно приобрело ещё 458,6 тысячи га земли у 1 тысячи помещиков за 491,1 миллиарда южновьетнамских донгов [1156.1, с.58; 1737.1, с. 13].

⁸ По оценке экспертов США, аграрная реформа Нгуен Ван Тхиеу под лозунгом «Земля тем, кто её обрабатывает», вызвала глубокие изменения в крестьянской среде и создала в деревне средний класс капиталистического типа [1175, с.277, 278].

⁹ В результате снижения поголовья тяглового скота, мелиорации полей, упадка и разрушения ирригационных сооружений, оттока рабочей силы из деревни посевные площади к концу 1972 г. сократились более чем на 0,5 миллиона га.

¹⁰ Аналогичная ситуация сложилась и на севере, где этот показатель упал за 1960 – 1975 гг. с 325,7 до 243,3 кг при росте валового сбора риса за тот же период с 2,45 до 5,49 миллиона т [1156.1, с.180, 183].

¹¹ В том числе на юг было завезено 2,1 миллиона т пшеничной муки и 0,6 миллиона т кукурузы.

¹² На средства экономической помощи США были реализованы научно-исследовательские программы по селекции таких продовольственных и технических культур, как рис (IR5 и IR8), кукуруза, соевые бобы, овощи,

хлопок, сахарный тростник, табак, кенаф, конопля, рами, джут, арахис, какао, кокосовая пальма и другие. Также были созданы опытные животноводческие фермы, пастбища и перерабатывающие предприятия. Наконец, были реализованы проекты в области морского рыболовства и лесной промышленности, включая производство целлюлозы и бумаги.

¹³ Среди них было 20987 ручных культиваторов и четырёхколесных тракторов, 549 жаток и молотилок, 2152 водяных помп, 1888 косилок и 1988 помп, 1888 борон [25, с.58].

¹⁴ Для сравнения: темпы роста сельскохозяйственного производства ДРВ в 1961 – 1975 гг. были аналогичными – 1,8% [387, с.180].

¹⁵ В 1955 – 1959 гг. прекратили существование более 50 французских промышленных компаний, акции 49 компаний были проданы сайгонским властям, а 111 компаний перевели свои капиталы в другие страны или во Францию [634.1, с. 46]. С частичной или полной компенсацией также была осуществлена национализация французских предприятий гражданской авиации, железнодорожного транспорта, городского коммунального транспорта, почты и телеграфа. Кроме того, у французских собственников государство выкупило рисовые плантации, на базе которых впоследствии были созданы сельскохозяйственные производственные кооперативы капиталистического типа.

¹⁶ Американский эксперт Л.Барроуз отмечал в этой связи: «Может быть, в некоторой степени мы доктринёры, но такова наша экономическая философия» [1690.1.1].

¹⁷ В Южный Вьетнам ежегодно ввозилось около 70 миллионов м тканей, продажная цена которых равнялась $\frac{2}{3}$ себестоимости произведённых на месте тканей. В результате 30 миллионов м ткани ручного производства так и не были реализованы, а на складах таких современных предприятий, как «Винатэкс» (Vinatex), «Вимитэкс» (Vimitex) и «Сиковина» (Sicovina), скопились сотни т пряжи и десятки миллионов м различных тканей на сумму в 500 миллионов южновьетнамских донгов.

¹⁸ Проведённая в 1966г. модернизация этих заводов свелась к их переоборудованию для рафинирования импортного сахара-сырца.

¹⁹ Мощность указанных электростанций составляла соответственно 160, 33 и 20 мВт. В 1965 г. производство электроэнергии в Южном Вьетнаме составило 496 миллионов кВт.ч, а в 1973 г. – 1894 кВт.ч [1156.1, с.63].

²⁰ Так, из-за того что подрядчик отказался вести переговоры с американской фирмой «Кайзер» (Kaiser) и планировал импортировать менее дорогостоящее японское оборудование, ему было отказано в кредите на сумму в 552 тысячи долларов на оборудование для прокатного стана.

²¹ Эти заводы производили ежегодно соответственно 120 т, 800 тысяч м³, 130 тысяч м³.

²² В 1972 г. промышленное производство снизилось на 5,1%, а в 1973 г. – на 11,2%. Производственные мощности были задействованы в производстве напитков лишь на 18%, табачных изделий – на 36%, текстиля – на 50%, пластмасс – на 40% и бумаги – на 30% [1156.1, с.66].

²³ Например, фирмы «Филко Интернейшнл» (Philco International) и «Пэйдж Комьюникэйшн Инженерс Инк.» (Page Communication Engineering's Inc.) заработали по контрактам стоимостью в 3 миллиарда долларов на проведение военной телеграфной связи между Южным Вьетнамом и Таиландом 200 миллионов долларов. За 10 лет работы прибыли строительной компании «Пасифик» (Pacific) доходили до 100 миллионов долларов в год.

В 1965 г. в компании «РМК – БРДж» (RMK—BRG), которая осуществляла 80% военного строительства в стране, было 52 тысяч рабочих и служащих, или столько же, сколько их было во всём Южном Вьетнаме в 1962 г.

²⁴ Это шоссе могло использоваться для посадки военных самолетов и сохраняло высочайшее качество вплоть до конца девяностых годов, когда оно было реконструировано.

²⁵ С 1955 по 1970 г. США потратили 6,7 миллиарда долларов на финансирование импорта Южного Вьетнама. Как отмечалось ранее, размер кредитов и номенклатура импортных товаров определялись ежегодными соглашениями между РВ и США.

^{26*} Следует понимать, что речь идёт о гражданах Китая, то есть беженцах из КНР и жителях Тайваня. Численность же натурализованных китайцев, которые переселялись во Вьетнам на протяжении многих веков, практически не сократилась. Поэтому представляется, что утверждения об уменьшении китайской диаспоры или о сокращении китайского капитала в то время, по меньшей мере, достаточно сомнительны.

²⁷ Расходы на содержание американских военных советников формально оплачивались за счёт военных статей бюджета РВ.

²⁸ Часть этих скудных ассигнований шла на финансирование программ по созданию «стратегических деревень». В 1963 г., например, отчисления на эти программы составляли 34,6% расходов на развитие сельского хозяйства, 16,9% – образования, 7,2% – здравоохранения.

²⁹ Средства от продажи поступали из «Специального фонда», к ним добавлялись пошлины и налоги, собираемые государством в текущий бюджет. Расходная часть бюджета не включала авансы Национального банка [272.1].

³⁰ Из-за этих пошлин, а также из-за повышения внутренних налогов множество мелких и часть средних предприятий было вынуждено свернуть свою деятельность в Южном Вьетнаме.

³¹ Расходы за 1955 – 1974 гг. составили 2,45 триллиона, тогда как доходы – только 1,77 триллиона южновьетнамских донгов. То есть доходы не покрывали примерно одну треть расходов [1175, с.280].

³² 4 миллиона долларов для первого взноса Республика Вьетнам получила «взаймы» от Соединенных Штатов.

³³ Как выявило одно из обследований в сайгонской зоне, в 1974 г. среднедушевой доход 10% населения превышал 480 долларов, 10% – 120 долларов, 20% – 80 долларов, 50% – 40 долларов и последних 10% – менее 40 долларов в год [1175, с.281].

³⁴ Данный показатель даёт представление о росте объёмов собственно национального производства и услуг, но не отражает американскую помощь, стоимость которой не засчитывалась в произведённый на юге национальный доход. Поэтому суммарный ВВП в начале семидесятых годов был в несколько раз больше и оценивался в 3 миллиарда долларов [1175, с.270].

Часть IV

Глава I

^{1*} Данная глава составлена из текстов трёх авторов – Т.Н.Филимоновой, Николь Луи-Энар и Нгуен Тхе Аня. Все они достаточно разноплановые и пишут в своей собственной манере и стилистике, что неудивительно, учитывая их подготовку (по каждому автору смотри «Биографическую справку» в разделе « Авторы “Полной академической истории Вьетнама”» «Тома VI».

В связи с этим редколлегии пришлось проделать большую работу по унификации стиля указанных текстов, а также для того, чтобы убрать многочисленные повторы, связанные с тем, что авторы текстов работали самостоятельно и не имели контактов друг с другом.

Наконец, следует принимать во внимание, что полностью обо всём периоде развития вьетнамской литературы с 1893 по 1975 г. писала только Т.Н.Филимонова. Поэтому там, где, по мнению редколлегии, в текстах Николь Луи-Энар и Нгуен Тхе Аня имелись лакуны, они «заполнялись» написанным Т.Н.Филимоновой материалом.

Таким образом, основным автором настоящей главы следует считать Т.Н.Филимонову.

В то же время, автором «Параграфа 1» и «Параграфа 2», за исключением тех случаев, когда в них речь идёт о вьетнамских писателях и поэтах прокоммунистической ориентации, следует считать Николь Луи-Энар, а автором «Параграфа 3.3» – Нгуен Тхе Аня.

² Поскольку в данной главе речь идёт об относительно недавнем и хорошо документированном прошлом, годы жизни большинства упоминаемых писателей и поэтов известны. В то же время поскольку речь идёт не о биографических справках, то в тех случаях, когда они известны, почти всегда указываются даты рождения и смерти. Если же тот или иной литератор ещё был жив на момент написания главы или же требовался специальный поиск этих дат, то, поскольку в данном случае это не имеет принципиального значения, они не указываются.

³ Судя по всему, далеко не все романы того времени известны на сегодняшний день. Те же романы, которые известны, нередко являются библиографической редкостью и почти не изучены.

⁴ Полное название этого романа «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего 28 лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля кроме него погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами; написанные им самим».

⁵ К сороковым годам XX в. Нят Линь стал активно заниматься политической деятельностью и, являясь сторонником Гоминьдана, был последовательным противником Коммунистической партии Индокитая во Вьетнаме. Поэтому его общественная деятельность как до Августовской революции 1945 г., так и после неё крайне негативно оценивалась в ДРВ. После объединения страны и создания СРВ в 1975 г. указанная оценка взглядов Нгуен Линя не изменилась.

⁶ Пу Сунлин (1640 – 1715 гг.) является автором сборника «Удивительных рассказов [из] кабинета болтуна».

16 томов его произведений включают более 400 новелл, которые являются блестящей стилизацией фантастических танских новелл в стиле «повестей» (奇傳, чжуаньци) VIII – IX вв.

Согласно традиции, Пу Сунлин был счастлив в браке с некоей госпожой Лю (劉). Поэтому он так любил рассказывать чудесные и удивительные истории о союзах между книжниками, или учёными-конфуцианцами, и женщинами, обладавшими «сверхъестественным даром», хотя в его время при браках любовь не принималась в расчёт.

В числе его персонажей выделяется популярная в народных китайских сказаниях *женщина-лиса* (лиса-дух, 精狸狐, хули-цзин) устанавливающая справедливость в любви и общественной жизни. В большинстве рассказов Пу Сунлина книжники обретают истинную любовь с *женщиной-лисой* и добиваются успеха на конкурсных испытаниях.

⁷ С начала пятидесятых и до конца восьмидесятых годов многие произведения писателей ДРВ были переведены на русский язык и изданы в Советском Союзе. В их числе можно назвать прозу и стихи таких авторов, как Нам Као, Нгуен Ван Бонг, Нго Тат То, Нгуен Динь Тхи, Нгуен Конг Хоан, Нгуен Туан, Нгуен Хонг, Суан Зиеу, Те Лан Виен, То Хоай, То Хыу и целого ряда других писателей и поэтов.

⁸ В качестве примера можно назвать активного члена группы «Гуманизм – Шедевры» и выдающегося вьетнамского историка французской формации Дао Зюи Аня (25.04.1904 – 01.04.1988). Смотри «Параграф 2» «Введения» в «Томе I».

Первым иностранцем, которому по личному указанию Май Ти Тхо было разрешено встретиться 8-го ноября 1979 г. с работавшим на выделенной ему на море рядом с г.Хошимин вилле Дао Зюи Анем, стал советский учёный П.В.Познер.

Справка: Май Ти Тхо (15.07.1922 – 28.05.2007), настоящее имя Фан Динь Донг, младший брат Ле Дык Тхо, генерал-полковник полиции, министр внутренних дел СРВ в 1987 – 1991 гг. С 1978 по 1985 г. Май Ти Тхо был председателем Народного комитета г.Хошимина. Он пригласил 7-го ноября 1979 г. в 20.00 П.В.Познера на ужин в гостинице «Каравелла» по случаю 62-ой годовщины Великой октябрьской социалистической революции, на котором помимо них двоих присутствовал лишь руководитель внешних связей Комитета общественных наук Вьетнама Нгуен Минь Луан.

В конце ужина после двухчасовой беседы на самые общие темы Май Ти Тхо неожиданно произнёс: «Вы, кажется, хотели увидеться с уважаемым Дао Зюи Анем? Завтра в 9 утра за Вами придёт машина». После этого он попрощался и ушёл.

⁹ Кроме литератур ДРВ и РВ существует ещё и третья ветвь вьетнамской литературы. Это вьетнамоязычная литература зарубежья. Продолжая развиваться и сегодня, прежде всего во Франции и США, она в принципе также является частью вьетнамской литературы. В то же время, эта литература существует в рамках невьетнамской культурной среды, оказывающей на её развитие решающее влияние. Именно по этой причине её следует рассматривать вне контекста «Полной академической истории Вьетнама».

Что же касается развивавшихся в принципиально отличавшихся друг от друга по культурно-идеологической обстановке разных частях страны литератур ДРВ и РВ, то они должны рассматриваться как две части единого целого, но с учётом факта их относительно автономного развития.

Глава 2

¹ Существующий в настоящее время кафедральный католический собор в Ханое при строительстве был освящён в честь Святого Иосифа в память о выборе Александра де Рода.

^{2*} Учитывая религиозную синкретичность вьетнамцев, есть все основания полагать, что на начальном этапе распространения христианства во Вьетнаме придворная знать воспринимала церковные обряды как новый вид развлечения. К тому же в то время вьетнамцы, во-первых, в принципе не понимали, что такое католическая церковь, и, во-вторых, они даже не думали отказываться в результате крещения от своих традиционных, связанных с культом предков и буддизмом верований.

Иное дело принятие христианства обездоленными крестьянами в конце XVII – XVIII в., стремившимися найти в новой вере защиту от тяжестей жизни. Но и они, за редким исключением, продолжали соблюдать традиции культа предков. См. «Параграф 3» «Главы 1» «Части III» «Тома III».

³ Эти, содержащиеся в оставленных миссионерами записях сведения о жизни вьетнамцев в XVII – начале XIX в. делают их неоценимым подспорьем при исследовании истории распространения католицизма во Вьетнаме.

⁴ Игнасио Дельгадо родился в 1762 г. неподалеку от Сарагосы в Испании. В 1799 г. он стал епископом Восточного Дангнгоая. Епископ и его помощник Энарес были схвачены в июне 1838 г. Дельгадо скончался в тюрьме 16-го июня, а 9 дней спустя, 25-го июня 1838 г. был казнён и миссионер Энарес. Лишь спустя 150 лет, 19-го июня 1988 г., Ватикан издал Акт об их канонизации.

⁵ Епархия Дангчаунг, или Апостолический викариат Кохинхины. Его глава Ж.Лабартет родился 31-го января 1744 г. на юго-западе Франции в департаменте Атлантические Пиренеи. Он был рукоположён в сан в феврале 1772 г. и прибыл в Дангчаунг в апреле 1775 г. В основном Лабартет занимался миссионерской деятельностью в провинциях Тхыатхиен и Куангчи южной части Центрального Вьетнама. В скором времени он стал заместителем епископа Пиньо де Безна. 21-го сентября 1793 г. он был возведён в сан епископа. 9-го октября 1799 г., после смерти епископа Пиньо де Безна, Ж.Лабартет стал главой епархии Дангчаунг.

⁶ Миссионер Шарль Ламот родился в 1751 г., прибыл во Вьетнам в конце 1782 г., где и умер в 1816 г. Новым заместителем епископа Лонжера стал миссионер Жан-Жак Герар, который родился в 1761 г. и был рукоположен в сан в 1785 г. Он прибыл во Вьетнам в 1789 г. и умер в 1823 г.

⁷ Строго говоря, во Вьетнаме не было территориальной епархии вплоть до 1960 г. До этого момента все вьетнамские епархии создавались как апостолические викариаты, чьи епископы отчитывались перед специальной организацией, Пропагандой Фиде, или Конгрегацией по распространению Веры, являющейся отголоском борьбы Ватикана с системой португальского патроната в XVI – XVII вв.

⁸ Все 15 упомянутых посланцев-католиков были сразу же казнены. Кроме того, можно назвать следующие громкие казни.

25-го июня 1833 г. в Нгеане был схвачен священник Ле Туи, а 10-го октября 1833 г. он был казнён.

В Фуиене был схвачен миссионер Гагелан. Его доставили в Хюе 23-го августа и повесили 17-го октября 1833 г.

Принявший христианство капитан императорской гвардии Тонг Вьет Бьонг, содержался под стражей с конца декабря 1832 г., а 23-го октября 1833 г. – обезглавлен.

Миссионеры Одорич и Жакар до поры до времени были свободны, но в октябре 1833 г. контроль усилили, 8-го ноября 1833 г. их заключили в тюрьму, заковали в цепи и приговорили к смертной казни. Приговор был отменён 2-го декабря 1833 г., и их отправили в ссылку в Лаобао – посёлок на границе с Лаосом в современной провинции Куангчи.

После падения Зядини епископ Иосиф Маршан, священник Поль Нгуен Ван Фыок и несколько других христиан были взяты в плен. Вьетнамцы были казнены на месте, а епископа Маршана отправили в Хюе, где его допрашивали и пытали в течение полутора месяцев. Маршана приговорили к смерти, и 30-го ноября 1833 г. он подвергся мученической казни (смотри «Иллюстрацию 33» в «Томе III»).

⁹ Социальный состав арестованных католиков свидетельствует о том, что в XIX в. христианство приняло уже не так мало чиновников госаппарата,

чего в начальный период распространения христианства во Вьетнаме в XVII – начале XVIII в. практически не отмечается.

Ватикан причислил к лику святых мучеников за веру следующих католиков из епархии Дангчаунг: Гагелан, французский священник (17.10.1833), Тонг Вьет Быонг (23.10.1833), Чан Ван Чаунг (28.11.1833), Маршан, французский священник, епископ (30.11.1835), Чан Ван Тхиен, семинарист (21.9.1838), Жакар, французский священник (21.09.1838), Нгуен Хыу Нам (10.07.1840) и Фан Дак Хоа (12.12.1840).

¹⁰ Как отмечалось в «Параграфе 1» настоящей главы, звание «Наставник» было учреждено ещё в XVII в. Александром де Родом для наиболее успешных катехистов.

¹¹ Трое из них впоследствии были причислены к лику святых:

1. Ле-тхи Тхань, которая была арестована в Фукняке провинции Ниньбинь за укрывательство европейцев и умерла в тюрьме 12-го июля 1841 г.

2. Священник Хоанг Кхань, или Пьер Кхань, которого схватили в феврале 1842 года, помиловали, а затем непонятно почему казнили 12-го июля 1842 г.

3. Владелец корабля, на котором епископ Лефевр и его окружение вернулись из Сингапура во Вьетнам, Ле Ван Гам. Он был схвачен в июне 1846 г. и казнён после того, как 2 французских корабля уничтожили весной 1847 г. 5 вьетнамских судов в бухте Дананга.

¹² О казни Теофана Венара до сих пор во Вьетнаме ходят легенды, сбором которых в том числе занимался и автор настоящей главы.

Говорят, что когда Теофана Венара вели на казнь, он пел псалмы. Во время предшествовавших казни пыток он продолжал пение псалмов и радовался тому, что принимает муки за веру. Такое необычное поведение испугало палачей, а слухи об этой необычной казни разнеслись по всей стране.

Впоследствии Теофан Венар был причислен Ватиканом к лику святых мучеников. На месте его казни под Ханоем построена часовня, в которой распространяются специальные буклеты с рассказом о его служении и мученической смерти.

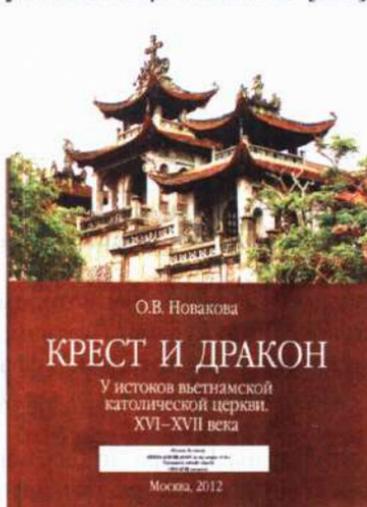
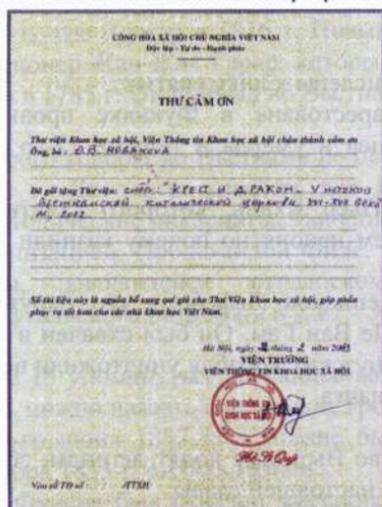
¹³ Все приведённые в настоящей главе данные взяты из «Том II» источниковедческой работы священника Чыонг Ба Кана (1930 – 2009 гг.) «История развития католицизма во Вьетнаме», который печатался в журнале «Католицизм и нация» [1713.1; 1713.2; 1713.3]. Чыонг Ба Кан был основателем и бессменным главным редактором этого журнала вплоть до своей кончины.

Исследование Чыонг Ба Кана строится на основе архивных данных Иностранной миссии в Париже [94.12], архивов, имеющих прямое

отношение к Индокитаю [147], и данных архива Пропаганды ФИДЕ, или Конгрегации по распространению Веры, в Ватикане [94.9; 94.10; 94.11].

¹⁴ Обращает на себя внимание, что с момента появления во Вьетнаме проповедников из Иностранных миссий в Париже епархиям, которые учреждались в стране, давались названия тех вьетнамских провинций, на территории которых они создавались. За редким исключением этот принцип действует во Вьетнаме и по сей день.

^{15*} Недавно на русском языке была опубликована написанная автором этой главы всеобъемлющая монография по указанной проблематике [516].

Это единственный такого рода труд по истории становления и развития католической церкви во Вьетнаме, что было признано вьетнамскими исследователями, выразившими автору официальную благодарность за проделанную им работу.

¹⁶ В первую очередь католицизм во многом сказался на периоде правления Нго Динь Зьема в Южном Вьетнаме, поскольку он сам был католиком и в его правительстве все ключевые фигуры также были католиками. Кроме того, известно, что Зьема поддержал и находившийся в то время на престоле Ватикана Папа Пий XII (Смотри «Параграф 1.2.3» «Главы 1» «Части II» настоящего тома).

В связи с этим интересно отметить, что католик Нго Динь Зьем возглавил далеко не католическую страну в 1954 г. и был убит 2-го ноября 1963 г.

20-го января 1961 г. первым и единственным до сих пор президентом-католиком совсем не католических США стал Джон Фицджеральд Кеннеди, убитый 22-го ноября 1963 г.

Наконец, именно при Джоне Фицджеральде Кеннеди США оказались полностью вовлечёнными во вьетнамскую войну.

Не слишком ли много совпадений? И хотя о Земе, не говоря уже о Кеннеди, написано множество работ исследователями самых разных стран, как ни странно, этот вопрос ещё даже не поднимался ни одним из них.

¹⁷ Как известно, монашество зародилось в Египте, при этом возникновение мужских и женских монашеских орденов датируется примерно одним и тем же временем. Правда, более строгий устав женских орденов не разрешал монахиням покидать стены монастыря, тогда как монахи имели право выходить в город по разрешению настоятеля. Интересно, что католическая церковь признала апостолическую деятельность монахинь «важной и полезной» лишь в XX в.

Глава 3

¹ Так, в «Томе I» рассматривается проблема «Вьетской концепции Поднебесной», в «Томе II» – основные проблемы, связанные с конфуцианством и буддизмом, в «Томе III» – вертикаль культа предков и культовые аспекты архитектуры буддийской храмовой архитектуры, наконец, в «Томе IV» – становление и развитие католицизма во Вьетнаме.

В то же время, если исходить из общепринятой методологии изложения исторических событий в соответствии с их хронологией, каждую из этих проблем следовало бы разнести по двум, а то и по трём томам.

² В их числе кроме упомянутых королей Мужественных и Чан Куок Туана, можно назвать таких прославленных героев, как сёстры Чынг, Госпожа Чиёу Ау, Ли Тхыонг Киет, основатель династии Ли – Ли Конг Уан и многих других не менее почитаемых в народе национальных героев. При этом интересно отметить, что, не считая Хо Ши Мина и незначительного количества таких выдающихся деятелей национально-освободительного движения, как Фан Бой Тяу и Фан Тю Чинь, деятельность всех этих героев связана с событиями, происходившими до конца двадцатых годов XV в.

³ В связи со всем вышесказанным напрашивается вывод, что, судя по всему, руководство КПВ сознательно и достаточно тонко использует традиционные для вьетнамцев национальную гордость и патриотические чувства в своей идеологической работе.

⁴ Речь идёт о наиболее «либеральном» направлении буддизма махаяны, а именно – буддизме школы Созерцания, учение которой в интерпретации различных её наставников господствует во вьетнамском обществе с VII – VIII вв. Смотри «Главу 2» и «Главу 3» «Части IV» «Томе I» и «Главу 2» «Части III» «Томе II».

⁵ Во время опроса хозяин дома (на фотографии 2) искренне удивился вопросу о причинах совмещения атрибутов католической веры, культа предков и буддизма. Однако объяснить это иначе, чем «традициями», так и не смог. Точно так же он не смог объяснить, почему у классического Будды усы и борода, как у демона. Поэтому, учитывая местонахождение дома в провинции Тэйнинь, можно предположить, что речь идёт о синкретическом буддизме Хоа-хао, хотя хозяин дома это и отрицал. Правда, делал он это достаточно уклончиво.

⁶ Если исходить из иероглифического написания, название «До дай Биньсюен» должно переводиться на русский язык как «Отряд [соблюдения] закона Вечного мира».

⁷ Название деревни Хоахао (буддизма Хоа-хао) переводится на русский язык как «Прекрасный Цветок», что полностью соответствует принятым в классическом буддизме понятиям. Поэтому нельзя исключать, что эта деревня находилась на месте какой-то пагоды или буддийского святилища.

^{8*} Автор настоящего раздела полагает, что термин «Као Дай» (Cao Đài) – это используемый в даосизме для обозначения всевышнего божества термин, который дословно переводится как «Высокая Башня» или «Верховный Дворец» [1027.1, с.15 – 18; 1455.1, с.49]. Однако С.А.Благов исходил из написания этого термина на латинице, который на иероглифике в таком случае должен был бы писаться 臺高, тогда как название учения пишется иероглифами 教台高, имеющими совершенно иное значение. Их можно было бы перевести на русский язык как «Учение Великого Почтения» или «Учение Великого [и] Почитаемого».

⁹ Судя по всему, в основе названия этого направления учения Као Дай лежит религиозный псевдоним его основателя «Нго Минь Тиеу». Он пишется иероглифами 昭明武, а название этого направления пишется 明昭 (Тиеу-минь, Chiêu-minh). Иными словами, исходя из последовательности иероглифов, псевдоним переводится «Нго – Светлое постижение», а название направления – «Постигание света».

В то же время нельзя исключать и того, что на самом деле поначалу последовательность иероглифов и в псевдониме, и в названии была одна и та же. В таком случае либо сам Нго Ван Тиеу, либо его последователи взяли без какого-либо изменения в качестве названия этого направления учения Као Дай псевдоним его основателя. Позднее же по каким-то соображениям или, скорее всего, в результате ошибки при написании на латинице последовательность слов (иероглифов) в названии была изменена.

¹⁰ В широком смысле под ассимиляцией понимается процесс, в ходе которого две или более социальные группы, различающиеся внутренней организацией, моральными ценностями и культурой, создают новую общность, в которой происходит смена самоидентификации.

Иными словами, с помощью политики «ассимиляции» Франция стремилась создать во вьетнамском обществе французо-вьетнамскую элиту, которая культурно ориентировалась бы на метрополию.

В связи с этим можно отметить, что во вьетнамском обществе уже проходил аналогичный, связанный с образованием «сино-аннамитской элиты» во II – VI вв. н.э., процесс. (Смотри «Параграф 2» «Главы I» «Части II» «Том I»).

В противоположность политике «ассимиляции» проводившаяся Францией в основном во время войн и кризисов политика «ассоциации» подразумевала сохранение самоидентификации вьетнамской элиты, для которой «ассоциация», или «объединение», должно было стать синонимом процесса взаимовыгодного сотрудничества с Францией.

¹¹ Тонкинская академия была преобразована в «Общество Индокитайских исследований», которое имело свои представительства и библиотеки, а также издавало «Бюллетень Общества Индокитайских исследований» [1627.1].

¹² О многих из упомянутых в данном параграфе деятелей вьетнамской культуры и национально-освободительного движения, а также газетах и журналах смотри дополнительно «Главу 2» «Части I» настоящего тома.

¹³ Созданная в 1898 г. в Париже Колониальная школа готовила кадры для администраций различных французских колоний. Срок обучения в этой школе составлял 2 – 3 года, и в ней ежегодно учились от 11 до 50 человек. С 1934 г. она стала называться Национальная школа заморской Франции.

¹⁴ Сохранились ещё два женских портрета, написанные Ле Ван Миеном маслом в первые годы XX в., из частной коллекции в г.Нгилок провинции Нгеан. Также известно о двух мужских портретах, написанных им в 1900 г. пастелью, которые хранятся в пагоде Ба-ла в Хюе [1756.1].

¹⁵ 1923 г., масло. Картина находится в Музее изобразительных искусств Вьетнама в Ханое. Фам Нгу Лао – вьетнамский национальный герой эпохи династии Чан, живший в 1255 – 1320 гг.

¹⁶ Жорж Грослье (1887 – 1945 гг.). Французский учёный, археолог, этнолог, художник и фотограф, автор множества трудов по археологии Камбоджи и кхмерскому искусству.

Сын французского администратора Службы гражданских дел Индокитая. Грослье получил образование во Франции, затем прошёл курс живописи в

Национальной школе изящных искусств в Париже, по окончании которой получил вторую премию. Во время пребывания в Камбодже занимался исследованием храмов Ангкора. После нескольких поездок во Францию, во время которых читал лекции и готовил публикации материалов о кхмерском искусстве и культуре, Жорж Грослье навсегда вернулся в Камбоджу в 1914 г.

В 1917 г. генерал-губернатор Индокитая Альбер Сарро поставил перед Жоржем Грослье задачу возродить художественные традиции народов Индокитая. Он занимался подготовкой камбоджийских павильонов на выставке декоративного искусства 1925 г. и колониальной выставке 1931 г. в Париже.

Грослье также внёс большой вклад в создание профессиональной школы в Биенхоа и Высшей школы изобразительных искусств Индокитая в Ханое. После Школы камбоджийских искусств он был назначен генеральным инспектором по делам искусств Индокитая, а также стал организатором и первым хранителем Музея Альбера Сарро в Пномпене. С 1926 г. Жорж Грослье также занимался литературной деятельностью, стремясь донести до читателей свои впечатления об Азии.

Выйдя на пенсию в 1942 г., Жорж Грослье остался в Камбодже и участвовал в качестве радиста во французском движении Сопротивления. Он был схвачен японцами и брошен в тюрьму, где и умер от пыток.

¹⁷ Главными задачами Службы кхмерских искусств были объявлены сохранение и обучение традиционному искусству, установление контактов с представителями и учреждениями культуры и искусства зарубежных стран, обеспечение реализации продукции камбоджийских мастеров.

Музей Альбера Сарро был затем переименован в Музей Камбоджи.

¹⁸ Окня Теп Нимит Мак – камбоджийский архитектор и художник. Именно он спроектировал и построил находящийся в Пномпене первый дворец королей Камбоджи [794.4, с.107 – 165].

¹⁹ Виктор Тардьё (1867 – 1937 гг.). Французский художник. Окончил Академию художеств в Лионе. В 1889 г. переехал в Париж, где в 1907 – 1913 гг. написал много картин на семейную тематику. В 1914 г. был призван на военную службу.

В 1921 г. получил Премию Индокитая. Основатель Высшей школы изобразительных искусств Индокитая, первый ректор этого учебного заведения в 1925 – 1937 гг.

Брат художника Андре Тардьё был влиятельным политиком, министром и три раза даже возглавлял кабинет министров Франции.

²⁰ Фреска «Метрополия» посвящена жизни ханойского колониального общества начала XX в. На ней изображено около 200 наиболее известных жителей колонии, включая её генерал-губернаторов.

²¹ Все данные о Нам Шоне были взяты из публикаций во вьетнамской прессе или получены автором этого текста от сына художника – Ан Киеу.

Нам Шон (1890 – 1973 гг.) Также известен под именем Нгуен Ван Тхо.

В числе наиболее известных работ Нам Шона такие работы, как цветная гравюра по дереву «Портрет моей матери», ставшая первым произведением вьетнамской живописи, удостоенным международной награды – Серебряной медали, на международной художественной выставке в Париже в 1932 г.; картина «Белый аист и золотые рыбки», получившая почётный диплом на международной выставке в Риме в 1932 г., картина «Рынок риса на берегу Красной реки», находящаяся в Национальном музее изобразительных искусств Франции и являющаяся первым произведением вьетнамской живописи, купленным французским государством; картина «Деревенская девушка», которая была приобретена министерством культуры Франции. Нам Шон также является автором многих других произведений изобразительного искусства.

Нам Шон прожил долгую и интересную жизнь. После Августовской революции 1945 г. он был приглашен на работу во Французскую школу Дальнего Востока, а с 1957 г. и до своей кончины в 1971 г. Нам Шон был членом Правления Союза художников Вьетнама (учреждён в 1957 г.).

²² Жозеф Ингимберти (1896 – 1971 гг.). Французский художник, лауреат Премии Блюменталя (Бельгия), Национальной премии (Франция) и Премии Индокитая. Автор многих картин с индокитайской тематикой. Манера живописи Ингимберти маслом оказала большое влияние на его учеников.

²³ В ряде источников указывается, что на первый курс дополнительно приняли 12 вольнослушателей для их подготовки к поступлению на следующий год [1011.1, с.11].

²⁴ Эварист Жоншер (1892 – 1956 гг.). Французский скульптор. Окончил Национальную школу изящных искусств в Париже. В 1925 г. получил Премию Рима за работу «Сбор винограда». Преподавал в Школе изящных искусств в Гавре. В 1932 г. получил Премию Индокитая. В 1937 г. участвовал во всемирной выставке. В 1937 – 1944 гг. – ректор Высшей школы изобразительных искусств Индокитая. Приверженец академической школы западноевропейского ваяния. Одним из его студентов был известный вьетнамский скульптор Ву Као Дам. Будучи в Индокитае, Эварист Жоншер создал довольно много скульптур и лаковых картин.

Во время японской оккупации Индокитая Эварист Жоншер находился в тюремном заключении. В 1946 г. он вернулся во Францию. Затем он жил и работал в Африке, а с 1952 г. был ректором Высшей школы в Браззавиле (Конго).

Многие работы Эвариста Жоншера находятся в Музее тридцатых годов в пригороде Парижа Булонь-Биянкур.

²⁵ Выпускники школы стали первыми из тех, кто начал создавать новое вьетнамское искусство в начале XX в. В их числе можно назвать таких выдающихся художников, как Нгуен Зя Чи, Чан Ван Кан, То Нгаук Ван, Ле Фо, Нгуен Фан Тянь, Буй Суан Фай и другие. Интересно отметить, что за все годы в школе училась только одна женщина. Это скульптор Ле-тхи Лыу (1911 – 1988 гг.), которая с 1940 года жила и работала во Франции.

²⁶ Этот, имеющий самый общий характер краткий параграф написан на основании множества мелких публикаций в газетах и Интернете, а также сведений, полученных его автором во время встреч с представителями старшего поколения деятелей вьетнамской культуры.

В параграфе нет ссылок на упомянутые публикации, так как их пришлось бы давать практически к каждой строке, а потому их было бы немногим меньше, чем самого текста.

²⁷ Один из авторов «Тома IV» «Полной академической истории Вьетнама» профессор Нгуен Тхе Ань с начала 1966 по март 1967 г. был ректором Университета Хюе. С марта 1967 по сентябрь 1969 г. он занимал пост заместителя министра просвещения и отвечал за высшее образование в правительстве Республики Вьетнам. А с середины сентября 1969 по апрель 1975 г. – заведовал Департаментом истории Филологического факультета Сайгонского университета.

Профессор Нгуен Тхе Ань отказался от каких-либо политических оценок происходивших в Республике Вьетнам событий, однако он охотно рассказывал о культурной жизни южновьетнамского общества. Именно на них строится характеристика многих нюансов культурного развития Южного Вьетнама в 1954 – 1975 гг.

Смотри статью «Авторы “Полной академической истории Вьетнама”» в «Томе VI».

²⁸ Оказавшись впервые в Сайгоне в начале ноября 1979 г., достаточно свободно владеющий французским и английским языками П.В.Познер был поражён тем, что почти все южане моложе сорока лет хоть как-то могут объясняться по-английски, но практически не знают французского языка.

²⁹ В числе этих учёных можно назвать таких исследователей Вьетнама, как П.-Б.Лафон, Ф.Лангле, Николь Луи-Энар, Жорж Кондоминас, Жорж Бударель, Клодин Салмон и К.У.Тэйлор, а также многих других.

Особо следует сказать о корреспондентке газеты «Вашингтон Пост» Дžoлен д’Орнано. Эта американская журналистка была замужем за директором Индокитайского банка в Сайгоне Пьером д’Орнано, а потому была вхожа в высшие круги европейской элиты в Южном Вьетнаме. Благодаря этому она имела доступ к эксклюзивной информации, позволявшей ей публиковать в различных газетах весьма интересные

аналитические статьи, из которых становится понятно, что на самом деле происходило в культурной жизни Республике Вьетнам.

Заключение

¹ О вьетнамо-китайском конфликте смотри в «Параграфе 2» «Главы I» «Части I» «Тома V».

² Вкратце сформулированная при президенте Дуайте Эйзенхауэре «теория домино» сводится к тому, что главный враг США, коммунизм, распространяется по планете в по принципу «домино», проявляясь в самых неожиданных местах.

³ В связи с этим хотелось бы высказать ещё одно соображение, которое очень многим специалистам и неспециалистам покажется не то что сомнительным, а просто крамольным.

Известно, что все колониальные державы стремились создать себе опору в среде местной элиты своих колоний. Соответственно в Магрибе арабская элита говорит на французском языке, точно так же как и элита ряда африканских стран, где французский язык стал языком межэтнического общения. То же самое можно сказать и об английском языке в Индии и Африке. Кроме того, есть государства, официальным языком которых является язык их бывших метрополий. Например, Англия и Новая Зеландия или французские заморские территории, ставшие полноправной частью французского государства, не говоря уже о Латинской Америке, где подавляющее большинство населения её государств говорит либо на испанском, либо на португальском языке.

Однако бывших колоний, в которых элита не говорила бы на языке метрополии, а подавляющее большинство населения вообще имело бы смутное представление об иностранных языках, но при этом культура их обществ могла бы в определённой степени ассоциироваться с культурой бывших метрополий, вообще не существует. Вернее, принято считать, что не существует. Однако представляется, что как из любого правила, из этого тоже существует исключение.

В главах «Части II» и «Части IV» «Том I» подробно рассматривалось, каким образом смешение автохтонного населения и миграционных волн с севера привело во II – VI вв. к появлению тех самых вьетнамцев, которых из-за внешнего культурного сходства с китайцами французы сначала называли сино-аннамитами. При этом подавляющее большинство даже образованных вьетнамцев не говорили по-китайски, а многие из тех культурных явлений, которые европейцы называют до сих пор «китайскими», они воспринимали как свои собственные в рамках единого конфуцианского культурного ареала (смотри «Параграф 3» «Главы I» «Части IV» «Том I»).

Представляется, что нечто похожее произошло в результате деятельности католических миссионеров и французской политики «ассимиляции» на протяжении XIX – 1-ой половины XX в. Во всяком случае, чувствующий французскую культуру на бытовом уровне человек при общении с рядовым вьетнамцем нередко ловит себя на мысли, что в реакции последнего есть что-то очень близкое к поведению обычного француза в аналогичной ситуации. Вероятно, поэтому в семьях бывших колонов до сих бытует ностальгия по Вьетнаму, существует столько смешанных франко-вьетнамских браков, а вьетнамская община во Франции чувствует себя весьма комфортно и не вызывает никакого раздражения у французов. По этой же причине характер первой Войны сопротивления, которая во многом напоминает войну между родственными кланами, ведущуюся с соблюдением «правил игры», принципиально отличается от войны на уничтожение против американской агрессии.

На вопрос, произошло ли это на самом деле, а если – да, то почему и каким образом, до проведения углублённого этно-культурологического исследования ответить не представляется возможным. Поэтому на сегодняшний день данное предположение остаётся гипотезой, которая основывается лишь на личном ощущении людей. Однако представляется, что она вполне имеет право на существование.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ
(фотографии, реконструкции, карты и схемы)

№	Стр.	%% стр.	Кол-во на стр.	Название
Титул тома				
1	1	20%	1	Черепаша со стелой (титул тома)
2	2	10%	2	Портреты на титул тома
3	3	70%	13	Портреты на титул тома
4	4	100%	1	Ступа заднего двора Пагоды Небесной наставницы. Хюэ, 01.04.2011 г.
Часть I				
Глава 1				
5	14	70%	1	Поль Думер (22.03.1857 – 07.05.1932).
6	19	80%	1	Фан Бой Тяу вместе с принцем Кыонг Де (справа). 1907 г.
7	24	100%	1	Император Свергнутой Нгуен Фук Хоанг Девиз правления «Сохранение обновления» (1907 – 1915 гг.).
8	30	80%	1	Фан Бой Тяу (26.12.1867 – 29.10.1940). Музей Истории Вьетнама. Ханой. 18.04.2011 г.
9	35	80%	1	Фан Тю Чинь (1872 -- 24.03.1926). Музей Истории Вьетнама. Ханой. 18.04.2011 г.
10	42	80%	1	Распространяющий [влияние] рода император Богатый Нгуен Фук Туан. Девиз правления «Начало определённости» (1916 – 1924 гг.)
11	56	95%	1	Губернатор провинции. Тонкин. Халонг, 1914 – 1915 гг. Musée Albert Kahn, №A005174
12	76	95%	1	Староста общины, курящий трубку с водяным фильтром во дворе дома. Тонкин, 1914 – 1915 гг. Musée Albert Kahn, №A00517
Глава 2				
13	86	90%	1	Буй Куанг Тиеу с детьми (Мадлен, Генриетта, Луи, Камилла и Элен). Фунюан, 1921 г.
14	101	80%	1	Нгуен Тхай Хок (1904 – 1930 гг.). Музей Истории Вьетнама. Ханой. 18.04.2011.
15	107	80%	2	Пресса: события в Нгетине 1930 – 1931 гг.
16	112	80%	1	Император Нгуен Винь Тхюи. Девиз

				правления «Охранение великого» (1925 – 1945 гг.)
17	129	95%	2	Уничтожение японцами Тихоокеанского флота США 07.12.1945 г. Пирл-Харбор до и после удара японской авиации и флота
18	131	50%	1	Генерал-губернатор Индокитая Жан Деку (в центре) и представители японского командования. Сайгон, 1940 г.
19	138	80%	1	Японцы на улицах Сайгона. Март 1945 г.
20	144	100%	1	Горный район на границе с Китаем близ деревни Пакбо общины Чыонгха уезда Хакуанг, где состоялся VIII пленум ЦК КПИК. Провинция Каобанг, 28.03.2011 г.
Глава 3				
21	155	85%	1	Выступление Хо Ши Мина на митинге. Ханой, 17.08.1945 г.
22	170	80%	1	7.4.46. Господину генералу Салану. С наилучшими пожеланиями. Хо Ши Мин
23	174	85%	1	Во Нгуен Зян (25.08.1911 г. – н/в).
24	178	45%	1	Возвращение легионеров в лагерь после очередной операции в предгорьях Северного Вьетнама. Апрель 1947 г.
25	186	40%	1	Генерал де Латтр де Тассиньи во Вьетнаме. 1951 г.
26	187	50%	1	Французский радист с носильщиком. Вьетнам, 1951 г.
27	191	100%	1	Схема. Сражение за Дьенбьенфу (13 марта 1954 г. – 7 мая 1954 г.)
28	193	70%	1	Фам Ван Донг (01.03.1906 – 29.04.2000 гг.).
29	196	95%	2	Река Бенхай. 31.03.2011 г. 1. За мостом – подконтрольная французам территория, на которой впоследствии американцами была создана Республика Вьетнам; 2. ДРВ: дом, в котором были подписаны документы о заключении мира
30	216	85%	1	Хо Ши Мин (19.05.1890 – 02.09.1969 гг.)
Часть II				
Глава I				
31	224	85%	1	Генерал Дуайт Эйзенхауэр. 34-ый президент США (20.01.1953 – 20.01.1961)

32	231	50%	1	Дуайт Эйзенхауэр, Аллен Уэлш Даллес и Нго Динь Зьем. 08.05.1957 г.
33	243	80%	1	Первый президент Республики Вьетнам Нго Динь Зьем (03.01.1901 – 02.11.1963 гг.).
34	248	80%	1	Генерал Чинь Минь Тхс. Конец 1954 или начало 1955 г.
35	259	40%	1	Хо Ши Мин и Ле Зуан. 1960 г.
36	266	40%	1	Самосожжение Тхить Куанг Дыка
37	267	45%	1	Машина, на которой Тхить Куанг Дык прибыл в Сайгон. Пагода Небесной Наставницы. Хюе, 01.04.2011 г.
38	268	75%	1	Мадам Нью. Сайгон, 1963 г.
39	270	30%	2	Роберт Макнамара и генерал Зыонг Ван Минь.
40	273	70%	1	35-ый президент США Джон Фицджеральд Кеннеди (20.01.1961 – 22.11.1963 гг.)
41	277	80%	1	Нгуен Као Ки. 1965 г.
42	279	70%	1	Генерал Уильям Ч.Вестморленд, командующий войсками США во Вьетнаме с 06.1964 г. по 06.1968 г.
Глава 2				
43	282	40%	1	Высадка американцев во Вьетнаме. Куангнгай, 1963 г. Фото Ф.Дж.Гриффитса [1068]
44	285	80%	1	36-ый президент США Линдон Б.Джонсон (22.11.1963 – 20.01.1969 гг.)
45	287	50%	1	Интересно, о чём думает этот солдат, который знает о гибели при взрыве подземного тоннеля прятавшихся в нём мужа этой женщины и других мужчин деревни, которая будет стёрта огнём тяжёлой артиллерии с лица земли вместе с женщинами и детьми после ухода американцев? Куангнгай, 1963 г. Фото Ф.Дж.Гриффитса [1068]
46	292	60%	1	МИГ 17 и F-4C Phantom в небе Вьетнама. 1965 г.
47	295	95%	2	Горный перевал на дороге из Хюе в Дананг. Центральный Вьетнам. 03.04.2011 г.
48	299	90%	1	Нгуен Ван Тхьеу на переговорах в Париже. 1969 г.

49	300	45%	1	Американские солдаты «Отряда “Зиппо”» за «работой». Провинция Тэйнинь, 1967 г. Музей Войны. Хошимин, 13.04.2011 г.
50	301	80%	1	Тэйнинь, 1967 г. Фото Ф.Дж.Гриффитса [1068]
51	303	65%	2	Удар по городам. Как в «вестерне», но только не в кино. Хюе. Январь 1968 г. Монтаж из фотографий Ф.Дж.Гриффитса [1068]
52	307	35%	1	Транспортный самолёт С-123 распыляет дефолиант «Оранжевый элемент» над джунглями в Южном Вьетнаме. Музей Войны. Хошимин, 13.04.2011 г.
53	308	35%	1	Мартин Лютер Кинг на митинге против войны во Вьетнаме. Филадельфия, 1967 г.
54	310	60%	1	Ле Дык Тхо (10.10.1911 – 13.10.1990 гг.).
55	312	60%	1	37-ой президент США Ричард М.Никсон (20.01.1969 – 09.08.1974 гг.)
56	316	100%	2	1.В-52 над Северным Вьетнамом. 2.ЗРК С-75, защищавшие стратегические объекты ДРВ от налётов.
57	317	70%	1	Вылет и посадка, между ними кассетные бомбы и напалм. Остальная жизнь на авианосце или в барах и ресторанах Сайгона. Главное – вернуться! Авианосец «Энтерпрайз», 1972 г. Фото Ф.Дж.Гриффитса [1068]
58	319	50%	2	Памятник советским воинам-интернационалистам. Нячанг, 08.04.2011 г.
59	323	70%	1	Ле Зуан (07.04.1907 – 10.07.1986 гг.).
60	326	50%	1	38-ой президент США Джеральд Р.Форд младший (09.08.1974 – 20.01.1977 гг.)
61	332	90%	1	Схема. Операция Тэйnguен
62	334	90%	1	Схема. Операция Дананг
63	335	95%	2	Укрепления на подступах к Данангу: 1.Общая схема и французский форт. 2.Американский ДОТ. Перевал Облаков, 03.04.2011 г.
64	338	60%	1	Победители: командовавший разгромом французов при Дьенбьенфу Во Нгуен Зяп и возглавлявший «Операцию Хо Ши Мин» Ван Тиен Зунг. Сайгон, апрель 1975 г.

65	339	85%	1	Схема. Операция Хо Ши Мин.
66	341	100%	2	1. Дворец Независимости – резиденция президентов Республики Вьетнам. 2. Танк Т54 №843 на стоянке в дворцовом парке. Хошимин, 13.04.2011 г.
67	343	50%	1	«Люди в лодках». Сайгон, апрель 1975 г. Фото из архива профессора П.-Б.Лафона
68	344	100%	1	Маленький вьетнамец в «обработанных» дефолиантами мангровых зарослях мыса Камау. Фото Горо Накамура 06.05.1976 г. Музей Войны. Хошимин, 14.04.2011 г.
69	345	100%	1	Арлингтонское кладбище. Вашингтон. Неужели история никого ничему не учит? Музей Войны. Хошимин, 14.04.2011 г.
70	348	80%	2	Американская техника. Музей Войны. Хошимин, 13.04.2011 г.
71	351	95%	2	1. Одна из многих братских могил на пути от 17-ой параллели до Сайгона. Куангнхай, 08.04.2911 г. 2. Роберт Макнамара и Во Нгуен Зяп. Ханой, 24.06.1997 г.
Часть III				
Глава I				
72	355	98%	2	Здание и операционный зал Индокитайского банка.
73	362	100%	1	Плантация гевей. На деревьях видны сосуды для сбора латекса. Тэйнинь, 09.04.2011 г.
74	371	85%	2	Рисовые поля. Южные провинции Центрального Вьетнама. 05.04.2011 г.
75	385	85%	2	Построенные французами оперные театры в Сайгоне и Ханое. 12.04 и 19.04.2011 г.
76	387	70%	1	Изделие вьетнамских ремесленников конца XIX – начала XX в. Парадное кресло (трон). Музей Истории Вьетнама. Ханой. 18.04.2011 г.
77	393	100%	1	Рыболовецкая деревня. Река Ароматная. 01.04.2011 г.
78	400	100%	1	Домашний ткацкий станок с красителями. Провинция Хоабинь. 17.04.2011 г.
79	412	98%	2	Дом вельможи рода Зыонг конца XIX – начала XX вв., г.Кантхо, район Биньтхюи, квартал Биньтхюи, ул.Буй Хью Нгиа, д.144. 10.04.2011 г.

80	427	85%	2	Овощная плантация и банановая пальма. Провинция Тиензянг. 11.04.2011 г.
81	431	95%	1	Кокосовая пальма. Провинция Тиензянг. 11.04.2011 г.
82	445	85%	2	Здания ратуши и почты (проект Жана Эйффеля). Сайгон. 13.04.2011 г.
Глава 2				
83	452	50%	1	Пересадка риса. Северный Вьетнам. Тхайнгуен. 28.03.2011 г.
84	458	50%	1	Овощные поля в предгорьях Каобанга. 28.03.2011 г.
85	460	50%	1	Трансформаторная подстанция на линии Уонгби – Хайфон. Фотография 1960 г.
86	472	100%	1	Сушка зерна на расстеленных по обочине дорог полосах материи. Тханьхоа. 05.04.2011 г.
87	480	100%	2	1.ТЭС в Уонгби. 31.03.2012 г. 2.Премьер-министр ДРВ Фам Ван Донг (второй справа) на открытии первой очереди ТЭС в Уонгби. Фотография 1960 г.
88	489	100%	1	Добыча песка открытым способом. Карьер в предгорьях Каобанга. 28.03.2011 г.
89	495	50%	1	Жители деревни на совместном обеде в общинном доме Биньхоа одноимённой общины уезда Зьонгчом провинции Бенче. 11.04.2011 г.
90	501	100%	1	Алтарь Хо Ши Мина. Общинный дом Биньтхюи, или «Поминальный храм Истоков Дракона [Императорской власти]» одноимённого квартала. Бенче. 10.04.2011 г.
Глава 3				
91	515	100%	2	1. Пахота под посев риса второго урожая. 2. Сбор риса первого урожая. Провинция Биньтхуан. 05.04.2011 г.
92	546	100%	2	1.Рыболовецкая джонка на реке Ароматной. 01.04.2011 г. 2.Ловля рыбы на морском побережье. Куангбинь. 31.03.2011 г.
93	564	100%	1	Брат и сестра. Деревня Батьмай общины Футы уезда Фухынг. Провинция Бенче. 11.04.2011 г.

Часть IV**Глава 1**

94	572	100%	1	Титульный лист газеты «Главные литературные новости Дайнама». Справа – второе название «Собрание основных актуальных новостей»
95	590	50%	1	Нят Линь. Сайгон, 1952 г.
96	605	50%	1	То Хью. Тэйнгун., 1997 г.
97	612	60%	1	Ван Као. Хайфон, 1991 г.
98	614	60%	1	Дао Зюи Ань. Вунгтау, 8-ое ноября 1975 г.

Глава 2

99	623	100%	1	Собор Св.Иосифа. Освящён в Рождество 1886 г. Ханой. 19.04.2011 г.
100	630	80%	1	Переводчик-католик Иосиф Лай с женой. Конец XIX в. Институт Истории. Ханой, 20.04.2011 г.
101	640	98%	2	Служба в соборе Св.Иосифа. Ханой, 19.04.2011 г.
102	646	100%	1	Собор Св.Иосифа, статуя Святого на фоне главного витража. Ханой, 19.04.2011 г.
103	653	80%	1	Отец Сикс (1825 – 1899 гг.). Создатель собора в Фатзиеме. Открытка из коллекции О.В.Новаковой
104	658	98%	2	1. Часовня Святого Сердца в Фатзиеме; 2. Главный храм Фатзиема, общий вид. Открытки из коллекции О.В.Новаковой
105	664	85%	1	Служба в соборе Фатзиема. Открытка из коллекции О.В.Новаковой
106	668	50%	1	Часовня Святого Роха. Фатзием. Открытка из коллекции О.В.Новаковой
107	672	100%	1	Статуя Девы Марии. Собор Сайгонской Богоматери. Хошимин, 13.04.2011 г.
108	679	100%	1	Архиепископ Ханойский Пьер Нгуен Ван Ньон. Ханой, 19.04.2011 г.

Глава 3

109	684	100%	1	Главная комната 1-го этажа дома-магазина, вместо внешней стены – вход. В глубине алтарь культа предков над телевизором и католические распятия на комод
110	685	100%	1	Она же – столовая. Смешение культов, быта и торговли никого не смущает. Частный дом, шоссе Хошимин – Тэйнинь, 09.04.2011 г.

111	693	50%	1	Своеобразный домашний алтарь Будде и духам-покровителям семьи с votивными подношениями и черепом для астрологических предсказаний, находящийся рядом с алтарём культа предков. Частный дом на обочине шоссе Хошимин – Тэйнинь, 09.04.2011 г.
112	700	60%	1	Хюинь Фу Шо
113	702	70%	1	Книга Медиумов. Париж, 1861 г.
114	705	100%	2	Вверху: первосвященники. Внизу: общая молитва. Главный храм религиозного центра Као Дай. Тэйнинь, 09.04.2011 г.
115	706	40%	1	Главный храм религиозного центра Као Дай в поселении Лаунгтхань. Тэйнинь, 09.04.2011 г.
116	707	100%	1	Основной портал Главного храма религиозного центра Као Дай. По центру вверху – всевидящее «Небесное Око». Тэйнинь, 09.04.2011 г.
117	749	40%	1	Ле Ван Миен «Комментарии к классическому литературному тексту»
118	758	70%	1	Виктор Тардье. Портрет молодого вьетнамца. Дата и название картины не известны
119	761	100%	1	Нам Шон. «Учёный-конфуцианец». Точная дата неизвестна.
120	774	90%	1	Фам Зюи и Джеймс Дарст на концерте в Сайгоне. 1974 г.
Комментарий				
121		33%	2	«Примечание 15» «Главы 2» «Части IV»

Фотографии №№ 10, 11.

© Musée départemental Albert KAHN, 14, rue du Port, 92100, Boulogne –Billancourt, France.

Фотографии №№ 43, 45, 50, 51, 57.

© Philip Jones Griffiths Foundation.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Титул</i>	с.	1-4
<i>Введение</i>	с.	5-10
<i>Часть I. Вьетнам эпохи колониальной зависимости и Демократической Республики Вьетнам</i>	с.	11-218
Глава 1. Вьетнам в составе Индокитайского союза в 1893 – 1929 гг.	с.	11-84
1. Вьетнам на рубеже веков (1893 – 1902 гг.)	с.	11-15
2. Зарождение вьетнамского буржуазного национально-освободительного движения	с.	15-50
2.1. Фан Бой Тяу и его роль в становлении буржуазного национально-освободительного движения	с.	16-31
2.2. Движение за социальные реформы в Тонкине и просветительская «Школа Восточной столицы»	с.	31-43
2.3. Колониальная политика и национально-освободительное движение в 1908 – 1911 гг.	с.	43-50
3. Французский Индокитай в годы Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.).	с.	50-55
4. Вьетнам в 1918 – 1929 гг.	с.	55-84
4.1. Колониальная политика в 1920 – 1924 гг.	с.	55-58
4.1.1. Колониальный административный аппарат. Политика реформ	с.	59-69
4.1.2. Вторая половина двадцатых годов XX в. Продолжение политики реформ	с.	69-84
Глава 2. Вьетнам до начала Второй мировой войны. Выдвижение коммунистов на передний план национально-освободительного движения в конце двадцатых – начале тридцатых годов XX в. Вторая мировая война и Августовская революция 1945 г.	с.	85-152
1. Либерально-реформаторское течение в первой половине двадцатых годов	с.	85-102
1.1. Левое крыло национально-освободительного движения в первой половине двадцатых годов	с.	92-95
1.2. Национально-революционные партии Вьетнама во второй половине двадцатых годов	с.	95-102
2. Вьетнам в годы мирового экономического кризиса 1929 – 1933 гг.	с.	102-117

2.1.	Зарождение коммунистического движения во Вьетнаме. Роль Коминтерна	с.	102-106
2.2.	Революционное движение 1930 – 1931 гг.	с.	106-109
2.3.	Спад революционного движения и рост реформизма	с.	109-114
2.4.	Положение КПИК в начале тридцатых годов	с.	114-117
3.	Вьетнам перед Второй мировой войной	с.	117-127
3.1.	Приход к власти во Франции правительства Народного фронта и либерализация общественной жизни во Вьетнаме	с.	117-121
3.2.	Политика КПИК в новых условиях. Борьба за создание Демократического фронта	с.	121-127
4.	Вьетнам во время Второй мировой войны	с.	128-152
4.1.	Японская оккупация Индокитая	с.	128-131
4.2.	Политика администрации Деку в годы японской оккупации	с.	131-134
4.3.	Тактика Японии. Вьетнамские прояпонские националистические организации. Японский военно-политический переворот весны – лета 1945 г.	с.	134-141
4.4.	Политика КПИК в годы Второй мировой войны. Образование Лиги независимости Вьетнама (лиги Вьетминь). Создание освобождённых районов и Августовская революция	с.	141-152
Глава 3. Демократическая Республика Вьетнам в 1945 – 1975 гг.			с. 153-218
1.	ДРВ до начала войны Сопrotивления против Франции	с.	153-173
1.1.	Начальный этап: от Временного революционного правительства к первой Конституции ДРВ	с.	153-167
1.2.	Попытка мирного решения вопроса о признании ДРВ. Переговоры в Париже 1946 г.	с.	167-173
2.	Первая война Сопrotивления (декабрь 1946 – июль 1954 г.)	с.	173-197
2.1.	Первый этап (декабрь 1946 – 1947 г.)	с.	173-179
2.2.	Второй этап (1948 – 1950 гг.)	с.	180-184
	2.2.1. Укрепление организационной народной власти		180-182
	2.2.2. Создание профранцузского правительства на юге Вьетнама в 1948 – 1949 гг. и провал осенне-зимнего наступления интервентов	с.	182-184
2.3.	Третий этап (1950 – 1954 гг.)	с.	184-193

2.3.1. Перелом 1950 – 1952 гг.	с.	184-188
2.3.2. Заключительный этап войны Сопrotивления и сражение при Дьенбьенфу (1953 – 1954 гг.)	с.	188-193
2.4. Женевские соглашения 1954 г. по Индокитаю	с.	193-197
3. Преобразование КПИК в ПТВ, ДРВ в условиях мира после Женевских соглашений	с.	197-218
<i>Часть II. Республика Вьетнам 1954 - 1975 гг.</i>	с.	219-352
Глава 1. Срыв Женевских соглашений 1954 г. Первый президент Республики Вьетнам Нго Динь Зьем (1955 – 1964 гг.)	с.	219-280
1. Южный Вьетнам до начала активной фазы борьбы с американской агрессией	с.	219-257
1.1. Немного теории национально-освободительной борьбы на примере Вьетнама	с.	219-223
1.2. Срыв Женевских соглашений и создание Республики Вьетнам	с.	223-257
1.2.1. Женевские соглашения в свете международной обстановки второй половины пятидесятих годов XX в.	с.	223-229
1.2.2. Срыв выполнения Женевских соглашений	с.	229-233
1.2.3. Нго Динь Зьем: краткая биография, личность и мировоззрение	с.	233-246
1.2.4. Сайгонский кризис января – мая 1955 г. и его последствия	с.	246-252
1.2.5. Репрессии Сайгонского режима второй половины пятидесятих годов XX в.	с.	252-257
2. Первый этап национально-освободительной борьбы 1957 – 1964 гг.	с.	257-280
2.1. Партизанская война в 1957 - 1960 гг.	с.	257-260
2.2. Национальный Фронт освобождения Южного Вьетнама и партизанская война 1960 – 1964 гг.	с.	260-265
2.3. Конец Нго Динь Зьема и политический кризис Сайгонского режима 1963 – 1965 гг.	с.	265-280
Глава 2. Прямое участие США в наземных военных операциях на территории Республики Вьетнам в 1965 – 1972 гг. при президенте Нгуен Ван Тхиеу. Парижские соглашения 1973 г. и падение сайгонского режима в 1975 г.	с.	281-352
1. От «Игры с ограниченным риском» до «Специальной войны» США, «Тонкинский инцидент»	с.	281-291

2.	Эскалация войны в Южном Вьетнаме и бомбардировки американской авиацией городов ДРВ	с.	291-298
3.	Республика Вьетнам и президент Нгуен Ван Тхиеу в 1965 – 1975 гг.	с.	298-320
3.1.	Новая фаза национально-освободительной войны в Южном Вьетнаме (1965 – 1968 гг.)	с.	298-304
3.2.	Война во Вьетнаме и мировое общественное мнение	с.	304-309
3.3.	Дэскалация войны и переговоры в Париже	с.	309-320
4.	Парижские соглашения и завершающий этап войны с США (1973 - 1975 гг.)	с.	321-347
4.1.	Парижские соглашения по Вьетнаму 1973 г.	с.	321-328
4.1.1.	Политическая и дипломатическая победа Вьетнама	с.	321-323
4.1.2.	Ситуация в Южном Вьетнаме после Парижских соглашений	с.	324-328
4.2.	Парижские соглашения по Вьетнаму 1973 г.	с.	328-347
4.2.1.	Операция Тэйнгвен	с.	331-333
4.2.2.	Операция Дананг	с.	333-337
4.2.3.	Операция Хо Ши Мин	с.	337-347
5.	Международное значение и уроки войны во Вьетнаме	с.	347-352
	<i>Часть III. Экономическое развитие Вьетнама в 1893 – 1975 гг.</i>	с.	353-566
	<i>Глава 1. Социально-экономическое развитие Вьетнама в составе Индокитайского союза (1893 – 1945 гг.) и в эпоху Первой войны Сопrotивления до заключения Женевских соглашений (1946 – 1954 гг.)</i>	с.	353-450
1.	Социально-экономическое развитие Вьетнама в составе Французского Индокитая до начала Первой мировой войны	с.	353-388
1.1.	Первые шаги французского капитала во Вьетнаме	с.	353-356
1.2.	Французский капитал во Вьетнаме в 1888 – 1918 гг.	с.	356-369
1.3.	Первый этап формирования современной социальной структуры вьетнамского общества	с.	369-388
1.3.1.	Начальный этап формирования национальной буржуазии	с.	369-379
1.3.2.	Начальный этап формирования промышленного пролетариата	с.	379-388

2.	Социально-экономическое развитие Вьетнама в составе Французского Индокитая в 1914 – 1954 гг.	с.	388-447
2.1.	Экономическое развитие Вьетнама и социальные сдвиги в его обществе до 1930 г.	с.	388-403
2.1.1.	Вьетнамская экономика в условиях экспансии французского капитала после Первой мировой войны	с.	388-391
2.1.2.	Структура капитальных вложений в экономику Вьетнама в 1921 – 1931 гг.	с.	391-396
2.1.3.	Социальная структура вьетнамского общества в двадцатые годы XX в.	с.	396-403
2.2.	Экономика Вьетнама в 1930 – 1954 гг.	с.	403-447
2.2.1.	Вьетнамская экономика в годы мирового экономического кризиса	с.	403-414
2.2.2.	Вьетнамская экономика в 1934 – 1954 гг.	с.	414-447
	А. Посткризисный экономический подъем	с.	414-426
	Б. Вьетнамская экономика в годы Второй мировой войны	с.	426-434
	В. Экономика ДРВ в 1945 – 1954 гг.	с.	434-447
3.	К вопросу о некоторых специфических особенностях структуры вьетнамского общества в 1893 – 1954 г.	с.	447-450
Глава 2. Экономика Демократической Республики Вьетнам в 1954 – 1975 гг.		с.	451-502
1.	Экономическое развитие ДРВ в 1954 – 1965 гг.	с.	451-469
1.1.	Основные этапы экономического развития	с.	451-458
1.2.	Развитие отдельных отраслей народного хозяйства	с.	459-464
1.3.	Торговля	с.	464-469
	1.3.1. Внутренняя торговля	с.	464-465
	1.3.2. Внешнеэкономические связи, торговля, финансы и кредиты	с.	465-469
2.	Экономика ДРВ в 1965 – 1975 гг.	с.	469-490
2.1.	Экономическая политика ПТВ и правительства ДРВ в 1965 – 1968 гг.	с.	469-478
	2.1.1. Сельское хозяйство	с.	471-474
	2.1.2. Промышленное производство	с.	474-476
	2.1.3. Транспорт и внутренняя торговля	с.	476-478
2.2.	Экономическое положение ДРВ в 1969 – 1975 гг.	с.	478-490
3.	Внешнеэкономические связи ДРВ в 1965 – 1975 гг.	с.	490-502
3.1.	Сотрудничество с социалистическими странами	с.	490-495
3.2.	Торговые и финансовые связи с капиталистическими странами	с.	495-497
3.3.	Военно-техническая помощь в войне с США	с.	497-502

Глава 3. Экономика Южного Вьетнама в 1954 – 1975 гг.	с.	503-566
1. Экономика в зоне контроля сайгонских властей	с.	503-559
1.1. Участие США в финансировании войны и развитии экономики	с.	503-513
1.1.1. «Связанная помощь»	с.	505-510
1.1.2. Прямая «техническая помощь»	с.	510-513
1.2. Отраслевая структура	с.	513-533
1.2.1. Аграрные отношения и сельское хозяйство	с.	513-519
1.2.2. Положение в промышленности	с.	519-530
1.2.3. Стратегическое строительство, транспорт и связь	с.	530-533
1.3. Внутренняя и внешняя торговля	с.	534-542
1.3.1. Внутренняя торговля	с.	534-536
1.3.2. Внешняя торговля	с.	536-542
1.4. Финансовая структура Республики Вьетнам	с.	542-553
1.4.1. Иностраннный капитал	с.	542-546
1.4.2. Бюджет и финансово-кредитная система	с.	547-553
1.5. Социальные сдвиги	с.	553-559
2. Экономика освобождённых районов Южного Вьетнама	с.	559-566
<i>Часть IV. Культура Вьетнама в 1893 – 1975 гг.</i>	с.	567-776
Глава 1. Вьетнамская литература от создания Индокитайского союза до объединения страны в 1975 г.	с.	567-620
1. Переходный период в развитии вьетнамской литературы конца XIX – 1-ой трети XX в.	с.	567-587
2. Вьетнамская литература с начала тридцатых годов XX в. до конца Второй мировой войны	с.	587-603
3. Вьетнамская литература в 1946 – 1975 гг.	с.	603-620
3.1. Ситуация в 1946 – 1954 гг.	с.	603-606
3.2. Литература ДРВ в 1954 – 1975 г.	с.	606-614
3.3. Литературные процессы в Южном Вьетнаме в 1954 – 1975 гг.	с.	614-620
Глава 2. Католицизм во Вьетнаме с начала XVII – до последней трети XX в.	с.	621-680
1. Начальный этап распространения христианства	с.	621-630
2. Христианство во Вьетнаме в XIX в.	с.	631-670
2.1. Христианство во Вьетнаме во время правления императора Старшего предка (1802 – 1820 гг.)	с.	631-639
2.2. Положение вьетнамских католических общин на протяжении первой части правления императора Совершенного предка (1821 – 1832 гг.)	с.	639-644

2.3.	Положение вьетнамских католических общин на протяжении второй части правления императора Совершенного предка (1833 – 1840 гг.)	с.	645-654
2.4.	Положение католических общин во Вьетнаме во время правления императора Предка наставника (1841 – 1847 гг.)	с.	654-660
2.5.	Положение католических общин во Вьетнаме во время правления императора Поддерживающего род (1847 – 1883 гг.)	с.	660-670
3.	Католическая церковь в эпоху Индокитайского союза и во время раздела страны по 17-ой параллели на Демократическую Республику Вьетнам и Республику Вьетнам	с.	670-674
4.	Роль и место монашеского ордена во вьетнамской католической церкви	с.	674-680
Глава 3. Традиционные и новые вьетнамские религии. Европейское образование, наука и культура во Вьетнаме			с. 681-776
1.	Традиционные и новые вьетнамские религии	с.	682-709
1.1.	Культ предков и другие культы «народного даосизма»	с.	682-686
1.2.	Буддизм	с.	686-694
1.3.	Специфические вьетнамские религиозные учения XX в.	с.	694-
1.3.1.	ОПГ Бинь-сюен	с.	694-697
1.3.2.	Буддизм Хоа-хао	с.	697-701
1.3.3.	Религиозное учение Као Дай	с.	701-709
2.	Распространение и развитие европейского образования и науки во Вьетнаме в 1893 – 1975 гг.	с.	709-745
2.1.	Политика французской администрации в Индокитае в области образования в конце XIX – начале XX в.	с.	709-730
2.1.1.	Начальное образование 1858 – 1905 гг.	с.	710-713
2.1.2.	Реформа начального образования при генерал-губернаторе Поле Бо	с.	713-720
2.1.3.	Начальное образование в 1917 – 1945 гг.	с.	720-730
2.2.	Создание системы среднего и среднего специального образования в 1858 – 1945 гг.	с.	730-735
2.3.	Основные проблемы развития высшего образования в 1907 – 1945 гг.	с.	735-737
2.4.	Европейская наука во Вьетнаме в 1893 – 1945 гг.	с.	737-738
2.5.	Средства массовой информации до Августовской революции 1945 г.	с.	738-745

3. Европейская культура во Вьетнаме 1-ой половины XX в.	с.	745-770
3.1. Знакомство европейцев с традиционным вьетнамским искусством	с.	746-748
3.2. Первые вьетнамские художники новой формации	с.	748-751
3.3. Архитектура как авангард европейского культурного влияния во Вьетнаме	с.	751-753
3.4. Профессиональные и художественные школы	с.	753-756
3.5. Высшая школа изящных искусств Индокитая	с.	757-765
3.6. Распространение европейской музыки во Вьетнаме	с.	765-770
4. Культура Республики Вьетнам в 1954 – 1975 гг.	с.	770-776
<i>Заключение</i>	с.	777-780
<i>Комментарий</i>	с.	781-828
Введение	с.	781
Часть I	с.	781-799
Глава 1	с.	781-789
Глава 2	с.	790-791
Глава 3	с.	791-799
Часть II	с.	798-805
Глава 1	с.	798-802
Глава 2	с.	802-805
Часть III	с.	805-815
Глава 1	с.	805-808
Глава 2	с.	808-810
Глава 3	с.	810-814
Часть IV	с.	814-827
Глава 1	с.	814-817
Глава 2	с.	817-821
Глава 3	с.	821-827
Заключение	с.	827-828
<i>Список иллюстраций</i>	с.	829-836
<i>Оглавление</i>	с.	837-844

УДК 93/94

ББК 63.3(3)

П 47

ISBN 978-5-4431-0052-4

ISBN 978-5-4431-0056-2

ПОЛНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВЬЕТНАМА

Том IV

Новейшее время. Часть I (1897 – 1975 гг.)

Редакторы тома

Docteur d'Etat es-Lettres et Sciences humaines Nguyễn Thế Anh.

Кандидат исторических наук О.В.НОВАКОВА

Авторы

Л.А.АНОСОВА: Часть III Глава 1, Глава 2.

С.А.БЛАГОВ: Часть II Глава 1; Часть IV Глава 3.

Г.М.ЛОКШИН: Часть II Глава 1, Глава 2.

Е.В.КОБЕЛЕВ: Часть I Глава 2.

Louis-Hénard Nicole: Часть IV Глава 1.

В.М.МАЗЫРИН: Часть III Глава 3.

Nguyễn Thế Anh: Часть IV Глава 1, Глава 3.

О.В.НОВАКОВА: Введение; Часть I Глава 1, Глава 2; Часть IV Глава 2; Заключение.

П.В.ПОЗНЕР: Введение; Заключение.

А.А.СОКОЛОВ: Часть IV, Глава 3.

М.А.СЮННЕРБЕРГ: Часть II Глава 1.

Т.Н.ФИЛИМОНОВА: Часть IV Глава 1.

П.Ю.ЦВЕТОВ: Часть I Глава 3.

© В.В.Познер, 2014

© П.В.Познер, 2014

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «Авторская книга»